

ПОЛ
КАРТЛЕДЖ

СПАРТАНЦЫ

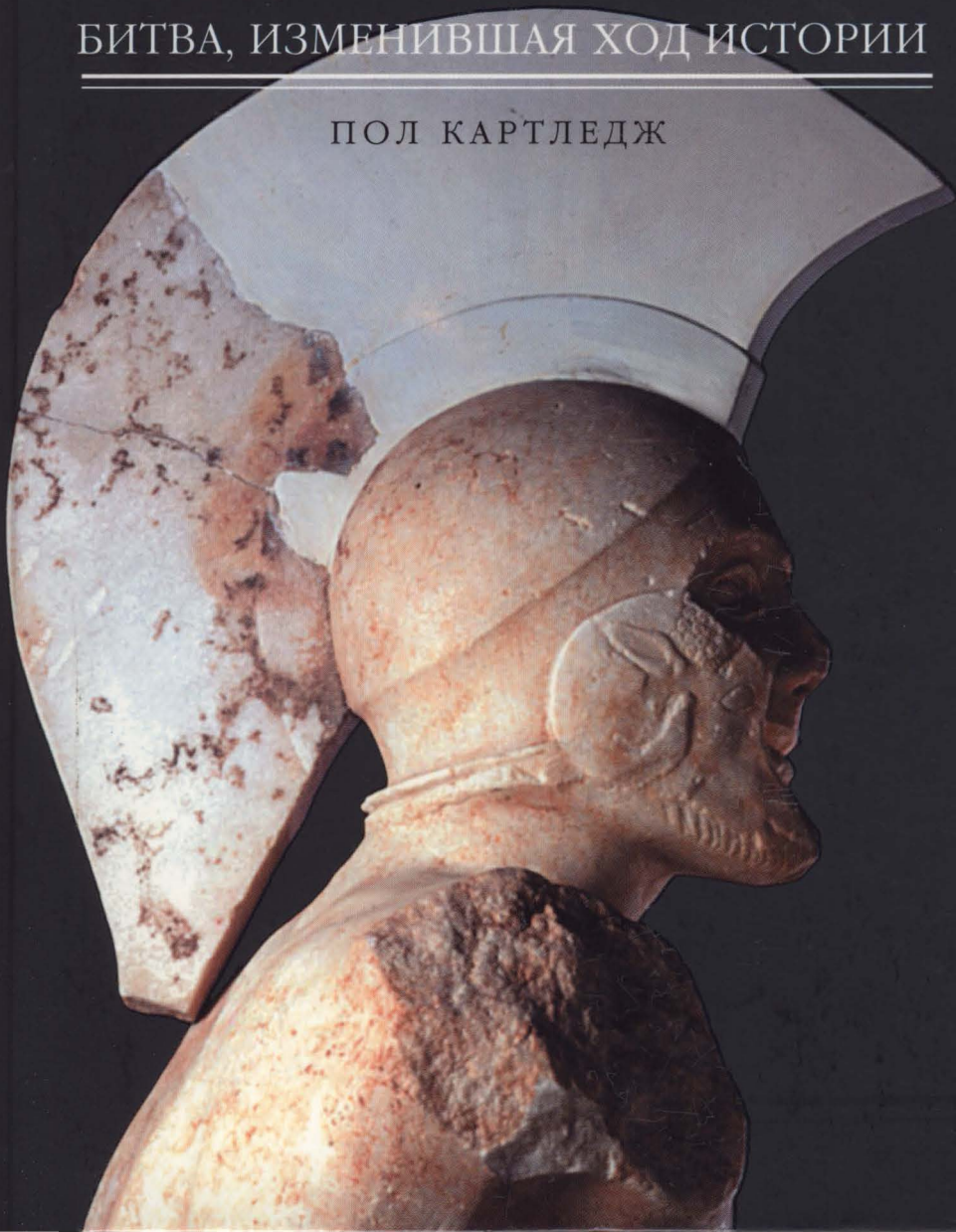
ГЕРОИ, ИЗМЕНИВШИЕ ХОД ИСТОРИИ

ФЕРМОПЫЛЫ

БИТВА, ИЗМЕНИВШАЯ ХОД ИСТОРИИ

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

СПАРТАНЦЫ
ФЕРМОПЫЛЫ

ЭКМО

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

СПАРТАНЦЫ

ГЕРОИ, ИЗМЕНИВШИЕ ХОД ИСТОРИИ

ФЕРМОПИЛЫ

БИТВА, ИЗМЕНИВШАЯ ХОД ИСТОРИИ

ЭКСМО

Москва

2009

УДК 355/359
ББК 68
К 27

Paul Cartledge
THE SPARTANS. THE WORLD
OF THE WARRIOR-HEROES OF ANCIENT GREECE.
THERMOPYLAE. THE BATTLE THAT CHANGED THE WORLD

Перевод с английского *О. Шмелевой*

Оформление художника *Е. Савченко*

Картледж П.

К 27 Спартанцы : Герои, изменившие ход истории ; Фермопилы :
Битва, изменившая ход истории / Пол Картледж ; [пер. с англ.
О. Шмелевой]. — М. : Эксмо, 2009. — 528 с. : ил.

ISBN 978-5-699-37971-2

Спартанцы были уникальным в истории военизированным обществом граждан-воинов и прославились своим чувством долга, готовностью к самопожертвованию и исключительной стойкостью в бою. Их отвага и немногословность сделали их героями бессмертных преданий.

В книге, написанной одним из ведущих специалистов по истории Спарты, британским историком Полом Картледжем, показано становление, расцвет и упадок спартанского общества и то огромное влияние, которое спартанцы оказали не только на Античные времена, но и на наше время. На страницах книги ожидают такие исторические фигуры, как Ликург и герой Фермопил царь Леонид.

Автор сумел доказать, что спартанские женщины играли очень важную и яркую роль и имели большое влияние в этом, казалось бы, чисто мужском сообществе.

Мы включили в наше издание также и книгу Пола Картледжа, посвященную легендарному сражению при Фермопилах. На этом поле знаменитой битвы героические усилия горстки греческих воинов на века изменили представления сотен поколений о долге гражданина и солдата.

Битва при Фермопилах стала столкновением цивилизаций и поворотным пунктом мировой истории, навсегда определившим самобытность западного мира.

УДК 355/359
ББК 68

The Spartans
© 2002, 2003 by Paul Cartledge
Thermopylae
© 2006 by Paul Cartledge
© О. Шмелева, перевод, 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», издание
на русском языке, 2009

ISBN 978-5-699-37971-2

Авторитет Пола Картледжа в области античных исследований и древней истории давно подкрепляется его особым интересом к Спарте и спартанцам. Он профессор греческой истории и бывший глава факультета античности в Кембриджском университете. За прошедшие тридцать лет он написал и издал двадцать книг включая *Заметки о Спарте, Спарта и Лакония, Эллинская и Римская Спарта, Греки: автопортрет и портреты.*

СПАРТАНЦЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Какими были древние спартанцы и почему мы должны ими интересоваться? События 11 сентября 2001 г. заставили многих из нас вновь задуматься о том, что отличает нашу западную цивилизацию, ее ценности и культуру, чем она особенно привлекает или, по крайней мере, что ее оправдывает. Некоторые из нас громко спрашивают, оправдывает ли любое определение этой цивилизации и ее культурных ценностей нашу гибель или, может быть, даже убийство ради них. Те из нас, кто занимаются историей Древней Греции, этим особенно интересуются, так как мир Древней Греции — это один из основных истоков западной цивилизации. Как замечает Дж. С. Милл, битва при Марафоне, происходившая в 490 г. до н.э. между афинянами, которых поддерживали Платеи, и персидскими захватчиками, рассматриваемая даже в качестве факта английской истории, имела гораздо большее значение, чем битва при Гастингсе.

Такой же, вероятно, была и битва при Фермопилах десятью годами позднее. Это было поражение маленькой греческой армии, возглавляемой спартанцами, от персидской армии и других захватчиков, обладавших подавляющим превосходством, однако это сражение дало надежду на приход лучших времен, и его культурное значение не поддается оценке. В самом деле, можно сказать, что Фермопилы были самым прекрасным мгновением Спарты.

Таким образом, одна немаловажная причина, по которой мы сегодня интересуемся тем, какими были спартанцы, заключается в том, что они играли ключевую роль в защите Греции и, следовательно, защите от чужеродного и чужеземного завоевания той

формы культуры и цивилизации, которая составляет один из основных источников нашей западной цивилизации.

Как я писал, научный и общественный интерес к обществу и цивилизации древних спартанцев заметно усилился: сделано два телевизионных многосерийных фильма, кроме ленты для PBS, еще и четырехсерийный фильм, передававшийся на историческом канале одновременно в более чем пятидесяти странах, снят голливудский кинофильм, основанный на недавнем историческом романе «Огненные врата» Стивена Прессфилда, организовано не менее трех международных научных семинаров, один из которых проходил в Шотландии, два других в современной Спарте. Один из них был устроен греческими учеными совместно с членами работающей там Греческой археологической службы (чья многолетняя помощь бесценна), а второй — Британской школой в Афинах (которая занимается исследованиями в Спарте и о Спарте начиная с 1906 г. и в настоящее время изыскивает средства для создания в городе исследовательского центра). Что еще остается сказать по поводу тех особенностей, которые привлекают внимание к древней Спарте средства массовой информации и всех остальных?

Это книга пытается дать ответ на этот сложный вопрос. Это моя по-настоящему первая книга для широкого читателя, посвященная спартанцам, и за возможность это сделать я в первую очередь должен поблагодарить моего коллегу, духовно близкого мне человека Беттани Хьюз. Мне довелось прочитать ее статью в еженедельном журнале и узнать, что Спарта является объектом ее нынешнего интереса. С тех пор я открыл, что мы разделяем страстный интерес не только к спартанской истории в частности, но также и к распространению исторических знаний среди широкой публики.

Я бы хотел также поблагодарить моего эксперта и благожелательного агента Джулиана Александера, издателей двух публикаций Грега Нила и его помощника Пола Лея из *Исторического журнала* BBC и Питера Фуртадо из журнала *История сегодня*, которые являют собой важный канал для распространения общедоступной или популярной истории того типа, которую я пытаюсь здесь представить. Я чрезвычайно им благодарен за публикацию моих (и Беттани Хьюз) материалов, имеющих отношение к нынешнему проекту. Я также благодарю Эдмонда Кили за разрешение проци-

СПАРТАНЦЫ

тировать принадлежащий ему и покойному Филиппу Шерарду перевод «Фермопил» Кавафи.

Первое издание этой книги посвящено моему другу и коллеге доктору Энтону Пауэллу. Я пользуюсь возможностью, чтобы посвятить новое издание другому моему другу и коллеге, профессору Барри Строссу из Корнельского университета. Он находит, что трудно разделить мой энтузиазм к спартанской истории, не говоря уже о проявлении симпатии к образу жизни древних спартанцев, но в течение многих лет им, как автором книг и статей для образованного широкого читателя и соавтором повсеместно читаемой в Северной Америке исторической книги для юношества, также руководит интерес к общению с широкой публикой. Разумеется, его никак не дискредитируют оставшиеся в моей работе возможные неточности или неудачные выражения, но я надеюсь, что он не будет очень сильно разочарован, обнаружив, что эта книга посвящена ему.

ХРОНОЛОГИЯ

(все даты указаны до н.э.; все даты до 525 г.
и некоторые более поздние указаны приблизительно)

2000—1600	Эпоха Средней бронзы
1600—1100	Эпоха Поздней бронзы (или Микенская эпоха)
1200	Гибель царства Лакедемон эпохи Бронзы
1000	Дорийские поселения в Спарте и Лаконии
800	Расширение Спарты и включение в нее Амикл
776	Учреждение Олимпийских игр (традиционная датировка)
735	Вторжение спартанцев в Мессению: Первая Мессенская война
720	Приход к власти Феопомпа
706	Основание Спартой Тарента (греческого Тараса, современного Тарента)
700	Первый храм Орфии, закладка святилища Менелая, приход к власти Полидора
680	Приход к власти царя Фидона из Аргоса
676	Учреждения Карнейского праздника (традиционная датировка)
675	Смерть Феопомпа
670	Восстание мессенских илотов: начало Второй Мессенской войны, <i>floruit</i> Тиртея
669	Битва при Гисиях
665	Смерть Полидора
650	Реформы, приписываемые Ликургу
560	Приход к власти лидийского царя Креза
556	Эфор Хилон
550	Союз Спарты с Тегеей, Гитиад украшает Медный дом Афины, Бафикл сооружает трон Аполлона Гиакинта в Амиклах

СПАРТАНЦЫ

- 550 Основание Персидской империи Киром II Великим
- 546 Переход Сардов и царства Креза к Персии
- 545 Битва Воинов (в Фиреатиде)
- 525 Спарта устраняет Поликрата, Самосского тирана
- 520 Приход к власти Клеомена I
- 519 Клеомен в Беотии
- 515 Приход к власти Демарата, миссия Меандрия Самосского
- 512 Неудачная экспедиция Анхимолия в Афины
- 510 Клеомен устраняет Гиппия, афинского тирана
- 508 Второе вторжение Клеомена в Афины
- 507 Реформы Клисфена, основателя афинской демократии
- 506 Вторжение Спарты и соратников по Пелопоннесскому союзу в Аттику
- 499 Посольство Аристагора Милетского, начало Ионийского восстания
- 494 Битва при Сепии, конец Ионийского восстания
- 491 Свержение Демарата, приход к власти Леотихида II
- 490 Марафонское сражение
- 490 Смерть Клеомена, приход к власти Леонида I
- 480 Битва при Фермопилах
- 479 Битва при Платеях
- начало 70-х гг. V в. Персидский портик (Стоа) в Спарте
- 478 Спарта отзывает регента Павсания, выходит из антиперсидского союза, Афины основывают антиперсидский Делийский союз
- 478 Изгнание Леотихида II
- 469 Смерть регента Павсания и Леотихида II, приход к власти Архидама II
- 464 Крупное землетрясение в Спарте
- 464—460? Восстание илотов (Третья Мессенская война)
- 461 Перикл занимает важное положение в Афинах
- 457 Битва при Танагре
- 445 Тридцатилетний мир с Афинским союзом
- 431 Начало Пелопоннесской войны
- 427 Смерть Архидама II, вступление на престол Агиса II
- 425 Капитуляция на Сфактерии
- 421 Никиев мир

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

- 418 Битва (первая) при Мантинее
413 Захват Деклеи
412 Союз с Персией
409 Приход к власти Павсания
404 Победа Спарты в Пелопоннесской войне
401 Мятеж «Десятитысячной» армии греческих наемников, поддержавших Кира-младшего, претендента на трон
400 Приход к власти Агесилая II
399 Присоединение остатков «Десяти тысяч» к спартанским антиперсидским силам в Азии
395 Свержение и изгнание Павсания, приход к власти Агесиполя I, начало Коринфской войны
386 Царский мир/Анталкидов мир, завершение Коринфской войны
382 Захват спартамцами Фив
380 Смерть Агесиполя I, приход к власти Клеомброта I
379/8 Освобождение Фив
378 Основание Второго Афинского союза, основание (второй) Беотийской конфедерации, создание фиванского Священного отряда
371 Битва при Левктрах, смерть Клеомброта I
370/69 Вторжение в Лаконию Эпаминонда, освобождение мессенских илотов, основание Мессены
368 Основание Мегалополя
366 Переход на сторону противника большинства Пелопоннесских союзников
362 Битва (вторая) при Мантинее, смерть Эпаминонда
360 Смерть Агесилая II, приход к власти Архидама III
338 Смерть Архидама III
331 «Война мышей», смерть Агиса III
309 Смерть Клеомена II, приход к власти Арея I
294 Поражение Архидама IV от Деметрия Полиоркета при Мантинее
254 Приход к власти Леонида II
244 Приход к власти Агиса IV; попытка социальных и экономических реформ
241 Смерть Агиса IV
236 Приход к власти Клеомена III

СПАРТАНЦЫ

- 227 Проведение политических, социальных, экономических и военных реформ Клеоменом
- 227 Вступление на трон Эврипontiдов Евклида из рода Агиадов, брата Клеомена III, завершает традиционное двойное царствование
- 222 Битва при Селассии; впервые в истории Спарта захвачена Антигоном III Досоном, царем Македонии
- 219 Смерть Клеомена III в Александрии
- 207 Поражение при Мантинее, гибель 4000 спартанцев; власть захватывает Набис
- 195 Рим облагает поселение налогом; Спарта утрачивает остатки лаконских периеков
- 192 Смерть Набиса, Спарта под властью Ахейского союза
- 188 Новое вторжение Филопемена в Спарту
- 146 Победа Рима над Ахейским союзом и установление протектората в Греции, разрушение Коринфа
- 79—7 Визит Цицерона в Спарту
- 42 Гибель 2000 спартанцев в битве при Филиппах
- 40 Спарта предоставляет убежище Ливии (будущей жене Августа)
- 32 Спарта встает на сторону Октавиана (будущего Августа) против Антония
- 27 Август de facto становится первым римским императором
- 21 Визит Августа в Спарту, он останавливается у местного правителя Эврикла
- 2 Объединение к этому времени бывших периеков в Элевтерийско-лаконский союз
- 14 г. н.э. Смерть Августа

ВСТУПЛЕНИЕ

Основное внимание в *Спартанцах* уделяется периоду между 480 и 360 гг. до н.э., т.е. периоду классической эпохи греческой истории, начиная со времени, когда Спарта во главе нового Пелопоннесского союза повела верных греков на защиту своего отечества от многочисленных персидских захватчиков и вплоть до кризиса спартанского общества и коллапса великой греческой державы тремя или четырьмя поколениями позже. В пределах этого периода мы проследим историю возникновения разногласий Спарты с пелопоннесскими союзниками, расскажем о крупной катастрофе в результате сильного землетрясения и о последовавшем за ним продолжительном и потенциально опасном восстании рабов-ило-тов, о возросших противоречиях, а затем и военной конфронтации между Спартой и Афинами и переходе власти к Афинам как великой державе Эгейского греческого мира и затем жестокой и, наконец, последней напряженности.

Изложение будет перемежаться краткими биографиями, оттеняющими основной текст, что одновременно позволит придать живость и жизненность истории прошлого, а также выявит и проиллюстрирует основные исторические темы и процессы. Чтобы поместить в рамки контекста период с 480 по 360 год, прежде всего мы опишем образование государства Спарта в ранний исторический период Греции, и особенно в VII—VI вв., и одновременно оглянемся назад в предысторию района Лаконии, куда определенно следует поместить всю историю Спарты. Затем, чтобы проиллюстрировать глубину падения Спарты после ее могущества и благоденствия, история будет продолжена вплоть до неэффективного сопротивления, оказанного Спартой могуществу Александра

Великого, и ее более удачного решения встать на сторону будущего римского императора Августа.

Помимо хронологического описания, существует не менее впечатляющая и важная сторона спартанской истории, которая в целом может быть названа спартанским мифом. Спарта крайне затянула период исключительного успеха и как общество, и как великое государство, естественно привлекая необычное внимание со стороны внешних наблюдателей, часто восхищенное, а иногда глубоко критичное. Несмотря на конечный упадок, катастрофу и коллапс реальной власти, ее влияние на греков, не являвшихся уроженцами Спарты, и иностранных иммигрантов росло, продолжает расти даже в настоящее время, став даже еще более сильным и более сложным. Оно началось с учеников Сократа — Крития и Платона (родственника Крития) в конце V и в IV вв. до н.э. и длилось почти без перерыва, оставив единственный просвет для римлян, которым нравилось думать, что они генетически связаны со спартаканцами. Затем это влияние испытали мыслители Возрождения и ранние философы нового времени, такие как Моор, Макиавелли и Руссо, которые восхищались изумительной политической стабильностью и порядком, и, наконец, нацисты XX столетия н.э., как и те, кто в настоящее время считает себя их современными последователями. Глубоко ксенофобские спартаканцы в древности вызывали интерес, считались экстремистами, и даже «пришельцами», как, возможно, мы оценили бы их в настоящее время.

Спарта была изначально утопией (Томас Мор, который придумал слово «утопия» в 1516 г., имел в виду прежде всего Спарту), но это была авторитарная, иерархическая и репрессивная утопия, а не утопия свободного творчества и выражения. Главный фокус общества был сосредоточен на использовании войн для самосохранения и господства над другими. В отличие от других греческих городов, которые удовлетворяли свою жажду обретения земель за счет вывоза населения, формируя новые «колониальные» города среди негреческих коренных народов, спартаканцы нападали, подчиняли и обращали в рабство своих греческих собратьев по соседству на юге Пелопоннеса.

Таким образом, образ Спарты, по крайней мере, неоднозначен. Позитивному возвышенному образу спартаканского воинского идеала коллективного самопожертвования, символом которого стала история Фермопил, противоречит отсутствие высоких куль-

турных достижений, большей частью отказ от открытой формы управления, как на родине, так и за ее пределами, и жестокое, решительное подавление всех порабощенных греков в течение нескольких столетий.

Книга разделена на три части. Первая часть, «Поведай, о путник, спартанцам!», заглавие которой было также использовано для кинофильма, основанного на событиях, рассказывающих о вьетнамской войне, названа по первым словам знаменитой эпитафии на смерть погибших при Фермопилах, приписываемой Симониду. В этой части рассматривается эволюция одного из наиболее интригующих древних обществ и культур, которые оставили глубокий след в развитии Запада. Тогда как Афинам справедливо приписывались феноменальные достижения в изобразительном искусстве, архитектуре, театре, философии и демократичной политике, идеалы и традиции ее величайшей соперницы Спарты были в равной степени сильными и прочными: долг, дисциплина, величие оружия в деле, за которое стоит умереть, жертва личным ради великого общего блага и триумф воли над, казалось бы, непреодолимыми обстоятельствами.

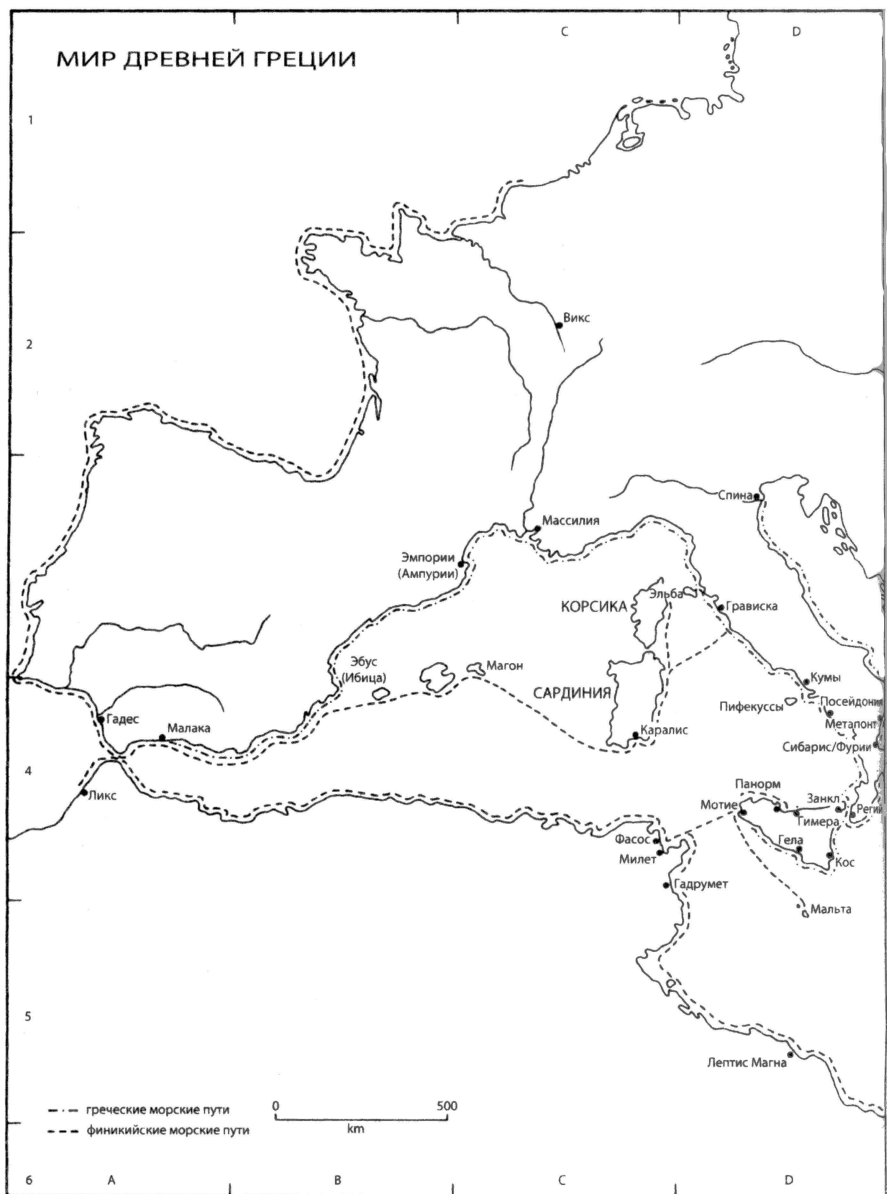
В этой первой части объясняется, как Спарта превратилась в самую могущественную военную силу в древнегреческом мире, никогда полностью не преодолев и не скрывая следы своего происхождения из нескольких деревень на берегах реки Эврот на юге Пелопоннеса. Спарта выросла, в первую очередь, за счет покорения или порабления своих непосредственных соседей в Лаконии и Мессении, получивших название соответственно илотов («пленников») и периеков («живущих вокруг»). Она также без труда управляла территорией крупнейшего во всем греческом мире города-государства, составлявшей приблизительно 8000 квадратных километров, что более чем в два раза превосходило территорию второго крупнейшего города Сиракузы и более чем в три раза афинскую территорию Аттики (около 2500 квадратных километров).

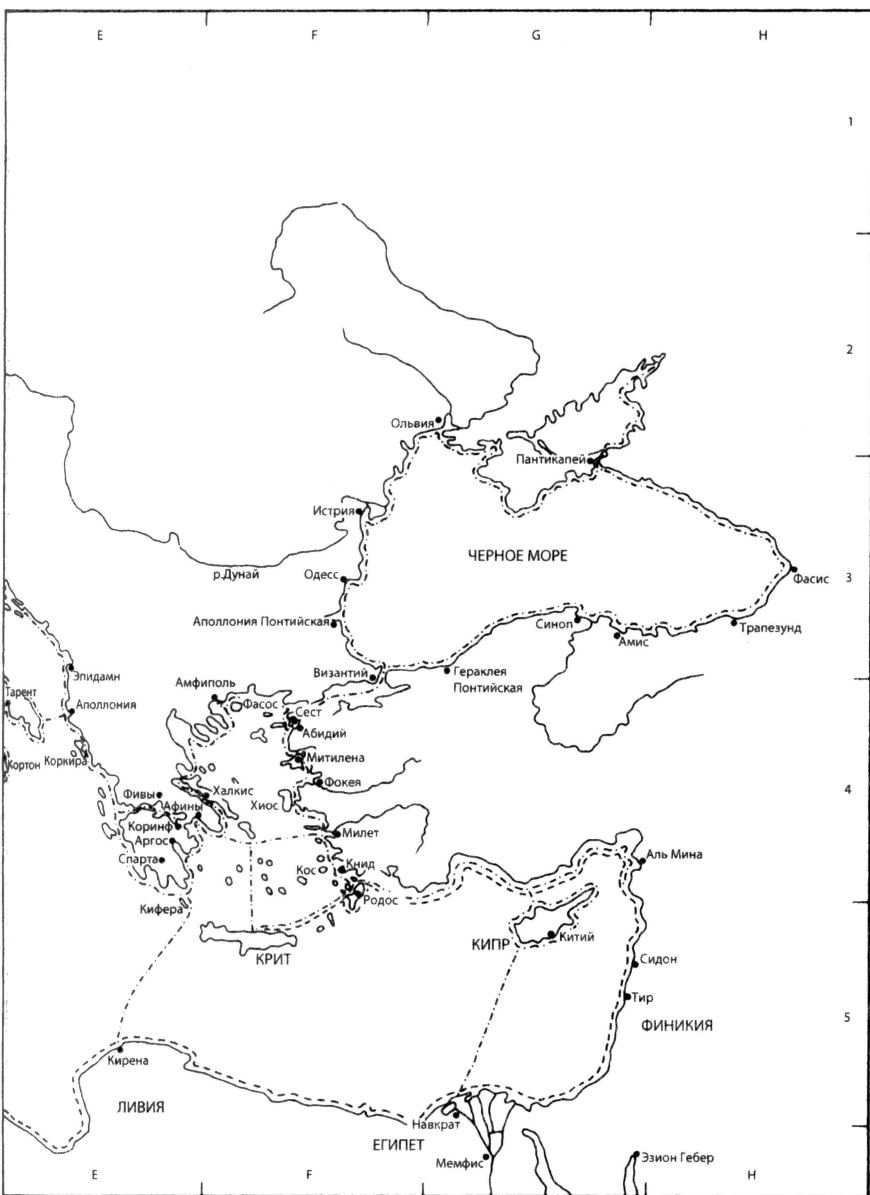
Рассмотрим сначала территориальную базу Спарты в Лаконии и Мессении. Не только размеры территории, названной Лакедемон, вызывают удивление и привлекают внимание историков, но также и сельскохозяйственное плодородие, изобилие полезных ископаемых и надежная замкнутость. Помимо всего, следует отметить наличие двух обширных равнин по берегам рек, разделен-

СПАРТАНЦЫ

ных одним из самых высоких горных хребтов в Греции, и богатое природное месторождение железной руды с необычно высоким содержанием железа. Имеются доказательства существования человеческих поселений в южной Лаконии уже в период неолита. Пещеры Пигос Диру в Мани в настоящее время привлекают туристов своими красочными сталагмитами и сталактитами, которые можно осмотреть с лодки. Но в четвертом тысячелетии до н.э. здесь расцвело маленькое поселение, о чем молчаливо свидетельствуют кучи костей. В других местах южного Пелопоннеса значительные поселения на обширной территории появились не ранее третьего тысячелетия, иначе известного как эпоха Ранней бронзы. Именно в течение этого тысячелетия и этого культурного периода, как считают некоторые археологи и антропологи, пустили неоскрушимо прочные корни три главные сельскохозяйственные культуры, производимые в Средиземноморье, — зерновые, маслины и виноград. Эта простая комбинация лежит в основе наиболее впечатляющих достижений эпохи Средней и Поздней бронзы, датируемой от 2000 до 1100 до н.э. Задолго до последней даты поселения в Лаконии насчитывались сотнями, и в них могли обитать несколько тысяч жителей. Главным районом средоточия поселений была долина не пересыхающей летом реки Эврот, и особенно ее нижняя равнина Гелос и верхняя Спартанская равнина. *Илиада* Гомера, текст, который, вероятно, приобрел свою знаменитую форму приблизительно к 700 г. до н.э., но восходит, по крайней мере, к 1100 г. до н.э., т.е. самому концу эпохи Бронзы, в своей второй книге содержит знаменитый «список кораблей». В нем перечислены корабли, которые смог собрать «обильный золотом» микенский царь Агамемнон, стремившийся освободить из Трои на Геллеспонте свою невестку Елену, жену брата Менелая, будто бы похищенную подлым троянским царевичем Парисом. Так, по крайней мере, излагает эту легенду греческий эпос. Даже в том, что касается основной линии, невозможно установить подлинность сюжета *Илиады*, который обрел бессмертие, вероятно, именно потому, что в основном вымышлен. Как бы то ни было, как сказано в перечне, в царстве Менелая находилось место у моря, называемое Гелос, а также город, конечно же, называемый Спарта. Гелос Гомера, возможно, был расположен там, где сейчас находится Агиос Стефанос (Св. Себастьян) и где были сделаны важные находки эпохи Поздней бронзы. Однако нигде в Лаконии

МИР ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

не были обнаружены остатки того, что, как можно было бы предположить, являлось дворцом, описанным Гомером (как в *Одиссее*, так и в *Илиаде*), и, возможно, Лакония в эпоху Поздней бронзы в противоположность вымыслу Гомера фактически была разделена между рядом княжеств, ни одно из которых не обладало полным сюзеренитетом над всем регионом в целом.

Между 1100 и 700 гг. до н.э. в Лаконии, так же как и в других местах Пелопоннеса и фактически на всей территории, которую историки и археологи называют Микенским миром, произошли какие-то совершенно радикальные события. Около 1200 г. Микенский и Тиринфский дворцы в Арголиде, Пилос в Мессении и другие дворцы в иных районах центральной и южной Греции были сожжены и разрушены, исчезла цивилизация, средоточием которой они были, за этим последовала настолько бедная в культурном отношении эпоха, что ее часто упоминают как Темные годы. Конечно, темнота не была ни всеобщей, ни одинаковой во всей постмикенской Греции, но мало где она была столь мрачной и продолжительной, как в Лаконии. Некоторые прежние жители оставались на старом месте, хотя они и были разрозненны, и численность их сократилась, но, по-видимому, в конце концов, господство над ними получила группа или группы переселенцев с севера или северо-запада, которые называли себя дорийцами и говорили на дорическом диалекте греческого языка. Эти переселенцы были в основном предками исторических спартанцев. Признаком их недавнего переселения является то, что место их главного поселения, которое они основали в Спарте, не играло никакой важной роли в предыдущую эпоху Микенской бронзы. И поэтому с ним не были связаны прямые ассоциации более славного прошлого, какие возникают скорее в Ферапне к юго-востоку и в Амиклах, несколькими километрами дальше более или менее прямо на юг.

К середине восьмого века новые спартанцы почувствовали себя достаточно уверенно, чтобы попытаться распространить свое влияние и власть дальше на юг в Лаконии, поглотив по дороге Амиклы как пятую составную часть своей территории, которую добавили к первоначальным четырем деревням (Киносуре, Месое, Лимнам и Питане), и превратив Ферапну в главный культовый центр, посвященный Менелаю, его вызывающей споры жене Елене и ее божественным братьям Диоскурам, иначе известным как Кастор и Поллукс. Примерно к 735 г. для агрессивных спар-

танских сторонников экспансии власть над всей долиной Эвроты с прилегающими областями уже была не достаточной ни в политическом, ни в экономическом отношениях. Они устремили свой алчный взор на запад к Мессении, обозревая сверху или осматривая кругом внушительное препятствие, создаваемое горным хребтом Тайгетом, самая высокая вершина которого вздымается на 2400 метров (8000 футов). Во время того, что было скорее рядом набегов и пограничных стычек, чем согласованным вторжением, как это предпочитают рассматривать поздние источники, спартанцы в конце концов одержали победу над своими соседями в Мессении и превратили жителей главной долины реки Памис на северо-западе Пелопоннеса в крестьян, напоминающих серфов (крепостных), принудительно работающих на принадлежавшей им земле на благо новых и в основном непрощеных спартанских хозяев. Как указывал через три столетия Фукидид, эти жители Мессении были большей частью зависимой группой, известной в целом как илоты. Но, возможно, сначала или одновременно идея илотизма возникла в Лаконии в самой южной части долины Эвроты. Во всяком случае, некоторые поздние источники ошибочно производят слово *илоты* от названия города или района Гелос, возможно, потому, что там первоначально была сосредоточена большая часть илотов.

Илоты представляют собой самое важное общественное явление Древней Спарты. Разделенные на две большие группы, жившие в Мессении к западу и в Лаконии к востоку от горного хребта Тайгета, илоты обеспечили спартанцам экономическую основу их уникального образа жизни. Они численно превосходили полноправных граждан Спарты, которые в порядке самозащиты называли себя *homoioi*, или «подобными» (а не «равными», как часто ошибочно переводят это слово; английское слово «*peers*» («ровни»), возможно, ближе по значению, хотя оно так же, как и французское «*pair*», происходит от латинского *par* «равный»). Все они были подобны и равны только в одном отношении, являясь членами господствующей военной касты. Спартанцы были исключительно успешными хозяевами, более трех веков державшими илотов в подчинении. Но это дорого им обходилось. Угроза восстания илотов, особенно в Мессении, была почти постоянной, и в результате спартанцы превратились в нечто вроде постоянно вооруженного лагеря — спартанскую крепость. Мужскому населению

Спарты были запрещены любые ремесла, профессии и занятия, кроме войны, и они завоевали репутацию непобедимых воинов всего греческого мира. Спарта была вынуждена находиться в состоянии постоянной боевой готовности по отношению как к внутренним врагам, так и к внешним.

Так же как и другие греки, спартанцы связывали образование их необычного государства и общества с реформами одного человека. Единственным героем, которому приписывалось это уникальное достижение, был Ликург, чье имя можно приблизительно перевести как «Волк-работяга». Он, вероятно, представлял собой смесь Джорджа Вашингтона и Пол Пота. Очень возможно также, что он был чисто мифической личностью. Уинстон Черчилль однажды упомянул Советскую Россию как окутанную тайной загадкой внутри неизвестности. Те же слова он мог бы употребить относительно Ликурга. Столкнувшись с противоречивыми данными об этом чудо-труженике, биограф, историк и этик Плутарх (писавший около 100 г. н.э.) был столь озадачен, что пришел к довольно правдоподобному заключению о возможном существовании нескольких Ликургов. Но он все же решил составить биографию только одного, почетно сравнив его с римским отцом-основателем Нумой. Аристотель, писавший в IV в. до н.э., был гораздо менее впечатлен его законодательными достижениями, но Руссо, возможно, даже превзошел Плутарха в своем восхвалении.

Легенда о Ликурге допускает удивительный «нулевой год», сценарий, когда в момент глубокого кризиса он смог убедить своих спартанских соратников ввести обширный и обязательный образовательный цикл, называемый Агогэ (*agôgê*, буквально «выращивание», например, скота). Эта система воспитания, обучения и социализации превращала мальчиков в воинственных мужчин, чья репутация дисциплинированных, отважных и ловких была непревзойденной. Ему приписывается также радикальное реформирование политической системы Спарты и введение, возможно, самой ранней системы греческого гражданского самоуправления. Ликург может быть мифом в нашем понимании, но благодаря законам, которые он предположительно установил, спартанцы, погибавшие в Фермопилах, расставались с жизнью без колебаний.

Помимо образовательной и политической системы, Ликургу приписывается окончательное разграничение психологического типа граждан. Хотя в системе Ликурга было множество странных

СПАРТАНЦЫ

для постороннего взгляда аспектов, собственная вера спартанцев в свою идеологию была абсолютной. В истории Спарты было очень мало изменников или нытиков. В основе всего этого лежит параноя и озабоченность секретностью, и то и другое в тех обстоятельствах полностью рациональные. Хотя спартанцы справедливо прославлены за свою тактику гоплитов в согласованных массовых передвижениях пехоты, при которых построение глубиной в восемь защищенных щитами рядов сметало противника или наводило ужас, заставляя бежать с поля боя, но кроме того, они также были увлечены шпионажем и сбором информации. Они были родоначальниками многих способов секретной передачи информации. Весьма зловещим образом наиболее многообещающих подростков на пороге взрослой жизни набирали в своего рода секретную полицию, известную как Криптия (приблизительно «специальные боевые бригады»), главной задачей которых было уничтожение смутьянов, отобранных среди илотов, и наведение ужаса на остальных.

Это было только одним из аспектов спартанской системы, которую современные читатели могут посчитать либо жестокой, либо безусловно надежной. Однако Ликург, создавая систему, при которой личная преданность принадлежала прежде всего коллективу и государству, а не семье и друзьям, ввел новое понимание того, что значило быть *politês* (гражданином). И, возможно, не умысел, а концепция изменила течение западной цивилизации. Первая часть этой книги заканчивается Персидскими войнами 480—479 гг., мощным столкновением между огромной и аристократической Персидской империей и небольшой группой греческих городов, вставших на защиту даже не своего отечества, а своего образа жизни. Несмотря ни на что при Фермопилах, Саламине, Платеях и Микале греки оставили свои расхождения и сражались, одержимые идеалом свободы, что и было им свойственно. Они не только отразили персидское нашествие, но и заложили фундамент для удивительного продвижения греческого могущества и культуры как на восток, так и на запад, основу того, что мы называем классическим периодом греческой цивилизации и истории.

Успешное сопротивление греков от начала и до конца возглавляли спартанцы, и они шли впереди. Битва при Фермопилах, в которой царь Леонид командовал небольшими силами греческих го-

плитов, включая 300 отборных спартанских воинов, и решительным образом задержал продвижение персов на несколько дней, технически была поражением, но в моральном и историческом плане — великой победой. А как заметил Наполеон, моральный фактор в боевых действиях в три раза перевешивает все прочие. Это героическое сопротивление при Фермопилах создает подходящий кульминационный момент для Первой части не в последнюю очередь, потому что эта битва в наибольшей степени способствовала формированию сложного, запутанного и стойкого спартанского мифа.

Вторая часть книги озаглавлена «Спартанский миф». В ней внимание сосредоточено на противостоянии Спарты и Афин и их союзников, которое обычно для краткости называют Пелопоннесской войной, но я буду называть Афинской войной (431—404 гг.), так как рассматриваю ее с точки зрения спартанцев как войну против афинян. Исследование противоречий и неожиданностей в спартанском обществе будет поэтому связано с рассказом о страшном конфликте между Спартой и Афинами, а также их союзниками, конфликте, который берет начало вскоре после того, как закончился их совместный отпор персам. Афины и Спарта представляли два взаимоисключающих и все более несовместимых способа существования. Афины были демократическим, индивидуалистичным, приморским торговым городом радикальных взглядов. Спарта была городом сухопутным, иерархическим, олигархически настроенным, прежде всего консервативным, склонным переоценивать свою версию прошлого, готовым отвергать нововведения, такие как, например, чеканные монеты, осадные машины и инженерное искусство. «Холодная война», которая вспыхнула между Спартой и Афинами как отзвук Персидских войн, вскоре оказалась пугающе горячей.

После совместных героических усилий в 470 г. Спарта отказалась от морских операций, которые в основном вели Афины для освобождения остальных эгейских греков от Персидской империи. Приблизительно через пятнадцать лет между двумя городами произошла главная размолвка. Спарта пострадала от сильного землетрясения в 464 г., за которым последовало крупномасштабное восстание илотов. Другие города направили свои войска на помощь в подавлении восстания, но содействие Афин вскоре отвергли, несмотря на руководство проспартански настроенного

СПАРТАНЦЫ

Кимона, который даже одного из своих сыновей назвал Лакедемоний, т.е. «Спартанец». Спартанцы просто не хотели, чтобы несколько тысяч демократически настроенных граждан-солдат свободно курсировали среди низшего слоя греческих рабов на территории, которую они плотно контролировали. В 458 или 457 г. между двумя городами произошло решительное сражение при Танagre в Беотии. Подобие мира было восстановлено в 445 г., но никто не удивился, когда, наконец, в 431 г. началась открытая война.

Греческие города сражались друг с другом с незапамятных времен. Эфесский философ Гераклит назвал войну «отцом всего и царем всего». Но Афинская война оказалась беспрецедентно и несравнимо жестокой и разрушительной. Греция, писал позже древний греческий автор книг о путешествиях Павсаний, до этого твердо стояла на обеих ногах, но война, подобно землетрясению, свалила ее. Ничто не может лучше проиллюстрировать возникший хаос, чем эпизод на седьмой год войны. В 425 г. внешнего мира достигли невероятные новости о чрезвычайном происшествии на Сфактерии, маленьком острове, как раз у юго-западного побережья Мессении, в составе территории Спарты. 400 спартанских воинов и перизков-гоплитов, включая 120 элитных *homotloi*, «подобных», сдались после 12-недельной блокады афинскими силами, которым помогали выходцы из бывших илотов Мессении. Это событие потрясло греческий мир. То, что такое может произойти, просто не предполагали. Потому что это полностью противоречило спартанскому мифу, заложенному и наиболее полно подтвержденному в Фермопилах, мифу о спартанцах, которые никогда не сдаются.

С военной точки зрения осада Сфактерии имела второстепенное значение в Афинской войне, войне беспрецедентно длительной, масштабной и жестокой. С психологической точки зрения это было потрясающе. Даже Великая чума (возможно, форма тифа), которая потрясла Афины в 430 г. и привела к потере третьей части афинских военных сил, казалась более естественным явлением по сравнению с капитуляцией спартанцев на Сфактерии. По словам Фукидида, афинского полководца и главного историка войны, это было

событие, которое поразило эллинов [греков] более, чем что-либо, происшедшее во время войны.

Спартанцы были настолько потрясены происшедшим, что потребовали мира, даже несмотря на то, что сами начали войну и никоим образом не достигли заявленной цели освобождения греков, зависимых от Афин. Фактически нанеся новое оскорбление, афиняне отвергли мирные предложения и задержали 120 спартанских пленников как заложников на остаток первого десятилетнего этапа войны.

Для греков в целом и для спартанцев в частности было не постижимо, что 120 выучеников педагогической системы Агогэ могли сдаться после всего лишь восьмидесяти дней лишений, жажды и голода. Когда их расспрашивали об этом событии, один из пленников, как говорят, в качестве причины капитуляции назвал то, что он не участвовал в честном рукопашном бою. Он не сражался против настоящих мужчин, использовавших мужское оружие в нормальном бою. Вместо этого он был унижен применением того, что называл вражескими «веретенами», из-за которых, как он заявил, невозможно отличить истинного воина от прирожденного труса. «Веретена», как объясняет Фукидид, были стрелами — неблагородным, рассчитанным на применение с дальнего расстояния оружием трусов, характерным для женщин. Но что сказала бы жена спартанского пленника и прочие спартанские женщины по поводу его оправдания?

Ярлык «чуда» спартанскому мифу убедительно наклеил в 30-х гг. XX в. французский исследователь Франсуа Олье, потому что порой так трудно адекватно осознать связь между мифом и реальностью. Этот миф остается убедительным и по сей день. Возможно, самый интересный и спорный среди множества аспектов этого мифа — положение спартанской женщины. Как всегда Афины предоставляют возможность полезного сравнения и противопоставления. Афинская девочка не получала иного официального образования, кроме обучения домашним обязанностям, которые требовались от хорошей афинской жены и матери, — ткачеству, приготовлению пищи, заботе о детях, ведению домашнего хозяйства. Было заведено, что девочка получала меньшую порцию еды, чем ее братья. По достижении половой зрелости ее изолировали в доме отца или другого опекуна мужского пола до тех пор, пока она не выходила замуж за человека, который, если он мог позволить это себе, содержал ее как можно дальше от чужих глаз и полагал для нее бесстыдным даже слушать разговоры мужчин, не связан-

СПАРТАНЦЫ

ных с ней родственными узами. Самой ей не разрешалось владеть какой-либо значительной собственностью, и она не имела право голоса в столь превозносимой афинской демократии. Характерно, что афинянки, о которых мы больше всего наслышаны, были вовсе не гражданками Афин, а *hetaerae*, или элитными проститутками, которые обладали властью, но определенно вне приемлемых социальных рамок.

И в отличие от них спартанские женщины, как утверждают, были активны, известны, влиятельны, несомненно словоохотливы и мыслили удивительно независимо. Девочки получали сходное с мальчиками образование, хотя и отдельно от них. Многие умели читать и писать. Юные девственницы, намазанные маслом с головы до кончиков ног, бегали наперегонки, затем танцевали ночью, чтобы умиловить своих богов и богинь. Днем, в конечном счете, чтобы привлечь поклонников, метали копье или диск, боролись, иногда, опять же как утверждают, вместе с мальчиками делали гимнастические упражнения полностью обнаженными на общем обозрении, к ужасу греческих визитеров из других городов. Они также ловко ездили верхом. Киниска (сестра царя Агесилая II), разводившая животных, была первой женщиной, когда-либо завоевавшей титул победительницы на жестоких мужских Олимпийских играх в гонке на колесницах, запряженных четверкой лошадей. «Я одержала победу с командой быстроногих коней» — читаем мы, в частности, в ее собственной, восхваляющей ее надписи. Киниска в самом деле была стремительной, хотя если бы она была до конца честной, то ей следовало упомянуть имя неизвестного мужчины-колесничего. Слава спартанских девушек и женщин, отличавшихся выдающейся физической красотой, начинается уже с Елены Троянской, или Елены Спартанской, откуда она, несомненно, была родом. Но свою репутацию они заслужили также тем, что были быстрыми и свободными. Пренебрежительный эпитет «сверкающие бедрами» был придуман как раз для них, даже несмотря на то что бронзовые фигурки, сделанные в Спарте и изображающие типичную молодую спартанку в атлетической (и демонстрирующей бедра) позе, как мы увидим, свидетельствуют скорее об энергии, грации и силе.

Спартанские женщины могли обладать собственностью, включая землю, и хотя они не имели права голоса в военном Собрании Спарты, они, очевидно, находили другие способы, чтобы

выразить свое мнение. Существует даже сборник *Высказываний спартанских женщин*, сохраненный Плутархом, что было абсолютно немыслимо для афинянок. Более того, спартанки были свободны от выполнения ежедневной нудной работы, что являлось обычной участью их афинских сестер. Илоты — женщины и мужчины — делали за них домашнюю работу, стряпали, ткали, присматривали за детьми и так далее. Женщинам оставалось только удовлетворение от материнства, к которому они действительно относились очень серьезно. В сексуальном отношении они, видимо, тоже были независимы, хотя в сомнительные спартанские обычаи относительно обмена женами не так просто поверить или понять их. При том, что их мужчины часто уходили на войну или готовились к ней, они, несомненно, стремились к чувственному удовлетворению с другими женщинами. Разумеется, сильные женщины, достигшие такого уровня власти, могли считаться политической силой или, в зависимости от точки зрения, угрозой.

Это не значит, что Спарта была своего рода женской утопией. Например, большинство физических упражнений имели сугубо евгенические цели. Но женская эмансипация, видимая для неспартанских глаз, была такова, что Аристотель фактически обвинил их в окончательной гибели Спарты как великого государства по той причине, что они никогда не подчинялись должным образом правилам, установленным Ликургом и принятым их мужчинами. Возможно, это — суждение, искаженное типично женофобским взглядом обычного греческого гражданина-мужчины, но оно косвенным образом делало комплимент, без сомнения, самым замечательным женщинам Греции.

Победа спартанцев в Афинской войне дорого обошлась и была одержана с большим трудом. Война вскрыла новые глубины жестокости, заставив Фукидида сомневаться в цивилизованности и гуманности греков. Происходили жестокие осады, массовые убийства женщин и детей, повсеместные грабежи, разрушение целых общин, продажа тысяч греков в рабство и не менее ужасные вспышки *stasis* или гражданских войн. Описание Фукидидом гражданской войны на Керкире (современном Корфу) в 427 г. — пугающая классика политического анализа.

Вначале конфликт между морской афинской и сухопутной спартанской державой зашел в тупик, в котором никто из них не мог одержать верх в стихии, предпочитаемой другой стороной. Но

СПАРТАНЦЫ

затем в 415 г. афиняне перехитрили самих себя, вдохновленные злым гением Алкивиада, своего рода фальшивым Периклом (который стал опекуном Алкивиада после смерти его отца в бою). Они направили огромную армаду к Сицилии якобы для защиты «родственников», но в действительности для того, чтобы завоевать весь остров или, по крайней мере, обеспечить дальнейшие ресурсы для возобновления войны со Спартой, которая начиная с 421 г. временно прервалась. Алкивиад — главного инициатора очень рискованной авантюры — так же ненавидели завистливые соперники, как и любили афинские народные массы за яркий образ жизни экстраверта. Он участвовал в не менее чем семи командах квадриг на Олимпийских играх в 416 г., и после почти неизбежного выигрыша в составе одной из них заказал сочинить для себя хвалебную оду ни много ни мало такому поэту, как Еврипид.

Однако сицилийская кампания началась при самых ужасных предзнаменованиях — повсеместном повреждении священных изображений Гермеса, бога путешественников. За предполагаемую причастность к этому и другим святотатствам Алкивиад был вызван в суд по обвинению в преступлении, которое каралось смертной казнью, но он дезертировал с корабля в Южной Италии и перешел на сторону врага. Возможно, что по его предложению Спарта укрепила гарнизонные посты непосредственно на территории, принадлежавшей Афинам, отрезав таким образом город от запасов серебра и подтолкнув тысячи рабов к побегу, а также послала удачливого спартанского полководца на помощь для защиты Сицилии и, прежде всего, в Сиракузы. Эти меры оказались решающими в конечном катастрофическом поражении Афин.

Сицилийская кампания началась наихудшим образом, и в дальнейшем положение усугубилось из-за неумения, растерянности и разногласий с высшим командованием. Более того, главный сицилийский вражеский город Сиракузы был исключительно хорошо вооружен как материально, так и морально для противостояния штурму. Афинские воины после неудачной попытки захватить Сиракузы путем осады и потерпев в 413 г. важное поражение на море в главном порту города, попали в плен, и если их и не убили открыто, то обрекли на позорную медленную и мучительную смерть от голода в сицилийских каменоломнях. Из многих

оставивших Афины в 415 г., как с сожалением свидетельствует Фукидид, очень немногие вернулись назад.

Сквозь призму прошлого сицилийская катастрофа видится поворотным пунктом в Афинской войне, хотя кампания продолжалась и следующее десятилетие, главным образом на море в восточной части Эгейского моря и в проливе Геллеспонт (Дарданеллы) и вокруг него. В соответствии с главной парадоксальной особенностью борьбы в это десятилетие спартанцы отправились в Персию просить о помощи, чтобы добыть средства для строительства флота, способного нанести поражение афинянам в их собственной стихии и в том, в чем они были сильны. Разумеется, такая политика раболепствования перед восточным варваром встретила сопротивление консервативных спартанских командиров, но оказалось, что один из них, Лисандр, более других соответствовал задаче, и по ходу дела он стал кем-то вроде странствующего правителя открытого моря. В решающий момент его личные отношения с одним из сыновей персидского Великого царя обеспечили Спарте постоянный приток денег, и между 407 и 405 гг. Лисандр смог выковать орудие гибели Афин. В 405 г. при Эгоспотамах в Геллеспонте последний афинский флот был наконец побежден. Обращение Лисандра с военнопленными было жестоким: он отрезал им правые руки и отправил обратно в Афины в качестве страшного предзнаменования будущей судьбы города. После осады зимой 405/404 г., когда афиняне умирали на улицах от голода, Лисандр свободно мог диктовать условия безоговорочной капитуляции.

Наступил закат Афинской империи с ее смелыми идеями демократии, свободной торговли и разумного прогресса, чтобы никогда больше не вспыхнуть столь же ярко или таким же образом. Как теперь казалось, для строительства империи иного типа шанс вместо нее получила Спарта. Однако в 400 г. до н.э. во время спорного вступления на престол Агесилая II стало известно следующее, не принесшее пользы прорицание:

*Надменная Спарта! Одумайся ныне,
власть возрастишь ты хромую...
Много придется тебе неожиданных бедствий изведать...*

Спартанцы были хорошо известны своей религиозностью, или, как мы могли бы сказать, они были суеверны, всегда готовы

верить предсказаниям, особенно тревожным. Третья часть книги, озаглавленная «Хромое царствование», показывает, как осуществилось это роковое предсказание.

Через три десятилетия, немногим больше продолжительности человеческого поколения, Спарта испытает унижительное военное поражение, вторжение на собственную территорию и, что было наибольшим потрясением для системы, — восстание и освобождение значительной части рабов-илотов, от которых в большой степени зависели могущество и образ жизни Спарты. Ключевым персонажем этих примечательных событий был хромой царь, о котором говорил оракул, или же позже это высказывание интерпретировали таким образом. Агесилай, последний спартанец, был воплощением как всей слабости, так и всей силы этого необычного народа, будучи буквально и метафорически хромым.

Лисандр, хотя и был аристократом, не был царем, а спартанцы держались за свое странное двоецарствие. Эта традиция уходит назад к самому основанию города, и два царя из двух разных царских домов твердо настаивали на своем прямом происхождении от божественного героя Геракла. Двойственность неизбежно вела к разногласиям при принятии решений — династическому соперничеству, тревогам по поводу наследования, борьбе группировок. Но так как это было традиционным и предопределенным богами, то почиталось благим и непреложным. Поэтому Лисандр, который был не в состоянии получить доступ к одному из законных тронов и которому помешали исполнить его желание создать своего рода собственное альтернативное царствование, решил сам возвести царя на трон.

Кандидат, избранный им в споре о наследовании в 400 г., был его бывшим возлюбленным, вышеупомянутым хромым Агесилаем, сводным братом Агиса II. Так как не ожидалось, что Агесилай станет царем, его воспитывали более или менее как всех обычных спартанцев: он, например, очень успешно преодолел систему Агогэ. Но ему мог помешать его физический недостаток, а также тот факт, что Агис признал своего сына Леотихида законным наследником и, не в последнюю очередь, предсказание по поводу «хромого царствования». Вмешательство могущественного Лисандра склонило чашу весов в сторону Агесилая. Предсказание задним числом отнесли к метафорическому хромоте царствованию, а именно к трону, занятому незаконным наследником, каковым

Лисандр объявил Леотихида, так как он был сыном не Агиса, а афинского наемника Алкивиада! Наконец, Лисандр мог указать, что увещье Агесилая никоим образом не помешало его успехам в Агогэ и что во время крупных и дезориентирующих перемен Агесилай будет отстаивать спартанский традиционализм. Эти аргументы убедили спартанский сенат Герусию, и Агесилай был избран царем.

Если в результате Лисандр надеялся править через Агесилая, то он быстро избавился от иллюзий, и его надежды не оправдались. У Агесилая имелась собственная программа, даже если она в большой степени и совпадала с не знающими препятствий амбициями Лисандра, желавшего превратить эгейские владения в материковую греческую империю. Однако, к несчастью для Спарты, Агесилай оказался негибким, излишне спартанским лидером, который был не в состоянии приспособиться к непрерывно меняющемуся миру. Таким образом, он как активно, так и пассивно стоял во главе спартанских побед и эффектного упадка в течение последующих трех или четырех десятилетий.

Вспыхнувшая вскоре Афинская война изменила не только греческий мир, но и саму Спарту. Изречение лорда Эктона «абсолютная власть развращает абсолютно» очень подходит к этому случаю.

Культ скромности и внешней умеренности, который хорошо служил Спарте в прошлом, скрывая подлинные различия в благосостоянии среди мнимых «равных», уступил место более индивидуалистичной и своекорыстной этике, талисманом которой стал Лисандр, однако сам он был действительно аскетичен. Численность спартанских граждан начала круто падать, чему способствовала жадность к накоплению земель и других форм личного благосостояния. Например, к 371 г. по сравнению с 25 000 афинянами оставалось только около 1500 взрослых воинов — спартанских граждан мужского пола. Быстро увеличивающееся несоответствие между гражданами и илотами стало действительно пугающим, а способ освобождения предположительно надежных илотов и их вооружение были обоюдоострым оружием.

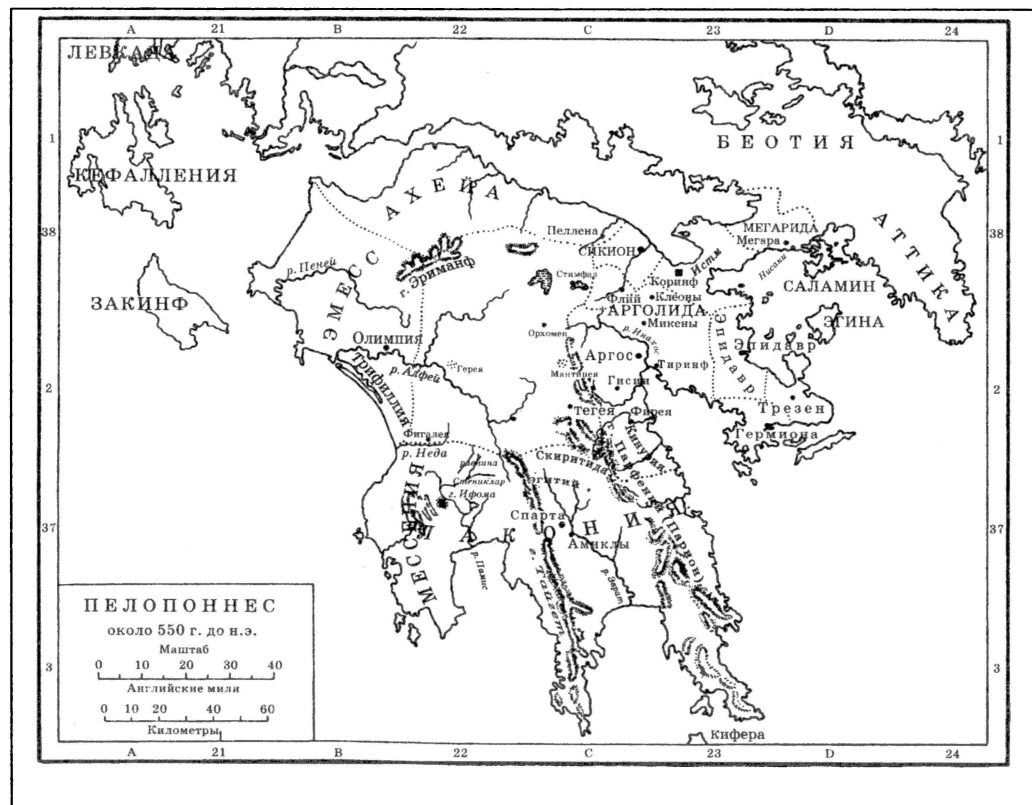
Внешняя политика под руководством Агесилая также оказалась непродуктивной. Через десятилетие после окончания Афинской войны Спарта обнаружила, что воюет не только с Персией, но и с коалицией главных материковых государств Греции, включая двух соратников по бывшему Пелопоннесскому союзу — Ко-

СПАРТАНЦЫ

ринф и федерацию Беотия, которые выступили в альянсе с Аргосом, самым старым пелопоннесским врагом Спарты, а также вместе с ожившими в какой-то мере Афинами. Более того, имперские притязания Спарты были отодвинуты благодаря такому идеологическому манифесту, как содействие Афин освобождению от Персии и местное демократическое самоуправление. Спарта могла предложить только грубую силу в поддержку меньшинства обеспеченных граждан в зависимых государствах против всех простых людей. Плутарх очень удачно говорит об этом, когда сравнивает подлинные условия Спартанской империи, несмотря на ее цели по освобождению зависимых государств от Афин, с добавлением укуса в сладкое вино.

В конечном итоге сами спартанцы поспособствовали моделированию своей судьбы посредством федерального государства Беотия во главе с Фивами под вдохновляющим руководством Эпаминонда (философа, а также блестящего полководца) и Пелопида. Уже через несколько лет Спарта испытала свое первое, самое серьезное поражение в решающем сражении гоплитов при Левктрах в 371 г. и первое сухопутное вторжение вражеского войска на свою территорию зимой 370/69 г. Приблизительно через три столетия после порабощения илоты Мессении благодаря Эпаминонду были наконец освобождены и вновь обрели свой собственный полис, т.е. город Мессену, мощные укрепления которого до сих пор поражают воображение.

Спарта так никогда полностью и не оправилась после освобождения мессенских илотов, хотя спартанцы и цеплялись за илотов Лаконии как за свою сильно сократившуюся экономическую базу еще целых полтора столетия. Оказалось, что без мессенцев они полностью сохранили традицию, но более чем наполовину утратили ее логическое обоснование. Агесилай, активный до конца своей очень длинной жизни, сам себя нанял в качестве командира наемников, чтобы увеличить резервы и вновь наполнить городские сундуки, которые, однако, никогда не были очень большими. Он умер в Северной Африке в возрасте 84 лет, и его набальзамированное тело привезли назад в Спарту для совершения исключительных похорон, что было наследственным правом и ритуалом спартанских царей. Но после 360 г. этот ритуал стал бессодержательным.

СПАРТАНЦЫ

Тем не менее, хотя Спарта уже никогда не вернула свое прошлое территориальное могущество, миф и легенды о ней сильно разрослись. Последняя глава книги обрисовывает некоторые наиболее важные и интересные, главные и второстепенные моменты спартанского миража, особое внимание уделяется месту и роли Леонида. Например, Первосвященник Иерусалима в самом начале третьего века до н.э. нашел политически целесообразным заявить о родственных связях со Спартой, восходящих не менее чем к Моисею. На римлян Спарта произвела столь же глубокое впечатление, так как они видели в ней многие достоинства и ценности, которыми сами дорожили, и они также изобрели фальшивую родственную связь между этими двумя никак не состоящими в родстве народами.

Сами спартанцы обеспечили ощутимое преимущество для туристов эллинского и римского периода, посещавших Спарту, которая стала чем-то вроде тематического парка или музея прошлого, в значительной степени воображаемого. Например, в III в. н.э. спартанцы построили полукруглый амфитеатр с традиционным святилищем Артемиды Орфии — когда-то неотъемлемой частью системы Агогэ, чтобы предоставить садо-туристам лучший обзор имитации античного ритуала телесного наказания *diamastigôsis*, во время которого спартанские молодые люди подвергались порке перед алтарем Артемиды, предпочтительно до смерти, или, по крайней мере, до состояния полного кровопролития.

Как бы то ни было, но это могущество пало. Однако, быть может, не так уж странно, что грекофилы, желавшие освобождения Греции от Османской империи, или основатели британской системы закрытых школ для мальчиков в XIX в. увидели в классической Спарте некоторые положительные стороны, достойные подражания и постепенного введения. Прилагательные «спартанский» и «лаконичный» вошли в основной лексический запас английского языка в честь Спарты, к тому времени несколько запятанной. Как бы то ни было, две великие империи — Римская и Британская — в действительности многим обязаны Спарте, во всяком случае, гораздо большим, чем мы, культурные наследники Спарты на Западе, готовы это признать в настоящее время, и, по крайней мере, обязаны мы ей не меньшим, чем непосредственно афинянам. Если сформулировать это «лаконично», то Спарта жива и поныне.

ЧАСТЬ I

«ПОВЕДАЙ, О ПУТНИК, СПАРТАНЦАМ!»

1

ПОД ЗНАКОМ ЛИКУРГА

Представление о Спарте как о мрачном лагере казарменного типа плохо подготавливает впервые оказавшегося здесь туриста к великолепному зрелищу, которое открывается по мере спуска с нагорья, примыкающего к Аркадии на севере, в долину Эврота на Спартанской равнине. Протянувшиеся перед ним два параллельных хребта — это Тайгет на западе, самая высокая вершина которого достигает 2404 метров, и Парнон на востоке с пиком высотой 1935 метров. Сама равнина и ее продолжение к югу от долины Эврота, который впадает в море в Лаконском заливе, образует одно из наиболее плодородных и приятных мест в Южной Греции. Почва, климат и человек объединились, чтобы производить и запасать иногда по два урожая зерна в года. Маслины и виноград, два других основных продукта так называемого средиземноморского рациона, также произрастают здесь, как и, разумеется, лес цитрусовых деревьев, но они были ввезены уже после периода древности, напоминая нам, что местность и растительность, которые мы видим сегодня, необязательно выглядят так же, как то, чем располагали ее жители два с половиной тысячелетия назад. Вряд ли можно удивляться, что этот район, известный в исторические времена как Лакедемон, вероятно, был также местом пребывания великого царя в эпическую эпоху Древней Греции, которую ученые более прозаично называют Микенской, или эпохой Поздней бронзы (около 1500—1100 гг. до н.э.). Совсем недавно была сделана попытка переместить дворец гомеровского Менелая из Спарты в Пеллану, расположенную дальше на севере, в Лаконии. Это про-

СПАРТАНЦЫ

тиворечит не только древней легенде и религиозным культам, но также и топографической геополитике. Любой реальный Менелай Бронзового века должен был бы построить свой дворец на месте исторической Спарты или около нее, возможно, действительно там, где Британская школа в Афинах тщательным образом произвела раскопки большого поселения, включая и здание, названное «дворцом». Как бы то ни было, в Лаконии не обнаружено дворца того же времени и того же размаха, что раскопанный в Микенах (месте пребывания гомеровского Агамемнона, брата Менелая) и Пилосе (столице болтливого старого Нестора), и, возможно, он никогда не будет найден. Важно не читать Гомера как надежный учебник истории, какой бы, несомненно, полезной для археологии ни была эта ошибка.

ЕЛЕНА

Елена Троянская или Елена Спартанская? Она, конечно, была и той, и другой. Согласно одной из версий мифа, она была местной девушкой, дочерью Тиндарея, однако, по другой версии, она — дочь великого отца Зевса, рожденная чудесным образом из яйца, потому что Зевс посещал ее мать Леду в образе лебедя. Непревзойденная красота сделала ее настоящей наградой амбициозного Менелая, сына Атрея из Микен, чей старший сын Агамемнон взял в невесты сестру Елены Клитемнестру. Однако эта красота пленила также нежеланного гостя Спарты — Париса, царевича из азиатской Трои, которому оказала решающую помощь рожденная на Кипре богиня любви Афродита. Обозрев сверху пролив Дарданеллы, он нарушил священный долг гостя и друга и похитил у Менелая его законную супругу.

Недавно греческий археолог вызвал небольшой переполох, заявив, что дворец Елены (и Менелая) находился не в Спарте, а в Пеллане, приблизительно пятнадцатью километрами севернее. Это заявление удивило бы древних спартанцев, которые построили для Елены новый храм в Спарте или, более точно, в Ферапне на юго-востоке от древнего города, где поклонялись ей, ее супругу Менелая и ее божественным братьям Диоскурам — Кастору и Полидевку (Поллуксу на латыни). Это произошло в конце восьмого века, когда спартанцы, так сказать, вновь открывали свои корни и

стремились узаконить недавно завоеванную территорию на юго-востоке Пелопоннеса, представив ее как законное наследство царства Менелая, описанного в «Илиаде» Гомера. В реальности культ Елены в Ферапне, возможно, отражает сплав двух Елен, одной из которых была богиня растительности и плодородия, ассоциирующаяся с деревьями (в таком качестве ей также поклоняются на Родосе), и другая — эпическая Елена из гомеровской легенды. Мы обратимся ко второй.

Так как позже Елена стала символом достоинств и красоты спартанской женщины, мы должны спросить более конкретно, совершил ли Парис над Еленой насилие (согласно нашему пониманию этого термина) или она бежала с ним добровольно, по собственному желанию? У Геродота, отца истории (по определению Цицерона), есть три очень интересных отрывка о Елене. Первый — во вступительной части о причинах Греко-персидских войн в начале V в., где через пелену времени и легенд он прослеживает историю или возникновение мифа о греко-восточной вражде. Ряд утверждений и контрутверждений остроумно пересказаны с замечаниями Геродота, просто чтобы связать истории, которые ему сообщили образованные финикийцы и персы. Среди них неизбежно фигурирует похищение Елены Парисом, если оно было таковым. Сам Геродот принимает твердую, если не сказать мужскую, шовинистическую, точку зрения:

очевидно, что ни одна молодая женщина не позволит похитить себя, если она не желает того.

Однако в недвусмысленной, не пересказанной Геродотом истории о более раннем похищении Елены Тесеем Афинским, когда она была скорее еще только девочкой, а не взрослой женщиной, излагается иная версия. Позже Элизабет Кук в своем художественном пересказе истории Ахилла и Джон Бартон в его не менее ярком драматическом цикле «Тантал» своевременно напомнили нам об этой более ранней и более темной главе из богатой событиями жизни Елены.

Следующее упоминание Елены у Геродота вызывает даже большее беспокойство с исторической точки зрения. В соответствии с ним, как это излагает Геродот в своем описании египетских

СПАРТАНЦЫ

дел во второй книге *Историй*, она вовсе никогда не уезжала в Трою, но провела десять лет Троянской войны в Египте:

Это рассказ египетских жрецов, сообщенный мне об истории Елены, и я склонен принять его на основании следующего: если бы Елена действительно была в Трое, ее должны были бы возвратить грекам, согласен был Парис или нет... Это, таким образом, мое собственное толкование.

Таким образом, по Геродоту, Менелай, Агамемнон и все остальные греки отправили тысячи кораблей, просто чтобы вернуть подобие, двойника Елены!

Родоначальником этой еретической версии, по очевидным причинам не использованной Гомером, был не Геродот, так как мы знаем, что распространил ее уже в середине VI в. греческий лирический поэт Стесихор, уроженец города Гимеры в западной Сицилии. И вслед за Геродотом подобной точки зрения придерживается великий афинский драматург Еврипид, который положил эту идею в основу своей сохранившейся мелодрамы *«Елена»*, но для большинства древних, как и для большинства из нас, Елена может благополучно оставаться Еленой Троянской.

Третье упоминание у Геродота переносит нас назад из Египта в Спарту, а точнее, в святилище Елены в Ферапне, которое является местом действия классической народной сказки, прекрасно пересказанной Геродотом для своей аудитории V в. Давным-давно, в нашей терминологии приблизительно во второй половине VI в., у богатой спартанской пары была дочь, но, увы, к их огорчению, любимое дитя было некрасиво. Девочка была так уродлива, что кормилица, возможно, женщина из класса илотов, высказала следующую блестящую идею:

Так как девочка была некрасива, а ее родители, которые были состоятельными людьми, расстраивались из-за ее уродства, кормилице пришла мысль относить ее каждый день в святилище Елены, в так называемую Ферапну, ранее упомянутое святилище Аполлона. Она будет приносить туда дитя, класть ее перед культовой статуей Елены и молиться богине, чтобы избавить ее от уродства.

Однажды призрак, очевидно, имеется в виду самой Елены, об-
ратился к кормилице и погладил девочку по головке, после чего та
выросла самой красивой среди всех достигших брачного возраста
девушек Спарты, став подходящей партией для выдающегося
спартанца. Однако, к несчастью для спартанца, у него был луч-
ший друг, который страстно увлекся женой своего приятеля, наде-
ясь, что она выносит ему собственного будущего идеального от-
прыска мужского пола. Но, к еще большему несчастью, лучший
друг оказался царем Спарты, для которого рождение законного
наследника мужского пола было делом государственным, а не
только сердечным. Страстно желая произвести потомство, этот
царь женился, и не один раз, а уже дважды, теперь же, очарован-
ный женой друга, он усугубил свое и без того трудное положение,
добившись ее с помощью низкой уловки.

Результатом союза безымянной красавицы с Аристоном, а та-
ково было имя царя, стал царь Демарат, которого позднее мы
вновь встретим в обстановке, как утверждали, незаконности и ве-
роломства — ежедневных заботах в беспокойном мире спартан-
ского царства. Однако, прежде чем мы оставим Елену, стоит упо-
мянуть три очень разных проявления и последствия этой легенды.
Во-первых, уже в VII в. жрица Аполлона в Дельфах, центре земли,
сделала пророческое высказывание от имени своего господина и
повелителя Аполлона, истолкованное жрецами мужского пола,
которое включало упоминание женщин Спарты как самых краси-
вых в Греции. Это может быть только поклоном в сторону Елены
Спартанской, чья слава благодаря Гомеру распространилась в рас-
ширяющемся греческом мире, хотя эта слава, как мы увидим, не-
сомненно, оказывала чрезмерное давление на спартанских деву-
шек и их родителей, старавшихся быть достойными высокой ре-
путации Елены.

Позже в VII в. Сапфо, величайшая из древнегреческих поэтесс
с острова Лесбос, неоднократно обращалась к репутации Елены.
Стихи Сапфо могут быть совершенно традиционными, как, на-
пример, в маленьком фрагменте, обращенном к некой прекрас-
ной и желанной девушке или молодой женщине:

*Стоит лишь взглянуть на тебя,
И мне кажется, даже Гермiona
[дочь Елены] не сравнится с тобою.*

СПАРТАНЦЫ

*Нет, гораздо лучше сравнить тебя
с Еленой златокудрой.*

С другой стороны, Сапфо также могла быть глубоко и неожиданно чужда условностям. Бросая вызов традиционным установкам, мужским оценочным суждениям, она писала в поэме, написанной на папирусе, который, по счастью, на века сохранился в сухих песках Оксикринха в Египте и был обнаружен при раскопках всего около столетия назад:

*Одни говорят, что всадники, другие — пехотинцы,
А те, что флотилия кораблей прекраснее всего
На темной земле, но я скажу, прекрасно то,
Чего желаешь ты:*

*...вот, женщина, превосходящая всех
Своей красотой, оставила мужа Елена —
Лучшего из мужчин,
И уплыла в далекую Трою, забыв
Дитя родное [Гермиону],
Родителей милых,
поддавшись [Афродиты] чарам...*

Таким образом, Сапфо отказывается и от мужских военных ценностей и в то же время оправдывает стремление Елены, увлекаемой божественной *force majeure* (высшей силой — фр.), пойти по пути Любви и Желания. Это не то послание, которое был бы счастлив услышать среднестатистический греческий муж.

Последнее проявление и последствие легенды о Елене, о котором я хочу здесь упомянуть, в целом более забавное, и на самом деле в буквальном смысле комическое. В 411 г. Аристофан поставил две комедии на двух главных ежегодных Афинских празднествах в честь Диониса. Одна из них была *Лисистрата*, первая известная комедия, названная по имени героини. Лисистрата, почтенная афинская замужняя дама, изображается уважительно. Стремясь положить конец войне между Афинами и Спартой и их союзниками, которая бушует около двадцати лет (в два раза длиннее, чем Троянская война), она организует международный тайный заговор греческих женщин — или скорее жен: главная идея

состоит в том, что они отказываются выполнять супружеские обязанности. Секс-забастовка должна заставить их воинственных, но испытывающих сексуальный голод мужей сесть за стол переговоров и, наконец, заключить мир (и таким образом обрести возможность вновь предаваться любви). Женский делегат на собрании от Спарты, некто Лампидо, носит хорошее спартанское имя, в действительности реальное имя жены спартанского царя того времени.

Вот как представляет Аристофан Лампидо (которую, конечно, играет актер-мужчина в женском платье):

Входи Лампидо, моя дорогая подруга из Спарты!

[говорит Лисистрата]

Сладчайшая, как же ты хороша! Что за прекрасный цвет и что за крепкое телосложение у тебя! Ты могла бы задушить быка!

На что Лампидо отвечает на грубом местном спартанском диалекте:

Да, действительно, думаю, могла бы, слава двум богам

[Кастору и Поллуксу];

Во всяком случае я занимаюсь гимнастикой и прыжками, хлопая себя пятками по заду.

Другая афинская заговорщица присоединяется к веселью:

Что за великолепная пара грудей у тебя!

Лампидо кажется обиженной этим:

Вы относитесь ко мне будто к жертвенному животному.

Большая часть афинских зрителей между взрывами хохота вряд ли могла пропустить намек на тот факт, что спартанские женщины, в отличие от их собственных жен и сестер, публично занимались гимнастикой и атлетикой полностью обнаженными или, по крайней мере, частично раздетыми. Возможно также, что благодаря этим упражнениям спартанским женщинам удавалось сохранить красивую форму груди даже после вскармливания младенцев, конечно, если только они не прибегали к услугам кормилиц-илотов.

СПАРТАНЦЫ

Лисистрата заканчивается также совершенно в спартанском духе: сначала один спартанец, а затем спартанская пара вместе поют специфические спартанские песни и исполняют танцевальные фигуры (греческое слово «хор» первоначально означало танец, прежде чем приобрело значение совместного пения). Отметим, в частности, финальное обращение к Елене, «дочери Леды».

*Вновь оставь прекрасный Тайгет
И приди, лаконская муза, достойно
Хвалу вознеси богу Амиклы [Аполлону]
И Афине Меднодомной
И благородным сынам Тиндарея [Кастору и Поллуксу],
Играющим у Эвроты.*

*Ола! Ола!
Скачи проворно, так
Воспоем мы славу Спарте,
Что наслаждается плясками в честь богов,
И ритмом танца,
И там, как молодые кобылки, девицы
Пляшут у Эвроты, вздымая ногами тучи пыли,
Тряся волосами, подобно вакханкам, танцующим с тирсом.*

*Их ведет за собою дочь Леды —
Их чистый и прекрасный водитель хора.*

В 1200 г. до н.э. или около того Микенский дворец в Ферапне сгорел и разрушился, количество и качество поселений в регионе в целом резко сократилось, так что к 1000 г. можно говорить, что Лакония переживала Темные годы. Некоторые проблески света смутно прослеживаются в Спарте в десятом-девятом столетиях, например, в храме Орфии около Эвроты, который сыграет ключевую роль в более поздней системе спартанского воспитания Агогэ. Однако с точки зрения археологии это произошло не раньше восьмого века, когда лучи света стали ярче и разлились более равномерно. К этому времени на том месте, что считалось акрополем в Спарте, было сооружено святилище в честь покровительницы города богини Афины, и именно Афина позже, в VI в., получила наименование «Афина Меднодомная», использованного Аристо-

фаном в конце его *Лисистраты*. Большое значение имело и святилище Аполлона в Амиклах, всего в нескольких километрах к югу от Спарты, также упоминаемое в *Лисистрате*, и здесь более, чем в собственно Спарте, миф, религия и политика соединились, чтобы впервые намекнуть о политической истории происхождения спартанского *полиса* или государства.

Греческий *polis* был не просто физическим пространством, хотя и имел дополнительное значение физической единицы, объединявшей сельскохозяйственную территорию с административным центром. Он не был и государством в современном понимании этого слова, предполагающим наличие централизованных органов управления (исполнительную, законодательную, судебную власть и вооруженные силы), отделенных от народа в целом и противопоставленных ему. Скорее *полис* был государством-гражданином, государством, в котором «спартанцы» были городом, если так можно выразиться. В самом деле, спартанцы в целом, как мы увидим, могли быть в Греции пионерами создания особого типа организованных общественных гражданских действий.

С другой стороны, в отношении архитектуры и организации пространства они плелись позади большей части Греции, или, во всяком случае, большинства передовых районов Южной Греции восьмого, седьмого и шестого веков. И совершенно очевидно, что они никогда по-настоящему не урбанизировали свой главный населенный пункт. Как замечает Фукидид в начале своей *Истории* спартанско-афинской войны, спартанцы сохраняли более старую форму своих поселений в виде деревень, остатки которых, как он точно предсказал, окажутся столь непрочными и столь невыразительными, что будущие посетители этих мест не смогут в полной мере оценить то могущество, каким фактически когда-то обладала Спарта. И, соответственно, спартанцы не возводили прочных городских стен или вообще какие-либо стен до II в. до н.э.

Одна из причин, по которой спартанцы не строили стен, заключалась в том, что они чувствовали себя в относительной безопасности от возможного вражеского вторжения извне или внутреннего бунта. Другой причиной было то, что они обычно считали городские стены проявлением женственной изнеженности и в своей самозащите очень высокомерно полагались исключительно на мужскую мощь своих собственных тел, подготовленных к военной службе. Возможно, самой важной причиной было прежде все-

СПАРТАНЦЫ

то то, что с политической точки зрения город Спарта включал в себя Амиклы так же, как и четыре деревни, на которые он и был поделен (Питану, Лимны, Месою и Киносур). Поэтому построить стену вокруг Спарты означало бы исключить Амиклы. Каким образом, когда и почему было осуществлено объединение и слияние с Амиклами, точно не известно. Достаточно сказать, что, с одной стороны, осуществить это фактически стало возможным только при том условии, что объединение было достигнуто прежде, чем спартанцы устремились на завоевание остальной части Лаконии к югу от горного хребта Тайгета и Мессении к западу от него. С другой стороны, объединение никогда полностью не отодвигало на второй план и не отменяло отчетливую самобытность жителей Амикл.

Как символу необычного места и статуса культовому центру Аполлона Гиакинта в Амиклах поклонялись с особо наглядным проявлением в VI в., когда спартанцы поручили малоазийскому греку Бафиклу из Магнезии на Меандре спроектировать и построить для культового образа бога «трон» из камня и драгоценных материалов, украшенный многочисленными фигурами. Сам культ был основной темой одного из главных ежегодных празднеств спартанского религиозного календаря — трехдневной Гиакинтии, и солдаты Амикл получали специальное разрешение присутствовать на нем, даже когда они принимали участие в боевых действиях за границей. Другая интересная особенность — это сочетание поклонения Аполлону с почитанием Гиацинта. Согласно мифу, Гиацинт был красивым юным мальчиком, которого любил Аполлон (имелись в виду и сексуальные отношения), но которого он, к несчастью, убил во время метания диска. Таким образом, их совместный культ символизировал и представлял реальные педерастические отношения между молодыми взрослыми спартанскими воинами и подрастающими юношами, которые проходили образовательный цикл, контролируемый государством. Однако культ был важен также для спартанских женщин и молодых девушек, поэтому он не может быть сведен только к специфически или явно мужскому, гомосексуальному явлению.

Возможно, главной причиной «национального» политического значения праздника Гиацинта было скорее то, что изначально он олицетворял объединение двух разных в этническом отношении народов — переселившихся дорийцев и коренных, исконных жи-

телей ахейцев. Как бы то ни было, с точки зрения истории спартанцы были дорийцами в самом полном смысле слова: они говорили на дорическом диалекте греческого языка, социальные и политические институты были основаны на традиционных дорических «трибах» (Гиллеи, Диманы и Памфилы), и поклонялись они богу, который среди всех олимпийцев наиболее тесно ассоциировался с дорическими народами, а именно Аполлону. Фактически почти все основные спартанские религиозные празднества происходили в честь того или иного Аполлона, а не покровительницы города Афины. Карнейи, посвященные Аполлону, представленному символами барана, были специфически дорическим празднеством, который отмечали в месяце карнее, почитавшемся священным всеми дорийцами (несмотря на то что это вовсе не мешало спартанцам и их дорическим врагам из Аргоса бесцеремонно шутить по поводу их предположительно обязательного и неизменного почитания святыни). Из-за своей главной обязанности отмечать надлежащим образом Карнейи, как заявили спартанцы, они не могли послать полный состав рекрутов в Фермопилы в 480 г.

Другим важным праздником в честь Аполлона в Спарте были Гимнопедии, и с этим связана интересная история, объясняющая происхождение праздника. Традиционно его название переводится как Праздник нагих мальчиков, оно происходит от слов *gymnos* и *paidiai*, однако центральное действо празднества не было состязанием только одной молодежи, оно включало соревнование между тремя возрастными группами: пожилых мужчин, вышедших из призывного возраста, воинов призывного возраста и молодежи, не достигшей призывного возраста. Так почему же этот праздник был назван только по одной из трех главных групп, участвующих в нем? Более правдоподобная этимология определяет значение *gymnos* не как обнаженный, а как безоружный, а *paidiai* восходит к греческому слову, означающему танец (в этом значение оно, например, использовано в *Лисистрате*). Таким образом, в Гимнопедиях мы, возможно, имеем дело с Праздником безоружного танца, учрежденного в таком виде, вероятно, во второй четверти VII в.

В действительности этот праздник должен был иметь особый культурный, так же как и культовый, смысл и значение, так как спартанцы вообще славились своими танцами, в частности особым военным танцем пиррик (названным в честь Пирра или Неоптолема, сына Ахилла). Так как все боги Спарты, причем не

СПАРТАНЦЫ

только мужского, но и женского пола, были визуально представлены своими культовыми статуями с оружием и в доспехах, праздник безоружного танца в честь вооруженного Аполлона приобретал очень специфическое дополнительное значение. Вероятно, в этом спартанцы подошли ближе всего к созданию коллективной совместной высокой культуры в ее афинском понимании. Именно на Гимнопедии спартанцы высокого ранга особенно любили приглашать своих знатных иностранных друзей в качестве гостей, угощая их зрелищем не спешащих обзаводиться семьей спартанских холостяков, традиционно обвиняемых в пренебрежении рекомендацией жениться и плодить себе подобных. Древний поэт, который не был уроженцем Спарты, сравнил спартанцев с цикадами, потому что они всегда объединялись в хор (как для совместного пения, так и танцев). Гимнопедии, отмечавшиеся в самое жаркое время года в самом жарком месте Греции из-за высоты над уровнем моря (около 200 м), придавали характерный спартанский гимнастический оттенок этой радостной теме.

В Древней Греции религия и политика были неразделимы, и, следовательно, неудивительно, что законы Спарты были почти полностью приписаны Аполлону Дельфийскому. Ксенофонт в своем эссе по поводу спартанских законов и образа жизни, написанном в начале IV в., называет их «установленными Дельфийским оракулом». Обращение к божественной поддержке было одним из способов попытки гарантировать их соблюдение. Другим способом было включение молодежи в условия постоянства укоренившихся законов через посредство сурового образовательного и социально-психологического режима. Предположительной личностью, которой приписывается изобретение законов и системы воспитания, был удивительно предусмотрительный Ликург.

ЛИКУРГ

Плутарх, задумав свой великий проект описания и сравнения истории жизни великих греков и римлян более или менее отдаленного прошлого, никак не мог обойти вниманием жизнь Ликурга. Он фактически сделал ему большой комплимент, сравнив его с Нумой, великим законодателем древних римлян. Однако в своем предисловии к биографии Ликурга он признается, что писать ее

было нелегко, так как все, что утверждается относительно Ликурга в разных источниках, противоречит одно другому. Так как Плутарх, неутомимый исследователь, цитирует не менее пятидесяти предыдущих авторов только по поводу одной этой биографии, мы можем легко понять его чувство огромного разочарования. Современный историк, несомненно, отказался бы от этой идеи. Следовательно, мы можем быть только благодарны за то, что Плутарх был историческим биографом и морализатором (писал нравоучительные исторические биографии), а не историком в строгом смысле этого слова; так как его «биография» Ликурга содержит разного рода детали по поводу Спарты, жизнь которой Ликург предположительно реформировал, эти детали полностью отсутствуют где-либо еще или в той же форме, или с теми же подробностями. В некотором смысле парадоксально, но в чем его работа менее всего полезна, так это в попытке наметить вероятный контур жизни этого человека.

Если предположить, что Ликург действительно был реальным человеком, то я уже упоминал вероятность того, что он представляет собой материализованную проекцию Аполлона, являвшегося божественным гарантом «его» законов. (Точная транслитерация его имени — *Lykourgos*, что в переводе означает нечто вроде «Волк-работяга» или «Волчий», а это один из многочисленных эпитетов Аполлона.) То, что сами спартанцы сомневались в статусе Ликурга, хотя их общество тратило множество усилий на увековечение его памяти, без сомнения, дополнительно и значимо указывает на недостоверность его существования.

Я приведу только две иллюстрации этой неопределенности. Одна из них содержится в первой книге *Историй* Геродота, где он в общих чертах описывает и представляет Спарту и Афины как два великих греческих государства, которые сыграют ведущую роль в Греко-персидских войнах в начале V в. Там он упоминает посещение Дельфийского оракула самим знаменитым Ликуртом. Как только Ликург вошел в храм, тут же оракул провозгласил следующее:

*Сюда в мой богатый храм ты пришел, Ликург,
Любимец Зевса и всех богов, Олимп населяющих.
Не знаю, объявить ли тебя человеком иль богом,
Но склонен я верить, Ликург, что ты бог.*

СПАРТАНЦЫ

Эта история Геродота соответствует хорошо известному сказочному сюжету, за которым более прозаично мы можем увидеть совещание спартанских властей по поводу того, как следует поклоняться Ликургу, то есть почитать его как героя (полубога) или как бога. То, что спартанцы желали от Дельфийского оракула прояснения и легализации статуса Ликурга, который тот определял неуверенно, указывает на то, что общественная память о нем уже была подозрительно туманной.

Спартанцы, как мы знаем, были очень склонны героизировать умерших соотечественников. Например, каменный рельеф VI в. изображает героическую фигуру с надписью, состоящей из единственного слова «Хилон». Это имя выдающегося спартанского деятеля, столь знаменитого, что он удостоился места в некоторых версиях перечня семи греческих мудрецов, все из которых были реальными политиками VI в. Хилон был героизирован в результате одноразовой акции *ad hominem*, но все спартанские цари были героизированы после смерти и впоследствии удостоились почестей как герои *ex officio*. Таким образом, по крайней мере, можно быть уверенными, что Ликург не был царем, и не принимать во внимание мнение Плутарха, что тот правил в течение восьми месяцев. Дополнительным доводом в пользу вероятной нереальности личности Ликурга служит то, что несмотря на стремление источников превратить его в царя или, по крайней мере, в члена одного из двух царских домов, они не могли решить, какого именно, и он неловко перемещался между родами Агиадов и Эврипонтидов.

Жизнеописание Плутарха содержит другие интересные, возможно, биографические детали. Предполагается, что Ликург совершил путешествие на Крит и в Азию, чтобы собрать сравнительную информацию относительно конституционной и общественной реформы. Осуществив радикальную земельную реформу, он якобы заметил, что вся Лакония выглядит как доставшееся в наследство большое поместье, недавно поделенное в равных долях между многочисленными братьями. Утверждалось, что в уличной драке ему выбили один глаз. Предположительно, он был особо одарен спартанским красноречием и как таковой представлял собой источник богатого фонда остроумных ответов: например, когда демократ, происходивший не из Спарты, принуждал его (что является анахронизмом!) обратить Спарту на путь демократии, он, как полагают, возразил: «Сначала ты установи демократию у себя

в доме». К нему относились с достаточным восхищением, чтобы посвятить ему маленькую статую Смеха, символизируя таким образом необходимость подсластить аскетизм жизни казарменного типа. В конце концов, как только его законы были приняты и, очевидно, начали действовать, то, как полагают, он покинул Спарту навсегда, совершив последний визит в Дельфы, чтобы проконсультироваться с оракулом относительного будущего успеха его реформ, а затем голодом уморил себя до смерти. Все эти трогательные детали в лучшем случае *ben trovato*. Поэтому для нас лучше прибегнуть к спартанской сдержанности и на неопределенное время отказаться от доверчивости.

С политической точки зрения суть и фокус всеобъемлющих реформ, приписываемых Ликургу, сосредоточены в документе, известном как Большая Ретра (в отличие от нескольких малых *rhêtrai*, также приписываемых Ликургу). Этот документ производит впечатление подлинного архаичного текста. *Rhêtra* означает любое изречение или официальное высказывание начиная от сделки, контракта или прорицания и вплоть до закона. Плутарх, сохранивший Большую Ретру, вероятно, полагал, что это дельфийское пророчество, получившее силу закона, которое является, таким образом, одновременно и прорицанием, и законом. То, что оно было написано в прозе, а не гекзаметром, не помешало ему поверить в его аутентичность, и это не должно помешать и нам. Использование в предложениях ряда отчетливо поэтических оборотов, напротив, должно подтвердить его мнение, что по своему происхождению этот текст был прорицанием, но когда оно было произнесено и при каких обстоятельствах?

Геродот определяет время Ликурга очень неопределенно — до совместного правления Леотихида и Агесилая, что приходится приблизительно на первую половину VI в. Аристотель связывает Ликурга с установлением Олимпийского перемирия и относит его ко времени, которое мы называем 776 г. до н.э. Но Тиртей, спартанский военный поэт середины VII в., совсем не упоминает Ликурга, а это очень красноречивое молчание, особенно потому, что он демонстрирует очевидное знакомство с тем, что Плутарх называл Большой Ретрой. Тиртей также упоминает решающую официальную консультацию в Дельфах, хотя в качестве посетителя вы-

ступал, конечно, не Ликург, а два совместно правящих царя — Феопомп (приведший Спарту к победе над жителями Мессении около 710 г.) и Полидор, которые могли совместно править в нашем исчислении в начале VII в. Соответствует ли действительности то, что говорит Тиртей, или нет, но это было подходящее время для проведения любых реформ того типа, которые приписываются Ликургу.

Плутарх фактически раскрывает суть реформы Герусии — спартанского Совета старейшин, осуществленной Ликургом как его первое и основное политическое нововведение, и в связи с этим цитирует Большую Ретру:

Установить культ Зевса Силлания и Афины, разделить на «трибы и обы» и учредить Герусию из тридцати членов совместно с царями [здесь они поэтически названы archagetai, т.е. «вождями»], от времени до времени собирать апеллу [праздники Аполлона] меж Бабиной и Кнакионом; Герусии предлагать законы и распускать; народу же принадлежит власть принимать «окончательное решение» [здесь Плутарх приукрашивает фразу, сильно искаженную на дорическом диалекте в оригинале], но если народ постановит дурно, Герусии царям распустить.

Самым примечательным по сравнению и контрасту с поэмой Тиртея был, прежде всего, статус царей. У Тиртея цари занимают первое и главное место, как это и можно ожидать в традиционном обществе, которое решило сохранить передающееся по наследству царствование или, скорее, двойное правление царей, переходящее по наследству. В Большой Ретре, однако, статус царей, с одной стороны, низведен до уровня простых членов Герусии, но, с другой стороны, благодаря включению в самый могущественный государственный правящий орган, состав которого, вероятно, впервые был ограничен тридцатью членами, им было гарантировано постоянное положение и влияние. В число других двадцати восьми членов, которым не могло быть менее шестидесяти лет, всегда входили нескольких родственников двух царей, и, видимо, состав фактически ограничивался аристократами, пожизненно сохранявшими свой пост и избиравшимися на мероприятия, которое Аристотель считал пародией на свободные и справедливые выборы.

Фиванский лирический поэт Пиндар отнес это событие к началу V в. (в отрывке, цитируемом Плутархом):

*Советы старейших
Превосходили всех там...*

На практике это означало в основном лицемерие: во-первых, Герусия обладала правом *probouleusis*, т.е. предварительной дискуссии, так что все законы, представленные для принятия решения спартанскому Собранию, называемому в Большой Ретре *damos*, т.е. Народным, сначала обсуждались в Герусии. Во-вторых, Герусия действовала как спартанский высший суд, имевший право допрашивать даже царей и выполнять функции верховного судьи, решая, что законно или незаконно. Власть Герусии была столь высока, что последний пункт Большой Ретры, очевидно, означает, что она могла даже опровергнуть решение Собрания *damos*, если не нравилось то, как это решение выражено или достигнуто.

Чем же был этот *damos*, или Собрание? В период древности Собрание состояло из взрослых мужчин-воинов, законнорожденных спартанских граждан, прошедших через обязательную систему воспитания, отобранных для трапезы за общим солдатским столом, экономически состоятельных, чтобы оплатить свой минимальный взнос за продукты для совместной еды, и не обвиняемых в трусости, порочащем общественном преступлении или скверном поведении. В высшей степени маловероятно, что такое воинское Собрание могло бы существовать или иметь возможность получить даже ограниченные права и привелегии по условиям Большой Ретры, прежде чем Спарта изобрела успешную фалангу тяжеловооруженных пехотинцев. А это могло произойти не раньше 675 г. или еще позднее, если мы учтем поражение Спарты от Аргоса при Гисиях в пограничной области Фиреатиде, традиционно датируемое 669 г. до н.э., за которым последовало крупное восстание недавно завоеванных жителей Мессении. Дата во второй четверти седьмого века, кажется, таким образом, наиболее правдоподобной для этого нововведения, и, возможно, в другом отрывке из иноземной поэзии, цитируемой Плутархом в *Ликурге*, особо упоминается успешное завершение политической реформы, соединенное с военным успехом гоплитов:

Наконечники копий юношей расцвели там...

Вместе с яснозвучащей Музой

И справедливостью на широких улицах.

Автор этих строк, Терпандер с Лесбоса, жил и работал примерно в то время и мог посетить Спарту, возможно, в связи с устройством поэтического и музыкального состязания на Карнейском празднестве.

Сражение гоплитов было особенно жестоким и требующим ближнего рукопашного боя, действительно устрашающего, если только солдаты не проходили суровые физические и психологические спартанские тренировки. Фаланга обычно выстраивалась глубиной в восемь шеренг, ее ширина определялась числом колонн; большая армия гоплитов состояла из 5000 человек, такая, как та, что спартанцы выставили в битве при Платеях в 479 г., и она должна была иметь более 600 колонн в ширину. Гоплиты могли получить свое название от самой важной части своей экипировки — круглого щита, который они носили в неизменно фиксированном положении на левой руке, прикрытие не защищенной щитом стороны зависело от соседа по фаланге справа. Греческое слово *hopla*, которым привыкли обозначать в собирательном значении оружие и доспехи, наверняка включало и щит. *Panoplia* представляла собой полный комплект снаряжения гоплита, состоявшего из большого бронзового шлема, сделанного из цельного листа металла, который обеспечивал хорошую защиту для головы, но делал гоплита глухим; бронзового или (позже) кожаного или льняного нагрудника, большого круглого, в основном деревянного щита, у спартанцев покрытого бронзой; бронзовых набрюшников и наголенников и, возможно, также бронзовых наколенников и налокотников; длинного колющего копья из древесины кизила с железным наконечником и железным же концом с острым выступом; запасного железного меча, необычно короткого у спартанцев, больше напоминающего кинжал. Две другие особенности экипировки были специфически спартанскими: длинные волосы и алый плащ (столь важный предмет, что он сопровождал спартанского гоплита не только в жизни, но и после смерти). Эффективность действий зависела не только от подлинной численности армии, но и от тесного взаимодействия, жесткой дисциплины и высокого морального духа, чего спартанцы добивались постоян-

ными тренировками, которые они были в состоянии обеспечить, так как могли позволить себе сохранять единственную, по-настоящему профессиональную армию в Греции.

Храбрость, требуемая для ведения боя гоплитами, называлась в Греции *andreia*, буквально «мужество» или «мужественность». Женщины, в том числе и спартанские, никогда не участвовали в войне, даже несмотря на то, что спартанские девушки, в отличие от девушек в других районах Греции, как мы увидим, были официально обучены и подготовлены к жизни в обществе так, чтобы стать подходящими спутницами мужчин и соответствующими матерями для будущих спартанских воинов. Воспитание истинного спартанского мужчины серьезным образом начиналось уже при рождении, когда не отец, как обычно, а старейшины из племенной группы новорожденного мальчика решали, стоит ли выращивать этого младенца. В течение первых семи лет спартанский мальчик воспитывался дома, как и любой греческий мальчик, но после того как ему исполнилось семь лет, он навсегда покидал дом, чтобы приступить к обязательной и совместной образовательной системе, известной как Агогэ, или Выращивание/Воспитание. Между 7 и 18 годами мальчики и юноши были организованы в «группы» и «стада» и находились под наблюдением молодых спартанцев. Их поощряли к разрыву особых связей с собственными родными семьями и к тому, чтобы считать всех спартанцев в возрасте их отцов *in loco parentis* (родителями).

Одним особенно поразительным аспектом этого замещенного или суррогатного отцовства был институт ритуальной педерастии. Предполагалось, что после двенадцати лет каждый спартанский подросток получает в качестве любовника молодого воина — технический спартанский термин для активного старшего партнера был «вдохновитель», в то время как младший партнер назывался «слушатель». Вероятно, сексуальные отношения были обычны, но секс никоим образом не был единственной и при любых обстоятельствах даже не главной целью. Педагогический аспект очевиден в рассказе о спартанском юноше, который совершил ошибку, крича от боли во время одного из регулярных жестоких физических состязаний, которые перемежали ход воспитания системы Агогэ. Наказали не самого мальчика за нарушение спартанского закона о самодисциплинированном молчании — наказание обрушилось на старшего любовника за то, что тот не смог достойно

воспитать своего любимца. Система Агогэ длилась до 18 лет, после чего происходил процесс отбора спартанцев, предназначенных для самых высоких постов во взрослой спартанской жизни — членства в элитной царской гвардии, высших военных должностей и, наконец, для избрания в Герусию. Эта спартанская элита образовывала то, что известно как Криптии, или Секретные исполнительные операции (СИО), задачей которых было контролировать илотов так же, как и доказывать свою готовность к ответственности зрелого воина.

Этот отбор, как и в целом руководство системой Агогэ, по-видимому, находились в руках *paidonomos*, буквально «пастухов», которых назначали эфоры («надзиратели»). Этот совет эфоров из пяти ежегодно избираемых чиновников представлял главную исполнительную власть в спартанском государстве наряду с двумя царями, а иногда и высшую по сравнению с ними. Происхождение этой службы неясно. Одна традиция приписывает ее создание тому же царю Феопомпу, который завоевал Мессению в конце VIII в., но тогда может показаться странным то, что они не упоминаются в Большой Ретре — если только они не получили полную власть, которой обладали во времена древности, уже после утверждения Большой Ретры. Ко времени Ксенофонта существовал ежемесячный ритуальный обмен клятвами между эфорами и царями, последние клялись соблюдать и поддерживать законы, а первые клялись поддерживать царей, но только при условии, что те будут действительно соблюдать и поддерживать законы. Это очевидным образом показывает, как далеко могли зайти эфоры в своем контроле возможно чрезвычайно харизматичных и могущественных царей. Так, например, об этом говорит тот факт, что когда бы царь ни осуществлял свое наследственное право командования спартанской или союзнической армией за границей, его всегда сопровождали двое из пяти эфоров, которые могли докладывать домой о поведении царя и, если это было необходимо, инициировать законное судебное разбирательство против него.

Вслед за Агогэ необходимое общественное обоснование военного образа жизни обеспечивалось системой общих трапез (*phaiditia*, *sussitia*), известных также как «общие палатки» (*suskania*). Отбор на эти трапезы происходил, когда кандидаты достигали приблизительно двадцати лет, и основывался на состязании: достаточно было единственного голоса «против», чтобы отказать кан-

СПАРТАНЦЫ

дидату. Разумеется, некоторые совместные трапезы были более привилегированными и желательными, чем другие, но самыми значительными были царские трапезы, на которых оба царя, когда находились в Спарте, обедали вместе со своими избранными помощниками. Неудача при отборе на любую совместную трапезу была равносильна исключению из спартанского гражданства и, возможно, также из армии.

Главная совместная трапеза происходила вечером. Как утверждалось, во время пути на совместную трапезу или возвращения с нее не допускалось использование факелов для того, чтобы приучить спартанцев скрытно перемещаться ночью (в чем спартанские армии действительно были особо искусны). Участие в ежедневных совместных трапезах было столь важно, что только две причины могли извинить отсутствие на них: необходимость совершить религиозное жертвоприношение или участие в охоте. Охота имела огромное символическое значение в Спарте как мужественное ритуальное противоборство человека с грозным страшным вепрем, но, кроме того, она приносила и важную практическую пользу, потому что не только развивала дополнительные военные навыки, но и позволяла добыть разного рода дичь, которую можно было добавить к обычно скудному рациону совместных трапез. Продукты не выдавались из центрального склада, как в системе общественных обедов на Крите, а обеспечивались индивидуально членами каждой трапезы. Фактически гражданство мужчины зависело от способности поддерживать свое участие в совместных трапезах, будучи однажды избранным благодаря взносу фиксированного минимального количества натуральных продуктов.

Продукты, в основном зерно, оливковое масло и вино, производили главным образом илоты, работавшие на спартанских земельных участках, известных как *klaroi*. Илоты фактически были фундаментом не только системы совместных трапез, но и всей политической, военной, социальной и экономической системы Спарты. Вероятно, значительное количество их уже существовало в Лаконии, особенно на равнине Гелос в долине Эвроты к середине VIII в. или вскоре после этого. В противном случае, если это было не так, трудно объяснить, почему спартанцы стремились утолить свою жажду приобретения новых земель и использования подневольного труда, прежде всего за счет поиска илотов и *klaroi* к

западу от высокого горного хребта Тайгет. За Ликургом, конечно, было признано право на перераспределение земли в Лаконии и Мессении, где насчитывалось 9000 земельных участков и теоретически 9000 спартанских граждан, но в действительности такая радикальная мера как земельное перераспределение была навязана спартанской элите только из-за восстания илотов Мессении во второй четверти VII в. Именно во время Второй Мессенской войны Тиртей создал свои военные наставления в стихах, оказавшие столь своевременными. К 650 г., или около того, мятеж илотов в Мессении был в достаточной степени подавлен, и спартанцы оказались на самом передовом крае греческого процветания и благосостояния, собственниками самой большой территории города-государства во всем греческом мире (около 8000 км²) и владельцами рабской рабочей силы для освоения его самых плодородных районов — долин Эвроты и Памиса.

Название «илоты» означает «пленные», что было равноценно военнопленным, которых спартанцы покорили и эксплуатировали. При вступлении в должность осенью каждый новый совет эфоров обращался с воззванием ко всем спартанцам «сбрить усы и соблюдать законы». Их следующее публичное обращение было объявлением войны илотам. Это имело целью подчинить илотов воинскому закону и авансом освободить любого спартанца от пятна кровопролития, в случае если он найдет необходимым или желательным убить илота (как регулярно и умышленно делали члены Криптии). Однако илоты не были единственной рабочей силой в греческом мире, например, фессалийские пенесты были такой же этнической греческой группой, порабощенной в массовом масштабе для того, чтобы поддерживать свободный класс греческих господ. Однако илоты являются группой, вызывающей наибольшее разногласие в оценках, не в последнюю очередь, поскольку они были греками и имели общую культуру и язык с их хозяевами в резком отличии от типичных рабов в Греции — ввезенных иностранцев или «варваров». Более того, илотам удавалось не однажды бунтовать, чего никогда не делали рабы, находившиеся в личной собственности, и, в конце концов, в 370—369 гг. мессенские илоты подняли восстание, добиваясь полной политической и также личной свободы.

Рядом или, скорее, между спартанцами и илотами внутри границ спартанского государства проживала третья группа насе-

СПАРТАНЦЫ

ния. Они были известны как периеки, «живущие вокруг» или «живущие вне», потому что занимали наименее плодородные земли на холмах и в прибрежных районах Лаконии и Мессении и, таким образом, были расселены вокруг илотов, служа спартамцам ранней предупреждающей системой и первой линией защиты против них. Утверждалось, что существовало сто общин периеков, каждая из которых удостаивалась звания *polis*, но на самом деле они были ближе к восьмидесяти поселениям и деревням, и название *polis* давало периекам только местные политические права, а не влияние в определении спартанской политики. Таким образом, периеки формально были свободными подданными спартанцев, которыми те, сверх того, могли распоряжаться в своих военных и экономических целях.

До катастрофы 370—369 гг. мы только однажды слышали о восстании периеков против Спарты, это произошло во время так называемой Третьей Мессенской войны. Восстание илотов Мессении было вызвано главным образом мощным разрушительным землетрясением, от которого около 464 г. пострадала Спарта. В других отношениях их основным и всевозрастающим значением для Спарты было надежное снабжение гоплитов провиантом: сначала для поддержки собственных отдельных контингентов, а после 464 г. — отрядов спартанских гоплитов, куда они также вошли. Когда они участвовали в совместном сражении, периеков так же, как и спартанцев, называли «лакедемонянами», и, очевидно, поэтому буква *лямбда* (перевернутое V) украшала их щиты, так же как и спартанские.

Так как спартамцам, во всяком случае в период древности, по закону запрещалось заниматься любыми ремеслами или торговой деятельностью, т.е. фактически всеми экономически продуктивными занятиями любого рода, кроме военного дела, эту лакуну заполняли периеки в качестве торговцев и ремесленников, и особенно в этом им помогало то, что жили они на побережье Лаконии и Мессении (их город Гифей в Лаконии был главным спартанским портом и судостроительной верфью), а также имели доступ к некоторым из богатейших запасов железных руд материковой Греции в Бэи на мысе Малеа. Они или, очевидно, их рабы добывали достаточное количество голубоватого известняка, который использовали для создания скульптур в Спарте и окрестностях. Они также производили гончарную глину, которая превращалась в

прекрасную расписную керамику, получившую в VI в. удивительно широкое распространение по всему Средиземноморью вплоть до Черного моря. И также именно они отливали и экспортировали бронзовые статуэтки удивительно высокого качества, начиная с фигурок лошадей в конце VIII в., а затем статуэток гоплитов и атлетов в VI в. И, наконец, разумеется, именно они изготавливали доспехи и оружие, обеспечивая работу военной машины Спарты.

О периеках легко забыть при описании истории спартанцев, особенно потому, что иногда их могут обозначать одним и тем же этнополитическим термином, но в этой истории спартанцев мы попытаемся избежать столь серьезной ошибки.

2

СПАРТА в 500 г. до н.э.

В предыдущей главе мы попытались описать место действия и условия, в которых разворачивались решающие события и процессы периода 480—360 гг. до н.э. Это место действия и условия можно кратко обозначить как «Спарта времени Ликурга». Эта Спарта, по-видимому, возникла *ex nihilo* (из ничего) благодаря законодательной мудрости некоего Ликурга намного раньше VI в. В действительности, любой истинный Ликург был бы вовлечен в сохранение и преобразование традиций, так же как и в обновление уже существующих, и именно эти вопросы будут основным содержанием второй главы. Здесь мы расширим наши горизонты от южного Пелопоннеса до более обширного греческого мира. Мы рассмотрим отношения между двумя мирами — Спартой и Элладой — более широко, особенно в связи со спартанской военной экспансией и дипломатией. Около 500 г. Спарта создала военный альянс многих государств, который мы называем Пелопоннесским союзом, частично к этому ее подтолкнули враждебные отношения с Афинами, ускользнувшими от довольно милосердных челюстей патриархальной тирании и диктаторства, чтобы изобрести первую в мире демократическую систему самоуправле-

ния в 508—567 гг. Эти достижения повлекли за собой начало контактов с Персидской империей, созданной великим Киром в середине VI в., который к началу V в. уже угрожал поглотить Эгейский мир Греции.

Геродот, чтобы поведать о самом могущественном государстве на территории Греции, фактически начинает свою описательную часть *Историй* с изысканий о баснословно богатом царе Лидии Крезе. Тот многое знал о греках, так как на побережье Малой Азии некоторые из них были его подданными, и он не был полностью враждебен греческой культуре, а больше боялся возрастающей мощи Персидской империи при великом царе Кире II. Начало этого могущества относится приблизительно к 560 г., а к 40-м гг. VI в. оно уже угрожало независимости царства Крезе. Решив, что Спарта и Афины были в то время двумя самыми могущественными греческими государствами, а Дельфийский оракул был самым могущественным в греческом мире, он действовал согласно предполагаемому дельфийскому предсказанию, по которому, если он пересечет Галис, то разрушит великое царство. К несчастью, царство, которое он разрушил, перейдя через реку, было его собственным, и после захвата Лидии Кир отправил своего мидийского полководца Гарпага покорить или мирно включить в свою империю азиатских греков.

Греки обычно отождествляли персов с их близкими родственниками мидянами, например, эпитафия драматурга-трагика Эсхила, упоминающая его подвиги в Марафонском сражении в 490 г., говорит о «длинноволосых мидянах», как бы зная об этих любопытных фактах. В действительности мидяне и персы были совершенно различными народами, с очень разными обычаями, и происхождение творения Кира — персидской империи Ахеменидов — заложено в изменении традиционных политических отношений между ними. С этого времени персы Южного Ирана находились на дирижерском возвышении, и мидяне Северного Ирана исполняли вторые роли. В свое время после победы над Ассирией при Ниневии в 612 г. мидяне сами были имперской державой. В наследство имперской системе Кира они оставили слово, которое греки транслитерировали как «сатрап», что означало наместник царя, или имперский правитель. Одна из двадцати или более сатрапий Персидской империи сформировалась из того, что было царством Крезе Лидией со столицей в Сардах. Другая была обра-

зована из греческого района Иония дальше на западе, в который входили такие важные города, как Эфес и Милет. Персы позаимствовали у мидян не только это. Как мы увидим, верховным командующим для особых поручений во время марафонской кампании 490 г. мог стать мидянин, такой как Гарпаг, а его преемником — мидянин Датис, назначенный зятем Кира царем Дарием I.

Именно из Милета в Ионии происходил непосредственный интеллектуальный предшественник Геродота Гекатей. Сам Геродот происходил из дорийского города Галикарнаса дальше к югу. Гекатей имел отношение к позднейшей моде на «научное» мышление, введенной в первые годы VI в. Фалесом, также родом из Милета. Фалеса можно упомянуть в связи с его исследованиями природы космоса как *historia*, что значит «исследование прошлого». Гекатей почти наверняка пользовался этим словом для собственных исследований, но то, что он изучал, было не внечеловеческим космосом, а миром людей. У него были свои разочарования. «Сказок, рассказанных греками, — гремел он, — много [вот оно, противоречие], и они нелепые». Геродоту, который неизбежно до некоторой степени последовал за Гекатеем, иногда буквально и часто без прямого подтверждения приходилось соглашаться с ним, но он принял, несомненно, более либеральную позицию:

*Моя задача связать рассказанные истории, мне
Не обязательно верить в них.*

Истории, которые более всего интересовали его и, вероятно, его читателей и слушателей V в., касались происхождения великого конфликта между Западом и Востоком, между греками и варварами, или то, что мы называем Греко-персидскими войнами начала V в. Вот как он описывает задачу, возложенную им самим на себя в предисловии к своим *Историям*:

Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения [historiê], чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение, и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и негреческих варваров, не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

Объясняя, почему «греки и негреческие варвары... вели войны друг с другом», он начал свое изложение, как мы видели, приблизительно с 550 г. до н.э., грубо говоря, за семьдесят лет до своего рождения. Он мог обратиться, вероятно, к немногим, если и были такие, действительно опытные и помнившие столь далекие события, но вокруг оставались сыновья и особенно внуки этих людей, способные передать ему эти рассказы, каждый, конечно, на свой манер, со своим особым подходом или особенностями. Но свидетельства в целом и качество *Историй* Геродота в частности таковы, что мы также можем и должны совершенно безопасно использовать Геродота в качестве руководства к основным хронологическим, географическим и политическим достижениям в Восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке между 550 и 479 гг. Все события позднее 479 г. мы называем «постмидийскими», т.е. те, что происходили после Персидских войн и не были предметом его исследования. Они были оставлены другим, включая и его великого последователя Фукидида, продолжившего повествование с 478 г.

Геродот отмечает, что спартанцы рано проявили интерес к продвижению Кира на Эгейское побережье. Утверждается, они направили посольство к Киру, заявив довольно твердо, чтобы он держался подальше от их восточных греческих братьев. В ответ Кир якобы холодно поставил их на место: «Кто эти спартанцы?» За два поколения его наследники получили все основания узнать из первых рук на поле боя при Фермопилах и также Платеях, кем они были. Не менее интересно, чем явное невежество Кира, явное знание о нем спартанцев и интерес к продвижению Персии. Это еще не изоляционистская, закрытая от окружающего мира Спарта, которая очень часто появляется на страницах Геродота и становится основной частью спартанского мифа, легенды или миража, не останавливающаяся перед ритуальными изгнаниями иностранцев, греков так же, как и негреков, и в отличие от остальных греков отказывающаяся формально делать различие между негреческими «варварами» и чужими греческими «иноземцами» (*хенои*). Археология, по счастью, утверждает относительную открытость Спарты внешнему миру во второй половине VI в. Это было время, когда, например, как мы увидим в последней главе, Бафиклу из Магнезии на Меандре в Малой Азии было поручено создать «трон» для Аполлона в Амиклах.

К 500 г. Эллада стала известна как зона греческого расселения, протянувшаяся от пролива Гибралтар на западе далеко к восточной окраине Черного моря. Это явилось результатом того, что современные историки кратко называют колонизацией или годами колонизации, хотя важно помнить, что, например, Сиракузы, основанные Коринфом в 733 г., или Тарас (Тарент), основанный Спартой около 706 г., не были колониями в современном понимании этого слова, а с самого начала совершенно новыми и независимыми образованиями. Причина, по которой Тарас оставался единственной колонией Спарты, заключалась в том, что Спарта была в состоянии решить проблему приобретения земель, которые в целом лежали далеко позади путей колонизации, расширяясь за счет территорий в Лаконии и Мессении. В некотором смысле спартанский Лакедемон действительно не был просто государством-завоевателем, но скорее колониальной державой. Однако через полтора столетия или около того после основания Тараса стремление к захвату земель или, лучше сказать, возобновленные империалистические амбиции вновь овладели спартамцами.

Расширив свои земли сначала на юге и западе, спартамцы около второй четверти VI в. решили расширить свои территории на севере, то есть за счет внутренних районов Аркадии центрального Пелопоннеса. Образ Аркадии в наши дни — это идиллические пасторальные пейзажи, тихие и притягательные, но реальная Аркадия прошлого была труднопроходимым, суровым районом в глубине материка. Это был довольно отдаленный район, так как там сохранился диалект — ближайший исторический потомок микенского диалекта, преобладавшего в надписях, выполненных линейным письмом эпохи Поздней бронзы, и довольно бедный район, чтобы, по крайней мере, с начала V в., стать в Аркадии регулярным источником жадных поисков наемников для службы за границей. Конечно, спартамцы были в состоянии сфабриковать божественное оправдание своего вторжения в Аркадию в виде Дельфийского оракула, чтобы заранее снять обвинение в просто неприкрытой агрессии. Однако поддержка Аполлона требовала значительного времени для превращения ее в успешное предприятие и, в конце концов, спартамцам пришлось удовлетвориться существенно меньшим, чем повторение их завоевания Мессении.

Один печально известный случай описан у Геродота: спартамцы выступили в поход, неся мерные веревки для обмера земли,

СПАРТАНЦЫ

которая, как они полагали, вскоре им достанется, а также кандалы, чтобы заковать своих новых аркадских илотов, которые будут обрабатывать для них землю, но потерпели поражение и закончили как военнопленные, закованные в собственные кандалы. Впоследствии это сражение стало известно как Кандальная битва, столетием позже в храме Афины Алеа в Тегее Геродоту показали, как утверждают, те самые кандалы. Сила традиции и через 600 лет была такова, что набожному греческому путешественнику Павсанию продемонстрировали якобы в точности те же оковы. Если бы спартамцам не удалось добиться цели силой, то они пустили бы в ход коварную пропаганду и дипломатию.

Сначала спартанцы обнаружили и вернули кости «Ореста» из Тегей. Орест по матери был спартанцем, сыном Агамемнона и спартанки Клитемнестры и племянником спартанского царя Менелая. Эти кости объявили принадлежащими Оресту, чтобы продемонстрировать спартанские «наследственные» притязания на Тегею. (С трезвой научной точки зрения эти обнаруженные непомерно огромные кости принадлежали скорее всего доисторическому динозавру.) Они были торжественно переправлены «назад» в Спарту для перезахоронения, где стали центром еще одного культа героя. Возможно, в то же время так называемые кости сына Ореста Тисамена также были возвращены «назад» в Спарту из района Ахейи на севере Пелопоннеса. Смысл этого действия заключался в том, чтобы подчеркнуть притязания Спарты на весь Пелопоннес по праву наследования. Иными словами, возвращение и перезахоронение костей Ореста из Тегей и Тисамена из Ахейи было мифологическим, пропагандистским аспектом абсолютно приземленной, прозаически прагматичной дипломатической кампании, которую одновременно вели спартанцы и которая предназначалась для того, чтобы в идеальном случае поставить весь Пелопоннес под свое дипломатическое и военно-политическое господство.

Эта цель в конце концов была фактически достигнута посредством учреждения того, что современные историки называют Пелопоннесским союзом. В действительности, так же как и Священная Римская империя, Пелопоннесский союз не был полностью Пелопоннесским и не тем, что мы в настоящее время понимаем под союзом. Он никогда не охватывал все государства Пелопоннеса: наиболее очевидно стремился остаться в стороне Аргос. Поми-

мо этого, с самого начала союз включал несколько государств, таких как Мегара, Эгина и, наконец, Беотия во главе с Фивами, которые географически не относились к Пелопоннесу. Это не был союз в современном смысле этого слова, потому что не все союзники поддерживали друг друга (хотя некоторые из них и являлись таковыми), но отдельно каждое из них было союзником Спарты. Более того, в основе их отношений со Спартой не было равенства. В своих союзнических клятвах они клялись именем главных богов (например, олимпийского Зевса) иметь тех же друзей и врагов, что и спартанцы. Они, по крайней мере некоторые из них, клялись прийти на помощь спартанцам в случае восстания илотов. Они клялись последовать за спартанцами, куда бы те ни повели их, но спартанцы не связывали себя никакими подобными взаимными обязательствами.

В двух последних случаях причины этого очевидны, но не столь ясно, почему спартанцы не должны были приносить клятву иметь тех же друзей и врагов, что и их союзники. Реальное объяснение состоит в неравенстве сил. Спартанцы находились в положении, когда они могли избежать обязанностей против своей воли проводить политику, которая, по их разумению, давала разительное преимущество союзникам, а не им самим. В итоге, в обстоятельствах, к которым мы еще вернемся, союзники получили коллективное право посоветоваться прежде, чем взять на себя обязанность проведения политики или совершения действий, желательных для спартанцев. Существовала оговорка, дающая право на освобождение от обязательств, например, религиозных, которая предоставляла возможность ссылаться в суде на предыдущие религиозные обязательства, чтобы добиться отказа от действия или политики, одобренной в целом союзом. Баланс власти между Спартой с одной стороны и союзниками с другой стороны был совершенно очевидным. Следовательно, технически Пелопоннесский союз или, выражаясь на старинный манер, «спартанцы и их союзники» или «пелопоннесцы» были суммой не равных слагаемых. Спарта являлась *hégemôn* или лидером, а союзники были *summachoi*, которые вели нападение и оборону от имени и по приказу *hégemôn*.

Возможно, альянс, заключенный между Спартой и Тегеей во времена «эпизода с костями», был первым из серии тех, что привели к окончательному оформлению союза. Возможно, что таковым был союз, который Спарта заключила с Элидой, так как Эли-

да управляла Олимпией, а отношения Спарты с Олимпией были вторыми по близости после отношений с Дельфами — другой пан-эллинской или общегреческой святыней. Эллинизм, как мы увидим, особенно в связи с событиями 480—479 гг., никогда не был веским, не говоря уже решающим, фактором в межгосударственных отношениях: чаще всего греческие города стремились сражаться друг против друга, а не на стороне друг друга, но великие общегреческие святыни составляли важный элемент основной культурной общности, что и позволяет говорить об эллинизме. По крайней мере, перемирие, наступавшее во время Олимпийских игр, устраивавшихся раз в четыре года, должно было выразить или обеспечить согласие, а не вражду. Чиновники, предоставленные Элидой для надзора за организацией Игр, были выразительно названы *Hellanodikai*, что-то вроде «греческих судей», и в интересах всех греческих городов было оставаться на их стороне, так как победа на Играх, например, гражданина Спарты, могла быть выгодно использована Спартой ради политического престижа и влияния в других сферах. Другими словами, влияние в Олимпии было полезным дипломатическим товаром, и спартанцы, которые всегда тщательно, где это было возможно, использовали почтение к политическим целям, очень предусмотрительно с самого раннего времени устанавливали постоянные и обязывающие дипломатические связи с Элидой.

Таким образом, Пелопоннесский союз мог сформироваться около середины VI в., но должно было пройти еще около полстолетия, прежде чем он обрел институционную основательность. Интересный эксперимент, впоследствии не доведенный до конца Спартой, был предпринят около 525 г. Впервые и единственный раз до 480 г. спартанцы оказались участниками морской кампании на дальней, восточной стороне Эгейского моря, почти на территории Азии. Это произошло во время совместной экспедиции с коринфянами, предпринятой для смещения тирана Самоса Поликрата и возвращения на престол самосских изгнанников. Так как требовалась значительная настойчивость, чтобы уговорить сухопутных жителей Спарты предпринять эту авантюру так далеко от родного дома в незнакомой стихии, должна была существовать какая-то важная причина или что-то, связанное с теми, кто предложил эту идею, или комбинация и того и другого, что объясняло бы этот уникальный случай.

Во-первых, о причине. Позже спартанцы приобрели репутацию ниспровергателей тиранических режимов всех видов, а именно незаконных, абсолютно неконституционных режимов, обычно осуществлявшихся одним диктатором. В действительности их оценка не была совершенно последовательной или принципиальной, как могло показаться на основании их репутации, поэтому в каждом отдельном случае мы должны взглянуть на специфические причины. В случае с Поликратом из Самоса действовали оба фактора. По какой-то причине отдельные спартанцы уже установили тесные дружеские связи с отдельными самосцами, связи, которые поддерживались или обновлялись через взаимные визиты. Например, около 550 г. некий неизвестный спартиат по имени Эвнаст посвятил Самосской Гере бронзовый сосуд, украшенный очаровательным изображением льва (на котором написано имя дарителя). Без сомнения, в свою очередь, некоторые изгнанники, высланные Поликратом, были приверженцами Спарты. Геродот упоминает в несколько юмористическом стиле, что спартанцев не убедила риторика изгнанников, противоположная «лаконичной» речи, но, тем не менее, убедили их соображения, хотя почему именно они их убедили, он, к сожалению, оставляет неясным.

Одним из факторов принятия такого решения, несомненно, была настоятельная просьба коринфян. Потому что, хотя Геродот не объясняет это полностью, коринфяне бесспорно являлись союзниками Спарты уже к 525 г., фактически, вероятно, почти так же рано, как Тегея и Элида. Это произошло скорее по важным геополитическим, а не сентиментальным причинам, хотя оба города (в отличие от Тегеи и Элиды) были дорийскими. Коринфяне контролировали сухопутный проход на Пелопоннес и из него через Коринфский перешеек, у них были порты по обе стороны перешейка, это означало, что они могли отправлять флот на восток в залив Сароникос или на запад в Коринфский залив. Непокоренная враждебность Аргоса к Спарте как раз на юго-востоке от Коринфа заставляла Спарту стремиться к тому, чтобы Коринф в любом случае всегда оставался «на их стороне» в качестве дружественного союзника. Конечно, связи действовали с двух сторон: коринфяне нуждались в Спарте в качестве противовеса Аргосу или в качестве поддержки их собственным политическим целям как вовне, так и внутри Пелопоннеса. Однако позиция Коринфа была такова, что только он один мог позволить себе открыто и

СПАРТАНЦЫ

беззастенчиво противостоять Спарте, и не однажды делал это по почти самым главным вопросам, таким как объявление войны против третьей стороны или по ведению уже согласованных военных действий. Так, вследствие того, что коринфяне настаивали на войне против Поликрата в 525 г., для спартанцев это уже само по себе было важным аргументом для размышлений.

Что представлял собой сам Поликрат? Он был не первым человеком, захватившим абсолютную тираническую власть на острове Самос, но бесспорно, он являлся наиболее успешной и важной фигурой среди них. Геродот, который хорошо знал Самос из первых рук, размышляет о правлении Поликрата, по-видимому, из-за трех великих «чудес», сооруженных при его власти: километрового горного тоннеля, обеспечивающего город Самос гарантированным запасом воды, необходимым при обороне большого мала или дамбы, защищающей самосскую гавань, и чудесного храма богини Геры, покровительницы города. Поликрат также являлся, как очень занимательно описывает Геродот, первым правителем «так называемого поколения смертных», установившего талассократию, т.е. господство на море. Хотя задолго до Поликрата критский царь Минос также славился как морской владыка, но его морское господство относилось к туманному периоду мифов и легенд, а не подлинным, достоверным временам человеческой истории. Морские амбиции Поликрата привели к его вмешательству, с одной стороны, на запад на острова Киклад, где он посадил на трон Лигдама в качестве марионеточного тирана, а с другой стороны — на восток, где он столкнулся с новой восточной великой державой — Персидской империей в лице местного сатрапа Лидии, расположившегося в Сардах. Очевидное желание Поликрата наладить контакты с персами привело некоторых современных ученых к предположению, что решение Спарты о его свержении определялось ее антиперсидской программой.

Если это предположение правильно, то оно никак не могло быть первым знаком стремления спартанцев противостоять Персии, но было первым свидетельством готовности участвовать в физических и почти прямых действиях против персов в их собственной или близлежащей области. К сожалению, это предположение не поддается никаким доказательствам, так что придется на некоторое время оставить его без доказательств и вернуться к событиям, более близким к основному месту действия, особенно к

взаимоотношениям между Спартой и Аргосом. Эти два государства находились в состоянии острых разногласий, вероятно, уже начиная со второй половины VIII в. Во всяком случае, существует некоторое доказательство прямой конфронтации между ними в дошедших до нас стихах Тиртея, которые датируются приблизительно 670 г. Если справедлива традиционная датировка битвы при Гисиях, тогда два государства столкнулись в решающем сражении в 669 г., в которой Аргос, возможно, благодаря руководству активного царя Фидона одержал убедительную победу.

Расположение Гисий на границе с Фиреатидой к северо-востоку от территории, подвластной Спарте, само по себе говорит нам, что Спарта была агрессором. Следовательно, тем больше оснований, чтобы поражение оставило продолжительную и глубокую рану, счет, который необходимо было оплатить. Поэтому спартанцы после неизбежного примирения с Тегеей, которая лежала близко к любому очевидному маршруту спартанской армии, двигавшейся на северо-восток Пелопоннеса, как только почувствовали, что в состоянии раз и навсегда завершить дело, решили попытаться довести его до конца. Это произошло около 545 г., так как этот эпизод Геродот относит к тому же времени, что и завоевание Крезом Персии и падению Сард. Однако манера, в которой велись военные действия, по крайней мере вначале, была удивительно странной.

Спартанцы и жители Аргоса пришли к соглашению провести сражение не полным составом гоплитов, а силами 300 отборных воинов с каждой стороны, устроить своего рода испытание силы героев. Это в равной степени привело к поразительному результату. После особенно ожесточенного сражения или серии сражений в живых на поле боя остались только три воина: два солдата Аргоса и один спартанец. Аргивяне, которые были, так сказать, инстинктивными сторонниками равноправия и демократии, рассудив, что это превосходство в численности равносильно победе, вернулись домой в Аргос доложить и отпраздновать ее. Однако единственный выживший спартанец, который очевидным образом не был ни демократом, ни эгалитаристом, отказался признать поражение, напротив, он заявил о победе Спарты на том основании, что он единственный оставался «на своем посту» на поле боя, как и полагалось истинному гоплиту, и поэтому он установил победный трофей от имени Спарты. Конечно, аргивяне не собира-

СПАРТАНЦЫ

лись примириться с этим, поэтому послали полный состав гоплитов навстречу спартанским воинам, и тогда спартанцы одержали действительно решающую победу. Непосредственным результатом этого было то, что они получили контроль над Фиреатидой и фактически включили ее в государственную территорию Лакедемона.

Характерно, что, будучи спартапцами, они отпраздновали свою победу и приобретение новых владений символическим, религиозным образом: на месте сражения был учрежден ежегодный праздник, известный как Парпарония. Во время него участники носили «фирейские» венки и бронзовые фигурки, хорошие экземпляры которых сохранились до наших дней: их делали и посвящали богам, чтобы продемонстрировать и закрепить свой успех. Геродот добавляет, что после победы спартанцы усвоили характерную культурную практику, в соответствии с которой взрослые спартанские воины отпускали ужасающе и величественно длинные волосы, но на самом деле, непохоже, чтобы этот обычай был связан с каким-то одним особым событием, неважно, насколько существенным оно было. Наоборот, рана, нанесенная этим поражением аргивянам, была, по меньшей мере, столь же значительной, как та, что они нанесли Спарте в 669 г. при Гисиях. В 420 г. в течение временного затишья во время Афинской войны они попросили спартанцев переиграть или, точнее, повторить битву 300 воинов... Довольно странно, что спартанцы отклонили просьбу.

Таким образом, примерно к 525 г. в распоряжении Спарты уже находились основные части головоломки, из которых, в конце концов, сложились собственно Пелопоннесский союз. Отношения с Афинами обеспечили условия для окончательного появления этой организации. Давайте кратко пролистаем страницы истории Афин к этому времени. Как многие греческие города в ранний исторический период, Афины находились под управлением аристократов, которые называли сами себя *eupatridae* («сыновьями добра, т.е. благородными, отцами»). Их монополия на политическую и религиозную власть претерпела изменения в начале VI в. благодаря реформам Солона, еще одного (как и спартанский Хилон) из семи мудрецов Древней Греции. Однако даже эти реформы были недостаточны, чтобы предотвратить тиранию, которая, в конце концов, утвердилась в Афинах через век после того, как она впервые возникла на территории Греции в Коринфе и Сикионе.

В конце концов, около 545 г. после двух относительно успешных акций аристократ Писистрат установил стабильную автократию, которая после его смерти в 528—527 гг. перешла к его сыну Гиппию. В результате в 525 г., когда Спарта и Коринф пытались покончить с тиранией Поликрата на Самосе, Афины все еще прочно находились под диктаторским управлением Гиппия. В действительности Гиппий смог уговорить занять высокие должности или удержать на них других членов афинской аристократии, таких персон как, например, Клисфен из семейства Алкмеонидов, который служил архонтом в 525—524 гг.

Тем не менее, к 514 г. терпение некоторых аристократов истощилось, и они попытались убить Гиппия. Но все произошло не так, как было задумано, убит был его брат Гиппарх, после чего Гиппий стал значительно менее любезным, а его правление стало больше напоминать то, что мы понимаем под термином «тираническое». Клисфен, потеряв веру в революцию изнутри, отправился в изгнание с рядом своих последователей и около 513 г. попытался совершить вторжение и нанести удар извне, но безуспешно. Затем он обратил взор на Дельфы, центр земли, и подслал Аполлона, оплатив исключительно дорогое восстановление его главного храма в святилище. В результате, когда спартанцы обратились за одной из очередных консультацией к оракулу, ответ, который они все время получали, о чем бы в действительности ни спрашивали, был следующий: «Идите, освободите Афины от тирании Гиппия». Эти ответы вызвали немалое замешательство спартанцев, так как они, или по крайней мере влиятельные люди Спарты, чье мнение действительно имело значение, находились до сих пор в хороших, по-настоящему дружеских отношениях с Гиппием и его семьей. Например, в 519 г. они посоветовали небольшому беотийскому городу Платеи заключить союз с Афинами Гиппия, а не присоединяться к панбеотийской лиге, возглавляемой Фивами. Это посеяло враждебность между Фивами и Афинами на многие годы.

В конце концов благочестие и трезвый расчет убедили спартанцев в 512 или 511 г. отправить экспедицию, чтобы сместить Гиппия. Довольно любопытно, что отправили ее не по суше, а по морю и не под командованием одного из двух царей (Клемена I или Демарата), но под командованием некоего Анхимолия, который, несомненно, являлся выдающейся личностью и происходил

СПАРТАНЦЫ

из известной семьи, но в других отношениях был неизвестен. Возможно, нет ничего удивительного, что эта первая экспедиция потерпела полное фиаско и что в 510 г. потребовалось настоящее сухопутное вторжение под командованием царя Клеомена. Этот поход завершился абсолютным успехом — Гиппий и его сыновья были взяты в плен и сосланы, но он сам и его изгнанные соратники смогли вернуться и возобновить обычную политику. Однако то, что рассматривалось как обычная политика до тирании Писистрата, больше никого не устраивало, в частности это не удовлетворяло ни средних афинских граждан, которые думали, что имеют право на большую долю власти, ни обычных бедных граждан, которые полагали, что они, по крайней мере, имеют право высказывать свое мнение. Хитроумный Клизфен начал обхаживать это до того времени молчаливое большинство граждан, и в 508—507 гг. поддержал своим авторитетом пакет реформ, который в ретроспективе можно рассматривать как провозвестник своего рода примитивной демократии, первый пример греческого и фактически мирового «народовластия».

КЛЕОМЕН I (520—490 гг.)

Аристотель в *Политике* (написанной в 30-х и 20-х гг. IV в.) отмахнулся от спартанских царей, оценив их просто как наследственных полководцев и ничего более, так как в своем отечестве они были настолько бессильны, что им приходилось унижительно заискивать перед эфорами. Клеомен I вместе с Агесилаем II (правившим около 400—360 гг.) был одним из спартанских царей, кто наиболее активно бросал вызов этим унижительным требованиям. В действительности же получить по праву рождения полномочия на верховное военное командование было немалой прерогативой в таком успешном, агрессивном и милитаризованном обществе, как Спарта.

Нам нужно, я думаю, последовать за Геродотом в его оценке значения власти спартанских царей. Он посвятил целое отступление их прерогативам на родине и за границей, результатом (и, разумеется, целью) этой части пассажа стало раскрытие того, какой странной и непохожей, какой «другой» была Спарта по сравнению

с обычными греческими городами. Его изложение также показывает, какой большой властью в действительности обладал талантливый и проницательный спартанский царь.

Это, однако, немного парадоксально в случае Клеомена I, так как Геродот, видимо, с самого начала решил поставить его на место. Клеомен правил «недолгое время», эфоры привлекли его к суду, он был вынужден прибегать к взяточничеству и продажности Дельфов, чтобы добиться смещения царя-соправителя, ему не удалось заставить Спарту действовать активно против Персии, как он того желал, и в конце концов он совершенно сошел с ума и печально закончил жизнь. По мнению Геродота, заслуженно, так как он считал это божественным возмездием за кошунство в Дельфах. Но, к счастью, абсолютно очевидно объяснение этому вопиющему предубеждению, в котором соединилось собственное ханжество Геродота с его незащищенностью перед посмертной клеветой на Клеомена, тщательно придуманной его врагами, и сам Геродот предоставляет множество опровергающих эту клевету доказательств, которые необходимы нам для написания альтернативного сценария.

Яркая карьера Клеомена началась, некоторым образом, еще до его рождения. Он был старшим сыном Анаксандрида II, но не был рожден первой и в то время фактически единственной женой Анаксандрида. Первая жена оказалась не в состоянии забеременеть, и благодаря уровню знаний древних греков об анатомии и их патриархальной дискриминации женщин в этой неудаче обвинили, конечно, ее, а не Анаксандрида. Однако Анаксандрид любил ее или, во всяком случае, хотел удержать, и только после официального приказа эфоров он наконец согласился взять другую жену. Интересно, что эта вторая жена происходила из семьи мудреца Хилона и стала матерью будущего Клеомена I, который родился спустя некоторое время около 560 г. до н.э. Но, тем не менее, Анаксандрид не оставил свою первую жену — он фактически отказался развестись с ней и таким образом оказался двоеженцем, заключив брак с матерью Клеомена I, согласно Геродоту, «поступив совершенно не по-спартански». Он был настолько далек от того, чтобы оставить свою первую жену, что на самом деле ухитрился завести с ней трех сыновей, и это стало причиной первого подтвержденного, но в действительности, возможно, и не первого спора о наследственном праве спартанских царей.

Когда около 520 г. Анаксандрид умер, наследственное право на трон Агиадов оспаривалось между Клеоменом и его младшим сводным братом Дориеем. Геродот, возможно, под влиянием своих источников, говорит, что притязания Дориея основывались на *andragathiê*, т.е. его мужской отваге, и я считаю, что это намек на качества, которые он проявил во время обучения по системе Агогэ, и, вероятно, среди прочего как юный воин в кампании 525 г. против самосского Поликрата. Спартанские наследные царевики в каждом царском доме однозначно освобождались от обязательного требования для всех остальных спартанцев пройти через систему Агогэ как условия для получения гражданства. Вероятно, это исключение было предоставлено частично по прагматическим причинам на тот случай, если наследный царевики был не в состоянии справиться с физическими и психологическими требованиями Агогэ, но, разумеется, основание было главным образом символическим, подчеркивающим, насколько исключительными, настоящими Гераклами были спартанские цари как «семя полубожественного сына Зевса». Дорией, не будучи непосредственным наследником, не был освобожден от прохождения Агогэ и, по-видимому, использовал свой шанс, чтобы блеснуть.

Однако это отнюдь не единственный интересный факт, связанный с юным Дориеем. Его имя, которое означает «дориец», также имеет магическое значение. Без сомнения, спартанцы были дорийцами, так почему одного из них называли таким именем? По-видимому, объяснение этому чисто прагматическое. В том, что касается мифологии, правящая царская семья и другие спартанские аристократы притязали на то, чтобы считаться потомками ахейцев Гомера, в частности, члены царской семьи претендовали на установление родственных связей по линии Менелая. Около 550 г., как мы видели, особенно большое возбуждение произвели раскопки предполагаемых останков «ахейца» Ореста из Тегеи и одновременно останков его сына Тисамена в районе Пелопоннеса, известном как Ахейя. Это вполне правдоподобно можно счесть «ахейской» политикой, для которой имя Дориея могло вероятным образом выглядеть как ответный удар, возможно, обязанный семье его матери, намеревавшейся подчеркнуть, что Дорией был скорее человеком из народа, а не принадлежал к высокомерной, привилегированной аристократической элите.

Во всяком случае, это кажется линией поведения, принятой Дориеем, когда он вступил в борьбу за трон после смерти своего отца Анаксандрида. На этот вызов Клеомен ответил, что является перворожденным сыном покойного царя, и более того, родившимся после того, как Анаксандрид стал царем, как будто это делало его рождение еще более царским и законным. Неудивительно, что спартанцы действовали согласно своим традиционным обычаям и возвели на трон Клеомена, хотя и не могли полностью предвидеть, во что они впутались. Дорией, обнаружив, что Спарта недостаточно велика для него и Клеомена, воспользовался первой возможностью, чтобы покинуть дом и искать славы и известности за границей, безуспешно пытаясь найти колонию в северной Африке или на Сицилии, которая стала бы только второй после Тараса спартанской колонией.

Затем Клеомен возникает в 519 г., если только мы можем доверять толкованию цифр в отрывке Фукидида, относящемся к разбору Клеоменом спора между Афинами и Фивами. Спор касался статуса Платей, которые по географической и этнической принадлежности относились к Беотии и на чью зависимость поэтому претендовали Фивы — самое могущественное Беотийское государство в это и в более позднее время. Однако Клеомена тревожило могущество Фив, а Спарта в то время поддерживала дружеские отношения с Афинами, которые находились под властью тирана Гиппия, сына Писистрата, учредителя тирании. Таким образом, Клеомен убил одновременно двух зайцев, посоветовав Платеям вступить в союз с Афинами и оставаться вне политических интересов Беотии, внушив любовь Афин к себе и на долгое время разойдясь с Фивами.

Через пару лет или около того самосский вопрос вновь возник на повестке дня, так как самосский правитель Меандрий прибыл в Спарту, лично обратившись за помощью, чтобы изгнать персидского марионеточного тирана. Однако даже взятки не смогли убедить Клеомена, который приказал Меандрию оставить не только Спарту, но и «Пелопоннес», ясный намек на спартанские притязания на гегемонию на Пелопоннесе в качестве лидера протопелопоннесского союза. Клеомен проявил себя как великий деятель панэллинской политики, но у него были заботы и ближе к дому, и именно они, в конце концов, вывели его из равновесия и привели к безумию.

СПАРТАНЦЫ

Геродот в своем описании спартанского царства в VI книге, которая более широко дает замечательный пример ясности спартанских законов и обычаев, указывает, что враждебность между двумя царями из двух различных царских домов была частью традиционной структуры спартанской жизни. До определенного момента это, вероятно, было вполне справедливо, хотя в качестве противоположного примера можно указать отношения между Агесилаем II и Агесиполидом I. Однако несомненно, что враждебность между Клеоменом I и его соправителем Демаратом из рода Эврипонтидов (правлящим приблизительно в 515—491 гг.) была глубоко личной, так же как и институционной. Конфликт достиг критической стадии около 506 г. в результате усилий Клеомена, направленных на то, чтобы контролировать Афины, насадив там марионеточный режим и избавившись от афинской нарождающейся демократии раз и навсегда. Впоследствии они оба искали повод, чтобы раздуть ненависть друг против друга.

По поводу преждевременного рождения Демарата существовали различные мнения, и он, претендуя на наследственное право занять престол в 515 г., должен был столкнуться с таким же сопротивлением, как ранее Клеомен. Неясно, в какой степени противостояние с Клеоменом происходило на почве закона и политики, а в какой степени на почве личной или семейной вражды. Во всяком случае, сопротивление Демарата было сначала очень эффективным. Не только экспедиция Клеомена против Афин около 506 г. обернулась провалом во многом благодаря Демарату, но и его последующие усилия достичь своих целей политическими средствами также потерпели неудачу. То, что он вновь получил высшую власть в 499 г., когда другой греческий правитель Аристаргор Милетский пришел к нему за помощью и поддержкой против Персии, было кредитом доверия к его способности проявлять гибкость. Однако вновь Клеомен резко отказал просителю, хотя на этот раз, как утверждают, потребовался острый ум его восьмилетней или девятилетней дочери Горго, чтобы увидеть слабость доводов Аристаргора.

В 494 г. в Сепии на территории Арголиды Клеомен завершил *coup de grâce* против Аргоса, в результате чего погибли, по меньшей мере, 6000 воинов — граждан Аргоса. Так как Аргос собирался занять позицию или видимость нейтралитета по отношению к

Персии в грядущем конфликте, можно было посчитать, что отношение Клеомена к Аргосу как-то связано с его политикой по отношению к Персии, но первое определенное свидетельство резких изменений в его поведении не обнаруживается до 491—490 гг. К этому времени Клеомен, действуя во имя того, что Геродот на этот раз благосклонно именует «благом всей Греции», стал твердо и решительно проявлять антиперсидские настроения. Фактически он ни перед чем не останавливался, чтобы поощрять антиперсидскую политику.

Он подкупил Дельфы; якобы предвещал Спарте войну со стороны Аркадии; взял заложников из спартанской союзницы Эгины, которая передала Персии требуемые символы подчинения; сместил Демарата, когда тот проявил признаки поддержки Эгины против него, и заменил того отдаленным родственником и личным врагом, который, как он знал, несомненно, будет подчиненным ему сторонником. Он также, как говорят, сошел с ума. Он начал тыкать своим жезлом в лица прохожих, он превратился в такую обузу и помеху, что его посадили в колодки под охраной, по видимому, надежного илота, однако он не утратил силы убеждения и уговорил того дать ему нож, которым совершил самоубийство, расплосовав себе ноги на лоскуты снизу доверху.

«Посмотреть до конца» означает никогда не судить об успехе человеческой жизни до тех пор, пока не увидишь, как умирает человек — этот греческий афоризм с энтузиазмом принимал Геродот. Конец Клеомена был действительно неприятным, и Геродот знал не менее четырех возможных объяснений, почему он был таким страшным. Он отдавал предпочтение объяснению, которого вообще чаще всего придерживались в Греции, а именно, что Аполлон таким образом наказал его за подкуп прорицательницы в Дельфах. И афиняне, и аргивяне, однако, имели собственные любимые версии божественного возмездия, ссылаясь на жертвоприношение, специально совершенное против них и на их же территории. Бесспорно, наиболее интересной среди них была та, которую предположительно дали сами спартанцы.

Согласно этой местной версии, Клеомен умер таким образом потому, что помешался на почве алкоголизма, научившись от каких-то скифских посланцев пить неразбавленное вино. Но, однако, насколько правдоподобна такая версия? Эта драматическая встреча могла произойти около 512 г., почти за двадцать лет по-

СПАРТАНЦЫ

зволив алкоголю привести к такому ужасному результату. Если история подлинная, то это была единственная известная встреча Клеомена с варварами, а скифов, пришедших с северных берегов Черного моря, такой закаленный путешественник, как Геродот, считал одним из самых диких и варварских племен. Как могли скифы найти дорогу к Спарте, представляется некоторой загадкой, но, возможно, стоит отметить, что спустя столетие жил спартанец, которого звали Скифом, что, вероятно, предполагает возможность личных контактов между двумя народами на каком-то этапе.

Вино для греков было глубоко символичной и культурно значимой субстанцией, и его почти никогда не пили неразбавленным. Современное греческое слово *krasi*, означающее вино, происходит от древнегреческого *krasis*, что означает смесь, потому что в древности вино обычно пили смешанным с водой, приблизительно в пропорции двадцать частей воды к одной части вина, и подавали его в сосудах для смешивания (*kratêr*). В других районах Греции на официальных трапезах, называемых *symposia*, избирался член общества в качестве «царя» вечера, и одной из его главных задач было определение крепости смеси и количества *kratêres*, которые подавали гостям. Чем больше было *kratêres* и чем меньше воды, тем веселее была вечеринка.

Однако спартанцы пользовались славой умеренно пьющих и умеющих контролировать себя. Они не устраивали частные *symposia* подобно другим грекам, но включали употребление вина, к тому же очень умеренное, в обязательную совместную вечернюю трапезу. Очень примечательно, что греческому богу вина Дионису не был посвящен ни один значительный праздник или культ в Спарте, возможно потому, что виноград, который шел на приготовление божественного напитка, выращивался не свободными гражданами, а илотами. На самом деле, единственными людьми в Спарте, которым разрешалось, или, скорее, которых принуждали страшно, до беспамятства напиваться, были илоты. Взрослые спартанцы преднамеренно доводили их до такого состояния, чтобы показать молодому поколению, как не должны себя вести спартанцы.

Поэтому Клеомен, регулярно употребляя вино неразбавленным, если он действительно это делал, несомненно, вел себя неприемлемо аморальным образом, не лучше, чем илоты или самые

дикие варвары. Было ли это само по себе достаточно, чтобы стать причиной самоубийства или того, как оно было совершено? Я сомневаюсь в этом. И это одна из причин того, почему, по крайней мере, стоит принять во внимание пятое, и даже более жестокое возможное объяснение его смерти, а именно, что Клеомен был убит, и убит по приказу человека, который наследовал ему на троне Агиадов — его младшего сводного брата Леонида. История употребления неразбавленного вина могла оказаться просто пропагандистским прикрытием, чтобы скрыть факт убийства священной особы царя и соучастия в этом убийстве другого царя. Таково содержание детективной истории, но, надо признаться, я не первый, кто соблазнился использовать этот литературный жанр для описания забрызганной кровью истории Спарты.

Призыв Клисфена к народу Афин был тем, что спартанцы решительно не могли стерпеть. Клеомен вновь совершил военное вторжение отчасти в поддержку известного проспартански настроенного политика по имени Исагор и, возможно, имея в виду посадить его на трон в качестве марионеточного тирана. В то же время Клеомен вновь отправил Клисфена в ссылку вместе с членами приблизительно 700 афинских семей, но его вмешательство зашло слишком далеко. Относительно обеспеченные и бедные афиняне объединились, чтобы изгнать Исагора, и настояли на сохранении демократии, за которую они голосовали. Клеомен был вынужден пересмотреть свое решение. Следующий план, проведенный в жизнь в 506 г., касался вторжения на афинскую территорию Аттики с еще более крупной армией всего Пелопоннеса не только под его личным командованием, но и под командованием Демарата. Однако в своем рвении ему не удалось соблюсти дипломатические тонкости, он относился к союзникам так, как будто они являлись его подчиненными или даже слугами. Сопrotивление его произволу возглавили коринфяне, которым Демарат оказал решительную поддержку. Хотя союзническая армия пересекла Коринфский перешеек и вторглась на территорию Афин, достигнув Элевсина, она начала рассеиваться и так и не смогла соединиться с силами Эвбеи и Беотии, как то планировалось. Впоследствии Афины не сталкивались со спартанскими вторжениями более семидесяти лет.

ЦАРЬ ДЕМАРАТ

(515—491 гг.)

Демарат Спартанский так же, как и Фемистокл и Алкивиад Афинские, вошел в историю, или, по крайней мере, в историографию, окутанный двойственным отношением. Все трое, возможно, были патриотами. Но чьими патриотами? Формально все они одновременно являлись предателями своей родины. Алкивиад сначала встал на сторону Спарты, а затем примкнул к персам, во всяком случае, он руководил переговорами с ними и дал разумный совет персидскому сатрапу в ущерб собственным государственным интересам. Предательство Фемистокла было более вопиющим. После выдающейся морской победы греков над персами при Саламине в 480 г., которая подготовила почву для окончательных решающих побед при Платеях и на море в Микале в 479 г., он, по видимому, решил, что не Персия, а Спарта является главным соперником и врагом Афин. Был ли он в известной мере прав? Это явное отсутствие антиперсидского рвения стоило ему общественного влияния, так как Афины основали и успешно развивали антиперсидский морской союз, и в 470 г. или около того Фемистокла официально выслали на десять лет в соответствии с процедурой, известной как остракизм. Затем он усугубил свои ошибки или грехи, перейдя на сторону Персии, стал наемником Великого персидского царя и умер в Магнезии на территории Персидской империи (родине скульптора Бафיקла).

Демарата также отвергли в его собственном государстве, хотя, разумеется, не демократическим путем, так как Спарта никогда не была демократией афинского типа. И он так же, как и Фемистокл, был застигнут в момент интенсивного греко-персидского конфликта, приблизительно во время Марафонского сражения. Однако, в отличие от Фемистокла, он не был официально выслан из Спарты, но предпочел отправиться в добровольное изгнание. Поэтому в некотором смысле его решение превратиться в мидянина, перейти на сторону Персии и стать ценным членом окружения Великого персидского царя Ксеркса было гораздо более отвратительным предательством. И, однако, Геродот, что интересно, несмотря на свою твердую приверженность делу греков, смягчает любые критические замечания в отношении Демарата.

Тому существовало несколько объяснений, и они в основном являются зеркальным отражением причин, почему, как мы видели выше, его оценка соправителя Клеомена I, в конечном счете, недоброжелательна. Однако все еще остаются вопросы, почему Геродот, так сказать, прощал предателя греческого дела, такого как Демарат, в то время как он столь резок по отношению к Феми-стоклу.

Я думаю, две причины объясняют это предпочтение. Во-первых, очень вероятно, что Геродот числил среди своих влиятельных информантов прямых потомков Демарата, живущих в Троаде (северо-западной Анатолии вокруг проливов Геллиспонта или Дарданелл). Они жили там еще во времена Ксенофонта, двое из них носили звучные спартанские царские имена Еврисфена и Прокла (прототипами были предполагаемые близнецы — основатели двух спартанских царских домов!). И к тому же, во-вторых и что еще важнее, преданность Геродота греческому делу против Персии стояла вторым пунктом на политической панэллинской повестке дня, главным положением которой в его время было примирение Спарты и Афин или, по крайней мере, стремление заставить их увидеть, что они нуждаются друг в друге сильнее, чем полагают, и что они обязаны друг другу больше, чем хотели бы помнить об этом. Таким образом, Геродот сознательно использовал Демарата как личность в своем панэллинском сценарии, чтобы показать, особенно для самого Великого царя Ксеркса, как много спартанцы могут вложить в греческую победу и до какой степени они являются образцами для подражания типично здоровой греческой цивилизации.

Давайте вернемся от широкого полотна к более мелким картинам, от греческого противостояния Персии к жизни Демарата. Чтобы выяснить спорные вопросы, связанные с его рождением, следует начать с 491 или 490 г., когда он был смещен с трона Эврипонтидов из-за незаконнорожденности, подтвержденной Дельфийским оракулом, что было обеспечено якобы благодаря подкупу его враждебно настроенного соправителя царя Клеомена I.

Вскоре после низложения Демарата наследник Клеомена I Лотихид II к прошлым обидам добавил оскорбление, спросив его через слугу, каково ему чувствовать себя простым чиновником (он в то время помогал устраивать ежегодный праздник Гимнопедии)

после того, как он побывал царем. Возможно, это произвело желаемый эффект, заставив Демарата отправиться в изгнание, но прежде, чем оставить Спарту, он обратился с расспросами к своей матери. В замечательном отрывке из VI книги *Историй* Геродота Демарат представлен расспрашивающим о своем рождении.

Последним источником неприятностей Демарата был тот факт, что его отец Аристон сначала отрекся от него, потому что он родился уже через семь месяцев после того, как Аристон женился и впервые переспал с его матерью, и поэтому не мог быть законнорожденным. Мать, о которой идет здесь речь, была той самой прекрасной женщиной, некрасивой в детстве, но которую якобы сделала красавицей сама Елена и которая затем была похищена царем Аристоном у его лучшего друга. Имя матери никогда не разглашалось, что весьма характерно для древнегреческих сообщений о делах женщин, так как считалось знаком уважения не упоминать имя почтенной женщины в присутствии мужчин, не связанных с ней родственными связями, но, разумеется, вполне могли упоминать в качестве исключения женщин из царских домов, и вообще спартанские женщины часто становились объектом нападков враждебно настроенных неспартанских источников.

Однако Геродот далек от проявления враждебности по отношению к матери Демарата, он описывает ее очень тепло и положительно, сочинив для нее длинное объяснение с Демаратом. Вынужденная под присягой сказать ему правду, держа внутренности жертвенного животного, напоминающие ей, что она дает клятву, она сообщила Демарату тайну его рождения. Он был зачат, сказала она своему сыну, на третью ночь (благоприятное число) после того, как Аристон привел ее в свой дом в качестве невесты, однако она не могла быть абсолютно уверена, что его отцом был Аристон, так как этой же ночью ее посетил призрак, который позже оказался местным героем Астрадакусом (ему был посвящен храм как раз напротив ворот внутреннего двора). Таким образом, Демарат был сыном либо Аристона, либо Астрадакуса.

Это, вероятно, была не слишком утешительная новость для Демарата. С другой стороны, его мать смогла прояснить тайну его семимесячного рождения, в отношении которого Аристон проявлял такое недоверие. Мужчины, сказала его мать, просто невежественны в таких делах, не каждого ребенка вынашивают полный

десятимесячный срок (по греческому исчислению, мы бы сказали девять месяцев). Однако она не сказала, как редко выживают преждевременно родившиеся дети, а в Древней Греции дети, даже родившиеся в срок, выживали далеко не всегда. Она же действительно не сказала об этом, и, что интересно, Демарата было разрешено вырастить, хотя Аристон поклялся, что это не его ребенок. Вероятно, спартанские власти, возможно, эфоры или Герусия, могли бы что-то сказать по этому поводу, как мы знаем, они вмешались в недавнее дело с временной неудачей рождения сына и наследника царя Анаксандрида из рода Агиадов. Имя, которое дали Демарату, буквально означает «любимый народом (*damos*)», возможно, таким образом мать пыталась внушить его отцу любовь к сыну.

Так как Демарату сохранили жизнь, а у Аристона, насколько мы знаем, не было другого сына, его как наследника трона Эврипontiдов, вероятно, освободили, так же как и Клеомена, его коллегу из дома Агиадов, от прохождения через систему Агогэ. Следующее, что мы знаем о нем, касается времени, когда он достиг брачного возраста, вероятно приблизительно 25 лет или около того. Проявив себя истинным сыном своего коварного отца, похитившего невесту у лучшего друга, Демарат украл невесту у дальнего родственника. Интересующую нас даму звали Перкала, она была дочерью Хилона, так что тут, вероятно, была поставлена на карту изрядная доля политического престижа и влияния вдобавок к чисто личному соперничеству. Демарат, как сообщает Геродот:

*Смелым ударом опередил соперника и
Женился, силой уведя ее.*

Во всех спартанских браках имитированное или символическое насилие было частью нормальной процедуры, но, по-видимому, Демарат, что было необычно, в буквальном смысле совершил насилие. Его соперником был Леотихид, и именно им Клеомен заменил Демарата после его низложения.

Затем Демарат вновь появляется в повествовании Геродота во время борьбы с Афинами в качестве соправителя Клеомена, или, скорее, царя-антипода. Именно Демарат, как мы видели, встав на сторону коринфян, когда они возражали против антиафинской миссии или, по крайней мере, против того, как она проводилась

около 506 г., обеспечил ее катастрофический провал. После этого Клеомен и Демарат стали смертельными личными, как и политическими, врагами, но, по-видимому, в этом противоборстве победу всегда одерживал Клеомен. Во всяком случае, именно он, а не Демарат, всегда играл главную роль при принятии важных решений. Поэтому мы легко можем представить одержимость Демарата жадной мести. В 494 г. он, вероятно, решил, что наконец пришло его время.

Клеомен одержал важную победу над Аргосом, но то, как она была достигнута, по меньшей мере, вызывало сомнения, так как *prima facie* предполагает два святотатства (см. выше), а спартанцы в целом были чрезвычайно набожным народом. Однако, очевидно, религиозная репутация Клеомена была еще абсолютно незапятнанной, так как по наущению врагов его привлекли к суду не из-за отсутствия благочестия, а за провал захвата Аргоса (даже несмотря на то, что он убил около 6000 аргосских гоплитов, спровоцировав мощный внутренний кризис в Аргосе, и на много лет вперед положил конец Аргосу как серьезной военной силе). Главной движущей силой этих врагов был, конечно, Демарат. Однако Клеомен защищался решительно, мудро эксплуатируя спартанские идеи благочестия и уважения к знамениям, заявив, что, когда он вошел в храм Геры за пределами Аргоса, из груди знаменитой культовой статуи богини вырвалось пламя, а это означало, что он уже совершил все, чего желали боги, и только если бы пламя вырвалось из головы, то это бы предвещало, как он утверждал, что ему суждено полностью захватить город.

Относительно деталей суда Геродот упоминает только эфоров, но он никогда особенно не интересовался более тонкими конституционными особенностями. Вероятно, произошло следующее: враги обвинили Клеомена перед лицом пяти эфоров, и эфоры решили, что он должен ответить. И вновь Геродот создает впечатление, что судили его все спартанцы. Если можно доверять более поздним данным о судах над спартанскими царями, высший суд по лишению прав должен был состоять только из членов Герусии, в которую входил Демарат и эфоры. И спартанцы в своем большинстве нашли оправдания Клеомена по поводу провала взятия Аргоса «заслуживающими доверия и разумными».

Через три или четыре года Демарат решил, что у него есть еще один шанс прижать противника. Клеомен находился в централь-

ной Греции, на другой стороне Коринфского перешейка, пытаюсь обеспечить единый фронт сопротивления Персии при участии Афин и прибрежного островного мидянского государства Эгины. И в его отсутствие Демарат начал, как это мягко определяет Геродот, «говорить против Клеомена», очевидно, придерживаясь версии, что тот перебежал на сторону враждебных Афин и выступает против спартанской союзницы Эгины. Именно это по возвращении Клеомена из Эгины после выполнения его спорной миссии непосредственно привело к низложению Демарата. После нестерпимого оскорбления Леотихида Демарат «уехал в Персию», как коротко сообщает Геродот. Возможно, он отправился через Лампсак, как и его собрат-перебежчик Гиппий, бывший афинский тиран, который выдал замуж свою дочь Архедику за сына проперсидского тирана, правителя этого геллиспонтийского города. Судя по местожительству его потомков, великий царь Дарий I пожаловал ему владения в Троаде, и этот дар, очевидно, был подтвержден его сыном и наследником Ксерксом. В дальнейшем мы услышим, что Демарат оказался в близком окружении Ксеркса во время его неудачного похода против материковой Греции. По Геродоту, Демарат выполнял обязанности «мудрого советника», кем он, возможно, и был в реальной жизни. Он указывает, например, для своего властелина и сюзерена, что спартанцы боятся закона даже больше, чем подданные Ксеркса боятся его самого. При Фермопилах в 480 г. именно он объяснил Ксерксу, почему спартанцы уделяют особое внимание своей прическе непосредственно перед сражением. Последние слова Демарата у Геродота следующие:

Предоставь богам заботу об армии царя.

Предположительно, эти слова были произнесены позже, в 480 г., как раз перед битвой при Саламине. Их дельфийская неопределенность, которую задним числом можно истолковать как предсказание будущего поражения армии Ксеркса, и их очевидное благочестие оставляют у читателя настолько благоприятное впечатление, насколько его можно было создать о человеке, который формально был предателем дела своей страны (Спарты, Греции). И, несомненно, именно это и намеревался сделать Геродот, но мы, также несомненно, должны воздержаться от моральной

СПАРТАНЦЫ

оценки Демарата и скорее спросить себя, помог ли он или навредил Греции во время Персидских войн и, кроме того, чья политика, его или же Клеомена, была более выгодна Спарте на краткосрочный период или в перспективе. Ответ кажется мне совершенно определенным.

Непосредственные последствия для отношений Спарты с пелопоннесскими союзниками и для ее верховного командования армиями за границей были серьезными и далеко идущими. Закон, принятый спартанцами, запрещал обоим царям когда-либо еще командовать одной и той же армией за пределами Лаконии и Мессении. Когда, вероятно, в 504 г. спартанцы захотели получить поддержку своих союзников в более поздней кампании против Афин, им пришлось пройти через официальную процедуру консультаций и голосования, созвав в Спарте собрание того, что мы называем съездом Пелопоннесского союза. Там союзническим делегатам было дано право высказаться, как если бы они были спартанцами, а после речей союзники голосовали, каждый союзник обладал одним голосом независимо от размера и геополитической значимости своего государства. Результатом этого самого первого документально подтвержденного съезда было поражение спартанцев. Их предложение восстановить Гиппия в качестве афинского тирана было отклонено большинством союзников во главе с Коринфом, который в своей речи, по крайней мере по версии Геродота, упрекнул спартанцев за измену своей прошлой (якобы) принципиальной оппозиции тиранам и тирании.

Однако, хотя съезд Пелопоннесского союза смог таким образом отвергнуть предложение Спарты, он никак не мог заставить спартанцев принять политику или предпринять действия, с которыми те были не согласны. Потому что только спартанцы могли созвать съезд, а это могло произойти после того, как они, встретившись в собрании, решили бы, что именно они хотят предпринять безотносительно к желаниям союзников. Союзники, в конце концов, поклялись последовать за спартанцами, куда бы они ни повели их. Это новое ограничение в прошлом неограниченной власти спартанцев, позволявшей навязывать союзникам свои приказания, в действительности стало скорее источником силы, а не слабости. Оно позволило союзникам почувствовать, что их жела-

ния могут что-то значить, а также создало впечатление, что эта организация основана до некоторой степени на взаимной зависимости. Через четверть столетия, в 480 г., именно спартанский Пелопоннесский союз стал основой греческого сопротивления персидскому вторжению.

Прежде чем в следующей главе мы расскажем об этом сопротивлении, следует сначала остановиться на социальном, экономическом и культурном развитии Спарты в течение периода приблизительно с 600 до 500 г. до н.э. В частности, мы хотим рассмотреть литературные и археологические данные, чтобы обнаружить какие-либо признаки знаменитого спартанского аскетизма, ставшего отличительной культурной чертой к тому времени, когда Ксенофонт приехал в Спарту и описал спартанские обычаи и нравы первой половины IV в. до н.э.

Тиртей — автор элегий, сочинявший подходящую к случаю политическую и военную поэзию, настолько подходящую, что ее сохраняли и регулярно исполняли в течение многих веков как на совместных обедах в Спарте, так и вокруг походного костра во время военных кампаний. Поэзия Алкмана, который жил и работал на рубеже VII в. до н.э., представляет собой полный и абсолютный контраст. Этот контраст поистине был столь откровенен, что многие древние комментаторы не могли поверить, что Алкман действительно родился и воспитывался в Спарте, как на самом деле и было, вместо этого исключительно на основе некоторых намеков в его поэмах они заявляли, что по своему происхождению он был лидийцем из Сардов. Эти ссылки фактически являются ценными свидетельствами, но не иностранного происхождения Алкмана, а скорее спартанской открытости по отношению к влиянию и материальной культуре внешнего мира. Конечно, спартанцы всегда нуждались в том, чтобы ввозить медь и олово для производства утилитарных бронзовых предметов, но очевидным образом у них не было нужды импортировать дорогие, роскошные материалы, такие как золото и слоновая кость. Однако из них также изготавливали красивые предметы, и как мужчины, так и женщины благочестиво преподносили их богам, и в первую очередь Орфии. Свинец и гончарная глина, как и железо, в изобилии залежали в этой местности. Последующая слава спартанцев как приверженцев сурового утилитаризма и презрения к

СПАРТАНЦЫ

эстетике вряд ли соответствует ранним археологическим находкам. С середины VII в. там производилось множество оловянных фигурок, которые употребляли не только для чисто функциональных нужд. Значительное количество тонкой, раскрашенной керамики использовалось не только для мирских целей или посвящалось богам в Спарте, но также начиная с конца VII в. попадало за границу вплоть до Южной Италии, Этрурии, Южной Франции, и даже в Испанию на западе, Самос на востоке и к северу в район Черного моря.

Два других вида спартанской материальной культуры приобрели особенно характерный и впечатляющий вид в шестом веке. Во-первых, большое количество глиняных масок нескольких различных типов, некоторые полностью раскрашенные. Маски предназначались святилищу Орфии, возможно, они были как-то связаны с ритуальными плясками, которые здесь устраивались, но они также обнаруживают художественное влияние финикийцев из Карфагена в Северной Африке. Во-вторых, существовали небольшие выразительные бронзовые статуэтки, среди которых особого упоминания заслуживают те, что представляют взрослых мужчин-гоплитов в военной одежде и экипировке различных рангов. Они, так же как и расписная керамика, удивительно широко распространились как в Лаконии и Мессении, так и дальше на юг до Адена. Можно предположить с некоторой долей вероятности, что они изготавливались для распространения за пределами Спарты в качестве религиозной пропаганды, так как большинство из них рано или поздно оказывались в святилищах.

Конечно, правда, что все или большинство предметов материальной культуры были изготовлены не спартанскими гражданами, а ремесленниками-перизками, с участием или без такового илотов, и вывозились как перизками, так и иностранными торговцами и купцами. Однако часто они изготавливались для и по поручению как отдельных спартанцев, так и членов спартанского сообщества, как женщин, так и мужчин. Ранее в этой главе мы упоминали бронзовый сосуд, переданный в дар Эвматом на Самосе. Также мы можем отметить трон Аполлона, созданный Бафиклом в Амиклах, или мраморную скульптуру «Леонид» 80-х гг. V в. и даже Персидский портик 70-х гг. V в. Другими словами, в 500 г. еще слишком рано говорить о Спарте как о культурной пустыне или пустоши, изображенной в мифологии.

ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

490—479 г. до н.э.

Спарта вступила в 80-е гг. V в., омраченная царскими смертями, случившимися в результате самоубийств, а возможно, и просто убийств, окрашенных подозрительным намеком на святотатство. Леонид, если он был виновен в убийстве своего старшего сводного брата, хотя и не напрямую, должен был сознавать необходимость очиститься от «скверны». Его соправитель Леотихид тем более наверняка был обязан своему положению на троне Эврипontiдов некоторой долей богохульного крючкотворства, и поэтому также должен был многое доказывать. В этой главе мы обратимся к главным деталям сражений во время Персидских войн при Фермопилах и Артемисии (480), Платеях и Микале (479). Особое внимание мы обратим на то, что, несмотря на предпочтение, отданное Геродотом Афинам, в действительности львиной доли уважения за окончательную победу среди всех греческих лоялистов заслуживали именно спартанцы, именно они пожертвовали таким большим количеством воинов в уникальных обстоятельствах Фермопил. И именно их непоколебимая дисциплина и негибаемая твердость стали причиной решающей победы на поле боя при Платеях.

Леотихид и наследник Леонида, регент Павсаний, сыграли главные командные роли в победах соответственно при Микале и Платеях. Однако среди всех столкновений, которые греки называли «мидянскими событиями», а мы называем Персидскими войнами, почетное место должно быть отдано героической, хотя в конечном итоге и безуспешной, обороне Фермопильского ущелья, которой руководил Леонид. Этот эпизод более чем что-либо другое определяет и формирует спартанский миф или легенду. Но прежде чем Спарте будет позволено появиться из темноты, следует разобраться с ее очевидно негероической или, скорее, с ее несыгранной ролью при Марафоне в 490 г.

Как мы видели в предыдущей главе, в 500 г. спартанцы через Клеомена отвергли попытки примирения Аристагора Милетского.

Однако Афины ответили им положительно, частично по сентиментальным причинам их общего ионийского происхождения, но главным образом, потому что Афины приветствовали эту возможность показать, что они более не управляются проперсидским тираном, а являются свободной демократией. То, что они сбросили ярмо тирана, как поясняет Геродот, позволило Афинам впервые стать серьезной военной силой, но одно дело одержать победу на суше в 506 г. над своими греческими соседями из Беотии и Эвбеи, и совсем другое рассчитывать на достижение чего-то большего, чем просто подпалить кудрявую бороду великого персидского царя, послав в 499 г. на помощь Ионийскому восстанию в Малую Азию мизерные силы из двадцати кораблей.

Восстание продолжалось в течение шести кампаний, но вклад Афин был относительно незначительным и ограничивался атаками и поджогами — вначале части Сардов, где находилась столица персидского наместника Лидии. Афины не принимали участия в окончательном разгроме ионийцев в 494 г. в Милете у устья реки, за которым последовало полное разрушение самого Милета. Тем не менее, когда восстание было решительно подавлено, Афины совместно с Эретрией на Эвбее были назначены в качестве цели для возможного отмщения. Персидская империя была в своем роде огромным, беспорядочным, разнородным организмом, у нее всегда уходило несколько лет, чтобы подготовить серьезную кампанию за пределами своих границ, поэтому только к концу 90-х годов V в. Великий царь Дарий отправил категоричное послание главным городам материковой Греции предоставить ему традиционные знаки подчинения — землю и воду или готовиться в ответ к войне и возмездию. Афины и Спарта решительно отказались и усугубили свой отказ, убив вестников Дария, что было серьезным нарушением строгих правил приличий и дипломатического этикета. Эгина, со своей стороны, подчинилась — отсюда крайнее раздражение Клеомена и высокомерное вмешательство. Аргос остался нейтральным.

Когда персидская кампания наконец началась в 490 г. под совместным командованием члена персидской царской семьи Артафрена и мидянина Датиса, ее главной целью стала сначала Эретрия, а затем Афины. Эретрия была легкой добычей. Город сожгли, святилища разрушили, а всех жителей увели в рабство. Позже характерным жестом могущественной императорской власти Дарий

предоставил многим эретрийцам чахнуть в качестве пленников и заложников вдали от родной земли на юге Персии, где первое упоминание нефти в исторических документах было небольшой компенсацией за культурное отчуждение. Это поставило афинян, да и всех греков, которые могли бы оказать им помощь, перед лицом надвигающегося персидского вторжения.

Спартанцы заявили, что они могли бы помочь, но, к несчастью, армия численностью в 2000 человек, которую они послали (вероятно, четверть от общего числа всех граждан), прибыла практически после того, как произошла решающая битва. Причину прибытия с опозданием или извинение за него они объяснили тем, что по религиозным соображениям были обязаны дожидаться полнолуния прежде, чем выступить в поход. Как дважды в другом месте говорит Геродот, распоряжение богов для спартанцев было важнее, чем любой приказ всего лишь людей, но допустимо предположить, что божественные распоряжения поступали к спартанцам иногда в подозрительно подходящие моменты. При любых обстоятельствах они стремились на поле боя и были щедры с поздравлениями греческим победителям, прежде всего афинянам, а также своим союзникам из Платей (отчасти благодаря прежней дипломатии Клеомена).

Марафонское сражение — битва, на которую спартанцы ухитрились опоздать — была одной из самых знаменитых в древнегреческой и фактически не только древнегреческой, но и мировой истории. Это был триумф Давида над Голиафом, не в последнюю очередь обязанный стратегическому гению одного из афинских полководцев Милтиаду, но, кроме того, и отваге людей, которые сражались на своей земле не только за свою родину, но и за идеал, за нечто большее, чем просто сохранение статус-кво. Как сообщают, потеря живой силы на персидской стороне составила около 6400 человек — спартанцы стремились осматривать трупы, а погибших афинян было всего 192 человека и неопределенное количество платейцев. Платейцев, так же как и афинян, похоронили под почетным могильным холмом на Марафонской равнине, только холм афинян был явно больше и величественнее.

Афинские гоплиты, одержавшие победу, получили почетный титул, обозначаемый новым сложным словом «Марафонские воины», и даже в конце V в. и позже их отвагу и доблесть все еще регулярно воспевали на официальных афинских церемониях, вспоми-

ная погибших на войне. Эти 192 погибших удостоились невероятных почестей, воздаваемых героям. Существует современная точка зрения, согласно которой утверждается, что визуально они были увековечены на огромном мраморном фризе, первоначально украшавшем Парфенон (построенный на Афинском акрополе между 447 и 432 гг.). Другой общественный монумент, который, хотя и недостоверно, но также является памятником в честь Марафонского сражения, — это так называемая Афинская сокровищница, воздвигнутая на территории храма Аполлона в Дельфах.

Легко вообразить досаду и зависть спартанцев, по крайней мере тех спартанцев, которые разделяли взгляды Клеомена на Персию. А в то же время бывший царь Демарат нашел удобную нишу в Персидской империи и фактически в придворных кругах Персии, где мог проявлять себя как бесспорно хорошо информированный и доверенный советник самого Великого царя. Дарий, его первый благодетель, умер в 486 г., престол унаследовал его сын Ксеркс, и предположительно откровенную поддержку в этом ему оказал Демарат. Однако хотя Ксеркса уже и одолевало желание довести до конца незаконченное дело в Греции, оставленное после смерти его отца, у него были и другие, более неотложные и серьезные имперские дела в Египте и Вавилоне. Они заняли приблизительно около двух первых лет его правления. Подготовка великого проекта молодого императора — завоевание материковой Греции и включение ее в Персидскую империю — могла целенаправленно начаться не ранее 484 г.

Геродоту нравилось думать, что Ксеркс вообще не был полностью уверен в целесообразности греческой кампании, но это не в последнюю очередь может быть обязано художественным задачам историка. Если бы только Ксеркс решил не отправляться в поход... тогда бы он сам и его империя избежали бы горечи поражения. Если бы только он послушался мудрого совета своего дяди Артабана. Если бы только. Но на самом деле непохоже, что он долго колебался. Греция могла показаться пустяковым препятствием. В конце концов, все греки были известны своим непостоянством и своей внутренней политической раздробленностью. Поддержка со стороны островитян и жителей материка Ионийскому восстанию была в лучшем случае слабой, и Демарат был не единственным влиятельным греком, считавшим причал у персидских берегов лучшим выбором для проигравшего отечества. Основной

греческий способ ведения боевых действий на суше — сражение гоплитов — не сильно бы помог в схватке с его бесчисленными ордами. Если бы Ксеркс проявил больше здравого смысла, он бы отнесся внимательнее к главному военному достижению греков в 80-е гг. V в. — созданному афинянами под вдохновляющим руководством Фемистокла первоклассного, а вскоре и мирового уровня, флота военных кораблей-трирем. Он также мог бы заметить, что Спарта, возможно, именно из-за отступничества Демарата после типичного проявления суеверных колебаний более решительная, чем когда-либо, была настроена оказать ему сопротивление.

Узнав о планируемой экспедиции, спартанцы, как обычно, проконсультировались с Дельфийским оракулом в храме Аполлона, в сущности, только для того, чтобы получить ответ: отказаться от участия в ней или сдаться, так как, сообщил оракул, Спарта или потеряет царя в бою, или персы опустошат Лаконию. Глубоко обеспокоенные спартанцы предприняли необычный шаг, часто созывая Собрание, которое в других случаях собиралось только один раз в месяц, приблизительно во время полнолуния. На повестке дня этих чрезвычайных встреч был единственный, якобы благочестивый вопрос: кто из спартанцев проявит желание компенсировать своей жизнью убийство посланца Дария, совершенное в 492 г. накануне Марафонского сражения? Наконец, два благородных, во многих значениях этого слова, спартанца выступили добровольцами, и этот замечательный акт самопожертвования ради блага Спарты стал в миниатюре захватывающим преддверием гораздо более значительного и масштабного самопожертвования, которое спартанцы сообща совершили во время Фермопильской битвы в 480 г. Ксеркса, однако, не интересовало убийство этих двух спартанцев или даже какие-либо переговоры с ними. Таким образом, осенью 481 г. относительно небольшое число греческих городов, которые были согласны оказать любое совместное сопротивление, встретились, чтобы договориться о совместном ответе ожидаемому персидскому военному наступлению.

Представители встретились символично на Коринфском перешейке, около святилища Посейдону, где каждые два года устраивались Истмийские игры — одно из четырех главных общегреческих религиозных празднеств. Коринфский перешеек был также, вероятно, пределом большинства спартанских представлений и амбиций. Даже после того как стало совершенно ясно, что спар-

танские силы будут введены в бой в центральной и северной Греции далеко от дома, еще оставались признаки стремления провести границу буквально по Истму, чтобы укрепить эту шестикилометровую полосу земли и превратить Пелопоннес в некую разновидность крепости. Несбыточная надежда, как справедливо понимал и утверждал Геродот. Потому что силы вторжения под началом Великого царя Ксеркса определенно имели двойное назначение. То есть завоевание Греции зависело от обязательного взаимодействия сухопутной армии и морских сил. Только в случае поражения флота Ксеркса оставалась бы небольшая надежда, что стратегия обороны Коринфского перешейка будет успешной. И, несомненно, это была ахиллесова пята спартанцев. Они не имели флота, достойного упоминания, на любых кораблях, которые они были в состоянии собрать, в качестве гребцов использовались бы илоты, а те могли оказаться не слишком преданными.

Тем не менее несколько греческих городов и народов, которые осенью 481 г. на Коринфском перешейке принесли обязательную, неукоснительно соблюдаемую клятву сообща оказать сопротивление персам, единодушно передали общее руководство спартанцам. Доминирование Спарты как главы альянса, обеспечившее сопротивление верных греков, было таково, что даже объединенным греческим флотом официально командовали спартанцы, воины с небольшим военным опытом или вовсе без опыта в непредсказуемой морской стихии.

Наконец, в 480 г. орды персов по суше и морская армада по морю отправилась на запад. В разной степени успешно были предприняты попытки облегчить переход крупных персидских сил за пределами существующей Империи. Согласно Геродоту, целые реки были выпиты *en route [no дороге]* и, что более правдоподобно, большое количество кораблей и людей исчезли во время шторма. Непосредственный сбор персидской армии перед наземным вторжением произошел в Драбеске во Фракии. Геродот сообщает, что в целом численность сухопутных войск составляла 1 700 000 человек, которых поддерживали более 1000 кораблей. С современной, трезвой точки зрения лучших военных историков, следует сократить численность персидских наземных сил, оценив ее приблизительно от 80 000 до четверти миллиона человек, а флот примерно в 600 кораблей.

Продвижение на запад и юг от Драбеска вплоть до Фермо-

пильского ущелья не представляло особой проблемы. Для начала греки, жившие на материке, были традиционно и постоянно сильно разобщены, в частности по вопросу, каким образом оказывать сопротивление Ксерксу и даже вообще стоит ли это делать. Когда Геродот в кульминационный момент своего повествования ссылается на понятие эллинизма, в перечень объединяющих факторов, которые он упоминает, примечательно не включается политическое взаимодействие, не говоря уже об объединении. Совершенно неудивительно, что в число принесших клятву союзников, которые встретились на Истме, не входили греки Фессалии, на чьей территории располагалась первая возможная линия обороны — Темпейская долина между горами Оссой и Олимпом. Поэтому верные греки весной или летом 480 г. отправили армию, чтобы удержать линию Темпе под командованием спартанца Эванета («Прославленного») и афинянина Фемистокла («Славный за правое дело»), стремясь гарантировать лояльность фессалийцев в общегреческом деле.

К несчастью, вскоре оказалось, что линию Темпе можно легко обойти, и у Эванета и Фемистокла не осталось иного выбора, как отойти к югу. Немедленным политическим последствием было то, что фессалийцы, согласно новому жаргонному словечку, «мидиизировались», т.е. они по существу, если и не неизбежно во всех случаях, то энергично и охотно приняли сторону варварского захватчика. Второй, или, скорее, первой потенциальной линией обороны для верных греков фактически было Фермопильское ущелье. Здесь произошла первая лобовая схватка между персидскими захватчиками и сопротивляющимися греками.

Фермопилы — «Горячие ворота» на древнегреческом — это узкое ущелье в центральной части материковой Греции. Оно образовывало естественную дорогу для армии захватчиков, двигавшейся с севера по суше, главной целью которой был разгром афинских и спартанских сил и их союзников в Южной Греции. Здесь в разгар лета, приблизительно в августе 480 г., небольшая армия, представляющая колеблющуюся группу верных греческих городов, возглавляемых Спартой и Афинами, оказала героическое сопротивление надвигающейся мощи многочисленных персидских сил вторжения. В 1940 г. быстро прибегли к утешительной аналогии между малочисленными греческими лоялистами 480 г. до н.э. периода Персидских войн и теми «Немногими», кто тогда оказы-

вал сопротивление мощи нацистской Германии во Второй мировой войне.

Со времен древности топография района Фермопил под влиянием природных сил изменилась почти до неузнаваемости, так, что море теперь находится на несколько километров дальше от того места, где произошло сражение. В 480 г. мы должны вообразить узкое ущелье между горой и морем, едва ли достаточно широкое для того, чтобы спокойно разминулись две колесницы или повозки, и прерывающееся тремя «воротами». Именно в так называемых Средних воротах оборонительные силы греческих лоялистов заняли свою позицию, и именно здесь был сооружен современный мемориал, направо от Национального шоссе, если вы едете на север. С другой стороны от шоссе можно посетить место, которое, как, возможно, было правильно установлено, является холмом, где греки держали последнюю линию обороны.

Однако я забегаю вперед. Даже во время этого ужасного кризиса Спарте не удалось послать полностью 8000 или около того взрослых воинов — граждан мужского пола, вместо этого отправили только символических 300 солдат под командованием одного из двух царей — Леонида. Другие верные греческие союзники также уклонились от отправки полного состава для защиты ущелья — таким образом, из возможных приблизительно 20—25 тысяч пелопоннесских лоялистов там присутствовало только 4000. Почему же? Причины, на которые все они ссылались в то время, были религиозного характера. Спартанцы указывали на безусловно главную обязанность отмечать свой самый важный ежегодный праздник Карнейи в честь Аполлона, другие пелопоннесцы подобным же образом обращали внимание на неизменное обязательство устраивать Олимпийские игры в честь Зевса. Несомненно, религия в Древней Греции всегда была глубоко историческим фактором, но мы можем разумно подозревать, что здесь более мощно действовал другой, более земной и менее достойный, но совершенно понятный мотив — а именно панический страх, страх, что персы были просто слишком многочисленны, чтобы им противостоять как в Фермопилах, так и, вероятно, в любом другом месте. В конце концов, громадное большинство среди нескольких сотен других материковых греческих городов уже проголосовало ногами и волей-неволей решило присоединиться к персам или, по крайней мере, не противиться им и не пытаться отразить их нападение.

Греческих лоялистов с севера Пелопоннеса также было очень немного у Фермопил, потому что эти оборонительные силы представляли собой только авангард. Поэтому здесь не было афинян или мегарийцев и, что более спорно, присутствовало лишь небольшое количество беотийцев, включая всего 400 человек из главного города Беотии Фив. Позже, после Фермопил, все беотийцы, за исключением Феспий (врага Фив) и Платей (союзницы Афин), «мидизировались», так что репутация Фив была особо подпорчена, когда персы в 479 г. были наконец фактически разбиты. Таким образом, как утверждалось, 400 фиванцев в 480 г. присутствовали в Фермопилах только потому, что Леонид заставил их быть там в качестве залога лояльного поведения их соотечественников дома. Кроме этого, вероятно, присутствовало по тысячи солдат от двух наиболее прямо затронутых местных греческих народов — жителей Фокиды и Опунтийской Локриды. Всего, вероятно, насчитывалось 7000 человек.

Во всяком случае, Спарта отправила Леонида и 300 отобранных воинов (двум из которых в последний момент принять участие в сражении помешало серьезное заболевание глаз; один из них после возвращения в Спарту повесился, чтобы избежать позора, второй вернул себе доброе имя благодаря героической, самоубийственной гибели при Платеях в следующем году). Наш главный исторический источник Геродот сообщает нам, что 300 человек были отобраны отчасти потому, что у них всех были живы сыновья, следовательно, их род не прервался бы в случае их неизбежной гибели. Однако интересно, что же думали жены этих солдат. У нас есть некоторая особая информация об отношении только одной жены в форме гораздо более позднего рассказа, сохраненного Плутархом среди его коллекции, озаглавленной «*Вывсказывания [Aporhthegmata] спартанских женщин*». Когда Горго воодушевляла своего супруга Леонида, собиравшегося отправиться в Фермопилы, проявить себя достойным Спарты, она спросила его, что же должна делать она сама. Он ответил:

Берите хороших мужей и рожайте хороших детей.

В действительности Горго уже произвела на свет сына и наследника Плистарха, и она, насколько мы знаем, не вышла замуж второй раз после смерти Леонида.

ГОРГО

Не в последнюю очередь странность, касающаяся Горго, — это ее имя. О чем думал ее отец, царь Клеомен I, когда давал ей это имя? Что она обратит в камень каждого, кто взглянет ей в глаза? Разумеется, нет. Однако «Горго» означает Горгона, как звали мифологическую Медузу, чью голову должен был отрубить Персей, чтобы спасти Андромеду от морского чудовища. Воистину устрашающее имя, но, возможно, в Спарте не ощущали, насколько странным оно было. Ее старшего современника, мужчину, звали Горгос, он был высокопоставленным спартанцем, служившим *proxenos*, т.е. официальным дипломатическим представителем города Элиды в Спарте, нечто вроде почетного консула. В честь своего *proxenos* жители Элиды установили для него замечательное мраморное сиденье в Олимпии, где они наблюдали за Олимпийскими играми, и там было начертано его имя. Эта надпись датируется приблизительно 525 г. до н.э.

Горго родилась приблизительно на пятнадцать лет позже, так как ей было около восьми или девяти лет, когда она впервые появляется в *Истории* Геродота, упоминающем о ней дважды. То, что особо названная по имени греческая женщина вообще появляется в истории Греции, должно было шокировать блестящего последователя Геродота Фукидида, потому что он едва ли когда-нибудь упоминал женщин как отдельных личностей, так и в целом, и, уж конечно, никогда не описывал женщину, оказавшую решительное влияние на течение Пелопоннесской войны. С другой стороны, Геродот имел основания для упоминания женщин как в целом, так и индивидуально, и в этнографической части своей работы фактически ссылается на отношения между женщинами и мужчинами, особенно сексуальные отношения, как на один из ключевых моментов. Эти упоминания касаются в основном не греческих женщин, так как главная суть этнографии Геродота заключается в том, чтобы показать, как многочисленны и разнообразны общественные и социальные обычаи людей и насколько обычаи других народов могут быть отличны, и необязательно в худшую сторону, от греческих норм.

Спарта, однако, была главным исключением из правила, так как другие греческие города в значительной степени соблюдали одинаковые обычаи в отношении положения и поведения своих

женщин. Геродот с помощью разнообразных средств совершенно ясно показывает, что спартанские женщины были другими, даже «особыми». Например, он приводит свои версии историй о якобы чудесном зачатии и рождении царя Демарата и двоеженстве царя Анаксандрида, предположительно «совершенно неспартанском», но еще более показательна та роль, которую играет Горго у Геродота, или, может быть, лучше сказать, те роли, которые он приписывает Горго.

В 500 г., в возрасте всего восьми или девяти лет, она была дома, когда в сопровождении иностранного просителя Аристагора Милетского ее отец вернулся после выполнения какого-то общественного дела. Аристагор прибыл в Спарту по поводу крайне срочного дипломатического дела, чтобы попытаться убедить Клеомена поддержать планируемое восстание ионийцев и других греков против Дария I, Великого царя Персии, но Клеомен отказался ввести в бой спартанские сухопутные войска против Персидской империи в кампании, которая могла потребовать трехмесячного перехода по территории, удаленной от знакомого Средиземного моря, и приказал милетцу покинуть Спарту до захода солнца. Потерпев словесное поражение, Аристагор, возможно, зная о печальной склонности спартанцев к продажности, предложил ему крупную взятку в десять талантов (несколько личных состояний), тогда маленькая Горго воскликнула тоненьким голоском: «Папа, чужеземец подкупит тебя, если ты не выгонишь его из дома».

Конечно, ни Геродот, ни его информанты не знали, что точно сказала Горго, хотя ее предположительное использование слова «чужеземец» (*xeinos*) по отношению к Аристагору хорошо передает характерную черту спартанцев — ксенофобию (страх перед *xeinoi*). Исторически интересный момент заключается в том, что Горго достоверно представлена как персона, в руках которой сосредоточена реальная власть, и достаточно мудрая, несмотря на свои юные годы. Через приблизительно пятнадцать лет, когда Клеомен уже умер при темных и запутанных обстоятельствах, Горго, будучи женой Леонида, младшего сводного брата и наследника своего отца, и матерью будущего царя Плистарха, второй раз решительно вмешалась в спартанскую и греческую историю. Посланец прибыл в Спарту с пустыми по виду восковыми дощечками (двумя деревянными дощечками, покрытыми воском и соединенными вместе). «Никто, — замечает Геродот, — не мог разгадать

секрет», никто, кроме Горго. Она спокойно сказала властям, что если соскрести воск, они обнаружат послание, написанное чернилами, как и оказалось на самом деле. Это было не обычное послание, а отправленное изгнанным бывшим царем Демаратом, предупреждавшим спартанцев о решении Ксеркса начать войну против Греции.

В этой истории не сообщается, была ли сама Горго грамотной, хотя есть надежные данные, свидетельствующие, что спартанские женщины, по крайней мере, умели читать, если не писать, а участие в этой истории Горго говорит о том, что она была знакома с грамотой. Однако главным здесь является то, что Горго была сообразительней и учнее других спартанцев, особенно высокопоставленных мужчин, и что она могла вмешаться в общественном месте в общественные дела, в сферу, которая в других районах Греции обычно была предназначена исключительно для мужчин. То же сообщение, переданное в шести апофтегмах, или памятных высказываниях, приписываются ей в собрании Плутарха *Высказывания спартанских женщин*.

Два из них являются вариантами истории об Аристагоре, рассказанной выше, одно из которых — «усовершенствованные» слова, вложенные Геродотом в ее уста.

*Папа, ничтожный чужеземец подкупит тебя,
если ты не выгонишь его из дома поскорее.*

Третье намекает на приписываемую ее отцу проблему с алкоголем и предупреждает его, что чем больше вина поглощает человек, тем более неводержанным и развращенным он становится. Кажется, здесь мы имеем дело с запоздалой предусмотрительностью. Четвертое, которым Горго обменялась со своим мужем Леонидом, когда он отправлялся в Фермопилы, чтобы погибнуть там, мы уже цитировали выше. Два оставшиеся в некотором смысле самые интересные, так как они имеют отношение к политике, поэтому я приведу их здесь полностью:

*Когда чужеземный мужчина, одетый в красиво вытканное платье,
Приблизился к ней, она осадил его, сказав:
«Убирайтесь, вы не можете сыграть даже женскую роль».*

Когда афинянка спросила ее: «Почему только вы, Спартанские женщины, управляете своими мужьями?», Она ответила: «Потому что мы единственные женщины, Которые рождают (настоящих) мужчин».

Первое из этих высказываний намекает на предполагаемое презрение спартанцев к театру и театральным представлениям и на их стойкое мужское представление, что мужчина в роскошной одежде женоподобен. Богатые люди Спарты, согласно Фукидиду, были первыми, кто отказался от роскошной одежды и чья одежда была так же проста и незамысловата, как и та, которую могли позволить себе обычные бедные люди.

Однако второе высказывание еще более революционное. Оно повторяется в слегка измененном варианте в одной из апофтегм, приписываемых Ликургу в сборнике мужских высказываний, также предположительно собранных Плутархом. Оно ясно указывает на сущность социальной организации «ликургиевой» Спарты. Согласно нормативному греческому представлению о полах и роли полов, по своей природе женщины стоят ниже мужчин в умственном и физическом отношении и, следовательно, на деле должны занимать подчиненное положение по отношению ко всем мужчинам как в личной, так и в общественной жизни.

Аристотель в первой книге своей *Политики* и где-то еще обстоятельно объясняет, каковы, с его точки зрения, причины женской естественной и непреложной приниженности. Ощутим его шок и ужас во второй книге *Политики*, когда он говорит, что мужчины Спарты *gunaikokratoumenoi*, «управляются женщинами». В апофтегме, о которой идет речь, Горго не отрицает, что именно так в действительности и обстоит дело, но она достаточно тактично уводит внимание от роли спартанских женщин как жен к их материнскому предназначению: только спартанские женщины, говорит она, в отличие от вас, жалких афинянок и других женщин, рожают истинных мужчин! Горго, таким образом, вдвойне указывает на половую индивидуальность и заявляет о якобы доминировании женщин во властной структуре спартанского государства. Как мы увидим в следующей главе, требуется, по меньшей мере, некоторая модификация этой последней точки зрения.

Прежде чем мы оставим Горго, давайте вновь вернемся к ее семейному и особенно супружескому положению, и на этот раз

обратим внимание на важность наследования имущества и собственности. Существенным фактом, касающимся Горго, является то, что она была не только родной дочерью правящего царя, но к тому же его единственной дочерью, наследницей, тем, что спартанцы называли термином *patrouchos*, буквально «держатель наследственного имущества или наследственной доли отца». Ее отец Клеомен был одним из четырех сыновей своего отца Анаксандрида, так что после смерти Анаксандрида, если все четверо к этому моменту были бы живы, его состояние разделили бы, по крайней мере, на четыре части (или больше, если бы у него были еще и дочери, так как дочери в Спарте также сами по себе наследовали имущество, хотя, возможно, и меньшую долю, чем братья). Тремя другими сыновьями Анаксандрида от его первой жены по очередности рождения были Дорией, Леонид и Клеомброт, но Дорией умер относительно молодым, и Леонид оставался старшим единокровным братом Клеомена.

К 510 г. Леонид должен был находиться в брачном возрасте (то есть около двадцати пяти лет для спартанских мужчин), но он был то ли не женат, то ли его первая или первые жены умерли к тому времени, когда в конце 90-х гг. V в. он женился на Горго, дочери и наследнице Клеомена, достигшей приблизительно 18—19 лет — брачного возраста спартанских женщин. Причина, по которой Леонид хотел жениться на Горго, была очевидна: она была единственным ребенком Клеомена и, следовательно, наследовала все его состояние, сам же он был следующим в очереди на трон Агиадов, так как при отсутствии сына трон в Спарте передавался ближайшему мужскому родственнику покойного царя, а Леонид был старшим из выживших единокровных братьев. Клеомен, давая свое согласие на брак, следовал спартанскому обычаю царей, так как браки между близкими кровными родственниками, особенно между дядей и племянницей, никоим образом не были исключением. В действительности во всей Греции браки между дядями и племянницами были совершенно обычным явлением и все по той же самой причине — в основном, чтобы в целости сохранить собственность в семье по мужской линии.

Другими словами, Горго выполнила совершенно обычную функцию, предназначенную для женщин из высших слоев общества в древнегреческом мире, послужив средством для передачи собственности и вместе с ней власти внутри мужской элиты. Од-

нако было бы неправильно думать, что она была просто пассивной пешкой в этих сделках. Судя по всему, что мы знаем о ней, у нее было собственное мнение и собственный голос.

Оборона Фермопил фактически виделась спартанцам как самоубийственная миссия, нечто вроде задачи для камикадзе, выполняемой в абсолютно здравом уме. Это подтверждается историей шпиона Ксеркса, который донес, что спартанцы натирают себя маслом, как будто для атлетических соревнований, и расчесывают свои исключительно длинные волосы. Как растолковал Ксерксу Демарат, такое поведение символизировало для спартанцев решимость сражаться, если потребуется, до смерти, а как они знали, это было вполне вероятно. Другие греки, несомненно, рассматривали Фермопильскую операцию совершенно иначе. После смелого сопротивления выжившие могли почетно отступить, чтобы на другой день вступить в сражение или умереть. Следовательно, как сообщал Геродот, очень естественной была паническая реакция среди большинства из них, когда персидские орды впервые приблизились к Фермопильскому ущелью. Был и другой фактор, вызывавший тревогу: местные жители знали, что ущелье можно обойти через горы с южной стороны по единственной тропе, называемой Анопейской. Леонид, естественно, стремился закрыть эту потенциальную брешь силами тысячи фокийцев, солдат, знакомых с территорией и условиями, но которые прежде других в своем большинстве должны были погибнуть.

Уже после прибытия персидской армии, прежде чем начался действительный штурм, произошла трех- или четырехдневная задержка. Возможно, ее целью было усилить психологическое давление на греков, пока оно не стало бы невыносимым, или, что более приземленно, дать возможность Ксерксу связаться с готовым к наступлению флотом, который, наконец, благополучно прибыл в гавань около мыса Сепия. Когда в конце концов штурм начался, это был Первый день из запомнившейся трехдневной исторической схватки. Греки перестроили старую стену у Средних ворот, за которой они оборонялись, сражаясь посменно. Их копья были длиннее, чем у противников, которые к тому же не могли использовать свое явное численное преимущество в ограниченном пространстве. Спартанцы добавили растерянности персидской армии, применив тактику, на которую могла полагаться только са-

СПАРТАНЦЫ

мая подготовленная и дисциплинированная армия — серию ложных отходов, за которыми следовали неожиданные развороты и убийственно стремительные атаки против своих слишком самоуверенных преследователей.

Второй день был чрезвычайно похож на первый, хотя можно хорошо представить нарастающую растерянность и раздражение Ксеркса, но затем произошел удачный для него поворот. Греческий предатель, местный Иуда, который знал все об Анопейской тропе, случайно стал известен Ксерксу. Его имя, покрытое позором, осталось в веках, бурное, горячее осуждение в тот период объяснялось, по крайней мере частично, желанием скрыть, что уже и так многие греческие города и целые народы перешли или переходили на сторону персов. Из-за этого предателя ночью второго дня или рано утром на третий день персы обошли с флангов защитников Фермопил и, наступая на них с тыла и с фронта, зажали их в прочные тиски. Ксеркс не рисковал. Он доверил особую ночную операцию отборным солдатам, своей личной гвардии из 10 000 Бессмертных (как называли их греки: они связывали, однако ошибочно, это название с тем фактом, что как только один из них падал в бою, его заменял резерв, таким образом постоянно сохраняя максимальный численный состав в 10 000 человек).

Вероятно, можно обвинять Леонида в том, что он не укрепил Анопейскую тропу более значительными или, во всяком случае, более эффективно распределенными оборонительными силами. Вероятно, оценивая ситуацию окружения как безнадежную, какой она и была, он мог бы решительнее отстаивать свои полномочия. Утверждалось, что он распустил большую часть оставшихся солдат, но, согласно более циничной точке зрения, это лишь прикрывало тот факт, что большинство из них просто рассеялись. Но что ни в малейшей степени не подлежит сомнению, так это исключительная решимость и отвага, с которой он, его спартанцы и несколько тысяч остальных греков предпочли остаться до конца сражения на третий день.

Истинно лаконичное высказывание символизирует характер спартанской последней обороны. Когда сообщили, что со стороны персов так много лучников, что их стрелы могут затмить солнце, спартанец Деинек, один из 300, немедленно ответил:

Чем больше, тем лучше — мы будем сражаться с ними в тени!

Так как спартанцы считали стрелы оружием слабых и женоподобных по контрасту с копьями и мечами, применявшимися в ближнем и рукопашном бою воинами-гоплитами, это высказывание было ловким способом уклониться на словах от главного — в буквальном и метафорическом смысле от смертоносной массы стрел, которые вскоре накроют их.

ДЕИНЕК

Деинек появляется только однажды в рассказе Геродота о Фермопилах, к его концу, но это яркое появление, потому что в компании исключительно отважных он, однако, смог представить «самое замечательное доказательство героизма». У греков был специальный термин *aristeia* для обозначения выдающихся качеств, проявленных на поле боя, он чаще всего применялся по отношению к деяниям греческих героев, воспетых в *Илиаде* Гомера — *aristeia* Диомеда, Патрокла, и более всех Ахилла. В этом смысле *aristeia* существительное женского рода, но греки использовали точно то же слово, но среднего рода множественного числа, означающее не саму доблесть, но награды за доблесть, которые они в соревновании завоевывали после таких сражений, как при Фермопилах и Платеях. Когда Геродот говорит нам, что Деинек был объявлен «лучшим» среди спартанцев, сражавшихся и умерших при Фермопилах, то это значит, что он был человеком, избранным выжившими греками, чтобы быть награжденным *aristeia*.

Греки были глубоко пропитаны соревновательным духом, от их термина *agónia*, обозначающего дух соперничества, происходит наше слово агония, что говорит многое о природе греческой состязательности. Присвоение звания «лучшего» значило много. Было бы хорошо иметь больше информации о том, как Деинек заслужил эту высшую награду. Американский романист Стивен Прессфилд в своих «Огненных вратах» проделал замечательную воображаемую реконструкцию жизненного пути Деинека, приписав ему, например, особо суровую форму тренировок для спартанских воинов. Однако это чистейший вымысел. Все, что мы можем уверенно предположить, так это то, что он прошел через систему Агогэ, блестяще выдержав испытания, был избран

СПАРТАНЦЫ

для совместных трапез, имел жену и, по крайней мере, одного живого сына и проявил себя столь воинственным, что был избран в числе 300 элитных солдат для сопровождения Леонида при Фермопилах.

Одним из наиболее существенных аспектов его спартанской доблести, о котором нам особо сообщает Геродот, было присущее ему умение остроумно высказываться в лаконичной форме. Подлинно лаконическое высказывание о сражении в тени мы уже цитировали. Оно косвенно должно было заставить спартанцев сражаться еще более яростно и действенно, и даже более продолжительно, чем любой другой способ.

Геродот добавляет, что Деинек, как утверждают, оставил в истории еще одно сходное памятное высказывание, но если бы только он его тоже процитировал!

Леонид также показал себя истинным спартанцем, произнеся слова, которыми он якобы приказал своим солдатам позавтракать рано утром до решающего сражения: «Этим вечером мы будем обедать в Аиде». Предположительно, он знал дельфийское предсказание, в свое время, как говорили позже, получившее распространение, содержание которого сводилось к тому, что только смерть спартанского царя обеспечит окончательную греческую победу над Персией. Во всяком случае, он сражался и погиб как человек, сознающий, что борется за нечто большее, чем простое сохранение политического статус-кво. Сила духа спартанцев при Фермопилах, уже проявленная афинянами при Марафоне, является главной составляющей конечного триумфа греков.

Согласно Геродоту, потери персов в начале третьего дня были даже тяжелее, чем те, что они понесли за два предыдущих дня. Вполне вероятно, что греки сражались почти безрассудно. Смерть Леонида только усилила интенсивность греческих усилий, потому что теперь они сражались героически, чтобы не дать вражеским варварам захватить тело царя и чтобы спасти его от несомненного поругания. Заключительная сцена происходила на низком холме, упомянутом выше. Безоружные или со сломанным оружием греки сражались буквально не на жизнь, а на смерть, пуская в ход голые руки и зубы. Даже под конец персы в качестве оружия избрали

стрелы, которые безопасно выпускали с большого расстояния. Омерзительная месть, будто бы совершенная по отношению к телу Леонида, включая его обезглавливание, несомненно, свидетельствует, что персы Ксеркса дошли почти до предела.

Разумеется, формально Фермопилы стали первым, ужасным поражением для греков в решающем бою против орд восточных захватчиков и вряд ли знаком надежды на конечную победу. Однако эпитафии, позже отметившие это место, включая одну из самых знаменитых в мире, ясно указывают, что при воспоминании спартанцы чувствовали, по меньшей мере, нечто большее, чем просто стыд.

*Поведай, о путник, спартанцам,
Что здесь покоимся мы, их законам послушны.*

Тот же дух гордости и вызова передает каменный лев, позже сооруженный на этом месте, так как царь зверей символизировал воинскую доблесть. По этой же причине в 338 г. в Беотийском городе Херонее поверженные греки соорудили памятник в виде каменного льва, который до некоторой степени сохранился до наших дней. А памятник в Фермопилах напоминал о собственном имени Леонида, которое означает «потомок Льва, так как *leôn* по-гречески — «лев».

Пример патриотической борьбы до последней капли крови, поданный этими солдатами, погибшими славной смертью во имя свободы Греции, обеспечил отчаявшихся верных греков именно тем моральным зарядом, в котором они в то время нуждались. Это знаменитое и героическое поражение при Фермопилах, если посмотреть на него с такой точки зрения, было сродни победе. Как сообщали, Великий царь Ксеркс, который лично участвовал в сражении, был совершенно поражен поведением спартанцев. Он стал жертвой ряда культурных ошибок. Ему должны были сказать, что такое поведение спартанцев объяснялось тем, что они сражались за идеал более значительный, чем просто жизнь — за идеал свободы. Свободы развивать свою уникальную и единственно значительную цивилизацию — и на самом деле это было то, что спартанцы и другие верные греки, в конце концов, защитили, дав отпор персам в следующем, 479 г.

Это был год двух решающих и победоносных для греков сра-

жений — на суше при Платеях и на море при Микале. Однако Ксеркс узнал о них только по сообщениям из вторых рук, так как после великой победы на море при Саламине, выигранной главным образом силами афинского флота под руководством Фемистокла, он поспешно вернулся в Сузы — к месту действия, восемью годами позже в 472 г. представленному в трагедии Эсхила «Персы». Позади в Греции Ксеркс оставил в качестве главнокомандующего Мардония, сына Гобрия, одного из семи знатных персов, которые реставрировали монархию Ахеменидов после периода узурпации в конце 20-х гг. VI в., посадив на трон отца Ксеркса Дария I. Другими словами, Мардоний был реальным полководцем, а не просто довеском или временной заменой, но даже он не смог противостоять спартанскому регенту Павсанию, греческому главнокомандующему в 479 г.

Павсаний занял этот командный пост, потому что, как старший кузен со стороны отца, был ближайшим мужским родственником Плистарха — несовершеннолетнего сына и наследника, и соответственно был назначен на этот пост и как личный опекун мальчика, и как регент Спарты по линии Агиадов. Он схватился за эту возможность обеими руками, обеспечил основное руководство на суше, опередив царя Леотихида, который вместо этого стал первым и фактическим последним спартанским царем, осуществлявшим командование на море.

РЕГЕНТ ПАВСАНИЙ

В 479 г. Павсаний ворвался на греческую сцену и во внешнюю политику из неизвестности. Он изображен на страницах сочинения Геродота как в целом привлекательная фигура, и он даже приготовился ответить на обвинение в благосклонном отношении к Мидии, которое выдвинули против него после окончательного поражения Персии. Однако другие источники, особенно Фукидид и, как ни парадоксально, Симонид, сочинитель хвалебных од, рассказывают иную историю, возможно, понятной, но, тем не менее, непростительной заносчивости, даже высокомерия (*hubris*) и предательства.

Павсаний родился, вероятно, около 510 г., он был сыном Клеомброта, самого младшего родного брата Дориея и Леонида.

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

*Генеалогическое древо рода Агиадов, конец VI—V вв.
(цари и регенты обозначены прописными буквами).*

Из-за смерти Дориея Леонид стал преемником своего старшего единокровного брата Клеомена, но погиб при Фермопилах, оставив несовершеннолетнего Плистарха. При нем Павсаний служил регентом на троне Агиадов около десяти лет, прежде чем, так же как и Дорией, был лишен расположения. В то время как Дорией умер на чужбине, Павсаний выполнил требование эфоров вернуться на родину из Византия около 470 г. Обвиненный в предательстве, он отправился в святилище спартанского акрополя, но был замурован в храме Афины Меднодомной и умер там от голода.

Этот жуткий конец вполне соответствовал остатку его подтвержденной свидетельствами жизни. После того как при Платеях Павсаний привел к победе самую крупную из когда-либо собранных греческих армий, еще оставаясь на поле боя, он позволил себе несколько впечатляющих театральных жестов. К его чести, он отказался от предложения греческого союзника изуродовать тело Мардония так, как, по сообщениям, персы изуродовали тело Леонида при Фермопилах. Вместо этого, чтобы усилить контраст ме-

СПАРТАНЦЫ

жду персами и греками (и особенно спартанцами), он приказал своим илотам приготовить обычную, простую совместную спартанскую еду так, чтобы его солдаты смогли увидеть, насколько она отличается от чванливого великолепия пиршества, приготовленного в захваченной палатке Мардония. Также, отчасти потому что у спартанцев не было обычая передавать в дар своим святилищам военную добычу, захваченную у побежденных врагов, он приказал илотам собрать на поле боя персидские трофеи, включая большое количество золота и серебряную посуду и распоряжаться этим добром по своему усмотрению. Геродот рассказывает язвительную, хотя и неправдоподобную историю о том, как жители Эгины, находившиеся под влиянием Мидии, купили это добро у илотов по самой низкой цене, потому что наивные илоты не представляли его истинную стоимость и возможность разбогатеть в результате продажи. История язвительная, потому что представляет жителей Эгины корыстными, лживыми, а также и вероломными, но самый впечатляющий жест Павсания — его самоотречение — выглядит достаточно правдивым.

После разгрома персидского вторжения исконные греческие союзники, усиленные теперь за счет бывших греческих субъектов Персии на островах и на азиатском континенте, решили продолжить войну, и, естественно, Павсаний мог бы по-прежнему оставаться главнокомандующим со штаб-квартирой в Византии, но его высокомерие оттолкнуло союзников. Он был отозван в Спарту в 478 г., только чтобы вернуться в Византий на следующий год и, по-видимому, без официального разрешения. Его высокомерие, приведшее к отзыву, вполне проявилось в надписи, которую он заставил добавить на большой бронзовой чаше для смешивания вина, посвященной входу в Черное море:

*Это памятник доблести Павсания,
посвященный владыке Посейдону,
Командира Греции, сыгравшего главную роль
На Черном море, по рождению спартамца, сына
Клеомброта, из древнего рода Геракла.*

Два элегических двустишия достаточно правдоподобно приписываются Симониду, так как Павсаний, несомненно, был главной движущей силой, заказавшей Симониду написать восхвале-

ние в эпическом стиле, чтобы увековечить спартанцев, но в первую очередь собственные героические деяния при Платеях. Недавно были опубликованы большие отрывки этого замечательного текста, написанного на папирусе и сохранившегося в сухих песках Верхнего Египта. Вот короткий отрывок (с восстановленным предполагаемым текстом в квадратных скобках):

Вот уж, покинув течение [Эв]рота и пажити [Спарты] города, они [двинулись], в спутники взяли себе Зевса красавцев сынов, дерзко коней укрощавших, и мощных духом искусных наездников, [Атрида], отчего града вожди, [лучшие в бранных делах]. Вел же их сын благородный [божественного Клео]мброта, ...; имя Павсаний ему.

[Перевод В. Ярхо]

Стихи проливают свет на героическое и персонализированное увековечивание подвигов, которые Павсаний считал достойными того. Даже их оплаченный составитель Симонид, как говорили, просил Павсания не забывать, что он всего лишь смертный, а не бог и даже не герой.

Стихи о Черном море были довольно плохи для его репутации, но даже их Павсаний превзошел своим непристойным поведением в Дельфах. Объединившиеся верные греческие города — всего их насчитывалось тридцать один — заказали в качестве монумента победы памятник, известный под кратким названием Змеиная колонна. Он состоит из каменного основания, несущего бронзовую колонну в форме трех сплетенных змей, на головах которых покоится бронзовая чаша, напоминающая те, что вручались как призы во время Траурных игр в честь Патрокла, описанных в *Илиаде*, а также во время других героических соревнований. Названия победоносных городов начиная с лакедемонян (спартанцев) были высечены на телах змей. Их еще можно разобрать только там, где сохранились довольно печальные остатки памятника, в центре древнего ипподрома в Константинополе (сначала называвшемся Византием, а в настоящее время Стамбулом). Однако Павсаний хотел получить свою личную долю в памятном действе, поэтому добился того, чтобы к основанию добавили надпись плодовитого Симонида, посвященную лично ему:

*Греческий вождь, уничтоживший армию Мидии,
Павсаний учредил мемориал Фебу [Аполлону].*

Как если бы Павсаний сам уничтожил персидскую армию при Платеях... Не приходится удивляться, как добавляет Фукидид, что спартанцы немедленно соскоблили эту надпись.

Таким образом, Павсаний был смещен с должности главнокомандующего греческой армией, и вскоре после этого спартанцы совсем отказались от активных военных действий против персов, которые теперь вели Афины и новый Делийский морской союз. Павсанию Византий показался приятным, и он оставался там десять лет, в течение которых он с прицелом самому стать великим сатрапом всей Греции в интересах Персии якобы просил руки дочери Ксеркса, и ему ее обещали. Эту версию принимает Фукидид, но подвергает сомнению Геродот.

Какова бы ни была истина, около 469 г. он вновь был вызван в Спарту, обвиненный на этот раз не в приверженности Мидии, а в гораздо более отвратительном, с точки зрения спартанцев, преступлении — тайных связях с илотами. Информант едва ли являлся обычным надежным источником, так как был любовником Павсания, греческим рабом из Аргиля. (Он превратился в эллинизированного сирийца в романе Валерио Массимо Манфреди *Il Scudo di Talos*, переведенного на английский язык как *Спартанец*.) Однако это свидетельство было достаточно убедительным для спартанских властей, которые с готовностью поверили, что он предложил илотам не просто свободу, но и спартанское гражданство.

Это предполагаемое предложение может быть истолковано совершенно иначе, гораздо менее пагубно, если то, что Павсаний делал на самом деле, было предвосхищением официальной спартанской практики, ставшей общепринятой во время Афинской войны, — предоставлением илотам условной формы свободы взамен на военную службу. Такие освобожденные илоты назывались *neodamôdeis*, что означало нечто вроде «народ нового гражданско-го типа», хотя на практике они не пользовались никакими привилегиями равных по праву рождения и образования спартанских граждан. Как бы то ни было, обвинение было достаточно, чтобы напугать Павсания, и он остался в храме в священном месте на спартанском акрополе. Когда от голода он был близок к концу,

его убрали оттуда как раз вовремя, чтобы, умерев там, он не успел осквернить святое место.

Только позже, после обращения к Дельфийскому оракулу, Павсаний был посмертно реабилитирован и получил беспрецедентный знак почета в виде двух бронзовых памятных статуй. Много позднее его имя связали с именем Леонида, и в честь обоих учредили ежегодные игры.

Мардоний, командующий сухопутными силами Персии, после возвращения Ксеркса в Азию провел зиму 480/79 года в Фессалии. Летом 479 г. он двинулся на юг, чтобы вновь, как в 480 г., занять и разрушить Афины. Афиняне, в сущности бездомные, отчаянно призывали спартанцев прийти на помощь из Пелопоннеса через Коринфский перешеек в центральную Грецию, где эта помощь была необходима. В конце концов, спартанцы, когда смогли и захотели, откликнулись, и совместными силами с афинянами и другими верными греками в Беотии Мардоний был отброшен. Беотия также теперь была подданной и союзницей Персии, за исключением Платей, всегда верного Афинам союзника, и именно на территории Платей произошло наконец последнее сражение.

Павсаний командовал союзными войсками гоплитов численностью приблизительно 40 000 тысяч. Из них спартанцев насчитывалось 5000, возможно, увеличенных на две трети за счет полного потенциального набора рекрутов. Их сопровождало такое же количество гоплитов-перизков и, по крайней мере, согласно данным Геродота, не менее 35 000 илотов, которые не только служили в качестве ординарцев и вспомогательного персонала, но также сражались в легковооруженных войсках.

Кроме спартанцев, важную составляющую гоплитов на стороне Павсания представляли солдаты расположенной в Аркадии Тегеи. Персы, которые, вероятно, все еще значительно превосходили даже возросшие силы греков, заняли позицию на реке Асоп, первоначально расположившись на южном берегу. Мардоний начал сражение с конной атаки, введя в игру свои главные силы. Греки ответили действиями лучников, один из которых сразил лошадь командира персидских всадников, и персы отступили. Первый успех был на стороне греков.

СПАРТАНЦЫ

Исход основной битвы, однако, зависел не от лучников или конницы, а от греческой пехоты. Спартанцы расположились на почетном правом фланге, афиняне и тегейцы на левом, мегарийцы, коринфяне и другие между ними. Однако только после чрезмерно длительной восьмидневной задержки произошло наконец решающее сражение. Одно из современных объяснений такой задержки состоит в том, что Мардоний в действительности не готовил детально разработанное решающее сражение, а надеялся добиться психологической победы, вынудив рассеяться армию верных греков. Несомненно, промедление доставило Павсанию много трудностей и деликатных проблем, связанных с сохранением управления и морального духа и, возможно, даже привело его к серьезным размышлениям о позиции спартанцев и афинян.

Во всяком случае, он решил отойти в течение ночи. На самом деле он мог намереваться отвести только свой центр, а не всю армию, но каким-то образом распространились сведения, что будто бы отдан приказ отойти к Платеям, и последовали хаос и замешательство. Узнав, по крайней мере, частично, об истинной ситуации наутро, Мардоний отправил конницу в атаку против спартанцев, перизков и тегейцев. Те оказались теперь загнанными в угол под ливнем стрел. Павсаний каким-то образом нашел время, чтобы выяснить волю богов с помощью жертвенного гадания, прежде чем приказал своим гоплитам атаковать персидскую пехоту, которая была вооружена гораздо хуже.

Это был лучший час Павсания, или, по крайней мере, его лучшие минуты. Греки, особенно спартанцы, сохраняя непрорванными и сплоченными свои ряды, исключили возможность атаки персидской конницы. Обрушившись на персидские укрепления к северу от Асопа, греки устроили побоище. И Платеи, хотя и были обречены на скорое отступление, в конце концов, стали полной и решительной победой верных греков. Никогда больше персидская армия не сможет вторгнуться в материковую Грецию, напротив, спустя полтора столетия при Александре Великом уже македонская и греческие армии вторгнутся в Азию и опустошат ее. Вряд ли Персидская империя сразу же перестала быть главным объектом греческой дипломатии и политики, но результат битвы при Платеях подтвердил приговор Марафона и Саламина.

В ретроспективе сражения 480 и 479 гг. и, прежде всего, Фермопильская битва могут рассматриваться как поворотный момент

не только в истории Древней Греции, но и во всей истории как Востока, так и Запада. Встречное предположение «а что, если бы...», несомненно, может иногда стать приятным развлечением для историков, но также может оказаться и очень полезным способом выявления причины и следствия. Что, если бы, например, вообще не было бы оказано сопротивления при Фермопилах или оно под руководством Леонида и его спартанцев было бы гораздо менее решительным и действенным, чем в действительности? Что, если бы верные греки в 480—479 гг. потерпели поражение и персы присоединили бы материковую Грецию, так же как и острова и западноазиатское побережье, к своей обширной империи?

Однако благодаря замечательно успешному превращению спартанского общества в хорошо отлаженную военную машину и их дипломатическому успеху по созданию зачатков мультигосударственного греческого альянса задолго до прихода персов в Грецию было создано ядро руководства, вокруг которого объединилось греческое сопротивление. Самоубийственно обреченная, но в высшей степени героическая оборона спартанцев при Фермопилах показала, что персам, по крайней мере, можно сопротивляться, и это придало маленькой, нерешительной и несплоченной армии верных греков силу, позволившую предположить, что однажды они действительно смогут одержать победу. С харизматическими спартанскими военачальниками характера и калибра царя Леонида и регента Павсания греческие сухопутные силы оказались в состоянии не только обороняться, но и нанести поражение противникам, во много раз более многочисленным, но разрозненным и легко теряющим присутствие духа.

ЧАСТЬ II

СПАРТАНСКИЙ МИФ

4

«50-ЛЕТНИЙ ПЕРИОД»

478—432 гг. до н.э.

Немедленно после персидского поражения и отступления Афины учредили новый антиперсидский морской альянс, который мы называем Делийским союзом (из-за того, что клятву приносили на Делосе, священном острове Эгейского моря, где также находилась сокровищница союза). Неудивительно, что Спарта не входила в него, не в последнюю очередь потому, что членство подразумевало бы признание политической инициативы и доминирующего положения Афин, так же как спартанские союзники признавали господство Спарты в Пелопоннесском союзе. Делийский союз был полностью новой организацией, вызванной к жизни новыми клятвами в верности и преданности. С другой стороны, Эллинский союз, как его называют современные историки, который был создан в Коринфе осенью 481 г., не был полностью вытеснен Делийским союзом. Как мы увидим, в 464 г. или около того спартанцы еще пытались поддерживать дипломатические отношения с Афинами в рамках этого прежнего антиперсидского альянса.

Немного удивительнее то, что Спарта немедленно не отказалась от прямого участия во враждебных действиях против Персии после греческой победы при Микале, даже несмотря на то, что это неизбежно означало проведение морских операций на большом расстоянии от дома. В 479 г. Леотихид выиграл битву при Микале, командуя совместно с Ксантипом, отцом Перикла, но в 478 г., возглавляя сухопутную экспедицию отмщения и возмездия про-

тив некогда перешедших на сторону Персии фессалийцев, он был якобы пойман в своей палатке за руку или, если так можно выразиться, скорее за полный серебра рукав — неотъемлемый предмет персидского одеяния. Из-за вопиющего взяточничества и продажности его отозвали в Спарту и отстранили от дальнейшего командования. Регент Павсаний, однако, был отправлен из базы в Византии для продолжения объединенной морской операции верных греков непосредственно против Персии.

К несчастью, его самонадеянность, подозрительная симпатия к персам (кроме известных по слухам переговоров о заключении брака с высокопоставленной персиянкой, его подозревали в пристрастии к ношению персидского платья, в чем он на полтора столетия опередил Александра Великого) и вероятная некомпетентность в морском деле вскоре привели к тому, что союзники, особенно с больших островов Эгейского моря, потребовали заменить Спарту Афинами в качестве основного лидера. Спартанцы думали, что им сойдет с рук, если они просто отзовут Павсания и направят другого спартанского командующего на его место, но замена также была отвергнута, и афиняне под командованием Аристиды ринулись вперед, учредив в течение зимы 478/77 г. Делийский союз. Так как морские боевые действия были значительно дороже, чем сухопутные, и требовали огромных первоначальных вложений в строительство кораблей, а также очень высоких ежедневных расходов, афиняне потребовали, чтобы их союзники внесли вклад или в виде определенного количества кораблей, или же вместо этого предоставили определенную сумму денег. Это, как замечает Фукидид, было одним из основных отличий между Делийским и Пелопоннесским союзами, и возрастающая непопулярность обязательной дани стала главной темой афинской политики, которая в течение оставшихся лет пятого столетия приобретала все более империалистический характер.

Однако Фукидид затем добавляет, что более чем обеспечением подчинения своих союзников за счет требования дани спартанцы

заботились об обеспечении их уступчивости, учредив среди них родственные олигархии.

И в древности, и в настоящее время находились те, кто хотел бы подчеркнуть якобы открытые, даже демократические черты

Спарты, но что бы мы ни думали о природе и функционировании ее собственного устройства, тем не менее, Спарта последовательно, как большинство империалистических держав в истории, поддерживала недемократические или антидемократические режимы за границей, не отступая перед тем, чтобы навязать их силой упрямому большинству, если это был единственный способ обеспечить собственную безопасность и удовлетворить иностранных друзей и сторонников.

Как бы то ни было, эта политика не была свободна от риска, особенно в первые десятилетия V в., когда некоторые из спартанских союзников весьма близко от своего дома демонстрировали нежелательные знаки не только независимого умонастроения, но даже стремление копировать демократический опыт Афин. Например, есть сведения, что в течение 70-х гг. V в. аркадская Мантинейя и Элида ввели некоторые демократические формы принятия решений. А великий афинский военачальник Фемистокл в течение того же десятилетия больше не проявлял интереса к ведению войны против Персии, но был очень заинтересован в том, чтобы сделать все возможное для подрыва авторитета Спарты. Наибольшую активность он проявлял, науськивая оппозицию против Спарты из своего опорного пункта в Аргосе, недавно ставшего демократическим.

Все это делало положение Спарты в Пелопоннесском союзе очевидно тревожным, к чему в реальной перспективе добавилось влияние мощного землетрясения в 465 или 464 году, потрясшее непосредственно саму Спарту и давшее толчок для столь же мощного восстания не только мессенских илотов, но также и двух мессенских городов периеков. Отрывок из последней, девятой книги Геродота прекрасно иллюстрирует природу и масштаб спартанских проблем в 70-х и 60-х гг. V в. Там он кратко излагает противоречивые истории о двух прорицателях или провидцах (*manteis*), которые происходили из Элиды, главного спартанского союзника.

Первого из них, Гегесистрата, Геродот описывает как

самого знаменитого в роде Теллиадов.

В Элиде, так же как и в других местах, прорицание, несомненно, было наследственным, семейным занятием. Он сам нанялся к персам, врагам верных греков, и служил главным предсказателем

Мардония. Кажется, что он был настроен не проперсидски, а в принципе скорее антиспартански, и, возможно, поэтому был до некоторой степени демократом. Во всяком случае, однажды из-за его антиспартанских действий его захватили спартанцы и посадили в колодки в Спарте. Он был столь решителен, что ему удалось бежать, поскольку был уверен, что иначе дни его сочтены (возможно, он слышал о судьбе царя Клеомена). Он отрезал часть одной ноги так, чтобы освободить ее из колодок, и бежал. Геродот называет это «самым отважным поступком из известных нам»; довольно странно, так как это дало ему возможность служить Мардонию во время Персидских войн, но после войн спартанцы вновь поймали его на острове Закинф в Западной Греции — на этот раз ему не оставили никаких шансов и казнили его.

Другого прорицателя элидского происхождения звали Тисамен, заметное, фактически царское (как у сына Ореста) имя. Геродот внимательно передает подробности о его аристократических предках и добавляет, что он и его (неназванный) брат были двумя единственными неспартанцами, ставшими гражданами Спарты. Все древние греческие города ревниво относились к своему гражданству и нелегко давали его чужеземцам со стороны, но особо чувствительны к этому вопросу были спартанцы. Недостаточно даже было родиться спартанцем, получить спартанское гражданство можно было лишь благодаря своей личной доблести, и затем сохранить его или, скорее, не утратить по экономическим или социальным причинам. В конце 70-х гг. V в. регента Павсания обвинили в том, что он планировал предоставить спартанское гражданство илотам, и это было достаточным обвинением, чтобы повлечь его низвержение и смерть. В Лакедемонии периэки были в лучшем случае гражданами второго сорта в отличие от спартиатов. С «квалифицированной помощью» Тисамена Спарте удалось одержать пять важных побед в течение следующих пятнадцати-двадцати лет.

ТИСАМЕН

Версия Геродота о том, как Тисамен начал работать на Спарту и стал спартанским гражданином, предполагает типично дельфийский сюжет. Он отправился проконсультироваться с оракулом по абсолютно личному и совершенно обычному делу (обретению по-

томства), когда жрица произнесла двусмысленное высказывание о том, что ему предопределено «одержать пять величайших побед». Он решил, что ему суждено стать победителем в пятиборье на главных атлетических Олимпийских состязаниях, и в действительности он добился победы, совершив этот замечательный подвиг! Однако на самом деле Аполлон определил ему роль официального прорицателя в пяти различных победоносных сражениях — потому что греческое слово *agônes* — «состязание» — может относиться равным образом как к военным сражениям, так и атлетическим соревнованиям.

Затем последовало почти комическое заключение сделки между Тисаменом и спартамцами, которые наверняка слышали об этой консультации по своей обычной «горячей линии», связывающей их с Дельфами. Они предложили ему вознаграждение, так сказать, наличные плюс расходы, в то время как он потребовал символическую цену — награду в виде спартанского гражданства. Все это произошло до 480 г., потому что только грядущая угроза персидского вторжения вместе с глубоким уважением к дельфийским предсказаниям и поддержке в конце концов убедила спартанцев предоставить Тисамену то, что он просил для себя и, очевидно, также для своего брата.

Именно таким образом Тисамен стал официальным спартанским прорицателем, возглавившим всех местных экспертов. Он давал советы царям (или регенту), командовавшим значительными армиями всякий раз, когда те прибегали к предсказаниям, совершая кровавые жертвоприношения животных. Предзнаменование военного характера было для спартанцев частью техники ведения боя не в меньшей степени, чем более очевидные физические и психологические приготовления и усилия. Божественную волю следовало испытать заранее, в том числе и непосредственно перед боем, и вновь испытать ее даже уже во время конфликта. Любой неблагоприятный знак во внутренностях жертвы мог толковаться спартанским командующим как сигнал того, что не следует вступать в бой с противником, или как необходимость прервать сражение, даже если такое действие или бездействие могло показаться с чисто земной, «рациональной» точки зрения абсолютно нецелесообразным. Следовательно, предсказатели были важными военными фигурами и всегда составляли часть регулярного командного окружения царя или штаба. И, очевидно, из-за

внимания к этим священным тонкостям ведения боя Ксенофонт среди всех греков назвал только одних спартанцев «искусными мастерами [профессионалами] ведения боевых действий».

Обычно спартанцы обеспечивали надежный приток собственных религиозных специалистов — прорицателей из своей среды. Работа жрецов и весталок передавалась по наследству в нескольких семейных кланах, но, возможно, по какой-то причине обстоятельств 480 г. были таковы, что они убедили спартанцев отказаться от своей обычной ксенофобии и нарушить привычные законы о гражданстве, предоставив гражданство Тисамену и его брату. Хотя, как я подозреваю, тот факт, что они являлись аристократами из Элиды, ключевого, но ненадежного союзника Пелопоннесского союза, мог иметь почти такое же значение, как и их унаследованное искусство прорицания.

Первой из пяти побед Тисамена была битва при Платеях в 479 г., а последней — битва при Танагре в 458 или 457 г., к обстоятельствам которой мы еще вернемся. Оба сражения велись против внешних врагов Спарты — персов и афинян, но три остальные победы в некотором смысле более интересны и более значительны, потому что они были одержаны против в большей или меньшей степени внутренних врагов — в большей — в случае с мессенскими илотами и двумя мессенскими городами периезов, которые восстали после мощного землетрясения примерно в 464 г., и в меньшей степени — в случае, во-первых, тегейцев (союзников по Пелопоннесскому союзу) и аргивян (извечных врагов) и, во-вторых, аркадийцев, за исключением мантинейцев. Давайте на время оставим в покое илотов и периезов и рассмотрим две другие битвы с участием различных групп аркадских союзников.

Аркадия имела ключевое значение для управления Спарты Пелопоннесом и Пелопоннесским союзом. Аркадская Тегея, ближайший к Спарте достаточно важный *polis*, вероятно, стала самым первым членом того, что в будущем превратилось в Пелопоннесский союз. Географически Аркадия расположена так, что она контролировала выход Спарты из Лаконии и Мессении к северному Пелопоннесу и центральной Греции. Одним из главных методов, помимо стратегии «разделяй и властвуй», практикуемых Спартой, было стремление предотвратить объединение любого Пелопон-

несского союзника с Аргосом. Поэтому объединение Аргоса с Тегеей во второй их пяти побед Тисамена сулило потенциальные беды для Спарты почти в той же степени, что и союз Аргоса с Коринфом в конце 90-х гг. IV в. Геродот сообщает нам лишь то, что битва между Спартой и объединившимися тегейцами и аргивянами произошла в Тегее в тревожной близости к родному дому. Вполне вероятно датировка сражения приблизительно около 470 г., а причинная связь с присутствием Фемистокла в Аргосе кажется более чем возможной.

Следующая победа Тисамена произошла в Дипее, также называемой Дипеис, не очень далеко от Тегеи в беспокойном южном пограничном районе Аркадии. Самым обнадеживающим знаком для Спарты здесь было то, что Мантинейя, другой главный город Аркадии, решил либо оставаться нейтральным, либо сражаться на стороне Спарты. Это особенно примечательно, потому что более вероятно было бы ожидать, что Мантинейя, недавно ставшая демократией (возможно, под влиянием Фемистокла) и расположенная гораздо дальше от Спарты и намного ближе к Аргосу, сохранит враждебность скорее к Спарте, как можно предположить по ее позднему прибытию на битву при Платеях. Здесь, по-видимому, мы имеем дело с внутренней борьбой между Тегеей и Мантинеей за господство в Аркадии, которую спартанцы, в прошлом мастера тактики «разделяй и властвуй», прекрасно умели использовать. Как бы то ни было, победа, благополучно одержанная спартанцами и оставшаяся за Тисаменом, названа его четвертым вмешательством, в котором после битвы при Платеях он наиболее полно раскрылся.

Землетрясение, пошатнувшее Спарту в середине 60-х гг. V в., получило бы высокий балл по шкале Рихтера, если бы древние обладали таким измерительным устройством. Сейсмологи обнаружили последствия разрушительного толчка на большом расстоянии от эпицентра. Диодор Сицилийский, писавший в I в. до н.э., но повторивший сведения главного историка IV в. Эфора, сообщил об огромных и, вероятно, преувеличенных спартанских потерях, составивших 20 000 человек. Особенно значительными они были среди молодежи (это, если соответствует истине, несомненно, должно было оказать серьезное демографическое влияние на следующее поколение). Как бы то ни было, катастрофа не помешала царю Архидаму, который унаследовал трон Эврипontiдов от

Леотихида, в то время, когда надо было возглавить спартанцев в Дипее, поднять армию и сорвать прямое нападение илотов на Спарту. Но даже он все же не смог помешать илотам в Мессении, всегда более опасному достоянию, чем их лаконские родичи, устроить восстание *en masse* (массовое — *фр.*), к которому присоединились два периэских поселения на юго-востоке Мессении — Фурии и Этейя. В определенном смысле это был национальный мятеж и восстание низших слоев общества, эксплуатируемых в экономическом и других отношениях.

Илоты восприняли это как в буквальном смысле посланную небесами возможность начать мощное и продолжительное восстание. Спартанцы из благочестия приписали землетрясение гневу колебателя земли Посейдону, который оптимистично почитался под именем «Держателя земли» в нескольких частях Лаконии, как и в самой Спарте. Почему же, с их точки зрения, Посейдон разгневался на них? Мнение, заслужившее наибольшего официального доверия и, вероятно, поддерживаемое самим Тисаменом, состояло в том, что спартанцы дурно обошлись с некоторыми илотами, которые буквально искали спасения в часовне храма Посейдона в Тенаре, далеко на юге Лаконии, в центральной оконечности Пелопоннеса. Вместо соблюдения традиционно установленного права илотов на убежище в этом месте (английское слово *asylum* — «убежище» происходит непосредственно от греческого термина, означающего свободу от наказания) спартанцы изгнали их из святилища Посейдона и предали смерти, совершив страшное святотатство. Вероятно, они испытывали колоссальное давление и напряжение, чтобы предпринять столь рискованный шаг, поэтому, возможно, святотатство связано с предполагаемыми интригами регента Павсания в отношении илотов. Как бы то ни было, землетрясение, очевидно, случилось в особенно тяжелое время для отношений между спартанцами и илотами, что должно объяснить, почему не только мессенские, но также и лаконские илоты или их значительное число поднялись на восстание.

Конечно, древние источники не дают нам точного описания хода восстания. В самом деле, одна общеизвестная неясность в тексте Фукидида касается продолжительности восстания: можно ли в действительности верить тем рукописям, на основании которых Фукидид сообщил, что оно продолжалось десять лет? Простая палеографическая поправка должна сократить эту цифру до гораз-

СПАРТАНЦЫ

до более правдоподобных четырех лет. Это позволит говорить о том, что, округляя, восстание завершилось около 460 г. Но даже четырехлетнее восстание могло быть достаточно тяжелым для спартанцев, и одна сообщаемая деталь звучит совершенно правдоподобно, а именно, что восстание завершилось продолжительной осадой горы Ифомы в мессенской долине Стениклар. Это природная цитадель, подобная, например, Афинскому акрополю, и обычно именно там в более ранние времена первого Мессенского восстания или Второй Мессенской войны в VII в. мессенцы держали последнюю линию обороны.

После того как восстание было подавлено, могло показаться, что спартанцы терпели или поощряли развитие периекского города поблизости. Археологи обнаружили, что дары, иногда с надписями и иногда очень впечатляющие, сделанные жителями соседнего поселения, были посвящены Зевсу Ифомы, или Зевсу Ифомскому. В 50-х гг. V в. эти жители не присоединились к восстанию, как периекские города Этейя и Фурии, расположенные дальше к югу, но и они не могли помешать восставшим илотам захватить пик Ифому — место последней обороны, так сказать, их Масаду. Поселения периеков в Мессении были столь немногочисленны, столь удалены и относительно слабы, что фактически, хотя одной из обязанностей периеков в Лаконии было, по крайней мере, служить первой линией устрашения, а в случае необходимости защитой от беспорядков илотов, спартанцам пришлось вызвать на помощь союзников за пределами своей территории.

Парадоксально, но это стало причиной даже более продолжительных затруднений и убытков, чем землетрясение и само восстание. Потому что спартанцы обратились за помощью не только к своим соратникам по Пелопоннесскому союзу в соответствии с условием, обязывающим союзника «максимально всеми силами помогать спартанцам». Они также призвали помощь из Афин, очевидно, на основе антиперсидского Эллинского союза, заключенного в 481 г. Афины, хотя и не были членом Пелопоннесского союза, имели демократическое устройство и были больше озабочены Персией и распространением ее влияния в районе Эгейского моря и в Северной Греции, тем не менее согласились направить помощь. И не только символическую помощь, но и солидные силы из 4000 гоплитов. Это стало возможным благодаря силе убеждения Кимона, известного проспартанца, который ре-

шился назвать одного из своих сыновей Лакедемонием, т.е. Спартанцем.

Так как Фемистокл должен был сложить бразды правления после изгнания персидских захватчиков, чтобы сконцентрироваться на разжигании разногласий и вражды к Спарте внутри Пелопоннесского союза, Кимону пришлось стать главным рулевым афинской выросшей морской мощи, приведя союзные флоты Делийского союза к ряду побед, из которых наиболее выдающаяся и решающая была одержана в битве на реке Эвримедон в Памфилии (южной Малой Азии) около 466 г. Следовательно, это произошло на пике его влияния, когда спартанцы обратились за помощью против восставших илотов, но решение оказать поддержку Спарте привело к его политической гибели.

Когда войска достигли Мессении, все пошло ужасно. Хотя одной из причин, по которой спартанцы особенно хотели заручиться помощью афинян, был их опыт в осадном искусстве, это мнимое искусство на практике оказалось фактически бесполезным, когда оно направлялось против такой силы, как мессенские мятежники, занимавших сильную позицию на горе Ифома. Еще более тревожным для спартанцев, очевидно, было поведение афинских солдат. Они отнюдь не были беднейшими и не занимали самой низкой положение среди солдат: менее половины афинян могла позволить себе экипировку гоплитов, таким образом, эти солдаты были среди лучших. Однако даже они, жители города, который почти полстолетия жил при одной из форм демократии, обнаружив, что «рабы» — спартанские илоты — были не варварами, а их греческими соотечественниками с собственными высокими традициями, должны были испытать сильное изумление и шок.

Во всяком случае, спартанцы довольно экстравагантно заявили, что поведение и позиция афинян равнозначны «революции», т.е. производят своего рода социальный и политический переворот, и поэтому они, согласно Фукидиду, бесцеремонно распустили афинян, «единственных из всех союзников», без удовлетворительных объяснений этого вопиющего нарушения дипломатического протокола. Авторитет Кимона в Афинах был немедленно подорван, и через пару лет его лишили доверия и изгнали. Его политика сотрудничества и разделения руководства Грецией между Афинами и Спартой была разбита в пух и прах. Чтобы посыпать

СПАРТАНЦЫ

соль на раны спартанцев, афиняне поселили выживших на Ифоме мятежников-илотов в новом поселении Навпакте, на северном берегу Коринфского залива. Даже если восстание илотов было подавлено уже в 460 г., немедленно после этого Спарта оказалась вовлеченной в Первую Пелопоннесскую войну (около 460—445), называемую так в отличие от Пелопоннесской войны, которую мы именуем Афинской войной 431—404 гг.

Некоторые из других спартанских союзников, такие как мантинейцы, у которых тоже была демократическая форма правления, могли прийти в замешательство от своевольных действий спартанских лидеров против Афин, и поэтому Спарта должна была продемонстрировать способность навязать свою волю. И это было сделано в той единственной области, где превосходство Спарты все еще было непререкаемым — в решающей битве. В 458 или 457 г. Спарта повела армию Пелопоннесского союза через Коринфский перешеек в центральную Грецию — в беотийскую Танагру. Фукидид интригующе сообщает нам, что в Афинах существовала группа, находящаяся в контакте со спартанцами. Эта группа надеялась использовать присутствие спартанской армии, расположенной по соседству, чтобы вызвать переворот, в результате чего демократия должна была сменить олигархия, тот тип режима, с которым спартанцы обычно предпочитали иметь дело среди подчиненных им союзников. Однако, хотя спартанцы нанесли поражение афинянам и их союзникам в Танагре, победа была слишком ограниченной, чтобы использовать ее в политическом отношении, и они были достаточно утешены тем, что им позволили благополучно вернуться в свой пелопоннесский дом.

Это был момент, когда, я думаю, спартанцы бесспорно не без больших опасений решили предпринять значительные изменения в организации своей армии. Землетрясение нанесло серьезный ущерб спартанской жизни. Два города периеков в Мессении присоединились к восстанию илотов. Битва при Танагре произошла слишком близко, чтобы оставаться спокойными. Эти три факта, я полагаю, подтолкнули спартанцев предпринять шаги по включению периеков-гоплитов в регулярные спартанские полки, чтобы обеспечить лояльность периеков и, что еще важнее, чтобы пополнить сократившееся число спартанских граждан. Это было не совсем то же, что включение непальских гурхов под командованием

раджи в регулярные полки британской армии, но все же являлось сильным нарушением греческого принципа гражданской милицейской армии. Хотя периэков можно было назвать лакедемонянами, так же как и спартанцев, они не имели равных со спартанцами гражданских прав, так как не прошли через подготавливающую к общественной жизни дисциплину Агогэ и не избирались для участия в совместных трапезах. Перемены, предполагающие включение в ряды спартанской армии гоплитов-периэков, произошли через некоторое время после 479 г. и до битвы при Мантинее в 418 г. Я только предполагаю, что это произошло в 50-х гг. V в. после битвы при Танагре, которая, как мне кажется, была моментом военной истины для спартанцев. Это также совпадает с тем фактом, что спартанцы действовали не слишком удачно во время Первой Пелопоннесской войны.

С другой стороны, афинян, напротив, столь воодушевили их довольно хорошие действия при Танагре, что через несколько месяцев они превратились в хозяев почти всей Беотии, создав нечто вроде миниатюрной сухопутной империи в дополнение к их растущей морской державе в Эгейском море. Одной относительной неудачей Спарты была потеря Эгины, стратегически важного острова в залив Сароникос, настолько заметного из Афин, что Перикл памятно назвал его «ячменем на глазу Пирея». Эгина была пелопоннесским союзником, которого теперь афиняне осаждали и покоряли, наказывали жителей, изгоняли их и заменяли собственными колонистами. Самое большее, что могли сделать спартанцы в этих обстоятельствах, это предложить жителям Эгины новый временный дом на своей государственной территории в Кинурии (известной так же как Фиреатида) на северо-восточной границе с владениями их неустрашимого врага Аргоса. На практике этот период продлился более полувека.

Так называемая Первая Пелопоннесская война тянулась еще десятилетие, пока Афины не обнаружили, что перестарались, пытаясь сохранить контроль над своей сухопутной империей в центральной Греции, так же как и над морской. В 446 г. Афины столкнулись с одновременными восстаниями со всех сторон — на западе в Мегаре (в прошлом также сторонницы Спарты в Пелопоннесском союзе) и на острове Эвбея. Здесь, конечно, для Спарты существовал шанс предпринять решительное вторжение, и царь Плистоанакт, достигший совершеннолетия после Танагры,

СПАРТАНЦЫ

в самом деле повел союзническую армию через Истм на восток и проник на территорию афинских владений. Но когда он оказался по соседству с Элевсином, то мистическим образом решил отступить. Это дало Афинам передышку, позволившую восстановить свою власть, по крайней мере, на Эвбее (стратегически более важной, чем Мегара). Вскоре обе стороны начали переговоры, которые завершились договором, известным по его вероятной продолжительности как «Тридцатилетний мир».

Суть договора заключалась в том, что каждая сторона должна была «сохранить то, что имела», то есть спартанцы в результате «признавали» Афинскую империю, в то же время афиняне в свою очередь «признавали» спартанскую гегемонию в Пелопоннесском союзе. Таким образом, большая часть материковой Греции была поделена на два больших блока, между которыми предполагалось сохранение некоего баланса власти. Плистоанакт, однако, был наказан свержением и изгнанием за то, что, видимо, был принципиальным сторонником тезиса «двойственной гегемонии» Кимона и что толковалось его внутренними врагами как предательство высших интересов Спарты. Ему пришлось оставаться в изгнании в аркадском святилище в течение почти двадцати лет.

Очевидно, это были те же самые враги, вынужденные неохотно согласиться на мирные условия 445 г., которые в течение всего лишь четырех или пяти лет так стремились разрушить мир, предположительно длившийся тридцать лет. В 441 г. несколько самосцев пришли в Спарту, последовав примеру своих предков, угоривших спартанцев отправить морскую экспедицию для свержения тирана Поликрата в 525 г. Они были не менее убедительны, так что возникает вопрос, не действовали ли тут какие-нибудь мощные личные связи между ведущими спартанцами и самосцами? Как бы то ни было, Геродот говорит, что он однажды повстречал в Спарте некоего Архия, чей дед с тем же именем участвовал в походе 525 г. и за свою выдающуюся отвагу заслужил государственные похороны самосцев. Очевидно, молодой Архий имел достаточно влиятельный голос, чтобы призвать спартанцев на помощь жителям Самоса, возглавляемых влиятельными олигархами, стремившихся поднять восстание против Афинской империи.

Однако уговорили самосцы только спартанцев, но не их коринфских союзников в отличие от ситуации 525 г., а коринфянам

удалось уговорить большинство других пелопоннесских союзников в этом особом случае не «последовать за спартанцами, куда бы они ни повели их». Несомненно, это было осмотнительное решение. Спартанский альянс еще не обладал какими-то морскими силами, необходимыми для того, чтобы принять вызов и разбить афинян на море, даже если ближайший персидский наместник царя в Сардах собирался снабжать их деньгами и, возможно, солдатами. Во всяком случае, Самосское восстание потребовало от Афин очень длительной и дорогостоящей морской блокады, осуществленной Периклом и, в конце концов, спровоцировало исключительные меры примерного возмездия и наказания после его подавления. На самом деле, оглядываясь назад с позиций 411 г. до н.э., некоторые самосцы замечали, что восстание 440—439 гг. почти стоило афинянам их господства на море, а именно в восточной части Эгейского моря.

Разумеется, именно так великий историк Фукидид видел эти события в ретроспективе, хотя он, вероятно, еще не достиг совершеннолетия, когда они произошли. Он кратко изложил события, которые произошли между Персидскими войнами 480—479 гг. и началом Пелопоннесской/Афинской войны 431 г., и закончил восстанием на Самосе. Это оставляет приблизительно четырехлетний пробел до политических волнений на острове Коркира (Корфу), которые начались в 435 г. и которые он рассматривает как непосредственную предпосылку и наиболее существенную причину, ускорившую эту войну. Несмотря на значение волнений на Коркире, Фукидид считал основной причиной начала Пелопоннесской/Афинской войны рост Афинской империи, вызывавший опасения спартанцев, что афиняне посягнут на их собственную державу и, в конце концов, ослабят или уничтожат ее. Захват восставшего Самоса в 439 г. был очевидным символом и доказательством имперского могущества Афин.

Быстрый рост Афинской империи казался столь угрожающим, что в 432 г. спартанцы объявили об окончании мира 445 г., несправедливо обвинив Афины в том, что они нарушили его. Фактически именно спартанцы сделали решительный шаг к открытым военным действиям, и сделали они это вопреки недвусмысленному совету их главного царя Архидама II, человека, который неизбежно должен был повести их в бой.

ЦАРЬ АРХИДАМ II

(469—427 гг.)

Архидам, второй царь, носивший это имя (которое означает «вождь или правитель народа»), правил более четырех десятилетий. Он принадлежал к дому Эврипontiдов, который считался младшим из двух спартанских царских родов. Архидам родился около 500 г., его отца звали Зевксидам (Zeuxidamus). Суффикс *damus* в царском имени предполагает обдуманное стремление подчеркнуть связь с народом (*damos*) и подлизаться к обычным спартамцам, возможно, потому что потомки Эврипонта сознавали свое положение младших по отношению к занимающим более высокое положение Агиадам. Зевксидам, однако, никогда не правил, и, следовательно, очевидно умер раньше своего отца Леотихида II (скончавшегося около 470 г., который жил в изгнании почти десятилетие). В противоположность ему, Архидам провел самое длительное исторически засвидетельствованное правление, и провел его хорошо в полном смысле этого слова. Потому что в целом, несмотря ни на что, это было успешное правление.

Впервые источники уделяют ему внимание в середине 60-х гг. V в., как командиру спартанских сил, которые подавили серьезное недовольство внутри Пелопоннесского союза при битве в Дипее (или Дипеисе) в Аркадии. Вскоре после этого его призвали спасти Спарту от двойного удара мощного землетрясения и в равной степени мощного восстания илотов, главным образом мессенцев. Затем, насколько это касалось публичной истории, он исчезает из вида вплоть до 432 г., когда в спартанском Собрании он выступил за соблюдение осторожности в отношении объявления войны Афинам. Фукидид использовал его в качестве фигуры мудрого советника приблизительно так же, как Геродот его предка из рода Эврипontiдов Демарата, чтобы показать истинный характер ситуации и предсказать реальное течение событий. И, кажется, этот знак уважения полностью заслужен.

Позже мы рассмотрим ключевую роль Архидам, которую он сыграл в конце своей длинной карьеры. Вначале давайте проследим события до 70-х гг., когда он женился на Лампидо, дочери Леотихида от его второй жены и таким образом его собственной тетке — сводной сестре отца. Непохоже, что это был брак по страст-

ной любви. Скорее, эта была партия, выгодная в политическом и, что не менее важно, экономическом отношении, обеспечившая сохранение собственности, унаследованной по отцовской линии. Аристофан избрал имя «Лампидо» для своей героини с волевым спартанским характером в «*Лисистрате*». Возможно, он что-то слышал о ее реальной тезке, что оправдывало этот выбор. От Лампидо у Архидама был один сын Агис, который должным образом в 427/6 г. наследовал ему, но после смерти Лампидо Архидам женился вторично на «очень маленькой» женщине (возможно, она была необычно маленького роста для спартанской женщины). От второй жены Эвполии (буквально «обеспеченная жеребятами», намек на владение лошадьми, что всегда было знаком высшего аристократического положения в Древней Греции) у него было еще двое детей — Агесилай (впоследствии Агесилай II) и дочь Киниска («Щенок» или «Собачка»).

Другой интересный факт относительно личных связей Архидама касается того, что он был *xenos* Перикла Афинского. Слово *xenos* в этом смысле часто переводят как «гость-друг», потому что взаимоотношения предполагали обоюдное гостеприимство (так же как французское *hôte*, слово *xenos* использовалось для обозначения и «хозяина», и «гостя»), но это в значительной мере подстрочный перевод. Основное значение *xenos* — «посетитель», «посторонний», «чужеземец», и *xenoi* в значении «гости-друзья» всегда были посторонними, т.е. членами двух разных политических сообществ. Более того, *xenia* была древним аристократическим и, во всяком случае, элитарным институтом. Обычно оба партнера были греками, но этот институт распространялся также и на негреческие сообщества, например, даже греческий гражданин не царского происхождения мог установить отношения *xenia* с великим царем Персии (как, например, спартанец Анталкид с великим царем Артаксерксом II в начале IV века). Опять же «дружба» в английском языке слишком пресное слово для отношений, которые предполагали такую моральную и духовную связь, что могли побудить или заставить одного из *xenoi* предпочесть своего *xenos* собственной стране. (Это предвосхищает знаменитое высказывание И.М. Фостера о том, что при необходимости выбора между предательством друга или своей страны он надеется, что всегда выберет последнее.) И установление, и поддержание отношений *xenia* символизировались мощным ритуальным обрядом. Таким обра-

СПАРТАНЦЫ

зом, по всем этим причинам *xenos* переводится в этом значении как что-то вроде «ритуальный гость-друг» — звучит неуклюже, но иначе не скажешь.

Наконец, отношения поддерживались не просто между отдельными личностями, но между двумя семьями, так как они передавались по наследству, даже если наличие отношений не обязательно было известно одному или обоим партнерам. Это важный момент знаменитого сюжета «Илиады» о столкновении между греком Диомедом (из пелопоннесского Тирина) и Главком Ликийским (Ликия находилась в южном прибрежном районе на западе Малой Азии). Диомеду пришлось напомнить или, скорее, просто сказать Главку, что они наследственные *xenoi*, как спартанский царь Архидам и Перикл из Афин. Мы не знаем, когда впервые были установлены наследственные отношения между ними, но вполне правдоподобно звучит предположение, что символы *xenia* были переданы и приняты при соблюдении надлежащего ритуала и церемонии, когда дед Архидама Леотихид II и отец Перикла Ксантип совместно командовали объединенным эллинским флотом в войне против Персии 479 г.

Как бы то ни было, это был не единственный зафиксированный случай *xenia* на таком высоком спартанско-афинском уровне. Современник Архидама, которого звали Периклид, дал своему сыну имя Афений («Афинянин»). Именно Периклид со спартанской стороны больше всего убеждал спартанцев призвать Афины на помощь против восставших илотов в 60-х гг. V в. в то время, когда командование взаимодействующей афинской стороной осуществлял Кимон, который в 70-х гг. V в. назвал своего сына Лакедемоний («Спартанец»). Несомненно, Переклид и Кимон в принципе верили в спартанско-афинское взаимодействие, но их собственные связи с семьями из другого города должны были укрепить желание сотрудничества, а не конфронтации между двумя государствами.

То же самое менее справедливо относительно Архидама и Перикла. То есть, по-видимому, ранее Перикл решил, несмотря на любые личные отношения или связи, что Спарта, а не Персия была главным потенциальным врагом Афин, и сделал все, что было в его власти, чтобы расширить афинское могущество даже на побережье, в конечном итоге готовясь к большой войне со Спартой. Таким образом, одна из наиболее интригующих побочных сторон,

касающаяся причин и развязывания Пелопоннесской /Афинской войны — это семейные отношения этих двух выдающихся фигур. Описаны по крайней мере два эпизода в ожесточенной пропагандистской кампании, сопровождавшей начало войны.

К 432 г. дипломатические отношения между Спартой и Афинами были натянуты до предела, и большинство спартанских граждан уже решили, что Афины неправы и что правильным решением будет немедленное вступление в войну. Решение созрело во время спартанского Собрания, на котором предложили выступить представителям от Коринфа, главного спартанского союзника, и от враждебной афинской партии. Согласно Фукидиду, высказывались только два спартанца, оба видные личности, но по художественным соображениям он мог не упомянуть других, менее влиятельных ораторов. Эти двое были Архидам и могущественный эфор Сфенелайд.

Архидам, как это представляет Фукидид, на самом деле открыто не высказывался против войны, не говоря уже о защите афинских доводов. Его возражения сводились к тому, что, прежде чем спартанцы объявят и вступят в войну, они должны подумать о будущем и использовать это время для дипломатических обменов. Его речь была взвешенной, сдержанной и относительно длинной. Возражение Сфенелаида было классикой лаконичности и нехудожественной туповатости: афиняне виновны в нарушении мира (445 г.) — бушевал он — стало быть, надо отправляться на войну. Возможно, из-за того, что Архидам был старшим из правящих царей (его соправитель царь Плистоанакт находился в изгнании с 445 г., обвиненный в предательстве) и неизбежно должен был возглавить Пелопоннесский союз против Афин, его взгляды внушали уважение, и первый раунд голосования обычным спартанским способом — криком — не был полностью убедительным. Однако Сфенелайд, играя на традиционных для спартанцев опасениях показаться невоинственными, обеспечил подавляющее большинство голосов за немедленное начало войны.

Но фактически спартанцы продолжали дипломатические отношения с Афинами и после этого голосования, и даже после одобрения Аполлоном Дельфийским их решения начать войну. Это позволяет предположить, что Архидам вовсе не утратил своего влияния, что, как кажется, подтверждается одним из ультимату-

мов, которые Спарта посылала Афинам. «Если, — говорилось в нем, — вы изгоните «проклятых», войны не будет». Эта фраза была кодом для афинского рода Алкмеонидов, над которым тяготело родовое проклятие за святотатство, совершенное два столетия назад в конце VII в. Но Алкмеонидом, против которого в действительности был направлен этот ультиматум, был Перикл, чья мать принадлежала к этому роду. Никто не мог знать больше, чем Архидам, о грехах предков Перикла.

Когда дипломатическое наступление с обеих сторон закончилось, а враждебные действия были готовы начаться вторжением Пелопоннесского союза под командованием Архидам в Аттику, Перикл, испуганный умышленными или же непреднамеренными действиями, которые мог предпринять *xenos* Архидам для подрыва его власти, «национализировал» свое главное землевладение, т.е. передал его в общенародную собственность. В этом случае Архидам должен был приказать своим солдатам пощадить эти земли от опустошения, в то время как владения других афинян могли пострадать. На практике же оказалось, что Архидам больше всего стремился избежать опустошения всех афинских земель, так как даже после того, как его армия выступила в поход в 431 г., он все еще отправлял своих посланцев мира в Афины. А когда же наконец добрался до Аттики, кажется, потратил массу времени, сделав удивительно мало. Видимо, он был не очень заинтересован в ведении войны.

Тем не менее в 430 г. в начале лета, в традиционный для армий гоплитов сезон, он опять повел Пелопоннесский союз в Аттику. Сильная вспышка чумы в Афинах (но это мог быть и тиф) очень скоро заставила его отойти, и в 429 г. он возглавил пелопоннесскую армию, которая сосредоточилась на осаде афинского союзника Платей, а не на разорении Аттики и угрозе Афинам. В 428 г. он вернулся к модели 431 и 430 г., а в 427 г. был уже виден конец осады Платей, но в 426 г. пелопоннесскими силами вторжения уже командовал Агис II — старший сын и наследник Архидам. К тому времени сам Архидам уже скончался.

Как и предсказывал в 432 г. Архидам, и несомненно отчасти из-за его собственного поведения как вождя спартанцев, Пелопоннесская/Афинская война оказалась не таким уж легким делом для Спарты. И фактически после его смерти она несколько раз

принимала дурной оборот, полностью опровергнув предсказания горячих голов, возражавших ему, что потребуются всего лишь два-три года за пределами родины. Поэтому есть что-то, мягко говоря, ироничное в том, что первая десятилетняя фаза войны, как было заведено, названа по имени Архидама II «Архидамовой войной». И даже более того, в действительности он умер прежде, чем истекло менее половины этих десяти лет. В этой книге мы будем говорить о Десятилетней войне точно и описательно, как это делал Фукидид, и примем на веру намерения и цели Архидама ввиду отсутствия доказательств.

Фукидид дал развернутый отчет этого важнейшего для спартанцев решения. Он описывает проведение спартанцами Собрания, назвав сначала иностранных делегатов, а затем избранных спартанских ораторов, включая Архидама. Он изложил собственными словами четыре политические речи. Во-первых, делегат от Коринфа, представлявший единственного самого важного союзника Спарты, настаивал на войне в основном на том основании, что афиняне уже нарушили мирное соглашение 445 г. и в любом случае их следует остановить, и чем скорее, тем лучше. Затем представитель Афин убеждал сохранить, как он заявил, все еще существующий мир. Потом царь Архидам со всем весом родового авторитета и благоприобретенного престижа и влияния осторожно отговаривал спартанцев от немедленного объявления войны. И, наконец, в заключение один из пяти эфоров этого года, вероятно, наиболее влиятельный среди них, произнес классически лаконичную речь в том смысле, что в этом деле все абсолютно ясно, что Афины полностью виновны и, кроме того, у спартанцев есть моральный долг перед своими союзниками.

Если быть совершенно точным, сама по себе эта речь эфора не была решающей. Спартанцы, что довольно примечательно, обычно голосовали с помощью крика, и выигрывали те, кто кричал громче «за» или «против». Но в этом случае председательствовавший эфор заявил, что не полностью уверен, какие крики «за» (война) или «против» (мир) звучали громче, поэтому он предложил гражданам проголосовать раздельно и подсчитать все голоса индивидуально. Возможно, он был искренне не уверен, а возможно, авторитет Архидама был столь высок, что значительное число

СПАРТАНЦЫ

спартанцев приглушили свои естественные или, скорее, воспитанные культурой воинственные инстинкты и проголосовали «против» (т.е. за мир). Но также вероятно, что он хотел добиться максимально возможного большинства, воспользовавшись исконными представлениями о патриотизме и мужестве, поэтому буквально вынудил их встать и быть пересчитанными. Кто из спартанцев хотел бы показаться или даже рискнуть показаться трусом «дрожащим», как это называлось на официальном языке?

Вполне предсказуемо, что теперь очевидное большинство проголосовало за войну, и следующей весной 431 г. Спарта, Афины и соответственно их союзники погрузились в конфликт, который затянулся на многие поколения и принимал все более безрассудный и отчаянный характер. Возможно, внутренней причиной действительно был рост афинского могущества, но войну начали спартанцы.

5

ЖЕНЩИНЫ И РЕЛИГИЯ

Женщины всегда были половиной человечества, но в исторических источниках и документах им обычно не уделялось и половины должной заботы и внимания, каких действительно требовали и заслуживали их обязанности и роль в обществе. Исключением из этого правила — а всегда существуют исключения — были женщины Древней Спарты. Они были совсем не склонны молчать, их нельзя было заставить молчать, и им было что сказать; существуют даже высказывания, которые поименно приписываются им в древних текстах. Нельзя забывать поистине лаконичный ответ, якобы данный Горго, дочерью и женой спартанских царей, неспартанке, восхищенной очевидным влиянием спартанских женщин на своих мужей и спросившей, как удастся только спартанским женщинам управлять своими мужьями: «Потому что мы единственные женщины, которые рожают (настоящих) мужчин!» Этот, хотя и недостоверный ответ, несет некий заряд, который даже самых сдержанных и проницательных наблюдателей спартанской жизни заставлял серьезно верить в буквальную, фактическую истинность женского влияния или власти в Спарте.

Одним из таких наиболее проницательных и сдержанных наблюдателей был Аристотель. Он происходил из элитарной семьи с севера Греции (его отец был придворным врачом македонского царя Амината III, отца Филиппа II), но он провел большую часть своей взрослой жизни в Афинах. В свое время он был первым учеником в Академии Платона, куда прибыл в возрасте 17 лет в 367 г., приблизительно через двадцать лет после ее основания. Затем он стал основателем Лицея — своей собственной школы высших знаний, которую он открыл в середине 30-х гг. IV в. Между этими датами он и его ученики среди прочего собирали данные о законах и основных конституционных достижениях 158 политических сообществ, главным образом, греческих городов, включая, разумеется, и Спарту. Это в свою очередь дало материал для самого блестящего политического анализа, дошедшего до нас из древности — сочинения Аристотеля *Политика*, или «Дела, касающиеся Полиса». Во второй книге этого сочинения он проделал весьма обширную работу, указав, как он их понимал, все главные слабости спартанского общества и спартанской политической системы.

В каком-то смысле это было не слишком трудно сделать, так как к тому времени, когда эта работа писалась в 30—20-х гг. IV в., Спарта уже давно перестала быть главной греческой державой, хотя и оставалась чем-то вроде иконы для тех, кто по политическим или философским причинам был недоволен социальным и политическим устройством в своих городах и все еще рассчитывал, что Спарта может обеспечить некую идеальную альтернативу. Мой нынешний интерес к соответствующим эпизодам из *Политики* обязан ясному и недвусмысленному описанию Аристотеля, что будто бы в Спарте женщины управляли мужчинами и что эта гинекократия (женское правление), с его точки зрения, — ключевая составляющая причины политического и морального падения Спарты. Насколько это могло быть справедливым?

Основание для взглядов Аристотеля состояло из двух частей: одна часть — разум, другая, почти равная — чистый предрассудок. Рассмотрим сначала предрассудок. Аристотель полностью разделяет абсолютно стандартный греческий мужской (шовинистский) взгляд на женщин как низших по сравнению с мужчинами существ, но к общепринятому отношению добавляет мощную дозу Аристотелевой «науки». Он полагал, что может научно доказать, что женские тела и женские умы («души», как он их называет) оп-

ределенно, естественно и непреложно ниже мужских. Другими словами, женщины являются в полном смысле второстепенным полом: физически это обезображенные мужчины, в умственном отношении им не хватает способности логически мыслить, какими бы влиятельными они ни были. Эта «теория» применима в целом ко всем женщинам, и, конечно, не только греческим. В этом отношении Аристотель идет дальше своего учителя Платона, который был готов признать, что очень немногие женщины могут быть равными в интеллектуальном отношении и подлинными партнерами элиты философов-правителей его идеального государства.

Так как же смогли спартанские женщины, несмотря на все присущие им недостатки, управлять своими мужчинами? Это, как Аристотель и все остальные должны были несомненно понимать, является противоречием или в лучшем случае парадоксом. Однако Аристотель твердо верил в это, настолько твердо, что уделил много времени, пытаясь это выяснить. В конце концов он пришел к своего рода историческому объяснению по следующим направлениям. Неискоренимым пороком спартанок, по Аристотелю, был характерный женский недостаток самодисциплины и самоконтроля. В качестве объяснения он предположил, что, тогда как спартанские мужчины становились дисциплинированными, добровольно следуя железным законам Ликурга и, в результате, образу жизни, установленному Ликургом, женщины отказались подчиниться Ликургу, и с тех пор никто не мог ими управлять, вследствие чего они купались в роскоши, потакали своим желаниям, поддерживаемые и подстрекаемые своими уступчивыми, чрезмерно любящими мужьями. Однако как чисто историческое объяснение это, очевидно, довольно сложно принять. Потому что на самом деле спартанские девочки, даже если они и не жили в общих казармах с семи лет, как их братья, все-таки проходили некоторую форму общественного воспитания, и как мы увидим, с очень необычным результатом с точки зрения общегреческих стандартов женского поведения.

С другой стороны, легко увидеть, почему статус и права спартанской женщины заставили Аристотеля вообразить, что Спарта управляется женщинами. Два социально-юридических факта вдобавок к их официальному образованию отличали их от женщин всех греческих государств. Во-первых, они имели право владеть и

распоряжаться собственностью, включая земельные владения, по собственному усмотрению, вероятно, без обязательного законного вмешательства мужчины-опекуна. Наследницы в Спарте — дочери, не имевшие законнорожденных братьев от того же отца, назывались *patrouchoi*, что буквально означает «держатели наследства», в Афинах они назывались *epiklêroi*, что значит «над (т.е. имеющие отношение к) *klêros* (часть, доля, порция)». Афинские *epiklêroi* служили, так сказать, просто средством для передачи отцовского наследства следующему мужскому наследнику и собственнику, т.е. старшему сыну, внуку отца, в то время как спартанские *patrouchoi* наследовали сами по себе. Такие наследницы в Спарте были высоко ценным товаром, которого добивались подходящие для женитьбы спартанские мужчины, так как они могли выйти замуж за любого спартанца, а не только ближайшего родственника с отцовской стороны.

Второй момент социальных и юридических отличий состоял в том, что спартанские жены могли иметь сексуальные отношения помимо своего мужа, при этом не вступая в противоречие с законом о нарушении супружеской верности, потому что Спарта, в отличие от остальной Греции, очевидно, не имела таких законов. В самом деле, их мужья действительно могли «одолжить» их другому мужчине со специфической целью рождения законного потомка для семьи и рода этого мужчины. Что касается жен, то они якобы приветствовали такое соглашение, как уверяет нас Ксенофонт в сочинении IV в., посвященном спартанскому обществу и его нравам, так как оно давало им возможность управлять более чем одним хозяйством. Это напоминает нам, что все спартанские женщины, подобно женам только богатых людей в остальной Греции, были свободны от рабского труда тяжелой домашней рутины. Они не должны были готовить еду, шить одежду и выполнять другую домашнюю работу: все это делали за них илотки. Возможно, они даже не вскармливали грудью своих собственных младенцев, во всяком случае, спартанские няни, предположительно илотки, имели высокую репутацию за пределами Спарты, настолько высокую, что, например, Алкивиад Афинский был выращен такой спартанской кормилицей-илоткой.

В этих обстоятельствах легко превратить тот факт, что спартанские женщины владели землей и другой собственностью и имели, очевидно, открытые и легкие сексуальные связи с другими

СПАРТАНЦЫ

мужчинами помимо собственных мужей, в картину безнравственной порочности, мир, перевернутый вверх дном. «Когда женщина правит мужчиной» — начало дельфийского оракула, означающего, что все вверх дном и все неправильно в этом мире. «В Спарте женщины управляют мужчинами» — в это верили многие неспартанские мужчины, включая Аристотеля, который писал в той же Второй книге *Политики*, что

Во время спартанской гегемонии [archê] многое находилось у них в ведении женщины.

По-видимому, он хочет сказать, что, во всяком случае, в начале IV в. спартанские женщины не только правили своими мужьями в пределах своего хозяйства, но каким-то образом оказывали решающее влияние на государственные дела. Однако единственный реальный пример женского вторжения в общественную сферу в течение описываемого им периода уводит нас, по-видимому, в совершенно противоположном направлении. Когда в 370/69 г. спартанские женщины на своей территории увидели мощь возглавляемой Фивами армии вторжения и опустошенную землю поблизости от Спарты, своей невероятно панической реакцией они якобы вызвали даже больший ужас и переполох, чем враги. Но, с другой стороны, вызывает неловкость то, что это выглядит абсолютно мужским предубеждением, так как отвага на войне считалась исключительно мужским качеством и добродетелью. Кроме того, в любом случае женская паника была хорошо понятна, потому что вид спартанской земли, включая их собственные владения, уничтоженные у них прямо на глазах, едва ли входил в курс их национального обучения.

Короче говоря, то, чего неосознанно, а возможно, иногда и сознательно боялся Аристотель и другие традиционно настроенные неспартанские мужчины, так это женской власти. Одним из выражений этого мужского страха был вымысел о мифической расе амазонок, но амазонки, по крайней мере, благопристойно жили отдельно от мужчин, в то время как спартанские воительницы, очевидно, применяли свою власть в самом сердце сообщества. Во власти этого страха мужские источники часто искажали доступные факты, касающиеся спартанских женщин, которые в лучшем случае обычно получали только из вторых рук. Вместо этого да-

вайте попытаемся восстановить и нарисовать картину жизни или, скорее, жизненного цикла среднестатистической спартанской девочки и женщины от колыбели до гроба.

Спарта́нские законы, так же как и общественные нравы, поощряли воспроизведение потомства — «детопроизводство» (*tekno-roia*). Кроме обычного желания каждого спартамца иметь сына и наследника, чтобы продолжить свой род, существовало огромное давление со стороны государства, направленное на поддержание численного состава сообщества взрослых спартанских граждан мужского пола — сообщества воинов для защиты от внутренних врагов илотов и для нападения на внешних врагов. Поэтому некоторые особенности спартанского общества другим грекам казались определенно странными, как, например, публичные наказания, включая ритуальное унижение, которому женщины подвергали взрослых мужчин во время религиозных празднеств, если те не спешили жениться, и, напротив, публичное одобрение отцов, имевших трех или более сыновей, а также исключение женщин, умерших при родах, из общего правила не фиксировать мужские или женские имена на могильные плиты, а также, как мы видели, отсутствие законов о супружеских изменах.

Однако, хотя супружеские измены не наказывались и даже признавались законом, тем не менее, брак рассматривался как необходимое условие для законнорожденности потомства, и по закону был приемлем только брак между двумя спартамцами. Ухаживание происходило на обычный греческий манер: т.е. заинтересованные потенциальные мужья или их представители вступали в переговоры с отцами достигших брачного возраста девушек. Предполагалось, что об интересах наследниц, чьи отцы не побеспокоились о замужестве дочерей до своей смерти, заботились цари, что было определенным знаком их большой социальной значимости. Однако, по греческим стандартам, существовавшая брачная церемония отнюдь не была нормальной.

Во-первых, она начиналась с похищения, обычно чисто символического и, несомненно, ритуального, но символизм сам по себе демонстрировал возможность мужской силы и насилия. В одном знаменитом случае мы слышали о будущем спартанском царе Демарате, который оказался, так сказать, первым похитителем, завоевав девушку, уже обещанную другому человеку, его дальнему родственнику и будущему царю Леотихиду. Затем, после того как

невесту похищали и каким-то образом привозили в принадлежавший мужу дом, служанка готовила ее к встрече с мужем в брачную ночь. Подготовка начиналась с бритья головы невесты, после этого замужняя женщина должна была коротко стричься и, возможно, на публике носить вуаль. Затем ее одевали в простую рубашку, которая застегивалась поясом, этот пояс муж расстегивал прежде, чем лишить ее девственности. Если мужу было меньше тридцати, когда он женился, как обычно и бывало, он еще должен был жить в казармах и полностью соблюдать военную дисциплину и мог посещать жену только тайком ночью под покровом темноты. Говорили, что спартанский муж может стать отцом нескольких детей, прежде чем увидит свою жену при дневном свете!

Идеальным исходом супружеских отношений в Спарте (пользуясь языком *Крестного отца* Марио Пьюзо) был ребенок мужского пола. Идеал частично основывался на традиционном крестьянском патриархальном представлении о превосходстве мужского пола и желании отца воспроизвести себя как можно более точно, но, кроме того, это была также дань важнейшим военным обязанностям в специфических условиях древнего спартанского общества. В более поздние годы обитатели Мани (центральной южной оконечности Пелопоннеса) по тем же причинам называли своих сыновей «пистолетами», поэтому мужское население Мани буквально было «сукиными детьми»¹. В других местах Греции были основания подозревать большое количество убийств девочек, однако невозможно автоматически обобщать эту вероятность и на Спарту. Как бы то ни было, мы знаем об одной выжившей очень некрасивой девочке, однако слышали мы о ней, потому что она выросла исключительной красавицей и, в конце концов, стала матерью царя Демарата. С другой стороны, ее родители не сделали ничего странного, горячо молясь Елене, чтобы их дочь превратилась в такую же красавицу, как и она сама.

В отличие от своих братьев, как мы говорили, спартанские девочки не посещали с семи лет закрытые школы. Они получали образование отчасти дома от своих матерей и прислуги-илотов, но не только таким образом. Потому что уникальным образом для Греции они также проходили некоторую общественную воспита-

¹ Игра слов в английском языке: «gun» — огнестрельное оружие, ружье, пистолет; «sons of a gun» — «мошенники», «негодники».

тельную программу, которая так же, как и у мальчиков, была главным образом сосредоточена на физических упражнениях. Они бегали, прыгали, метали и боролись, как утверждали, обнаженными вместе с мальчиками, но возможно, что это была мужская фантазия неспартанцев, а не спартанская действительность. Они также участвовали в певческих и танцевальных состязаниях. Есть свидетельства, что и в других местах Греции устраивались танцевальные состязания для девушек, но спартанцы ловко использовали девичьи пляски для политических целей. Избранных девушек, например, посылали танцевать для Артемиды в Карах, городе периеков на северо-восточной границе Спарты.

На родине в Спарте соревнования девичьих хоров привели к возникновению нового жанра греческой поэзии *partheneion*, или девичьих песен. Создателем этого жанра был Алкман (около 600 г. до н.э.), поэт с глубоким лирическим чувством и необычайно широким диапазоном географических ссылок (его упоминания Лидии подсказывают, что он родился в Сардах). Самый длинный отрывок из *partheneion* Алкмана, написанный на папирусе, обнаружен в Египте. В этом отрывке певицы соревнуются в прославлении своих руководительниц — Агесихоры (что означает просто «глава, руководительница хора») и Агидо (предположительно имя представительницы царской семьи Агиадов):

*Изобилием пурпура
Не нам состязаться с ними.
Змеек пестрых нет у нас
Из золота, нет лидийских
Митр, что украшают дев*

*С блистающим томно взором.
Пышнокудрой нет Нанно,
С Аретою богоподобной,
Нет ни Силакиды, ни Клисисеры...*

*Разве стройноногая
Не с нами Агесихора?
Стоя возле Агидо,
Не хвалит она наш праздник?¹*

¹ Перевод Вересаева.

По-видимому, такие песни исполняли первоначально на религиозных празднествах в честь особой богини, хотя определенно неизвестно, какой именно, наиболее вероятно, что речь идет о какой-то модификации Артемиды, возможно, местной, называемой Орфией, так как *parthenoi* были девственницами в преддверии брака, а Артемида — богиней, которая надзирала за важным переходом от девчества и девственности к браку и материнству. После свадьбы *parthenos* сначала становилась *nuphê* (невестой), а затем *gunê*. *Gunê* можно перевести как «жена», но, как и французское слово *femme*, оно также означает «женщина», по существу ожидалось, что каждая спартанская девушка станет женой и матерью. Замужество и материнство были социальным и физиологическим предназначением каждой греческой женщины, но нигде не обращали на это такое внимание, как в Спарте. Божественной покровительницей беременности и родов была Илифия, прочно ассоциировавшаяся в Спарте, как и повсюду, с Артемидой (Орфией).

Так почему же в общественном образовательном цикле особое внимание уделялось физическим упражнениям? Для этого, вероятно, были две причины. Одна прагматическая и мирская: считалось, что наиболее физически подготовленные матери будут самыми лучшими матерями, иными словами, что физическое здоровье прямо ведет к евгеническому здоровью. Другая важная причина была социологической и символической: спартанские женщины категорически не считались низшими, как того в идеале желали бы чужеземные мужчины, такие как Аристотель. Питание, которое получали молодые девушки, было сопоставимо с тем, что получали юноши, девочки-подростки проходили через процедуру общественного образования и социализации, что воспитывало в них общественные идеалы, для реализации которых их взрослое поведение имело решающее значение. Женщины могли самостоятельно наследовать, владеть и распоряжаться собственностью. Возможно даже, что они могли высказывать свое мнение при выборе отцом или опекуном брачного партнера, как они это несомненно делали, управляя своим домом или домами.

Во многих обществах женщины играют ключевую религиозную роль. Женщины Спарты не были исключением, но Спарта как общество в некоторых отношениях была исключением в греческой религиозной практике и поведении. Спартанцы имели репутацию особенно набожных, даже по стандартам древних греков,

и они много трудились для поддержания этой репутации. Как мы или даже древние афиняне могли бы сказать, они были чрезвычайно суеверными. У Геродота дважды сказано, что божественное почиталось выше, чем человеческое, но так как это было верно в отношении всех греков, он имел в виду, что спартанцы вознесли свою набожность и религиозное рвение на исключительную высоту. Он возвращается к этому наблюдению, потому что Спарта не приняла участие в Марафонском сражении в 490 г., решив, что лунная фаза неблагоприятна, а в 480 г. не отправила всю армию полностью в Фермопилы, по-видимому, из-за празднования Карнейского фестиваля.

Кроме того, когда Ксенофонт описывает спартанцев как «мастеров войны», он особо упоминает проявление их религиозного рвения в военных условиях, как, например, жертвоприношения животных при пересечении пограничной реки или даже на поле боя перед самым началом сражения. Спартанцы особо внимательно относились к предсказаниям по поводу военных действий. Если знаки (внутренностей жертвенных животных) были «неправильными», то даже при условии настоятельной военной необходимости военные действия могли быть отложены, прекращены или вовсе отменены. Ксенофонт описывает одного спартанского командира, который прибегал к прорицаниям не менее четырех раз, прежде чем знаки не стали «правильными».

Помимо этой исключительной набожности или религиозности, спартанские религиозные обряды отличались от того, что считалось в других районах Греции общепринятой практикой, двумя ключевыми аспектами. Спартанские женщины, как и женщины повсюду в Греции, играли ведущую роль в спартанских общественных и частных, религиозных и квазирелигиозных проявлениях. Однако, очевидно, в самом городе не существовало праздников исключительно спартанских гражданок, в том числе это касается даже Фесмофорий в честь Деметры, богини, обеспечивающей плодородие матери-земли. Хотя на спартанской территории в честь Деметры был построен храм Элевсинион, он был расположен не непосредственно в самой Спарте и не в Амиклах, но на довольно значительном расстоянии к югу. Ближайшим местным эквивалентом Фесмофорий, по-видимому, была Тифенидия, праздник, посвященный вскармливанию и выращиванию младенцев, но это был праздник не только спартанских женщин.

СПАРТАНЦЫ

Возможное пренебрежение почитанием Деметры в Спарте объясняется тем, что урожай и разведение животных находились не в руках спартанцев, а илотов. Сходное объяснение может быть предложено для второго заметного отличия в спартанских религиозных обрядах — любопытного отсутствия почитания Диониса в Спарте — важного элемента проявления религиозности повсеместно в Греции, как для мужчин, так и для женщин. Опять же, возможно, это как-то связано с тем фактом, что виноград выращивали илоты.

Однако, как мы видели, спартанские девушки на пороге замужества пели и плясали, участвуя в соревнованиях хоров, а взрослые замужние женщины исполняли песни вокруг жертвенника, высмеивая упорствующих спартанских холостяков, побуждая их исполнить закон и взять невесту. Женщины, по-видимому, занимали также особенно важное место в ежегодном празднике Гиакинтия в честь Аполлона и Гиакинта. Ксенофонт в своей биографии царя Агесилая II говорит, что Агесилай придавал большое значение участию своих дочерей в празднике, который отмечался в Амиклах несколькими километрами южнее Спарты, и чтобы нивелировать социальную разницу между своей семьей и остальными гражданами, отправлял их в обычной повозке, которыми пользовались дочери простых граждан. Такой поступок на главном религиозном празднике представлял собой неявное послание.

Однако за пределами Спарты спартанские женщины были особенно знамениты не своей набожностью. Помимо их постыдной или, скорее, бесстыдной сексуальности, внимание чужеземцев более всего привлекал тот факт, что они не исполняли абсолютно стандартную роль греческих женщин, они не оплакивали покойников в семье и не причитали над ними. В 371 г. в обстоятельствах, которые мы опишем в следующей главе, Спарта, в конце концов, потерпела поражение в решающей битве, это было катастрофическое поражение при Левктрах в Беотии. Вот как Ксенофонт, который мог присутствовать там, описывает реакцию на возвращение спартанцев домой:

Это был последний день празднества Гимнопедии, когда в Спарту прибыл посланец, чтобы сообщить о происшедшей катастрофе. В это время мужской хор находился в театре. Когда эфоры

услышали, что случилось, они глубоко опечалились, и это было естественно. Однако вместо того, чтобы закрыть праздник, они позволили хору закончить. Когда они сообщили имена погибших родственникам, то распорядились, чтобы женщины несли свое горе молча и сдержали плач. На следующий день можно было увидеть тех женщин, чьи родственники были убиты, расхаживающих взад и вперед, они выглядели бодро и весело, в то время как те, чьи родственники, по сообщениям, были еще живы, не показывались на глаза, а те же немногие, кто поправился после болезни, выглядели мрачно и глубоко переживали.

Другими словами, они не рыдали, не причитали и не били себя в грудь, стеная, они не посыпали голову пеплом, не соблюдали траур, укрывшись в самых дальних уголках дома. Напротив, все должно было идти своим чередом. Именно таким образом должны были вести себя спартанские женщины, и, предположительно, без всяких советов именно так они себя вели и раньше в течение многих лет, а возможно, и столетий.

Несовместимость или противоречие между поведением спартанской женщины, описанным Ксенофонтом, и негативной картиной их неподобающего поведения, нарисованной Аристотелем, не нуждается в детальном рассмотрении, но искушает последовать за романистом Стивеном Прессфилдом, применяя ход мысли Ксенофонта к ситуации периода Фермопил 480 г. По замечанию Прессфилда, полностью оригинальному и, к сожалению, никем не поддержанному, одним из основных соображений, которым руководствовался Леонид при отборе 300 человек охраны, был известный характер их жен. Можно было рассчитывать, что жены этих избранных мужчин мужественно перенесут неизбежную смерть своих мужей, будут смеяться, танцевать и исполнять об этом радостные песни.

Позвольте завершить эту главу характерным примером одной спартанской матери, названной по имени. Среди так называемых *Апофтегм*, приписываемых спартанским женщинам в сборнике, дошедшем до нас под этим названием в работах Плутарха, первое высказывание принадлежит Аргилениде («Яркой, как лев»), матери Брасида. В нем также прослеживается важность исполнения спартанской женщиной долга в отношении общественных норм, хотя и несколько иным образом:

СПАРТАНЦЫ

Аргиленида, мать Брасида, когда ее сын погиб и некоторые из граждан Амфиполя явились к ней в Спарту, она, прежде всего, спросила их, умер ли ее сын так, как подобает спартанцу. Когда же они превознесли его до небес и сказали ей, что он был лучшим среди спартанцев, совершивших такие подвиги, она возразила: «Друзья, это правда, что мой сын был прекрасным и достойным мужем, но в Спарте много есть и лучше».

Настоящая сила этого приписываемого ей замечания происходит оттого, что, в отличие от самоотречения этой матери, жители Амфиполя буквально поклонялись Брасиду после его смерти как герою, как кому-то более значительному, чем просто смертный человек.

К сожалению, эти данные недостаточны для того, чтобы написать какую-то биографию Аргилениды, так как кроме этого короткого рассказа мы знаем о ней только то, что она была замужем за неким Теллидом. Сообщалось, что он входил в состав официальной спартанской делегации в Афины в 421 г., которая заключила первый Всеобщий мир и затем подписала отдельный договор с Афинами. Теллид мог быть также членом Герусии и, таким образом, происходить из почтенной аристократической семьи. Однако Аргиленида, так же как и царь Агисилай, когда он настаивал на путешествии своих дочерей на главный религиозный праздник в обычной повозке, заботилась скорее о том, чтобы не подчеркивать особые отличия или заслуги, которыми, несомненно, обладала ее семья. Поэтому она может служить символом характера спартанских женщин.

Другие апофтегмы рисуют спартанских матерей древности, приписывая им колоритный язык и такие же колоритные поступки. Поэтому мы вполне можем представить, как Аргиленида наставляла Брасида, отправляющегося в Амфиполь в 422 г., вернуться с поля битвы «Со щитом или на щите!». Или же, предположив *per impossible* (как возможность. — *фр.*), что Брасид оказался трусом и вернулся домой живым, но побежденным, мы можем увидеть Аргилениду, которая, указывая на свой живот, публично с презрением спрашивает, не хочет ли он вернуться назад. Вот из какого удивительно твердого материала были сделаны спартанские матери.

АФИНСКАЯ ВОЙНА 432—404 гг. до н.э.

В этой главе рассказывается о войне, которая с афинской точки зрения привычно называется Пелопоннесской, но здесь она будет рассмотрена и описана с позиций спартанцев. Отсюда непривычное название «Афинская война», что является древнегреческим способом обозначения «войны против афинян». Конфликт начали спартанцы с большими, но несвоевременными надеждами, и, в конце концов, он закончился через 27 лет, только тогда, когда по финансовым соображениям спартанцы пришли к соглашению со старым греческим врагом — персами. Однако последние имели свои собственные, совершенно особые мотивы желать уничтожения власти Афин, и они использовали спартанцев просто как орудие в своих руках. Эта циничная тактика, в которой все заинтересованные стороны были одинаково виновны, испортила греческие межгосударственные отношения, начиная с этого времени и вплоть до завоевания Греции Македонией во главе с Филиппом II и его сыном Александром Великим, которые затем удивительным образом продолжили завоевание всей Персидской империи.

Спартанская стратегия для победы в Афинской войне в определенном смысле с самого начала не имела законной силы. Скованные своей ментальностью гоплитов, после того как она исключительно хорошо прослужила им в течение двух столетий, спартанцы вообразили, что простое применение той же самой стратегии позволит достичь им своей цели. Они верили, что, просто вторгшись на афинскую территорию Аттики сухопутным путем в начале лета незадолго до сбора урожая зерна, они или вынудят афинян выйти из своих городских стен, чтобы сразиться за свои поля, и неизбежно одержат над ними победу в решающей битве гоплитов, или же уничтожат афинский урожай, создав таким образом угрозу голода, и, наконец, заставят их просить мира на унижительных условиях. Или, если быть более точным, в это верили большинство спартанцев. Царь Архидам, который пытался

отговорить их от немедленного объявления войны в 432 г., почти наверняка не был в их числе. И насколько же он оказался прав.

Потому что, как вслед за своим наставником Фемистоклом много лет тому назад предвидел Перикл, такая стратегия спартанцев сама по себе неубедительна, так как Афины в действительности представляли собой нечто вроде острова, и выживание населения этого города не зависело от выращенного на своей территории зерна. Город был изолирован и защищен благодаря так называемым Длинным стенам, которые связывали Афины с его портом, по существу вторым городом, и фактически от Пирея до Фалерона. Афины не зависели полностью или в основном от выращенного на своей территории зерна, потому что Аттика в лучшем случае могла прокормить только около 75 000 человек (главным образом ячменем, менее желательным и питательным, чем пшеница), тогда как ее население составляло от 250 до 300 тысяч человек. Оставшиеся 200 000 человек питались зерном, которое получали за счет прямого импорта с северного острова Эгейского моря Лемноса, находящегося под управлением Афин, и, кроме того, за счет торговли из районов, относящихся сейчас к Украине и Крыму, а также благодаря дополнительным поставкам с Кипра и из Северной Африки, необходимым, доступным и недорогим. Другими словами, пока Афины благодаря своему морскому могуществу сохраняли контроль за жизненно важными проливами Босфором и Геллеспонтом (Дарданеллами), их основные поставки пшеницы с северного берега Черного моря были в безопасности и городу не грозила неизбежная опасность голода, даже если бы спартанцы ухитрились уничтожить запасы зерна в Аттике в один из сезонов военной кампании.

В действительности уничтожение запасов зерна вовсе не было такой уж простой задачей. Чтобы стать горючим, зерно должно быть достаточно сухим, мародерствующие пелопоннесские солдаты должны иметь сухие дрова и защиту от контратак афинян. А пока они будут опустошать эту землю, им нужно суметь прокормиться тем, что она дает, добавив ее плоды к довольно скудным припасам, принесенным из дома. Эта труднопреодолимая комбинация технических препятствий означала, что самое длительное пребывание любой пелопоннесской экспедиции в Аттике во время Афинской войны ограничивалось сорока днями. Это было недостаточное время для значительного опустошения, не говоря уже

о полном уничтожении урожая зерна в Аттике и о виноградных лозах и оливах. Для спартанцев гораздо более успешной стратегией был бы захват постоянной позиции внутри афинской территории, расположение там войска и затем использование этой позиции для проведения оттуда рейдов на соседние земли и даже для того, чтобы помешать местным афинским земледельцам заниматься сельским хозяйством. В конце концов, спартанцы приняли эту стратегию, но это произошло уже после 413 г. и только после совета афинского ренегата Алкивиада. Как мы увидим, эта стратегия оказала дальнейший разрушительный эффект на афинскую экономику, хотя сама по себе она и не положила конец войне в пользу спартанцев.

Таким образом, в результате спартанской стратегии, в значительной мере вначале неудачной, афиняне смогли ответить наступательно и мощно как на суше, так и на море. Фукидид, желавший подчеркнуть дар предвидения и мудрость Перикла и опровергнуть обвинение в развязывании ужасного международного конфликта, представил их встречную стратегию как исключительно оборонительную. Будучи добросовестным историком, Фукидид упоминает тот факт, что дважды за каждую кампанию афиняне совершали сухопутные набеги гоплитов на территорию соседней Мегары, важного участника спартанского Пелопоннесского союза, он также описывает крупные морские экспедиции, которые афиняне предпринимали против восточного Пелопоннеса в первые годы войны. Поэтому, когда к 428 г. Спарта задумала повести своих союзников на афинскую территорию во второй раз за один тот же самый сезон, среди пелопоннессцев уже начала ощущаться усталость от войны. Спартанцы не нуждались, чтобы митиленцы (стремившиеся заручиться спартанской помощью в преддверии восстания против Афин) говорили им во время Олимпийских игр 428 г., что война будет выиграна не в Аттике, а на землях (в Крыму, на Украине и т.п.), откуда Аттика получала чужеземную пшеницу и пр. Однако, очевидно, все-таки было необходимо, чтобы им это сказали, так как они, конечно же, не последовали совету.

Вместо этого спартанцы почувствовали себя не в своей тарелке. Они начали войну в 431 г., сначала получив от Аполлона Дельфийского подтверждение, что имеют на это право и, следовательно, что им суждено стать победителями и нанести убедительное

СПАРТАНЦЫ

поражение афинянам. Но они были так далеки от победы после шести лет войны, что летом 425 г. афиняне под командованием Демосфена сумели устроить основной лагерь на западном побережье в Пилосе, фактически на собственно спартанской территории Мессении. Демосфен ловко привел с собой мессенцев, точнее, солдат мессенского происхождения, из города Навпакта, который помогли основать афиняне в качестве убежища для освобожденных бывших илотов во время крупного восстания, произошедшего в 60-х годах V в. после землетрясения. Эти мессенцы из Навпакта вместе с новыми мессенскими беглецами-илотами, привлеченными на афинскую базу в Пилосе, сумели разорить и разрушить спартанские хозяйства в Мессении, не в последнюю очередь потому, что говорили на местном языке, т.е. все они могли сойти за лояльных илотов и убить любого илота, искренне предпочитавшего сохранять преданность своим спартанским хозяевам, уничтожить их урожай и другую собственность.

Разумеется, спартанцы сразу же отреагировали на эти ужасающие новости. Они отозвали армию вторжения из Аттики и немедленно направили подвижные силы элитных солдат в район Пилоса. После некоторой задержки они также послали флот. В их число входили триремы, военные корабли под командованием Брасида, который, согласно Фукидиду, был «самым выдающимся» воином в безуспешном морском штурме афинских укреплений. В течение трех последующих лет вплоть до своей смерти в 422 г. Брасид оказался главным источником трудностей для афинян как в Пелопоннесе, так и далеко на севере в халкидическом Амфиполе. К этому времени он стал столь влиятельным, что только после его смерти спартанцы решили или смогли сильно продвинуться по дороге к миру.

БРАСИД

Брасид, более всего благодаря острому интересу к нему Фукидида, является одним из очень немногих спартанцев нецарского происхождения, которому можно посвятить какое-то собственно биографическое исследование. Его имя в конечном итоге, возможно, восходит к названию города Прасы на северо-восточном берегу Лаконии, который, прежде чем стать городом перизков, был членом амфиктионии, т.е. религиозного союза, основанного

на острове Калаврии (современном Поросе). Это происходило в VII в. до н.э. Необычно то, что известны имена обоих родителей Брасида. Его отец Теллид был одним из выдающихся спартанцев, избранным для переговоров об условиях мира и союза с Афинами в 421 г. для завершения Афинской войны. С его матерью Аргиленидой мы уже встречались, так как ей приписывается апофтегма в собрании *Апофтегм* Плутарха.

Ее высказывание уже цитировалось, и какова бы ни была его истинная подлинность, оно служит двум целям: даже такой достойный гражданин, как ее сын Брасид, вовсе не был редкостью в Спарте, и образцовая спартанская мать, такая как Аргиленида, более заинтересована во всеобщем благе Спарты, чем в прославлении непосредственных членов своей семьи. Однако в действительности очень немногие спартанцы были более талантливыми и успешными или более уважаемыми за пределами Спарты, чем Брасид, как на протяжении своей жизни, так и после смерти. Если бы он прожил дольше, он мог бы заслужить биографию, написанную Плутархом, как и Лисандр — единственный, преуспевший в этом спартанец нецарского происхождения.

Брасид входил в совет пяти эфоров в 431 г., когда разразилась Афинская война. И вряд ли это было несущественным или случайным. Предвыборная агитация не входила в обязанности претендующих на должность эфоров, но было бы странно, если бы отобранные для выборов (или кому позволили баллотироваться в этот решающий момент) не были бы известны как «ястребы», т.е. как крепкие противники афинян и сторонники незамедлительных военных действий против них. Все, что известно о последующей карьере Брасида, подтверждает такую характеристику. Затем мы обнаруживаем его в 430 г. в Мэфоне на западном берегу Мессении, где он руководит мобильными оборонительными силами. В следующем 429 г. он, по-видимому, продвинулся по службе, так как уже служит в качестве специального уполномоченного флота в Киллене на северо-западе Пелопоннеса. В 427 г. он все еще оставался там. Совершенно очевидно, что для спартанцев патрулирование «северо-западного прохода», не позволявшее афинянам плавать вокруг Пелопоннеса, чтобы установить связь с навпактскими мессенцами и другими потенциальными и реальными союзниками на Ионических островах, а также сопротивление им в случае попытки предпринять подобные действия, имело

приоритетное значение. Таким образом, в связи с особенно жестокой борьбой, включая гражданскую войну, незабываемо описанную и проанализированную Фукидидом, этим летом на Керкире (Корфу) Брасид стал помощником командующего спартанским флотом.

Тем не менее эти предупредительные действия не исключили афинской инициативы, возглавляемой Демосфеном, по захвату и размещению войск в мессенском Пилосе в 425 г. Как и ожидалось, Брасиду отправили на это решающее сражение, теперь уже в качестве командира триремы. Его поведение было в высшей степени достойным, но в целом Пилос стал катастрофой для спартанцев, они отчаянно нуждались в отвлекающих мерах, чтобы поднять упавший дух спартанцев на своей территории и восстановить репутацию за ее пределами. Проблема Мегары, где были крепкие проафинские и, возможно, демократические тенденции, была подходящим делом для Брасида, который в 424 г. действительно предотвратил переход города в афинский лагерь, но гораздо более ответственная задача ждала его дальше к северу.

В 426 г. спартанцы основали новую военную колонию Гераклею в центральном греческом районе Трахисе. Главная военная и стратегическая цель этого нового поселения была очевидна с самого начала. Отсюда спартанцы могли оказывать нажим на управление Афинами Эвбеей. Через этот район путь вел на север из союзной Беотии в Фессалию, Македонию и Фракийскую Халкидику. Брасиду позволили набрать армию явно нового состава, что свидетельствует о его особом таланте и разоблачает утверждение, что спартанцы по определению и по своим социальным привычкам неисправимо консервативны. В дополнение к гоплитам Пелопоннесского союза, он получил средства для набора наемников, это практиковалось в греческих войнах с древних времен, но только в течение Афинской войны и особенно непосредственно после нее они начинают играть важную роль. Затем вдобавок к пелопоннесцам и наемникам ему предоставили 700 илотов, вооруженных спартанцами как гоплиты. Тех, кто выжил, в конце концов отпустили на свободу по возвращении в Спарту, но их особый статус был обозначен коллективным ярлыком «брасидяне» или «солдаты Брасида». Это также, вероятно, подчеркивало особую связь между солдатами и командиром, и в качестве «брасидян» эти солдаты

позже сражались в рядах регулярной спартанской армии в битве при Мантинее в 418 г. через четыре года после смерти Брасида.

Интересно заметить, что у Брасида были особые друзья среди городов и общин Фессалии. Эти контакты позволили ему совершить безопасный переход через Фессалию и далее в Македонию и Халкидику. Последняя была реальным препятствием, так как именно здесь Афины всего лишь в 437 г. основали совершенно новую колонию, названную Амфиполем. Амфиполь охранял ключевые сухопутные дороги через северные прибрежные районы Эгейского моря и также обеспечивал Афинам доступ к древесине и металлам, что было жизненно важным для ведения боевых действий на море. Поэтому можно вообразить ужас, охвативший Афины, когда Брасиду удалось убедить перейти на свою сторону прежде всего македонского царя Пердикку и затем ряд греческих городов вдоль северного побережья Эгейского моря. Ему удалось это отчасти благодаря угрозе применить силу, но также, что удивительно для спартанца, благодаря ораторскому искусству. Фукидид отдает дань этому качеству, не только просто сообщая о его искусстве, но и приписывая ему две (соответственно, лаконичные!) речи. Историк, однако, имел смущающе личную причину чрезмерно не преуменьшать значение личности Брасида: в 424 г. Фукидид был одним из десяти избранных афинских командующих, и в его специфическую задачу входило не дать Брасиду овладеть Амфиполем. Увы, это очевидным образом сделать ему не удалось.

«Освобожденные» жители Амфиполя столь глубоко уважали Брасида, что после того, как в 422 г. он погиб там в битве, они превратили его в своего нового учредителя колонии, героя-основателя, и воздавали ему должные религиозные почести, достойные его гибели. Другими словами, они лишили этой чести своего истинного основателя — Агнона Афинского, что прекрасно иллюстрирует полное единство религии и политики в Древней Греции. Жители Амфиполя не были единственными греками в этом районе, кто решительно перешел на сторону Брасида. Люди Скионы (по словам Фукидида)

приветствовали Брасида со всеми возможными почестями. Они публично возложили ему на голову золотой венок как освободителя Греции, рядовые граждане окружили его, украсили гирляндами так, как если бы он был одержавшим победу атлетом.

СПАРТАНЦЫ

Только Потидея, которой афиняне помешали отколоться после длительной и тягостной осады с 432 по 429 г., оказалась невосприимчивой к уговорам Брасида, но этого было достаточно, чтобы остановить победное продвижение Брасида в регионе, и эта неудача вместе с завистью соперников на родине заставила спартанскую политику перейти от агрессии к заключению мира.

Тем не менее Брасид не поддерживал перемирия, заключенного в 423 г., как и Клеон Афинский, политик, внесший самый большой вклад в самое большое унижение Спарты в Пилосе в 425 г. Таким образом, оба они, как герои Гомера, встретились на поле боя за стенами Амфиполя. В действительности они не убили друг друга, но оба погибли в этом вооруженном конфликте, что открыло путь к возобновлению мирных переговоров. Амфиполь, однако, уже никогда не вернулся в число сторонников Афин, и вероятно, это было самым прочным памятником Брасиду.

Брасид видел необходимость открытия второго спартанского фронта на севере, чтобы изнутри дестабилизировать положение в афинском союзе. Уже в 426 г. спартанцы запланировали создание новой колонии Гераклеи в Трахисе, которая лежала *en route* к важным союзникам Афин в районе Фракии, среди которых главным был Амфиполь. После событий в Пилосе в 425 г., когда Пилос все еще прочно оставался в руках Афин, необходимость во втором фронте была самой настоятельной. Разрешение Брасиду рекрутировать смешанную армию союзнических гоплитов, наемников и илотов свидетельствовало, что спартанцы дошли до крайности.

Важно подчеркнуть, что эти илоты пополняли ряды армии и сражались именно в качестве илотов, как и их предшественники, воевавшие при Платеях в 479 г. Однако результат пилосского кризиса был таков, что с 424 г. спартанцы впервые прибегли к обдуманной политике, предлагая освобождение от рабства в качестве стимула за верную военную службу. Эти илоты Брасида, выжившие и вернувшиеся в Спарту, были впоследствии освобождены и присоединились к другим бывшим илотам, которым был пожалован новый статус неодамонов, или «вновь присоединившихся к народу», термин, появившийся в источниках между 424 и 370 гг. Несомненно, что они главным образом, если не полностью, были собраны из Лаконии для противостояния мессенским илотам в

соответствии с традиционной политикой спартанцев «разделяй и властвуй», но вербовка их в солдаты обозначила новый важный поворот в отношениях между спартамцами и илотами, а также обеспечила спартанцев совершенно новым типом армии для военной службы вне своей территории — будь то на поле боя или в гарнизоне. В самом деле, спартамцам было гораздо проще справиться с неодамодами за границей, чем дома, где они представляли собой нечто вроде непереваренного куска пищи, так как, с одной стороны, уже не оставались несвободными илотами, но в то же время еще не вошли как свободные граждане в число «равных».

Брасид поначалу преуспел на севере более всего благодаря тому, что склонил перейти на свою сторону афинского союзника Амфиполь, и занял его войсками в интересах Спарты, но успех Брасида возбудил зависть соперников среди спартанской элиты и искреннее беспокойство, что эта инициатива может привести к введению нового стиля заморского империализма, для которого Спарта была плохо приспособлена. Кроме того, вокруг царя Плистоанакта (который в итоге был вновь призван на трон Агиадов в 427—426 г. из восемнадцатилетней ссылки в Аркадии) существовала группа принципиальных миротворцев. Они или верили в тезис «двойной гегемонии» в афинско-спартанских отношениях, поддерживаемый Кимоном в более ранний период, или же не были интервентами, или же, по меньшей мере, были более *laissez-faire* [либеральны] к пелопоннесским союзникам. Сочетание этих сил привело к заключению перемирия в 423 г.

Это было перемирие, которое Брасид и его воинственный противник в Афинах Клеон всячески стремились нарушить, и они преуспели в этом вплоть до того момента, когда оба были убиты во время возобновившегося сражения вокруг Амфиполя в 422 г. После этого был открыт путь к заключению мира, который обычно известен по имени его главного творца как Никиев мир, но столь же справедливо он может быть назван миром Плистоанакта. Мир, несомненно, повлиял на всех союзников с той и другой стороны, но, по существу, он был заключен между двумя главными участниками, не обращавшими серьезного внимания на особые нужды или желания отдельных союзников. Это привело к тому, что некоторые из наиболее значительных спартанских сторонников, и среди них Коринф и Элида, не только отказались признать мирный договор, но и сделали попытку вынудить спартанцев учесть также

и их интересы. Аргивяне, как всегда, ожидали, чем обернется недовольство, чтобы осуществить свое постоянное стремление стать первыми в Пелопоннесе.

В ответ спартанцы заключили с афинянами пятидесятилетний пакт о ненападении сепаратно от других союзников с той и другой стороны. Главной мотивацией этого нового договора было стремление обеспечить две наиболее неотложные цели мирного соглашения — возвращение Пилоса и около 300 заложников — спартанцев и перизков — из Афин, а также возвращение Амфиполя Афинам. Однако это соглашение только усилило подозрительность коринфян и жителей Элиды, но беотийские города во главе с Фивами остались лояльны к Спарте. Недовольные продолжали упорно выступать против Никиева мира и получили довольно неожиданную поддержку со стороны двух эфоров нового состава на 420 г., которые принадлежали к воинственному направлению, представленному покойным Брасидом.

Афиняне действительно возвратили заложников, но они не получили в ответ Амфиполь, в результате Спарта не получила Пилос. У власти были спартанские военные ястребы, их поддерживал и новичок в Афинском блоке Алкивиад. Само имя Алкивиада свидетельствует о его связях со Спартой, так как по своему происхождению является спартанским, оно было привнесено в аристократическую отцовскую линию Алкивиада через межгосударственные отношения *xenia*. Он родился около 450 г., но его отец умер, когда Алкивиад был очень юным, и он воспитывался в доме Перикла — друга отца и нового супруга Аспасии. В таком политизированном домашнем окружении общественные амбиции Алкивиада должны были разгореться рано, и уже ближе к тридцати годам, в самом раннем возрасте, считавшемся приемлемым в Афинах, Алкивиад сделал свою первую неловкую попытку произвести впечатление на общественном поприще. Это повлекло за собой попытку возобновить отношения *proxenia* или общественного представительства Спарты, которое осуществлял его дед, но спартанцы неодобительно отнеслись к его возрасту, и в ответ Алкивиад начал сердито агитировать за энергичную антиспартанскую политику, убеждая афинян сделать все возможное против Спарты на грани открытого прерывания мира и союза 421 г. и фактического вступления в войну со Спартой.

Однако в 418 г. в битве при Мантинее было достигнуто логичное завершение этой антиспартанской деятельности, там Афины со своими демократическими союзниками из Аргоса и повстанцами из пелопоннесского города Мантиinei померились силами со Спартой и гоплитами Пелопоннесского союза. Историк Афинской войны Фукидид справедливо посвятил большой отрывок своей работы этому сражению, добавив некоторое количество пояснительных деталей для своих неспартанских слушателей или читателей. Например, когда в преддверии битвы афинская сторона начала медленное продвижение направо, что было типично для армий гоплитов, Фукидид говорит:

Страх заставлял каждого солдата делать все, что он мог, чтобы прикрыть свою правую невооруженную сторону щитом солдата, стоящего рядом с ним, думая, что чем теснее будут расположены щиты, тем лучше он будет защищен.

Затем, когда обе стороны сблизились, чтобы начать сражение, в то время как аргивяне и их союзники устремились вперед в безудержном порыве, яростном и шумном, спартанцы двигались вперед медленно под музыку многочисленных *aulos*. И Фукидид добавляет:

Постоянный строй в их армии не имеет ничего общего с набожностью. Скорее он имеет целью заставить их продвигаться равномерно, не ломая порядка, как обычно происходит в больших армиях в момент схватки.

Спартанцы, как мы знаем из описания Геродотом их поведения во время Марафонского сражения и позже в Персидских войнах, были известны своей исключительной набожностью. *Aulos*, язычковый инструмент, вероятно, что-то вроде нашего гобоя, использовался греками в ритуальных действиях и церемониях, например, он сопровождал представления трагедий в Афинах. Следовательно, для наблюдавших за происходившим в Мантинее в 418 г. ничего не стоило сложить два и два и получить... пять, допустив, что спартанцы используют сопровождение *aulos* по религиозным причинам. Но это не так, возражает Фукидид: использование инструмента было чисто функциональным, таким же функциональ-

ным, он мог бы добавить, и точно по той же причине, как и музыка, которую на афинском военном корабле-триреме исполняли *trieraulês*, члены сверхкомплектной команды, игравшие на *aulos*, чтобы помочь гребцам поддерживать ритм взмахов веслами.

Фукидид не добавляет, потому что в данном контексте в этом не было необходимости, что эти спартанские *aulêtai* являлись членами почетной наследственной гильдии, «сыновьями отцов, которые занимались той же профессией», как это обозначил Геродот. Они занимали то же положение, что и спартанские граждане — наследственные герольды и жрецы. В действительности музыка вообще занимала почетное место в спартанской культуре и обществе. Среди ранних сочинителей и поэтов, добившихся славы за пределами непосредственного местожительства, Плутарх в своем очерке «О музыке», называет некоего Ксенодама из перизкской Киферы. Находки из святилища Артемиды Орфии включают фрагменты *auloi*, сделанные из костей животных с надписями на некоторых из них и переданные в дар скромные свинцовые фигурки, представляющие играющих на *aulos* и на *kithara*, разновидности лиры. Консервативные спартанцы, по-видимому, были очень строги с теми, кто забавлялся с каноническим количеством струн. Кроме музыкальных инструментов, спартанцы также особенно увлекались хоровым пением, Пратин из Элиды забавно сравнивал с цикадой каждого спартанца, всегда ищущего хор. Кроме того, как мы видели, Алкман из Спарты изобрел особую форму хорового исполнения девичьих песен *parthenion*.

Слово *chorus* по-гречески первоначально означало танец, и таким образом, на самом деле спартанцы часто и пели, и танцевали. Фактически им приписывается ряд особых местных танцев, включая некоторые откровенно непристойные. Когда около 575 г. до н.э. афинский аристократ, слишком возбужденный борьбой за руку дочери пелопоннесского тирана, как говорили, дошел до того, что исполнил какие-то спартанские танцы на столе, то стал, вероятно, родоначальником танцев такого типа. Все подобные представления относились к веденью божественных Муз, таким образом, формально они противоречили древнему мифологическому образу Спарты, согласно которому практичные спартанцы не имели отношения к изящным искусствам. Тем не менее будет справедливо закончить это отступление упоминанием о красивой бронзовой фигурке трубача, посвященной покровительнице госу-

дарства, богине Афине, на спартанском акрополе около 500 г. до н.э. Эта фигурка, очевидно, представляет персонаж, который в реальной ситуации боевых действий гоплитов, после того как музыканты на *aulos* отправляли солдат в бой, играл жизненно важную роль в передаче распоряжений спартанского командира.

Битва при Мантинее была ожесточенным рукопашным боем, говоря словами Фукидида, «величайшим сражением, которое происходило между греками очень длительное время». Закончилось оно решительной победой спартанцев:

Клевета распространялась греками в то время, то ли по причине малодушия из-за катастрофы в Пилосе или из-за невежества и вообще из-за медлительности, но все стер этот один-единственный бой. Судьба, думается, могла бы усмирить их, но солдаты были те же, что и всегда.

Несомненно, это не является абсолютно точным. Во-первых, спартанские граждане, участвовавшие в совместных трапезах, впервые были испытаны в крупном решающем бою, сражаясь в смешанных отрядах бок о бок с гоплитами-периеками. Во-вторых, кроме смешанных полков спартанцев и периеков, спартанцы полагались на особую армию периеков, переброшенную с северных пограничных районов Лаконии, называемых Скиритис. Возможно, они были набраны и размещены раньше, но это первое упоминание о них в литературе, и, вероятно, их вербовка говорит о недавно пробудившемся интересе к безопасности границы. Затем, в-третьих, но не в последнюю очередь, спартанцы впервые в регулярном сражении использовали гоплитов из числа бывших илотов — брасидян и неодамодов. Таким образом, битву при Мантинее выиграла действительно новая модель спартанской армии, однако многие спартанцы хотели бы, чтобы внешний мир думал иначе.

Достаточно было поражения, чтобы Афины пересмотрели стратегию. Кроме того, под руководством или под влиянием чар инакомыслящего Алкивиада в 415 г. афинское собрание убедили открыть совершенно новый фронт или, точнее, начать отдельную, помимо Афинской, войну, хотя обе они со временем фатальным образом для афинян должны были пересечься. В 415 г. афиняне отправили армаду на завоевание Сицилии, избрав Сиракузы в ка-

СПАРТАНЦЫ

честве главного врага и цели. Сиракузы были основаны в третьей четверти VIII в. переселенцами из дорийского Коринфа. Они пережили эпоху правления тиранов и затем начиная с 60-х гг. V в. наступил период демократии. Одна из ведущих тем памятного описания Фукидидом Сицилийской кампании 415—413 гг. — это сходство между двумя главными антагонистами — Сиракузами и Афинами.

И вновь, как в битве при Мантинее, столкновение на Сицилии приняло характер ближнего боя, и результат был не в пользу Афин. Основным игроком в афинской катастрофе был Алкивиад, вначале как главный сторонник этого похода, а затем, когда афинян убедили призвать его назад, как предатель города, обвиненный в святотатстве. Он с корабля, на котором должен был вернуться, чтобы предстать перед судом в Афинах. И направился он не куда-нибудь, а в Спарту. Распространялись колоритные анекдоты о том, как он принял местные нравы и стал более спартанцем, чем сами спартанцы, даже до такой степени, что в отсутствие царя Агиса II якобы соблазнил его жену, став отцом ее сына. Но и голая правда уже была достаточно печальный для афинян. Алкивиад лучше всех мог посоветовать спартанцам, как и где использовать слабые места афинян, и они нанесли удар по самому уязвимому месту. Это по его совету спартанцы сначала отправили предприимчивого спартанского командира Гилиппа, чтобы поддержать в конечном итоге успешное сопротивление сиракузцев афинской осаде, и затем в 413 г. заняли позицию в Декелее в пределах территории, принадлежащей Афинам, и разместили там постоянную армию.

Epiteichismos (вражеские укрепления) в Декелее в 413 г. под командованием царя Агиса представляли начало финальной фазы сухопутной Афинской войны. Однако парадоксальным образом для обычно не искушенных в морском деле спартанцев исход войны был решен на море и главным образом благодаря припасам, которые поставлял старый афинский враг Персия через двух западных сатрапов Великого царя Дария II — Фарнабаза на севере и Тиссаферна на юге. С помощью персидского золота спартанцы построили флот, который на первых порах мог конкурировать с непобедимыми афинскими кораблями, а позже превзошел их.

Алкивиад, потерявший интерес к Спарте (а может быть изгнанный друзьями рогоносца-царя Агиса II) оказался на востоке.

Сначала он еще раз навредил своему родному городу, но к 411 г., по-видимому, предпочел вновь стать почитаемым пророком в своей стране. Афины в том году пережили внутреннюю революцию, перейдя от демократии к крайней олигархии под руководством интеллектуала по имени Антифон, к которому Фукидид проявлял необычное уважение. Афинские гоплиты вначале пользовались почетом у этой олигархической контрреволюции, но флот, который был укомплектован самыми бедными и наиболее демократически настроенными афинянами, оставался в решительной оппозиции. Главной морской базой в Эгейском море был остров Самос, и именно здесь представители нового олигархического режима в Афинах попытались убедить флот вернуться назад в Пирей. Алкивиад оказался на Самосе, и, понимая, что такой уход будет стоить Афинам господства на море, убедил флотских командиров остаться на их базе в Самосе. Это, неохотно комментирует Фукидид, была первая реальная служба, которую Алкивиад выполнил для своего города.

Но даже таким образом, несмотря на ряд успешных действий, которые дали возможность Афинам сохранить контроль в крайне важных узких местах Геллеспонта, афинский флот был бессилён предотвратить серию мятежей и неудач внутри Афинского морского союза. Среди них выделялись восстания приморских городов на Эвбее, Хиосе и Тазосе в 411 г., и хотя Афины на время вернули Эвбею в свой союз, но возвратить Хиос и Тазос они не смогли. В конце концов из их главных союзников сохранил лояльность только Самос, прочно остававшийся в руках активистов проафинской демократии. Тем не менее этого было недостаточно, чтобы противостоять выкованному в 407 г. ключевому союзу персидского царевича Кира, младшего сына Дария II (правил в 425—404 гг.), и замечательному спартанцу Лисандру.

ЛИСАНДР

Лисандр — по-гречески *Lusandros* — был первым и почти что последним среди спартанцев, отобранных для отдельного биографического исследования в этой книге, биография которого уже была предметом обсуждения в прошлом. Однако это не была биография, написанная современником или кем-то живущим неза-

долго после него: Плутарх написал свою *Жизнь Лисандра* приблизительно через пять столетий после его смерти в почти невообразимо иных условиях ранней Римской империи. Основной биографический проект Плутарха состоял в том, чтобы сделать новый римский мир понятным для своих теперь смиренных или скорее усмирённых греческих соотечественников, написав серию параллельных жизнеописаний греков и римлян. Все греки, отобранные в качестве героев этих биографий, в большей или меньшей степени были «древними» для непосредственных слушателей и читателей Плутарха, но некоторые римские персонажи были для него гораздо более близкими по времени. Например, Юлий Цезарь был убит в 44 г. до н.э., меньше, чем за столетие до рождения Плутарха (в 46 г. н.э.)

Плутарх сделал Лисандру большой комплимент, не только выбрав его как подходящий значительный и образцовый персонаж для биографии, но также сопоставив его с Суллой, римским диктатором конца 80-х и начала 70-х гг. до н.э. Сулла был невероятной фигурой, преобразившей карту Римской империи и республиканскую конституцию, и то, и другое главным образом, чтобы приспособить к своим собственным желаниям и представлениям о самом себе. Он заслужил прозвище «Счастливец» и каким-то образом ухитрился умереть по естественным причинам, добровольно отказавшись от своего диктаторства и уйдя на покой, чтобы проводить больше времени с семьей. Лисандр, напротив, никогда не был диктатором империи и умер довольно бесславно во время кампании в Беотии (на родине Плутарха).

У Плутарха были причины, чтобы создавать свое *Жизнеописание* как параллель к биографии Суллы, но они ни в коей мере не приближают нас к пониманию карьеры Лисандра. Помимо Плутарха, нашим основным источником сведений о Лисандре является его современник, историк Ксенофонт Афинский, который знал Лисандра лично. Но Ксенофонт был сторонником царя Агесилая и, как мы увидим, под конец очень сильно рассорился с Лисандром, поэтому его описание, которым Плутарх несомненно пользовался, следует читать с неменьшей осторожностью.

Лисандр, согласно традиции, был *mothax*, т.е. спартанским гражданином в результате усыновления, воспитывался он в доме не своего отца, а другого спартанца и прошел через систему Агогэ вместе с сыном или сыновьями этого спартанца. Если традиция

справедлива, мать Лисандра могла быть илоткой, а не спартанской женой его отца, или же его отец был слишком беден, чтобы вырастить сына, хотя тот и был законнорожденным. Последнее мне кажется более вероятным, так как, по сведениям, отец Лисандра Аристокрит был беден, хотя и являлся аристократом из рода Гераклидов. Его второго сына звали Ливий, т.е. «Ливиец», в честь высоких отношений *xenia* с ливийским царевичем. С другой стороны, в аристократических и рабовладельческих обществах рождение вне брака вряд ли могло остаться неизвестным, поэтому матерью Лисандра вполне могла оказаться илотка из владений его отца.

Детали детства и отрочества Лисандра, кроме его предполагаемого статуса *mothax*, неясны. Впервые он появляется как некто более значительный, чем просто пополнивший ряды полноправных спартанских граждан, в особом спартанском контексте эротики и педагогики. Приблизительно в 430 г. до н.э., когда Лисандру было, вероятно, около двадцати пяти лет, он стал любовником одного из наиболее заметных юношей, проходящих тогда систему обучения Агогэ, не кого иного, как Агесилая, младшего сына правящего царя Архидама II. Агесилай был сыном от второго брака Архидама, и не предполагалось, что он унаследует трон Эврипонтидов, поэтому он не был освобожден от Агогэ как наследный царевич Агис (будущий Агис II). Фактически было несколько неожиданно в двух отношениях, что Агесилай смог пройти даже через систему Агогэ: он был от природы хром, что как младенца делало его беззащитным и, следовательно, готовило к ранней смерти, однако, несмотря на хромоту, он триумфально преодолел все требуемые системой Агогэ физические упражнения.

Поэтому Лисандр, который, вероятно, должен был завоевать и сохранить расположения Агесилая в жесткой конкуренции с другими, возможно, более знатными поклонниками, добившись этого, значительно увеличил и свой непосредственный престиж, и свои будущие политические связи.

Лисандр, вероятно, провел «хорошую» Афинскую войну. Мы абсолютно ничего не знаем, что он там делал до 407 года; к этому времени ему было, вероятно, далеко за сорок. Он был достаточно зрелым по стандартам спартанцев, с почтением относящихся к возрасту, чтобы определить его в качестве верховного командующего флотом, на должность, открытую для всех спартанцев. Как

считалось, она была того же уровня, что и звание главнокомандующего сухопутной армией, на которую избирались только спартанские цари. В 407 г. Лисандр был назначен навархом, т.е. командующим флотом, к тому времени сильно отличавшимся от обычной ничтожной флотилии, которую могла бы самостоятельно собрать Спарта. Уверенность Лисандра, его политическая проницательность и общая незаменимость в осуществлении генерального командования на море были таковы, что, хотя закон и запрещал это, в 405 г. он вновь отправился на театр военных действий в Эгейском море как *de facto* командующий флотом. В этом качестве с решающей финансовой помощью его личного друга персидского царевича Кира Лисандр в итоге положил громкий конец 27-летней Афинской войне.

Однако, по традиционным правилам спартанской политической игры, все козыри на руках были только у царей, а не у таких, пусть и могущественных командиров, как Лисандр. Таким образом, хотя сначала Лисандр имел собственные виды на послевоенное соглашение с Афинами, рассчитывая, что оно будет скреплено проспартанским олигархическим советом, поддержанным спартанским гарнизоном, а другие бывшие союзники и подданные Афин будут существовать в очень ограниченных режимах под контролем его собственных сторонников, но через пару лет после поражения Афин новая Спартанская империя уже больше не управлялась точно на его условиях. Это произошло главным образом благодаря оппозиции царя Павсания из рода Агиадов, сына миротворца Плистоанакта, несмотря на поддержку, которую Лисандр мог получить со стороны царя Агиса II — враждебно настроенного соправителя и соперника Павсания. В 403 г. Павсаний предстал перед судом в Спарте по обвинению в предательстве, несомненно, выдвинутом Агисом, но он был оправдан, главным образом, благодаря тому, что все пять эфоров поддерживали его относительно более либеральную политику минимального вмешательства во внутренние дела государств — бывших членов Афинской империи, и в первую очередь самих Афин.

Невозможность иметь преобладающее влияние на советах у себя на родине сильно раздражала Лисандра по сравнению с пароксизмом личного успеха и поклонением ему как герою, которым он наслаждался за пределами своей страны, и прежде всего на острове Самос, где его сторонники предприняли беспрецедентный в

греческой истории шаг. Они воздали ему божеские почести, поклоняясь живому смертному человеку так, как если бы он был бессмертным богом, и в его честь переименовали главный религиозный праздник Гереи (посвященный своей покровительнице богине Гере) в Лисандрии. В Дельфах, в самом центре греческой религии, к Лисандру относились почти так, как если бы он осмелился иметь этот якобы бессмертный статус, навсегда запечатленный в общественном памятнике. Он заказал и оплатил из своих колоссальных военных морских трофеев большую скульптурную группу, состоявшую из многочисленных бронзовых статуй, как людей, так и богов, которую должны были поместить на видном месте около входа на Священную дорогу в Дельфы. Там были представлены все двенадцать олимпийских богов и богинь, в центре которых находился бог моря Посейдон в момент возложения венка победителя на голову Лисандра.

Лисандру следовало бы вспомнить мудрый совет певца-панегириста Симонида, который он дал регенту Павсанию, другому спартанскому победителю панэллинского мира: никогда не забывать, что ты смертный человек. С той высоты, на которую он взобрался, для него оставался только один путь — вниз, но он еще не совсем исчерпал свои силы. Около 400 г. ему представилась новая возможность утвердиться в качестве главы спартанской истории. К этому времени его персидский друг Кир был мертв, погибнув при попытке узурпировать трон своего старшего брата Артаксеркса II, и Спарта вновь оказалась в состоянии войны с Персией, в этот раз как наследница Афинской империи и имперский защитник эллинизма от восточного варварства. Поэтому у него появилась масса возможностей употребить весь свой авторитет на международной арене, а смерть Агиса подбросила Лисандру идею, что он вновь мог бы косвенно обрести власть, осуществив притязания на трон Эврипontiдов своего давнего возлюбленного Агесилая и фактически правя через него.

Его поддержка Агесилая в самом деле оказалась решающей в недостойной конкуренции за трон. Лисандр смог убедить нужных спартанцев, что страшные последствия хромого царствования, предсказанные оракулом, указывают не на физически хромого Агесилая как царя, а на его соперника Леотихида, предполагаемого сына Агиса, чья законнорожденность ставилась под вопрос (по слухам, он в действительности был сыном Алкивиада, т.к.

предположительная дата его рождения соответствовала этой гипотезе). Поскольку чистота и подлинность царского рода считалась решающей для достижения эффективности власти, то со стороны коварного Лисандра это был блестящий, ловкий тактический ход, и Агесилай должным образом вззошел на трон, который занимал около сорока лет.

Однако, если Лисандр думал, что Агесилай станет воском в его руках, он быстро и жестоко разочаровался. Агесилай прошел через систему Агогэ, знал, что думают обычные спартанцы, и оказался непревзойденным мастером назначения на политические должности представителей элиты. Фактически Агесилай сам назначил себя руководителем антиперсидского похода в 396 г., а когда он принял на себя командование в Азии, вскоре оказалось, что Лисандр опустил до выполнения чисто церемониальной роли, и тогда он вернулся в Спарту с поджатым хвостом. Однако вновь, несмотря на это препятствие, он никоим образом не завершил свою деятельность, и в 395 г., когда Спарта оказалась ведущей войну на два фронта против Персидской империи в Азии и против могущественной коалиции греческих городов, включая Афины и Фивы в центральной Греции, Лисандр отправился на беотийский фронт как один из двух главнокомандующих — вторым был регент Павсаний.

Частично, несомненно, из-за действительных трудностей военной связи, использовавшей древние средства, но, разумеется, также из-за жгучего желания личной славы и соперничества с Павсанием, Лисандру не удалось, как планировалось, объединить свою армию с армией царя, и вместо этого он устремился в атаку на беотийский город Галиартос. Там он погиб, и это был довольно банальный конец необычной карьеры, но даже мертвый он оставался мощной легендой, и у него были многочисленные личные последователи не только за границей, но и в самой Спарте. После возвращения из Азии в 394 г. Агесилай почувствовал, что должен побороться с ним, и сделал он это самым интересным образом.

Он заявил, что в доме Лисандра после его смерти был найден папирус с текстом произнесенной речи, написанной для него неспартанским интеллектуалом. Темой речи было спартанское царствование, и предложение, которое Лисандр якобы собирался сделать, заключалось в том, что царствование должно быть не наследственным и ограниченным двумя домами Агиадов и Эври-

понтидов, но более широко открытым, во всяком случае, для всех «потомков Геракла» (одним из которых был Лисандр) и, возможно, для всех спартанцев. Обвинение Агесилая было основательным, убедительным, и оно эффективно поспособствовало ослаблению влияния известных друзей и сторонников Лисандра в Спарте. Лично я нахожу трудным принять все детали этой истории, но идея, что Лисандр рассматривал возможность стать царем Спарты, сама по себе кажется правдоподобной. В конце концов два царя — сначала Павсаний, а затем Агесилай — помешали ему достичь вершины его безудержных амбиций.

Можно завершить наше короткое жизнеописание Лисандра следующим рассказом: к моменту его смерти у него остались дочери брачного возраста (так что возможно, он женился во второй раз, когда ему было за сорок), они имели много поклонников, так как предполагалось, что Лисандр очень богат. В действительности же оказалось, что он умер бедным, его не интересовало превращение власти и престижа в личное богатство, но власть и престиж интересовали его как таковые. И тогда поклонники чудесным образом исчезли, после чего их обвинили в «плохом» браке, т.е. стремлении к браку из чисто финансовых соображений. Аскетичный Лисандр, конечно же, одобрил бы такую истинно спартанскую суровость.

Лисандр нашел оригинальный подход к своему назначению наварха. Он трактовал эту должность не только как связанную с морем, но более широко как политическую. Аристотель в своей *Политике*, написанной почти через столетие, сравнил навархию со спартанским царством: в условиях военной кампании спартанский наварх обладал огромным объемом власти, включая власть над жизнью и смертью. Однако Аристотель в полной мере не упомянул, что способный и амбициозный наварх, такой как Лисандр, подобно обоим царям, мог распоряжаться распределением должностей. Лисандр так же серьезно, как руководил морским делом, заботился о том, чтобы снискать расположение маленькой горсточки фанатично преданных сторонников в каждом из главных городов восточного побережья Эгейского моря. Они должны были сформировать ядро *decarchies*, т.е. группу из десяти человек, через которых он планировал от имени Спарты править тем, что когда-то было Афинской империей.

СПАРТАНЦЫ

Все шло согласно его плану, прежде всего благодаря его личным замечательным отношениям, которые он сумел установить с Киром. Кир, вероятно, имел дальний прицел — как мы знаем задним числом, он хотел призвать на помощь Спарту, чтобы попытаться свергнуть своего старшего брата и занять вместо него персидский трон. Как бы то ни было, за короткий период его средства, предоставленные Лисандру, дали возможность создать флот, который был не только таким же значительным, но также и оснащенным технически как афинский, и фактически состоял из лучших кораблей. После первого периода командования в 407 г. Лисандра вынудили отказаться от своей должности, т.к. спартанские правила запрещали занимать пост наварха более одного года, или, во всяком случае, не более чем в течение одной кампании. Тем не менее в 405 г. после незначительного успеха в 406 г. Калликратида, который хвастливо объявил, что не будет лебезить перед всяким варваром вроде Кира Персидского, Лисандра вновь отправили к театру военных действий в Эгейском море, в качестве законного предлога назначив его заместителем командующего.

В итоге, как и предупреждали митиленцы много лет назад в 428 году, вопрос Афинской войны вылился в морской конфликт вокруг и фактически внутри Геллеспонта. Лисандр, что, возможно, характерно, выиграл войну путем хитрости. Он застал афинский флот на стоянке под названием Эгоспотамах, или «Козьи реки», если и не врасплох, то, конечно, неподготовленным. Многие афиняне были убиты, а со многими, кого захватил Лисандр, обошлись не с обычным уважением, принятым среди греков по отношению к греческим же военнопленным, но в качестве страшного наказания и предупреждения отрубили им правые руки. Выживших Лисандр выдворил в Афины, где они испытали такие же страдания, как десятью годами раньше афиняне причинили сиракузцам. За зиму 405/4 г. многие афиняне умерли на улице от голода. Поэтому к весне 404 г. афиняне были подготовлены, если не полностью готовы, к безоговорочной капитуляции на условиях спартанцев, т.е. Лисандра.

Сначала и совершенно очевидно афиняне были лишены того малого, что оставалось от их некогда внушительной империи. Затем их лишили военной основы империи — флота, им было разрешено сохранить только незначительную флотилию, состоящую не более чем из дюжины кораблей. На территории их бывшей импе-

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

рии Лисандр позаботился о внедрении декадархии — правления десяти сторонников и высших олигархов. Афины были слишком большим городом, чтобы управляться такой маленькой группой, вместо этого под руководством проспартанского Крития (последователя Сократа и родственника Платона) власть захватила клика из тридцати человек в союзе с декадархией, чтобы присматривать за портовым городом Пиреем. Чтобы гарантировать стабильность правления Тридцати, Лисандр предусмотрел отправку гарнизона, состоящего из бывших илотов — неодамонов — для обеспечения необходимой силы. Однако мораль и демократический дух большинства афинян были таковы, и такова была жестокость Тридцати, которые заслуженно получили прозвище Тридцати тиранов, что немногим более чем через год демократическое правление в Афинах было восстановлено, хотя действительно под строгим наблюдением спартанцев, но при их молчаливом согласии.

ЧАСТЬ III

ХРОМОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

7

СПАРТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ 404—371 до н.э.

Благодаря персидским средствам, собственной стратегии афинян и их тактическим ошибкам спартанцы оказались победителями в Афинской войне. В спартанских советах решающее влияние имел Лисандр, а он навязывал максималистскую, твердую империалистическую политику. То, что иногда называют «второй» Спартанской империей, чтобы отличить ее от Спартанской империи, имевшей в своем распоряжении Пелопоннес и материковую Грецию, было старой Афинской империей, но в более экстремальной империалистической версии. Спартанцы также собирали дань и сохраняли флот, но тогда как Афинская империя задумывалась и в значительной степени сохранялась как антиперсидская, Спартанская империя в версии Лисандра была в основном антидемократической и автократической. Однако вскоре Лисандр восстановил против себя наиболее консервативных членов спартанской иерархии, включая таких, как царь Павсаний, который верил в политику двойной гегемонии или мирного сосуществования между Спартой и Афинами. И очень быстро Лисандр оказался в стороне, но он попытался вернуть свои позиции, поддержав спорные притязания на трон своего бывшего возлюбленного Агесилая, который около 400 г. стал преемником своего сводного брата Агиса.

Следующие тридцать лет спартанской и фактически в некоторой степени общегреческой истории были годами правления Агесилая. Так как его карьера неразрывно переплетена с судьбой Спарты в целом даже в большей степени, чем жизнь Клеомена I,

я не посвятил ему отдельной биографии, как Ксенофонт и Плутарх. Не ожидая, что станет царем, он прошел все обычные мужские испытания и проверки традиционного спартанского воспитания и, несмотря на врожденную хромоту, преодолел их. Поэтому он воплощал характерные спартанские добродетели и пороки. Нетерпимо относящийся к альтернативе господства спартанской олигархии, он закончил тем, что перенес крушение спартанской мощи на поле боя в Левктрах в 371 г. и его последствия. Но кто в 400 г., когда он унаследовал трон Эврипонтидов, мог бы уверенно предсказать, как будут обстоять дела?

Однако само наследование было непростым делом. При нормальном течении событий сын Агиса II Леотихид, старший единокровный брат Агесилая, должен был наследовать своему отцу, но в 400 г. мало что шло своим обычным порядком в Спарте. Над Леотихидом повисло подозрение в незаконнорожденности, усиленное слухами, что его настоящим отцом был Алкивиад Афинский. Кроме того, когда Агис умер, Леотихид был совсем юным, и у него не было родственника мужского пола, который мог бы стать регентом, пока сам он не достигнет совершеннолетия. Напротив, Агесилай, который мог бы исполнить эту роль, вместо этого выступил в качестве соперника в его притязаниях на трон, конечно же, побуждаемый и поддержанный бывшим любовником Лисандром, а затем выиграл этот наследственный спор.

Агесилай добился многого, он успешно прошел систему Агогэ, был гражданином, подтвердившим свою спартанскую отвагу, и проявил себя полностью преданным законам Ликурга. Однако он родился хромым, и должен был бороться с пророчеством оракула, предсказавшего гибель Спарты, если царствование будет «хрым». Лисандру удалось растолковать это прорицание безобидным образом как аллегорию, но буквальная интерпретация часто преследовала Агесилая и Спарту. Отсюда и заглавие третьей и последней части книги.

Вскоре после того как Агесилай вззошел на престол Эврипонтидов, чтобы править совместно с Павсанием из рода Агиадов, жрец, проконсультировавшись с внутренностями жертвенного животного, объявил самое худшее из всех дурных предсказаний. Он сказал, что Спарта как будто находится среди врагов. Это было недалеко от голой истины: каждый год новый состав эфоров объявлял войну илотам и, следовательно, официально превращал их в

государственных врагов. Однако вскоре оказалось, что заявление прорицателя имеет более широкомасштабное и угрожающее применение, потому что предполагаемые враги распространились снизу до почти самого верха общественных классов, на которые было поделено спартанское общество. Как утверждалось, был раскрыт заговор во главе с неким Кинадоном, то ли настоящим спартиатом, деградировавшим по экономическим причинам, то ли спартанцем от смешанного брака. Бывший товарищ Кинадона, который изобличил своего сообщника и информировал о нем эфоров, неожиданно заявил, что в число его сторонников входят все периеки, неодамоды, илоты и туманная группа «младших» (гипомейонов), он сказал также, что все они ненавидят полноправных спартанских граждан так сильно, что готовы съесть их даже сырыми.

В этом сообщении была большая доля чистых домыслов, клеветы и преувеличения, которые правдиво, если не бескорыстно, были пересказаны Ксенофонтом, личным сторонником и клиентом Агесилая. Однако они наглядно показывают, что представляло собой необычное общество Спарты, потому что ни в одном другом греческом городе ни на мгновение не могло возникнуть даже самой смутной возможности для тайного сговора между свободными и несвободными, бывшими гражданами и наполовину гражданами. Как оказалось, из этого заговора ничего не вышло, кроме того, что Кинадон был примерно и типично жестоко предан публичному наказанию: его протащили по улицам Спарты с удавкой на шее, пока его тело, очевидно, не было разорвано на части. Позже Аристотель ухватил смысл этого потенциального вызова установленному порядку. В защиту Агесилая, вероятно, было бы справедливо сказать, что его крайний и чрезвычайно непродуктивный консерватизм отчасти явился реакцией на такую серьезную внутреннюю причину.

В течение 90-х гг. IV в. Спарта проявляла себя наиболее экспансионистски. Она проводила не просто зарубежные, а заморские кампании на азиатском континенте, так же как и в Греции. По крайней мере, вначале казалось, что Спарта сражается за справедливое дело — греческую свободу. В действительности пропаганда свободы, использовавшаяся в борьбе против Персии, была эхом, пусть и слабым, пропаганды афинян, стремившихся расширить и сохранить свою империю — империю, которую спартанцы

как раз разрушили во время Афинской войны. Однако эта пропаганда никогда не оказывала такой же благоприятный эффект на боеспособность Спарты, как на Афины, несомненно потому, что с самого начала отчетливо осознавалась как лицемерная.

Непрерывный ряд спартанских командиров стремился продвинуться дальше коварного сатрапа Тиссаферна, обосновавшегося в Сардах, и его более откровенного коллеги Фарнабаза в Даскилии к северу от Геллеспонта. В конце концов Агесилай убедил власти того периода предоставить ему полномочия главнокомандующего в Азии. Таким образом, Агесилай стал только вторым спартанским царем после Леотихида II, рискнувшим продвинуться так далеко на восток в качестве командующего, а в 395 г. он стал первым царем, одновременно возглавившим и сухопутную армию, и флот. 396 г. был важнейшим для Агесилая также и в другом отношении, так как это был год первой, небывалой Олимпийской победы его сестры Киниски.

КИНИСКА

Киниска звучит как детское прозвище, потому что оно означает «щенок» (женского рода). У ее предка было то же имя в мужском варианте — Киниск. Скорее всего это дань спартанской породе собак особого типа, известной своей способностью выслеживать по запаху страшных диких медведей. Если, а это вероятно, Киниска была родной сестрой Агесилая и дочерью Архидама III и Эвполии, она, по-видимому, родилась около 440 г. до н.э. Ей, вероятно, было около сорока, когда она стала первой женщиной, когда-либо одержавшей победу на Олимпийских играх, подвиг, который она повторила на следующих Играх в 392 г.

Итак, Киниска была не обычной спартанской девочкой, а царевной. Как мы видели, спартанские брачные отношения и в обычных обстоятельствах могли быть достаточно сложными, а царский брачный договор всегда был таковым, так как во всех династических правлениях подобного типа большое значение имели экономические и, более того, политические соображения. Возможно, не очень достоверная история, рассказанная учеником Аристотеля Феофрастом и позже процитированная Плутархом, свидетельствует, что эфоры хотели оштрафовать Архидама за то,

что он женился на женщине слишком маленького роста. Спартанские женщины производили впечатление необычно высоких с точки зрения привычных греческих стандартов, возможно, потому что они довольно хорошо питались. Поэтому вероятно, что Эвполия, вторая жена Архидама, привлекла его не ростом, а чем-то другим.

Относительное равенство между полами, которым пользовались взрослые спартанцы, подготавливалось и усиливалось благодаря тому, что спартанские девочки получали некий эквивалент физической подготовки государственного воспитания спартанских мальчиков. Есть точные свидетельства, что существовал женский аналог системы мужских гомосексуальных отношений, который был необходимым компонентом образовательной системы, когда мальчик достигал юношеского возраста. Предположительно, Киниска прошла курс женского обучения, так же как ее брат Агесилай прошел через мужскую систему Агогэ. Несколько очень изящных бронзовых фигурок, сделанных в Спарте и изображающих девочек-подростков или молодых женщин в атлетических позах, — убедительная иллюстрация этого уникального для Греции социального явления. Однако для большинства остальных греков это было источником скорее шока, чем восхищения, они оскорбляли спартанских девушек, называя их «сверкающими бедрами», потому что те носили откровенные мини-туники, и воспринимали всех спартанских девушек и женщин не намного лучше, чем проституток.

Задачей мужской системы Агогэ была подготовка юноши к тому, чтобы стать гражданином-воином, готовым сражаться не только против внешнего неприятеля, но также и против внутренних врагов — илотов. Тем не менее не вся жизнь спартанского гражданина состояла из сражений или игры в сражения. Для спартанцев большое значение имела религия, пляски были полезным способом одновременно прославить богов и добиться общего ритма и сплоченности, необходимых гоплитам при сражении в фалангах. Что касается девушек, они плясали не только в Спарте, но и в ряде других городов поблизости. Например, на праздник Гиакинтии, проводившегося в честь Аполлона в Амиклах в нескольких километрах к югу от Спарты, девушек привозили на повозках, и в отрывке из биографии Агесилая, изложенной Ксенофонтом, говорится, что даже дочери царя добирались туда на простых об-

шественных повозках, как и все другие девушки. По-видимому, ее отец Архидам обходился с Киниской таким же обычным образом.

Другой формой религиозных празднеств, специально обращенных к соревновательному и воинственному духу спартанцев, были атлетические состязания. Традиционно первым панэллинским (всегреческим и только греческим) атлетическим праздником были Олимпийские игры, учрежденные, согласно традиционной хронологии, по нашему летосчислению в 776 г. до н.э. Возможно, эта дата должна быть несколько уменьшена, но в любом случае «игры» — довольно серьезный термин для того, что длительное время было простыми соревнованиями в беге, эквивалентом нашего 200-метрового спринта. Однако с годами были добавлены другие виды спорта, такие как скачки и атлетика, а участники атлетических соревнований были разделены по возрасту на мужские и юношеские категории. Таким образом, постепенно в 472 г. организация Игр, возглавляемая государством Элида, изменилась, и праздник стал проводиться в течение пяти дней.

Состязание за Олимпийскую награду было жестоким, но сама награда всегда оставалась чисто символическим оливковым венком. Сама по себе победа на Олимпийских играх считалась достаточной наградой, так как оплачивалась она самой ценной валютой — бессмертной славой. Подлинно религиозный размах Игр никогда не забывался. Центральным действием праздника была общая процессия и жертвоприношение покровителю богу Зевсу на горе Олимп. С другой стороны, состязания за призы не всегда сопровождались тем, что мы могли бы оценить как особый религиозный дух. Фактически атмосфера соревнования больше напоминала дух полувоенных упражнений. Одна из причин этого состояла в том, что атлетика, как и многие другие фундаментальные аспекты греческой культуры, в своей основе предполагала разделение по половому признаку. Олимпийские игры были настолько строго мужскими, что женщинам (возможно, только кроме официальных жриц) не разрешалось даже наблюдать за состязаниями мужчин.

Однако, кроме соревнований по бегу и борьбы, которые происходили на главном стадионе в Олимпии или вокруг него, были также конные состязания, которые происходили на особом ипподроме (буквально «конные бега»). Только в этих состязаниях могли участвовать женщины, хотя и через представителя, а не как

СПАРТАНЦЫ

всадники или колесничие (это всегда были мужчины или юноши), но как собственницы колесниц и команд. В 392 г. Киниска приняла участие в соревнованиях со своей колесницей, запряженной в четверку лошадей, и победила. В 392 г. она вновь участвовала в состязаниях и вновь победила.

Так случилось, что мы очень хорошо информированы об этих двух последовательных победах, потому что они привлекли внимание и поразили воображение гораздо более позднего путешественника Павсания, грека из Малой Азии, который посетил Олимпию приблизительно в середине II в. н.э. Все еще разборчивая надпись тогда, как и сегодня, высеченная в основании памятного монумента, воздвигнутого Киниской, гласит:

*Мои отцы и братья были спартанскими царями,
Я одержала победу с командой быстроногих коней
И воздвигла этот памятник я, Киниска,
Я говорю, что я единственная женщина в Греции,
Завоевавшая этот венок.*

Это уверенное «я» позволяет предположить, что наша Киниска не проявляла особой скромности относительно своего выступления. Однако в распоряжении у нас оказалась также биография ее брата, написанная Ксенофонтom, несомненно, при полной осведомленности и с одобрения Агесилая в качестве пропагандистского сочинения для немедленного опубликования после его смерти (около 359 г.). В этом сочинении нам рассказывают, что идея разводить скаковых лошадей для колесниц и участвовать с ними в соревнованиях в Олимпии принадлежала не только самой Киниске, но также и Агесилаю. Более того, он стремился показать, что победы, одержанные таким образом, были всего лишь функцией богатства в отличие от достижений в других видах состязаний и областях (и, прежде всего, в бою), где в первую очередь принимаются во внимание мужские качества. Что за мужчина, намекал он, захочет выиграть приз, который может завоевать и женщина?

Конечно, возможно, что Агесилай и его биограф старались прикрыть тот факт, что Киниска пошла своим путем без официального одобрения, но в любом случае мы обязаны спросить, почему Агесилай стремился таким образом преуменьшить первопро-

ходческие достижения своей сестры и очевидную общегреческую славу. По-видимому, сыграли роль несколько факторов и причин. С одной стороны, Агесилай, вероятно, стремился поддержать затухающую преданность своего общества успеху в боевых действиях путем общих усилий, направленных против возросших соблазнов личной славы, которую могла принести победа в самых дорогих и почетных Олимпийских состязаниях. В самом деле, в V в. успех спартанцев в Олимпийских и других состязаниях колесниц был бесспорно очень заметным, и Ксенофонт сообщает, что Агесилай особо подчеркнул тот факт, что, в то время как Киниска просто разводила скаковых лошадей, он выращивал боевых коней. С другой стороны, он, возможно, стремился принизить Киниску как женщину в период спартанской истории, когда, как позже сообщал Аристотель, «многое находится в ведении женщин». Если так, это была опасная игра, которая могла обернуться своей обратной стороной, и, вероятно, не просто совпадением оказалось то, что позже в царствование Агесилая якобы сочли необходимым казнить двух спартанских женщин высокого ранга — мать и тетю опозоренного командира.

Но в конце концов последнее слово оказалось за Киниской. После ее смерти дополнительно к ее пожизненному памятнику в Олимпии она удостоилась святилища героини в Спарте и связанного с этим религиозного почитания. На самом деле, таким образом почитались посмертно все спартанские цари, но Киниска была единственной спартанской женщиной, достигшей этого чрезвычайно желанного статуса, о которой сохранились письменные свидетельства.

Беспрецедентное командование Агесилая одновременно на суше и на море в 395—394 гг. не принесло пользы. Несмотря на некоторый успех, несколько преувеличенный в истории Ксенофонта, Агесилай никогда не мог предпринять решительного продвижения без успешной осады, он также никогда не стремился или не отваживался удалиться от побережья Эгейского моря, чтобы совершить серьезное вторжение в самое сердце Персидской империи, куда Десять Тысяч наемников проложили путь шестью годами раньше. В 394 г. крупное поражение на море, нанесенное персидским флотом под командованием афинского адмирала,

привело к его отзыву в Спарту, оказавшуюся перед лицом серьезной угрозы со стороны коалиции греческих врагов, финансировавшейся персами, — четырехсторонним альянсом, куда входили Афины, Беотия, Коринф и Аргос. В 395 г. союз был на взлете, в то время среди его достижений числилась смерть Лисандра и последовавшее изгнание (во второй и последний раз) царя Павсания. Но успехи потускнели в 394 г., когда Спарта выиграла два крупных сухопутных сражения: первое на реке Немее около Коринфа и второе при Коронее в Беотии.

Командующим в Коронее был Агесилай, среди прочих подержанный Ксенофонтom и остатками Десяти Тысяч наемников, которые несколькими годами ранее были набраны в спартанскую армию, чтобы сражаться против Персии. За участие в победе Спарты против собственного города Афин Ксенофонт поплатился изгнанием за предательство, но Агесилай позаботился, чтобы за преданность ему он был соответственно награжден уютным сельским убежищем около Олимпии. Здесь он «отмыл» азиатские трофеи, построив храм Артемиды, покровительницы охоты — своего любимого вида спорта. У Агесилая также были трофеи, которые он посвятил Аполлону Дельфийскому. Если десятая часть добычи, которую пожертвовал Агесилай, действительно означала десятую часть, то он принес из Азии в Спарту добычу, стоившую почти 1000 *талантов* (когда трехи *талантов* было достаточно, чтобы превратить человека в эквивалент сегодняшнего миллионера). Этот приток денежного и неденежного богатства, как и предыдущий, вызванный победой Лисандра над Афинами и их империей в 404 г., привел к серьезной дестабилизации спартанских моральных ценностей.

Поздние источники цитируют подходящий оракул следующего содержания: «Любовь к деньгам и ничего больше разрушат Спарту». В этой любви примерно в 400 г., вероятно, не было ничего нового, но бесспорно новое было в ее практическом проявлении, и последствия оказались неблагоприятными для сохранения жестких законов Ликурга. Сам Лисандр, как и Агесилай, был, очевидно, невосприимчив к чарам богатства, но, к несчастью, большинство спартанцев таковыми не были. И Платон, и Аристотель неодобрительно комментируют приверженность спартанских женщин к роскоши и предрасположенность мужчин потворству их вкусам. Возможно, это часть того, что Аристотель имел в виду,

утверждая, что «во времена спартанской гегемонии многое находилось у них в ведении женщин».

Однако до поры спартанская империя, по крайней мере, на греческом материке, пребывала в безопасности, что подтвердили победы на реке Немее и в Коронее в 394 г. Но враги все еще продолжали сопротивление, добиваясь отдельных успехов, таких как уничтожение спартанского отряда около Коринфа в 390 г., и персидские деньги по-прежнему продолжали подпитывать их сопротивление, пока в начале 80-х гг. IV в. не был отмечен большой поворот в зарубежной политике Спарты. Неясно, какую именно роль сыграли в этих переменах Агесилай и его гораздо более молодой и в целом более обходительный соправитель царь Агесиполид (сын изгнанного Павсания). Во всяком случае, спартанцем, инициировавшим эти перемены, был Анталкид. Так же как и Лисандр, благодаря должности наварха, которую он *de facto* занимал больше года, Анталкид добился того, что превратил Спарту из основного греческого врага Персии в ее главного друга. Опять же, как и Лисандр, Анталкид владел значительным как дипломатическим, так и военным талантом. С персидскими деньгами, пролившимися на него, и укрепленным с 388 г. флотом Анталкид сначала вырвал контроль над Геллеспонтом у Афин, вновь таким образом угрожая Афинам голодом, а затем подготовил путь к заключению мирного договора, по которому Спарта при поддержке Персии разделила всю Эгейскую Грецию, как материковую часть, так и острова, оставив контроль за «Азией» Великому царю Артаксерксу II.

АНТАЛКИД

В современном мире мы называем мирные договоры по названиям тех мест, где велись переговоры и где их подписывали — Утрехтский, Версальский и т.д. Древние греки поступали иначе. Они не подписывали договоры, а приносили клятву от имени богов, которые должны были выступать их гарантами, разрыв мирного договора или соглашения о союзе в Древней Греции был актом святотатства, подлежащим наказанию от имени или во имя бога или богов, к которым обращались напрямую. Обычно договоры называли по имени главного или одного из главных участников переговоров. В V в. до н.э. деятелями, чьи имена отметили ключе-

вой дипломатический водораздел, были Каллий, афинский аристократ, который на протяжении своей карьеры переместился влево, и Никей, другой афинский политик, но его никак нельзя назвать принадлежащим к левому крылу.

Каллиев мир в начале 40-х гг. V в. между Афинами и Великим царем Персии символизировал превращение Афин в высшую силу на Восточном Средиземноморье. Принес ли официальную клятву Великий царь или нет, но результатом мира стало окончание враждебных действий между всеми греками и персами в течение целого поколения. Никиев мир между Афинами и Спартой и их союзниками (или большинством из них) в 421 г. просто приостановил, а не положил конец Афинской войне, однако он оставался наиболее выдающимся дипломатическим инструментом, регулирующим внутригреческие отношения вплоть до Анталкидова мира.

У этого мирного договора есть и другое название — Царский мир, так как Великому царю Персии нравилось думать, что он, и только он, определил грекам статьи для ратификации на своих условиях. В действительности этот мир значил нечто большее — он был первым, который назовут Всеобщим миром, потому что относился ко всем грекам, вне зависимости от того, участвовали ли они непосредственно в принесении клятв или нет. Львиная доля заслуг за это крупное дипломатическое достижение, значительный потенциальный вклад в установление мира на охваченной войной земле принадлежит Анталкиду. Если бы мы только знали о нем больше...

Само его имя передается в разных формах — Анталкид или Антиалкид, но правилен, бесспорно, первый вариант. Это имя означает «партнер (заместитель) Алкида». По совпадению его предшественника на посту наварха или командующего флотом звали Алкидом, он бесславно служил в течение первого этапа Афинской войны. Точно через сорок лет в 388 г. Анталкид был назначен навархом с двойной миссией: во-первых, в корне пресечь контроль над районом вокруг Геллеспонта, который вновь начали осуществлять Афины через Фразибула, и, во-вторых, использовать контроль Спарты над Геллеспонтом, чтобы снова поставить Афины на колени, как это сделал Лисандр в 405—404 гг.

Обе эти цели были выполнены с большим апломбом, не в последнюю очередь потому, что, как и Лисандр, Анталкид имел возможность вступать в отношения *xenia* с высокопоставленными

персами, в его случае с Ариобарзаном, который стал преемником Фарнабаза в качестве сатрапа геллеспонтийской Фригии. Действительно, Ксенофонт говорит, что он был «старым», т.е. давним *xenos* Ариобарзана, а это, несомненно, предполагает, что Анталкид либо унаследовал эти отношения *xenia*, либо проявил активность на востоке, возможно, даже уже на заключительной стадии Афинской войны. Действительно, он впервые появился на исторической арене в 393—392 гг., когда его отправили как официального посла Спарты ко двору персидского сатрапа Тирибаза в Сардах, поэтому наше незнание карьеры Анталкида в ранний период до 393 г. еще больше разочаровывает. Тем не менее можно угадать, что он принадлежал к спартанской элите, но есть также достаточно свидетельств для предположений, что его отец Леонт был тем Леонтом, который женился на Телевтии (ее имя напоминает имя Телевтия, сводного брата Агесилая) и произвел на свет Педарита, умершего в 411 г. на посту верховного командующего, как и Анталкид, предположительно младший сын, родившийся около 435 года.

Миссия Анталкида к Тирибазу в 393 г. в итоге оказалась бесплодной, хотя он все-таки получил солидную финансовую помощь. Его командование флотом через пять лет, как мы видели, было вполне успешным, но его главным достижением были дипломатические успехи и последовавшая аудиенция с самим великим царем Артаксерксом II в Сузах. Отсюда название «Анталкидов мир». Условия мира полностью соответствовали желаниям и политическим целям царя Агесилая, но источник, используемый Плутархом, полагает, что Агесилай и Анталкид имели по этому поводу разногласия. Однако это можно объяснить как анахроничный вывод на основании лучше документированных и более правдоподобных утверждений, что в поздние годы они оба действительно разошлись во взглядах на зарубежную политику, но не по отношению к Персии, а к Фивам. Об этом, по крайней мере так кажется, свидетельствует рассказ, сохраненный Плутархом. Он повторен в собрании Плутарха *«Краткие высказывания спартанцев»* в более краткой и длинной версиях. Более длинная звучит следующим образом:

[Агесилай] *постоянно вел войну против фиванцев, и, когда он получил ранение в бою против них, утверждалось, что Анталкид заметил ему: «Да, недурно заплатили тебе фиванцы за то, что,*

СПАРТАНЦЫ

вопреки их желанию, ты выучил их сражаться и воевать». Действительно, в этот период фиванцы превзошли сами себя в бою благодаря многочисленным спартанским кампаниям против них. Вот почему Ликург в [одной из] старых так называемых ретр [высказываний, законов] запрещает частые кампании против одного и того же народа, чтобы не позволить им научиться воевать.

Этот рассказ, вероятно, подразумевает изменившееся отношение к фиванцам во время расцвета их могущества в 70-х гг. IV в. Это не единственный сюжет, в котором Анталкид представлен как поборник старого доброго времени и старых средств, но в этом есть нечто ироническое, потому что точно так же любил представлять себя Агесилай. Агесилай — молот, обрушившийся на Фивы, не согласился бы на меньшее, чем на массированный штурм и полную победу. Анталкид, очевидно, предпочитал менее грубое и более тонкое наступление, приличествующее превосходному дипломату. По крайней мере, интересно, что как раз, когда Агесилай приближался к пароксизму агрессии, завершившейся в 371 г. катастрофическим поражением Спарты, нанесенном Фивами в Левктрах, Анталкид вновь находился в Сузах, ведя переговоры о дальнейшей дипломатической и финансовой поддержке со стороны Персии.

Через год после Левктр Анталкид был избран на должность эфора. Это вдвойне интересно. Если обычное правило по поводу только одного срока полномочий допускало отклонения в исключительных обстоятельствах в пользу старшего политика, это означало, что Анталкид не был ранее кандидатом на должность или, по крайней мере, не избирался прежде. Во-вторых, это предполагает, что в момент глубокого кризиса даже Агесилай вынужден был терпеть критику и, возможно, врага, занимавшего высокий пост. Это была, вероятно, последняя победа Анталкида. Через три года в 367 г. он совершил третье и последнее длительное путешествие на восток в Сузы, на этот раз соперничая с фиванцами, возглавляемыми Пелопидом, за расположение Великого царя. Он и Спарта проиграли состязание с треском.

Этот необычный дипломатический демарш Спарты означал для азиатских греков отказ от пропаганды освобождения 431, 404 и более поздних лет и возврат назад к 481 г., когда Персидская им-

перия на западе расширилась вплоть до береговой линии Эгейского моря. В ответ за то, что этих греков предложили Персии «на блюдечке», спартанцы, а это означало прежде всего Агесилая, получили свободу «устраиваться» в материковой Греции так, как он и они хотели. Ученым словечком нового спартанского порядка была «автономия», в том смысле, что каждый греческий город, большой или маленький, с этого времени становился автономным ото всех остальных, за исключением, конечно, периэских городов в Лаконии и Мессении, над которыми Спарта хотела сохранить прямой контроль. Другими словами, спартанцы навязали автономию так и там, где это им было удобно. Для избавления от ненавистного демократического режима Афины были насильственно отделены от поселков и городов восточного побережья Средиземного моря и района Геллеспонта, где они начали вновь утверждать что-то вроде протоимперии. Аргос был отделен от Коринфа, и их интересный опыт партнерства закончился, федеральное Беотийское государство распалось на разрозненные части во вред общему управлению Фив, и даже объединенный город Мантинея развалился на составляющие его деревни.

Оппозиция демократии фактически была идеей, сопровождавшей и приводившей в движение политику Агесилая в течение следующих шести лет. Возможно, самым поразительным и самым жестоким было обращение Спарты с ее сподвижником по Пелопоннескому союзу Флиунтом. В 381 г. Агесилай начал осаду города под предлогом того, что он был нелоялен во время Коринфской войны. По меньшей мере, важным соображением для Агесилая было восстановление во власти некоторых олигархов, находившихся в изгнании, которые были связаны лично с ним и со Спартой. Этот явный фаворитизм и нарушение автономии Флиунта с точки зрения любых нормальных определений вызвал разногласия и критику даже среди самих спартанцев. Ксенофонт, обычно хороший друг и Спарты, и Агесилая, не смог удержаться от критических замечаний по поводу Агесилая даже в посмертном жизнеописании царя, но только в своей общей *Греческой истории* он разъяснил то, что конкретно было причиной споров:

Многие спартанцы выражали недовольство, что ради спасения нескольких человек [изгнанников-олигархов] они навлекли на себя ненависть более 5000 горожан.

Ксенофонт не мог полностью примириться с тем, что Флиунт был в то время демократическим городом, но здесь и в других местах своего сочинения его вывод бесспорен.

В 379 г. после почти двух лет осады Флиунта в конце концов увенчалась успехом. Однако этот успех отошел на второй план на фоне триумфального вторжения в Беотию в 382 г., когда спартанская армия получила контроль над фиванским акрополем и так же, как и в Афинах в 404 г., довела дело до конца, навязав ограниченную проспартанскую олигархию, которую поддерживал гарнизон под командованием чиновника, называемого *harmost*, выполнявшего военно-политические функции. Фактически система *harmost* была распространена на всю территорию, бывшую до 386 г. независимым федеральным Беотийским государством, и фактически с конца Афинской войны спартанцы широко использовали ее повсюду, где только могли, в материковой Греции, на островах и на азиатском побережье. В том же 379 году, когда спартанцы раздробили Флиунт, они добились ощутимых ограничений территориальных амбиций в материковой Греции, поставив под свой контроль Олинф в Халкидике и разрушив Халкидикскую федерацию во главе с Олинфом. Поэтому может показаться, что к лету 379 г. спартанское владычество на каждом кусочке земли было столь же впечатляющим и столь же могущественным, как и афинское в V в. Тем не менее зимой 379/78 г. начались перемены.

Тех, кого боги хотят уничтожить, они сначала лишают разума — так однажды сказал один из персонажей трагедии Еврипида. Поведение Сфодрия, спартанского гармоста, в беотийских Феспиях в начале 378 г. можно расценить только как акт безумия. То ли стремясь достичь исключительной личной известности, то ли потому что его подкупили фиванцы, или потому, что он действовал в соответствии с тем, как понимал приказания или желания соправителя Агесилая царя Клеомброта, Сфодрий попытался захватить афинский порт Пирей. Эта попытка потерпела фиаско. Если афиняне и нуждались в каком-нибудь стимуле, чтобы убедить их активно и настойчиво поддержать освобождение Фив от власти Спарты, то это было как раз то, что надо. Однажды ночью с подходящей театральной смесью трагедии и фарса Пелопиду и горсти других фиванских изгнанников удалось заманить в Фивы, захватить, убить или изгнать спартанский гарнизон и свергнуть проспартанскую клику.

А в Спарте Сфодрий был привлечен к суду за государственную измену, но суд прошел в отсутствие Сфодрия. Он был так уверен, что его признают виновным и казнят, что фактически приговорил себя к смерти заранее, отказавшись вернуться в Спарту, чтобы расплатиться за свои поступки. Но даже в этой ситуации он был признан невиновным, что Ксенофонт справедливо описал как одну из наиболее вопиющих ошибок правосудия в греческой истории. Своим оправданием он был обязан Агесилаю, который контролировал большинство голосов в спартанском Верховном суде (состоявшим из Герусии, заседавшей, вероятно, вместе с эфорами, назначенными на этот период). На Агесилая могло повлиять то, что его сын и наследник Архидам был любовником сына Сфодрия, и Ксенофонт рассказывает хорошую историю о стремлении Архидама вступить за отца своего возлюбленного, но Агесилая склонили не просто сентиментальные соображения. Он якобы сказал своему сыну, что хотя Сфодрий бесспорно виновен, однако он будет голосовать за его оправдание по прагматической причине, так как Спарта нуждается в таких солдатах, как он. Безусловно, в Спарте всегда существовал крайний дефицит живой силы, но если быть более точным и честным, то Агесилаю следовало бы сказать, что он нуждается в выдающихся спартамцах, которые, как Сфодрий после его оправдания, будут безусловно и непоколебимо преданными и послушными исполнителями его воли. Через семь лет Сфодрий погиб на поле боя в Левктрах. Печальное доказательство беспощадного влияния Агесилая на спартанские советы.

Заново освобожденные Фивы в 378 г. сначала перестроились в политическом отношении как умеренная демократия и затем перестроили федеральное Беотийское государство, теперь впервые как демократическую систему. Динамичную военную реформу осуществил вернувшийся из ссылки Пелопид в тандеме с еще более блестящим полководцем и философом Эпаминондом. Среди нововведений, которыми они руководили, было создание элитной армии гоплитов численностью 300 солдат, состоявшей из 150 гомосексуальных пар, известных как Священный отряд. Численность была та же, что и в обычной царской гвардии спартанской армии и специально отобранной спартанской армии в Фермопилах, так что, возможно, это было намеренное отражение спартанской идеи, хотя в спартанской армии гомосексуальные пары не располагались рядом друг с другом в фалангах. Священный отряд

стал главным ударным отрядом Беотии в течение следующих десяти лет, на протяжении которых Беотия создала грозный военный сухопутный союз в центральной Греции, оказавший помощь в создании и развитии, по существу, морского союза, возглавляемого Афинами — Второго Афинского союза. Целью обоих союзов была Спарта, которая, как они разумно заявляли, не просто использовала в своих интересах Анталкидов мир, но возмутительным образом нарушила его условия, преследуя собственные эгоистичные и реакционные цели.

Активное военное сотрудничество между Фивами и Афинами было очень ограниченным. События показали, что оно и не нуждалось в большем, чем это касалось поражения Спарты. Первым знаком, что Спарта уже не являлась прежней силой, стала в 375 г. битва при Тегире в Беотии. Пелопид и Священный отряд нанесли поражение не полной армии спартанских или пелопоннесских рекрутов, а только спартанскому отряду, но победа значила тем больше, что была первым спартанским поражением в регулярном сражении гоплитов после единственной катастрофы при Лехее в 390 г. в Коринфской войне. Тем не менее Спарта не отказалась от своих притязаний в центральной Греции, и, по-видимому, в помощь союзникам в Фокиде в 371 г. Клеомброт был конце концов отправлен во главе регулярной пелопоннесской армии для сражения со всем союзом, руководимым Фивами, против которого Агесилай и Клеомброт не смогли предпринять какого-либо значительного наступления в 376 и 375 гг.

Следующая битва при Левктрах была решающим сражением первой половины IV в. Ксенофонт попытался приуменьшить последнюю ответственность Агесилая за злосчастное поражение, сообщив, что Клеомброт и высшее командование вступили в бой несколько навеселе. В действительности же спартанцы потерпели поражение из-за дисциплины и новаторства Эпаминонда и Пелопида. Несмотря на то, что спартанцы были учителями фиванцев, как уже Анталкид якобы заявлял, теперь фиванцы на поле боя оказались более искусны, чем спартанцы, и это было также необычно, как тот факт, что на поздних стадиях Афинской войны спартанский флот превосходил афинский. Местами Эпаминонд сосредоточил фиванских гоплитов по пятьдесят в глубину — по сравнению с обычной глубиной в восемь шеренг, которая использовалась в сражении гоплитов. Он разместил своих великолепных

солдат — Священный отряд под командованием Пелопида — на левом фланге, в то время как традиционно более сильным в битве гоплитов было правое крыло. Он продвигался со своими солдатами косым клином, а не в лоб, как было обычно. И, кроме того, он столкнулся только с деморализованной и сократившейся спартанской армией.

К 371 г. в общей сложности насчитывалось немногим более 1000 взрослых спартанских граждан мужского пола. Различные происшествия и более всего землетрясение, произошедшее около 464 г., потери в боях, спартанский имущественный и наследственный закон привели к этой *oliganthrôpia* — к дефициту резерва солдат, что Аристотель справедливо рассматривал как определяющий фактор в окончательном упадке Спарты как великой державы. Значительная доля этой немногочисленной оставшейся части граждан сражалась и потерпела поражение при Левктрах, погибло около 400 человек из 700, включая царя Клеомброта и, как указывалось выше, Сфодрия. Даже Ксенофонт не мог удержаться, чтобы не отметить, что некоторые из спартанских сподвижников по Пелопоннесскому союзу не были разочарованы таким исходом. Последствия для спартанского боевого духа были таковы, что выживший царь Агесилай вынужденно издал указ, по которому за побег или трусость при Левктрах обычное наказание к спартанцам не применялось. Это было молчаливое признание, что система Ликурга рухнула.

8

УПАДОК И ЗАКАТ

371—331 г. до н.э.

В этой главе намечена схема катастрофического заката спартанских удач в течение десятилетий, последовавших после провала на поле боя в Левктрах. Мессенские илоты с жизненно важной помощью демократических Фив во главе с философом и полководцем Эпаминондом вновь взбунтовались, но на этот раз успешно. Их новая столица Мессена была зримым и очевидным признаком унижения Спарты. Пелопоннесский союз в качестве эффективно-

го инструмента спартанской власти за рубежом распался в течение нескольких лет. Стремление Спарты в течение этих лет вновь заключить союз с Афинами указывает на то, в какой безвыходной ситуации находился город. Так стал совершенно очевидным провал правления Агесилая.

Окончательное освобождение мессенцев не могло произойти без внешнего вмешательства, и притом вмешательства специфического, предпринятого самым блестящим полководцем греческого мира, к тому же человеком философского склада ума. Эпаминонд достиг славы главным образом на поле боя, но сэр Уолтер Роли имел основание оценить его как величайшего среди древних греков, а не только как величайшего древнегреческого полководца. Он был освободителем невиданного до того времени масштаба. В конце 370 г., воодушевленный раздорами в Аркадии в тревожной близости к Спарте, он наконец смог использовать свою грандиозную победу при Левктрах и выжать все возможное из исторического поражения Спарты.

Он вторгся в Лаконию с союзными силами численностью примерно от 30 000 до 40 000 человек. Ему помогло то, что многие из перизков северной Лаконии уже дезертировали, но если бы они и сопротивлялись, это бы только замедлило его продвижение, но не помешало бы ему. Он подступил к Спарте достаточно близко, чтобы жители не обнесенной стенами Спарты увидели огонь от горящего зерна и зданий и ощутили запах. Аристотель несколько не по-джентльменски заявляет, что спартанские женщины вызвали большее смтение и замешательство в рядах спартанцев, чем собственно враги. Но, возможно, это просто некорректный способ сообщить, что женщины были напуганы совершенно непривычным видом многочисленной вражеской армии, действительно уничтожающей имущество, включая их собственное, у них под самым носом. Тем не менее Эпаминонд не был заинтересован в захвате Спарты, не говоря уже о ее разрушении. Он прошел через долину Эвроты до спартанского порта Гифея, который он, вероятно, действительно разрушил по военным, а также политическим соображениям. Затем он вернулся назад на север через Лаконию, прежде чем двинуться на запад в Мессению — к своей основной цели.

Мессенские илоты уже бунтовали, примерно в то же время поднялись на восстание перизки в северной Лаконии. Предпопо-

жительно, по крайней мере некоторые из мессенских перизков присоединились к восстанию, как и их предки почти столетие назад вслед за крупным землетрясением. Задачей Эпаминонда было проследить, чтобы восстание не было подавлено и чтобы освобождение илотов стало необратимым. Этого он добился, наблюдая за сооружением Новой Мессены, окруженной массивной крепостной стеной, при строительстве которой остроумно использовалось местоположение рядом со склоном горы Ифомы. Остатки этих стен, очевидным образом отличавшие Мессену от Спарты, вокруг которой не было крепостных укреплений, до сих пор производят большое впечатление. К гражданам Новой Мессены, среди постоянных жителей которой — бывших илотов — в первом ряду оказались, конечно, взрослые мужчины, вскоре присоединились потомки мессенской диаспоры илотов, включая некоторых даже из Северной Африки.

После переименования сицилийского Занкла в Мессену около 490 г. и основания афинянами Навпакта около 460 г. существовали «мессенцы», которые с гордостью так себя называли, а что касается жителей Навпакта, то под этим именем они делали подношения в Олимпии назло своим бывшим спартанским господам. Самым заметным из этих даров является все еще в значительной степени сохранившийся монумент Победы, созданный в конце 20-х гг. V в. Пеонием из Менда, но с 369 г. «мессенцами» *par excellence* (по преимуществу. — *фр.*) называли жителей Новой Мессены, и в качестве таковых они были предметом самых возбужденных пересудов среди интеллектуалов всей Греции.

Алкидам, риторик и софист из Малой Азии, писал в поддержку их освобождения, что «Бог никого не сделал рабом», подразумевая, что рабство является чисто человеческим установлением без божественного соизволения и, следовательно, недозволенным. Платон не заходил так далеко, фактически рабовладение сильно повлияло на его мышление, но он заявлял, что спартанская система илотов была наиболее спорной системой рабства во всей Греции, вероятно, потому что илоты были греками, а не иностранными варварами, как большинство несвободных в греческом мире. Но самый красноречивый комментарий по поводу бывших мессенских илотов сделал Исократ, профессиональный соперник Алкидама и Платона, в памфлете, поданном как речь наследного царевича Архидама в драматическом контексте 366 г. до н.э. Более

всего исократовского Архидама огорчало то, что спартанцы должны терпеть своих бывших рабов, которые распоряжаются как свободные и независимые граждане, там, где недавно был их собственный задний двор.

АРХИДАМ III

Архидам был сыном Агесилая и его жены Клеоры, родился он, вероятно, в конце 90-х гг. V в. В конце 70-х гг. или начале 60-х IV в. он женился на Дейнихе, дочери Эвдамида, выдающегося командира, известного тем, что его стратегию одобрял Агесилай. Эвдамид был братом покойного Фебида (умер в 378 г.), который также пользовался покровительством и расположением Агесилая. Брак, вероятно, был династическим.

Впервые Архидам появляется в исторических документах в 378 г. как любовник сына Сфодрия, умоляющий своего могущественного отца сохранить жизнь отцу его возлюбленного. Сфодрия тогда пощадили, но вскоре он погиб в битве при Левктрах в 371 году. Архидам не принимал участия в этом страшном столкновении, возможно, потому, что еще не имел сына и наследника. Его второстепенная роль заключалась в том, чтобы встречать выживших в Мегариде и сопровождать их домой. Через три года он получил первое из засвидетельствованных поручений, фактически представляя в Аркадии своего теперь престарелого отца. Здесь он выиграл сражение, получившее название «Бесслезной битвы», потому что в ней не погиб ни один спартанец, настолько ценны и редки теперь стали эти жизни. Не менее откровенно о тяжелых условиях в Спарте свидетельствует эпизод, приписываемый Архидаму, в собрании Плутарха *Изречения царей и полководцев*:

*Архидам, сын Агесилая, увидев стрелу катапульты, впервые привезенную из Сицилии, воскликнул:
«Клянусь Гераклом! Вот и конец мужской доблести!»*

В результате кризиса после поражения при Левктрах спартанцы добровольно вступили в союз с Дионисием I, тираном Сиракуз с 405 по 367 г., потому что он послал наемные войска и новейшее

вооружение им на помощь в Пелопоннес. Среди других удачных нововведений Дионисий способствовал усовершенствованию «артиллерии», что позволило ему, например, захватить Мотию на западе Сицилии, осадив ее в 398 г. Комментарий Архидам по поводу стрелы катапульты, которую он увидел в начале 60-х гг. IV в., был точной копией замечания, приписываемого Фукидидом одному из захваченных в 425 г. в Сфактерии спартанцев, находившемуся в заложниках в Афинах, который сказал, что стрелы («веретена») — женское оружие и они не являются истинным мерилom мужской отваги в ближнем, рукопашном бою гоплитов. Это было особенно верно относительно стрел, которыми выстреливала катапульта, но ответ шокированного Архидам демонстрирует одну из главных причин военного провала консервативной Спарты в изменившихся условиях ведения боевых действий в IV в.

По свидетельствам, Архидам вновь отличился во время вторжения Эпаминонда в 362 г., когда фиванцы проникли в саму Спарту. Он не мог действовать полностью по своему усмотрению вплоть до смерти отца в 360 или 359 г., после чего, очевидно без соперничества, взошел на престол Эврипонтидов как Архидам III. Его соправитель, царь Клеомен II из рода Агиадов, правивший с 370 по 309 г., не имел никакого веса. Но, как бы то ни было, даже способный и активный Архидам мог сделать немного, чтобы оказать сопротивление македонцам, под командованием царя Филиппа II продвигающимся на юг (359—336), или чтобы восстановить положение Спарты в Пелопоннесе несмотря на наступление на Мегалополь в 352 г. В 346 году он на короткое время занял Фермопилы, оказывая помощь фокейцам в их десятилетней войне с Филиппом, но души его героических предков, павших в ущелье, не были успокоены его унижительным отступлением.

Кульминацией триумфального продвижения Филиппа в покорении всей материковой Греции стала битва при Херонее в Беотии в 338 г., но к тому времени Спарта была слишком ослаблена даже для того, чтобы принять участие в сражении. Когда Филипп продолжил свое победное шествие, вторгшись в Лаконию, он, как и Эпаминонд, не стал завоевывать или занимать город и сознательно оставил его вне дипломатических интересов своего нового Коринфского союза. Коринф, место знаменитой эллинской декларации во время сопротивления Персии в 481 г., когда-то был главным союзником Спарты в Пелопоннесском союзе, но эта ор-

ганизация также была тихо свернута и прекратила свое существование в середине 60-х гг. IV в. Коринфяне, другие бывшие члены Пелопоннесского союза, новые города Мессена и Мегалополь, а также Аргос предпочли встать на сторону Филиппа, а не Спарты. Со своей стороны сверхловкий дипломат Филипп знал, что, исключив Спарту из союза, он сможет обеспечить лояльность этих антиспартанских городов.

Александр Великий, сын и наследник Филиппа, привел два убедительных доказательства, свидетельствующих о бессилии Спарты в межнациональных делах. Первое — в 334 г. после битвы на реке Граник, когда он отправил в Афины ровно три сотни доспехов (комплекты снаряжения гоплитов) для передачи их в дар Афинскому акрополю со следующей надписью:

*Александр, сын Филиппа, и греки — кроме спартанцев —
[установили эти трофеи, взятые] у варваров,
обитающих в Азии.*

Фраза «кроме спартанцев», для которых число 300 оставило неизгладимый след в коллективном национальном сознании, было намеренным оскорблением и публичным унижением, напоминавшим, что они не участвуют в общегреческом антиперсидском походе, возглавляемом Александром. Второе было сделано три года спустя, в 331 г., когда сын и наследник Архидамы Агис III возглавил попытку восстания против македонского господства, но потерпел полное и решительное поражение при Мегалополе. Александр презрительно отозвался об этой битве как о «войне мышей».

Что же, возвращаясь в заключение к важнейшим событиям 338 г., ждало Архидаму? Он оказался далеко за морями и умер как наемник единственной настоящей колонии Спарты Тараса (Тарента), сражаясь против соседних местных жителей лукан. Тень своего отца Агесилая. Но, тем не менее, скульптурный портрет Архидамы был помещен в Олимпии; до нас, вероятно, дошла копия римского периода. Агесилай пришел бы в ужас. С его точки зрения, мужчина должен оставить после себя как памятник свои деяния, и только деяния, а не бесполезные фальшивые идола. *Sic transit gloria laconica* (Так проходит слава лакедемонян. — *лат.*).

Основание Новой Мессены было не единственным ударом после Левктр, который Эпаминонд смог нанести Спарте. Усилившись, он также наблюдал в 368 г. за строительством Мегалополя («Великого города») на юге Аркадии, объединившего сорок бывших общин, некоторые из которых ранее принадлежали лаконским перизкам. Здесь проявились федералистские тенденции, очевидные в Аркадии, по крайней мере с начала V в., но понадобился Эпаминонд, сам гражданин федерального демократического государства Беотии, чтобы осуществить их надежды, превратив Мегалополь в новую столицу федеральной Аркадии. Размеры его театра, самого большого в Пелопоннесе, были показателем важности Мегалополя как главного федерального объединяющего центра. Спарта, разумеется, всеми силами сопротивлялась федеральным государствам и расчленяла их, когда только могла (например, Беотийскую федерацию в 386 г., Халкидскую в 379 г.). Однако местоположение Мегалополя было таково, что оно напрямую угрожало проходу любой спартанской армии, стремившейся продвинуться в Пелопоннесе или Греции на север от Коринфского перешейка. Это была кость, которая прочно засела в горле Спарты.

Неудивительно, что, когда подошло время составления посмертной эпитафии Эпаминонду (на его статуе, воздвигнутой в Фиванском акрополе), эти два новых пелопоннесских города были особо упомянуты:

*По моему совету
постригла Спарта волосы,
Мессена приняла ее детей,
Венок из копий Феба
Венчал Мегалополь —
Свободна Греция.*

Упоминание об отрезанных волосах Спарты — блестящий образ, потому что остриженные волосы были общегреческим символом траура, а спартанские мужчины носили длинные волосы. Материнский образ Мессены косвенно противопоставлен спартанскому кровожадному и подчеркнуто несемейственному отношению к поработанной рабочей силе — илотам. В конце Мегалополь предстает увенчанным за победу в состязании благодаря копьям Феба, в честь которого названы Фивы. Когда-то Фивы бы-

СПАРТАНЦЫ

ли славным «дорийским копьем» Спарты (прекрасное выражение Агесилая), которое поддерживало греческую свободу от персов. Теперь же положение совершенно переменялось.

Эпитафия на смерть Эпаминонда была составлена только через шесть лет после основания Мегалополя, потому что Эпаминонд умер победителем во второй крупной битве при Мантинее в северной Аркадии (первая произошла в 418 г.). Он вторгся в Пелопоннес в четвертый раз летом 362 г. Удостоверившись, что Спарта не сможет участвовать в грядущей решающей битве в полную силу, он совершил второе вторжение в Лаконию, но на этот раз проник в саму Спарту, не окруженную крепостными стенами. Защитники спартанской стороны предпочитали переключать внимание на индивидуальные акты героизма, проявленные восемнадцатилетними или девятнадцатилетними юношами, а не распространяться о неспособности спартанцев Агесилая оказать сопротивление Эпаминонду или о вспышках существенных разногласий в спартанских рядах.

ИСАД

Надежно подтвержденные сведения об Исаде ограничены единственным местом в *Жизнеописании Агесилая* Плутарха. Ситуация в этом отрывке связана с проникновением Эпаминонда в Спарту в 362 г., и хотя ситуация явно критическая, это никак не исчерпывает интереса к самому отрывку и его значения:

Исад, сын Фебида, у меня на виду доставил великолепное зрелище отваги не только согражданам, но также и врагам. Он выделялся не только своей красотой, но и ростом, и был он в возрасте между отрочеством и возмужалостью, когда люди находятся в расцвете сил. Он выскочил из дома совершенно нагой, не прикрыв ни доспехами, ни одеждой свое тело, только что натертое маслом, держа в одной руке копье, в другой меч, и бросился в самую гущу врагов, повергая наземь и поражая всех, кто выступал навстречу. Он даже не был ранен, потому ли, что в награду за храбрость его охраняло божество, или потому что врагам он казался более величественным и могущественным, чем простой смертный. Говорят, что эфоры наградили его венком, а затем наказали штрафом в 1000 драхм за то, что он безрассудно вышел навстречу опасности без доспехов.

Фебид, отец Исада, не был обычным спартанцем, и даже для спартанца он был невероятно амбициозен. В 382 г. он незаконно занял Фивы и в мирное время разместил там гарнизон, однако Агесилай, независимо от того, сам ли или нет, подтолкнул или заранее приказал ему, задним числом поддержал его действия. Эвдамид, брат Фебида и дядя Исада, также отличился как командир в спартанской кампании против Олинфа (381—379 гг.) и, возможно, в конце 70-х или начале 60-х гг. IV в. сын Агесилая Архидам женился на дочери Эвдамиды, несомненно, по обычным финансовым и политическим соображениям. Но в 378 г. Фебид погиб на посту главнокомандующего в Беотии, таким образом, Исад, родившийся в конце 80-х, вырос без отца, но хорошо помнил, что его отец был спартанским героем.

В 362 г., когда Эпаминонд вторгся в Спарту, Исад пребывал в том периоде жизни мужчины, который спартанцы называли *paidiskos*, «отроческим», т.е. между возрастом мальчика (*pais* — от 7 до 18 лет) и совершенно взрослого воина (*anêr* — после 20 лет). Это был промежуточный период, когда особо отличившихся юношей отбирали для охоты на илотов в Криптию, отряд секретной службы. Их посылали в сельские районы, вооруженных только ножом, еду они могли добыть для себя, лишь собрав зерно на поле или украв. В качестве своего рода испытания на мужество или ритуала посвящения от них требовалось «запятнать себя кровью», убив какого-нибудь подвернувшегося илота или, возможно, илотов, известных как нарушители порядка. Нагота Исада соответствует его еще невзрослому возрасту, возрасту эфебов, но тот факт, что он натер себя маслом, во-видимому, позволяет предположить, что он в то время занимался физическими упражнениями. Именно спартанцы, как сообщает нам Фукидид, ввели в Греции практику умашения бесспорно отчасти из-за обилия оливкового масла, производимого в благоприятных условиях Лаконии и Мессении, и мы вспоминаем изумление лазутчика Ксеркса, когда он увидел спартанцев в Фермопилах, делающих энергичные гимнастические упражнения, готовясь к сражению и смерти.

Возможно, что память о героической жизни отца и о других спартанских героях, таких, как те, что сражались в Фермопилах, воодушевила Исада действовать подобным образом. Однако его поведение было решительно невзрослым: он бился один, а не как член дисциплинированной фаланги, при этом сражался несколь-

ко безумно, примерно как Аристодам при Платеях в 479 г., которого спартанцы не наградили за доблесть, потому что им показалось, что его действия определялись желанием умереть, а не истинной хладнокровной отвагой. Вот, по-видимому, почему эфоры с характерной спартанской смесью приверженности закону и практицизма сначала увенчали Исада как победителя на атлетических состязаниях, а затем наложили на него показательно солидный денежный штраф.

После того как Агасилая связали по рукам и ногам в Спарте, Эпаминонд возвратился на север. Произошла подготовительная стычка конницы, в которой был убит Грилл, сын Ксенофонта, прошедший через воспитательную систему Агогэ в качестве почетного чужеземного гостя. Вскоре после этого стала очевидной основная особенность битвы. Детально спланированное сражение гоплитов — вторая битва при Мантинее развивалась так же, как и битва при Левктрах, и с тем же исходом, с той только разницей, что в этом случае спартанцам помогали их союзники из Афин.

Затем последовал Всеобщий мир, фактически заключенный на поле боя. Или, может быть, это был всеобщий беспорядок? Именно так увидел ситуацию Ксенофонт, бывший клиент Агесилая и проспартанский изгнанник, но затем, вероятно, вновь примирившийся с городом своего рождения. Что касается Агесилая, в этом страшном для своего города положении он не смог придумать ничего более полезного, чем отправиться в путь в Северную Африку служить наемным командиром, хотя ему было уже за восемьдесят. В его основную задачу входило быстро добыть большую сумму денег в Египте, чтобы пополнить истощившиеся средства на войну, но он умер на обратном пути домой в месте, известном как Менелаева гавань, там, где сейчас находится Ливия.

Упоминание места смерти достаточно уместно для спартанского царя, но то, как произошла эта кончина, знаменует печальный конец правления, который начался, когда Спарта, казалось, находится на вершине могущества и успеха, как на своей территории, так и за ее пределами. Суд современных исследователей все еще не определился относительно степени личной ответственности, которую должен нести Агесилай за гибель Спарты, но, по мо-

ему мнению, он, с одной стороны, слишком рьяно проводил ложную зарубежную имперскую политику, а с другой стороны, не смог справиться с основными и давними спартанскими экономическими, социальными, политическими и военными проблемами, и поэтому на нем лежит большая доля вины. Его царствование действительно было хромым.

9

ВОЗРОЖДЕНИЕ И ВОССОЗДАНИЕ

Спарта в 331 г. находилась в состоянии упадка, но еще не окончательного заката. Александр умер в Вавилоне в 323 г. прежде, чем смог вернуться в Грецию и урегулировать спартанский вопрос, если вообще он намеревался возвращаться или менять отношение к ловкому решению отца не урегулировать ситуацию со Спартой. В войнах появившихся наследников Александра, которые беспокоили Эгейское побережье греческого мира в течение двадцати лет (битва при Ипсе в 301 г. отметила в некотором роде их завершение), Спарта в значительной мере оставалась статистом и чаще всего пребывала за кулисами в ожидании своего часа, не принимая участия в главном действии. Характерно, что Спарта не приняла участия в возглавляемом Афинами антимакедонском восстании 323—322 гг., в так называемой Ламийской войне, а также в 315 г., когда Кассандр Македонский вторгся в Пелопоннес, чтобы установить господство над Мессенией.

Вместо этого Спарта играла в наемников. Город снаряжал наемников и поставлял их на мыс Тенар на южной оконечности полуострова Мани, в один из центров вербовки вездесущих солдат, вместе с которыми преемники Александра вели непрерывные войны. А в 315 г. еще один спартанец из царской семьи — Акротат из рода Агиадов (сын удивительно ничтожного царя Клеомена II, который правил с 370 по 309 г.) пошел по стопам Агесилая II из рода Эврипontiдов и его сына Архидама III, решив лично отправиться наемником на службу за границу. Но в Сицилии он добился немногого и, вернувшись в Спарту, умер раньше своего отца. Его своевольное поведение показало, что он является спартанцем

СПАРТАНЦЫ

старой школы. Однако его сын Арей, сменивший своего деда на престоле Агиадов, сумел полностью изменить традицию.

Около 300 г. преемником своего отца Эвдамида I на троне Эврипontiдов стал Архидам IV. При нем Спарта впервые через несколько лет после главного раздела военной добычи, последовавшей за битвой при Ипсе, была втянута в войны претендентов. В 294 г. Деметрий Полиоркет, сын Кассандра, вторгся в Пелопоннес, рассматривая это вторжение как контрудар в состязании, где призом должен стать трон Македонии, которого его лишило поражение при Ипсе. При Мантинее его встретил Архидам IV, не только быстро проигравший битву, но и лишившийся жизни, как и около 700 других солдат, включая сограждан-спартанцев. Деметрий продвинулся на юг к Спарте и, несомненно, захватил бы ее и нанес ей урон, если бы его не отвлекли более срочные дела на севере Греции. Начиная с 370 г. в Лаконию вторгались четыре раза, но примечательно, что Спарта все еще оставалась не завоеванной иностранными захватчиками. Только через десятилетие, в 281 г., Арей впервые вышел на международную арену, действительно правя наконец как царь. Можно сказать, что при нем Спарта полностью вошла в эллинский период греческой истории. Это был период не столько слияния греческих и восточных обычаев и традиций, сколько время культурного сближения и пригонки, так как греки и уроженцы Востока смешивались друг с другом и что-то заимствовали друг у друга, при этом не уничтожая и не трансформируя полностью собственную культуру.

АРЕЙ I

В 309 г. Арей I, сын покойного Акротата, сменил на престоле Агиадов своего деда-долгожителя Клеомена II, хотя сначала, поскольку он был еще несовершеннолетним, власть сохранял его дядя регент Клеоним. Вскоре, однако, Клеоним вслед за своим братом и с таким же незначительным успехом предпочел в качестве наемника отправиться на юг Италии. Но Арей обладал другим типом мышления, нежели его непосредственные предшественники. Его взгляды соответствовали новому стилю эллинского монарха.

В 307 г. главные конкуренты за наследие Александра объявили себя царями — каждый своей территории. Арей взял их в качестве

примера, и вскоре после того, как достиг совершеннолетия и принял на себя обязанности царя на троне Агиадов, он, пользуясь образцами Александра Великого, выпустил первые спартанские серебряные монеты с собственным изображением и надписью, смело выгравированной на них. Но назвать себя единственным «царем спартанцев», так как династии Эврипontiдов больше не существовало, было серьезным нарушением традиции Ликурга. Однако нарушил он ее не только в этом. Где-то в 70-х гг. III в. его дядя и прежний регент Клеоним заключил междинастический брак с наследницей Эврипontiдов. Но Арей проявил себя адекватно ситуации, и опасная связь, которая развивалась между его сыном Акротатом (будущем царем на престоле Агиадов) и супругой Клеонима из рода Эврипontiдов, очевидно, во многом была обязана его коварной дипломатии.

Это дипломатическое искусство было еще более очевидно в крупномасштабных междинастических эллинских распрях. В начале III в. он, по-видимому, получил письмо от Первосвященника из Иерусалима, взывавшего к общим спартанским и еврейским прародителям, с просьбой обеспечить спартанскую помощь против царя Селевкидов Антиоха. В 280 г. после создания Пелопоннесской коалиции против македонского сюзерена греков он вторгся в Этолию. В конце 70-х гг. III в., переметнувшись на другую сторону, он получил временное вливание в виде поддержки наемников от македонского царя Антигона II Гоната, который помог ему успешно отбить атаку на Спарту со стороны Пирра, царя Эпира. Вскоре после этого он заключил союз с Птолемеем II Филаделфом Египетским, что позволило ему задумать вторжение через Коринфский перешеек как часть спартанско-афинско-птолемеевой оси в так называемой Хремонидской войне 267—262 гг. Но именно в его правление эта знаменитая «Ликургова» власть начала серьезно слабеть, и в 265 г. ему не удалось пробить брешь в блокаде, навязанной македонским гарнизоном, занимающим Акрокоринф, вблизи которого он и погиб.

Первоначальной миссией Аррея было освобождение Дельф от власти Этолийского союза. Эта цель, бесспорно, была вызвана в той же степени стремлением Аррея к личной власти, сколько и благочестием, хотя традиционное отношение Спарты к Дельфам, ви-

димо, было достаточно искренним. Во всяком случае, хотя поражение Арея в военном отношении обошлось дорого, оно отнюдь не было абсолютно бесславленным, не в последнюю очередь потому, что ему удалось убедить Мегару, Беотию, некоторые города Аргolidy, четыре города в Ахейе на севере Пелопоннеса (которые составили ядро Ахейского союза, образованного в 280 г.) присоединиться к общему делу. Получив отпор, в 70-х гг. III в. Арей прибегнул к теперь хорошо знакомой спартамцам царской уловке, завербовав наемников с Крита. Но в 272 г. его поспешно отозвали с Крита, чтобы оказать сопротивление другому вторжению в Лаконию и нападению на Спарту, на этот раз со стороны Пирра, царя Эпира. Со своей собственной двухтысячной армией наемников, усиленной наемниками, присланными на помощь из Коринфа Антигоном Гонатом Македонским, Арей смог снять осаду. Важный вклад был также сделан, как утверждают, несколькими исключительно храбрыми спартанскими аристократками, включая вдову Эвдамида I. Это предвосхищает ту несомненно центральную роль, которую стали играть некоторые спартанские женщины в истории Спарты в течение третьей четверти третьего столетия.

Заявка Арея на место в первой шеренге эллинского мира провалилась во время войны начала 60 гг. III в., которую, согласно одному из ее главных афинских участников, мы знаем как Хремонидскую. Несмотря на то что Арей добился своего рода объединения с действительно крупным эллинским игроком Птолемеем II Египетским, сам он был убит около Коринфа. Дела Спарты теперь шли хуже, чем когда бы то ни было, хуже даже, чем в следующее десятилетие после поражения при Левктрах в 60-х гг. IV в. Потому что не только желанные территории за границей оказались гораздо менее доступными, чем реальная возможность их захватить, но и на своей родине в основе освященных временем «Ликурговых» законов лежал подводный камень вопиющего и всевозрастающего неравенства среди якобы равных спартиатов, от которых к этому времени осталось всего 700 человек. Далее последовал выход на сцену двух царей-реформаторов, по одному от каждого из царских домов, чья слава в немалой степени была обязана тому факту, что их отобрал для составления полного биографического очерка самый выдающийся биограф древнего мира Плутарх из Беотийской Херонеи, который жил и работал на рубеже I в. н.э.

Когда Плутарх приступил к своим *Сравнительным жизнеописаниям* великих греков и римлян, он едва ли мог предвидеть славу братьев Гракхов, Тиберия и Гая. Оба они занимали должность народных трибунов (соответственно в 133-м, и в 123—122 гг.). Они оба были убиты во время ожесточенной борьбы, наказанные за попытку ввести необходимые реформы в систему управления Римской республикой, которой все еще руководил глубоко консервативный и в значительной степени сплоченный Сенат. С кем из греков мог сравнить Плутарх эти яркие жизни и даже еще более яркие смерти Гракхов? Идеально, с двумя братьями, но если не удастся, в любом случае в каком-то смысле с какой-то парой. Его слегка неуклюжим выбором были спартанские цари Агис IV и Клеомен III. Этот выбор объясняет, почему в настоящей книге нет отдельных биографий этих двух замечательных царей. Их жизненные истории одновременно являются историей самой Спарты третьей четверти III в. до н.э.

Любая параллель между Агисом и Клеоменом с одной стороны и братьями Гракхами с другой в лучшем случае неточная и далеко не полная. Для начала Агис и Клеомен не были братьями, но их, по меньшей мере, связала смерть: Клеомен женился на вдове Агиса Агиаде. Не были Агис и Клеомен и официальными представителями народа Спарты, подобно Тиберию и Гаю Гракхам, которых римский плебс избрал трибунами по списку реформистов. Они были потомственными царями, наследниками престола царских родов Эврипонтидов и Агиадов, правящих соответственно около 244—241 и 235—222 гг. Однако между двумя спартанскими царями и двумя римскими республиканскими трибунами действительно было нечто общее, и Плутарх, разумеется, не был первым, кто это увидел. Оба спартанца также были убиты в ходе ожесточенной гражданской борьбы, и оба открыто поддерживали радикальную, если не революционную, социальную программу, которую они пытались осуществить, манипулируя своей должностной властью.

Итак, почему Агис IV и Клеомен III жили и умерли таким образом? Конечно, недостаточно просто опереться на совместное *Жизнеописание* Плутарха, чтобы получить возможные ответы на этот сложный вопрос. Во-первых, мы должны выяснить характер, и особенно надежность, источников, отобранных Плутархом. Его излюбленным источником был писатель и историк Филарх из

Афин, живший в третьем веке. Но насколько надежно описание Филарха? Если верить его самому суровому критику Полибию, великому аркадскому историку расцвета Рима, то мы должны ответить — совсем нет. Имя Филарха фактически было выбрано Полибием как образец того, как не надо описывать настоящую историю. Что, по-видимому, огорчало Полибия больше всего, так это стиль Филарха, потому что тот ошибался в категориях, путая прагматическую историографию с вымышленным, эмоциональным литературным жанром трагедии.

Но между ними были также серьезные идеологическое разногласия, и с Полибием нельзя снять обвинение в пристрастности. Он родился в Мегалополе около 200 г. в элитарной аристократической среде, которая господствовала в Ахейском союзе в конце III и начале II столетия. В том, что касалось описания истории, он откровенно придерживался патриотических взглядов, подкрепленных пристрастным отношением к своей собственной стране или городу. Что же касается Клеомена III Спартанского, то он был непреклонным и значительное время очень удачливым врагом Ахейского союза и фактически разграбил и варварски обошелся с Мегалополисом. Полибий как раз за поколение до рождения историка. Полибий поэтому не мог принять в целом очень благоприятный образ Клеомена, который он нашел в работе Филарха, и фактически считал, что должен опровергнуть его.

Где же истина? Выбор Плутарха последовать за интерпретацией Филарха, так же как и факты, к сожалению, не решают проблему, так как он был скорее биографом морализаторского типа, чем лучшим образцом историка. Поэтому самое большее, на что мы можем претендовать в нашей собственной оценке, так это чтобы она не противоречила фактам, которые Филарх, Полибий и Плутарх сохраняют относительно неприкрашенными, и чтобы наша интерпретация этих фактов, по крайней мере, убедительно передала суть одного из самых интригующих, а также важных эпизодов спартанской истории.

Одна из причин, по которой следующий эпизод производит столь большое впечатление, заключается в том, что это один из очень редких случаев в древнегреческой (или римской) истории, когда мы можем сказать наверняка, что роль женщин оказалась не только заметной, но и решающей. Аристотель в своей *Политике* писал:

Во время спартанской гегемонии [archê] многое находилось у них в ведении женщины.

Это, вероятно, особенно относилось к периоду между 404 и 371 гг. Тем не менее между 244 и 221 г. это довольно противоречивое утверждение приобрело смысл и его подтверждение. Я уже упоминал, что Клеомен III женился на вдове Агиса IV Агиаде. Более того, Плутарх сообщает нам, что именно Агиада, горя жадой мщения за убийство мужа и не менее чем он заинтересованная в том, чтобы довести до конца программу реформ, за которые в первую очередь он и был убит, превратила своего второго мужа Клеомена в реформиста. Кроме того, существовали также мать и бабушка Агиса — Агесистрата и Архидамия, которых Плутарх уверенно называет «богатейшими среди всех спартанцев» (включая как мужчин, так и женщин) и которые также определенно поддерживали Агиса. И последнее, но не менее важное обстоятельство: вызывающая восхищение Кратесиклея, мать Клеомена, раньше своего сына отправилась как заложница в изгнание ко двору Птолемея III и также была убита в ходе кровавой фракционной борьбы.

Гражданские раздоры, фракционная борьба или гражданская война обозначались греческим словом *stasis* (в современном греческом языке оно означает «автобусная остановка»...). Так как *stasis* мог иногда угрожать самому существованию греческого *полиса*, Аристотель сделал главной темой Пятой книги своей *Политики* его предупреждение или ликвидацию.

Но, как может показаться, задача была безуспешной или почти безуспешной: во всяком случае, *stasis* продолжал терзать греческий мир в III в. так же, как в V и IV вв. Однако одно очевидное новшество состояло в том, что Спарту, известную в предшествующую эпоху своей *eunomia* (организованным, надежным руководством) и социальной стабильностью, *stasis* теперь беспокоил так же, как и любой другой греческий город. Корни этой ситуации здесь, как и всегда, кроются в крайнем и всевозрастающем неравенстве в распределении и владении земельной собственностью.

Спарта когда-то гордилась совершенно противоположным. Она хвасталась политическим равенством среди *homoioi* или «подобных», что, по-видимому, основывалось на фундаментальном экономическом равенстве среди граждан, которое, очевидно, восходит к предполагаемому законодательству Ликурга, включавше-

му якобы равное распределение земли в Лаконии и Мессении. На самом деле спартанская земля распределялась совсем не на равных основаниях, и подобного не было никогда. Так же как и в других греческих городах, всегда существовали богатые спартанцы и бедные спартанцы. Острое и все более заметное различие между Спартой и другими греческими городами состояло в следующем: если спартанец становился слишком нищим, чтобы вносить установленный законом минимум натурального продукта в общую трапезу (*suskanion*, *sussition*), он лишался статуса *homoios* и становился членом более низкого класса граждан гипомейонов («младших»). Это автоматическое понижение в свою очередь все более и более ослабляло боеспособность личного состава армии, которая гарантировала статус Спарты как великой державы внутри и вовне Греции вплоть до битвы при Левктрах в 371 г.

Как бы именно ни действовал механизм концентрации земли в Спарте (современные исследователи разделились по этому вопросу, так же как и древние источники), но этот фактор, вероятно, стал главной причиной увеличения нехватки живой силы (*oliganthrôpia*), вследствие чего между 400 и 250 гг. количество граждан снизилось с 3000 до всего лишь 700, из которых только 100 владели существенной долей земельной собственности. И эта ужасная ситуация заставила Агиса IV заняться ее исправлением, и он сделал это, провозгласив объединяющие, освященные временем лозунги угнетенного крестьянства — аннулирование долгов и перераспределение земли. Это само по себе парадоксальным образом было знаком усилившейся спартанской «нормализации». В ее социальных и экономических условиях оставалось все меньше и меньше специфического, даже если по общегреческим стандартам она и оставалась очень необычной в политическом отношении.

Кроме горсточки богатых людей, которые были или родственниками Агиса, или как-то связаны с ним, в целом богатые спартанцы предсказуемо объединились, чтобы оказать сопротивление его реформам, и обычным спартанским образом обратились к соправителю Агиса царю Леониду II из рода Агиадов (правившего приблизительно в 254—235 гг.) с просьбой защитить их интересы. Поначалу Агис был равным соперником. Леонид был выслан, долги в самом деле аннулированы, и письменные закладные документы (известные как *klaria* от *klaros*, что означает участок земли) символически и публично сожжены. Но это был самый большой

успех Агиса. Прежде чем он смог серьезно обратиться к запланированному перераспределению земли, ему пришлось пережить унижительное поражение за границей на Коринфском перешейке, и по возвращении в Спарту он вместе с близкими родственниками был убит своими врагами.

Дело реформ, необходимое прагматически и столь же оправданное с точки зрения этических норм, пришлось отложить на пятнадцать лет. Несколько неожиданно оно было продолжено сыном Леонида Клеоменом, который наследовал своему отцу на троне Агиадов в 235 г. В отличие от Агиса, Клеомен сознавал, что внешняя политика имеет такое же значение, как и внутренняя, и проложил путь для внутренней реформы с помощью серии замечательных военных успехов, самым заметным из которых была победа над Аратом из Сикиона и Ахейским союзом, который тот возглавлял. Разграбление Мегалополя (в 223 г.), о котором упоминалось выше, стало кульминацией его успешного предприятия, что на время создало впечатление, будто Клеомен сможет вернуть Спарту к положению международного господства, которое государство занимало до 371 г.

Однако Клеомен был не просто ловким военным руководителем. Он был также высоко эффективным внутренним реформатором, даже, возможно, социальным революционером. Агис, насколько мы можем судить, просто предложил радикальное перераспределение земли. Как свою конечную цель он указал цифры 4500 земельных участков для спартанцев и 15 000 для перизков, но он мало или совсем не продвинулся к ней. Как бы то ни было, Клеомен, начав в 227 г., фактически довел земельное перераспределение в Лаконии приблизительно до этого уровня. Более того, он включил в эту схему не только бедных спартанцев, но и бедных перизков. Кроме того, он освободил около 6000 остающихся лаконских илотов в обмен на денежную плату за освобождение. Тот факт, что у них были деньги для внесения платы, сам по себе интересен как еще один знак изменившегося характера спартанской экономики. Эти бывшие илоты, по-видимому, таким образом стали собственниками земли, на которой раньше работали по принуждению. Они также стали полноправными гражданами, а не просто неодамодами, как илоты, освобожденные спартанцами в военных целях между 20-ми гг. V в. и 70-ми IV в. Также в эту программу Клеомена вошло большое число его наемных солдат. Эти меро-

приятия стали главной частью военных реформ Клеомена — таким способом он пытался довести разлагающуюся и устаревшую спартанскую армию до уровня лучших эллинских стандартов, установленных Антигоном Македонским и Птолемеем Египетским.

Ради абсолютной уверенности, что политические враги не смогут воспрепятствовать реформам или ликвидировать их, он первым уничтожил противников, а затем взял в свои руки решающее руководство политическими институтами и структурами, которые могли бы быть использованы, чтобы помешать ему. Эфоры были убиты, монархия с двойным правлением успешно упразднена, когда он возвел своего брата Эвклида на трон Эврипонтидов, а Герусию седой древности (упоминаемую в Большой ретре) обошли и снизили ее значение, создав учреждение *Patronomos*. Реформы Клеомена не ограничивались экономической и политической сферами. Он также взялся за крупную социальную реформу, стремясь вернуть Агогэ — предполагаемую «Ликурову» систему полного и единого народного образования для всех будущих граждан мужского пола, а также восстановить общие трапезы и постоянные тренировки для взрослых воинов-граждан. С этой точки зрения можно задать вопрос, был ли Клеомен просто реформатором или также и социальным революционером и, возможно, идеологически или даже философски мотивированным революционером.

Сфер из Борисфена на Черном море сообщал, что он посетил Спарту, когда Клеомен был у власти и проводил свои реформы. Сфер был известным философом-стоиком с необычным прагматическим стремлением изменить тот мир, каким он был, и осуществить идеи стоиков на практике. Возможно, это соответствует действительности. Если философские идеи настолько определяли и воодушевляли действия Клеомена, то, несомненно, это очевидное свидетельство крупных культурных перемен, которым подверглась Спарта, начиная с ее лучших дней, например, правления царя Агесилая II (около 445—360). Но эту связь, к сожалению, нельзя доказать. В любом случае реформы оказались скоропортящимся продуктом. В 222 г. Клеомен потерпел решающее поражение от Антигона III Македонского в Селассии к северу от Спарты. Его реформы были упразднены и полностью изменены. Сам Клеомен через три года нашел свою не слишком славную смерть в изгнании в столице Птолемея Александрии. Это положило конец за-

мечательному и, возможно, неповторимому политическому и социальному эксперименту.

Затем дела в Спарте опять пошли плохо. Пара личностей, в первых, Ликург (значимое имя!) и затем Маханид поднялись над толпой и ненадолго проявили себя в политической и военной роли, за что из недружественных источников получили прозвище «тиранов». Но только после катастрофического и дорогостоящего (по-видимому, 4000 погибших спартанцев) поражения Маханида в битве при Мантинее в 207 г. через 12 лет после смерти Клеомена Спарта вновь пережила возрождение под властью другого «тирана». В течение следующих пятнадцати лет судьба Спарты связана с именем Набиса, сыном Демарата.

НАБИС

Набис, вероятно, скорее семитское, а не индоевропейское (греческое) имя, и, по-видимому, он был просто выскочкой и узурпатором, несмотря на основанные на имени отца утверждения, что по прямой линии он является потомком свергнутого царя Демарата из рода Эврипontiдов, около 490 г. отправленного в изгнание. Он родился приблизительно между 250 и 245 гг. В 207 г. захватил теперь уже единственный трон после подозрительно своевременной смерти своего царского подопечного по имени Пелоп. В стиле древнегреческих тиранов он создал личную гвардию из наемников и, кроме того, пригласил на помощь нескольких критских пиратов. Получив власть, он не стремился избегать ассоциаций с царской семьей. Напротив, он жил во дворце. Такую постройку Южная Греция увидела впервые со времен Микенской эпохи Поздней бронзы. Он держал конюшню парадных лошадей и, разумеется, именовался «царем» на монетах, официальных печатях и других именных документах.

Утверждалось, что Набис пытал, а затем сослал своих спартанских оппонентов и заставил их жен выйти замуж за бывших илотов, которых освободил и сделал спартанскими гражданами. Его собственная жена была чужеземкой, гречанкой из Аргоса по имени Апия, такие династические браки были рядовым явлением среди эллинских правителей. Но впервые спартанский правитель безнаказанно устроил свой брак за пределами Спарты. Его пред-

шественник Леонид II в 244 г. был временно изгнан именно по той причине, что женился не на спартанке.

В течение пятнадцати лет Набис ухитрялся оставаться у власти, но в 192 г. он был убит во время переворота, осуществленного Этолийским союзом — главным греческим соперником Ахейского союза. Источники, которыми мы располагаем, одинаково недоброжелательны к нему, поэтому трудно оценить утверждение, что он стремился преобразить государство в собственных диктаторских интересах, возродив вариант радикальных реформ Клеомена III, свергнутого во время переворота в 222 г. Возможно, будет несколько более точным сказать, что он привел в движение необходимую модернизацию Спарты, которая, в конце концов, должна была вывести ее из ограниченной и узкой тени Ликурга на свет более космополитичного позднего эллинского греческого мира.

Тогда как Клеомен III освободил 6000 илотов только в качестве отчаянного военного маневра, возможно, не имея в виду долгосрочное социальное значение этого акта для окончания эпохи существования илотов, для Набиса освобождение илотов было политической линией, частью программы экономической модернизации. Он поощрял более гибкую, ориентированную на рынок политику, поддерживал деятельность ремесленников и торговцев, так что к концу его правления Спарту впервые действительно можно назвать экономически зависимой от внешнего мира. Однако в международных делах его успехи были неоднозначными, и, в конце концов, в 195 г., когда он был вынужден уступить контроль не только за Аргосом, но также и лаконскими портами периэков, Рим в лице Тита Квинкция Фламинина положил конец всяким притязаниям на независимость. Попытка отвоевать ее в 193 г. была подавлена Фламинином с помощью Филопимена, полководца Ахейского союза, а в следующем году сам Набис был убит.

Наиболее заметное наследие Набиса — городская стена в Спарте, которая была наконец завершена не позднее 188 г., хотя идея, вероятно, задумывалась или, по крайней мере, решительно продвигалась при режиме Набиса. В старые добрые времена классической эпохи сама идея создания защитного пояса вокруг Спарты была отвергнута с презрением как немужественная, хотя против ее строительства звучали также и практические доводы, так

как, с одной стороны, Спарта уже имела адекватную защиту благодаря человеческому фактору и окружающей среде, а с другой стороны, из-за физического отделения Амикл — пятого селения, входящего в состав Спарты. Теперь на рубеже третьего и второго столетия Спарта, отчаянно нуждавшаяся в защите городской стены, имела возможность построить ее и, кроме того, такой правитель как Набис на сооружении чрезвычайно протяженной и мощной крепостной стены мог нажить политический капитал. Во всяком случае, новая городская стена Спарты составила приблизительно 48 стадий (около 9,6 км) в окружности, она была построена на каменной основе из кирпича, покрытого плиткой, с наблюдательными башнями, размещенными через равные интервалы. Около 200 г., в то же самое время, когда строилась стена, Киносурa («Собачий хвост»), одно из четырех основных селений Спарты, публично выразила благодарность официальному уполномоченному по водоснабжению — это был еще один знак урбанизации Спарты и повысившегося внимания к городской безопасности.

Решительное вмешательство Рима, какова бы ни была его точная мотивация, преимущественно способствовало немедленной выгоде Ахейского союза, который со времени его создания в 280 г. превратился в одно из двух самых могущественных объединений греческих городов, вторым был Этолийский союз.

Спарта и Ахея были врагами со времен Клеомена III, и, руководствуясь привычным принципом: враг моего врага — мой друг, Спарта и Этолия стали союзниками. Однако по иронии судьбы именно Этолия субсидировала расправу с Набисом в 192 г., потому что боялась его ненадежности. Но и Спарта, и Этолия были только игрушками в руках Ахеи, которая в 192 г. с помощью Филопимена насильно включила Спарту в Ахейский союз. Это было унижение и шок невероятного для Спарты масштаба. Когда-то, и не так уж давно, все еще оставаясь силой, с которой надо было считаться, по крайней мере в пелопоннесской политике, Спарта теперь оказалась в одинаковом положении с самым незаметным членом Ахейского союза. Ее независимость, высоко ценимая составляющая свободы, столь дорогой сердцу греков, подошла к концу. Через четыре года в 188 г. Филопимен завершил унижение с помощью радикальной внутренней реформы в полном противоречии с сущностью реформ, проведенных Агисом, Клеоменом и до некоторой степени Набисом. Он ликвидировал законодатель-

ство Ликурга, что бы оно теперь ни означало, и, в известном смысле последовательно, разрушил спартанскую антиликурговую новую городскую стену.

В Спарте теперь в определенном смысле было два хозяина — Ахейя и Рим. В следующем десятилетии происходило бесконечное дипломатическое маневрирование между Южной Грецией и Римом, так как различные группы спартанских изгнанников вопреки жесткой ахейской оппозиции пытались убедить римский Сенат вернуть их и восстановить некоторое подобие ликурговой Спарты (но включая и городскую стену). В конце концов, около 180—179 гг., проблема изгнания была решена, городская стена вновь отстроена, но возрождение предполагаемой ликурговой Спарты в любом виде должно было подождать намного дольше, по крайней мере, до широкой римской колонизации Южной Греции в 146 г. Между тем зимой 168/67 гг. произошло наиболее значительное событие. Выдающийся римский полководец Л. Эмилий Павел летом 168 г. нанес поражение царю Македонии Филиппу V в битве при Пидне. Следующей зимой он значительно продвинулся в глубь Греции, частично с целью того, что мы могли бы назвать культурным туризмом. Важнейшей остановкой на своем пути он назвал Спарту, потому что, как он сообщил, хотел отдать дань уважения унаследованному от предков спартанскому образу жизни. Но в действительности от особого стиля одежды и мужской прически осталось немного. Однако возможно, что именно визит Павла стал ключевым стимулом для последующих решительных усилий спартанцев по превращению города в своего рода тематический парк, музей их когда-то славного прошлого для привлечения культурных туристов, подобных Павлу, и для того чтобы утвердиться под эллинским солнцем на культурной, а не на военной и политической почве.

Спарта, как это воспринималось, страдала из-за своей зависимости от Ахейи. Ахейя, со своей стороны, страдала из-за римского наказания за то, что встала на сторону Филиппа Македонского в войне с Римом. Это повлекло насильственную передачу Риму и Италии 1000 известных ахейцев в качестве заложников, среди которых был и Полибий. Именно проблема спартанской независимости от Ахейи вновь ввергла Ахейю в конфликт со Спартой и в связи с этим в конфликт с Римом и привела к ее окончательному поражению в период между 152 и 146 гг., который Полибий (нако-

нец вернувшийся на родину в 150 г. и с этого времени ставший сторонником Рима) презрительно назвал временем «неразберихи и беспорядка». В 148 г. Спарта, теперь под крепким руководством Меналкида (подходяще названного словосочетанием греческих слов «могущество» и «сила»), в итоге вышла из Ахейского союза, оставив его в стороне, когда ахейцы, в свою очередь, устроили восстание против Рима, которое с римской точки зрения называлось Ахейской войной.

Эта война завершилась в 146 г. решительной победой Л. Мумия и страшными репрессиями против мятежников. Спарта, напротив, вышла из конфликта довольно удачно. Независимость от теперь несуществующего Ахейского союза была, разумеется, заменена подчинением Риму, общему сюзерену Греции, но в городе сохранилась нетронутой отстроенная стена и, вероятно, теперь была завершена ограниченная реставрация «ликурговых» институтов. Это касалось прежде всего системы Агогэ, и большинство сохранившихся свидетельств, особенно надписи из святилища Орфии на Эвроте, относятся к Агогэ периода после 146 г. Тем не менее Спарта теперь превратилась в подобный всем остальным город-государство, более или менее ограниченный в своих непосредственных пределах на Спартанской равнине, так как, конечно же, была лишена последних из периеков, возможно, за исключением района Белминатис в верховьях долины Эвроты, и даже на Спартанской равнине, по-видимому, вскоре исчезли остатки ило-тов. Собственно, можно сказать, что здесь зародилась римская Спарта, и это была совершенно другая Спарта, совершенно иной город по сравнению с его эллинским, классическим и архаическим прошлым.

Сохранение древностей стало ведущей идеей новой Спарты, и вполне уместно город, никогда ранее не славившийся как центр письменной культуры, создал наконец собственных, взращенных на своей земле хранителей древности, чтобы запечатлеть процесс «окаменения». Контакт между Спартой и Римом усилился до такой степени, что Спарта построила специальную гостиницу для визитов римских чиновников. Больше ничего примечательного не произошло в общественной письменно зафиксированной истории Спарты между 146 и 88 гг., началом первой Римской войны против понтийского царя Митридата, в которую спартанцев втянули помимо их желания. Война, по-видимому, повлекла за собой мор-

ские рейды против Спарты через долину Эвроты и несколько раз заставила их обратиться к городской стене. Однако к началу 70-х гг. мир был в достаточной мере восстановлен для того, чтобы юный Цицерон, последовав примеру Эмилия Павла, совершил туристический визит в Спарту, хотя он прибыл скорее как ученик, а не завоеватель.

В 49 г. внутри Римской империи вспыхнула интенсивная гражданская война между соперничающими силами Помпея и Юлия Цезаря. Греки в целом относились к сфере влияния Помпея, и у спартанцев, как и других греков, не оставалось иного выбора, как уступить требованиям и предоставить солдат, когда Греция на короткий период стала главной ареной гражданской войны. Спартанская чеканка монет этого периода подтверждает, что царского правления в любой его форме в это время уже не существовало. Ничего не дает интересное, хотя и некорректное, сравнение Полибием государственного устройства Спарты и Римской республики, которое предполагает сходство между правлением двух спартанских царей и двух римских консулов. Но, как мы увидим, время монархии в Спарте отнюдь не прошло.

Помпей был убит в Египте в 48 г., и Цезарь получил единоличную власть над римским миром под именем Диктатора. Хотя в 44 г. он был убит, римский мир неуклонно стремился к монархической форме, что, в конце концов, и было успешно и надолго достигнуто приемным сыном и наследником Юлия Цезаря Октавианом, больше известным в истории под принятым им именем Августа. В 42 г., когда Октавиану было около 19 лет и когда Греция находилась под властью консервативного республиканца Марка Брута, спартанцы смело, если не сказать опрометчиво, объявили о своей поддержке Октавиана и его тогдашнего политического партнера Марка Антония (Marcus Antonius). Этот ход, а также предоставленное в 40 г. убежище будущей жене Октавиана Ливии — все это оказалось весьма расчетливыми и счастливыми шагами, так как Август сначала нанес поражение Антонию при Актии в 31 г., а затем в 27 г. сам утвердился в Риме как первый римский император. Как единственный город материковой Греции, поддержавший Октавиана, Спарта на некоторое время оказалась в центре внимания заново (в 27 г. до н.э.) созданной провинции Ахейи. В 21 г. Август дошел до того, что удостоил город своим собственным присутствием и отобедал с местными чиновниками.

Последний спартанский герой (если это правильный термин), украсивший нашу историю, это Гай Юлий Эврикл, имя которого уже само по себе говорит нам, что мы вошли в новую эпоху, мир, где господствовал Рим. Он обязан своим *потен* (родовым именем) Юлий тому, что ему было пожаловано римское гражданство в дар от самого знаменитого Юлия того времени — Гая Юлия Октавиана Цезаря Августа, иначе известного нам как Октавиан или Август. Отчасти в честь Эврикла Август совершил этот, упомянутый выше, визит в Спарту. Эврикл стоял тогда на вершине системы эвергетизма — политически поощряемой общественной благотворительности, на которую теперь опиралась Спарта, как и другие греческие города в своих повседневных и чрезвычайных расходах. Следовательно, в интересах Августа, так же как и Эврикла, было обеспечить Эврикла необходимыми средствами для его благотворительности. И, разумеется, он был хорошо обеспечен.

Страбон, греческий географ того времени из Малой Азии, говорит о должности Эврикла как о «председательстве» (*epistasia*) над спартанцами и называет его «лидером» или «командиром» (*hêgemôn*). Таким образом, вновь *de facto* в Спарте правил монарх, словно Спарта, по утверждению Геродота, подобно Египту, действительно не могла существовать без царей. Август, который сам *de facto* был монархом всего римского мира, должен был отнестись к этому с пониманием и симпатией. Естественно, Эврикл, как и Арей, выпускал монеты с извещением «(сделано) при Эврикле». И с огромным состоянием, которым он обладал, возможно, благодаря вмешательству Ливии, включая владение прибрежным островом Киферой, Эврикл очень щедро расходовал деньги. Среди возведенных им зданий выделялись перестроенный театр, второй по величине в Пелопоннесе (служивший не для постановки трагедий и комедий в афинском стиле, а для политических демонстраций), а также гимназия и акведук. Среди других его интересов большое значение имела официальная религия, фактически можно сказать, что он председательствовал на некоторых религиозных собраниях, включая жертвоприношения от имени Спарты — Елене и Диоскурам (Кастору и Поллуксу, братьям Елены, как мы видели в начале этой книги) в Спарте и Посейдону (официально Похойдану на местном диалекте) в Тенаре на юге Мани.

Такая приверженность религиозной старине должна была привлечь Августа, как на это, несомненно, и рассчитывали. Но

другие действия Эврикла не оказались столь привлекательными. Возможно, он перестарался, подтверждая власть Спарты над ранее освобожденными перизекскими городами на побережье Лаконии. Возможно, он проявил слишком большое дружелюбие по отношению к сыну Ливии и пасынку Августа Тиберию, когда тот в 6 г. до н.э. слишком очевидно потерял расположение своего отчима. Какова бы ни была причина, но Эврикл дважды предстал на суде перед Августом, его лишили «председательства» и отправили в изгнание. Он умер опороченным изгнанником ранее 2 г. до н.э., того года, когда Август завершил свое восхождение к автократической власти, получив от Сената титул «Отца Отечества» (*Pater Patriae*), иными словами, основателя наследственной династии.

Тем не менее, когда спустя пятнадцать лет в 14 г. н.э. завершилась долгая жизнь и правление Августа, наследники Эврикла стали заискивать перед новым императором Тиберием и восстановили себя в прежнем положении римских фаворитов и спартанских правителей. Сына Эврикла назвали «Лаконом» («Спартанцем»), а внука «Спартиатином» (латинская форма от греческого «спартиат»). Традиция, таким образом, вновь продолжала воссоздаваться во вполне спартанском духе.

10

НАСЛЕДИЕ: ЛЕОНИД ЖИВ!

В этой заключительной главе предлагается краткое обсуждение истории развития спартанского мифа, или легенды, от древности до настоящего времени, в которой Леонид служит связующим звеном. Он не стал настоящей легендой при жизни, но после смерти вокруг его руководства и героических подвигов моментально возникла легенда о Фермопилах. Конечно, легенда о нем самом не забывалась со времен древности, и даже, как я писал, вновь была исчерпывающе освещена Голливудом. Прежде чем мы взберемся на эту головокружительную высоту, следует сначала вернуться к тому немногому, что нам известно о его жизни, приведшей к кульминационному моменту его жертвенной смерти.

Мы знаем ряд спартанцев по имени Леонт (что значит «лев»). Это было совершенно обычное имя для воинственного общества,

близкого к дикой природе, аристократические семьи в котором, включая и два царских дома, претендовали на происхождение от Геракла, сразившего льва. Поэтому неудивительно, что имя Леонт использовалось как царское, но мы знаем только двух спартанцев, названных Леонидом (что означает «потомок льва»), оба они цари из царского рода Агиадов. Но из них гораздо более знаменит Леонид I, который и является нашим героем.

Он родился, вероятно, около 540 г., и сама история его рождения не менее интересна и важна. Потому что родился он у первой жены своего отца, но уже после того, как тот, будучи, очевидно, двоеженцем, обрел законнорожденного сына Клеомена от второй жены. Геродот писал, что двоеженство Анаксандрида было «совершенно неспартанским». Возможно, и так, но это не помешало Клеомену захватить трон после смерти отца примерно в 520 г. и стать действительно одним из самых могущественных и ярких спартанских правителей всех времен. После рождения Клеомена Анаксандрид наконец успешно зачал со своей первой женой сначала Дориея, а затем двух следующих сыновей — Леонида и Клеомброта.

Таким образом, Леонид был одним из четырех сыновей своего отца Анаксандрида — вторым, рожденным его первой женой, а в целом — третьим сыном. Если он действительно родился около 540 г., тогда по обычным спартанским законам он достиг брачного возраста самое позднее к 510 г., однако Леонид или женился на неизвестной женщине и затем овдовел, или развелся, или же предпочел вовсе не жениться вплоть до его единственного известного брака с Горго в конце 90-х гг. V в. Так как Горго была царевной из царского дома, *patrouchos* (наследницей) и в придачу его племянницей — дочерью сводного брата, и то, и другое дает основания предположить, что Леонид мог сознательно отложить свадьбу, как по династическим, так и экономическим соображениям, пока Горго не достигла 18—19 лет — обычного для спартанской молодой женщины брачного возраста.

Приблизительно в 490 или 489 г. его старший единокровный брат Клеомен I совершил своеобразную форму *харакири*, покончив таким образом и с жизнью, и с пребыванием на троне Агиадов. Прыгнул ли он сам со стены, или его толкнули, и если так, толкнул ли его Леонид? Подозрение в предполагаемом царевубийстве падает на Леонида, но доказать ничего нельзя и, возможно,

если бы были серьезные доказательства или даже подозрения в его виновности, спустя десять лет его не избрали бы на ведущую роль в Фермопилах.

От Горго у него был один сын Плистарх, поэтому ему поручили совершить поход вместе со специальной гвардией из 300 спартанцев, которых отобрали для его сопровождения в Фермопилы отчасти из-за того, что у всех них были живые сыновья. Однако, возможно, это была не единственная или даже не основная причина, по которой его, а не соправителя-царя из рода Эврипонтидов выбрали возглавить то, что официально считалось продвижением спартанского отряда в ущелье. Во всяком случае, его последующее поведение в качестве командира полностью оправдывает государственное решение. Подвиги Леонида не подвергаются сомнению. И примечательно, что и его слова им под стать. Особенно его два *bons mots* (крылатые слова — *φρ.*) свидетельствуют, что в лаконическом черном юморе он мог потягаться с лучшими образцами. Когда Ксеркс призвал его сдать оружие и признать могущество Персии, как говорят, он ответил всего двумя греческими словами (*malôn labe*) «приди и возьми». Своим солдатам в перерыве перед третьим и последним днем сопротивления в ущелье он, как сообщают, сказал что-то вроде «Завтрак ваш будет обильным, ибо уже обедать мы будем в Аиде». Это косвенный намек на то, что в Спарте у спартанцев была только одна обязательная трапеза в день — совместный вечерний прием пищи.

В третий и последний день битвы при Фермопилах был один момент гомерического накала, когда некоторые из немногих оставшихся спартиатов, сражаясь не на жизнь, а на смерть, пытались помешать персам захватить тело Леонида, как если бы они были гомеровскими греками в Трое, сражавшимися за мертвого Патрокла ради того, чтобы Ахилл смог достойно похоронить его. В конце концов, они, конечно, не смогли помешать персам сделать все, что те хотели с телом Леонида, и один упорный греческий рассказ свидетельствует, что персы искалечили его. Эпизод, изложенный Геродотом, еще усиливает эту историю: после греческой победы при Платеях в 479 г. одна горячая греческая голова предложила спартанскому главнокомандующему Павсанию в отместку искалечить тело Мардония. В ответ Павсаний холодно, резко и совершенно замечательно сказал, что это не греческий обычай.

Было ли в действительности искалечено тело Леонида или нет, но его останки или то, что ими считается, перенесли назад в Спарту для перезахоронения сорок лет спустя. А место его смерти вскоре после 480 г. было отмечено скульптурой каменного льва *leôn*, постоянно напоминающей о Леониде. Обычных спартанцев, погибших во время кампании за границей, хоронили на месте, а на родине отмечали мемориальными досками с выгравированной лаконичной информацией, сообщающей, что такой-то «погиб на войне». Что же касается царей, то возвращение их тел, при необходимости натертых воском или медом для захоронения в Спарте, очевидно, являлось обычной спартанской практикой. Это было невозможно в случае Леонида, и вместо тела для похорон приготовили его поддельное изображение. В качестве компенсации был устроен великолепный вариант исключительного похоронного обряда («более чем то, что приличествовало человеческому существу», по словам Ксенофонта), предусмотренного для всех царей, обряд, который хорошо информированному Геродоту казался скорее варварским, прежде всего скифским, чем типично греческим.

Насколько возможно восстановить события, к участию привлекли всадников, которые сначала проскакали вокруг обширной территории спартанского государства, вызывая плакальщиков из каждой семьи перизков и илотов, как мужчин, так и женщин. В самой Спарте общественные дела были временно прекращены и объявлен десятидневный национальный траур. Общественные долги были аннулированы, некоторые заключенные отпущены на свободу. Сама церемония прошла с большим шумом, вызванным (в виде исключительного разрешения) воплями плакальщиц, а также грохотом и ударами металлической посуды. На какое-то время социальная и политическая структура спартанского *полиса* оставалась в подвешенном состоянии, пока за «*Le roi est mort!*» [«Король умер!»] не последовало триумфальное «*Vive le roi!*» [«Да здравствует король!»]. Это произошло благодаря отсутствию случившихся очень часто дебатов по поводу преемственности власти. Перезахоронение Леонида в Спарте около 440 г. пришлось на деликатный период в международных отношениях, когда спартанские взгляды колебались между миротворчеством и воинственностью по отношению к Афинам во время «Мира 445 г.». Возможно, запоздалый похоронный обряд имел целью примирить внутрен-

ние спартанские фракции, обратив их внимание на то, что не вызвало споров, а напоминало о днях спартанской славы триумфального сопротивления Персии — роль, которая позже была узурпирована Афинами или передана им.

Все спартанские цари, как я твердо убежден, после смерти формально трактовались как герои: т.е. они удостаивались религиозного культа как герои — сверхчеловеческие, полубожественные существа. Однако в случае Леонида почитанию по понятным причинам придали исключительно высокое значение, в эллинскую эпоху спартанцы построили постоянный храм Леонидий и устраивали ежегодные праздники Леонидий в его честь. Этот праздник был восстановлен позже в правление римского императора Траяна (98—117 гг. н.э.), возможно, как раз тогда и потому, что Траян воевал против потомков древних персов и парфян и восстановление праздника финансировал благотворитель с роскошным греко-римским именем Г. Юлий Агесилай. В этот римский период праздник сопровождался ярмаркой, на которую спартанцы в полном противоречии с обычной для своих предков ксенофобией сознательно стремились привлечь странствующих торговцев, освободив их от обычных местных налогов на продажу и ввоз товаров. Существует даже упоминание о деятельности общественно контролируемого биржевого банка, то, что спартанцы времен Леонида не могли и предположить, не говоря уже о том, чтобы терпеть или поощрять.

В середине второго столетия нашей эры, когда Павсаний Перигет из Малой Азии прошел через Спарту, он обнаружил, что спартанцы активно отстаивают право города быть храмом памяти Греко-персидских войн, происходивших шесть или более веков назад. Мемориалу Леонида нашлось место наряду с могилой адмирала Эврибиада, мемориалами регента Павсания, погибших в Фермопилах и так называемым Персидским портиком на агоре. Павсания совершенно спокойно можно поместить в контекст общего движения культурного возрождения, известного под кратким названием Второй Софистики. Леонид для риториков и софистов того времени был явным героем греческого прошлого, достойным восхваления, даже если их похвалы были преувеличены и справедливо заслужили сатирические замечания со стороны блестяще остроумного Лукиана.

Со своей стороны Плутарх — еще одно украшение Второй Софиистики, не думал о том, чтобы высмеять Леонида. Напротив, он написал его биографию, хотя, к несчастью, она не дошла до нас. Вместо этого у нас есть апофтегмы, приписываемые Леониду в «Изречениях царей и командиров», якобы собранные Плутархом и более аутентичные высказывания Плутарха, которые он включил в пространные *Жизнеописания*, как, например, Ликурга и Клеомена III (правившего в 236—221 гг.). Приведем цитату из последнего:

Рассказывают, что, когда Леонида в древние времена попросили дать оценку Тиртея как поэта, он отвечал: «Прекрасный поэт, зажигающий сердца молодежи», на том основании, что его стихи наполняли молодых людей таким энтузиазмом, что в бою они переставали беспокоиться о своей жизни.

Таким образом, сочинение автора II в. н.э. с помощью замечания, которое приписывается царю V в. до н.э., возвращает читателя назад к спартанскому «национальному» поэту VII в. до н.э., охватывая 800-летний период традиции.

В следующем, III в. н.э. христианский апологет Ориген (около 185—253 гг.) в словесной перепалке с язычником Цельсом ссылается на языческого предшественника. Он, не колеблясь, полагает, что главное христианское таинство страстей и смерти господних можно проиллюстрировать сравнением со смертью Леонида, избранной им самим и не неизбежной. Спустя столетия, когда борьба между язычеством и христианством усилилась, Синесий Киренский с гордостью заявил о своем предполагаемом происхождении от спартанцев и, более определенно, о своей родословной, восходящей, как и у Леонида, к Эврисфену, одному из гипотетических основателей двух спартанских царских домов. Начитанность Синесия едва ли была древней спартанской чертой, но страстная преданность охоте в его дохристианский период вряд ли бы поразила своей странностью предполагаемых спартанских предков.

Такие родственные притязания, предъявленные целыми общинами, так же как и отдельными личностями, засвидетельствованы уже с V в., но они становятся весьма распространенными во всем греческом мире начиная с эллинистической эпохи (в послед-

ние три столетия до н.э.). Например, в начале III в. Первосвященник Иерусалима даже заявил о притязаниях на общее происхождение евреев и спартанцев от Авраама и Моисея. Такая похвальба, несомненно, больше связана с политической необходимостью того времени, чем с генеалогической точностью и аутентичностью. Что касается достоверности заявления Синесия, то Кирена действительно основана Ферой в VII в. до н.э., но убеждение, также засвидетельствованное Геродотом, будто сама Фера (современный Санторин) основана Спартой, выглядит несколько сомнительно. Непосредственная цель самого Синесия, возможно, оптимистическая и, конечно, отвечающая его собственным интересам, состояла в том, чтобы сопоставить свою борьбу против кочевников, опустошавших Киренаику, с борьбой Леонида, защищавшего Грецию от персидских захватчиков. Хотя Синесия никак нельзя оценить как последнего язычника (впоследствии он стал епископом и перешел в христианство), он озаменовал соответствующий момент исчезновения древнего мира.

Ренессанс был более западным, чем восточным и более римским, чем эллинистическим идейным и культурным явлением. Одним исключением из этого правила был Чириако ди Пицциколли, купец, более известный по месту рождения в Италии как Кириах из Анконы, человек, который навел мосты между Востоком и Западом. Ему мы обязаны подробными записками путешественника 1447 г., которые превзошли даже Павсания Перигета в его *recherches du temps perdu* [поисках утерянного времени]. Среди длинного списка спартанских воинов прошлого, чье отсутствие он оплакивает, приближаясь к Спарте через Мистру (тогда еще столицу деспотата Мореи, но вскоре перешедшей к Османской империи), разумеется, был и Леонид.

Переместившись из одного конца Европы к другому, в конце VI в. мы обнаружим шотландского гуманиста и историка Джорджа Бьюканана (в 1579 г.), восхваляющего Леонида наряду с Агесилаем II и другими как истинных царей по контрасту с монархами его времени, слишком погрязшими в роскоши. Однако ему противоречит Алджернон Блэквуд (в 1581 г.), сторонник конституционалистской точки зрения, считавший, что в Спарте цари просто пользовались именем и пустым титулом царя, а не сущностью царской власти. Почти точно в то же время Мишель де Монтень в

своем эссе «О каннибалах» (1580) сделал следующее замечание, и, возможно, это не самое очевидное место, в котором можно было бы ожидать его найти:

Бывают поражения, слава которых вызывает зависть у победителей. Четыре победы, эти четыре сестры, прекраснейшие из всех, какие когда-либо видело солнце, — при Саламине, Платеях, при Микале и в Сицилии [имеется в виду битва при Гимере, согласно преданию, случившаяся в тот же самый день, что Саламинское сражение] — не осмелились противопоставить всю свою славу, вместе взятую, славе поражения царя Леонида и его воинов в Фермопильском ущелье. [Перевод Т. Гнедич]

Соотечественник Монтеня Фенелон почти столетие спустя использовал образ Леонида, единственного спартанца, в своих *Dialogues des Morts* [«Диалогах мертвых»]. Идея и заглавие работы заимствованы в конечном итоге из Лукиана (который инсценировал воображаемые диалоги как, по существу, правдивые и исторически возможные, так и невероятные). Однако идея диалога между спартанским царем и Великим царем Персии Ксерксом отчасти заимствована у Геродота. Подобно Бьюканану, Фенелон описывает Леонида как истинного царя по контрасту с Ксерксом и рисует его в совершенно спартанских тонах:

Я использовал свою власть царя при условии, что жил трудной, трезвой и активной жизнью, точно такой же, которой жил мой народ. Я был царем, только чтобы защищать свою родину и обеспечивать законность. Мое царское достоинство давало мне власть творить добро и не давало мне права творить зло.

Ксеркс, увы, для Фенелона был просто «слишком могущественным и слишком везучим» царем, иначе он «был бы вполне уважаемым человеком».

Немногим позднее, в самом конце XVII в., подвиги Леонида, защищавшего свободу, были вкратце прославлены по ту сторону Ла-Манша на английской сцене. Автор изображает контраст между этими подвигами и достойной сожаления групповщиной регента Павсания в забытой английской пьесе, названной именем последнего, для которого Перселл написал соответствующую музыку

(1696 г.). Гораздо более удачным и заслуживающим известности было прославление Леонида Ричардом Гловером в его знаменитой поэме под названием «Леонид», впервые опубликованной в 1737 г. и ставшей кульминационной точкой в легенде о Леониде.

Леонид Гловера — патриот до мозга костей, пылкий приверженец свободы, сторонник сурового самоограничения, принципиальный противник склонных к роскоши персов, которые «изнемогают под абсолютной властью царя Ксеркса».

Эта обширная работа положила начало созданию современного мифа, который развился из литературной парадигмы Гловера во вдохновляющий призыв как «за», так и «против» революции. В рамках традиции викторианской публичной школы, введенной Томасом Арнольдом из Регби и продолженной в двадцатом столетии движением Курта Хана «Гордонстаун», он сформировал один из самых мощных векторов британской или английской политической и культурной идентичности. Легендарный классический образец идеалов восемнадцатого столетия приобрел центральное значение для классической традиции в целом. Это великолепная частная иллюстрация постоянно меняющегося восприятия классической древности, которая господствовала в столь многих отношениях в европейской культуре со времен Возрождения.

Однако культ Фермопил едва ли был особенностью Англии. Национальные войны конца XVIII в. и, кроме того, рост грекофильства подготовили путь к тому, что без преувеличения может быть названо «Веком Леонида» в Европе в начале XIX в. Самое блестящее проявление этого культурного явления — картина Жака-Луи Давида «*Леонид в Фермопилах*», впервые выставленная в 1814 г., над которой он работал много лет. Наполеон, очевидно, не знавший текст Монтеня о Фермопилах или не тронутый им, увидев картину, спросил, зачем Давиду надо было утруждать себя изображением проигравших. Большинство более поздних зрителей не разделяли мнение Наполеона и почти единодушно соглашались, что картина стоила посещения Лувра.

Передний план занимают воины в шлемах и обнаженные юноши в различных позах и положениях, в целом очень формально и симметрично скомпонованные и расположенные. За ними справа идет схватка между греками и персами под сопровождение трубачей, слева воины в шлемах и красных плащах в спартанском стиле поднимают венки в направлении воина, одетого сходным обра-

зом, который, очевидно, эфесом своего меча высекает надпись на камне (фактически слегка искаженный французский перевод части сентенции Симонида «Поведай, о путник, спартанцам...»). Спокойный центр картины и центральная фигура — это, конечно, Леонид. Он также изображен геройски обнаженным, за исключением плаща, который спускается с его левого плеча и под его телом, пары сандалий и шлема с причудливым плюмажем. Его щит подвешен на ремне через левое плечо, образуя что-то вроде спинки сиденья. В левой руке он держит копье, в правой руке сжимает меч, ножны которого провокационно закрывают его и одновременно обращают внимание на то, что популярные газеты сейчас называют мужским достоинством. Давид сам был гомосексуалистом, и не случайно, что взгляд зрителя прежде всего привлекает сексуальность Леонида, а затем выделяющиеся ягодицы прыгающего юноши с правой стороны картины. Давид считал эту работу своим шедевром, риторически вопрошая в конце своей жизни: «Я полагаю, вы знаете, что никто, кроме Давида, не мог написать Леонида?»

Однако, как бы это ни было великолепно, невозможно заслонить начало возрождения самими греками их прошлого и культурного наследия. Ранняя иллюстрация этого — «Патриотический гимн» явно вдохновленного «Марсельезой» Константина Ригаса (1798), который содержит волнующее обращение к духу Леонида. Байрон, наиболее известный из грекофилов, стремясь поддержать этот естественный порыв, также отозвался в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» 1812 г.:

Вставайте, Греции сыны!

...

*Доблестные тени вождей,
Созерцайте грядущую битву!
Элины прошлых веков,
Восстаньте к новой жизни!*

...

*О Спарта, Спарта, почему
Лежишь в дремотном сне?
Проснись, возобнови
Союз с Афинами!*

СПАРТАНЦЫ

*Вспомни Леонида,
Героя древних саг
Что спас тебя когда-то,
Ужасного, могучего!*

Примерно через четыре года Дж. М. Ганди, последователь архитектора классицизма сэра Джона Соуна, создал «Персидский Портик и место совещания лакедемонян», замечательную двухмерную «реконструкцию» единственного значительного спартанского архитектурного памятника V в. до н.э. Персидского стоа, или портика, построенного предположительно в 70-е гг. V в. Бесплезно добавлять, что воображение Ганди значительно превосходило практические и созидательные возможности древних спартацев, но любопытная особенность заключается в том, что основной темой для выплеска фантазии на английской архитектурной сцене в особенно мощный и плодотворный момент неоклассицизма послужила скудная в архитектурном отношении почва Древней Спарты.

Такая визуальная и вербальная риторика и греков, и иностранцев в итоге предвосхитила греческую войну за независимость 1821 г., давшую пищу для патриотической литературы, в которой Леонид никогда не оставался без внимания. Героическая и сознательно обдуманная смерть Маркоса Ботзариса вызвала у Байрона аналогии с Леонидом. Эта тема получила дальнейшее развитие в романтико-классической трагедии 1825 г. Мишеля Пиша *Léonidas*, кульминационный момент которой наступает, когда Леонид произносит яркое пророчество относительно роли воспоминаний о Спарте.

Гораздо более знамениты и памятны строки из *Дон Жуана* Байрона, из той песни, которую часто называют *Греческие острова*, где английский лорд надевает маску странствующего поэта, развлекающего греческих слушателей мечтой, «что Греция может быть свободна». Далее приводится отрывок, в котором особо упоминается Спарта и вклад Леонида в эту мечту:

*Но стыдно слезы проливать,
Где предки проливали кровь!
Земля! Верни, верни опять
Великой Спарты храбрецов!*

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

*С одною сотой прежних сил
Вернем мы славу Фермопил!*

Однако спустя уже утратившее иллюзии столетие прозвучал один из самых мощных голосов XX в. — предостерегающую поправку внес Константин Кавафи:

*Честь тем, кто в жизни
Чтит Фермопилы...
И даже больше чести им,
Когда они предвидят (как многие),
Что Эфиальт придет
И что мидяне в конце концов прорвутся.*

Тех же, кто не смакует мысль о прорыве мидян и кто не преследуют извращенных целей, для которых нацистская Германия приспособила Спарту и образ Спарты до и во время Второй мировой войны, больше привлечет прекрасный паросский мраморный торс обнаженного воина, выкопанный членами Британской школы в Афинах в районе театра под спартанским акрополем в 20-е гг. XX в. По понятным причинам он моментально, но, увы, ошибочно был назван «Леонидом». Ошибочно, потому что оригинал был частью группы, а не отдельно стоящим объектом, фигуры, вероятно, были прикреплены к основанию храма, и статуя представляла героя или бога, а не смертного человека. Даже потомок «полубожественного сына Зевса» Геракла, подобный Леониду, не удостоивался таких изображений. Кроме того, эта сохранившаяся скульптура датируется, скорее всего, временем до 480 г., хотя, как общепризнано, это субъективная точка зрения. И, наконец, в любом случае это вообще слишком рано для созданного где-либо в Греции того, что правильно называется скульптурным портретом, слишком рано даже для гораздо более индивидуалистичных Афин, не говоря уже о Спарте с ее общинным, корпоративным духом.

Тем не менее именно статуя «Леонид» образует основание современного скульптурного мемориала, воздвигнутого и в Спарте, и в самих Фермопилах. Возможно, не менее трогательна и показательна в этом отношении копия, установленная в Спарте Нового Света, штат Висконсин, в одном из сотен городов США с таким

СПАРТАНЦЫ

названием. Эта национальная статуя была американизирована всяческими способами, вплоть до некорректной буквы S, украшающей щит. На самом деле, древние спартанцы в боевом строю называли себя «лакедемоняне», а не «спартанцы», и поэтому их щиты были явно помечены греческой буквой «лямбда» (перевернутым V), а не сигмой.

Леонид остается героем самых массовых средств информации. В 60-х гг. XX в. его имя стояло на первом месте в афише яркого голливудского фильма под названием «*300 спартанцев*», и еще сегодня, думается, он заслуживает голливудской трактовки со звездами калибра или, во всяком случае, стоимости Джоржа Клуни и Брюса Уиллиса, которые, как говорят, имели шансы сыграть его в версии Фермопил, основанной на бестселлере Стивена Прессфилда «*Огненные врата*» (1998). Страницы на сайте с подходящим названием Amazon Web site, посвященные реакции читателей романа Прессфилда, — яркое отражение спартанского мифа в его позднейшем западном воплощении.

Леонид жив! И вместе с ним жива Спарта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОХОТА В СПАРТАНСКОМ СТИЛЕ

Сейчас больше людей, чем когда-либо, изучают античность — более или менее нелингвистические аспекты классической цивилизации или слушают курсы лекций по античности в университете. Больше людей, чем когда-либо, хотят изучать древние языки. Однако классика не включена, как само собой разумеющееся, в минимум национального плана обучения, предписанного нашим британским правительством для общеобразовательных государственных школ, и в результате все меньше и меньше любой из этих древних языков изучают в средней школе до поступления в университет. Поэтому ощущается постоянная необходимость в университетских преподавателях, таких как я сам, чтобы заинтересовать этим предметом, выполнить своего рода посольскую миссию, обеспечив связь между университетами и школами, а также между университетами и более широкой общественностью. Это то, что французы довольно элегантно и этимологично называют «*haute vulgarisation*» (вульгаризацией, упрощением), а мы, более прозаичные британцы, — популяризацией. Это, как я понимаю, не процесс упрощения, категорически нет, скорее процесс узнавания: сделать более доступными, более своими корни нашей западной цивилизации, или один из ее стержневых корней, напомнить людям сегодняшней культуры с трехминутным объемом внимания, насколько важно знать, откуда они происходят в культурном смысле.

Иначе говоря, это пример того, что великий немецкий исследователь античности Виламовиц называл «вливанием крови в призраки» античности. Однако здесь, продолжая игру слов, я хочу обсудить очень специфическое «кровопускание». Вообще говоря, как я полагаю, существуют две основные причины стремления

продолжать в наше время изучение древних греков. Во-первых, они так похожи на нас — настоящие предшественники во многих фундаментальных культурных отношениях. Во-вторых, по совершенно противоположной причине — они так непохожи на нас, и тоже в фундаментальном отношении. Например, их организованные общественные действия — это не наша относительно бескровная представительская демократия, а их театр и спортивные занятия возникли и продолжали существовать в определенном религиозном контексте. Обычно я предпочитаю обращать внимание на разницу между ними и нами по серьезным научным и историографическим причинам. И делаю это особенно, когда греков используют в качестве наших «предков», чтобы узаконить или дать благоприятное истолкование каким-нибудь современным и довольно спорным обычаям или времяпрепровождению. И вот здесь всплывает горячая в политическом отношении тема охоты. Так или иначе, аналогия Виламовица кажется особенно уместной при изучении древнегреческой и спартанской охоты.

В любопытной книге Дэвида Брука *Бобо в раю: новый vyšший класс и как они туда попадают* (2000) автор высказывается о 50-х гг. XX в. «Это было последнее великое время социально терпимого пьянства. Это было время, когда охота на лис и поло еще не ушли в прошлое». К сожалению, как я понимаю, в моей стране это время еще далеко не ушло в прошлое. В Шотландии запрещенная законом охота на лис с собаками все еще жива, как и, несмотря на угрозу суда, в ряде наших английских графств, где она строго ограничена или полностью запрещена в значительной степени по этическим соображениям. Если бы Зигфрид Сэсун, бывший студент моего собственного Кембриджского колледжа Клер прожил еще тридцать лет, он, конечно, был бы рад отметить цены на новейшее переиздание его слегка беллетризованных *«Воспоминаний охотника на лис»* (впервые опубликованных в 1928 г.). С другой стороны, я также уверен, что в недавнем замечательном напоминании об охоте на мифического калидонского вепря *«В шкуре вепря»* (2000) классически образованный романист Лоуренс Норфолк, по крайней мере отчасти, не упускает из виду нынешний политический срез наиболее благородных современных форм охоты, о которых напомнили *Воспоминания* Сэсуна.

В 1998 г. в атмосфере жестких общественных политических дебатов появился тоненький томик Роджера Скрутона *«Об охоте»*,

состоящий из 161 небольшой страницы. Этот отклик на пространственные сочинения Ксенофонта (IV в. до н.э.) и Арриана (II в. н.э.) под тем же названием, недавно изданные ученым Малькольмом Уилкоком в одном полезном томе, был неслучайным. Первое предложение в предисловии Скрутона звучит так:

Охота с собаками — это ремесло, которое требует одновременно выносливости и ловкости. Это было четко установлено уже в древности, и сочинение Ксенофонта на эту тему показывает нам, насколько похожа была техника, используемая охотниками в Древней Греции, на ту, что применяется в наши дни. Так же похоже отношение к собакам, любителям охоты и сельской местности, тем не менее непохожа была добыча...

Можно понять, почему Скрутон захотел вернуться назад к грекам, чтобы привлечь их культурный авторитет тогда, когда его любимый спорт и времяпрепровождение находились под угрозой государственного судебного разбирательства. И я в некотором смысле из-за возвращения в мир Древней Греции разделяю его ностальгию. Один из моих самых любимых отрывков в греческой литературе находится в 17-й книге «Одиссеи», где Одиссей в своей изодранной, нищенской одежде возвращается во дворец на Итаке после двадцатилетнего отсутствия и находит старую собаку, Аргуса, лежащего среди кучи навоза, шелудивого, покрытого клещами, заброшенного. Хозяин и собака узнали друг друга, несмотря на изменившуюся внешность, но усилия для старой собаки оказались слишком значительными, и, как удачно сказал Уолтер Шоуринг в своем прозаическом переводе: «Рок темной смерти опустился вдруг на него, когда на двадцатый год он вновь увидел Одиссея». Как отличалось положение Аргуса (во многих отношениях) двадцать лет назад! Тогда, как рассказал раб — свинопас Евмей, «никакая дичь ни в каком уголке густого леса укрыться от него не могла. Как уверенно выслеживал он добычу!» — добычу, которая состояла из диких коз, оленей и зайцев.

Однако только ли добыча, как отмечает Скрутон, отличает современную британскую охоту от древнегреческой? И даже если совпадают, по крайней мере, некоторые используемые технические приемы, действительно ли «похоже» отношение к охоте древних греков и современных британцев? В самом деле, возможно ли

или полезно говорить столь обще и мягко об отношении «древних греков» к охоте? В остальной части приложения я последовательно, со специальными ссылками на практику древних спартанцев рассмотрю три этих аспекта: добычу, социальные установки и особенности охотничьих групп.

Не требуется особо живого воображения, чтобы ощутить огромную разницу между «охотой», которая сейчас происходит с помощью ружей — в Северной Америке на оленей (как в кинофильме *«Охотник на оленей»*) или в средиземноморских странах на небольших мигрирующих птиц — и той охотой, о которой только и говорит Скрутон, т.е. охоты на лис с собаками и верхом на лошади. Подобным же образом, несмотря на заявление Скрутона о сходстве техники, охота на лис верхом на лошади в действительности очень сильно отличается от всех форм древнегреческой охоты, которая происходила пешком при непосредственном столкновении с добычей.

По правде говоря, в том, что касается техники и добычи, самая близкая прямая параллель между античной и современной охотой — это древняя охота на зайцев и то, что современные охотники называют «beagling» («вынюхиванием») по названию породы гончих собак бигль. Но вынюхивание не является гламурным современным «спортом» или времяпрепровождением, и трудно вообразить, что Скрутон столь же лирично защищал бы его, как он отстаивал, а скорее безапелляционно пропагандировал охоту на лис. Кроме того, по крайней мере, одна цель охоты на зайцев в большей части Древней Греции совершенно несравнима с нашими современными концепциями и практикой, хотя для древнегреческого образа мысли и поведения она была существенной. Потому что заяц был характерной формой подарка возлюбленного, более точно, одним из признаков педерастических взаимоотношений гомоэротизма, который большинство современных правовых систем по моральным причинам объявляют вне закона, рассматривая как жестокое обращение с детьми. Мы вернемся к эротическому аспекту древнегреческой охоты, когда более подробно рассмотрим ее социальные установки. Но, чтобы дополнить нашу тему добычи, разрешите закончить ее обсуждение рассмотрением двух других, просто огромных различий между древнегреческой и современной британской или американской практикой охоты: охотой на кабана и охотой на человека.

Скрутон сам упоминает охоту на дикого кабана, которой Ксенофонт посвятил главу своего сочинения. Но Скрутон не упомянул, несмотря на некоторые любительские попытки социологического и социоантропологического исследования современной охоты, что охота древних греков на дикого кабана, в отличие от современной британской охоты на лис, была мужским испытанием в самом буквальном смысле, очень подходящей проверкой *andreia* (мужества, зрелости), которые требовались от образцового гоплита на поле боя. Охота на кабана была также в символическом смысле обрядом посвящения и формально во всех городах, кроме Спарты, отличительным признаком социальной принадлежности к элите. Скрутон желает — слишком желает — подчеркнуть, что его охоту на лис, как он считает, отличает народный межклассовый характер. Лишь очень немногие греки имели лошадей и экипировку, чтобы охотиться на кабанов верхом, а те, кто имели их, использовали рабов в качестве загонщиков, ловцов, конюхов и других необходимых помощников, и это еще один факт, который Скрутон неискренне или наивно запутывает. Только в Спарте с ее богатыми ресурсами илотов и с ее настойчивым утверждением охоты как формы военной подготовки обычные граждане также должны были принимать участие в этом чрезвычайно опасном «времяпрепровождении». Но вызывает сомнение, что Скрутон хотел бы выделить Спарту в качестве прототипа своего охотничьего общества.

Упоминание о рабах выдвигает вопрос об охоте на людей. В рабовладельческом обществе, таком как классические Афины, характерной формой сопротивления рабов против порабощения был побег. Один засвидетельствованный наиболее яркий пример такого побега произошел в конце Афинской войны, когда, если верить Фукидиду, бежали «более чем дважды по 10 000 рабов», воспользовавшись тем, что спартанцы оккупировали часть принадлежавшей Афинам территории. Обычно рабы бежали в одиночку или вдвоем, маленькими группами. Но побеги рабов были столь регулярными и постоянными, что привели к появлению такого явления, как профессиональные ловцы рабов (*drapetagôgos*). Они и их собаки занимались тем, что, несомненно, могло быть очень доходным занятием. Иным, очень непохожим видом древнегреческого рабовладельческого общества была Спарта, и позже мы вернемся к вопросу об отличии между Спартой и Афинами в

другой связи. Сейчас же бросается в глаза то, что охота на людей была систематической частью повседневных отношений между спартамцами и их низшим классом (греческих) рабов — илотов. Другими словами, охота на илотов, выбраковка илотов не была признаком дисфункции системы, как побеги рабов в Афинах. Скорее это было «нормальным» событием, важной частью набора репрессивной техники, применявшейся спартамцами против илотов под узаконенной видимостью ежегодного объявления войны против них. Таким образом, в Спарте охота и война были фактически неразрывно связанной деятельностью, с особыми спартамскими отклонениями.

От различий в жертвах охоты как между древним и современным обществами, так и внутри самой Древней Греции, что имело довольно тревожные последствия для различий в социальной структуре, я теперь перейду к основным различиям в метафорических аспектах охоты. Вполне привычно, что охотничья терминология вошла в повседневный английский словарь в рутинном, не грозном значении. Научные сотрудники, например, обязательно «охотятся» за справками в библиотеке. Охота, можно сказать, проникла в наш повседневный английский словарь на нескольких социальных уровнях и семантических пластах. Так же было и в Древней Греции. В блестящей монографии Алена Шнаппа о текстах и образах древнегреческой охоты третья глава, которая является первой, отражающей существо дела, точно озаглавлена «*La métaphore du chasseur*» («Метафоричность охоты». — *фр.*).

Однако здесь любое полезное и удобное сходство или аналогия между метафорами древней и современной охоты кончаются. В целом вся работа Шнаппа, озаглавленная «*Le chasseur et la cité*» [*Охотник и город*], указывает, что охота в Древней Греции не существовала как чисто социальное или экономическое явление, но занимала место внутри и только внутри всеобъемлющих границ полиса. Она была связана с политикой так, как не может быть связана современная охота. Более того, книга имеет подзаголовок — «*Chasse et érotique dans la Grèce ancienne*» [*Охота и эротика в древней Греции*]. Несомненно, эротика и эротизм существовали и будут существовать в современных охотничьих сценариях, хотя Адриан Филлипс в комментариях к Ксенофону интригующе замечает, что «для некоторых видов [охоты] необходимо прогнать даже «мысли о любви». Однако дело в том, что эротика и эротизм во

всем современном явлении охоты не рассматриваются откровенно или прямо как цель, или даже как одна из главных целей.

Эта ключевая разница подводит нас к правильному толкованию, которое, я думаю, позволяет подчеркнуть различие между нами и ими, между древностью и современностью. Иначе говоря, охота на лис в наши дни никак не «натуральна» и не естественна, как хотел бы убедить нас Скрутон, она очень далека от того, чтобы являться второй натурой, если так можно выразиться. Возможно, она была гораздо ближе к природе во времена греческой античности, когда, как полезно напомнить, еще не появилась концепция о правах человека (не говоря уже о животных).

Это приводит меня к следующей и последней теме: кем в действительности были греки, на которых Скрутон ссылается как на важных, авторитетных предшественников. Древние греки сами очень хорошо осознавали, что они отнюдь не идентичны в культурном отношении, но они почти все соглашались, что имеют больше общего друг с другом, чем различий, однако за одним исключением — спартанцев. Древняя традиция, поощряемая самими спартанцами и особенно поддерживаемая афинянами, состояла в том, что Спарта была «другой», решительно отличной в самых существенных аспектах от всех остальных греческих городов и обществ. Знание пропагандистского объема спартанского «миража» или «мифа» подтолкнуло некоторых современных исследователей заявить, что Спарта в действительности не была настолько иной. Разрешите не согласиться с этим по целому ряду причин — политических, социальных, экономических, религиозных и т.д. и, не в последнюю очередь, по причине, которая имеет прямое отношение к нашей сегодняшней теме. Спартанская охота, хотел бы я возразить, отличается от охоты, которая практиковалась в любом греческом городе того времени. Это отнюдь не новая точка зрения, но, я думаю, стоит вновь кратко изложить ее основные положения только для того, чтобы показать, насколько на самом деле проблематичным может быть обращение к авторитету древних греков.

В центре всей спартанской политической системы (*politeia*) была практика совместного приема пищи или трапез, и от постоянного участия в них зависело осуществление полноправного спартанского «гражданства» (*politeia* в другом значении). Существовало только два законных повода для пропуска обязательных вечерних трапез: во-первых, совершение необходимого жертво-

СПАРТАНЦЫ

приношения и, во-вторых, охота. Спартанцы охотились на ту же дичь, что и остальные греки, в том числе и афиняне: на оленей, кабанов, зайцев и т.д. Но в отличие от Афин охоту в Спарте невозможно описать как досуг, не говоря уже о спорте. Плоды охоты, насколько мы знаем, не использовались в репертуаре спартанских любовников или тех, кто пытался завязать любовные отношения с любимым юношей. Спартанская охота была скорее смертельно серьезным делом, и плоды охоты регулярно вносились в общую трапезу.

Еще более примечательным отличием, во всяком случае, от некоторых видов афинской охоты было то, что, каков бы ни был экономический, политический или социальный статус спартанцев, спартанское сообщество официально поощряло их регулярно принимать участие в охоте якобы в качестве военной подготовки. Таким образом, по просьбе любого спартанца, желавшего охотиться, требовалось предоставить лошадей и охотничьих собак, которые были частной собственностью, и илотов, которые не находились в частном владении, но, конечно, были связаны обязательствами службы с отдельным спартанским хозяином и хозяйками. На самом деле более бедные спартанцы обычно стремились извлечь преимущество из этих условий, частично по военным причинам, но также потому, что это давало им возможность обеспечить дополнительные лакомства для совместных трапез и таким образом держаться на том же уровне, что и более богатые спартанцы, которые предоставляли продукцию своих больших поместий.

И более того, спартанцы, будучи истинными спартанцами, очень гордились и уделяли большое внимание разведению лошадей, собак и, возможно, илотов, обладающих высокими охотничьими достоинствами. Участок земли в предгорье Тайгета недалеко от Спарты получил прозаическое название Феры «Охотничьи земли». Одно из наиболее памятных изображений черных фигур на лаконских вазах VI в. приписывают «Охотничьему художнику». Акцент сделан на необходимости тесного, почти инстинктивного сотрудничества между охотниками, один из которых изображен как зрелый муж с бородой и длинными волосами, а второй длинноволосый, но еще безбородый, возможно, обучающийся охотничьим приемам у своего старшего наставника. И, наконец, «псевдоохота», конечно, была включена в возрожденную систему Агогэ, спартанскую всеобъемлющую воспитательную систему эл-

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

линского и римского периодов. Но вероятно, она была включена в Агогэ уже в классический период, так как важные ритуалы этого цикла осуществлялись в святилище Артемиды Орфии, которая была богиней плодородия, урожая и лугов, тесно ассоциировавшихся с охотой на диких животных.

Однако эта официальная политическая ориентированность на охоту на диких животных, никоим образом не самая примечательная особенность спартанской охоты. Такой особенностью, как я уже упоминал, была как индивидуальная, так и коллективная охота на людей — охота на илотов. Эта официально санкционированная практика одновременно служила способом поддержания порядка среди илотов через форму государственного террора, а также являлась проверкой на зрелость отдельных, еще не взрослых спартанцев, удостоенных избрания для службы в Криптии. Я думаю, именно в этом контексте финансируемой государством охоты на илотов наиболее красноречива резкая критика Аристотелем спартанской уникальной государственной системы образования. Спартанская форма образования, замечает он, была систематически дефектной, так как она насаждала только один вид добродетели — воинскую отвагу — и поэтому стремилась превратить спартанцев в подобие зверей, и особенно в подобие волков.

Волки, как общеизвестно, опытные охотники и убийцы. Поэтому «Волчий» Аполлон (Аполлон Ликийский), чье прозвище, возможно, отразилось в имени предполагаемого учредителя спартанской системы воспитания Ликурга (Волк-работяга), был божественным покровителем практики охоты на людей, на которую, вероятно, даже Роджер Скрутон не захотел бы сослаться как на унаследованную от предков.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- ADCOCK, F.E. (1957) *The Greek and Macedonian Art of War*, California & London
- ADCOCK, F.E. & D. J. MOSLEY (1975) *Diplomacy in Ancient Greece*, London
- ANDERSON, J.K. 1985 *Hunting in the Ancient World*, Berkeley
- ANDREWES, A. (1956) *The Greek Tyrants*, London
- BARRINGER, J.M. (2001) *The Hunt in Ancient Greece*, Baltimore & London
- BOARDMAN, J. (1963) 'Artemis Orthia and chronology', *ABSA* 58: 1—7
- BOEDEKER, D. & SIDER, D. (2001) eds. *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire*, Oxford
- BONNER, R.J. & G. SMITH (1942) 'Administration of Justice in Sparta' *Classical Philology* 37: 113—29
- BRADFORD, A.S. (1977) *A Prosopography of Lacedaemonians from the death of Alexander the Great, 323 B.C., to the sack of Sparta by Alaric*, Munich
- BRADFORD, A.S. (1986) 'Gynaikokratoumenoi: did Spartan women rule Spartan men?', *The Ancient World* 14: 13—18
- BRUIT-ZAIDMAN, L. & P. SCHMITT-PANTEL (1992) *Religion in the Ancient Greek City*, ed. and trans. P.A. Cartledge, Cambridge
- BRYANT, J.M. (1996) *Moral Codes and Social Structure in Ancient Greece. A sociology of Greek Ethics from Homer to the Epicureans and Stoics*, Albany, N.Y.
- CAMPBELL, D.A. (1991) ed. *Greek Lyric* vol. III (Loeb Classical Library), Cambridge, M.A.
- CALAME, C. (1997) *Choruses of Young Women in Ancient Greece. Their Morphology, Religious Role, and Social Functions* (Lanham, MD & London 1997)
- CARTLEDGE, P.A. (1976a) 'Did Spartan citizens ever practise a manual tekhnē?', *Liverpool Classical Monthly* 1: 115—19

- CARTLEDGE, P.A. (1976b) 'The new Spartan treaty', *LCM* 1: 87—92
- CARTLEDGE, P.A. (1977) 'Hoplites and Heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare', *JHS* 97: 11—27 [repr. in German trans., with add. in Christ ed. 1986: 387—425, 470]
- CARTLEDGE, P.A. (1978), 'Literacy in the Spartan oligarchy', *Journal of Hellenic Studies* 98: 25—37 repr. in Cartledge 2001b
- CARTLEDGE, P.A. (1980) 'The peculiar position of Sparta in the development of the Greek city-state', *Proceedings of the Royal Irish Academy* 80C: 91—108 repr. in Cartledge 2001b
- CARTLEDGE, P.A. (1981a) 'The politics of Spartan pederasty', *Proceedings of the Cambridge Philological Society* n.s. 27: 17—36 repr. with add. in Siems ed. 1988: 385—415] repr. in Cartledge 2001b
- CARTLEDGE, P.A. (1981b) 'Spartan wives: liberation or licence?', *Classical Quarterly* n.s. 31: 84—105 repr. in Cartledge 2001b
- CARTLEDGE, P.A. (1985) 'Rebels and *Sambos* in Classical Greece: a comparative view' in Cartledge & Harvey eds. 1985: 16—46 repr. in Cartledge 2001b
- CARTLEDGE, P.A. (1987) *Agesilaos and the Crisis of Sparta*, London & Baltimore [repr. in paperback 2000]
- CARTLEDGE, P.A. (1992) 'A Spartan education' in *Apodosis. Essays presented to Dr W.W. Cruickshank to mark his eightieth birthday*, London: 10—19 [St Paul's School, частное изд.] repr. in Cartledge 2001b
- CARTLEDGE, P.A. (1996) 'La nascita degli opliti e l'organizzazione militare' in S. Settis ed. *I Greci II. Una Storia Greca I. Formazione*, Turin, 681—714 repr. in English in Cartledge 2001b
- CARTLEDGE, P.A. (1999) 'The Socratics' Sparta and Rousseau's in Hodkinson & Powell eds. 1999: 311—37
- CARTLEDGE, P.A. (2000) *The Greeks: Crucible of Civilization*, New York [repr. London 2001]
- CARTLEDGE, P.A. (2001a) *Sparta and Laconia. A regional history 1300—362 BC*, 2nd edn London, Henley & Boston
- CARTLEDGE, P.A. (2001b) *Spartan Reflections*, London & California
- CARTLEDGE, P.A. (2002) *The Greeks. A portrait of Self and Others*, 2nd edn, Oxford [German trans. with Nachwort, Stuttgart 1998]
- CARTLEDGE, P.A. & A.J.S. SPAWFORTH (2001) *Hellenic and Roman Sparta: a tale of two cities*, rev. edn London & New York
- CARTLEDGE, P.A. & R. WATERFIELD (1997) eds. Xenophon 'On Hunting' in *Xenophon: Heiro the Tyrant & other Treatises*, London, 123—62
- CAVANAGH, W.G., J.H. CROUWEL, R.W.V. CATLING & D.J.G. SHIPLEY (1996) *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape:*

- the Laconia Survey II: Archaeological Data*, British School at Athens, Supplementary Volume 27, London
- CAVANAGH, W.G., J.H. CROUWEL, R.W.V. CATLING & D.J.G. SHIPLEY (forthcoming) *Continuity and Change in a Greek Rural Landscape: the Laconia Survey I: Methodology and Interpretation*, British School at Athens, Supplementary Volume 26, London
- CAVANAGH, W.G. & WALKER, S.E.C (1998) eds. *Sparta in Laconia* (Proceedings of the 19th British Museum Classical Colloquium: B.S.A. Studies 4), London
- CAWKWELL, G.L. (1993) 'Cleomenes', *Mnemosyne* 4th ser. 46: 506—27
- CHRMES, K.M.T. (1949) *Ancient Sparta. A Re-examination of the evidence*, Manchester [repr. Oxford 1999]
- CONGDON, L.O.K. (1981) *Caryatid Mirrors of Ancient Greece*, Mainz
- DAVID, E. (1982/3) 'Aristotle on Sparta', *Ancient Society* 13/14: 67—103
- DAVID, E. (1985) 'The trial of Spartan kings', *Revue internationale des Droits de l'Antiquité* 32: 131—40
- DAVID, E. (1989a) 'Dress in Spartan society', *The Ancient World* 19: 3—13
- DAVID, E. (1989b) 'Laughter in Spartan society' in Powell ed. 1989: 1—25
- DAVID, E. (1992) 'Sparta's social hair', *Eranos* 90: 11—21
- DAVID, E. (1993) 'Hunting in Spartan society and consciousness' *Echos du Monde Classique/Classical Views* 37: 393—417
- DAWKINS, R.M. (1929) ed. *The Sanctuary of Artemis Orthia At Sparta. Excavated and described by members of the British School at Athens, 1906—1910* (*Journal of Hellenic Studies* Supp. V), London
- DEN BOER, W. (1954) *Laconian Studies*, Amsterdam
- DICKINS, G. (1908) 'The art of Sparta', *Burlington Magazine* 14: 66—84
- DICKINS, G. (1929) 'The terracotta masks' in Dawkins ed. 1929: 163—86
- DUCAT, J. (1999) 'Perspectives on Spartan education in the classical period' in Hodkinson & Powell eds. 1999: 43—66
- ERSKINE, A.W (1990) *The Hellenistic Stoa, Political Thought and Action*, London
- FERGUSON, W.S. (1918) 'The Zulus and Spartans: a comparison of their military systems', *Harvard African Studies* 2: 197—234
- FIGUEIRA, T.J. (1984) 'Mess contributions and subsistence at Sparta', *Transactions of the American Philological Association* 114: 87—109
- FINLEY, M.I. (1962a) 'The myth of Sparta' *The Listener*, August 2: 171—3
- FINLEY, M.I. (1968) 'Sparta' in J.P. Vernant ed. *Problèmes de la guerre en Grèce ancienne*, Paris: 141—60 [repr. in Finley 1981: 24—40, 1986a: 161—77]
- FINLEY, M.I. (1981) *Economy and Society in Ancient Greece*, ed. B.D. Shaw & R.P. Saller, London [repr. Harmondsworth 1983]
- FITZHARDINGE, L.F. (1980) *The Spartans*, London & N.Y.

- FORREST, W.G. (1968) *A History of Sparta 950—192 B.C.*, London [repr. 1980]
- GARLAN, Y. (1988) *Slavery in Ancient Greece*, Ithaca & London [French original 1982]
- GARLAND, R. (1995) *In the Eye of the Beholder. Deformity and disability in the Graeco-Roman world*, London
- GENNEP, A. van (1960) *The Rites of Passage*, London [French original 1909]
- GOLDEN, M. (1998) *Sport and Society in Ancient Greece*, Cambridge
- GRIFFITHS, A.H. (1989) 'Was Kleomenes mad?' in Powell ed. 1989: 51—78
- HANSON, V.D. (1989) *The Western Way of War: infantry battle in classical Greece*, New York [rev. edn, California 2000]
- HANSON, V.D. (1991) ed. *Hoplites. The Greek Battle Experience*, London & New York
- HERMAN, G. (1987) *Ritualised Friendship and the Greek City*, Cambridge
- HODKINSON, S. (1983) 'Social order and the conflict of values in Classical Sparta' *Chiron* 13: 239—81
- HODKINSON, S. (1986) 'Land tenure and inheritance in Classical Sparta', *Classical Quarterly* n.s. 36: 378—406
- HODKINSON, S. (1989) 'Inheritance, marriage and demography. Perspectives upon the decline and success of Classical Sparta' in Powell ed. 1989: 79—121
- HODKINSON, S. (1996) 'Spartan society in the fourth century: crisis and continuity' in P. Carlier ed. *Le IVe siècle av. J.-C. Approches historiographiques*, Paris, 85—101
- HODKINSON, S. (1997a) 'Servile and free dependants of the classical Spartan «oikos»' in M. Moggi & G. Cordiano eds. *Schiavi e Dipendenti nell'ambito dell'«oikos» e della «familia»*, Pisa: 45—71
- HODKINSON, S. (1997b) 'The development of Spartan society and institutions in the archaic period' in Mitchell & Rhodes eds. 1997: 83—102
- HODKINSON, S. (1998) 'Patterns of bronze dedications at Spartan sanctuaries, c. 650—350 BC: towards a quantified database of material and religious investment' in Cavanagh & Walker eds. 1998: 55—63
- HODKINSON, S. (1999a) 'An agonistic culture? Athletic competition in archaic and classical Spartan society' in Hodkinson & Powell eds. 1999: 147—87
- HODKINSON, S. (1999b) 'Introduction' in Hodkinson & Powell eds. 1999: ix—xxvi
- HODKINSON, S. (2000) *Property and Wealth in Classical Sparta*, London
- HODKINSON, S. & C.A. POWELL (1999) eds. *Sparta: New Perspectives*, London
- HOOKE, J.T. (1980) *The Ancient Spartans*, London

- HUNT, P. (1998) *Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians*, Cambridge
- HUXLEY, G.L. (1962) *Early Sparta*, London
- JEFFERY, L.H. (1976) *Archaic Greece. The City-States c. 700—500 B.C.*, London
- JENKYN, R. (1980) *The Victorians and Ancient Greece*, Oxford
- JONES, A.H.M. (1967) *Sparta*, Oxford
- KENNEL, N.M. (1995) *The Gymnasium of Virtue. Education and Culture in Ancient Sparta*, Chapel Hill & London
- KUNSTLER, B.L. (1983) 'Women and the Development of the Spartan Polis. A Study of Sex Roles in Classical Antiquity', diss. Boston University
- KUNSTLER, B.L. (1987) 'Family dynamics and female power in ancient Sparta' in M. Skinner ed. *Rescuing Creusa. New Methodological Approaches to Women in Antiquity* (*Helios* supp. 13.2), Austin, TX: 32—48
- LACEY, W.K. (1968) *The Family in Classical Greece*, London [repr. Auckland 1980]
- LANE FOX, R. (1996) 'Ancient Hunting from Homer to Polybios' in G. Shipley & J. Salmon eds. *Human Landscapes in Classical Antiquity*, London & New York, 119—53
- LEVI, P. (1971) ed. & trans. *Pusanias. Guide to Greece*, 2 vols., Harmondsworth
- LAZENBY, J.F. (1985) *The Spartan Army*, Warminster
- MACDOWELL, D.M. (1986) *Spartan Law*, Edinburgh
- MALKIN, I. (1994) *Myth and Territory in the Spartan Mediterranean*, Cambridge
- MANFREDI, V.M. (2002) *Spartan*, London [Italian original, 1988]
- MITCHELL, L.G. & P.J. RHODES (1997) eds. *The Development of the Polis in Archaic Greece*, London & New York
- MOORE, J.M. (1983) *Aristotle and Xenophon on Democracy and Oligarchy*, 2nd edn, Cambridge
- MOSSÉ, C. (1991) 'Women in the Spartan Revolutions of the Third Century B.C.' in S. Pomeroy ed. *Women's History & Ancient History*, Chapel Hill & London, 138—53
- NORFOLD, L. (2000) *In the shape of a Boar*, London
- OLIVA, P. (1971) *Sparta and its Social Problems*, Amsterdam & Prague
- OLLIER, F. (1933—43) *Le mirage spartiate*, Paris [repr. in 1 vol., New York, 1973]
- PARSININOU, E. (2002) 'The «language» of female hunting outfit in ancient Greece' in L. Llewellyn-Jones ed. *Women's Dress Ancient Greek World*, London, 55—72
- PARKER, R. (1989) 'Spartan Religion' in Powell ed. 1989: 142—72

- PETTERSSON, M. (1992) *Cults of Apollo at Sparta. The Hyakinthia, the Gymnopaediai and the Karneia*, Stockholm
- PIPILI, M. (1987) *Laconian iconography of the Sixth Century B.C.*, Oxford
- POLIGNAC, F DE (1995) *Cults, Territory and the Origins of the Greek City-State*, 2nd edn, Chicago [French original 1984]
- POMEROY, S.B. (1976) *Goddesses, Whores, Wives and Slaves: women in classical antiquity*, London
- POMEROY, S.B. (1997) *Families in Classical and Hellenistic Greece. Representations and realities*, Oxford
- POMEROY, S.B. (2002) *The Women of Sparta*, New York
- POMEROY, S.B. (1991) ed. *Women's History and Ancient History*, Chapel Hill, NC, & London
- PORALLA, P. & A.S. BRADFORD (1985) *A Prosopography of Lacedaemonians from the earliest times to the death of Alexander the Great, (X — 323 B.C.)/Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Grossen*, 2nd edn, Chicago [original German edition, 1913]
- POWELL, A. (1989) 'Mendacity and Sparta's use of the visual' in Powell ed. 1989: 173—192
- POWELL, A. (2001) *Athens and Sparta. Constructing Greek Political and Social History to 323 BC*, 2nd edn, London
- POWELL, A. (1989) ed. *Classical Sparta: techniques behind her success*, London & New York
- POWELL, A. (1995) ed. *The Greek World*, London & New York
- POWELL, A. & S. HODKINSON (1994), eds. *The Shadow of Sparta*, London & New York
- PRESSFIELD, S. (1998) *Gates of Fire*, New York
- RAWSON, E. (1969) *The Spartan Tradition in European Thought*, Oxford [repr. 1991]
- STE. CROIX, G.E.M. DE (1972) *The Origins of the Peloponnesian War*, London & Ithaca
- STE. CROIX, G.E.M. DE (1983) *The Class Struggle in the Ancient Greek World. From the Archaic Age to the Arab Conquests*, corrected impr., London & Ithaca [original 1981]
- SCANLON, T.F. (1988) 'Virgineum gymnasium: Spartan female and early Greek athletics' in W.J. Raschke ed. 1988: 185—216
- SCANLON, T.F. (2002) *Eros & Greek Athletics*, New York
- SCHAPS, D.M. (1979) *Economic Rights of Women in Ancient Greece*, Edinburgh
- SCHNAPP, A. (1997) *Le chasseur et la cité. Chasse et érotique dans la Grèce ancienne*, Paris
- SHIPLEY, G (2000) *The Greek World after Alexander 323—30 BC*, London & New York

СПАРТАНЦЫ

- SHIPLEY, D.R. (1997) *Plutarch's Life of Agesilaos*, Oxford
- STARR, C.G. (1965) 'The credibility of early Spartan history' *Historia* 14: 257—72 [repr. in Starr 1979: 144—59]
- STARR, C.G. (1979) *Essays on Ancient History. A Selection of Articles and Reviews*, ed. A. Ferrill & T. Kelly, Leiden
- STAVELEY, E.S. (1972) *Greek and Roman Voting and Elections*, London & New York
- STRASSLER, R.B. (1996) ed. *The Landmark Thucydides*, New York
- STEINHAEUER, G. (1978) *The Museum of Sparta*, Athens
- STEWART, A. (1997) *Art, Desire and the Body in Ancient Greece*, Cambridge
- SVENVRO, J. (1993) *Phrasikleia. An Anthropology of Reading in Ancient Greece*, Ithaca [French original 1988]
- TALBERT, R. (1988) ed. *Plutarch on Sparta*, Harmondsworth
- TIGERSTEDT, E.N. (1965—78) *The Legend of Sparta in Classical Antiquity*, 3 vols., Stockholm, Uppsala & Göteborg
- TOD, M. N. (1933) 'A Spartan grave on Attic soil' *Greece and Rome* 2: 108—11
- TURNER, F.M. (1981) *The Greek Heritage in Victorian Britain*, New Haven & London
- VERNANT, J.-P. (1991) 'Between shame and glory: the identity of the young Spartan warrior' in *Mortals and Immortals. Collected Essays*, ed. F. Zeitlin, Princeton: 220—43
- VIDAL-NAQUET, P. (1968) 'The Black Hunter and the origin of the Athenian *ephebia*' *Proceedings of the Cambridge Philological Society* n.s. 14: 49—64 [repr. in Vidal-Naquet 1986a: 106—28]
- VIDAL-NAQUET, P. (1986a) *The Black Hunter. Forms of Thought and Forms of Society the Greek World*, trans. A. Szegedy-Maszak, Baltimore & London
- VIDAL-NAQUET, P. (1986b) 'The Black Hunter revisited' *Proceedings of the Cambridge Philological Society* n.s. 32: 126—44
- WEST, M.L. (1993) ed. *Greek Lyric Poetry*, Oxford
- ZWEIG, B. (1993) 'The only women to give birth to men: a gynocentric, cross-cultural view of women in ancient Sparta' in M. de Forest ed. *Women's Power, Men's Game: Essays in Classical Antiquity in honor of Joy King*, Wasconda, IL: 32—53

ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ КАРТЫ И ИЛЛЮСТРАЦИИ

Карты

Мир Древней Греции. С любезного разрешения Рутледж (Routledge) (Атлас древней истории, 1985).

Пелопоннес. С разрешения издательства Кембриджского университета (Древняя история, т. III, 1954, Кембридж).

Лакония и Мессения. Воспроизводится с любезного разрешения Ника Сиканды.

Западная территория Спарты: Мессения. С любезного разрешения Нино Лураги (Журнал эллинских исследований, № 122).

ФЕРМОПИЛЫ

БИТВА,
ИЗМЕНИВШАЯ ХОД ИСТОРИИ

*Посвящается
младшим сотрудникам факультета классики
Кембриджского университета
и памяти Бехназа Назханда
(скончался 7 июля 2005 г.)*

Предисловие

Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение, и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и негреческих варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

Геродот. История 1.1

Вскоре по завершении моей предыдущей работы об Александре III, «Великом» царе Македонии, и готовясь к написанию этой книги, я посетил Фермопилы. Я начал с того, что наметил маршрут Александра Великого, изменившего большую часть известного мира, затем обозначил то место, где немногочисленные воины защищали узкое ущелье, изменив ход истории. Задача была сходной во многих отношениях — оценка свидетельств очевидцев, последствий, скрытого смысла и значения — но в Фермопилах грандиозное событие произошло в одном конкретном пункте — тут «свобода» была добыта ценой самоубийства.

«Горячие ворота» — таков смысл слова «Фермопилы» по-древнегречески — представляют собой узкое ущелье в северо-центральной материковой Греции. «Воротами» ущелье названо потому, что оно было естественным и очевидным путем прохода любой вторгшейся с севера армии, стремящейся нанести поражение силам центральной или южной Греции. Они назывались «горячими», потому что там до сих пор находятся поблизости целебные серные источники. Именно там в августе 480 года до Р.Х. «немногочисленные» древние греки, представлявшие маленькую нерешительную группировку греческих городов, возглавляемых элит-

ной армией из Спарты, единственного самого сильного греческого полиса, или города-государства, героически выстояли против огромных персидских сил вторжения.

Удручает тот факт, что сегодня «Национальное шоссе», связывающее Афины со вторым греческим городом, Фессалониками в Македонии, устремляется прямо через это глубоко историческое место. Существенные изменения в геоморфологии региона также не очень способствуют воссозданию в воображении древней картины. С пятого столетия до Р.Х. там произошло по крайней мере два значительных землетрясения; кроме того, аллювиальные отложения реки Сперхей заставили море отступить примерно на пять километров к северу. Таким образом, то, что некогда представляло собой узкую (шириной 20—30 метров) горную теснину, у одного края которой ревело море, превратилось в шоссе, проходящее через довольно широкое береговое плато, а звук моря — в приглушенное расстоянием мягкое бормотание (при этом, если оно не утопает в реве грузовиков и прочего проносящегося мимо автотранспорта).

Современные памятники Леониду и другим погибшим здесь грекам в отчаянной битве 480 г. до Р.Х. были впервые воздвигнуты у Национального шоссе в середине 1960-х годов греческим правительством с помощью американских средств. Это произошло вскоре после опустошительной гражданской войны (1946—1949), в которой погибло по меньшей мере полмиллиона греков. Этот внутренний конфликт, в свою очередь, последовал сразу же за периодом жестокой оккупации странами Оси, сначала Италией, а затем нацистской Германией (1941—1944), несмотря на героическое сопротивление греков во второй половине 1940 г., которое напрашивается на сравнение именно с отчаянной храбростью их предков в 480 г. до Р.Х.

Очевидно, что в то время была потребность в утешительном бальзаме в виде памятника людям, героически отдавшим жизни, противясь иностранному вторжению и попытке завоевания. Монументы, добавленные после середины 1950-х годов, воистину все еще вполне способны будить воспоминания и чувства. Но если выехали на Национальное шоссе, то обнаружите еще большую награду для изучающего 480 г. до Р.Х. Поблизости находится то, что было почти безошибочно отождествлено с тем невысоким холмом, на котором царь Спарты Леонид и его немногочисленный

отряд спартанцев героически держали последнюю линию обороны против персов царя Ксеркса Великого. Если вы поищите в зарослях покрывающего местность кустарника, то найдете еще один памятник, установленный горизонтально и украшенный соответствующим образом зеленым лаконийским камнем (*lapis lacedaemonius*) из местности к югу от Спарты. Этот памятник поэтичен как в буквальном, так и в метафорическом смысле: на нем начертана копия эпитафии в две строки, сочиненной двадцать пять столетий назад тогдашним панегиристом Симонидом, сыном Леопрепа, с острова Кеос. В обычном переводе он звучит так:

*Поведай, о путник, спартамцам,
Что здесь полегли мы, их законам покорны.*

Покорность и свобода, самоубийственная жертва... Фермопилы — место, иллюстрирующее парадоксальные культурные ценности спартанцев, которые и теперь требуют разъяснений не меньше, чем в те времена, когда великий царь Ксеркс в недоумении выслушивал рассказ о свирепых воинах, расчесывавших волосы, готовясь к красивой смерти.

В книге «Александр Великий: В поисках нового прошлого» я рассматривал заключительный акт одной из величайших драм в истории Среднего Востока — завоевание Александром некогда могущественной Персидской империи Ахеменидов, основанной Киром II, тоже «Великим», около 550 года. В этой работе я возвращаюсь на полтора столетия назад к этой империи, когда она была на вершине своего могущества. В 334 году Александр вторгся в азиатскую Персидскую империю из европейского «запада», из Северной Греции. В 480 году Великий царь Персии Ксеркс вторгся в Европу — то есть в Грецию — в той же самой точке, только с востока. В самой широкой исторической перспективе в этом конфликте в действительности выделяется культурный аспект противостояния «Восток—Запад». Так и должно быть. Геродот, наш первый и лучший историк того, что я называю греко-персидскими войнами, сам смотрел на вещи с этой точки зрения, и я стремлюсь в отдалении следовать его путем.

Более того, этот конфликт между спартамцами и прочими греками с одной стороны и персидскими ордами с другой был столкновением между свободой и рабством и воспринимался как тако-

вое самими греками как в те времена, так и в последующие. Фактически, этот конфликт весьма правдоподобно описывался как центральное событие в мировой истории. «Ход всей мировой истории висел трепеща на волоске», — как ориентированный на мировую историю немецкий теоретик Гегель выразительно сформулировал его. Ставкой в нем были не больше и не меньше, как ранние формы монотеизма, концепция глобального государства, демократия и тоталитаризм. Короче говоря, битва при Фермопилах явилась поворотной точкой не только в истории Древней Греции, но и во всей мировой истории, как Востока, так и Запада.

Итак, здесь мы имеем дело с самым ранним из двух гигантских столкновений культур и цивилизаций, способствовавших становлению самобытности как Древней Греции, так и, следовательно, природы нашего собственного культурного наследия. Ученые и прочие профессионально заинтересованные стороны все еще спорят, было ли завоевание Александром Персии благом или злом. Меньше скептиков относительно сопротивления, которое оставшиеся верными греки оказали планировавшемуся персами завоеванию 480—479 гг. Но даже и в этом случае находятся те, кто утверждает, что завоевание и поглощение Персией материковой Греции не было бы неизбежной культурной катастрофой, как любят настаивать европоцентристские историки старой «ориентальной» школы. Мы, профессиональные историки, по крайней мере все согласны с тем, что, как это представляется нам по прошествии двух с половиной тысяч лет, Греция — классическая Греция — является одним из основных истоков нашей Западной цивилизации. И не столько в смысле непрерывной преемственности прямого наследования, а скорее в смысле сознательного выбора принять классическую античность в качестве наших «предков» в ключевых культурных аспектах — выбора, сделанного в Византийскую эпоху, в эпоху по преимуществу итальянского Ренессанса, в эпоху Просвещения и в период империализма девятнадцатого столетия.

Тем не менее история, которую я предлагаю вашему вниманию, не упрощенно черно-белая, как хотелось бы любителям стереотипов идеологической поляризации, как древним, так и современным. Не все без исключения греки были невинны, как младенцы, и, вероятно, сердца персов не были так уж презренно черны. «Вероятно» — потому что, к сожалению, персы не остави-

ли нам таких взвешенных, самоаналитичных сравнительно-культурологических литературных источников, как это блистательно сделали греки. Афористически выражаясь, у персов не было Геродота, и, если то, что я читал о персидской культуре эпохи Ахеменидов второй половины шестого и начала пятого века до Р.Х., в целом верно, то и не могло быть. С другой стороны, более чем достаточно свидетельств того, что Персидская империя была чем-то значительно большим, нежели просто жестокая восточная деспотия.

Действительно, были греки, жившие в силу необходимости там, куда их переместили в наказание за их или их предков политическую ненадежность — далеко в глубине иранской территории или на другом, роковым образом чуждом берегу — на берегу Персидского залива. Но среди многих тысяч персидских подданных этой обширной азиатской империи было значительное число греков, проживавших в своих давно образованных общинах вдоль анатолийского побережья, от Халкидона на севере (на противоположной от Византии, ныне Стамбула, стороне пролива Босфор) до побережья напротив северных берегов Родоса и Кипра на юге. По большей части их никто не трогал, коль скоро они платили казне налоги и подати. С другой стороны, были греки, которые, по-видимому, по доброй воле предпочитали служить персам за плату — будь то в качестве ремесленников или наемников.

Было даже некоторое количество греков, проперсидски настроенных из идейных соображений, вовлеченных в самый центр событий и допущенных к участию в принятии решений Великим царем, где бы он в данный момент ни базировался. Это могло быть в Сузах, главном административном центре, или Персеполе (как греки впоследствии называли его) в глубине юго-восточной части Ирана (современного Фарса), или дальше на север Ирана в Эктабане (Хамадане) в древней Мидии, и даже дальше на северо-запад, в одной из столиц провинций, или сатрапий, на которые империя была поделена из административных соображений — например, в лидийском Сарде, на границе с греческой Ионией, который был присоединен к империи очень рано, даже раньше, чем Вавилон, или во фригийском Даскилии неподалеку от берегов Черного моря. Многие из этих «азиатских», или «восточных» греков вольно или невольно оказались на стороне персов в этом состязании между Востоком и Западом, которым мы будем в основ-

ном заниматься. Фактически, почти определенно в 480—479 гг. больше греков сражалось за или по крайней мере на стороне Ксеркса, чем против него.

Что касается «верных» греков, то есть тех немногих, кто был в состоянии набраться мужества противостоять персидскому вторжению в материковую Грецию в 480 году, то эта книга будет трактовать самым широким образом решающий вклад спартанцев, чье необычное общество и цивилизация с недавних пор стали объектом весьма примечательного внимания как со стороны академических кругов, так и общественности. Были выпущены в эфир три телевизионные серии, одна из них более чем в пятидесяти странах по историческому каналу, и две другие по 4-му каналу Соединенного Королевства. Состоялось не менее шести дискуссий на международных конференциях ученых: одна в Штатах, другие в Шотландии, Италии и Франции, и две были проведены в самой современной Спарте или поблизости. Одна из них была организована греческими учеными, включая членов Греческой археологической службы, работавшими там, а другая — Британской школой в Афинах (которая была тем или иным образом связана со Спартой и Лаконией с 1904 года и сейчас предпринимает усилия к тому, чтобы основать в этом городе исследовательский центр) совместно с местными управлениями византийских, доисторических и классических исследований Греческой археологической службы. Что еще можно сказать касательно того, что заслуживает сосредоточенного внимания СМИ и прочих организаций к Древней Спарте?

Цель данной книги — дать ясный ответ или ряд ответов на этот вопрос, не в последнюю очередь обращая внимание на тему поддержки Спартой свободы (или наоборот) как у себя дома, так и за границей. События 11 сентября в Нью-Йорке и теперь 7 июля в Лондоне придали этому проекту еще большую безотлагательность и значение в рамках более широкого культурного взаимодействия между Востоком и Западом. Как бы то ни было, я в любом случае написал бы этот рассказ о Фермопилах, который здесь вам предлагается. Просто эта история слишком хороша, чтобы ее не рассказать, культурная тема, которая слишком важна, чтобы к ней не обратиться еще раз.

БЛАГОДАРНОСТИ

В своей книге об Александре я постарался охватить все возможные основания, чтобы воздать должное всем моим многочисленным друзьям и коллегам, тем или иным путем внесшим вклад в мое становление как историка Греции и Ближнего Востока в последнюю четверть века. Я не буду повторять эти слова благодарности, но должен добавить имена двух друзей. Первый из них, Том Холланд (Tom Holland), не является моим коллегой в техническом смысле, тем не менее он квалифицированный историк, от которого на протяжении последнего года или около того я получил немало важной информации с тех пор, как мы встретились на вечере по случаю публикации книги об Александре в замечательном книжном магазине Daunt's на улице Marylebone High Street в Лондоне. Его книга *«Персидский огонь»* (Persian Fire) также, надеюсь, зажгла во мне несколько дремлющих искр вдохновения, а также во многих тысячах его читателей. Второй, Питер Грин (Peter Green) — историк древности, которому нет равных и чей диапазон тем, острота суждений и живость выражения равно поразительны.

Я также должен повторить с удовольствием и гордостью, насколько я обязан обоим моим издателям по обе стороны Атлантики: Pan Macmillan и Overlook Press of New York City в лице Джорджа Морли, Кейт Харви и Ребекки Льюис (Macmillan) и Питера Мейера (Overlook). Мне также доставляет удовольствие выразить восхищение искусной работой над книгой об Александре Эндрю Миллеру из издательства Vintage (Нью-Йорк), а также над изданием в мягкой обложке моей предыдущей книги *«Спартацы»*. В эту же плеяду я включаю моего агента и друга Джулиана Александера, без которого (почти) все из вышеизложенного было бы

невозможно. В более личном ключе я должен поблагодарить свою сотрудницу по исследованиям Лаконии и друга диктора Беттани Хьюз и д-ра Джанет Паркер из Open University, археолога, критика и специалиста по классическим студиям, которая еще раз оказалась самым идеальным из идеальных читателей. За щедрую помощь в понимании того, как современная иранка может относиться к доисламскому наследию своей страны, я в долгу перед Фарой Найери из Bloomberg Corporations.

Я должен также поблагодарить мэра и Совет современного *демоса* (муниципалитета) Спарты за оказание мне огромной чести предоставления почетного гражданства. Меня отрезвляет та мысль, что, если бы я был гражданином Древней Спарты, я бы подлежал обязательной воинской повинности, но, к сожалению, недостаточно стар, чтобы избираться в почетный управляющий орган Спарты *герусию* (сенат; минимальный возраст — 60 лет; двадцать восемь рядовых члена и два царя, избираемых пожизненно).

Следующие по порядку благодарности связаны с Эпилогом, оригинальная устная версия которого была произнесена 6 февраля 2003 года в Большом зале Королевского колледжа в Лондоне на Тринадцатой лекции памяти (Сэра Стивена) Рансимана. Я глубоко признателен Матти и Николасу Эгонам, образцам просвещенной благотворительности, за приглашение прочитать лекцию и за блистательное радушие, которым оно сопровождалось. За прочие услуги, связанные с этой лекцией, я должен самым теплым образом выразить благодарность моим друзьям и коллегам профессору Джудит Херрин, бывшему директору Центра эллинистических исследований при Королевском обществе, ее преемнику Кариму Арафату и, не в последнюю очередь, его и моему бывшему научному руководителю в Оксфордском университете профессору Сэру Джону Бордману, выдающемуся специалисту по классической Греции и Ахеменидской Персидской империи. Подобным же образом Приложение 3 восходит к устному изложению: оно было впервые представлено 19 мая 2005 года в Музее истории Афинского университета, расположенном в Плаке непосредственно под Акрополем. За любезное приглашение помочь в презентации по столь памяtnому случаю книги очерков о Геродоте, выпущенной под эгидой группы En Kukulôi, я приношу благодарность директору группы д-ру Майри Йосси из Афинского университета.

ФЕРМОПИЛЫ

Наконец, книга посвящается младшему персоналу моего факультета в Кембридже, администратору факультета, секретарю, библиотекарям, системному администратору, помощнику куратора музея, сотрудникам секретариата, факультетскому фотографу, ассистенту хранителя фотоархива и, не в последнюю очередь, его сестре, убитой во время террористических актов 7 июля 2005 года.

ХРОНОЛОГИЯ

*(все даты до н.э., если не оговорено иначе;
многие приблизительные, особенно до 500 г.)*

750	Гомер; поселение Новая Троя (Илион)
570	Рождение Клизфена Афинского
550	Кир Второй Великий основывает Персидскую Ахеменидскую империю
546	Кир наносит поражение царю Лидии Крезу
540	Кир через Мазара и Гарпага присоединяет азиатских греков к империи
530(— 522)	Правление Камбиза
529	Смерть Кира
525	Покорение Персией Египта; смерть Поликрата Самосского
522	Междоусобица; узурпация в Персии
522(— 486)	Правление Дария Первого Персидского
513	Скифская экспедиция Дария
508	Установление демократии в Афинах
?505	Смерть Клизфена
499(— 494)	Ионийское восстание
?493	Рождение Перикла
490	Марафонская битва; приход к власти Леонида
486(— 465)	Смерть Дария I; приход к власти Леонида Ксеркса Персидского, сына Дария I и Атоссы (дочери Кира Великого)
?484	Рождение Геродота
	Образование Эллинского союза; принесение клятв на Коринфском перешейке
480	Вторжение Ксеркса

ФЕРМОПИЛЫ

- 481 *Май* — Персидские войска переходят Геллеспонт
Июнь — Персы продвигаются от Геллеспонта к центральной Греции
Август, третья неделя — греки занимают позиции при Фермопилах и Артемисии
18 августа — Полнолуние: празднование Олимпийских игр; спартанцы празднуют Карнеи
Конец августа — Битвы при Фермопилах (смерть Леонида) и Артемисии
Начало сентября — Персы занимают центральную Грецию (Фокиду, Беотию); спартанцы и прочие пелопоннесцы возводят стену на перешейке
Конец сентября — Персы грабят афинский Акрополь; битва при Саламине (ок. 25 сент.) Ксеркс удаляется в Азию
- 479 Битвы при Платеях и Микале
- 478/7 *Зима* — Организация Афинами Делийского союза (за вычетом Спарты и ее союзников)
- 477 Дебаты в Спарте о продолжении активной антиперсидской агрессии: Спарта решает официально отказаться от антиперсидской активности, но Павсаний не возвращается от подступов к Черному морю.
- 472 Постановка *Персов* Эсхила в Афинах
- ?470 Регент Павсаний, победитель в битве при Платеях, отозван из Византии и гибнет в Спарте, совершив вынужденное самоубийство
- 469 Рождение Сократа
- 462/1 Убийство Ксеркса, приход к власти Артаксеркса I
- ?464 Землетрясение в Спарте провоцирует восстание илотов (особенно в Мессене)
- 462/1 Спарта обращается к Афинам за помощью против илотов на условиях Эллинского союза (481); про-спартански настроенный Кимон, отец Лакедемония, дает положительный ответ, но афиняне отвергнуты подозрительными спартанцами; затем следует изгнание Кимона из Афин и демократические реформы Эфиальта и Перикла

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

- p>460(— 445) Первая Пелопоннесская война между Афинами и Спартой и ее союзниками; Спарта выигрывает битву при Танагре в 458 или 457 г.
p>?460 Рождение Фукидида
p>447(— 432) Строительство Парфенона.
p>440 Опознанные останки Леонида возвращены из Фермопил в Спарту для перезахоронения
p>440—439 Восстание Самоса против Афин; обещанная спартанцами помощь не пришла
p>431(— 404) Афино-пелопоннесская война (неспокойный мир 421—414)
p>431 Спарта и Афины обращаются к Персии за финансовой помощью
p>425 Публикация
- Истории*
- Геродота
p>424/3 Смерть Артаксеркса I; восхождение на престол Артаксеркса II
p>321 Никиев мир
p>413 Спарта нападает на Аттику; гарнизоны Декелея
p>412/11 Спарта заключает официальный договор с Персией через сатрапа Тиссаферна, уступив суверенитет над греками Азии персидскому хозяину
p>407 Кир Младший, сын Дария II, Великого царя Персии, послан генералиссимусом в западные провинции империи и устанавливает дружеские связи со спартанским командующим Лисандром
p>405 Лисандр возвращается на второй срок в регион Геллеспонта; при массивной поддержке Персии одерживает победу в битве при Эгоспотамах
p>405/4 Смерть Дария II; к власти приходит Артаксеркс II
p>404
- Весна*
- безоговорочная капитуляция Афин перед Спартой; конец Афинской империи в Эгейском море и начало Спартанской империи
p>414—403 В Афинах установлена хунта Тридцати тиранов при поддержке спартанского военного гарнизона
p>413 Царь Спарты Павсаний осуществляет надзор за восстановлением демократии в Афинах; введение общей амнистии (для всех, кроме Тридцати тиранов и их ближайших приспешников)

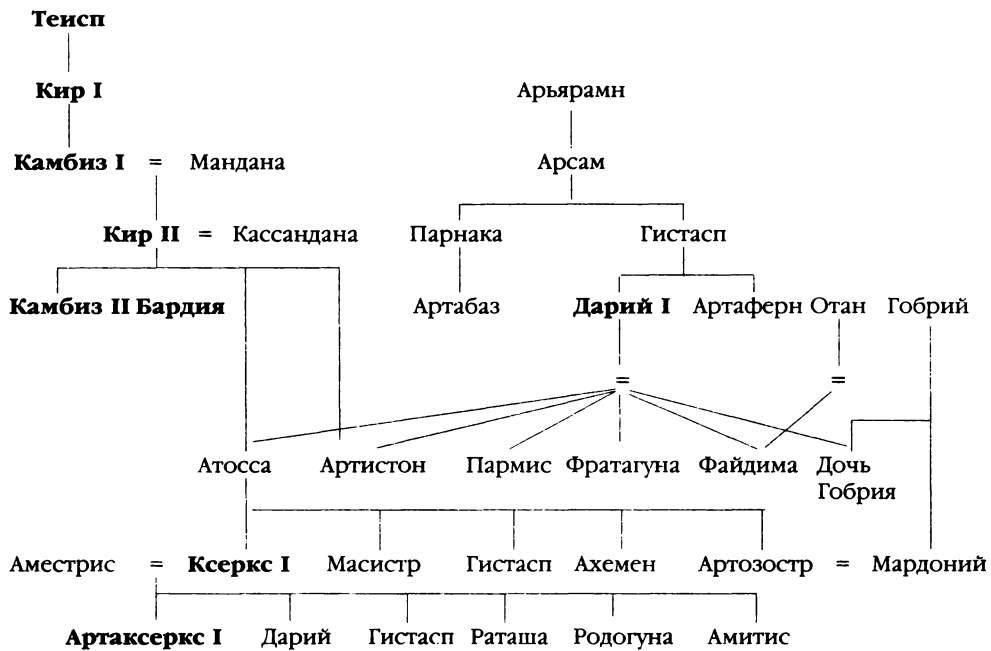
ФЕРМОПИЛЫ

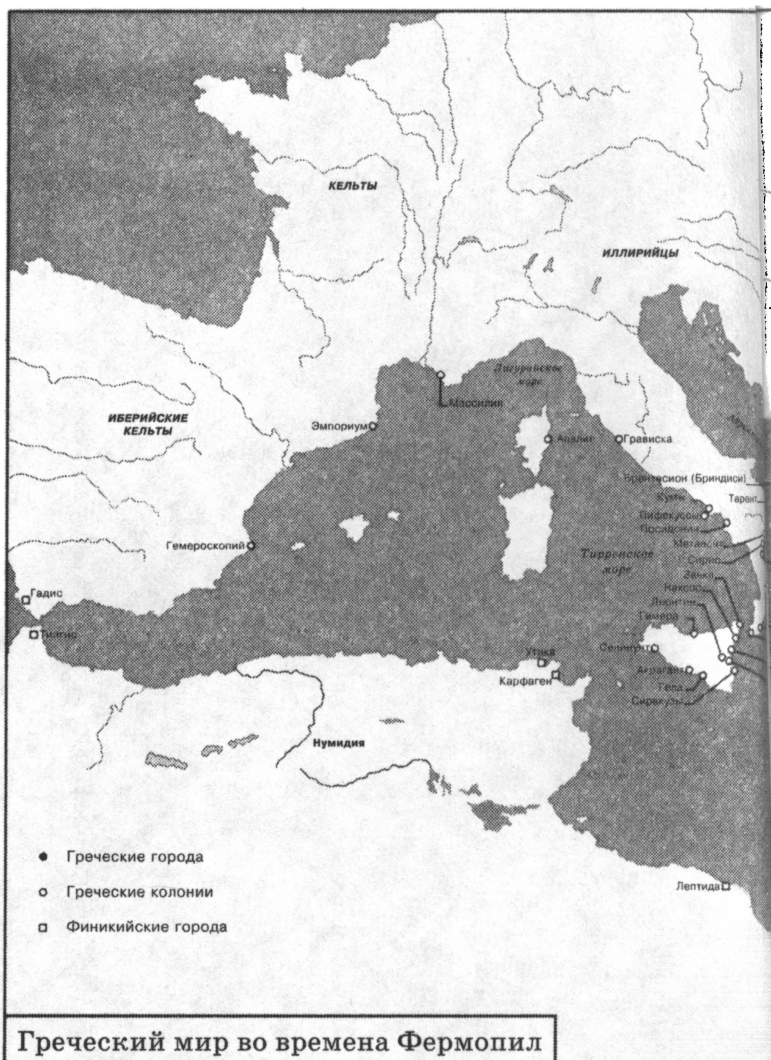
- 402 Спарта тайно поддерживает провалившуюся попытку Кира Младшего свергнуть своего старшего брата Артаксеркса II и занять его место
- 400 Спарта объявляет войну Персии во имя «освобождения греков» Азии
- 396(—394) Царь Спарты Агесилай II (правил около 400—360 гг.) принял на себя командование военными действиями против Персии как на суше, так и на море
- 395 Начало Коринфской войны (восстание Афин, Аргоса, Беотии и Коринфа против спартанского империализма, финансируемое Персией)
- 394 Агесилай отозван из Азии в Грецию
- 388 Спарта уговаривает Персию оставить Афины и финансировать еще один спартанский флот
- 387 Спарта получает контроль над Геллеспонтом
- 386 Персия и Спарта совместно учреждают Царский мир, иначе называемый Анталкидов мир (по имени спартанского представителя, адмирала и дипломата): азиатские греки опять, как до 480 года, в период 412—400 гг., формально становятся подданными и данниками Персидской империи
- 371 Спарта и ее союзники потерпели полное поражение в Левктрах от Фив и их союзников под предводительством Эпоминонда
- 369 Эпоминонд наблюдает за освобождением мессенских илотов и основанием освобожденной Мессены
- 368 Эпоминонд надзирает за восстановлением Мегалополя в Аркадии
- ?366 Прекращение функционирования Пелопоннесского союза Спарты
- 359 Смерть Артаксеркса II, которому наследует Артаксеркс, затем Агесилай II, которому наследует сын Архидам III; Филипп II становится фактическим царем Македонии
- 352 Архидам занимает Фермопилы в напрасной попытке не допустить Филиппа в центральную Грецию

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

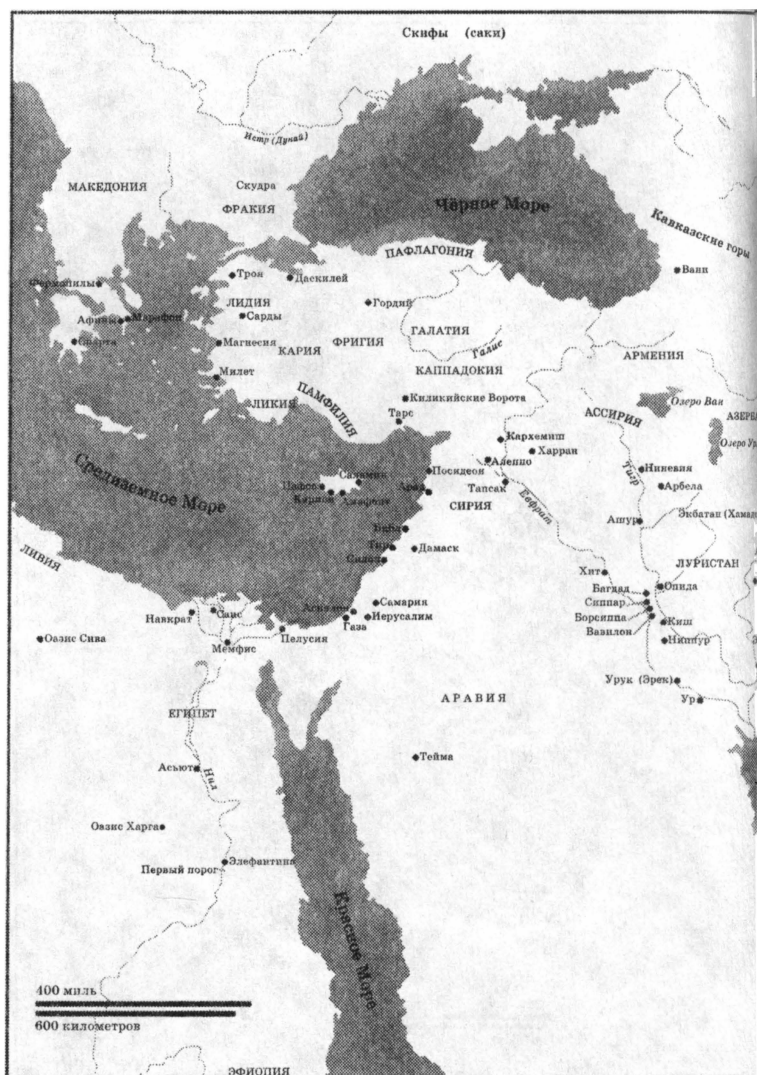
- 346 Филипп выигрывает Третью Священную войну, разрушает Фокиду и торжественно отмечает победу Пифийскими играми
- 344 Артаксеркс III возвращает Египет (после восстания 404 года)
- 338 Филипп II Македонский (годы правления 360—336) выигрывает битву при Херонее, получает контроль над большей частью континентального греческого мира и объявляет в Коринфе «крестовый поход» «панэллинской» армии со своей персоной в качестве главнокомандующего против Персидской империи
- 336 Филипп убит, ему наследует сын (от жены-гречанки Олимпии) Александр III, впоследствии «Великий»
- 335 Александр разрушает Фивы после восстания под предлогом их «мидизма» в период Греко-персидских войн
- 334—323 Завоевание Александром Персидской империи Ахеменидов во имя «освобождения греков Азии» как месть за святотатство, совершенное при Ксерксе в 480—478 гг.
- 331 Сокрушительное поражение Великого царя Персии Дария III при Гаугамеле (Северный Ирак); Александр становится «Царем Азии»
- 331 или 330 Сокрушительное поражение при Мегалополе восстания против Македонии под предводительством царя Спарты Агиса III — последний вздох Спарты как потенциальной независимой военной державы
- 323 Смерть Александра в Вавилоне; начало борьбы «преемников» за контроль над империей Александра, окончательно не урегулированной до 281 года; большая часть прежней Персидской империи достается самопровозглашенному македонскому «царю» Селевку I Победителю, а большая часть прежней Греции — македонскому клану Антигонидов

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО ЦАРСКОЙ ДИНАСТИИ АХЕМЕНИДОВ

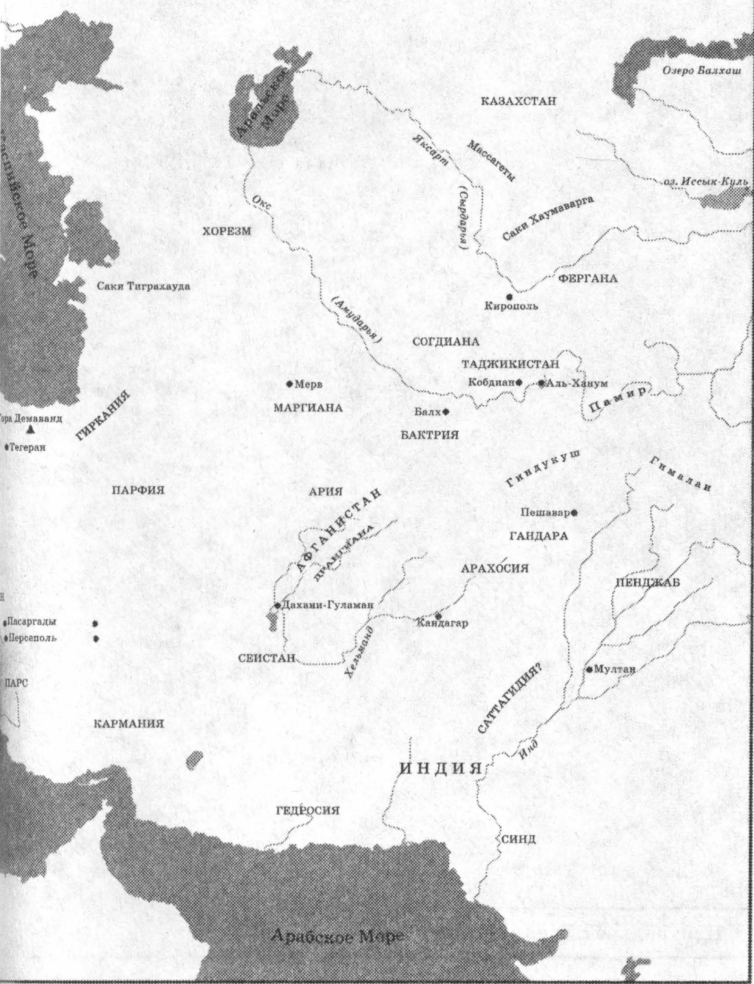

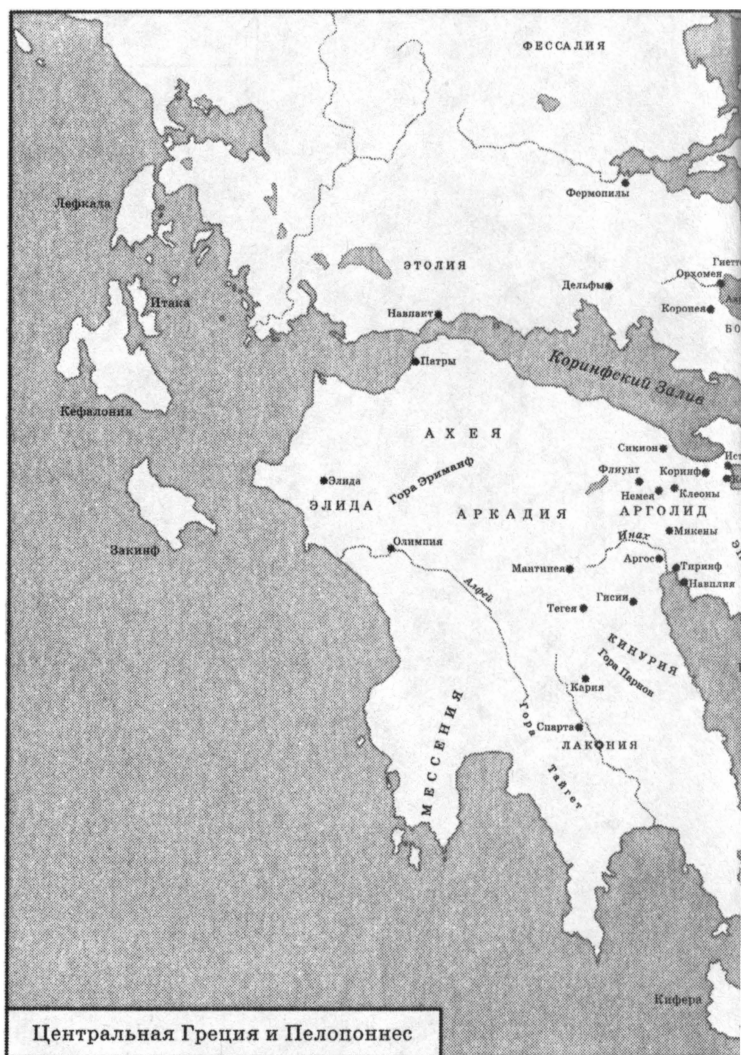

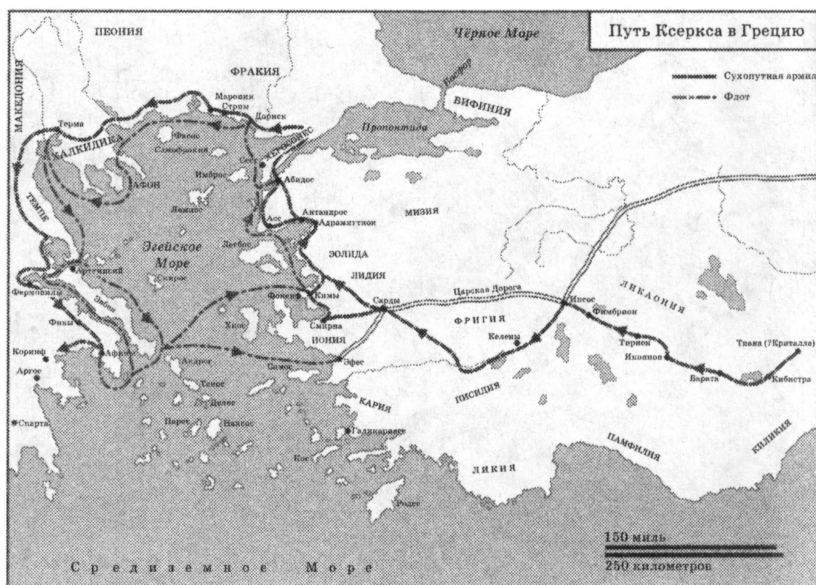

Персидская Империя

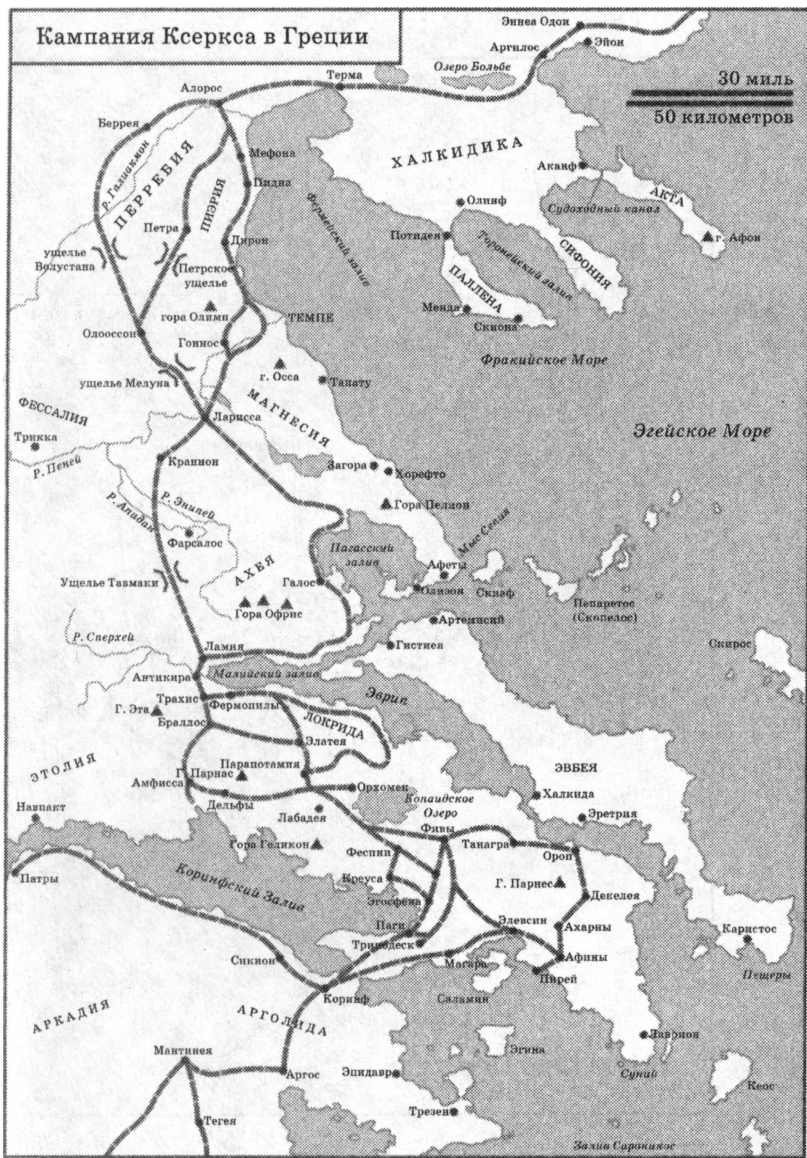

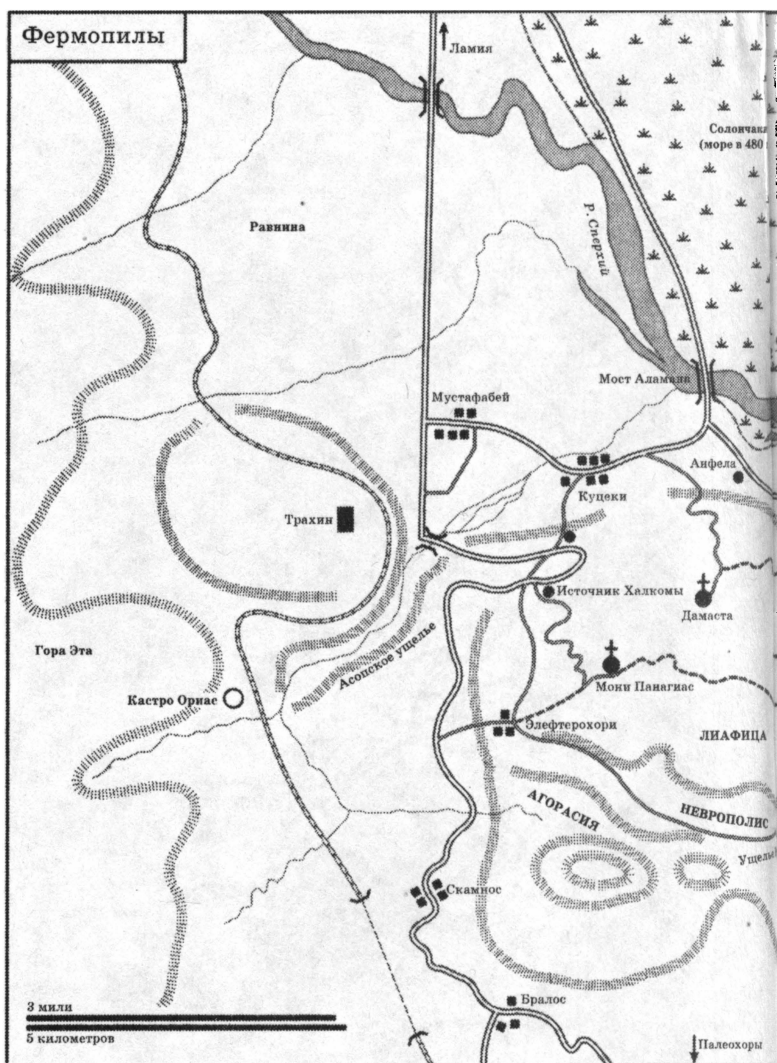

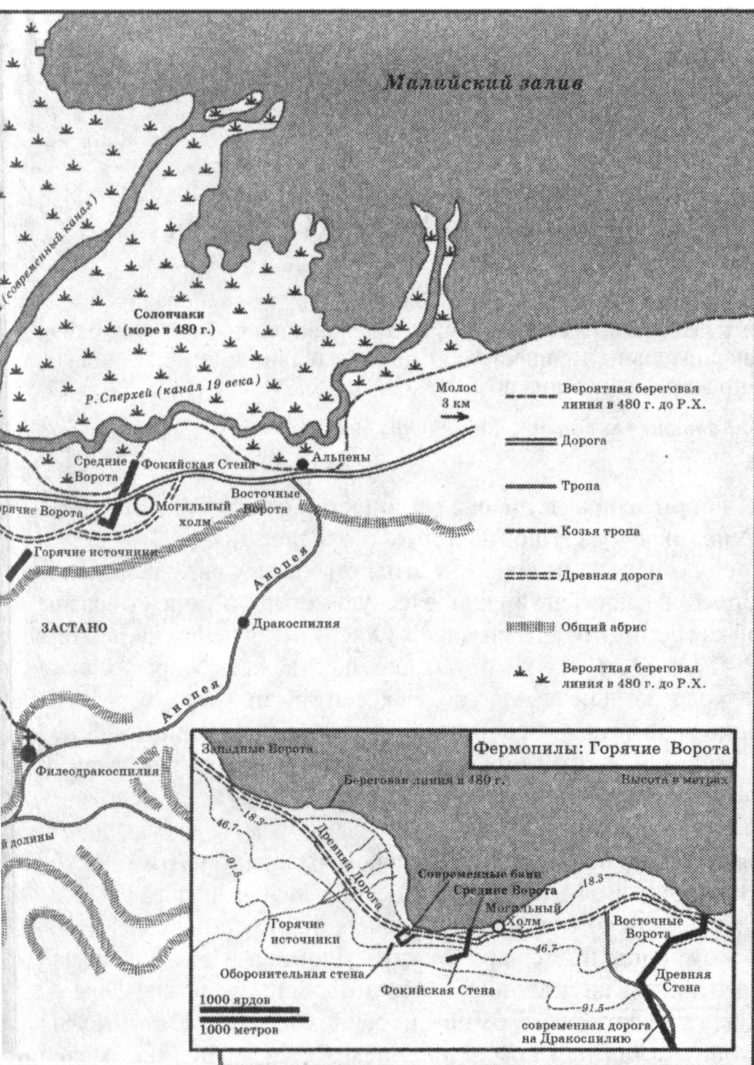

Кампания Ксеркса в Греции

Пролог

ПОДГОТОВКА ТРАГЕДИИ

От Воображения к Пустой Странице. Трудный переход, воды опасны. На первый взгляд, расстояние кажется небольшим, однако как длительно путешествие и как губительно иногда для кораблей, предпринимающих его.

К. П. Кавафи. «Корабли», поэма в прозе, 1895—6.

Эдвард Гиббон охарактеризовал процесс, который он описал в книге «Упадок и разрушение Римской империи» (1776—1788), как «ужасную революцию». Под этим он имел в виду радикальный процесс, изменивший человеческую историю таким образом и в такой степени, что это внушало ужас. Греко-персидские войны 480—479 гг. до Р.Х., которым предшествовала Марафонская битва 490 года, заняли гораздо более короткий промежуток времени. Однако с помощью бесценной привилегии историка — способности оценки задним числом, они также видятся как именно такое событие, вызывающее сочетание шока и ужаса в человеческих делах.

Битва при Фермопилах была решающим компонентом Греко-персидских войн. Во второй половине августа 480 года до Р.Х. маленькая греческая армия, насчитывавшая около семи тысяч человек, под командованием царя Спарты Леонида и возглавляемая элитным отрядом специально отобранных спартанских воинов, встретила в схватке с огромной персидской армией вторжения под верховным личным командованием Ксеркса, Великого царя Персии. Боевое мастерство греков и особенно спартанцев было абсолютно необходимым в то время, поскольку оно давало относительно немногочисленным «верным» грекам (как я буду их на-

зывать) пример для подражания, чтобы, продолжив его, изгнать захватчиков из Греции и с островов Эгейского моря. С тех пор Фермопилы стали ключевым компонентом спартанского мифа, или легенды. Фермопилы отозвались во всей Западной культурной традиции как символ специфически греческих и спартанских качеств разумной преданности и жертвенности во имя высшего общего дела, Свободы — или, скорее, одного из определений Свободы.

Но почему, можно спросить, в книге, столь близкой к тому, что Эдгар Аллан По назвал «Славой, которая была Грецией», мы должны фокусироваться на войне? По двум основным причинам. Война была и продолжает оставаться предельно ужасным негативным опытом, убийством одних людей другими, часто по причинам, в минимальной степени заслуживающим восхищения, и с самой отвратительной жестокостью. Греки практиковали войну с целеустремленностью и вкусом в таком масштабе, что она стала определяющим качеством их культуры в целом. Игнорировать роль войны в Древней Греции значило бы совершить исторический грех отмыкания прошлого. С другой стороны, война является или может стать исключительно облагораживающим фактором, дающим выражение патриотической или товарищеской солидарности, включая бескорыстное самопожертвование за такое явно «благое» дело, как свобода, демократия и прочие высокие идеалы. Греки никому не уступали в способности объять эту противоположность отвратительного и благородного, которая возвращает нас к истокам западной культуры и «цивилизации» — к «*Илиаде*» Гомера, первому шедевру всей западной литературы; к «*Персам*» Эсхила, первому сохранившемуся шедевру западной драмы; к блистательным военным стихам Симонида и, наконец, к самому важному — *Историям* Геродота, первому шедевру западной историографии.

Одно из самых отвратительных творений человека война способствовала появлению некоторых из самых возвышенных и влиятельных литературных произведений человечества. И не только литературных, но также и поразительно возвышенных визуальных памятников. Поезжайте в Дельфы — вы можете видеть их руины вопреки всем стараниям французских и греческих землекопов и сторонников охраны памятников старины и получить достаточное представление о некогда поразительном сверхизобилии мемори-

ального строительства и скульптуры. Точнее, *военных* памятных скульптур, таких сооружений, как Афинская сокровищница, установленная под углом к Священному пути. Или сходите в афинский акрополь и осмотрите только Парфенон: этот исключительно красивый и внушительный храм был построен за счет военных трофеев и излишков дани от антиперсидского альянса, в котором доминировали Афины, и сооружен, в сущности, как военный мемориал. Воистину, как поет хор в трагической драме Софокла «*Антигона*», «внушают ужас дела людей» — совершаемые как во благо, так и во зло. Или, как мудро выразился панегирист Пиндар из Фив, современник Греко-персидских войн: «Война сладка для тех, кто ее не испытал. Но сердце опытного человека трепещет при ее приближении»¹.

Мы в западном мире двадцатого и двадцать первого веков, веков тотальной войны, битв во Фландрии, Сталинграде и Хиросимы, безусловно вполне в состоянии оценить эту кардинальную черту древнегреческой культуры, особенно культуры Спарты пятого века. Однако в другом смысле для большинства из нас это вовсе не так. Летом 2005 года, когда я пишу эти строки, исполняется шестидесятая годовщина окончания Второй мировой войны, но этот шестидесятилетний период характеризовался полным отсутствием крупных международных военных конфликтов как в Европе, так и в Северной Америке. Конечно, имел место ряд серьезных войн: «холодная война», корейская и вьетнамская войны, война в Персидском заливе, иракская война, жестокие войны в Боснии, Чечне и Руанде, не говоря уже о зверствах террористов в Нью-Йорке, Мадриде, Лондоне и других местах. Но американцам и западным европейцам, родившимся сразу же после Второй мировой войны, никогда — слава Богу! — не приходилось поднимать оружие против полчищ иноземных врагов и убивать своих братьев-людей по каким-нибудь патриотическим или идеологическим соображениям. Президент США является также Главнокомандующим американскими Вооруженными силами, но, как всем известно, Уильям Джефферсон Клинтон никогда даже не служил в армии, не говоря уже об участии в военных действиях. Рассказывают, что во время «миротворческой» операции США в Сомали он

¹ Пиндар. Фрагмент 110 (Здесь и далее примечания автора).

был особенно шокирован видом того, как скандирующая толпа волокла по улицам мертвое тело сержанта американских рейнджеров. Предположительно, слушатели гомеровской *«Илиады»* в Спарте или Афинах V века до Р.Х. испытывали бы совершенно иные чувства, будучи приучены к зрелищам подобного рода, таким, какие мы не можем даже представить себе, не говоря о том, чтобы их пережить.

Для полной ясности: дело не в том, что древние греки считали войну как таковую безусловно благим делом. Напротив. Ирена, богиня Мира, была частью общегреческой мифологии — старшим членом пантеона еще со времен *Теогонии* беотийского поэта Гесиода, авторитетной поэтической генеалогии всех основных богов и богинь (около 700 века до Р.Х.). В 421 году Аристофан поставил в Афинах комедию под названием *«Мир»* по имени этой богини, и из сохранившегося текста совершенно ясно, что только изготовители оружия и торговцы им считают убийство на войне безусловно позитивным явлением. Через каких-нибудь пятьдесят лет афиняне официально учредили религиозный праздник мира и заказали знаменитому скульптору Праксителю трогательную групповую скульптуру богини с младенцем Плутосом на руках (*«Богатство»*, название еще одной пьесы Аристофана, также названной в честь соответствующего божества и впервые поставленной в начале 80-х гг. IV в.).

Таким образом, в каком-то смысле греки ценили мир и искренне его желали. Однако несмотря на эти утопические стремления, суровая действительность была такова, что война была в самом центре греческого образа жизни и мировоззрения. Например, священное *«Олимпийское перемирие»*, которое объявлялось государством Элидой через каждые четыре года (интервал между Олимпиадами), в техническом смысле было *«прекращением огня»*, иными словами, представляло собой суровую необходимость, чтобы дать возможность состязующимся и зрителям безопасно посетить Олимпийские игры. Это ни в коем случае не было манифестом пацифизма. Короче говоря, действительный, не мифический мир без войн был для древних греков почти буквально немислим. Напротив, мышление в категориях войны считалось ими исключительно приемлемым.

Это вторая причина, по которой любой подход к *«Славе, какой была Греция»* не может избежать следования военным мар-

шпрутом. Например, для греков война была решающим способом определения ключевого, неизменного различия между мужчинами и женщинами. *Andreia*, греческое слово для «смелости», «отваги» означало буквально «мужество» и значило, что война была исключительно мужским делом, потому что только мужчины по своей внутренней природе отважны, или отважны должным образом. То есть только они способны проявить разновидность смелости, требующейся на войне, являющейся «учителем насилия» (или «жестоким учителем»), как ее решительно называл Фукидид, великий афинский историк и не столь великий генерал в афино-спартанской войне 431—414 гг. Можно извинить предположение, что этот конфликт безусловно должен был стать войной за прекращение всех войн, однако в суровой действительности это оказалось не так.

К тому же война служила средством определения гражданской принадлежности в греческом городе: гражданин Афин или Спарты был по определению в полном смысле слова воином, солдатом. Женщинам, исключенным в силу своей «природы», не было необходимости подавать прошение, хотя им позволялось играть некоторые общественные гражданские роли (например, жриц). Одной из основных функций общественного Собрания (*Ecclesia*) граждан Спарты или Афин было решение вопросов внешней политики, что в переводе с древнегреческого означало «вопросы войны и мира». В пятом и четвертом веках Афины находились в состоянии войны с другими государствами, греческими или негреческими, в среднем три года из четырех и никогда не жили в мире в течение десяти лет подряд. Спарта ненамного отставала от этого незавидного афинского рекорда. Война вмешивалась во внутреннюю политику и политические «разборки». Фактически самой заметной чертой гражданского судопроизводства как в Спарте, так и в Афинах были политические процессы над неудачными полководцами или полководцами, чей успех был спорен, не исключая даже спартанских царей.

Другим основным фоновым фактором была Персидская империя Ахеменидов, самая быстро растущая восточная империя до появления монгольского монстра Чингисхана. В течение одного поколения, с момента ее основания Киром II Великим в 550 г. до Р.Х., она разрослась от центрального района Ирана на запад до Эгейского моря и восточного побережья Средиземноморья (вклю-

чая Египет, покоренный сыном Кира Камбизом) и на восток, включая Афганистан, Пакистан и часть Средней Азии (где в 529 году умер сам Кир в ходе военной кампании). После смерти Камбиза имела место серия восстаний (522—521 гг.), но они были подавлены его дальним родственником, взошедшим на престол под именем Дария I. Далее (499—494 гг.) Дарию пришлось справиться с еще одним восстанием, на этот раз греческих подданных в Западной Азии, но он в конце концов прибег к мягким репрессиям. Однако в 490 году его попытка возмездия и получения репараций по ту сторону Эгейского моря была разбита в битве при Маратоне на афинской территории. Это болезненное поражение подготовило почву для еще более масштабной попытки завоевания, предпринятой вследствие смерти Дария в 486 г. его сыном и преемником Ксерксом (480—479 гг.).

Материковые греки всегда были глубоко разделены, как в силу традиции, так и в системном отношении. Когда Геродот на пике своего повествования приводит определение «гречества», список цитируемых им качеств многозначительно не включает в себя политического сотрудничества, не говоря уж о союзе. Поэтому они вполне предсказуемо разделились по конкретному вопросу о том, как — и даже нужно ли вообще — сопротивляться Ксерксу. Тем не менее несколько греческих городов и народов, ведомых Афинами и Спартой, пришли к согласию. Члены Эллинского союза (современный термин) в районе Коринфского перешейка, вероятно, осенью 481 года принесли религиозную клятву совместно противостоять персидскому вторжению. К сожалению, в их числе не было греков Фессалии, первых за пределами империи, которых повстречает Ксеркс, выйдя из Македонии. Их аристократические лидеры пошли по пути наименьшего сопротивления, который привел к Сузам¹.

На территории Фессалии находилась долина между горами Осса и Олимп, единственная возможная линия обороны от персов. Поскольку она была оставлена коалицией, следующей и единственной линией обороны для греков стал Фермопильский проход.

Даже в условиях этого жестокого кризиса летом 480 г. Спарта

¹ Т.е. к союзу с персами. — *Прим. ред.*

не сумела послать на защиту ущелья полного контингента взрослых воинов-мужчин, вместо этого отправила всего лишь символический, пусть даже и элитный, отряд под предводительством Леонида, одного из двух ее царей. Союзники Спарты по коалиции также, хотя и по иным причинам, воздержались от отправки полных боевых контингентов. Все причины, которыми они это тогда объясняли, носили религиозный характер, а религия в Древней Греции несомненно была по-настоящему важным историческим фактором. Однако можно не без оснований предположить, что тому была и другая существенная причина, более светская и менее похвальная, но вполне понятная — а именно, панический страх: страх того, что персы были просто слишком многочисленны, чтобы им можно было противостоять, будь то в Фермопилах или где-либо еще. В конце концов, огромное большинство из нескольких сотен других городов материковой Греции уже проголосовали ногами и вольно или невольно решили присоединиться к персам или по крайней мере не оказывать им сопротивления вместо того, чтобы попытаться отбить их.

Так что в Фермопилах не было ни афинян (хотя их было много тысяч с флотом в Артемисии), ни мегарийцев и, что еще более странно, очень мало беотийцев включая всего четыре сотни из главного города Беотии Фив. Позже, после битвы при Фермопилах, все беотийцы, кроме жителей городов Феспий (противников Фив) и Платей (союзников Афин), перешли на сторону персов, так что репутация фиванцев особенно испортилась после того, как персы были окончательно разбиты в 479 году. Кроме них, было, вероятно, по тысяче человек от двух местных греческих этнических групп, непосредственно вовлеченных в события — солдат из Фокиды и из Опунтийской Локриды. Против них выступили силы могущественной Персидской империи. Во времена своей максимальной протяженности она охватывала территорию около трех миллионов квадратных километров со множеством языков, национальностей, религий и культур, включая, разумеется, греков, постоянно живших на территории современной Турции и Кипра.

Это не всегда было так уж плохо. Хотя персы взимали дань деньгами и натурой, это обычно не воспринималось как тяжкое бремя. Подобно римлянам, персы не слишком явно и напрямую вмешивались в управление. В целом они были весьма терпимыми

правителями, особенно в том, что касается религии. Основатель империи Кир прославился тем, что освободил евреев из вавилонского пленения и вернул их на свою родину в Леванте. Разумеется, эта акция имела прагматические мотивы и смысл, однако она не была предпринята исключительно потому, что Кир был озабочен стратегической и политической ролью своих еврейских подданных как основным потенциальным источником несогласия и раскола. В свою очередь, у евреев, очевидно, были основания приветствовать своего освободителя как «помазанника Божьего».

С другой стороны, некоторые подданные империи, включая, как мы видели, греков, не считали насильственное членство в чуждой империи целиком и полностью благословением, и некоторые из них не только полагали желательной перспективу освобождения от него, но и активно стремились добиться свободы военными средствами. Свобода под разными масками была главной ставкой и в Греко-персидских войнах 480—479 годов. Сообщают, что Великий царь Персии Ксеркс, присутствовавший лично при битвах в Фермопилах и Саламине, был изумлен поведением спартанцев. Он действовал исходя из ряда заблуждений культурного характера. Ему пришлось терпеливо объяснять, что спартанцы вели себя так, поскольку они сражались за идеал, более ценный, чем даже сама жизнь — за идеал свободы. Свобода — свобода развивать свою уникальную и внесшую уникальный вклад культуру — вот то, что обеспечили спартанцы и другие верные греки, нанеся поражение персам в 480 г. и отбросив их в следующем году после дальнейших героических сражений как на суше, так и на море.

После Фермопил (поражение) и морского сражения при Артемисии (ничья) следующим большим столкновением была морская битва при Саламине в конце сентября 480 года, в которой верные греки под блестящим предводительством инакомыслящего афинского политика и генерала Фемистокла (хотя формально спартанец Эврибиад и оставался адмиралом флота) одержали полную победу. Некоторые современные критики, а также древние, включая Геродота, считали эту битву решающей в этих войнах. На самом деле таковой была сухопутная битва при Платеях, имевшая место в Беотии летом 479 г., под общим командованием спартанского регента Павсания и выигранная, соответственно, великолепными спартанскими гоплитами. Но даже эта битва не была окончанием. Однако четвертое заключительное сражение, с мор-

ским десантом при Микале на побережье Азии напротив греческого острова Самос, было скорее началом следующей фазы греко-персидского конфликта, нежели окончанием Греко-персидских войн 480—479 гг.

Эта битва открыла путь к образованию Делийского союза с центром в Афинах (478—477 гг.), который в скором времени превратился в афинскую морскую империю, а также к комбинированной десантной битве на реке Эвримедон в Памфилии приблизительно в 466 году. Напротив, спартанцы вполне предсказуемым образом неохотно становились моряками. Хотя формально царь Леотихид являлся верховным командующим в Микале подобно Эврибиаду в Саламине, его пришлось уговаривать оставить безопасные Киклады ради континента, на который к тому времени еще не вступала нога спартанского царя (и, собственно, не вступит до Агесилая в 396 году). Он не принял участия в преследовании персов до Геллеспонта, не говоря уже об освобождении греков в Македонии и Фракии, все еще находившихся под властью Персии. Фактически, странным образом предвосхищая Лозаннский мирный договор 1923 года, он предложил в качестве решения проблемы азиатских греков принудительный обмен населением: переселение их в материковую Грецию на земли, занимаемые предателями, перешедшими на сторону персов, которые должны быть подвергнуты «зачистке» и выселены в Азию, к которой духовно принадлежат.

Таков исторический фон войны и империи, который я намерен детально проанализировать в связи с ролью, которую в 480 г. сыграли спартанцы, признанные лидеры «греков» в сопротивлении персидскому нашествию под предводительством Ксеркса. Я не буду скрывать зверств, предательства и мерзостей войны — любой войны, всех войн. Но я также — и в еще большей степени — подчеркну позитивные последствия конкретно этих Греко-персидских войн, хотя сами спартанцы по большей части предпочитали не быть активными участниками этих последствий. Быстрое развитие первой в мире системы по-настоящему организованной прямой демократии, как и создание вдохновенных и бессмертных произведений литературного и визуального искусства являлись в основном достижениями афинян или тех, кто был радикально вдохновлен культурой демократических афинян. С другой стороны, даже достижения Афин не лишены своей темной

стороны. Создание афинянами морской державы на базе продолжавшегося сопротивления Персии вызывало не вполне лишние основания обвинения в экономической эксплуатации и жестоком империалистическом угнетении предположительно свободных союзников, а знаменитое афинское серебро, которым в пятом веке и позже финансировался флот и многое другое, был получен за счет каторжной работы рабов нередко в смертельных условиях чудовищной жары.

Темная сторона спартанской «полной луны», вероятно, еще более очевидна. Решение спартанцев основывать всю свою *politeia* — политический и социальный режим и образ жизни — на эксплуатации греческого низшего класса, илотов, должно навсегда бросить тень на ореол их славы. «Илотский вопрос» настолько навязчив и потенциально разрушителен, что некоторые современные поклонники Спарты делают вид, что власть спартанцев над илотами была не таким уж злом (если бы была, то как она могла продолжаться в течение четырех столетий?) или не столь значительна (спартанцы, включая двух самых выдающихся персонажей нашего повествования — царя Леонида и регента Павсания, — были на самом деле за освобождение илотов и предоставление им гражданских прав, но, к сожалению, их усилия были сорваны менее дальновидными и более реакционными согражданами. Увы, это утверждение — просто принятие желаемого за действительное. Древние почитатели Спарты — «лаконизаторы», как их называли — были куда менее щепетильны и сентиментальны. Они либо воспевали тот факт, что в экономическом отношении Спарта была самой свободной греческой территорией благодаря эксплуатации илотов, либо утверждали, что спартанская *politeia* была столь восхитительна и заслуживала подражания в качестве идеала, что несвобода илотов была вполне терпимой и, по существу, необходимой платой за нее. Мое собственное мнение и, надеюсь, взвешенное суждение таково: не будь спартанский режим таким, каким он был, со всеми войнами и прочим, спартанцы не смогли бы сыграть той решающей роли при Фермопилах и в прочих конфликтах 480—479 годов, которую они безусловно сыграли. Таким образом, спартанцам принадлежит парадоксально двойственная, даже противоречивая роль в истории западной свободы как практики, так и идеала.

Разумеется, альтернативная история «А что, если...?» — приятное развлечение для историков, но она может быть также и в выс-

шей степени полезным способом исследовать причины и следствия. Например, что, если бы сопротивления при Фермопилах либо вовсе не было, или оно было бы гораздо менее ужасающе решительным и эффективным, нежели оно в действительности было под предводительством Леонида и его спартанцев? Что, если бы персам в 480—479 годах удалось включить материковых греков, а также живших на островах Эгейского моря и на западно-азиатском побережье в свою обширную империю? Так много вопросов. Однако не вызывает сомнений, что, если бы победили персы, греческая цивилизация в последующую классическую эпоху была бы неизмеримо отличной от того, во что она в действительности развилась в пятом и четвертом веках под влиянием победы над, казалось бы, неодолимой военной силой.

Большинство стало бы утверждать также, что она была бы качественно значительно ниже. Поскольку, хотя персидская империя и была весьма плюралистична и, по древним стандартам, толерантна в отношении культуры, в каком-то смысле подобно Османской империи на поздних стадиях своего существования, в высшей степени сомнительно, что она смогла бы терпеть патристически окрашенное сочетание демократического самоуправления и весьма своеобразных и агрессивных представлений о свободе древних греков. В свою очередь, свобода была условием культурного достижения, которое сформировало фундамент, по крайней мере решающий его аспект, западной культурной и политической традиции, основным образцом которой была Спарта.

ДРЕВНИЙ МИР В 500 ГОДУ ДО Р.Х. ОТ ИНДИИ ДО ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

В Лакедемоне находятся самые поработанные [doulou] и самые свободные.

Критий Афинский. Спартанское общество

Геродот начинает с того, что помещает свой избранный сюжет Греко-персидских войн в самый широкий контекст исторического и, как следовало бы сказать, мифоисторического конфликта между Востоком и Западом. Основным «моментом» в этом споре между греками и варварами, между Западом и Востоком, была Троянская война, воспетая Гомером в «Илиаде». Подобно второй эпической поэме «Одиссее», «Илиада» явилась кульминацией долгой традиции устного сочинительства и исполнения, восходящей к периоду Поздней бронзы, то есть к Микенской эпохе. Но если существовал некий Гомер, этот гений монументальной поэзии, создавший единые повествования об Ахилле и Одиссее, то он должен был бы жить где-то в Восточной Греции, прибрежной зоне западной Анатолии или на одном из греческих прибрежных островов, таком как Хиос, около 700 года до Р.Х.

Это произошло, и не случайно, когда был основан Илион, или Новая Троя, на том месте, которое приняли за гомеровскую Трою греки, пришедшие из центральной материковой Греции на постоянное поселение в северо-западной Малой Азии. Илион представлял собой просто одно из множества греческих поселений, созданных греческой «колонизацией», продолжавшейся в течение

двух веков примерно с 700 до 500 года¹. Это огромное перемещение людей было вызвано рядом причин и факторов, которые включали нехватку земли, конфликты между политическими фракциями и просто авантюризм. К концу этого процесса греки оказались примостившимися (как позже выразился Платон), подобно лягушкам или муравьям, вокруг пруда — или, скорее, вокруг двух прудов — Средиземного и Черного морей.

В результате в 500 году греческий мир представлял собой не политическое единство, а, скорее, ряд отдельных, независимых, часто враждебных друг к другу политических общин, которые обычно называли себя *poleis*, или городами. Мы бы назвали их республиками, хотя среди них был и ряд монархий, а также уникальная «диархия», то есть двоецарствие — Спарта. Существовало свыше тысячи таких независимых единиц, разбросанных от, как говорили сами греки, Геркулесовых столпов (Гибралтарского пролива) до Факиды (в современной Грузии на крайнем востоке Черного моря).

Большинство проживало в Европе от Византия (современного Стамбула) на востоке до южного побережья Испании на Западе, включая большую часть побережья Сицилии, Южной Италии и часть французской Ривьеры. Греки селились также в Африке вдоль Средиземноморского побережья в современных Ливии и Египте, особенно в Кирене и Навкрате в дельте Нила. Но в Азии жило гораздо больше греков, чем в Африке, и именно в Азию началось переселение греков с материка, значительно раньше собственно «колонизации». Например, Милет в Ионии был основан еще в XI веке до Р.Х. в начале эпохи, которую ученые называют греческими Темными веками (около 1100—800 гг.). Именно греки Азии и основных прибрежных островов (Лесбоса, Хиоса и Самоса) первыми почувствовали удары персидского кнута.

К 500 году Персидская империя, основанная всего полстолетием ранее, стала самой быстро растущей империей за всю историю древнего Востока. Она распростерлась от Индийского субконтинента до восточных берегов Эгейского моря и, помимо сво-

¹ Термин «колонизация» условен и неточен, поскольку большинство этих новых поселений были с самого начала независимы, а не являлись колониальными аванпостами метрополии.

его иранского центра, охватывала древние территории Египта и Вавилонии. Две культуры, греческая и персидская, накладывались друг на друга, смешивались и сталкивались сначала в западных, средиземноморских границах Персидской империи. Некоторые греческие города, расположенные на западных рубежах Азии, в 40-х годах VI в. были даже насильственно включены в состав империи. Эта ситуация спровоцировала смешанную реакцию среди самих покоренных греков, а также среди их культурных и этнических сородичей дальше к западу. В 499 году ряд восточных греков поднял знамя восстания при поддержке и подстрекательстве только что обретших демократию Афин. Были посеяны семена Греко-персидских войн 490-го и 480—479 годов. Столкновение в Фермопилах было лишь вопросом времени.

Греко-персидский конфликт должен быть в первую очередь помещен в широкий геополитический контекст. Последующее повествование будет продвигаться с Востока на Запад и будет рассматривать вещи преимущественно с позиций Персии. Оно начинается с дальнего Востока, с того, что греки неопределенно называли Индией, хотя они имели в виду нынешний Пакистан, Кашмир и относительно малую часть современного государства Индия¹. Персы были первой державой, которая благодаря принадлежности к индоевропейской языковой семье могла хоть как-то отнести себя к Европе, создав физическую и политическую зацепку на субконтиненте во времена правления Дария I (около 522—486 гг.).

Эта попытка оккупации включала перевал через хребет Гиндукуш, названный греками Паропамисадами (переход), и очень легкий переход по ущелью Хибер. И вряд ли удивительно, что размах персов вскоре превзошел их власть. Это «завоевание Индии» оказалось просто кратким моментом в двухсотлетнем существовании

¹ Благодаря завоеванию Индии Александром в 320-х годах, греки получили некоторое представление о протяженности Индийского субконтинента на юг, однако основной его массив оставался вне пределов их досягаемости. Ко времени царствования великого императора Индии Ашоки, в начале третьего века до Р.Х., индийцы знали довольно много о греках, во всяком случае, достаточно для того, чтобы Ашока недвусмысленно отклонил тот тип строительства империи, которым стяжал славу — возможно, дурную — Александр Великий, и принял новую форму правления, основанную на буддийских принципах терпимости и сострадания.

монархии Ахеменидов в целом. Персы потребовали от индийцев уплаты дани, как требовали от всех своих подданных. Геродот рассказывает, что дань Индии составляла фантастическую, воистину баснословную сумму 360 талантов золотого песка в эпоху, когда золото ценилось в четырнадцать раз дороже серебра.

Но если после Дария Персидская империя могла более или менее добровольно отдать свой дальний Восток без угрозы для своей целостности, то дело обстояло совсем иначе в отношении ее северо-восточной границы — степей Согдианы, Бактрии, нынешней Средней Азии и Северного Афганистана. Именно там великий основатель империи Кир II встретил свою славную смерть, сражаясь со среднеазиатским племенем массагетов, которых возглавляла свирепая царица Томирис (как ее имя транслитерировали греки). И пропагандистская барельефная скульптура Дария в Бехистуне в Мидии (недалеко от Экбатана, ныне Хамадана, в Северном Иране) была очень кстати завершена изображением Скунха, царя скудров (скифов), живших к востоку от Каспийского моря.

Продвигаясь по империи на запад, мы попадаем в Месопотамию, «Землю в междуречье», расположенную между Тигром и Евфратом на территории современного Ирака. В 539 году Кир овладел ключевой цитаделью Вавилона на реке Евфрат. Этот прославленный город колоссальной древности и чудесных «висячих садов» Навуходоносора был тем местом, где двумя столетиями позже принял смерть еще один великий завоеватель, Александр Великий, и где, по сомнительным сведениям, он собирался основать центр собственной империи. Богатство Вавилона было легендарным как в смысле минеральных ресурсов, так и пахотных земель¹.

Далее на запад лежит иранская центральная часть Персидской империи. Далеко на юге Ирана регион, называемый Фарсом, сохраняет языковые следы его первоначальных обитателей. У греков было два названия для расположенной там основной столицы. Более раннее — «Persai», буквально «Персы». Позже, когда Иран после Александра стал частью эллинизированного Среднего Востока, он стал называться Персеполем, «Городом персов». Это название закрепилось, хотя оно может вести к грубым заблужде-

¹ Здесь также было широкое поле деятельности для деловой активности ловкого банковского дома Мурашу в Ниппуре, Вавилония, чьи поучительные записи дошли до наших дней.

ниям, поскольку наводит на мысль, что Персеполь был полисом (городом-государством) в том же смысле, что Афины, Фивы или Спарта.

Во времена Ахеменидов Перса/Персеполь функционировал, среди прочего, как основная церемониальная столица империи. Он был местом, где проводился великий праздник Нового года и где в процессии множества подданных народов церемониально проносили символы дани империи, как пышно изображено на стенах Ападаны, великого царского Приемного зала. Там же недалеко, в Накш-и-Рустаме, хоронили персидских царей в прекрасных вырубленных в скальной породе гробницах — или, по крайней мере, проводили церемонии. Почти столь же важной для самих иранцев была еще одна столица, к северо-западу на территории Ирана — Сузы в Эламе, служившие в основном главным административным центром правительства. Также важной столицей был город Экбатана в Мидии. Похоже, что персидские цари разработали расписание регулярных перемещений из одной роскошной столицы в другую в зависимости от времени года; например, расположенная в глубине страны Экбатана была царской резиденцией в разгар лета. Помимо чисто практических соображений и символической ценности, это царское кочевничество может в конечном счете отражать происхождение персов как пастухов.

Далее к западу от центральной части Ирана персы вошли в Анатолию в современной Турции. Воистину поразительно, что в 40-х гг. VI в., перед тем как перестраховаться на предмет соседней Вавилонии, Кир намеревался распространить свою империю вплоть до Эгейского моря и таким образом захватить всю Анатолию, включая некоторые греческие города. Непосредственно перед правлением Кира великой державой в Анатолии была Лидия, страна в глубине суши непосредственно к востоку от греческой Ионии, со столицей в хорошо укрепленных и изрядно эллинизированных Сардах. Управляемое в середине шестого века легендарно богатым Крезом, именно это царство являлось политическим и культурным связующим звеном между Анатолией и греками, живущими на материке и островах Эгейского моря.

Геродот рассказывает эту историю об отношениях Креза с разными греками с его обычным живым апломбом. Если начать с негативной стороны — Крез был первым восточным царем, постоянно пытавшимся покорить греков. Сначала он ограничивал

свое внимание греками на азиатском материке (Эолиды, Ионии, Карию — если двигаться с севера на юг), но говорят, что он всерьез подумывал о присоединении к своим владениям основных соседних островов Эгейского моря — Лесбоса, Хиоса и Самоса, пока ему не было ясно указано, что его держава была сухопутной и не располагала подходящим флотом. С другой, позитивной, стороны, имперское правление Креза над азиатскими греками не казалось очень обременительным. Геродот рассказывает поучительную историю о том, как законодатель-реформатор Солон (назначенный в 594 году уполномоченным по улаживанию конфликтов) нашел время, свободное от домашних дел, чтобы посетить Креза в Сардах для назидательной беседы с ним об истинной природе счастья для человека. Из этого следует, что Крез, хотя и был абсолютным монархом, вовсе не был ужасным восточным деспотом.

По чисто хронологическим причинам рассказ Геродота об их встрече должен считаться просто выдумкой (поскольку Солон почти наверняка должен был быть уже мертв задолго до того, как в 560 году Крез взошел на трон в Лидии), но не является выдумкой то обстоятельство, что Крез имел благожелательные отношения с греками. Геродот упоминает о его дарах оракулу Аполлона в Дельфах, и обнаруженная там необычайно искусно сделанная группа статуэток из золота и слоновой кости на деревянной основе, вероятно, изображающая Лето и ее двух детей Аполлона и Артемиду, вполне может быть знаком или отражением этой щедрости. Доказательство этого все еще видно в Эфесе на ионийском побережье в Анатолии: здесь Крез заплатил за искусно сделанные прекрасные архитектурные украшения для храма Артемиды Эфесской — «Дианы Эфесской» Св. Павла, которая в позднейшей инкарнации считалась одним из Семи чудес древнего мира.

Что интересовало персов в Леванте и Африке, особенно в Египте? Кир II назначил преемником своего старшего сына Камбиза. Он был совершенно не похож на отца. В то время как Кир чувствовал даже своих покоренных подданных (возвращенные на родину евреи зашли так далеко, что называли его «Мессией»), Камбиз страдал от враждебного давления как со своей собственной персидской стороны, так и со стороны греков. Однако Камбиз умер при неблагоприятных обстоятельствах — это могло быть самоубийство или убийство. За его кратким и относительно бесславным правлением последовало междоусобица, если не вид узурпа-

пии. Однако он совершил по крайней мере один значительный подвиг: завоевание Египта. Греческие источники склонны воображать, что он помешался от успеха и в бреду убил египетского священного быка Аписа в прежней столице Мемфисе. Сохранившиеся трезвые отчеты самих жрецов Аписа рассказывают совершенно другую историю. Камбизу было нелегко последовать примеру Кира, как сыну и преемнику Дария Ксерксу было непросто повторить деяния отца. Но Камбизу следует отдать должное за включение Египта в свою империю вместе с финикийцами Леванта, которые после этого составили основную массу имперского средиземноморского флота.

Наше исследование развития Персидской империи до 500 года включает экспедицию Дария в 513 году «к землям за пределами моря», то есть в европейскую Фракию за Черным морем и Босфорским проливом, отделяющим Азию от Европы. Сегодня там существует постоянный Босфорский мост. Дарию пришлось заказать временный понтонный мост из множества лодок, подобный мосту, по которому позже во время той же кампании он пересек Истр (Дунай). Греки любят подчеркивать, что та скифская кампания потерпела фиаско, однако она предположительно добилась поставленной цели. С тех пор новая персидская провинция, европейская Фракия, прочно заняла свое место, охраняя северо-западную границу империи Дария, и тем самым был заложен камень для дальнейшей европейской экспансии в то время, когда и если это будет сочтено необходимым. К 500 году Македония на западной границе Фракии также стала вассальным государством Персии, а персидские требования налогов распространились до границ греческой Фессалии.

А что же другие материковые греки? Именно к ним (если верить Геродоту) обратились мысли Креза в 40-х годах VI в., когда он узнал об угрожающем росте империи Кира на востоке. Он не собирался использовать их военную мощь и сверхъестественную силу их мудрых богов. Предположительно, Крез проверял предполагаемую непогрешимость некоторых греческих пророческих храмов. В этом случае загадку мог разрешить только оракул Аполлона в Дельфах в центральной Греции, «пупе земли». Крез по всей форме обратился к пифии, пророчествующей жрице Аполлона, которая с помощью жрецов-мужчин выдавала проверяемое, хотя и чем-то фатально двусмысленное заявление относительно того, как ему

следует реагировать на Кира. Ответ в Дельфах торжественно уведомлял его, что, если он перейдет реку Галис, восточную границу своего царства, то разрушит великую империю. Он перешел, но, увы, разрушенной оказалась его собственная империя, а не Кира. Как выяснилось, он не смог добиться никакой поддержки от материкового греческого города, с которым заключил союзное соглашение на том основании, что тот был самым могущественным военным государством в Греции. Этим государством была Спарта.

Геродот рассказывает, что около 550 года Спарта только что подверглась какому-то серьезному потрясению, но теперь процветала как в смысле внутренней политической стабильности, гарантированной мудрыми законами Ликурга, так и во внешних войнах. Геродот действительно был убежден, что Пелопоннес был целиком «покорен» Спартой. Но было одно примечательное исключение. Город Аргос никогда не признавал гегемонии Спарты на Пелопоннесе, не говоря о более обширных участках Эллады. Около 545 года Аргос вызвал Спарту на своего рода тест на главенство с выбыванием: битву между тремя сотнями избранных воинов с каждой стороны. Спарта сначала проиграла, поскольку со стороны Аргоса осталось два выживших на одного спартанца — Офриада. Но в то время как оба представителя Аргоса устремились домой, чтобы сообщить согражданам радостную новость, Офриад поступил так, как с детства учили каждого доброго спартанца-гоплита (тяжеловооруженного пешего фалангиста). Он оставался «на посту» (*en taxei*) на поле боя. Это позволило спартанцам весьма лицемерно утверждать, что именно они победили в битве воинов.

Независимо от того, насколько правдива может быть эта назидательная история, на самом деле спартанцы и аргивяне примерно в это время действительно устроили полномасштабную битву гоплитов, в которой несомненно и предсказуемо победили спартанцы. Это было достаточной демонстрацией Крезу преобладающей военной мощи Спарты. Хвалебная ода неизвестного времени по поводу победы схватывает сущность того, что можно было бы назвать спартанским «духом Фермопил»: «Для Спарты это не умирание, а бегство от смерти»¹.

¹ *Palatine Anthology* 7.431. Было бы полезно точно установить, когда была написана эта эпиграмма — до или после Фермопил.

Теперь власть Спарты распространялась до восточного побережья Пелопоннеса, включая на севере Кинурию, иначе известную как Фиреатиду, в неудобном соседстве от собственной территории Аргоса. Но независимо от относительного могущества Спарты у себя дома и вопреки уговорам Креза¹, спартанцы чтити договор о дружбе и союзнчестве лишь на словах и символически. Они от имени Креза послали вестника, или дипломатического посланника, по имени Лакрин, несомненно, достойного и опытного гражданина, к самому Киру, чтобы торжественно посоветовать держать руки прочь от Лидии. Однако Кир, уже находясь в Сардах, презрительно ответил Лакрину:

Никогда еще я не боялся людей, которые выделяют специальное место встреч [agora] в центре своих городов, где они приносят и нарушают клятвы и обманывают друг друга. Если я займусь этим, то им придется говорить о неприятностях на своих дворах, а не в Ионии.

Этот отрывок примечателен по ряду причин. Видимо, в 545 году Кир ничего не знал не только о численности спартанцев (что, как мы увидим, само по себе бросается в глаза), но даже и о самом их существовании. Возможно, это просто драматический прием Геродота, но, может быть, и точное отражение действительности — спасительное предупреждение против принятия слишком эллиоцентрической точки зрения на греко-персидские отношения. Вряд ли Кир говорил это, тем более искренне, например, о вавилонянах.

Слово *agora* в греческом языке может означать как место дипломатических встреч, так и торговый базар; фактически первое значение предшествовало второму. Однако Геродот вложил в уста Кира общее упоминание о существовании и о важности рыночного обмена в греческом мире вообще, поскольку он добавил, что у персов нет ни одной такой агоры. В каком-то смысле Геродот был в техническом отношении прав, делая такое утверждение о персах, поскольку царская «командная» экономика использовала цен-

¹ Например, он принес ценные дары золотым листом для покрытия почтаемой, предположительно деревянной, статуи Аполлона в Форнаксе близ Спарты (*Геродот.* 1.69).

трализованно контролируемую систему распределения, а не рыночную частнопредпринимательскую для обмена товарами и услугами. Однако было странным заставлять Кира говорить это именно спартамцам, поскольку известно, что они среди всех греков были наименее всех коммерчески ориентированы. Тем не менее, это могло быть частью тонкого замысла Геродота, еще одного способа подчеркнуть незнание великим царем своих противников, которые в заключение истории сыграют ведущую роль в развенчании предсказаний Кира о легкой победе персов над любым греческим сопротивлением, будь то в Азии или, как он намекает, в Европе.

Тогда, в 40-х годах VI в., Спарта не принимала участия в военных действиях против Персии и не будет непосредственно встречаться с персами на поле боя в течение еще шестидесяти лет. Однако, несмотря на то что Кир опрокинул Креза и его азиатских греческих подданных, спартамцы чувствовали себя настолько безопасно на своем «дворе» и столь уверенными в собственной способности отразить удар, что в последней четверти шестого века они, по существу, предприняли только две морские экспедиции. Первая из них приблизилась к Азии настолько, насколько это было возможно, не вступая на сам материк, — так далеко на востоке Спарта никогда не рисковала вести военные действия до Афино-пелопоннесской войны. Она была направлена против острова Самос и его правителя тирана Поликрата около 523 года. Выходки этого пиратского персонажа с его могучим флотом вызвали озабоченность Персии, а также местных самосских аристократов и олигархов, которых тот либо подавил, либо изгнал. Спарта предприняла эту экспедицию совместно с со своим пелопоннесским союзником Коринфом, городом с длительной морской традицией и важной геополитической позицией, который был расположен поперек перешейки, отделяющего Пелопоннес от материковой Греции.

Попытка свергнуть Поликрата закончилась неудачей — ее должное завершение было оставлено персам и их финикийскому флоту, равно как и безопасное содержание их границ на Эгейском море. Тем не менее около 512 года Спарта опять послала морскую экспедицию, но на сей раз против гораздо более близкого греческого противника — Афин. Для Спарты здесь на карту было поставлено превосходство не только на Пелопоннесе, но и во всей южной материковой Греции в целом. Крезу было дано понять, что

уже в 40-е гг. VI в. Афины стали ближайшим конкурентом Спарты как военной державы. До того, как это произойдет, оставалось еще тридцать с лишим лет, но за это время политическая ситуация в Афинах изменилась, появилось еще одно идеологическое измерение в конфликте между ними. С 545 года Афины управлялись семейной тиранией, или династией, Писистрата и его сыновей, а тирания приравнивалась к отрицанию права греков на политическую свободу.

Спартанская морская кампания еще раз потерпела неудачу. Но экспедиция, посланная два года спустя, в 510 году, более обычным образом, по суше, проходила совсем иначе. Энергичный спартанский царь Клеомен I, экспансионист и интервент, сверг Гиппия, старшего сына и преемника Писистрата. Более или менее непосредственным следствием прекращения Спартой тирании семьи Писистрата было рождение в Афинах первой в мире демократии, хотя это была демократия древнегреческого образца, весьма отличная от современной. Это было достигнуто посредством реформ 508—507 годов, приписываемых выдающемуся аристократу Клисфену, и вряд ли дало ожидаемый и желаемый спартанцами результат. Вместо проспартанской олигархии им теперь пришлось иметь дело с антиспартанской демократией.

Это было началом идеологической поляризации — спартанская олигархия против афинской демократии, разыгрывавшейся в течение следующей сотни лет и достигшей кульминации в разрушительной Афино-пелопоннесской войне 431—404 годов¹. Более того, бывший тиран Гиппий спешно удалился в более гостеприимные части Азии. Он перешел на сторону персов и стал преданным вассалом Великого царя Персии. Таким образом была выкована цепь между греческой «свободой» и персидской тиранической «деспотией».

¹ Спартанцы в конце концов выиграли эту войну, но (еще один парадокс) только благодаря персидским деньгам. Афиняне со своим морским флотом и желанием освободить азиатских греков представляли большую угрозу интересам персов, нежели Спарта. Поэтому, исходя из принципа «враг моего врага — мне друг», сначала два самых северных персидских сатрапа, а затем сын Великого царя Дария I направил колоссальные суммы денег спартанцам, чтобы они смогли создать флот, способный в конце концов нанести поражение афинянам и лишить их контроля над Эгейским морем, особенно над связывавшим его с Черным морем Геллеспонтом.

ДИНАМИКА ИМПЕРИИ: ПЕРСИЯ ПРИ АХЕМЕНИДАХ

Среди этих стран есть место, где раньше поклонялись демонам. Впоследствии... я там благоговейно поклонялся Ахурамазде согласно истине.

Из «Дэва-Надписей» Ксеркса

Персидская империя была не только огромна — она также была в высшей степени разнородна и сложна. Кир II «Великий» (559—530) и его сын Камбиз (530—522), отпрыски царского дома Ахеменидов, выковали свою обширную империю ценой завоеваний. Однако на долю Дария I (522—486), дальнего потомка, мудро женившегося на дочери Кира Атоссе, выпала задача прочно основать ее на фундаменте сбора податей и бюрократической администрации. Его сын и преемник Ксеркс (486—465) предпринял попытку последовать примеру своего великого отца, расширив империю завоеванием и включением в нее материковых греков, но потерпел жестокую неудачу — прежде всего благодаря спартанцам — и погиб от руки убийцы.

В наших данных относительно могущественной персидской империи и ее взаимоотношений с греками скрывается неустрашимый парадокс. Мы можем читать некоторые из официальных хроник самих персов, некоторые из коих я буду обильно цитировать, и можем более или менее точно расшифровать формализованный язык памятников официального искусства Ахеменидов, находящихся в нескольких дворцовых центрах. Но мы не можем обойтись без Геродота, чтобы увязать древнее повествование с контекстом и дать целостное объяснение греко-персидским отношениям в период между 550 и 579 годами. И это несмотря на все его несомненные недостатки как «научного» историка в лучшем современном смысле. Например, хотя он каким-то образом получил косвенный доступ к некоторым важным персидским документам, он никогда не изучал персидского и не знал никакого другого языка, кроме своего родного дорийского диалекта, разговорного гре-

ческого и литературного ионийского диалекта, на котором написал свои *Истории*. Одним из маленьких признаков его одноязычия было глубоко ошибочное этноцентрическое заблуждение, что персидские собственные имена оканчиваются на «с».

С другой стороны, прежде чем позволить себе слишком увлечься недостатками Геродота как исследователя, хрониста и историка Персии, следует напомнить себе, что даже в греческом мире до Геродота не было Геродота. Даже более того, лишенный равенства, иерархический сверху донизу персидский мир абсолютной монархии никогда не создал ничего подобного Геродоту. В Ахеменидской Персии было множество писцов, но не было ни одного историка. Парадоксальным образом писцы сделали любую менее ограниченную форму грамотности ненужной, а также, возможно, и нежелательной. Однако бюрократия и страсть к подсчетам имеет свои преимущества для современного историка Древней Персии. Теперь, когда мы можем читать многие официальные персидские документы в значительной мере благодаря Генри Ролинсону, в девятнадцатом веке расшифровавшему персидскую клинопись, мы способны по крайней мере внутренне почувствовать, как работала администрация в центре, а также осознать колоссальное этническое разнообразие этого огромного царства, воистину первой мировой империи.

Подумайте, например, какой свет пролила совсем недавняя публикация Фортификационных дощечек из Персеполя на карьере высокопоставленного чиновника, чье имя на персидском языке звучит как «Парнака», но которое Геродот транслитерировал как «Pharnaces» (отметьте конечное «с»). Благодаря Геродоту нам уже известно довольно много о его важном сыне Артабазе. Вот, например, несколько слов из отрывка, следующего за битвой при Саламине в 480 году до Р.Х.:

Артабаз, сын Фарнака, был уже известным человеком в персидской армии, и ему предстояло еще больше укрепить свою репутацию в результате битвы при Платеях [в 479 году].

Как уже известно читателю, сей Артабаз был командующим сухопутными силами парфян и хорезмийцев, сражавшихся в бактрийском вооружении. Он заслужил несколько похвальных отзывов от Геродота. По контрасту, его отец Фарнак предстает просто

отцом своего (предположительно) знаменитого сына. Однако теперь мы знаем — и это одно из выдающихся открытий, сделанных в результате расшифровки собственно персидских официальных бюрократических документов, — что Фарнак был не менее, а в своем роде, пожалуй, даже более выдающимся, чем его сын.

Ибо около 500 года до Р.Х. он был самым высокопоставленным царским чиновником в главной церемониальной столице империи Персеполе («Парса» по-персидски). Мы также знаем из его официальной печати, что Парнака был сыном Иршама (Арсама). А Иршама/Арсам был дедом не кого иного, как Великого царя Дария I. Таким образом, Парнака/Фарнак был братом отца Дария Гистаспа и дядей Великого царя по отцовской линии. Мы уже знаем из греческих источников, что Дарий заключил ловкий династический брак с Атоссой. Теперь мы видим, как он воспользовался кровными связями, чтобы подмазать колеса высшей имперской администрации. Такое необычайное озарение можно получить из оригинальных персидских источников, доступных нам в своей первоизданной форме, но никогда не бывших доступными Геродоту.

Что же касается этнического разнообразия империи, то нет лучшего способа получить прямой доступ, как через хвастливый текст Дария, описывающий строительство дворца в Сузах в Эламе, главном административном центре империи. Вот выдержка из длинной главы об основании города:

Этот дворец, который я построил в Сузах: его материалы были доставлены издалека... Дровесина кедра была привезена с горы, называемой Ливаном. Ассирийцы [из современного северного Ирака] доставили ее в Вавилон [южный Ирак]. Из Вавилона карийцы [из юго-восточной Анатолии] и ионийцы [греки из центральной Анатолии] доставили ее в Сузы. Дровесину сиссу привезли из Гандары [на афганско-пакистанской границе] и Кармании [на юге Ирака]. Золото, обработанное здесь, привезено из Сард [столицы сатрапии Лидия в центре западной Анатолии] и из Бактрии [северного Афганистана]. Драгоценный камень лазурит и сердолик, обработанный здесь, привезен из Согдианы [северного Афганистана]. Драгоценный камень бирюза ... привезен из Хорезма [Средней Азии]. Серебро и черное дерево привезены из Египта. Украшения, которыми убрана стена, — из Ионии. Слоновая

кость, обработанная здесь, — из Эфиопии, из Индии и из Арахозии [южный Афганистан]. Каменные колонны, сделанные здесь, привезены из ... Элама. Резчики, обрабатывавшие камень, — ионийцы и жители Сард. Золотых дел мастера, обрабатывавшие золото, — мидяне и египтяне. Люди, работавшие по дереву, были из Сард и Египта. Те, кто обрабатывал обожженный кирпич, были вавилоняне. Стены украшали мидяне и египтяне.

Дарий подводит итог:

Царь Дарий говорит: «Великолепная работа была заказана в Сузах, и великолепная работа осуществлена. Да защитит Ахурмазда меня, моего отца Гистаспа и мою страну».

Великие столицы, расположенные на юге современного Ирана — Пасаргады (первоначальная, построенная Киром), Сузы и Персеполь («место археологических раскопок, представляющее собой огромный пудинг, в котором слишком много яиц», как некий журналист непочтительно назвал его), — были дополнены четвертой в Экбатане в Мидии дальше к северу. Мы могли бы предсказать, что их общественное убранство будет состоять из материалов, доставленных со всех концов империи, а также, пусть даже в меньшем масштабе, предвидеть источник квалифицированной рабочей силы, включая ионийцев (греков), как сказано в цитированной выше главе об основании Суз. Однако еще более удивительно, что из этого смешения в корне различных народов и мест, каждого со своей собственной культурной традицией, получился единый стиль, уникальный для Ахеменидов. Некоторые склонны видеть в этом заслугу самого Дария, поскольку этот стиль предполагает наличие единого контролирующего интеллекта, и это было искусство, сосредоточенное на царстве (и лишенное претензий на глобальный размах). Но это может быть преувеличением его заслуг. Возможно, нам стоит поискать анонимного персидского Имхотепа¹ в качестве гениального закулисного вдохновителя централизованного строительного проекта.

Кроме того, общественное искусство и архитектура Ахеменидов были интересны своей светскостью в том отношении, что не

¹ Легендарный архитектор фараона Хеопса. — *Прим. ред.*

было создано ни одного значительного религиозного памятника, например, вавилонского или египетского типа. Их стиль был эклектичен, но последователен. Например, Врата Ксеркса на террасе в Персеполе, называемые также Вратами Всех земель, были украшены, подобно сооружению над дворцовым воротами в Пасаргадах, крылатыми быками с человеческими головами. Они, в конечном счете, ассирийского происхождения, в то время как характерная Персепольская колонна была создана на основе египетских и греческих образцов, но можно уверенно сказать, что она превосходила и те, и другие. Однако самым поразительным зданием в Персеполе даже сегодня, несмотря на то что оно разрушено, является Главный зал, Ападана, точная параллель залу в Сузах: квадратный зал с колоннами, с башнями по углам и портиками по трем сторонам, причем колонны поддерживают капители с двумя быками. Что отличает Ападану в Персеполе, так это каменная платформа, на которой она построена. На северной и восточной сторонах она украшена лестницами, полными рельефных фриз, каждая сторона которых зеркально отражает другую. Повторение мотивов и форм, в данном случае показывающих Великого царя персов на троне в центре, в то время как к нему приближаются процессии подданных с подношениями в национальных костюмах, представляющих не менее чем двадцать три разных народа, ахеменидскими правителями считалось достоинством, поскольку повторение передавало желаемое впечатление силы и неизбежности. Этот персидский стиль был действительно прямой противоположностью формы искусства, стремящейся к передаче индивидуальности, такой как современная ему греческая, хотя некоторые особняки в Сузах носят на себе узнаваемые иероглифические «подписи» и некоторые мастера там и, предположительно, не только там, были, как мы видели, греками. Другой поразительной чертой является то, что, по полному контрасту, например, с их вавилонскими предшественниками по империи, на стенах дворцов Ахеменидов полностью отсутствуют батальные и охотничьи сцены.

Персы родственны мидянам и были их преемниками в качестве хозяев империи. Таким образом, они не были идентичны друг другу, как греки доверчиво полагали, — они даже называли персов «мидянином» в единственном числе. Персы были как бы господствующим народом. В сценах процессии на Ападане в Персеполе

нет данников-персов, но есть мидяне, одетые в своеобразные мидийские одежды — туники до колен (отличные от обычных персидских длинных юбок в складку) или куртки с длинным рукавом (*kandys*), облегающие брюки (столь презируемые греками), шапки, закрывающие шею и уши, и несущие в качестве дани одежду, короткий меч (*akinakês*), браслеты и сосуды.

Это этническое разнообразие в центре иранской земли было микрокосмом, отражающим разнородность империи в целом. Множество разнообразных этнических групп, различных религий и разных языков соперничали за жизненное пространство под сенью империи Ахеменидов. В административном отношении их объединяло то, что центральный суд и правительство требовали минимума налоговых взносов и дани деньгами или натурой, и, кроме того, то, что время от времени либо глобально из центра, либо на провинциальном уровне могли налагаться воинские обязанности. Общим языком администрации и связи был арамейский (семитский язык, на котором четыре-пять столетий спустя говорил Иисус из Галилеи). Дарий ввел также общую валюту — золотые и серебряные монеты, названные в его честь «дариками». На самом деле Дарий был первым живым правителем, запечатлевшим свой образ на монете — его всегда изображали в виде лучника с луком и колчаном в активном «бегущем» положении (сама идея и практика чеканки монет появилась всего за столетие до его восшествия на престол). У Плутарха сохранился такой рассказ среди его *Laconian Apophthegms* (*Высказываний спартанцев*):

Поскольку на персидских монетах чеканилось изображение лучника [Дария], Агесилай сказал, снимаясь с лагеря [в 394 году], что он был изгнан из Азии царем [Артаксерксом II] с помощью тридцати тысяч лучников [золотых дариков].

Для налоговых и военных целей империя была поделена на от двадцати до тридцати провинций, или сатрапий (по-видимому, слово мидийского происхождения), каждой из которых управлял сатрап, или царский наместник; большинство сатрапов набиралось из числа обширного царского семейства (придерживавшегося системы гаремов). В Книге 3 Геродот приводит примечательный «каталог» сатрапий империи — двадцати, согласно его подсчетам, — с точным указанием размеров дани в деньгах и на-

турой, требуемой ежегодно от каждой провинции. Из персидских документов мы знаем официальный список основных народов и земель, которыми правил Дарий, но не перечень собственно сатрапий:

По милости Ахурамазды эти земли я [Дарий] захватил вне территории Персии... Мидию, Элам, Парфию, Арию, Бактрию, Согдиану, Хорезм, Дрангиану, Арахозию, Саттагидию, Гандару, Синд, амиргийских скифов, скифов в остроконечных шапках, Вавилин, Ассирию, Аравию, Египет, Армению, Каппадокию, Сарды, Ионию, скифов за [Черным] морем, Скудру, ионийцев, носящих петасы (шапки с широкими полями), ливийцев, эфиопов, людей из Маки, карийцев.

Один народ, отсутствующий в этом списке, заслуживает упоминания — евреи из Иудеи. Три книги еврейской Библии — Эзра, Эсфирь и Неемия — целиком и непосредственно посвящены ахеменидско-персидскому периоду иудейской истории, хотя «история» не совсем то, о чем они повествуют. Считается, что *Эсфирь* написана значительно позже конца империи Ахеменидов, тем не менее она передает аромат восприятия жизни на вершине власти в Сузах отдаленными подданными Великого царя:

По окончании дней сих, царь сделал для народа своего, находящегося в престольном городе Сузах, от большого до малого, пир семидневный на садовом дворе дома царского. Белые, бумажные и яхонтового цвета шерстяные ткани, прикрепленные виссонными и пурпуровыми шнурами, висели на серебряных кольцах и мраморных столбах. Золотые и серебряные ложки были на помосте, устланном камнями зеленого цвета и мрамором, и перламутром, и камнями черного цвета. Напитки подаваемы были в золотых сосудах и в сосудах разнообразных, и вина царского было множество, по богатству Царя.

Это не просто случайная деталь, что весь «народ от большого до малого» должен был включать высокопоставленных персидских женщин, открыто принимающих участие в царских празднованиях наравне с мужчинами. Для осуждающих греческих глаз это было одним из самых очевидных показателей непохожести пер-

сов. Кроме того, царь брал с собой женщин из своей непосредственной семьи на военные кампании — еще один знак странности персов для грека.

Геродот, неизвестно, на основании какого авторитета, чувствует себя достаточно уверенным, чтобы излагать в деталях, какую дань должна была ежегодно платить каждая из двадцати сатрапий. Например, греки, объединенные в его Сатрапии № 1, платили только в денежной форме, серебром или его эквивалентом, в то время как египтяне из Сатрапии № 6 включали в свое налогообложение денежную сумму от продажи рыбы, пойманной в Меридовом озере; что же касается индийцев, живших в Сатрапии № 20, то, как отмечалось выше, они были «самым многочисленным народом во всем известном мире и [потому] платили самую большую единовременную сумму, 360 талантов золотого песка». Более того, он указывает грандиозную общую сумму налогообложения, исчисленную в серебряном эквиваленте на основе стандарта острова Эвбея (более тяжелого, чем более распространенный афинский стандарт) — более 14 500 талантов¹.

На удивление, Геродот не приводит здесь товаров того, что мы бы назвали торговлей «белыми рабами» — юных девушек для комплектации гаремов в центральной и региональной столицах как для сексуальных, так и для репродуктивных целей, а также кастрированных мальчиков, включая греков, для службы евнухами-охранниками в этих гаремах и, более непосредственно, в качестве сексуальных объектов². Более того, Геродот либо не знает, либо предпочитает не описывать, как военные обязательства провинции могли косвенно удовлетворяться посредством сложной системы «льгот». Например, богатые вавилоняне, вместо того чтобы нести военную службу лично, могли уплатить определенную сумму третьему лицу, посреднику, который заплатит за службу подставному лицу, положив в карман разницу между тем, что ему уплатил уклонившийся от службы, и стоимостью замены. Сохранились записи семейного банковского дома Мурашу («дикий кот») в Нип-

¹ С греческой точки зрения эта сумма почти в тридцать раз превышает доход афинской морской империи на вершине ее могущества в 440-х и 430-х годах.

² В другом месте, 8.105, он описывает торговлю грека Паниония евнухами как «крайне порочную».

пуре, которые проливают немало света на систему льгот, которые, в свою очередь, могут помочь объяснить, почему по крайней мере некоторые из персидских рекрутов-кавалеристов сражались с меньшим энтузиазмом, хотя и не непременно с меньшим мастерством, чем некоторые из богатейших подданных Великого царя.

Со всем аристократическим презрением, на которое он был способен, Геродот уверенно добавляет¹, что персы по этому поводу говорят, что, в то время как Кир был для них отцом, а Камбиз «тираном», Дарий был просто «торговцем», или «розничным торговцем» (*emporos*). Собственно говоря, такова была чисто греческая, а не персидская классификация, но, по иронии, Геродот не показывает, насколько безнадежно чуждой и негреческой была вся система персидской централизованной бюрократии. Недаром говорилось, что все в персидской империи, от высшего до низшего, находилось на шкале довольствия. Это явственно следует из двух списков текстов из Персеполя, известных, соответственно, как Фортификационные таблички (хранилище, состоящее более чем из тридцати тысяч, раскопано в 1933—1934 гг., куда входят экономические архивы правления Дария, почти полностью написанные на эламском, местном языке территории, столицей которой были Сузы, хотя там был занят работой по крайней мере также один этнический грек-писец или секретарь) и Тексты сокровищницы (всего 750 или около того, написанные также на эламском между 492 и 458 годами).

Фарнак, например, пользовался особой привилегией, получая ежедневно — ежедневно! — 90 кварт вина, 180 кварт муки и 2 овы. Гобрий, помощник Дария и отец Ксерксового генерала Мардония, получал даже больше (примерно на 11 процентов). Вряд ли стоит уточнять масштабы власти и покровительства, предполагаемые столь раздутым довольствием. Еще одним централизованно предоставляемым пособием были выплаты, выдаваемые группам и индивидам, совершающим официальные деловые поездки по империи. Среди обеспечиваемых подобным образом зарегистрированы путешествующие из южного Элама, Персеполя и даже из Индии. Упомянутые пункты назначения включают Аравию, Бактрию, Вавилон, Египет, Керман и Сарды.

¹ Геродот. 3.89.

Последние представляли собой конечную точку Царской дороги из Суз, которая произвела такое впечатление на Геродота. В то время как значительной армии потребовалось бы в типичном случае три месяца, чтобы покрыть это расстояние (почти 2600 километров), одинокий посыльный, используя смену лошадей на Царской дороге, мог проделать этот путь немногим более, чем за неделю. В своем описании пути и длительности Царской дороги Геродот ударился в чрезмерную детализацию¹, используя персидский технический термин *parasang*, неверно понятый им как единица расстояния, в то время как он означает единицу времени. В другом месте² он уподобляет смену лошадей на, как утверждает, 111 станциях Царской дороги передаче факелов, несомых бегунами во время эстафеты на греческих Олимпийских религиозных праздниках в честь бога-ремесленника Гефеста. Дорога начиналась в Сузах, проходила через одно из устьев (неизвестно, какое) в Загросских Горах, оттуда к Тигру и далее на верхний Евфрат, затем через Каппадокию на Сарды и от Сард на побережье Эгейского моря к греческому городу Эфесу в Ионии. Это было одной из причин значительного персидского влияния на Эфес, вплоть до его знаменитого гражданского культа Артемиды, в какой-то мере уподобляемой персидской Анахите.

Помимо обязательных налогов и дани, были и иные формы экономической эксплуатации, например, конфискация сатрапом или даже самим Великим царем греческих земель, с последующей раздачей привилегированным персидским или даже греческим вельможам. Однако, как уже отмечалось, ярмо империи не воспринималось как особо тяжкое в экономическом смысле, и пока и поскольку подати поступали в казну регулярно и своевременно, подданные не подвергались массовым репрессиям.

Религия была выдающимся элементом в персидской имперской пропаганде. В цитированных выше документах Дарий дважды упоминает Ахурамазду, «Владыку-Мудрость». Это был великий бог света ирано-бактрийской религии, основанной или кодифицированной пророком Зороастром (Заратустрой), родившимся в Бактрии (Балхе), вероятно, где-то между десятым и шестым века-

¹ Геродот. 5.52.

² Геродот. 8.98.

ми до Р.Х. Еще более недвусмысленное выражение преданности Ахурамазде Дарий сделал в знаменитой трехязычной надписи, высеченной в скале в Бехистуне неподалеку от Эктабаны¹. Надписи выполнены на эламском, вавилонском и древнеперсидском языках. Последний был официальным канцелярским языком, а не разговорным языком империи, что еще более впечатляет, хотя Дарий, похоже, был единственным ахеменидским царем, писавшим на нем основательные тексты и получавшим от этого удовольствие.

Бехистунские тексты высечены на высоте 66 метров над уровнем земли на скале, на склоне которой, возможно, расположены остатки мидийской крепости. Название «Бехистун» происходит от древнеперсидского слова, означавшего «место богов», и из этих богов первое и, по существу, единственное место было отдано Ахурамазде, чей образ — крылатый символ — сопровождал надпись, располагаясь над ней:

Царь Дарий говорит: «...Милостью Ахурамазды я — царь. Ахурамазда возложил царствование на меня... Они [указанные страны] стали моими подданными, они приносили мне дань. ... Милостью Ахурамазды эти страны покорились моему закону... Ахурамазда возложил это царство на меня. Ахурамазда помогал мне, пока я не укрепил это царство. Милостью Ахурамазды я владею этим царством».

Поразительно упорное повторение, оно напоминает намеренное воспроизведение изобразительных украшений царских дворцов. Поразителен также тот факт, что в отличие от египетских фараонов персидские Великие цари не считались божественными фигурами. Они были земными представителями Ахурамазды, о ком Дарий говорит в другой надписи: «Ахурамазда — великий бог, создавший эту землю, это небо, это человечество, создавший счастье для этого человечества» — и переходит без перерыва к «создавший Дария, царя многих, единого владыку многих». Или, ци-

¹ Поскольку эта надпись позволила Генри Ролинсону расшифровать клинопись, ее назвали самым выдающимся текстом в изучении истории всего Ближнего Востока. Другие будут настаивать на том же относительно еврейской Библии.

тируя слегка отличную версию из надписи Дария на фасаде его гробницы в Накш-и-Рустаме близ Персеполя: «Ахурамазда — великий бог, сотворивший эту великолепную работу, которую вы видите, создавший счастье для человечества, наделивший Дария мудростью и отвагой».

Как помазаннику Ахурамазды, Великому царю Персии полагалось воздавать максимум уважения, символизируемого исполнением ритуала публичного приветствия, который греки называли *proskunêsis*. Он состоял, в зависимости от статуса исполнявшего его, либо из полного prostiraniya, либо из глубокого поясного поклона в сочетании с воздушным поцелуем. Этот тип телесного языка жестов *de bas en haut* [снизу доверху] полностью соответствовал персидской пирамидальной модели общества и политической системы. Монархия была неоспоримой вершиной имперского пирамидального порядка. Великий царь, Царь Царей, имел свои обязанности, определенные ему сверху небом, в основном защищать страну и народ от природных и человеческих вторжений. Но эта монархическая политическая система не вполне отражала навязанный имперский монотеизм, поскольку в персидском пантеоне были и другие боги и богини, например, Анахита и Митра, и несмотря на все усилия Дария и прочих Великих царей изменить картину, империя в целом оставалась политеистической в мировоззрении и поведении¹.

Сооружение надписи в Бехистуне в начале правления Дария было явно пропагандистской акцией, направленной на демонстрацию и иллюстрацию того, что централизованный порядок и контроль восстановлен после весьма распространенных проявлений недовольства и прямого восстания после смерти в 522 году при темных обстоятельствах сына Кира Камбиза. Нет никаких намеков на то, что это недовольство и восстание были спровоцированы религиозной оппозицией. Однако беспорядки, приведшие в конце правления Дария к открытому восстанию в провинциях Вавилон и Египет, на самом деле предполагают, что за «монотеизм» пришлось заплатить некоторую цену в тех регионах, где политический порядок формировался или был продиктован в соответствии

¹ Великим исключением была, разумеется, Иудея, в которой Кир заслужил у Исайи титул «Мессии» за освобождение выселенных евреев от вавилонского пленения.

с толкованием воли других всемогущих богов. В обеих этих важных провинциях старшее жречество (соответственно Бела-Мардука и Амона) были явно самой активной силой, стоявшей за восстаниями, и именно их в качестве своего первого шага как Великого царя Ксеркс решил наказать, и вероятно, весьма жестоко.

В случае официального взаимодействия персов с греками, яркий образец эпиграфического свидетельства указывает в прямо противоположном направлении. Текст, о котором идет речь, высечен на мраморной глыбе во втором столетии до Р.Х. в греческом городе Магнезии (на реке Меандр в Ионии), вероятно, по инициативе жреческих властей, озабоченных публичной фиксацией сакральности этой земли. Однако есть все основания полагать, что этот документ является аутентичной копией имперского указа Дария, первоначально отданного Гадату, сатрапу Лидии и Ионии, около 500 года до Р.Х.

Царь Царей Дарий, сын Гистаспа, говорит Гадату, своему рабу, следующее: «Я нахожу, что ты не полностью покорен моим приказаниям. Так как ты возделываешь мою землю, пересаживая фруктовые деревья из провинции за Евфратом [Сирии-Палестины] в западные азиатские регионы, я хвалю твои намерения ... Но так как мои религиозные предпочтения сведены тобой на нет, я предоставляю тебе доказательства гнева оскорбленного [Царя], если ты не исправишь свои пути. Так как садовников, посвященных Аполлону, заставляли платить тебе дань, а не священную землю они вскапывали по твоему указанию. Тебе не ведомо отношение моих предков к богу, который сообщил персам всю истину и...»¹

Тактичная ссылка Дария на предков должна была звучать как музыка для ушей греков, поскольку, по греческой традиции, дань уважения к их богам «в согласии с делами отцов» (*kata ta patria*) была сущностью их религиозного обычая (*nomos*) и веры. Скорее всего, греки не были столь преданными садовниками, как персидские Великие цари; именно персам мы обязаны термином «парадиз» для рая (из *pari* «вокруг» и *dieza* «стена»), что первоначально означало возделываемый парк для охоты. Однако они тоже цени-

¹ Остальная часть утрачена.

ли различие между священным и несвященным, между отгороженной территорией (*temenê*) как специальным местом, отведенным для их богов, и земель, которая не была подобным образом освящена и сакрализована. И они сочли бы терпимость Дария по отношению к чужому, греческому культу полностью совпадающей с их собственной позицией и культурно знакомой.

Однако употребление Дарием выражения «вся истина» в оборванном последнем предложении было специфически персидским. Геродот подчеркивает, что образование персов между пятью и двадцатью годами было посвящено воспитанию трех добродетелей, или умений: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. Лживость была наихудшим из возможных нарушений персидского кодекса чести — опережая наличие долгов, качество, находящееся на втором месте. В трехязычной надписи в Бехистуне Дарий представляет себя самим воплощением Истины, сражающимся против узурпатора и повстанцев, воплощающих Ложь. Действительно, все надписи персидских царей стремятся передать вечные истины о Великих царях. Их главной задачей была не фиксация отдельных политических событий (хотя иногда и это тоже), а утверждение того, что власть Царя предопределена свыше и что мир в империи может быть обеспечен только следованием Истине, особенно верностью этическим заповедям Ахурамазды.

Еще одно подтверждение официальной царственной ассоциации между Ахурамаздой и истиной исходит от знаменитого документа сына Дария Ксеркса, так называемой «Дэва-надписи» (*daiva* на древнеперсидском означает «демон» или «дьявол»):

Среди этих стран [тридцати или около того, перечисленных непосредственно выше в тексте, где, как утверждалось, господствует data (закон) Ксеркса] было место, где раньше почитались демоны. Впоследствии ... я там почтительно поклонялся Ахураматде согласно Истине...

Аналогичным образом, специфически персидским является употребление Дарием термина, который можно перевести на греческий как «раб», даже при обращении к столь высокопоставленному персу, как сатрап, который вполне мог быть связан с ним по рождению или через брак. Эта ненавистная манера выражаться для греческой аудитории звучала глубоко фальшиво и, вполне воз-

можно, указывает по крайней мере на одну из причин восстания ионийцев и прочих греков против него в 499 г.

Это восстание, подобно восстаниям 521—519 годов, в которых греки не участвовали, было насильственно подавлено. Однако Дарий не просто намеревался удержать в империи то, что унаследовал. Как и Камбиз, он жаждал расширить ее. Как уже отмечалось, в 513 году он направил свою армию из Азии в Европу через Босфорский пролив и установил новую сатрапию во Фракии, или, как она официально называлась, «За(черно)морье». Был заложен фундамент для дальнейших завоеваний на юге Балканского полуострова — иначе говоря, завоевания греков Македонии и регионов к югу. Однако, так ли это видел Дарий в то время — другой вопрос, на который невозможно ответить на основании имеющихся свидетельств.

3

ЭЛЛАДА: ЭЛИНСКИЙ МИР В 485 ГОДУ

Много причин, и притом весьма важных, не позволяет нам так поступить, если бы мы даже пожелали этого. ... Предать все это — позор для афинян.

Геродот. История. 8.144

В 492 году, за двадцать лет до первой европейской акции Дария, персидская пасть открылась еще шире — достаточно широко, чтобы проглотить Македонию на краю собственно материковой Греции. Это было прямым следствием события, которое мы пренебрежительно называем «Ионийским восстанием». Этот ярлык вдвойне обманчив, так как мятеж подняли не только греки Ионии. К ним присоединились их собратья, азиатские греки Эолиды к северу, а также Кари и Ликии к югу, и греки с островов у побережья Анатолии. Кроме того, вовсе не только греки восставали против персидских господ в первом десятилетии пятого века до Р.Х. К ним присоединились также ближневосточные соседи греков, включая некоторых из столь далеких на юге мест, как остров

Кипр, служащий естественным мостом между Анатолией и Левантом. Однако устоявшаяся терминология по меньшей мере удобна.

Геродот является нашим основным и единственным постоянным повествовательным источником, рассказывающим о восстании, но в его рассказе имеются сложности. Прежде всего Геродот излишне персонализировал свое повествование, либо вследствие характера своих (преимущественно устных) источников, либо по причине собственных предрасположенностей и склонностей. Он особенно долго останавливается на махинациях Гистея, прежде единолично правящего греческим Милетом в интересах персов, и его предполагаемого протезе Аристагора. Несомненно, их личный вклад был значителен, но они сами не могли вызвать или поддержать восстание, которое быстро распространилось за пределы Ионии и продолжалось в течение полных шести летних сезонов (499—494 гг.). Должны были действовать некие дополнительные объективные факторы, и притом значительные.

Если они не были в первую очередь экономическими, то, весьма вероятно, должны были быть политическими или идеологическими. Вкратце, греческие повстанцы желали свободы. Подчинение чуждой зарубежной имперской власти и правлению продажных тиранов у себя дома более не считалось приемлемым «современным» способом политического правления. Это противоречило одному из возможных определений свободы — свободы как политической независимости и самоопределения — особенно после основательного прорыва к свободе Греции в результате Афинской революции 508—507 гг.¹

Вкратце, именно в этом году Афинское Собрание одобрило пакет радикальных политических реформ, предложенных Клисфеном. Это была прямая форма демократического самоуправления, больше похожая на диктатуру пролетариата (т.е. бедного большинства граждан), нежели любой вариант, посредством которого электорат на повседневной основе уступает власть правительству избранных представителей.

¹ Термин «Афинская революция» не лишен противоречивости, так как он может предполагать, что это было сознательно мотивированным актом политического самопреобразования. Я бы более подчеркнул несомненно революционное преобразование как институтов, так и сознания, которые последовали за реформами.

В истоках афинского демократического проекта лежала концепция гражданской свободы. Она имела два аспекта: свобода от внешнего принуждения (как внутреннего, так и внешнего) и свобода принимать участие и реально решать проблемы непосредственной важности для граждан в целом. Сначала этот афинский режим нового образца полагал, что будет способен сосуществовать с Персидской империей, если только Персия оставит в покое Афины. Поэтому в 507 и 506 годах он вручил персидским властям в Сардах формальные символы подчинения, землю и воду, что для Дария, как для всякого Великого царя, означало покорность и утрату независимости. Однако полдюжины лет спустя, в 500—499 годах, когда ионийские греки прибыли в Афины с просьбой о помощи в предполагаемом ими восстании, афинская демократия совершенно изменила представление о своем месте в мире и, особенно, об отношении к Персии.

Во всяком случае, существовали сильные сентиментальные связи между Афинами и греками Ионии. Столетием ранее афинский поэт и государственный деятель Солон говорил об афинской территории в Аттике как о «древнейшей земле Ионии». Афиняне были достаточно хитры, чтобы состряпать миф о том, что греки, говорящие на ионийском диалекте, не просто отправились в плавание из Афин, а сделали это, вдохновляясь и руководствуясь указаниями из Афин. Среди ионийских городов самым важным был Милет, и именно Милет в 500 году проявил инициативу к сближению с Афинами. Афинская демократия теперь полагала, что она сможет безнаказанно и с пользой предоставить как материальную, так и духовную помощь своим ионийским «двоюродным братьям» в восстании против персидского Великого царя.

Геродот, который не был ионийцем (в Галикарнасе говорили на дорийском диалекте) и, возможно, был повинен также в некоторых анахронизмах восприятия задним числом, имел весьма смутное представление о решении афинян. Он неодобрительно противопоставил его холодному отказу Спарты выполнить просьбу ионийцев о помощи и по-гомеровски рассматривал его как «начало зла» для Греции¹, ибо он видел единую цепь причинно-следственных связей между фатальным решением Афин, кара-

¹ Геродот. 5.97.

тельными экспедициями и будущими завоеваниями в материковой Греции, осуществленными сначала Дарием, затем Ксерксом и позже в конце пятого века:

Ведь за время царствования Дария, сына Гистаспа [521—486], Ксеркса [486—465], сына Дария, и Артоксеркса [465—424], сына Ксеркса, на протяжении этих трех поколений Эллада испытала больше невзгод, чем за 20 поколений до Дария.

Это только одна из множества ссылок на данный период после основной темы — Греко-персидских войн. Поскольку Геродот явно дождался вспышки катастрофического конфликта между Спартой и Афинами, известного как Пелопоннесская война, представлявшая собой продолжительную внутригреческую гражданскую войну, вполне возможно, что именно ее он имел в виду, вынося столь мрачное суждение.

Однако сомнительно, что восстание в целом или роль в нем Афин могли обладать той объяснительной и причинной силой, какую им приписывает Геродот. Похоже, что он недооценил военный и политический успех восставшей стороны, выразившейся в уникальном военном сотрудничестве между греками и негреками как на азиатском материке, так и на Кипре, и, напротив, преувеличил степень дозволенной грекам независимости якобы великодушными персами даже после их окончательного поражения. Демонстрация силы состоялась на море при Ладе близ Милета летом 494 года. Позор восставших был тем более велик, что основной греческий контингент с острова Самос покинул своих товарищей по оружию непосредственно перед последним сражением.

Тем не менее Геродот считал, что в 493—492 годах назначенный Дарием правитель региона позволил ионийским городам стать «демократиями»¹ для всего мира, как если бы они были наравне с тогда еще фактически единственной афинской демократией². Современные исследователи справедливо считают, что самое большее, что могло быть им дозволено, — это некая разновидность «муниципального совета». Однако ко времени вторжения

¹ Геродот. 6.43.

² Этим губернатором был Мардоний, позже ставший первым генералом Ксеркса в Греции.

Ксеркса в 480 году в некоторых ионийских греческих городах продажные тираны опять зловеще продемонстрировали свое малопривлекательное лицо. Более того, Ионийское восстание отнюдь не помешало Дарию считать, что он может и дальше распространять персидское присутствие в Европе. Напротив, немедленно последовало покорение Македонии сатрапом Фракии Мегабазом.

Однако свою следующую военную инициативу в 490 году Дарий осуществил не наземным путем и не через Северную Грецию. Она проходила по морю, через острова Эгейского моря, и была направлена в первую очередь против города Эретрия на острове Эвбея, а затем против Афин. Флот, преимущественно финикийский, прошел более или менее прямой путь от родных берегов у ливанского побережья через крупнейший остров Киклад Наксос (уже причинивший неприятности в 500 году) и затем в Аттику. Экспедицией командовали Артоферн, брат Дария, и мидянин по имени Датис (который, как мы знаем из персидских документов, уже имел личный опыт в западном секторе империи).

Официальным поводом для экспедиции было наказание. Почти десятилетием раньше Эретрия и Афины осмелились оказать помощь восставшим ионийцам, и такой вызов могуществу империи и вмешательство в «ее» сферу, как бы незначителен в конечном счете ни был его эффект, требовали демонстративного сурового возмездия.

Но сомнительно, что именно это имел в виду Дарий. Все империи по природе своей озабочены безопасностью своих окраин. Например, одной из заявленных причин первого вторжения Юлия Цезаря в Британию в 55 году до Р.Х. было то, что докучливые бритты оказывали помощь своим родичам в Галлии по ту сторону пролива. Другим мотивом Цезаря было «пересечь океан», совершить дотоле неслыханный подвиг. В 490 году Дарий явно намеревался по меньшей мере сдержать любые дальнейшие попытки вмешательства в «свою» азиатскую сферу, превратив Эгейское море в персидское озеро, патрулируемое его финикийским флотом.

В те времена морской приоритет финикийцев не вызывал сомнений. Битва при Ладе 494 года доказала это без тени сомнения. Сокрушительное поражение греков на море объяснялось частично низкой дисциплиной и, не в меньшей мере, недостатками технического обеспечения, тактики и опыта. В 490 году Эретрия была попросту сметена. Город был захвачен и сожжен, и многие его жители

были угнаны далеко от дома, в глубь Персидской империи. Как и можно было ожидать, афиняне не оказали никакого сопротивления на море. Помимо того, что у них пока не было достаточного флота, им отнюдь не помогло решение их соседей на острове Эгина, располагавшем значительным военным флотом, преподнести посланцам Дария формальные знаки покорности — опять же землю и воду. Так персы беспрепятственно высадились в просторной Марафонской бухте в восточной Аттике. Тогда возник вопрос, окажут ли афиняне серьезное сопротивление на суше и каким образом.

Несмотря на различные осложнения, отягощавшие их отношения со Спартой несколько лет назад, они вполне разумно поступили, послав за спартанской помощью выдающегося бегуна на длинные дистанции Филиппида (или Фидиппида). Он пробежал около 250 километров из Афин в Спарту значительно быстрее, чем за сорок восемь часов¹. Спарта в то время была самым могущественным греческим государством в смысле обычной наземной войны. Им управлял царь Клеомен I, известный своей свирепой враждебностью к Эгине. Он так же, подобно Афинам, обошелся с огромным презрением с посланниками Дария, на самом деле даже несколько безбожно, убив их. Теперь спартанцы прореагировали на просьбу афинян о военной помощи позитивно, за исключением того, что более ранние религиозные обязательства (как они утверждали) не давали им возможность предоставить эту помощь немедленно. На этот раз спартанские силы прибыли в Марафон на следующий день после великого сражения, предоставив афинянам и их единственному союзнику, соседним Платеям, самим противостоять трудностям.

Никогда не станет до конца ясно, почему именно персы проиграли Марафонскую битву, и при том столь убедительно. Вероятно, это в значительной мере определила та роль — или, скорее, ее отсутствие — которую сыграла персидская конница. При ее отсутствии битва представляла собой поединок между тяжеловооруженными греками, вдохновленными тактическим гением полководца-аристократа Милтиада, которые сражались за (более, чем в одном смысле) свою родную землю, и относительно более легко

¹ В современном «Спартатлоне», ультрамарафонском беге, вдохновленным его примером, засвидетельствовано рекордное время, сокращенное до немногим более двадцати часов.

вооруженными, разнородными и не побуждаемыми столь значительным стимулом войсками, находившимися в распоряжении Артаферна и Датиса. Греческие силы легко одержали верх и понесли относительно небольшие потери: согласно Геродоту, погибло всего 192 грека в противовес шести с половиной тысячам со стороны персов. Имелись некоторые опасения касательно возможной пятой колонны в Афинах, готовой заключить сделку с персами, но они не оправдались.

Дарий умер в 486 году, предположительно, не вполне удовлетворенный греческими делами, несмотря на свои прочие многочисленные ошеломительные достижения. Следствием его неудачи в Марафоне было то, что в 485 году власть Персидской империи не распространялась на собственно материковую Грецию. К тому времени его сын и преемник Ксеркс вззошел на престол в качестве Великого царя, подавил восстания в Вавилоне и Египте и размышлял о том, чем он отметит свое царствование и империю.

Геродот в начале седьмой книги своей *Истории* излагает предполагаемую дискуссию между Ксерксом и ближайшими советниками, особенно дядей по имени Артабан. Он также изображает целый набор сверхъестественных сил, которые предположительно тянут Ксеркса то в одном направлении, то в другом. Несмотря на драматизацию Геродота у Ксеркса почти не возникает сомнений в том, что завоевание материковой Греции является незавершенным семейным мероприятием и первоочередной задачей империи.

В 484 году или около того материковые греки к югу от Македонии впервые почувствовали враждебные намерения и приготовления Ксеркса. В принципе, они вполне могли взвесить истинные греческие качества, несовместимые с «рабством» — подчинением «варварскому», негреческому господству Персии. Именно так материковые греки, в 480 году решившие оказать сопротивление персидскому вторжению под водительством Спарты, в конце концов пришли к решению идеологически обосновать это сопротивление. Однако такие верные греки были безусловно слишком малочисленны и, за известными исключениями, слабы духом: они нуждались в мускульной силе и стали, что могла дать только Спарта. Одно из объяснений этому заключается в природе Эллады и эллинизма.

Движение «колонизации» седьмого и шестого веков привело к тому, что греки постоянно селились в основном вокруг средизем-

номорского бассейна и Черного моря на северо-востоке. В результате греческий мир, или Эллада, если использовать собственный термин древних греков, представлял собой единство в той же мере, какое «арабский мир» являет сегодня или «христианский мир» являл в Средневековье. В политическом отношении это отнюдь не было единством или даже некой целостностью. Перикл Афинский со свойственным ему даром запоминающихся высказываний сказал о своих беотийских соседях, что они были настолько разобщены и взаимно враждебны, что напоминали ему высокие деревья под сильным ветром: их вершины так ударялись друг о друга, что становились друг другу палачами. И это несмотря на то, что беотийцы были не только греками, но и принадлежали к одной беотийской этнолингвистической группе с активно используемым общим религиозным центром. Еще одна иллюстрация: Геродот в контексте 480 года после Фермопил и в преддверии Саламинского сражения писал, что, по его мнению, жители Фокиды оказались единственными среди греков севера Аттики, не перешедшими на сторону Персии, «не по какой иной причине, а только из ненависти к фессалийцам. Будь фессалийцы на стороне эллинов, то фокійцы ... поддержали бы персов»¹.

Такова всеэллинская солидарность! Эллинов объединял ряд других, неполитических факторов: мифы об общем происхождении, в конечном счете — от одного бога; другие общие религиозные верования и практики, особенно кровавые жертвоприношения животных на алтаре на открытом воздухе; социальные и общественные нормы и обычаи, и общий язык (с диалектными вариациями). Геродот, сочетавший блестящий повествовательный и аналитический дар, вложил в уста афинян сложное понятие греческой сущности в глубоко критический момент Греко-персидских войн. Контекст — беспокойная зима 480/479 года. Персы были потрясены поражением под Саламином, Ксеркс удалился в Азию, но оставил Мардония с довольно значительными наземными силами и с достаточным количеством вспомогательных судов, чтобы поддержать любые здравые подозрения, что он намерен положить конец сопротивлению греков будущей весной и летом.

Персы сначала, однако, придерживались дипломатической

¹ Геродот. 8.30.

стратегии «разделяй и властвуй» посредством подкупа — техники, которая нередко приносила им хорошие дивиденды в отношении с материковыми греками в следующем столетии и позже¹. С этой целью Мардоний отправил своего вассала царя Александра I Македонского посланцем к афинянам, предлагая им огромные деньги, если они выйдут из лоялистской греческой коалиции.

Сам по себе выбор Александра был весьма противоречив. С одной стороны, он утверждал, что он грек, и в душе желал Греции всего самого наилучшего. С другой, само греческое начало македонцев яростно оспаривалось: в те времена, как, к несчастью, и в более поздние, оставалось вопросом, являлись ли македонцы истинными эллинами и насколько. Мифологическая генеалогия была на их стороне, поскольку она утверждала Македонию как раннюю и вполне центральную ветвь древа эллинской семьи. Этимология, видимо, тоже была на их стороне: греколюбивые македонцы, как и сам Александр, унаследовали свое имя от правящей царской династии Аргеадов (потомков Аргея) из безупречно греческого Аргоса на Пелопоннесе. Однако обычай и практика — то, что греки называли словом *nomos*, — и прежде всего язык, похоже, указывали в радикально ином направлении.

Македонский политический *nomos* еще не распространился на создание характерной греческой формы самоуправления — полиса, или города-государства. В Македонии не было граждан как таковых, только подданные (как в Персии), и политически македонцы оставались этносом (*ethnos* — народ), управляемым наследственным абсолютным монархом — скорее даже, племенным военачальником. На самом деле, даже право этого военачальника на сюзеренитет над другими (и конкурирующими) полководцами был спорным, так как, несмотря на наличие единственного царя, до персидского завоевания земля македонцев не была должным образом объединена ни административно, ни в военном отношении².

Решающим был языковой критерий принадлежности к гре-

¹ На самом деле, это была та же самая стратегия, которую впоследствии использовал с разрушительным эффектом Филипп II Македонский, отец Александра Великого.

² После того как персы удалились, в конце пятого века Архелай осуществил раннюю форму политического объединения, но истинное объединение пришло только при Филиппе I (359—336).

кам, поскольку греческий глагол *hellênizein*, буквально означавший «быть греком», изначально значил *говорить* по-гречески. И здесь для македонцев заключалась проблема. Существовало наречие *makedonisti*, означавшее «по-македонски» (на македонском языке или диалекте), а это выдавало тот факт, что между собой македонцы могли говорить на языке или диалекте, непонятном другим, говорящим на «стандартном» греческом. Непонятном настолько, чтобы породить сомнения в том, что македонский язык действительно греческий. Разумеется, были греки, чья разновидность греческого (местная идиоматика и/или сильный акцент) вызывали насмешки у остальных греков. Так, например, разговорный греческий спартанцев шокировал афинян, но в результате не возникало вопроса, греки ли они, полностью ли греки, или насколько греки. Однако именно так обстояло дело с местным языком македонцев. Поэтому весьма показательно, что, когда стандартный тест на принадлежность к греческому миру применялся к македонцам, а именно, могут ли они быть допущены к участию во всегреческих и исключительно греческих Олимпийских играх, ответ властей (города Элиды), ответственных за Игры, был весьма двусмысленным. Они постановили, что допущен мог быть только царь македонцев, это означало, что статус всех его подданных как греков в лучшем случае оставался неопределенным.

Сравните для контраста положение греков в Сицилии. Это была одна из первых «колонизованных» территорий за пределами «старой» Греции. Сиракузы, например, были основаны во второй половине восьмого века до Р.Х., традиционно принято считать — в 733 году. Несомненно, некоторых греческих женщин брали с собой в многочисленные колонизационные экспедиции на Сицилию, что привело к тому, что греки заселили весь остров за исключением крайнего северо-запада, финикийского анклава. В число этих женщин должны были входить члены жреческих семей, чтобы поддерживать преемственность религиозных практик и тождественность со «старой» страной. По существу, религия вместе с родством составляла эмоциональные связи между метрополией (материнским городом) и «дочерним» колониальным образованием. Тем не менее большинство греческих колонистов представляли собой молодых неженатых мужчин, бравших в качестве жен и сексуальных партнеров женщин из местного населения сикулов и сиков. Таким образом, в начале пятого века большинство сици-

лийских греков представляло собой по происхождению смешанное греческо-«варварское» население. Но даже при этом, когда тиран Сиракуз Гелон потребовал своего участия в командовании антиперсидскими силами сопротивления, его, по общему признанию, неприемлемое и высокомерное требование не было отвергнуто на том основании, что он не являлся или не был в достаточной мере греком. Короче говоря, принадлежность к грекам, подобно этнической принадлежности, вероятно, во всех обществах и культурах, была ситуационно обусловленной, а не естественно дарованной. Проблема македонцев была в том, что они не могли с достаточной ясностью и недвусмысленно подтвердить свои претензии на принадлежность к грекам. Тот факт, что в 480 году царь Александр был персидским вассалом, отнюдь не способствовало успеху его миссии.

Спартанцы каким-то образом узнали о миссии Александра и, естественно, были так напуганы тем, что предложенное персами золото могло убедить афинян выйти из коалиции, что тотчас послали в Афины собственную миссию. Это предоставило афинянам замечательную платформу — или, вероятно, следовало бы сказать, дало Геродоту возможность предложить им такую; вот что ответили афиняне, чтобы унять опасения спартанцев, или, скорее, что Геродот говорит их устами:

Много причин, и притом весьма важных, не позволяет нам так поступить [предать коалицию], если бы мы даже пожелали этого. Во-первых, самое важное препятствие к примирению — это сожженные и разрушенные кумиры и святилища богов. За это нам нужно кровью отомстить, прежде чем примириться с человеком, содевшим это. Затем — (то, что мы греки:) наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни. Предать все это — позор для афинян.

Этими тремя составляющими элементами убедительного определения, данного афинянами выражению *to hellênikon*, которое я перевел выше как «то, что мы греки», являются общая кровь, общий язык и общие обычаи, особенно общие религиозные убеждения и практики. Геродот придавал огромное значение тому, что мы бы назвали брачными и сексуальными установками и практи-

ками, а также обычаям питания. Скажи мне, как и с кем ты занимаешься сексом и что и как ты ешь, и я скажу тебе, кто ты. Но если на него надавить, то, вероятно, перед всеми прочими общими обычаями он отдал бы предпочтение прежде всего общим религиозным практикам, и не в последнюю очередь, общим похоронным церемониям.

Поэтому, когда Геродот хотел проиллюстрировать путем индизидательных примеров различия между этническими обычаями и тот факт, что различные этнические группы считают свои обычаи не просто лучшими, чем обычаи прочих, но абсолютно лучшими из всех возможных, он избрал для демонстрации именно похоронные церемонии. Твердо установленным историческим фактом является то, что отнюдь не все греческие общества практиковали идентичные похоронные обычаи. Далеко не так. И спартанские пути смерти были, вероятно, самыми своеобразными.

4

СПАРТА В 485-м: УНИКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Спарта, всемирно известная родина узкой военной аристократической прослойки, с ее высокомерной гордостью расой, безжалостной дисциплиной и жестоким угнетением подданных...

М. Н. Тод. «Оглядываясь в прошлое», 1944

Несмотря на всю свою выдающуюся патриотическую гордость и военную доблесть спартанцы ни в коем случае не были всецело сторонниками свободы. Они, как мы уже видели, у себя дома в Лаконии и Мессении в течение нескольких столетий практиковали бесчеловечное господство над коренным греческим населением, во много раз численно превосходившим их собственное, которому они дали презрительное клеймо «илоты», или пленные. Будучи профессионалами среди любителей, спартанцы, единст-

венные среди греческих городов, имели постоянную армию. Однако они не были милитаристами в том смысле, что ценили войну ради нее самой. Эта уникальная армия была создана и поддерживалась прежде всего и в основном ради господства и подавления илотов. Фактически все их общество было организовано как своего рода постоянная армия. Она непрерывно поддерживалась в готовности против внутреннего врага, а также против любых внешних врагов среди греков и негреков. Не случайно проблема мессенских илотов Спарты заняла выдающееся место в рассказе Геродота о визите высокого гостя в Спарту в 500 году.

Этим гостем был Аристагор из Милета. Не многие иностранцы ступали на землю Спарты, не говоря уж о гостях из недорийского греческого мира Ионии за Эгейским морем. Однако Аристагор прибыл с особой срочной миссией — добиться военной поддержки Спарты в предполагавшемся восстании против Персии, так называемом Ионийском восстании. На языке времен Геродота Аристагор был «тираном» — неизбираемым и никому не подотчетным единовластным правителем. Он был обязан своим положением протекции, оказанной ему его предшественником Гистиеем, и контролю над военными силами, поддерживаемыми персидским сатрапом в близлежащих Сардах. Вероятно, он был в большей мере абсолютным деспотом, чем, например, афинский тиран Писистрат (умер в 527 году). Однако само его положение было достаточным, чтобы внушать подозрение, особенно поскольку он правил Милетом, по существу, как персидский ставленник.

Согласно рассказу Геродота, никто вообще не интересовался у спартанской общественности, желает ли она поддержать Аристагора против Персии. Это могло быть случайным упущением, но также вполне могло отражать тот факт, что политическое устройство Спарты было фундаментально олигархическим, слегка замаскированным видимостью общественного консенсуса. В 500 году Спартой правил могущественный царь Клеомен I, державший под контролем немногочисленную элитарную спартанскую герусию, или «сенат», состоявший из двадцати восьми избираемых членов и еще одного царя по должности, всего из тридцати человек. Это значило, что он мог диктовать политику Спарты независимо от мнения граждан в целом. Но Геродот слегка приукрасил положение, утверждая, что единственным человеком в Спарте, обладающим влиянием на царя, была девочка лет восьми, его единствен-

ная дочь Горго (будущая жена Леонида, сводного брата Клеомена). Вероятно, Аристагор провел подготовку, чтобы обеспечить себе поддержку Клеомена, прибегнув к известной падкости спартанцев на взятки, когда Горго резко напомнила отцу о его моральном и царском долге.

Геродот также обычным для себя образом раскрывает то, что на самом деле говорит против Аристагора. Для того чтобы спартанцы смогли наложить лапу на хранимые в Сузах богатства, им пришлось бы предпринять трехмесячный марш в глубь Азии на большом удалении от Эгейского побережья. Однако спартанцы были в сущности сухопутными жителями, а не моряками. Как мы видели в Главе I, в 525 году они уже предприняли набег через Эгейское море на остров Самос в попытке свергнуть тирана Поликрата. Однако эта неудачная попытка явилась плохим прецедентом для такой десантной операции, какую предлагал Аристагор. Поэтому милетец покинул Спарту с пустыми руками. Однако в только что получивших демократию Афинах его миссия имела значительно больший успех, что дало Геродоту возможность выставить в благожелательном свете отказ единственного спартанца Клеомена сравнительно с согласием тридцати тысяч легковерных афинян¹.

За главенство Клеомена в Спарте приходилось платить немалую политическую цену. Он получил трон, наследственно зарезервированный для царского семейства Агиадов, около 520 года при неоднозначных обстоятельствах, поскольку родился от второй жены своего отца Анаксандрида, и при том, что тот состоял в двойном браке. Дорией был старшим сыном первой и совершенно законной жены Анаксандрида, но родился после Клеомена, и его претензия на трон была отвергнута. Он удалился в страшном гневе и умер. Около 515 года другая царская династия — Эврипontiды — прошла через значительно более гладкий процесс преемственности, в результате которой на трон вззошел Демарат. Однако и у Демарата было небезупречное прошлое и вопросительный знак относительно его легитимности, который Клеомен превратил в кон-

¹ Поскольку в целом Геродот отзывался о Клеомене негативно и поскольку в другом месте он восхваляет решающее военное значение Афин как демократии, предположительно на его суждение повлияла его собственная убежденность в том, что Ионийское восстание было в высшей степени абсурдным.

це концов в точку. Вероятно, они с Клеоменом никогда на самом деле не ладили; согласно Геродоту, это было обычными отношениями между двумя царственными домами. В 506 году они публично рассорились с фатальными последствиями, сначала из-за внешней политики Спарты, а в конце концов, из-за самого Демарата.

В середине шестого века Спарта уже считалась самой мощной военной державой в континентальной Греции, поэтому Крез Лидийский заключил союз со Спартой против нарастающего могущества Персии (хотя этот союз и не имел последствий). Конкретно, Спарта обладала сильнейшей пешей армией, ядро которой составляли ее граждане гоплиты. В отличие от других греческих городов, каждый полноправный взрослый гражданин Спарты по определению являлся членом спартанской фаланги гоплитов. Опять же, что было необычно, оружие и оборонительное вооружение гоплитов выдавалось спартанским воинам централизованно из арсенала, который обеспечивался и хранился усилиями неполноправных спартанцев, называвшихся периеками, или «живущими вокруг». Поскольку закон воспрещал самим спартанцам заниматься чем-либо, кроме войны, оружие и броню изготавливали для них свободные, но политически бесправные жители около восьмидесяти маленьких городков и деревень, в основном сосредоточенных в гористой и прибрежной Лаконии и у побережья Мессении. Некоторые периеки были достаточно состоятельны, чтобы позволить себе экипировку для сражений в качестве гоплитов, и Спарта за свою историю все более зависела от этих вспомогательных гоплитов¹.

Освобожденные благодаря труду илотов от необходимости зарабатывать себе на хлеб, спартанские гоплиты были вынуждены непрерывно подвергаться муштре и прочим способам тренировки, чтобы быть готовыми к немедленному призыву. Огромные массы угнетенных илотов были всегда готовы подняться против своих хозяев. Поэтому в начале каждого нового гражданского года коллегия из пяти эфоров (надсмотрщиков, надзирателей), главных выборных официальных лиц в Спарте, формально объявляла им войну. Если бы какой-нибудь илот вздумал взбунтоваться, он мог быть безнаказанно убит, без того чтобы убийца навлек на себя по-

¹ Уже в битве при Платеях в 479 году численность таких гоплитов (5000 чел.) на поле боя была равна числу спартанцев.

зор религиозной нечистоты, которая иначе неизбежно сопровождала бы пролитие человеческой крови.

Кроме того, в обязанности эфоров входило осуществление общего надзора за уникальной системой образования спартанцев — *agôgê* (воспитанием). Оно касалось преимущественно мальчиков, чтобы, повзрослев, они стали способными командирами. Успешное завершение *agôgê* было необходимо, чтобы позволить спартанцу вступить в ряды полноценных граждан, называемых *homoioi* (буквально «подобными»). Отдельно, но почти в равной мере это касалось также и девочек. С семилетнего возраста спартанского мальчика забирали из родительского дома, и он должен был жить в общественном общежитии-казарме, служившей также школьным помещением. Он питался очень скудно, настолько, что ему приходилось красть даже неаппетитную дикую лису. Это породило канонический спартанский рассказ о мальчике, которого застукали сразу после того, как он поймал лису и был допрошен одним из воспитателей. Согласно правилам *agôgê*, воровство мальчикам не возбранялось, даже поощрялось (чтобы развить умение красть, неожиданно нападать и проявлять находчивость, что могло пригодиться во взрослом возрасте во время военных действий). Но поимка с поличным в момент кражи абсолютно запрещалась и была сурово наказуема, так что мальчик, о котором идет речь, затолкал лису под тунику (единственную, выдаваемую на год). И вместо того, чтобы закричать и тем самым выдать факт кражи, он стоически молчал, пока лиса не выгрызла его внутренности, и он упал замертво перед ведущим допрос. Если оставить в стороне преувеличение, остается недвусмысленная проповедь необходимости стоического подчинения, и ее педагогическая эффективность обеспечивалась ее повторением и сохранением.

Другой такой предостерегающий рассказ касается более взрослого спартанского юноши. Он совершил серьезный проступок, закричав от боли во время мучительной порки, составлявшей значительную часть спартанского воспитательного цикла или теста на выносливость на этом этапе жизни. Его вопли слышали старшие, ответственные за процесс, и в результате репутация юноши стремительно упала. Однако, в отличие от мальчика с лисой, не ему было вынесено формальное порицание и не он понес наказание, а его возлюбленный молодой спартанец. Идея заключалась в том, что его старший, взрослый наставник не сумел должным образом

внушить спартанские ценности и поведение своему юному возлюбленному.

Такие в буквальном смысле педерастические (из «любви к мальчикам») отношения спаривания между неженатыми молодыми воинами (в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет) и мальчиками от четырнадцати до восемнадцати лет не только не считались ненормальными или неестественными — на самом деле, в Спарте они были более или менее обязательными для всех как элемент *agôgê*. Спартанцы даже изобрели особый местный словарь для них: старшего партнера называли «вдохновителем», а младшего — «слушателем». Разумеется, эти метафоры вполне могли быть прикрытием плотских земных аспектов¹. Участие в подобных односторонних отношениях имело для младшего партнера значение обряда инициации, важного шага на изнурительном пути к полной мужественности. Не исключено также, что на более поздних стадиях спартанской жизни оно имело значение для политических и прочих взаимоотношений².

Учрежденная практика всеобъемлющей государственной системы образования для всех мальчиков была уникальной чертой Спарты. Столь же уникальным был параллельный курс обучения для спартанских девочек, также придававший большое значение физической выносливости, хотя, разумеется, в целом ее задачи были иными, поскольку в Спарте, как и повсеместно в Греции, женщины считались непригодной для военной службы частью населения. В то время как мальчиков готовили, чтобы во взрослой жизни они стали воинами, девочки не могли рассчитывать на посвящение в таинства военной отваги и доблести, заключавшиеся в термине «мужественность» (*andreia*), который мог также означать

¹ Среди прочих греков спартанцы пользовались, несомненно, преувеличенной репутацией склонных к мужеложству.

² Будущий царь Агесилай II, юношей проходя обычную образовательную систему (поскольку не предполагалось, что он взойдет на трон), был «слушателем» Лисандра. Впоследствии Лисандр на короткое время стал единственным самым могущественным спартанцем своего времени, а также самым влиятельным греком, поскольку Спарта в то время являлась сверхдержавой греческого мира. Разумеется, он был более могущественным, чем цари, и его поддержка и влияние не были несущественными или случайными в восхождении Агесилая на трон Эврипontiдов в ожесточенном споре за наследование в (приблизительно) 400 году.

«мужество». Вместо этого женщин официально готовили для почти равной чести, которой они удостаивались как жены и матери, в идеальном случае, как матери будущих воинов.

Спартанцы очень ценили размножение (*teknopoiia*, буквально «детопроизводство»), предположительно, в основном из страха перед значительно превосходившим их по численности покоренным населением поработанных илотов, в чьем окружении они жили. Поэтому из соображений евгеники, предполагая, что физически здоровые женщины будут рождать больше сыновей, девочек обучали атлетике, включая борьбу и метание дротиков, а также бегу, в придачу к более характерному для греков обучению пению и танцам¹. Хотя, в отличие от своих братьев, девочки до замужества продолжали жить в родительском доме со своими матерями, их сознательно не обучали стандартным домашним делам, таким как приготовление пищи, стирка и шитье одежды, что было уделом других греческих девушек и женщин. Для этой цели служили женщины-илотки. Спартанские матери даже не играли значительной роли в уходе за детьми, опять же по причине доступности кормилиц и нянек из илотов. Напротив, огромное внимание уделялось тому, чтобы женщины усвоили преимущественно мужские государственные ценности.

Враждебные критики вне Спарты находили удовольствие в осуждении женщин за неспособность соблюдать строгие и жестко общинно ориентированные «законы Ликурга»². Предположительно, они были слишком увлечены роскошью и богатством. Оно включало собственность на землю, на которую, в виде исключения в Греции, спартанские женщины имели законное право. Их жестоко критиковали за отсутствие самодисциплины и даже за трусость перед лицом врага. Когда в 370/369 году фиванцы и их

¹ Эдгар Дега, имевший прекрасное классическое образование, был особенно очарован спартанской женской атлетикой и в 1860-х годах изображал ее в ряде этюдов, в настоящее время хранящихся в Национальной галерее в Лондоне, в Музее искусств Фогга при Гарвардском университете и в Чикагском институте искусств.

² Ликург был легендарным и по меньшей мере полумифическим ранним законодателем, которому приписывается огромное количество исторических законов и правил Спарты. Несмотря на его успех в отношении спартанских мужчин, говорили, что ему не удалось добиться расположения женщин к своим взглядам.

союзники впервые проникли на территорию Лаконии вплоть до самого города Спарта, они опустошили поля спартанцев, включая принадлежавшие женщинам, прямо у них на глазах. Аристотель утверждал, что женщины нанесли даже больший ущерб Спарте, чем враг! С другой стороны, дружественный наблюдатель, такой как Ксенофонт, мог воздать хвалу спартанским женщинам за их замечательную стоическую реакцию на утрату своих самых близких и дорогих мужчин в битве при Левктрах в 371 году¹.

Помимо развития самой эффективной греческой армии гоплитов, спартанцы также совершенствовали свои отношения с внешним греческим миром посредством тщательно выстроенной дипломатии. Подобно воспитательному циклу, она тоже не в последнюю очередь была подсказана озабоченностью внутренней безопасностью от илотов. В границах спартанского государства (носившего официальное название «Лакедемон») находилось также около восьмидесяти городов и поселков свободных, но политически подчиненных перизков, которые должны были образовывать первую линию обороны от илотов. Однако считалось желательным установить еще одно кольцо безопасности вокруг обширной территории Спарты, которая при размере около 8000 квадратных километров вдвое превосходила следующее по размеру государство греческого мира — Сиракузы в Сицилии.

Первый внешний союз спартанцев был заключен, возможно, около 550 года, с ближайшим полисом к северу — Тегеей в Аркадии. Но в течение одного поколения их союзная система на Пелопоннесе была распространена до Коринфского перешейка и вышла за пределы Пелопоннеса в центральную Грецию, охватив Мегару и находящийся в открытом море остров Эгину. Союзники принесли одностороннюю присягу на верность Спарте, обязавшись оказывать военную поддержку по ее требованию в обмен на сохранение Спартой в целом олигархических режимов союзников — услуга, которая становилась все более и более важной после перехода Афин в 508 году к демократии.

¹ Ксенофонт был значительно более старшим современником Аристотеля. В начале четвертого века, будучи изгнан из родных Афин, он жил в Спарте в качестве гостя и друга царя Агесилая и по предложению последнего дал своим двум сыновьям спартанское воспитание.

Как мы уже отмечали ранее, единственным Пелопоннесским государством, демонстративно отказавшимся присоединиться к спартанскому союзу, был Аргос, который бросил вызов Спарте на поле боя примерно в 545 году, но потерпел серьезное поражение. Впоследствии (в 494-м, 496-м и далее) то же само повторялось весьма регулярно. В 525 году Спарта почувствовала себя даже достаточно уверенно, чтобы вести военные действия в восточном Эгейском море при решающей помощи флота своего союзника Коринфа. Примерно в 512 году Спарта опять послала морскую, а затем наземную экспедицию против Афин, чтобы свергнуть правящую «тираническую» династию сыновей Писистрата. Это ставит вопрос об отношении Спарты к иностранным тиранам, или автократам. Спарта получила репутацию принципиального противника тирании, поскольку фактически свергла немалое их число. Но во всех случаях с равной вероятностью могут быть выдвинуты здоровые прагматические соображения в пользу свержения, и по меньшей мере в двух случаях Спарта позабыла о своих предполагаемых антитиранических принципах, когда она фактически пыталась навязать или восстановить тиранию. Оба эти случая пришлось на необычный и судьбоносный период в какие-то шесть лет, с 510 по 504 год, и оба связаны с Афинами.

Геродот, придававший большое значение крайней религиозности спартанцев, считал, что их убедил подняться в 510 году против продолжительной тиранической династии в Афинах постоянный поток дельфийских оракулов. Во всяком случае, режиму Гиппия и его брата внезапно был положен конец вмешательством Клеомена, и Гиппию повезло не просто скрыться, а бежать прямо в руки персов. Теперь, под покровительством Великого царя Дария, он до самого преклонного возраста лелеял мечту о возвращении и реставрации. С греческой точки зрения это создавало безусловные узы между Персией и политикой материковой Греции, подтверждая связь Персии с греческой тиранией, уже узаконенной на азиатском берегу Эгейского моря.

Через два года, в 508 году, Клеомен вернулся в Афины, опять с армией, на сей раз оккупировав на несколько дней Акрополь. Однако в данном случае не было никакой возможности утверждать, что вторжение было предпринято во имя обеспечения свободы афинян от гнета тирании, так как Клеомен фактически вторгся

вопреки ясно выраженной воле большинства граждан Афин. Они заявили, что желают исполненных творческого воображения первопроходческих «демократических» реформ, предложенных Клисфеном, давним противником прежнего тиранического режима. По разительному контрасту, Клеомен предпочитал реакционное решение — введение правления противника Клисфена Исагора, протеспартанского марионеточного тирана. Такова была предполагаемая принципиальная оппозиция Спарты тирании!

К своему позору и удивлению, Клеомен оказался заблокированным на Акрополе и вынужденным позорно удалиться в Спарту. Однако он сохранил достаточно влияния, чтобы добиться повторной ссылки Клисфена вместе со значительным числом своих родственников и сторонников. Этот успех оказался недолговечным. Клисфен вскоре вернулся, его реформы начали укореняться и процветать — не в последнюю очередь, как показали последующие события, и в военной сфере. Поэтому в 506 году Клеомен решил еще раз попытаться навязать свою волю непокорным Афинам. Он полагал, что на этот раз он полностью подготовил почву. Возглавляемая им армия состояла не просто из спартанцев, а из спартанцев и значительного количества их пелопоннесских союзников. Более того, он считал, что подготовил Коринф атаками на Афины из Беотии (возглавляемыми фиванцами) и Эвбеи (город Халкида). Однако в этом предприятии было два недостатка. Первый заключался в том, что, хотя союзникам было с самого начала ясно, что целью экспедиции было установление спартанского господства над Афинами, они лишь впоследствии поняли, что Клеомен намеревался повторить свой трюк 508 года — привести к власти Исагора в качестве тирана. Некоторым более значительным союзникам, особенно Коринфу, показалось, что Клеомен тем самым переступает свои декларированные обязательства, а воспоминания Коринфа о собственной династии тиранов были все еще слишком свежи.

Второй просчет — более серьезный, как идеологически, так и морально — заключался в том, что Клеомен не удосужился взять с собой второго царя, Демарата; физически Демарат сопровождал армию, пока она направлялась к перешейку, по-видимому, потому, что тогда еще было вполне нормально обоим царям возглавлять такую значительную армию. Однако в критический момент

Демарат вместе с коринфскими союзниками попросту удалился и вернулся в Спарту, так что спартанская часть согласованного двойного охвата Афин была полностью расстроена. Тем не менее беотийцы и халкидийцы пошли в атаку с севера и востока и потерпели жестокое поражение от новой демократической армии афинян, исполненных энтузиазма, так как они сражались не просто ради защиты своей суверенной независимости, но и ради сохранения своего нового революционного политического режима. Даже при таком положении дел Спарта предприняла еще одну попытку около 504 года. На сей раз их отчаяние было столь велико, что они намеревались навязать Афинам не кого иного, как старого тирана — старого в обоих смыслах: Гиппия, сына Писистрата, беженца при персидском дворе, перешедшего на сторону мидян.

На самом деле Геродот не упоминает Клеомена в связи с этой последней попыткой, и возможно, что он мудро отказался от нее, несмотря на одобрение проекта. Эту последнюю инициативу загубил не Демарат — или не он один, а коллективное решение, принятое в Спарте большинством голосов представителей всего внутреннего спартанского круга союзников. Иными словами, царь Спарты больше не мог просто диктовать союзникам, которые обрели коллективный голос и коллективное право быть выслушанными. Современные ученые отмечают этот момент как рождение того, что они называют Пелопоннесским союзом. Спарта сохранила инициативу перед лицом своих союзников, то есть союзники не могли обязать Спарту проводить внешнюю политику, которую она не одобряла, и именно Спарта сначала принимала решение на закрытой дискуссии, прежде чем созвать союзников на публичный совет для получения их одобрения. Но решающая статья, описываемая во всех договорах о союзе, в которой говорилось, что союзник должен следовать «за спартамцами, куда бы они ни повели», теперь была радикальным образом изменена и предоставляла союзникам коллективное право «вето» большинством голосов¹.

¹ У этой новой союзной системы было великолепное будущее: она давала Спарте, и только Спарте, право претендовать на гегемонию и приоритет в любом сопротивлении эллинов Персии. Большинство (немногочисленных) греческих государств, оказавших успешное сопротивление в 480 и 479 годах, были членами спартанского Пелопоннесского союза.

В 500 году Аристагор посетил Спарту, слегка отрезвленную, но все еще самую могущественную военную державу на греческой земле. Не соблазняемые азиатскими приключениями, в 90-х годах V в. спартанцы были весьма озабочены пелопоннесскими проблемами у себя дома. Согласно Геродоту, Аристагор посоветовал спартанцам прекратить свои мелкие местные войны за жалкие клочки земли «со своими соперниками мессенцами, аркадийцами и аргивянами»¹. Но нет никаких иных указаний, что в то время Спарта вела бурные дискуссии с какими-либо городами Аркадии, хотя чеканка монет с надписью Arcadikon (Федерация Аркадии) иногда датируется приблизительно 490-м годом. Это могло означать образование квазинационалистической федерации Аркадии, которая должна была неизбежно считаться враждебной геополитическим интересам Спарты. Общая политика Спарты всегда состояла в попытках разобщить аркадийцев, чтобы облегчить управление ими, и особенно прочно удерживать полис Тегею от сближения с Мантинеей в восточной Аркадии и противопоставить их друг другу. Не существует также надежных свидетельств, что мессенцы, точнее, мессенские илоты представляли в то время большую угрозу для Спарты, нежели всегда, хотя Платон утверждает устами одного из своих персонажей в диалоге *Законы*, что во время Марафонской битвы (490 г.) спартанцам пришлось противостоять восстанию илотов.

С другой стороны, существует весьма надежное свидетельство того, что в 90-х годах V в. при Клеомене спартанцам опять пришлось столкнуться со старым противником Аргосом и еще раз нанести ему сокрушительное поражение. В действительности оно оставило Аргос за бортом как серьезного игрока на целое поколение. Центральным моментом была битва при Сепии в районе Арголида, вероятно, в 494 г., и очевидно, что агрессором была Спарта. Геродота интересовали не подробности сражения, а действия Клеомена после боя, которые он использует как еще одну дубинку, чтобы ударить злодея. Он сообщает, что несколько тысяч спасшихся аргивян укрылись в священной роще, моля о пощаде. Клеомен бессовестно приказал илотам из своего окружения поджечь рощу, чтобы не принимать непосредственного

¹ *Геродот. 5.49.*

участия в религиозном осквернении, и тем самым убил большинство просителей. Но это был его не единственный проступок, который беспокоил спартанцев. Вернувшись в Спарту после кампании, которая была в конце концов большой победой в прагматическом смысле, он был судим за то, что не смог захватить сам Аргос.

Подобные суды над спартанскими царями проводились при закрытых дверях в присутствии постоянной герусии и совета пяти эфоров текущего года; в Спарте никогда не было никаких открытых судов в отличие от системы, особенно заметно развившейся, например, в демократических Афинах. Поэтому, скорее всего, обвинителем Клеомена был второй царь Демарат, его соперник и противник. Похоже, что эфоры должны были вынести предварительный приговор — *anakrasis* касательно наличия предмета обвинения, и, по-видимому, большинство эфоров было на стороне Демарата. Тем не менее Клеомену удалось выкрутиться, и он проделал это чрезвычайно хитроумным, чисто спартанским способом. Он утверждал, что, когда он намеревался принести жертвоприношение в аргосском Гереоне, святилище, посвященном богине — покровительнице Аргоса Гере, появилось предзнаменование. Из груди величественной культовой статуи богини, сделанной из золота и слоновой кости, вырвалось пламя. Он сказал, что этот знак убедил его без тени сомнения в том, судьбой не предусмотрен захват цитадели Аргоса, ибо в таком случае пламя должно было ударить не из груди, а из головы статуи. Геродот пишет, что спартанцы нашли этот довод убедительным и разумным.

В этих немногих словах Геродот сумел сказать очень многое о Спарте. Помимо своей воспитательной и военной системы, самой ощутимой отличительной культурной чертой Спарты была ее религиозная система. В других местах, и не единожды, Геродот говорит об исключительном благочестии, или религиозности, спартанцев: «Они ценили исходящее от богов как более авторитетное, чем исходящее от людей»¹. Собственно говоря, таковы были и все обычные греки, поэтому Геродот, сам человек глубоко религиозный и традиционно по-гречески благочестивый, безусловно имел в виду, что спартанцы считали свой долг перед богами значитель-

¹ Геродот. 9.7.

но более абсолютным и обязывающим. Некоторым образом они применяли по отношению к богам свой взгляд на жизнь вообще — порядок, иерархия и безусловное подчинение. Боги как бы образовывали самую вершину величественной пирамиды непрерываемой власти. Не случайно, что в Спарте каждый бог и богиня изображались с оружием и в доспехах. Богиней — покровительницей города была Афина, и несмотря на свой пол, всегда и везде в Греции изображалась в шлеме, латах и с копьем в руке. И только исключительно в Спарте даже откровенно не воинственной Афродите (знающие *Илиаду* Гомера улыбнутся) придавался неуместно воинственный вид.

Почти слепая преданность богам объясняет, почему спартанцы шли на неуместные крайности, чтобы, изучая внутренности жертвенных животных или справляясь у оракулов, по возможности заранее узнать, какова божественная воля. Мы даже знаем о спартанских военачальниках, которые перед лицом абсолютной необходимости принять срочное решение в разгар сражения многократно приносили жертвоприношения, пока не получали таким образом ответ, казавшийся им приемлемым и осуществимым. За это Ксенофонт дал спартанцам прозвище «искусных военных дел мастеров» — сознательная метафора, поскольку им запрещалось быть искусными мастерами в обычном смысле слова. Одним из в высшей степени достойных упоминания аспектов исключительной религиозности спартанцев — исключительной не только в категориях Древней Греции — было их отношение к смерти.

В своей «биографии» Ликурга Плутарх говорит, что законодатель был весьма озабочен тем, чтобы освободить спартанцев от ненужного и истощающего страха смерти и умирания. С этой целью он разрешил хоронить трупы всех спартанцев, взрослых, равно как и младенцев, прямо на обычной территории проживания, а не, как было принято повсеместно в прочем греческом мире, по крайней мере примерно с 700 года до Р.Х., на тщательно отделенных специально обозначенных кладбищах вдали от жилой территории. Иными словами, спартанцы не разделяли нормального греческого убеждения, что захоронение автоматически приносит нечистоту (*miasma*). Они считали, что кремированные или захороненные тела их предков являются источником общинной соли-

дарности и силы, а не слабости, и их следует принимать и жить с ними, а не питать к ним отвращение, избегать и убирать с глаз долой и из сердца вон.

С другой стороны, спартанцы все же оставили два места для захоронений на изрядном удалении от жилой территории города Спарта, хотя слово «захоронения», может быть, вводит в заблуждение. Одно из них — Кеады, ущелье, которое было идентифицировано как современная деревня Трипи («Дыра») на некотором расстоянии к западу от Спарты у входа в ущелье Лангада, ведущее через Тайгетский горный хребет в Мессены. В это ущелье сбрасывали тела преступников, осужденных за преступления, наказуемые смертью. Другое место гораздо более интересно с точки зрения спартанского отношения к жизни и смерти. Как уже отмечалось, спартанцы были весьма озабочены воспроизводством своего населения, но не просто его численностью. Имело значение также качество. Так, новорожденные младенцы (вероятно, обоих полов, но на данной стадии мужчины были гораздо важнее) подвергались ритуальному обследованию и проверке, проводимому «старейшинами рода», как Плутарх их называет. Их погружали в ванну предположительно неразбавленного вина, чтобы узнать их реакцию. Если они не проходили испытание, последствия были фатальными. Их уносили в место с загадочным названием «хранилища» (*apothetai*) и бросали в овраг на верную смерть¹. Та же участь постигала младенцев, которым не повезло и они родились с некоторыми серьезными и уже очевидными физическими недостатками.

«Отказ» от новорожденных никоим образом не был обычаем уникальным для Древней Спарты. Он также был положительно рекомендован в утопических философских предписаниях как Платона, так и Аристотеля. Однако в прочих греческих городах эта процедура была значительно более мягкой и иначе организована. Полнота контроля за процессом принадлежала родителям, а не государству, и к отказу чаще всего прибегали по экономическим причинам, а не из соображений евгеники или по указке государства. Кроме того, вовсе не обязательно ожидалось,

¹ Это место с большой долей вероятности найдено близ деревни Парори недалеко от византийской Мистры на склоне горы Тайгет.

не говоря о том, что желалось, что отказ автоматически означал смерть. В Афинах, например, существовал общепризнанный термин ((*en*)*khutrizēin*) для практики возложения новорожденного в большой глиняный сосуд в надежде, что какая-нибудь другая семья, бездетная по физиологическим или иным причинам, но материально способная и психологически желающая, может подобрать и воспитать его.

Так что спартанцы не только воспитывались в близком знакомстве со смертью и похоронами, но их учили тому, что они должны готовиться к утрате ребенка, представлявшегося обузой для общества или государства. В соответствии с этой точкой зрения, спартанцы не испытывали потребности исполнять похоронные песни и танцы или соблюдать траурные церемонии; значительное исключение — государственные похороны спартанского царя — было только эффектным подтверждением этого правила¹. Поэтому покойного спартанца, спартанку или ребенка хоронили не в роскошной, не говоря уж о том, чтобы внешне броской или монументальной гробнице, а в простой яме, вырытой в земле, в сопровождении минимума похоронных принадлежностей. Плутарх рассказывает, что правила захоронения взрослого мужчины допускали только знаменитый алый военный плащ, при этом тело клали просто на подстилку из лавровых листьев. (Это, кстати, может объяснить, почему до сих пор найдено так мало спартанских могил этого исторического периода.)

Покойному спартанцу не разрешалось иметь даже столь незначительную роскошь, как надгробный камень с обозначением его имени — за двумя исключениями. Во-первых, солдату, убитому на войне, разрешалось упоминание его имени на надгробии вслед за двумя простыми словами: «на войне» — воистину лаконичное сообщение. Лаконичная (спартанская) речь была краткой, сжатой и четкой, но соответственно предполагалось, что каждый слог должен быть произнесен. Такое посмертное чествование было логическим следующим шагом за прославлением спартанцами «красивой смерти» воина на поле боя. Такое отношение восходит по меньшей мере к середине седьмого века, так как оно встречает-

¹ См. главу 8.

ся уже в стихах Тиртея: «терпи, видя кровавую смерть, / нападай на врага, стоя рядом»¹. Тиртей был спартанским национальным военным поэтом, и его военная лирика пережила столетия, мальчики в ходе обучения принудительно заучивали ее наизусть и регулярно декламировали во взрослом возрасте во время военных кампаний. Суть выражения «стоя рядом» в том, что это стихи о го-плитах: Тиртей представляет кровавую битву сомкнутой плечом к плечу фаланги. Второе исключение и послабление касалось либо жриц, либо — и этот вариант требует серьезной переделки дошедшего текста Плутарха — женщин, умерших родами. Оба варианта получают совершенно разумное объяснение в рамках общего контекста известных спартанских общинных ценностей. Возвеличение смерти жрицы полностью соответствует спартанскому предпочтению религии — отношение людей к богам всегда имело преимущество перед мирскими делами, т.е. отношениями между людьми. Особое положение женщин, умерших во время родов, соответствует заботе о продолжении рода, а также отдает долг уважения к матери (особенно матери потенциального сына-воина) наравне с социальным вкладом взрослого мужчины-воина: первая дала новую жизнь Спарте, а второй отдал за нее собственную жизнь.

Рассказ Ксенофонта о последствиях битвы при Левктрах 371 года показывает, сколь странным было официальное спартанское отношение к смерти родственника. В Левктрах (в Беотии) Спарта потерпела первое серьезное поражение в решающем сражении пехоты от фиванцев и их союзников. Более половины сражавшихся спартанцев были убиты, и их смерть сократила общее взрослое мужское население полиса до менее тысячи человек, сравнительно, например, с 25—30 тысячами граждан тогдашних Афин. Это была массовая катастрофа, как коллективная и общественная, так и индивидуальная и частная — настолько такое различие может иметь смысл для Спарты. Так как огромные усилия были вложены в то, чтобы внушить официальную позицию через образование и воспитание, то вполне вероятно, что неофициальная, индивидуальная и частная позиция была абсолютно такой же.

¹ *Tyrtaeus Fragments*, 12.11.14.

Однако когда эту новость принесли домой и семьям сообщили о погибших, родственники убитых ходили с радостным, почти восторженным выражением лица, в то время как родственники выживших, далекие от радостного возбуждения или облегчения, испытывали чувство унижения от того, что они считали двойным оскорблением: не только армия их государства потерпела поражение, но и их родственники остались живы, чтобы рассказать жалкую историю, поэтому они трусливо прятались от общественного взгляда в состоянии шока и ненависти к себе.

Короче говоря, спартанцы — единственные в Греции, кто принял точку зрения, что смерть является чем-то, чего следует не бояться, а скорее буквально жить бок о бок с ней и ежедневно смотреть ей в глаза. Как ты умер — здесь было не более и не менее важно, чем где бы то ни было в Греции, но только в Спарте всегда абсолютным образом подчеркивалось общественное, а не личное и не чисто семейное значение любой смерти. Поэтому несомненная важность такой позиции и поведения для кампании в Фермопилах была очевидна.

Освободившись от тяжкого обвинения в связи с Аргосом, Клеомен был впервые волен привлечь внимание Спарты к территориям по ту сторону Эгейского моря и к нарастающей персидской угрозе. Это единственный случай, когда Геродот воздает ему безусловную хвалу. В 491 году правящая аристократия стратегически важного острова Эгина в заливе Сароникос («ячмень на глазу Пирея», как его назвал Перикл) решила перейти на сторону персов: они поднесли посланцу Дария землю и воду как знак готовности подчиниться имперской гегемонии Персии. Клеомен немедленно выступил в поход и отплыл на Эгину, где встретил яростное сопротивление под предводительством аристократа по имени Крий («Баран»). Крий обвинил Клеомена в том, что он подкуплен (еще одно стандартное обвинение против спартанцев) афинянами, врагами эгинетян. Ибо, — он сказал, — если бы вмешательство Клеомена в дела союзного, но независимого государства было бы формально утверждено спартанским государством, то прибыли бы оба царя, а не один Клеомен.

Здесь Крий явно рассчитывал сыграть на известной вражде между Клеоменом и Демаратом, но, возможно, он также апеллировал к вероятному конституционному требованию, чтобы оба

царя были в согласии по поводу внешней политики. Как бы то ни было, от Клеомена нельзя было так легко отделаться. Произнеся типично лаконичное замечание — «Тебе бы лучше упрятать свои рога в ножны, Баран», — он вернулся в Спарту, организовал смещение Демарата и замену его более приемлемым Леотихидом¹.

Как и в аргосском эпизоде 494 года, Клеомен оказался вынужден прибегнуть к религии в борьбе против Демарата, но на этот раз он превзошел самого себя. У Спарты давно были особые отношения с исключительно авторитетным оракулом Аполлона в Дельфах, и она поддерживала прямую связь с местным жречеством через постоянных представителей при святилище, называемых пифиями. Эти пифии назначались царской властью, две из них избирались каждым из спартанских царей. Однако в 491 году пифии Клеомена не просто консультировали жриц и жрецов-предсказателей в Дельфах. Они также подкупали их, чтобы те говорили именно то, что он хотел услышать от Аполлона, а именно, что Демарат — незаконнорожденный и в юридическом смысле не является сыном своего отца, покойного царя Аристона. Более того, дельфийские должностные лица предположительно приняли взятку и вынесли желательный вердикт. В скором времени интрига великолепно сработала для Клеомена: по божественному приговору Демарат был объявлен незаконнорожденным, низложен и заменен на своем посту, а Клеомен получил свободу вернуться на Эгину, взять Крия и прочих вождей Эгины заложниками и заставить их отказаться от своей проперсидской или, по крайней мере, не антиперсидской политики. Именно за это Геродот превозносил Клеомена до небес как «действовавшего ради общего блага всей Эллады». Однако затем тщательно сплетенная интрига была разоблачена — с катастрофическими для Клеомена последствиями. Факт взятки был раскрыт, и причастные к ней дельфийцы были изгнаны со своих постов, а Клеомен, похоже, в прямом смысле слова сошел с ума.

Геродот утверждает, что он всегда был слегка тронутый, что у

¹ Леотихид был Эврипонтидом, но лишь дальним родственником Демарата. Он также был его заклятым личным врагом, так как однажды буквально украл богатую и со связями невесту Демарата и женился на ней сам.

него не все было в порядке с головой¹. Однако говорят, что эффект разоблачения его крайне кощунственных действий и последующая добровольная ссылка в Аркадию сделали его поведение по возвращении в Спарту столь иррациональным, что власти пришли к выводу, что его необходимо посадить в колодки. Клеомен содержался под охраной илотов, но даже в безумии он был столь убедителен, что смог побудить одного из них одолжить ему кинжал, которым, как утверждают, совершил ужасное хакакири, расплосовав себе ноги снизу доверху.

Очень многое было поставлено на карту со смертью Клеомена: внешняя политика Спарты, ее позиция в отношениях с союзниками за границей и жизнеспособность диархии у себя дома. Поэтому, естественно, возникли подозрения, что Клеомен на самом деле не совершал самоубийства, а, став крайней обузой для окружающих, был благоразумно убит, возможно, даже ближайшими кровными родственниками. Мы никогда достоверно не узнаем этого, но мы знаем о ближайших последствиях смерти Клеомена — о том, что его место занял его младший сводный брат Леонид. В начале 80-х гг. V в., когда Клеомен умер, ему шел пятый десяток, и забавно подумать, что, если бы он остался в живых и правил бы еще лет десять или больше, то мы бы, возможно, чувствовали за Фермопилы Клеомена, а не Леонида.

В 80-х годах V в. в истории Спарты наблюдается огромный пробел в смысле надежных свидетельств. Широко известны последствия Марафонского сражения и неучастия Спарты в триумфальном успехе Афин. Спартанцы могли с большим интересом следить за внутренней политикой демократических Афин и даже узнавать о текущих событиях от своих афинских друзей и гостей. В Афинах все более поляризовались позиции различных группировок и фракций как по внутренним, так и по внешнеполитическим проблемам, прежде всего по вопросу о демократических институтах и отношении к Эгине и Персии. Они часто прибегали к новому демократическому институту ostracism: это было нечто вроде выборов наоборот, на которых потерпевший поражение

¹ Он, видимо, правдиво пересказывал то, что ему сообщили настроенные против Клеомена информаторы, в число коих вполне могли входить потомки Демарата, все еще жившие в районе вокруг Трои в северо-западной Анатолии.

кандидат из числа наиболее влиятельных политиков общенародным голосованием подвергался ссылке на десять лет.

Однако вскоре после 485 года спартанцам также опять пришлось отвечать на наболевший вопрос о том, какую позицию по отношению к Персии они должны занять.

5

ФЕРМОПИЛЫ I: МОБИЛИЗАЦИЯ

Ты видишь, как перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Ты видишь, как бог мечет свои перуны в самые высокие дома и деревья. Ведь божество все великое обыкновенно повергает во прах. ...Ведь не терпит божество, чтобы кто-либо другой, кроме него самого, высоко мнил о себе.

Артабан Ксерксу. Геродот, История 7.10

В начале того, что нам известно как седьмая книга *Истории* Геродота, историк создает яркую реконструкцию¹. Он описывает, как Ксеркс вззошел на персидский трон, и излагает собственное вполне приемлемое мнение, что именно Атосса, царица-мать, дочь Кира Великого, на самом деле организовала его наследование. Затем он переносит нас в сердце Персидской империи, ко двору в Сузах, в сокровенную палату самого Ксеркса — по существу, к самым помыслам Великого царя. Он шекочет нам нервы возможностью того, что Ксеркс мог принять иное решение, мог, в конце концов, решить не нападать на Грецию в 480 году. По существу, он представляет вторжение вовсе не как собственную идею Ксеркса, а идею Мардония, который, как должны знать читатели, был генералиссимусом Ксеркса, потерпевшим поражение в решающей Платейской битве 479 года. Несомненно, он был обязан этим назначением собственной доблести — эти высокие полномочия бы-

¹ Эта книга следует сразу же за описанием Марафонского сражения и является первой из трех заключительных книг, повествующих о битвах 480—479-х годов, т.е. о собственно Греко-персидских войнах.

ли доверены ему еще Дарием. Но и тот факт, что он был двоюродным братом Ксеркса (сыном сестры Дария) и что его отцом был Гобрий, один из шести заговорщиков, возведших Дария на трон в 20-х гг. VI в., ни в коем случае не повредили его карьере.

К побуждениям, или, скорее, подстрекательствам Мардония касательно вторжения добавилась назойливость некоторых греков, принявших сторону персов. Наиболее выдающимися из них были члены правящей династии Лариссы в Фессалии, регионе Греции сразу к западу от границ Персидской империи того времени, простиравшейся до южных рубежей Македонии, и, кроме того, Писистратиды, члены свергнутого семейства тиранов Афин. Вероятно, эти сторонники персов руководствовались смешанными мотивами. Для некоторых доминирующей была фаталистическая позиция *saue qui peut* («спасайся, кто может» — *фр.*). Они сочли: победят персы, поэтому давайте будем на стороне победителей или, по крайней мере, не будем слишком выделяться как противники победителей. Других согревала идея будущего персидского имперского правления: разве персы не только терпели, но и активно не поддерживали «тиранов» в городах своих восточных греческих подданных? Кроме того, у тех и других был, вероятно, более чем мимолетный всплеск (типично греческого, надо сказать) синдрома «враг моего врага — мой друг»¹.

Геродот изображает Ксеркса созывающим военный совет, что тот несомненно сделал, но точные слова, которыми обменивались Ксеркс, Мардоний и мудрый дядя Ксеркса Артабан, не обязательно имели прямое отношение к действительности. В некотором смысле Артабан является одним из шаблонных персонажей Геродота, который «предостерегает» от того, чтобы предстоящую ситуацию видеть только в черно-белых красках, и по крайней мере столь же ясно предвидит возможные препятствия на пути к проекту и трудности в его осуществлении, как и вероятный успех. Таким образом, он представляет собой контраст как для Ксеркса, относительно молодого, неопытного и чрезмерно самоуверенного, так и для Мардония, который, по крайней мере в сценарии Геродота, был фанатичным сторонником вторжения.

¹ Тем более примечательно, что Геродот не упоминает в этой части своего повествования о бывшем спартанском царе Демарате, явном чистейшей воды стороннике персов. Он его оставил напоследок для более крупных дел.

Одно место в речи Артабана касается самого существа вопроса, по крайней мере в том, как оно ретроспективно восстановлено Геродотом. Посредством скрытой иронии здесь предвосхищена конечная неудача Ксеркса:

Ты видишь, как перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Бог мечет свои перуны в самые высокие деревья и дома. Ведь божество все великое обыкновенно повергает во прах. ...Ведь не терпит божество, чтобы кто-либо другой, кроме него самого, высоко мнил о себе.

Это ощущение было передано на афинской драматической сцене в буквальном смысле слова трагически, особенно в сохранившейся трагедии Эсхила «Персы», впервые поставленной весной 472 года. Есть также основательная причина предполагать, что Геродот, столь традиционно и глубоко благочестивый человек, каким от был, действительно верил, что так все и в самом деле происходило в подлунном мире¹. Однако далее в интригующем повествовании Геродота следует почти комический эпизод. Сначала Ксеркс в ярости из-за Артабана, единственного из его близких советников, осмелившегося высказаться против греческой войны. Затем, по более зрелом размышлении, он убеждается в мудрости точки зрения старшего. Но потом Артабан меняет свою позицию, после чего Ксеркс мгновенно возвращается к своему изначальному агрессивному мнению. Каковы причины для этих внезапных перемен в точках зрения Ксеркса и Артабана? Вмешательство сновидений, классическое проявление божественного в книге Геродота, но также и совершенно гомеровский литературный прием: тонкий способ напомнить читателю об эпическом масштабе предстоящего конфликта, а также о том, *что* в нем поставлено на карту для будущих отношений между Востоком и Западом. Такой способ драматизированного повествования имеет для греческого историка еще одно преимущество — раскрытие слабости, нерешительности и отсутствия понимания, которое роковым образом обрушилось на главного человека Персии, Царя Царей.

Однако Фукидид, величайший из преемников Геродота как

¹ См. Приложение 3.

историка, придерживается совсем другого тона, охлаждающего тона реализма, в своем рассказе о причинах Афино-пелопоннесской войны 431—404 гг. Он решительно приземляет ситуацию. Действительно, у него был ревнивый профессиональный интерес в том, чтобы утверждать, что все войны, случившиеся до «его» войны, были незначительными, и, возможно, он имел в виду конкретно войну Геродота. С другой стороны, рассказ Фукидида о причинах всех великих войн, а не только Афино-пелопоннесской войны, имеет привкус более убедительного прозрения и здравомыслия, нежели трагикомический продукт Геродота.

Ибо, как в начале своей *Истории* Фукидид говорит спартамцам устами своих афинских рассказчиков, существуют три основных мотива, управляющих межгосударственными отношениями независимо от того, является ли государство абсолютной монархией типа Персии, демократической республикой афинского образца или модифицированной олигархией, подобной Спарте. Это мотивы следующие — в обычном порядке приоритетности: стратегическая забота о коллективной безопасности государства; идеологически-психологическая забота о его статусе, репутации и чести; стремление к экономическому прогрессу и выгоде. Афиняне Фукидида выразили их более резко как страх, честь и выгода. Сочетание этих трех мотивов также объясняет, почему Ксеркс принял такое решение, а именно, вторгнуться в континентальную Грецию с целью завоевания, и почему он должен был принять это решение, а не какое-либо другое.

В своей озабоченности безопасностью империи и особенно неприятностями, которые предположительно могли прийти из-за самой отдаленной границы, Дарий в 513 году вторгся в Европу из Азии через Босфор. Позже он санкционировал завоевание Мардонием европейской Фракии. Фракийцы жили по обеим сторонам проливов — Геллеспонта (Дарданелл) и Босфора. Идея состояла в том, чтобы значительно обезопасить империю, включив в нее оба пролива. Было ли это действительно более безопасно?

Статус был случайным фактором как в личном плане, так и в коллективном. Ксеркс по крайней мере был в той же мере под сенью своего знаменитого динамичного сверхудачливого отца, как впоследствии на первом этапе оказался Александр Македонский под сенью Филиппа Македонского. Оба сына претендовали на равный статус, а Александр даже на превосходство. Но из этих

двоих лишь Александру удалось оправдать свои претензии. В коллективном отношении предстояло решить досадный афинский вопрос. Поражение персов от Афин и Платей под Марафоном все еще не было изглажено, а тем более, забыто. И если Афины надо было поставить на свое место, то почему бы, пока этим занимается Ксеркс, и не остальную часть материковой Греции, чтобы научить всех континентальных греков не вмешиваться в чужие дела и даже не мечтать о том, чтобы еще раз нанести поражение Персии — урок, который они никогда не забудут?

Может показаться крайне маловероятным, что Ксеркса могла соблазнить на вторжение в Грецию перспектива дополнительной материальной выгоды. Как впоследствии Демарат довольно поэтически заметил Ксерксу, Греция и Нужда были молочными сестрами¹. Еще один намек на то, что экономика не могла служить самым убедительным из аргументов, проистекает из яростного утверждения Мардония Ксерксу, что Греция — это настоящий сад, полный всяческих сортов деревьев. Это, несомненно, был аргумент, рассчитанный произвести впечатление на персидского монарха, любителя садов, но можно полагать, что по чисто эмпирическим основаниям он не был особенно убедителен. Тем не менее там были серебряные и золотые прииски, к которым можно было стремиться, а также можно было прибрать к рукам доходы от торговых рынков.

Известие о военных приготовлениях Ксеркса достигли Спарты вскоре после того, как примерно в 484 году в Сузах был отдан приказ о мобилизации. У Спарты были друзья на прибрежных островах и в городах побережья Персидской империи, а у них, в свою очередь, должны были быть контакты с центрами местных сатрапий — Сардами в Лидии и Даскилеем в геллеспонтийской Фригии к северу. В Спарте новость вызвала огромное смутнение. Будучи исключительно богобоязненными и веря в небесное возмездие, многие спартанцы, включая членов политической элиты, боялись, что опустошительное нашествие персов могло быть небесной карой за их грубое нечестие. Таковым, по их мнению, мог-

¹ Когда в 480 году Фемистокл попросил у Эгейского островного государства Андроса помощи, его жители ответили, что не могут помочь, поскольку им не позволяют это две безжалостные богини: Нишета и Несостоятельность (*Геродот. 8.111*).

ло быть убийство вестников, или посланников Дария, в 491 году. Потому что посланцы любой страны и национальности повсеместно считались священными, то есть их личности считались священными и неприкосновенными. Хладнокровно убить посланца означало навлечь на себя особо тяжелую форму религиозной нечистоты (*miasma*).

Как — спрашивали себя спартанцы — могли они очиститься от этой нечистоты, какое воздаяние и возмещение должны они выплатить Ксерксу? Казалось бы, ответ был очевиден. Они пошлют Ксерксу в ответ человеческую жертву. Если он примет ее, то, возможно, отменит всю экспедицию. Оставалась только практическая проблема: найти подходящую добровольную жертву. Геродот рассказывает, что спартанцы (вопреки своей обычной практике) проводили собрание своих воинов за собранием, и на каждом был вынесен на повестку дня только один вопрос: кто из спартанцев готов предложить себя в качестве отвратительной человеческой жертвы воздаяния Ксерксу? В конце концов ответ был найден, и о силе веры спартанцев в это решение проблемы, по крайней мере об их силе принятия желаемого за действительное, можно судить по тому факту, что не один, а два благородных спартанца предложили себя, и их предложение было одобрено Советом. Они оказались благородными более, чем в одном смысле, поскольку, во всей видимости, принадлежали к наследственной спартанской аристократии самозванных «потомков Геракла».

Спарта любит парность: два царя; два божественных символа и гаранта двух тронов в виде Диоскуров — Кастора и Поллукса; Зевс в паре с Афиной как объекты поклонения в более чем одном спартанском культе, и так далее. Но за пределами этой культурной предрасположенности и даже за пределами коллективной религиозной веры самое заметное и самое примечательное задним числом — это готовность спартанцев предпочесть благо общины, города и даже некоторой концепции «Греции» чисто личной или индивидуальной выгоде, иными словами, пожертвовать собой ради большего блага и более великой цели.

Обе будущие жертвы — Спартий, сын Анериста, и Булий, сын Николая, — в должный час отправились в Персидскую империю. Сначала их принял в Сардах сатрап Гидарн и сообщил им, что, когда они придут в Сузы по другую сторону Царской дороги, им надо будет совершить *proskunêsis*, или земный поклон, царю Ксер-

ксу. Они пришли в ужас от самой этой идеи и, будучи грубовато-прямодушными спартамцами, высказали свое мнение сатрапу. Они сказали, что такое почтение оказывается только богам, но никак не смертному человеку. Это был не последний случай, когда греки преднамеренно либо бессознательно не понимали этого обычая царского этикета¹. Ибо для персов *проскунесис* не был актом религиозного поклонения, так как Великий царь не считался божеством. Интересно было бы узнать, пребывал ли сам Геродот тоже в этом заблуждении? Во всяком случае, похоже, что он использовал *проскунесис* как одно из своих обвинений против персидской монархии, особенно против Ксеркса, на том основании, что он нарушает должную границу между смертными (независимо от высоты их положения) и богами.

Когда эта пара спартанцев прибыла в Сузы, их проводили в царские покои. Там не возникло проблем с поисками переводчика (*hermeneus*), чтобы объяснить Великому царю суть вопроса. Но все же оставалось обширное поле для межкультурного непонимания, отягощавшего отношения между Спартой и персами еще с той поры, как Кир отпустил колкость по поводу того, что никогда не следует доверять людям, собирающимся на рыночной площади, чтобы надуть и обманывать друг друга. Говорят, что внук Кира Ксеркс просто высокомерно рассмеялся в лицо этой паре, сочтя их несомненно искренний и религиозно мотивированный жест за шутку. Если бы он знал, какую «шутку» сыграет судьба над ним. Именно данный тип культурного непонимания повторил сам Ксеркс во время кампании в Фермопилах, когда он был введен в заблуждение обычаем спартанских воинов расчесывать волосы, готовясь к сражению и, если необходимо, к смерти.

В качестве инструмента для разоблачения этого весьма вредного непонимания Геродот использовал бывшего царя Спарты Демарата. Это было не лишено иронии, поскольку Демарат являлся не самым очевидным кандидатом, чтобы представлять и поддерживать добрые спартанские ценности по сравнению и в противоположность варварским персидским. После того как его около 490 года сместили с трона Эврипонтидов, Демарат оставался еще

¹ Общеизвестное повторение этого эпизода закончилось казнью официального историка Александра Великого Каллисфена в 327 году, когда тот отказался отвесить ему земной поклон как новому Великому царю.

некоторое время в Спарте как фактически рядовой член общины, хотя все еще пользующийся немалым почетом. Он в достаточной мере отличился во всех событиях, чтобы ему могли доверить организацию религиозного праздника. Однако, по рассказу Геродота, исполняя это поручение, он подвергался злобному публичному осмеянию за то, что был лишен царского достоинства своим родичем и личным врагом Леотихидом, который благодаря стараниям Клеомена сменил Демарата на его посту. Естественно, гордость Демарата не позволила ему переварить эти оскорбления, и он навсегда удалился из Спарты.

Однако рассказ Геродота не дает удовлетворительного объяснения, почему Демарат отправился туда, куда он отправился, а именно, ко двору Ксеркса. Почему бы ему не уехать в почетную ссылку куда-нибудь гораздо ближе к дому — например, в какое-нибудь симпатичное место в Аркадии, как до него поступил Клеомен и впоследствии поступали другие бывшие, или изгнанные, спартанские цари? По существу, Демарат не только убежал в сердце Персидской империи в тот момент, когда уже проявились ее враждебные намерения в отношении по крайней мере некоторых греческих государств — особенно Афин и Платей. Он даже умудрился прокрасться в самый внутренний круг иностранных советников Ксеркса. В 480 году он возвратился из Персии в Грецию как член привилегированной группы в эскорте Ксеркса. По Геродоту, Демарат делает ряд предложений и рекомендаций своему новому царственному патрону, к которым Ксерксу было бы полезно прислушаться, чего персидский царь, естественно, не сделал — в конечном счете, с катастрофическими последствиями.

Когда Великий царь Персии предпринял гигантского масштаба экспедицию, ее подготовка заняла не недели и не месяцы, а годы — в данном конкретном случае около пяти лет. Приказы сначала отдавались двум особенно заинтересованным сатрапам — сатрапу Сардов в Лидии и сатрапу Даскилея, удобно расположенного, чтобы контролировать Геллеспонтский пролив (Дарданеллы). Их обязанностью и обязанностью их коллег в других провинциях, которых это касалось, было набрать необходимые войска, обеспечить снабжение оружием и доспехами, проверить состояние дорог, продовольственное снабжение и тому подобное.

Интересно, что утверждают, будто дядя Ксеркса Артабан настоятельно не рекомендовал использовать подвластных ему азиат-

ских греков в войне против своих соплеменников из-за моря. Он полагал, что они либо будут действительно сражаться с ними, но плохо, либо попытаются перейти на сторону континентальных греков вопреки приказам своего персидского сюзерена. Но предложение Артабана опять было отклонено; на самом деле, в 480—479 годах гораздо больше греков сражалось на стороне Ксеркса, нежели против него, включая множество «добровольцев» из метрополии, а также связанных обязательством его азиатских подданных, и притом без сколько-нибудь заметного ущерба. По крайней мере, в конечном счете вовсе не массовое недовольство и не плохие воинские качества греческих войск оказались ответственными за поражение.

Два необычных инженерных проекта также послужили причиной широкой огласки замышляемого вторжения задолго до самого события. Тысячи рабочих были призваны к подневольному труду и посланы копать канал через Афон, самый восточный из трех отрогов Халкидского полуострова, выдающегося в северное Эгейское море¹. Сегодня Афон известен как «Святая Гора» и основной центр греческого православия, однако мотивы Ксеркса были исключительно мирскими. В 492 году ранняя персидская экспедиция против греческой метрополии, посланная Дарием для возмездия Эретрии и Афинам за участие в Ионийском восстании, завершилась тем, что Геродот назвал «жуткими потерями». Прежде чем они успели свернуть за Афонский мыс, они попали в шторм, разбивший их о скалы. По мнению Геродота, персы потеряли три сотни кораблей и около двадцати тысяч жизней, но даже если эти цифры, возможно, следовало бы сократить, потери все же были достаточно велики, чтобы отменить экспедицию, которая ограничилась наземными операциями в Северной Греции. Почти столь же примечателен был тот факт, что командовал этой провалившейся экспедицией Мардоний, сын Гобрия, в то время только что женившийся на дочери Дария. Начинаешь понимать крайний энтузиазм Мардония в связи с новой грандиозной экспедицией Ксеркса.

Другим великим подготовительным проектом Ксеркса было

¹ В начале 1990-х годов д-р Б. Дж. Иссерлин в течение трех лет возглавлял топографическо-геофизическую экспедицию с целью установить основные характеристики канала.

строительство понтонного моста через Геллеспонт. Это не было первой попыткой переправить большие персидские силы из Азии в Европу аналогичным путем — Мардоний уже делал подобное, а также это не был первый лодочный понтонный мост из Азии в Европу — подобным же образом Дарий пересек Босфор из Халкедона в Византий в своей экспедиции 513 года. Однако на сей раз его конструкторами и строителями не были греки. Ксеркс не хотел риска саботажа. Поэтому он поручил это дело своим основным морским подданным — финикийцам и египтянам, которые вили огромные толстые веревки из папируса (египетская национальная специальность) и льна и натягивали их через корабли, выстроенные в ряд так, чтобы покрыть расстояние от Абидоса на азиатской стороне пролива и до Сеста на европейской.

По мере того как продвигались эти работы и по мере проникновения известий в греческую метрополию об этой великой мобилизации, происходившей в Азии, она переставала быть проблемой отдельных греческих городов, от которых требовалось принять решение — противостоять ли Ксерксу. Была очевидна необходимость оказания в той или иной форме совместного сопротивления греков. Зачатки ее становились уже воистину явственными в событиях 490 года. Перед лицом возглавляемого Датисом и Артаферном нашествия, с таким треском провалившегося под Маратоном, афиняне обратились за подмогой к спартамцам, так как Спарта была единственной страной, возглавлявшей многосторонний альянс, который мог служить ядром военного сопротивления на суше. Однако на море было совершенно иное дело. Спарта была общеизвестной сухопутной державой, а единственным по-настоящему значительным морским государством в составе Пелопонесского союза была, вероятно, Эгина. Но Эгина, островное государство в заливе Сароникос в пределах видимости из афинских портов, в конце 90-х годов V в. перешла на сторону персов.

Поэтому Афины уже изыскивали пути нейтрализации угрожавшей с моря Эгины, когда в 483 году им на помощь пришла неожиданная удача в виде необычайно богатого пласта в принадлежащих им Лаврийских серебряных рудниках. К тому времени исходящая от Ксеркса угроза стала уже слишком очевидной по крайней мере одному человеку в Афинах: Фемистоклу (чье имя означает «Славный за правое дело»). Несмотря на то что он был богат и из хорошей семьи, Фемистокл происходил из относитель-

но малоизвестного рода, как, по-видимому, следует из имени его отца — Неокл («новичок в славе»). Фемистокл оказался единственной весьма влиятельной фигурой в стане греческой коалиции. Он впервые обрел политический вес, когда был избран главным архонтом (представителем исполнительной власти) в Афинах на 493/2 год и в этом качестве совершил поворот к морю, ознаменовавший начало процветания и славы города. Он первым предложил сделать основным морским и коммерческим портом Афин Пирей, а не Фалерон, как было прежде. Десять лет спустя пришел его час, когда были открыты залежи серебра¹.

Похоже, что обычно избыток серебра не чеканили в монеты, а раздавали в виде слитков в точности поровну между всеми афинскими гражданами. Подсчитано, что открытие месторождения в 483—482 гг. было достаточно для всеобщей раздачи суммы, эквивалентной двухнедельному заработку квалифицированного мастера. Но у Фемистокла возникла другая, более привлекательная идея. Он доказал в Афинском Собрании, что вся избыточная сумма должна быть израсходована на общественные нужды, а именно, на строительство новейшего типа весельных кораблей — трирем². Афины были уже эгалитарной и прямой демократией. Каждый голос поднятием правой руки в Собрании считался за один и только за один. Восторжествовала воля большинства. А большинство афинян было бедняками, по преимуществу фермерами, а не квалифицированными городскими рабочими. Двухнедельный заработок наличным серебром и авансом должен был казаться им весьма привлекательным предложением. Однако Фемистокл переубедил их, полностью оправдав ретроспективные восторженные похвалы Фукидида в его адрес как политика, наделенного даром величайшего понимания настоящего, высочайшего предвидения будущего и, следовательно, величайшей способностью импровизировать уместные решения.

Фукидид мог бы добавить (как он в неявной форме сделал в

¹ Почти все серебро добывалось трудом рабов в самых ужасающих условиях. Серебро содержалось в пластах свинца, и его приходилось отделять от него с помощью процесса, называемого купелированием. Полученную в результате руду необходимо было промыть и обработать, прежде чем она становилась пригодной для чеканки монет. Первичная добыча и дополнительная обработка в период расцвета промысла поглощали труд от 20 до 30 тысяч рабов.

² См. глоссарий.

отношении Перикла, самого великого преемника Фемистокла, который, похоже, в значительной мере унаследовал его взгляды, а также обладал многими из тех же природных способностей), что Фемистокл должен был располагать почти сверхъестественным даром убеждения, чтобы придать такую силу своим аргументам. Поскольку для него не было вполне очевидно, насколько большинство афинян уже осведомлены относительно природы и неизбежности угрозы, исходившей от Персии, он утверждал, что флот, создания которого он добивался, предназначалось использовать не против Персии, а против Эгины — весьма близкого и очевидного противника. Афиняне должны были помнить — или им упорно твердили об этом, — что жители Эгины не оказали им ни малейшей поддержки перед лицом чрезвычайных обстоятельств 490 года. Им не было нужды повторять или напоминать, что после Марафона между ними продолжались военные действия на море и что афиняне никоим образом не вышли из них победителями. Убедительным моментом в аргументации Фемистокла явилось то, что замена относительно немногочисленных и устаревших военных кораблей новеньким флотом из сотни (или двух — в этом источники расходятся) трирем последнего образца навсегда устранит угрозу со стороны Эгины.

На самом деле проблема была гораздо серьезнее. Воистину трудно осознать масштаб личных политических столкновений в Афинах на протяжении 80-х годов V в., из которых Фемистокл неизбежно выходил победителем, если в основе их не лежал какой-либо важный внешнеполитический фактор вроде Персии. Один за другим афинские лидеры, которые либо не усматривали в персах угрозы, либо воображали, что каким-то образом смогут прийти к благоприятной сделке с ними, устранялись с политической арены Афин — физически, путем процедуры ostracism, на который Фемистокл всегда был серьезным «кандидатом». Сохранились даже археологические свидетельства заговоров его врагов против него и использования скорее грязных, нежели честных методов убеждения избирателей. Все напрасно. Фемистокл неизбежно побеждал и в конце 80-х V в. выступил с новой силой и энтузиазмом как не встречающий сопротивления поборник не только антиэгинского, но и антиперсидского движения.

Однако Афинам в одиночку это было не в большей мере по силам, чем Спарте. Как же, в таком случае, можно было сколотить

коалицию более или менее готовых к сопротивлению греков? Этот вопрос был на повестке дня перед делегатами ряда греческих городов на первой встрече, созванной в 482-м, или, скорее, осенью 481 года для обсуждения совместного сопротивления Ксерксу. Согласно Геродоту, эта первая встреча состоялась на Коринфском перешейке в святилище, посвященном Посейдону, Владыке морей. Однако согласно значительно более позднему источнику, Павсанию (Перигету, или Путешественнику), написавшему во втором веке н.э. ностальгически исторический «путеводитель» по Греции, это происходило в Спарте в месте, называемом Эллениион («Место греков»). Кому мы должны верить?

Нет оснований сомневаться, что во II в. н.э. (во времена визита Павсания) в Спарте существовало строение, называемое Эллениион. Есть также достаточные основания полагать, что оно находилось там с V в. до Р.Х. наряду с Персидским портиком, или колоннадой, возведенной в память о решающей роли Спарты в знаменитой победе над персами в 480—479 годах. Но существовало ли оно до вторжения Ксеркса в 480 году? Лично я сомневаюсь в этом. Представляется гораздо более вероятным, что оно было построено подобно спартанскому Персидскому портику, после 479 г., как военный мемориал. Таким образом он мог бы послужить очень полезным местом для порождения мифа о том, что именно там был решен вопрос о едином сопротивлении «Греков».

Более того, у спартанцев было особое основание для утверждения, что это было именно то самое место. Хотя никогда не возникало вопроса о том, что они должны были возглавлять какое-либо единое греческое сопротивление персам, их достижения как лидеров в 480 и 479 годах не были бесспорны. Они породили мнение, упорно поддерживавшееся врагами Спарты в течение поколений после Греко-персидских войн, что Спарта отнюдь не на сто процентов была готова и желала связать себя обязательствами защищать центральную Грецию за пределами Пелопоннеса, «своей» сферы влияния. Эти враждебные слухи начали витать в воздухе уже в 480 г., несмотря на героическую защиту при Фермопилах, и особенно расцвели по мере приближения решающего Платейского сражения 479 г., когда утверждалось, что спартанцы больше заинтересованы в том, чтобы запереться за стеной, тянувшейся через весь перешеек, нежели в посылке армии в Беотию в центральной Греции навстречу Мардонию. Короче говоря, у спартанцев в по-

следующие годы было тем больше оснований укреплять представление, что они с самого начала были всей душой за максимум сопротивления — в конце концов, разве не они в 481 г. созвали греков на конференцию в Спарту, в Элленион?

На самом деле, скорее всего, они этого не делали. Гораздо более вероятно, что встреча состоялась в какой-нибудь более центральной географической точке, наиболее вероятно, в уже существующем общегреческом — и исключительно греческом месте, включающем крупное религиозное святилище.

Таковыми четырьмя общегреческими точками были Олимпия, Коринфский перешеек, Дельфы и Делос. Крошечный остров Делос в Эгейском море, посвященный Аполлону, где родился этот бог, автоматически исключался, поскольку он по существу был уже в персидской сфере. Персидский флот контролировал большую часть Эгейского моря, и Делос в центре Киклад был слишком близок от азиатского побережья Персии и ее прибрежных островов в Эгейском море, чтобы допустить его независимость. В Дельфах, самом священном месте во всем греческом мире, находились не только общеэллинское святилище и оракул, это также было одно из мест встреч альянса соседних государств, известного как Амфикифия, включавшего как Спарту, так и Афины, но больше половины постоянных членов которого происходили из Фессалии. Лояльность Фессалии антиперсидскому делу была в высшей степени сомнительна не в последнюю очередь вследствие давней откровенно проперсидской позиции Алевадов, аристократического правящего клана главного города Лариссы, и, как оказалось, вся Фессалия сдалась персам без сопротивления. Кроме того, как особенно продемонстрировали события 480 года, дельфийское жречество не было предано идее какого-либо сопротивления Персии. Частично из высоких религиозных соображений, частично по совершенно мирским и эгоистическим причинам ее линия в отношении Персии была в лучшем случае нейтральной, а в худшем — откровенно пораженческой. Так что Дельфы были не более подходящим местом для конференции сопротивления в переломный момент, чем Делос. Остаются только Олимпия и Истм.

Олимпия, посвященная Зевсу Олимпийскому, была воистину почитаемым общеэллинским святилищем. Она стала таковым по крайней мере в VIII в. до Р.Х., когда, в соответствии с учеными вычислениями местного эрудита Гиппия из Элиды конца V в., в

776 году до Р.Х. состоялись первые общеэллинские атлетические состязания. Более того, в Олимпии находился оракул, посвященный Зевсу, отцу Аполлона Делосского и Дельфийского, это может означать, что данное пророческое святилище было даже старше дельфийского. Однако имелось одно существенное препятствие для выбора Олимпии в качестве места проведения конференции по сопротивлению, а именно, то, что это могло быть расценено как неуместное влияние Спарты на святилище.

Городом, столетиями обслуживавшим святилище и Олимпийские игры, была Элида, являвшаяся союзницей Спарты в рамках Пелопоннесского союза. Кроме того, археологические, а также литературные свидетельства показывают, что Спарта проявляла необычайно пристальный и продолжительный интерес к Олимпии, как официально, так и неофициально, и Элида отвечала взаимностью. Например, одним из самых интересных экспонатов, в настоящее время украшающих Музей Олимпии, является изящное сиденье с вырезанной на нем надписью. Надпись, датирующая сиденье 525 г., гласит, что оно было изготовлено для *prohenos* спартанцев в Элиде, то есть гражданина Элиды, служившего местным дипломатическим представителем Спарты, кем-то вроде консула. Он носил необычное имя Горгос, напоминавшее имя Горго (род. около 508 г.), дочери современного ему спартанского царя Клеомена и будущей супруги царя Леонида. Вполне вероятно, что между Горгосом из Элиды и семьей Клеомена существовала личная связь, называемая *xenia*. Во всяком случае, предположительно именно Спарта заплатила за изысканное сиденье для Горгоса, а Элида дала разрешение возвести его на видном месте в Олимпии. Это давало ему возможность производить должное впечатление на Играх и наблюдать за ними с некоторым шиком и комфортом¹.

С исключением также Олимпии, единственным местом оставалось общеэллинское святилище в Истмии, посвященное богу-покровителю Коринфа Посейдону (брату Зевса). Можно предположить, что вначале это место тоже могло пострадать от связи со Спартой: Коринф, как и Элида, был членом спартанского Пелопоннесского союза. Однако против этого допущения можно вы-

¹ Это был специфически спартанский вид подношения, поскольку основным знаком уважения младшего к старшему в Спарте было демонстративно уступить ему место.

двинуть письменно зафиксированные доказательства независимости, вернее, откровенной нелояльности Коринфа Спарте. Именно коринфяне около 505 г. совместно с царем Демаратом провалили экспедицию Клеомена против только что добившихся демократии Афин. Это могло побудить Афины, второе по важности государство после Спарты среди потенциальных противников Персии, даже двадцать лет спустя вполне благосклонно относиться к коринфянам, особенно учитывая, что в конце 90-х или в начале 80-х гг. V в. они одолжили афинянам, располагавшим небольшим флотом, двадцать боевых кораблей для войны с жителями Эгины. И сочетание еще целого ряда факторов безусловно склонило чашу весов решительно в пользу Истмии. Для Спарты она все еще принадлежала к Пелопоннесскому союзу и находилась в пределах относительно легкого удара для Афин. Она занимала центральную геополитическую позицию для всех греков юга метрополии и обладала вполне подходящими религиозно-символическими ассоциациями. Посейдон был общим для всех греков богом морей, и независимо от того, чего еще потребовало бы сопротивление Персии, оно, несомненно, требовало участия флота всех греков, львиную долю которого предоставили бы Афины.

Наконец, Истмия — именно то место, где, как писал Геродот, впервые собрались делегаты будущих стран — участников сопротивления; полагаю, ему следует верить. Однако сам по себе заслуживает внимания тот факт, что делегаты вообще собрались. Когда Геродот в решающий момент своего повествования (зимой 480/79 года после Саламина и перед Платеями) приводит определение эллинизма, примечательно, что цитируемый им список объединяющих факторов *не* включает политическое сотрудничество, а только союз. В таком случае, похоже, что в результате встречи появилось нечто вроде свободной коалиции, альянса для совместной обороны, скрепленного совместно принесенными клятвами богам, выступающими в роли свидетелей и гарантов. Таким образом, нарушение договора было бы святотатством в глазах неба, а также чисто человеческим, мирским и светским преступлением.

Сформированная таким образом «лига» была названа просто, но выразительно — «Греками» (*hoi Hellênes*). Ее признанными лидерами должны были стать спартанцы, благодаря своему исключительному боевому мастерству и поскольку они уже возглавляли единственный тогда существовавший внеэтнический и внерели-

гиозный военный межгосударственный греческий альянс — Пелопоннесский союз. Приоритет спартанцев косвенно разъясняется не Геродотом, а текстом на монументе, некогда величественном, а ныне смотрящемся как жалкая тень оригинала. Сегодня он одиноко ютится на ипподроме древнего Константинополя, но первоначально был гордо воздвигнут в Дельфах.

После того как в 479 году закончились бои и Дельфы были прощены за свою проперсидскую позицию, греческая коалиция в качестве благодарственного подношения и военного памятника установила там в святилище Аполлона чашу на головах трех сплетенных кольцами бронзовых змей. На кольцах следующее сообщение в истинно лаконическом стиле: «[Сими] велась война...» Далее следуют названия тридцати одного греческого города/государства, обозначенных в обычной греческой манере через собирательное наименование граждан. Сначала идут лакедемоняне, или спартанцы. Из остальных тридцати не менее четырнадцати являлись членами спартанского Пелопоннесского союза: коринфяне, тегейцы, сикионцы, эгинцы, мегарийцы, эпидаврийцы, орхоменцы¹, флеазийцы, трезенцы, гермионяне, тиринфцы, микенцы, галийцы и лепреаты. Из оставшейся части, остров Мелос в Кикладах, населенный дорийцами, считался колонией (*apoikia*) Спарты. Это давало Спарте и ее ближайшим союзникам и сателлитам подавляющее большинство голосов, если требовалось голосование и если принятая в Пелопоннесском союзе процедура практиковалась также и «Греками»².

Превосходство Спарты было таково, что все согласились с тем, чтобы она официально исполняла роль командующего силами коалиции как на море, так и на суше — практически это была пародия, хотя, к счастью, то обстоятельство, что как в 480-м, так и в 479 г. формально командующим флотом был спартанец, не имело существенных негативных последствий. Послевоенная пропаганда Афин любила подчеркивать, что Афины не хуже справились бы с ролью главнокомандующего коалицией греков, или, по крайней

¹ Жителей Орхомена в Аркадии не путать с жителями его омонима в Беотии, поскольку все беотийцы, за исключением жителей Платей и Феспии, перешли на сторону Персии.

² На встречах Лиги решения принимались большинством голосов, представитель каждого города имел один голос независимо от его размера.

мере, одного из командующих, приняв на себя руководство делами на море. Утверждали даже, что афиняне благородно и демонстративно отказались от претензий на столь заслуженное положение. Однако это было всего лишь выдумкой, принимаемой за действительность. На самом деле в 481 г. не могло быть и речи о том, чтобы оспаривать право Спарты на первенство.

Тем не менее утверждалось, что еще одна сторона претендовала на свою долю в общем командовании. Однако эта претензия была по существу фантастична, хотя возможно, что она тем не менее подлинна. В первой четверти пятого века главным греческим правителем-тираном в Сицилии был Гелон. Сначала он в 490 г. стал тираном Гелы на южном побережье¹, а затем, примерно в 485 г., тираном главного греческого города на Сицилии Сиракуз (основанного Коринфом в 30-х гг. VIII в.), уступив Гелу своему брату Гиерону². Заключение союзов и завоеваниями Гиерон создал в Сицилии то, что можно по праву назвать империей, и, будучи правителем империи и греком, он чувствовал себя вправе противостоять Ксерксу от имени всех греков. Поэтому предположительно, он сделал греческой коалиции предложение, которое они должны были отвергнуть и отвергли: он заявил, что бросит свои вооруженные силы в поддержку сопротивления при условии, что ему предоставят половину общего командования.

Однако у этого предложения был еще один серьезный аспект, обеспечивший первую в истории, начиная с седьмого века, тесную связь восточного и центрального греческого Средиземноморья. У Гелона гораздо ближе к дому были собственные проблемы, связанные с вторжениями «варваров» в лице финикийцев из Карфагена на севере Африки (современный Тунис). Подобно грекам, они основали ряд «колоний» в Сицилии, в основном на дальнем западе острова. Они завидовали гегемонии Гелона и жаждали обеспечить безопасность своих прибыльных торговых путей, протянувшихся от Северной Африки на запад через Сицилию до Испании (и даже Британии — к оловянным рудникам Корнуолла). Таким образом, в то время как грекам «старой» Греции угрожали с востока персы, грекам «новой» Греции, золотого Запада, угрожали

¹ В 456 году там умер и был похоронен Эсхил.

² Их отцом был Диномен, поэтому эта династия тиранов известна как Диномениды — по аналогии с афинскими Писистратидами.

варварские посягатели с юга. Были даже разговоры о координации усилий между обеими сторонами варваров, поскольку финикийцы из старой Финикии (Ливана) составляли элиту военноморского флота Ксеркса. Во всяком случае, предания сицилийских греков яростно утверждали, что битва за Гимеру на северо-западе Сицилии, в которой карфагеняне потерпели поражение и были отброшены греческими войсками под командованием Гелона и Ферона, правителя Акраганта, имела место точно в тот же день, что и Саламинское сражение под Атикой в конце сентября 490 года.

Однако греческий Запад не принимал прямого участия в сопротивлении коалиции Ксерксу, в конечном счете, оказавшимся успешным. Реальной существенной проблемой, сохранившейся даже после образования коалиции в 481 г., была стратегия. Какую стратегию изберет коалиция перед лицом угрозы вторжения Ксеркса и каким образом осуществлять ее координацию между морскими и наземными операциями, так и между Спартой и Афинами? Учитывая очевидную хрупкость коалиции под прямым огнем в 480 г. и явно не запланированные повороты стратегической политики, было бы наверно справедливо сделать вывод, что между первой встречей лоялистов (верных) на Истме и первым (не слишком) координированным актом военного сопротивления коалиции летом 480 г. они не очень преуспели в стратегическом планировании.

После этой первой встречи протокоалиция отправила разведывательную группу наблюдения за войсками Ксеркса, но ее более практической задачей было решить по дипломатическим каналам ряд назревших внутренних греческих споров. Так, Эгина и Афины были готовы возобновить свою частную вражду. Однако этот прогресс сдерживался неудачами в других областях. Например, ненависть Аргоса к Спарте была так велика, что он отказался служить в любой возглавляемой ею армии. Вместо этого он соблюдал формальный нейтралитет, неприятно граничивший с оказанием помощи и гостеприимства персидскому врагу. Кроме того, Аргос никоим образом не был одинок в том, что его не побуждала к действию любая форма общегреческого братства.

Более консолидированная коалиция встретила еще раз, опять на Истме, весной 480 года. Однако, если заслуживает какого-то доверия детальный отчет Геродота о реакции в Афинах на

новость о том, что Ксеркс марширует по европейской Греции, то похоже, что даже эта встреча не приняла сколько-нибудь твердых стратегических решений. Во всяком случае, когда известие об образовании коалиции сопротивления достигло ушей Ксеркса, он вряд ли испугался и захотел повернуть назад в своих царских шафрановых тапочках с характерными загнутыми вверх носками. «Начинаем!» — сказал он, и ранним летом того года персидская военная мощь наконец пришла в движение. Из Сард Ксеркс двинулся на Геллеспонт через Трою, где он принес в жертву Афине тысячу быков — десятикратную стандартную гекатомбу. Настал ли наконец час отмщения за историческое поражение Азии от руки Европы под Марафоном?

Переправа персов через Геллеспонт от Абидоса к Сесту по двойному понтонному лодочному мосту, возведенному финикийскими и египетскими инженерами, была грандиозной тыловой операцией. Расстояние, которое предстояло преодолеть, превышало два километра, дули сильные ветры, и еще более сильным — отчасти вследствие ветров — было течение. Переправа неизбежно значительно растянулась во времени: согласно Геродоту, она заняла ровно семь дней и ночей. Однако нам дают понять, что она могла занять и больше времени, если бы не кнуты, использовавшиеся *pour encourager les autres* (чтобы подстегнуть других. — *фр.*), при том что Ксеркс наблюдал за переправой со стороны Сеста по другую сторону пролива.

Это не было просто нейтральным отчетом о фактическом событии. Для греческих читателей и слушателей это было еще одним фрагментом культурно кодированной информации, которыми Геродот нашпиговывал свою историю. В глазах греков кнут был предназначен для рабов, а не для свободных граждан, которые (за весьма редкими исключениями) были по определению освобождены от телесных наказаний. Фактически в Греции кнут использовался свободными рабовладельцами именно как символ и подкрепление этого фундаментального различия в статусе. Поэтому позднейший приказ Ксеркса кнутами заставить свою армию вступать в сражение в Фермопилах не должен был удивить греческую аудиторию.

Из Сеста персидская армия направилась на северо-восток вдоль фракийского Херсонеса (полуостров Галлиполий), затем

резко повернула в западную, Одрийскую Фракию¹. То, что Ксеркс лично возглавлял экспедицию, было верным знаком ее первостепенной важности для него. В местечке под названием Дориск, расположенном довольно близко от побережья, где имелась удобная большая равнина, он приказал сделать привал и смотр войск.

Геродот, в этом месте максимально приблизившись к уровню Гомера, не упустил возможности посоревноваться с его «каталогом кораблей» в Книге 2 «Илиады». Однако, в то время как Гомеру пришлось перечислить тысячу или около того греческих кораблей, в распоряжении Геродота было несметное множество наземных войск целого спектра подвластных народов, а также относительно однородный персидский военный флот. Кроме того, от его изначальных читателей не ускользнула ирония того, что, в то время как Гомер составлял каталог сил тех, кто в конечном счете победил, Геродот взялся за перечень потерпевших поражение — как бы намекая на то, что численность — это далеко не все.

Однако современных ученых читателей удовлетворить труднее. Я осмелюсь с некоторой долей уверенности утверждать, что сегодня не найдется ни одного профессионально историка, который бы поверил в точность названных Геродотом цифр — 1 700 000 наземных войск персов и более 1200 военных кораблей, зафиксированных при первичном европейском смотре в Дориске в западной Фракии. Позже, добавив к ним войска, собранные в Европе, Геродот приводит еще большие цифры: всего с Ксерксом пришло более пяти миллионов человек — 5 283 220, чтобы быть точным! Возможно, как он утверждает, по дороге несколько рек действительно были выпиты насухо; дело было не весной и не зимой, а ранним летом, и было не так много больших полноводных рек. Другие комментаторы урезали его цифры, соответственно, до относительно немногочисленных 80 000 человек и 600 кораблей. Возможно, 80 000 — слишком заниженная цифра. Как бы то ни было, любое существенное снижение представило бы достижения греческой коалиции в несколько ином свете, и именно это, как я подозреваю, явилось одной из причин, почему Геродот был так озабочен тем, чтобы довести до максимума численность сил врага.

Скептики утверждали также, что Геродот пользовался грече-

¹ Древняя Фракия приблизительно соответствует современной Болгарии плюс прибрежная полоса, образующая часть современной Греции.

скими источниками, которые поэтому имели неверные сведения или давали преднамеренно ложную информацию; например, как утверждалось, маловероятно, что были представлены все нации, подвластные Персидской империи. Против этого приводилось то возражение — вполне, на мой взгляд, правдоподобное, — что из присутствия самого Великого царя во главе объединенной армии и флота следует максимальная представительность сил. Возможно также, что, как и в случае описаний восхождения Дария на престол и выплаты дани империи, Геродоту каким-то образом удалось получить доступ к подлинным персидским источникам.

Вот некоторые примеры из «каталога» Геродота (полностью воспроизведенного в Приложении 2), которые также дают некоторое представление об «аморфном» порядке и размере сил Ксеркса. Разумеется, относительно немногие из войска Ксеркса ранее сражались бок о бок, и еще меньше на греческой земле. Естественно, список Геродота начинается с персов, обитателей области на юге Ирана, которую греки называли Персидой. Ими командовал тесть Ксеркса Отан, чья дочь Аместрида была главной многострадаальной женой Великого царя.

На головах у них были так называемые тиары (мягкие [войлочные] шапки), а на теле — пестрые хитоны с рукавами из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи. На ногах персы носили штаны [anaxurides]. Вместо [эллинских] щитов у них были плетеные щиты, под которыми висели колчаны. Еще у них были короткие копья, большие луки с камышовыми стрелами, а, кроме того, на правом бедре с пояса свисал кинжал.

В этом описании три момента должны были изрядно шокировать греческого читателя. В отличие от типичного пехотинца-гоплита, вооруженного большим и тяжелым, сделанным в основном из дерева щитом и длинным колющим копьем с железным наконечником, персы были легко вооружены. Во-вторых, они были как лучниками, так и солдатами ближнего боя, в то время как у греков, частично по социальным причинам, эти две категории солдат были строго разграничены. В-третьих — о ужас! — они носили штаны. Нам это покажется вполне здравым и практичным, однако традиции одежды никогда не бывают вполне рациональными, и греки предпочитали превратить этот элемент одеяния в

знак неискоренимого культурного различия. Настоящие мужчины не носят штанов! Однако Геродот не позволил этому обстоятельству вмешаться в свое взвешенное и объективное убеждение, что коренные персы были лучшими бойцами Ксеркса, в штанах или без оных, а также снаряженными самым великолепным образом. Они также включали десятитысячную элитную персидскую пехоту, называемую греками «Бессмертными», представлявшими собой нечто вроде прославленных царских телохранителей¹.

На взгляд грека, персидский способ ведения войны, кроме этого, имел и другие чуждые особенности. Они привозили с собой на войну огромное количество «полевых спутников», своих женщин и слуг, их доставляли в изысканно украшенных крытых повозках, в которых они фактически жили. Они питались особо изысканной пищей, которую вез огромный караван верблюдов и мулов. Но что, похоже, поразило Геродота больше всего, так это то количество золота, которое каждый персидский солдат носил на себе и которое изумительно сияло и блестело на солнце. Для грека золото было двусмысленным символом — в высшей степени желанным, но также и потенциально опасным, если не роковым².

За персами неизбежно идут мидяне Северного Ирана. По крайней мере здесь Геродот смог отличить один народ от другого, хотя и добавляет, что персы позаимствовали одежды и экипировку у мидян. Независимо от того, прав он или нет в событийном отношении, он безусловно прав в том, что напомнил читателю, что мидяне «уже были там» до персов. У Кира Великого и его преемников Ахеменидов было прочное основание для строительства империи, и то, что Персидская империя стала первой в мире настоящей мировой империей, решающим образом обязано длительному и в высшей степени гармоничному сотрудничеству этих двух родственных народов иранской земли.

Поэтому всецело уместно, что контингент мидян находился под командованием члена царской персидской династии Ахеме-

¹ См. глоссарий; по поводу их доблести при Фермопилах, см. главу 7.

² Греки позаимствовали с Востока представление о Золотом веке, когда все было к лучшему в этом лучшем из возможных миров. Однако в Греции не было самородного золота за некоторыми незначительными исключениями, так что этот металл сохранял привкус экзотики, приобретший весьма негативный оттенок благодаря ассоциации с варварской Персией — особенно вследствие чеканки имперских «дариков» (см. глоссарий).

нидов, некоего Тиграна¹. Из других народов и народностей, также экипированных более или менее по образцу мидян, возможно, следует выделить жителей прибрежных островов Персидского залива, так как Великий царь специально использовал эти острова как места поселения для непокорных и бунтарских подданных, в том числе греков.

После персов и мидян мы встречаем ряд прочих иранских и соседствующих народов, включая киссиев и гирканцев, последних под командованием перса, пережившего поражение в Греции и достигшего лакомого поста сатрапа Вавилонии (юг современного Ирака). Далее идут ассирийцы из Северного Ирака, потомки некогда грозной империи, покоренной мидянами в конце седьмого века.

Из территории на севере нынешнего Северного Афганистана пришли жители Бактрии, родины двугорбого верблюда, которого при персах экспортировали на запад вплоть до Египта. Еще одним народом, носившим штаны, были саки, подгруппа скифов каспийского региона, один из царей которых был представлен на бе-хистунском барельефе Дария. Бактрийским и сакским отрядами командовал, ввиду их значимости, родной старший брат Ксеркса Гистасп, названный так в честь своего деда по отцовской линии. Иранскими парфянами и хорезмцами командовал Артабаз, сын старшего администратора Дария Фарнака.

Продвигаясь далее в восток от Ирана и по ту сторону хребта Гиндукуш в Восточном Афганистане, мы встречаемся с индийцами Ксеркса. В сущности, Индией назвался Пенджаб, провинция, в наши дни расположенная преимущественно на территории Пакистана, лишь малая часть которой вдается через современную границу на территорию Индии. Она была покорена Дарием, но фактически была утрачена задолго до прихода Александра Великого в 327 г. Перечисляя доходы империи, Геродот отмечает огромное количество золотого песка, которое индийская сатрапия должна была выплачивать в качестве ежегодной дани; здесь же он приводит одно из ранних упоминаний о знаменитом индийском хлопке, ткани, из которой индийцы шили одежду.

¹ Отзвукам этого имени было суждено еще столетиями раздаваться в коридорах древней истории Среднего Востока, как римлянам стало хорошо известно во время их попыток установить свой контроль над Арменией.

ФЕРМОПИЛЫ

Возвращаясь к западу от Месопотамии, мы попадаем в Анатолию. Здесь в повествовании Геродота стоят особняком пафлагонцы, негреческий народ с южного побережья Черного моря¹:

Пафлагонцы носят на голове плетеные шлемы, маленькие щиты и средних размеров копья, а также легкие дротики и кинжалы; на ногах у них местные сапожки до середины икры.

Эта последняя деталь представляла собой некоторый интерес для греческих пехотинцев, которые носили сандалии. Другие упоминавшиеся негреческие народы включали макронов и моссиников, которым командовал перс, только что назначенный в Европу: Артакт сын Херазма, правитель Сеста². Распятие Артакта победившими греками в 479 г. — последнее событие, описанное Геродотом в его продолжительном повествовании о греко-персидских войнах и практически кульминационный пункт всей работы.

Однако где в каталоге пехоты гоплиты азиатских греков и легко вооруженные воины? Короткий ответ — нигде: кроме загадочного упоминания о том, что «у лидийцев было оружие и доспехи (*hopla*) очень похожее на греческое»³. Однако ранее Геродот мудро заставил Ксеркса указать Артабану в одной из их гипотетических бесед, что ионийцы были надежными заложниками: «К чему беспокоиться, что станут причиной неприятностей и недовольства⁴, когда у них остались дети, жены и собственность в наших владениях?» Здесь «наши» является в полнейшем смысле притяжательной формой царственного «мы».

Достаточно сказано об азиатских контингентах экспедиционного корпуса Ксеркса. Двигаясь дальше на юг и восток до Африки, мы находим сначала арабов, а затем эфиопов, как восточных, так и южных (т.е. нубийцев), и, наконец, ливийцев. Геродот особо отмечает, что (южные) эфиопы раскрашивали свои тела наполо-

¹ Пафлагония было основным источником рабов в частном владении, например, в Афинах. Отчасти по этой причине Аристофан карикатурно изображает ведущего афинского политика Клеона как пафлагонского домашнего раба в своей комедии «Всадники», поставленной в 424 году.

² Позже моссиники и макроны упоминаются в «Анабасисе» Ксенофонта, описывающем захватывающие события 401—400 годов.

³ Геродот, 7.74.

⁴ Буквально: «нечто слишком новое» — очень греческое выражение.

вину мелом и наполовину киноварью, имели жесткие курчавые волосы и были одеты в шкуры леопардов и львов, что было полнотой экзотикой для греческого глаза.

Последними идут европейские отряды пехоты Ксеркса, как греческие, так и не греческие. Разрыв между Азией и Европой покрывали фракийцы, большинство из которых были европейцами¹. Затем Геродот упоминает шесть генералов Верховного командования, маршалов армии.

Прежде всего Мардония, сына Гобрия, самого страстного поборника экспедиции после Ксеркса (если не большего). Далее следует Тринтехм, сын Артабана (мудрого советника Ксеркса) и его двоюродный брат. За ним — Смердормен, сын великого Отана (одного из заговорщиков вместе Дарием в конце 20-х гг. VI в.), еще один племянник Дария и, таким образом, еще один двоюродный брат Ксеркса. Далее идет Масистр, также двоюродный брат Ксеркса, с которым, как с любовью и в деталях описывает Геродот ближе к концу своей работы, он так скандально рассорился по причине роковой страсти Великого царя к жене Масистра. Пятым идет Гергис, сын Арьяза, и, наконец, Мегабис, сын Зопира, которого, как говорят, Дарий считал благодетелем Персии, уступающим только Киру. В отдельную категорию, между Верховным командованием и самим Великим царем, попадает Гидарн, сын Гидарна, весьма высокопоставленный чиновник, принимавший двух спартанских послов в Сардах около 484 года и преподававший им урок персидского этикета, который те весьма болезненно восприняли. Ему была оказана честь командовать Бессмертными² и сыграть одну из решающих ролей, или даже решающую роль в завоевании для Ксеркса победы в битве при Фермопилах.

¹ Геродот не включает здесь в свое описание и даже не упоминает македонские войска под командованием Ксеркса (но делает это позже), возможно, потому, что смотр происходил до того, как армия достигла Македонии. Но он цитирует македонский источник, в котором утверждается, что фракийские брига Малой Азии пришли из Македонии. Некто, возможно, член этой этнической группы, получил определенную известность среди историков искусства: он был то ли гончаром, то ли владельцем необычайно процветавшей гончарной мастерской в Афинах в первой четверти пятого века и нанял художника, известного научному миру как «Бриг-живописец», специализировавшегося в изображении ярких драматических сцен из жизни людей и богов.

² См. приложение 2.

Конница Ксеркса не играла значительной роли при Фермопилах, хотя поражение кавалерии, когда сам Мардоний восседал на коне, внесла существенный вклад в окончательный разгром персов в решающем Платейском сражении в следующем году. Только одиннадцать негреческих народов предоставили конницу (опять же греки Македонии и Фессалии не представлены в каталоге). Два из них особенно привлекают внимание: во-первых, сагартии, поскольку они были «ковбоями» — их излюбленным оружием было кожаное плетеное лассо (хотя они носили также и кинжалы), и, во-вторых, арабы, поскольку они ездили не на лошадях, а на особых быстрых верблюдах, специально выведенных для использования на войне. Было два верховных командующих конницей, оба сыновья Датиса и Меды. Очевидно, что неудачу под Марафоном, где конница персов «блистала» только своим отсутствием, не сочли поводом для отказа от нее.

Третьим главным элементом обширного списка Геродота является Каталог кораблей — предположительно, всех 1207. Геродот по справедливости начинает с финикийцев (современный Ливан) и новоассирийцев к северу, все они жили на земле, которая тогда называлась «Палестиной». Они вместе поставили 300 кораблей, около четверти всего флота. Затем идут египтяне (200 кораблей), киприоты (финикийцы и греки — 150 кораблей) и сицилийцы — 100 кораблей. Вероятно, это округленные цифры. Никому из прочих судовладельцев не удалось достичь этих трех величин; крупнейшими из них оказались карийцы — 70 кораблей.

В случае каталога флота, Геродот неизбежно включает в него греческих подданных Ксеркса, поставивших в общей сложности 307 кораблей. Их вклад был разделен на пять частей между греками Геллеспонта и Босфора (100), ионийцами (100 — Геродот смог отличить ионийцев от прочих азиатских греков), жителями Эолиды (60), дорийцами Азии (30) и жителями прибрежных островов (всего 17).¹ Эти цифры, если они верны, были самыми высокими,

¹ Островитяне, за исключением жителей Самоса, понесли самые тяжелые потери при Ладе в 484 году, в последнем сражении Ионийского восстания, а великодушные победивших персов уже не было столь велико, чтобы позволить, не говоря о том, чтобы поощрить, восстановление или сохранение серьезного флота.

и, хотя Геродот не высказал этого открытым текстом, подтекст совершенно ясен. Это была не только война греков против персов, но также и война греков с греками; тем, что в другом месте он с глубокой скорбью назвал *emphulos stasis*, гражданской войной внутри одного народа или этнической группы¹.

Все корабли персов, продолжает Геродот, имели значительный штатный состав, как и корабли флота в составе коалиции верных. Позже Фукидид издевался над этой особенностью морского боя периода 480—479 годов, сравнивая его с более изощренным флотом своего времени Афино-пелопоннесской войны. Морские сражения времен Греко-персидских войн казались ему скорее похожими на сухопутные битвы на море, чем на собственно морской бой, в котором сам корабль был основным оружием. Геродот также исключительно небрежно отзывается о младших морских командирах, которые, по его словам, были просто рабами (*douloi*), имея в виду в конечном счете рабов Ксеркса. Однако он почтительно называет по имени всех персов в составе флотского Верховного командования, включавших членов царской семьи и их родственников через браки. Например, египетская эскадра (200 кораблей) находилась под командованием родного брата Ксеркса с династическим именем Ахеменид; объединенная ионийско-карийская эскадра (170 кораблей) — под командованием сына Дария от дочери Гобрия, отца Мардония.

Геродот также упоминает по имени ряд лиц, которых он называет «самыми знаменитыми» (*onomastotatoi*) после высокопоставленных полководцев: трех финикийцев, сицилийца, ликийца, двух греков-киприотов и двух карийцев. Все они, как можно было ожидать и предвидеть, были мужчинами. Затем, однако, он самым неожиданным образом разражается хвалебным гимном женщине, считая чудом (*thôma*), что женщина вообще приняла участие в военной кампании, не говоря уж о том, что сыграла в ней выдающуюся роль. Эта женщина была гречанкой — трудно представить себе негречанку, которой вообще было бы позволено играть какую бы то ни было роль. Она была дочерью отца из Галикарнасса и матери с Крита, ее звали Артемисия (теоморфное имя, происхо-

¹ См. приложение 3.

дающее от имени девственной богини-охотницы Артемиды). Она командовала пятью греческими кораблями из четырех греческих городов или островов (Галикарнаса, Коса, Нисиры и Калинды). Согласно Геродоту, она поступила так, поскольку являлась *tyrannos*, аристократической единовластной правительницей, унаследовавшей это положение от своего покойного мужа. Иными словами, она была марионеткой персов. Основанием для частичного или полного принятия на веру этого рассказа было то, что Геродот также был уроженцем Галикарнаса, родившимся слишком поздно, чтобы из первых рук узнать, что представляла собой Артемисия, но достаточно патриотично настроенным, чтобы уделить ей и, следовательно, городу место под солнцем, даже если оно сияло с персидской стороны.

Предположительно, это объясняет, почему только в ее уникальном случае Геродот предваряет свой рассказ о войне добавлением, что Артемисия не только предоставила «самые достойные» (*eudoxotatai*) корабли во всем флоте — за исключением обеспеченных финикийским Сидоном, но также якобы давала Ксерксу «самые мудрые советы» (*gnômai aristai*)¹ «как мужчина мужчине», поскольку Геродот еще раз исключительным образом применяет к Артемисии, женщине, греческий термин, означающий буквально «мужественность» — *andreia*. Описывая ее деятельность в Саламине, он заставляет ее проявлять не только сугубо мужское мужество, но и хитрость, достойную Одиссея. Чтобы обеспечить себе бегство от корабля греческой коалиции, она таранит и топит греческий корабль, сражающийся на стороне персов, представив дело так, как если это был вражеское судно. Этот отчаянно благородный подвиг якобы вызвал у Ксеркса удивительное гендерно ориентированное восклицание: «Мои мужчины стали женщинами, а мои женщины мужчинами!»

У Геродота Артабан говорит Ксерксу по поводу этой воистину внушающей страх армады:

О царь! Ни войско твое, ни число кораблей ни один благоразумный человек не считает недостаточным.

¹ Сомнительно, что она действительно давала доверительные советы Ксерксу так, как это определенно делал Артабан.

Однако он благоразумно добавил, что сами по себе их размеры и численность неизбежно означают, что у Ксеркса возникнут проблемы с поисками достаточно больших гаваней для укрытия флота и обеспечением адекватных поставок продовольствия. Поэтому он посоветовал ему принять к сведению худший вариант сценария для планирования, но действовать смело и решительно, осуществляя свои планы, когда они будут мудро сформулированы. На что более молодой, менее опытный и оптимистичный, но и более нетерпеливый Великий царь якобы возразил:

Лучше отважиться на все и испытать половину опасностей, чем заранее бояться, как бы впоследствии как-нибудь не пострадать, и так ничего не добиться.

Острая ирония не ускользнула от аудитории Геродота, поскольку она знала, что жребий не выпал благоприятным образом для персов.

При всем своем стремлении завоевать и покорить Грецию, заметно тем не менее, что Ксерксу пришлось затратить время, чтобы добраться из Дориска в Фессалию через Македонию. Его медленное продвижение объясняется рядом разнообразных причин. Во-первых, тыловое обеспечение: армии персов путешествовали отнюдь не налегке, такой вещевой обоз существенно осложнял продвижение армии¹. К тому же специально построенная Царская дорога отнюдь не облегчала движение. Во-вторых, на карту было поставлено представление о царском величии. Ксеркс хотел произвести и оставить после себя впечатление царственного великолепия. В-третьих, но никоим образом не в последнюю очередь, он был озабочен дальнейшим распространением того, что греки стали называть «мидизмом». Чем медленнее продвигалась колесница войны, тем более непреодолимым, неизбежным и неумолимым казалось это продвижение и тем более вероятным становился переход в лагерь персов колеблющихся греков по примеру и вслед за Алевадами фессалийской Лариссы. В конце концов, возможно, в июле, наземные силы Ксеркса достигли границы между Македо-

¹ Римское слово для вещевого обоза — *impedimenta* (препятствия) — говорит само за себя.

ФЕРМОПИЛЫ

нией и Фессалией — Темпейской долины, которая представляет собой в наше время основной маршрут автотранспорта, следующего из Македонии через Фессалию в центральную Грецию.

К тому же Темпе была первой линией обороны, избранной коалицией греческого сопротивления. Два командующих были облечены полнотой ответственности, отражая двоякое лидерство Спарты и Афин: соответственно, Эванет и Фемистокл. Однако надо сказать, что оба представляли собой довольно загадочный выбор. Примечательно отсутствие царственного спартанского командира в этой первой коалиционной инициативе: в типичном случае все наземные экспедиции с участием спартанских сил возглавлялись царем Спарты. С другой стороны, кажется странным, что афиняне выбрали Фемистокла командующим обороной, которая на первых порах должна была осуществляться исключительно в наземных условиях: на суше Фемистокл ничего не представлял собой. На самом деле, именно трактовка Геродотом этой самой ранней стадии сопротивления вынудила некоторых исследователей сомневаться в том, что он действительно понимал неизбежность того, что любое мыслимое сопротивление силам вторжения Ксеркса, очевидно имевшим характер морского десанта, неизбежно должно было принять аналогичный характер. Даже задавался вопрос: обладал ли вообще Геродот стратегическим чутьем? Загадка только осложняется тем, что Темпейскую «линию» поспешно оставили, когда было обнаружено, а это безусловно должно было случиться гораздо раньше, что ущелье можно обойти с флангов.

Самое вероятное объяснение — это то, что коалиция сопротивления «Греков» еще не успела выработать никакой практически осуществимой стратегии. Отсюда существенно возросшая значимость первой серьезно защищаемой и настоящей линии обороны, которая была выбрана позже: десантной оси Фермопилы — Артемисия. Хотя, согласно Геродоту, даже она была выбрана только после того, как Леонид покончил с некоторыми последними колебаниями и разногласиями в среде коалиции. Это было достаточно своевременно, и когда чрезвычайная угроза, вызванная прохождением Ксеркса через Фессалию по Темпейской долине, стала такой острой, что ее невозможно было игнорировать, Спарта прореагировала самым неординарным и необычайно решительным образом.

ФЕРМОПИЛЫ II: ПОДГОТОВКА К БИТВЕ

[Спартанцы] в единоборстве сражаются столь же храбро, как и другие народы, а все вместе в бою они доблестней всех на свете.

«Демарат» Ксерксу, Геродот, История 7.104

Покорение Греции неизбежно зависело от взаимодействия наземных сил Персии с военно-морскими, которые должны были обеспечить жизненно важную поддержку армии. Продвижение по суше на юго-запад из Дориска, где в июне 480 г. Ксеркс проводил общий смотр своих сил, проходило без проблем, разве что медленно. Вся территория к северу от границ Фессалии уже находилась под контролем Великого царя, а после того, как в июле коалиция сопротивления отказалась от своих бесплодных попыток защищать Темпейскую линию силами десяти тысячного войска, Ксеркс смог беспрепятственно (не считая огромного вещевого обоза) по-царски прошествовать мимо Олимпа и через Фессалию. Продвижение флота было более сдержанным, но и он, как планировалось, достиг мыса Сепия напротив северной оконечности Эвбея.

Какова должна была быть реакция Эллинской коалиции? Если она собиралась оказать серьезное сопротивление, ясно, что следующая линия обороны должна была проходить по оси между ущельем (точнее, ущельями, поскольку их было три) Фермопил на суше и через море в точке, называемой Артемисия (место, где находилось святилище Артемиды) к северу от острова Эвбея. Некоторые профессиональные геологи и специалисты по геоморфологии пытались доказать, что Фермопилы не были тем ущельем, которое превозносили древние, и что Ксерксу пришлось форсировать не это, а другое ущелье, чтобы пройти в центральную Грецию. Но если это было бы так, то удивительно, как часто древние, включая многих греков, уроженцев этих мест, так и иностранцев (например, банды мигрирующих мародеров-кельтов в 279 г.) постоянно повторяли ту же самую «нелепую ошибку».

Однако в тот момент были и другие, человеческие препятствия к осуществлению коалицией греков серьезной обороны, с полной отдачей и в полную силу. Очевидно, в случае лоялистов-неспартанцев следует допустить значительный элемент панического страха, что персидские полчища слишком велики, чтобы им противостоять, будь то в Фермопилах или еще где-нибудь. В конце концов, огромное большинство прочих городов континентальной Греции, устранившись, уже проголосовало за присоединение к персам или, по крайней мере, за воздержание от активного сопротивления вместо того, чтобы отбросить их любой ценой.

Однако маловероятно, что подобный страх овладел спартанцами. Они были закалены войной и всегда готовы к ней. Как мы уже отмечали ранее, для них необходимая воинская доблесть была центральной ценностью, с самых ранних лет насаждавшаяся через официальное общественное образование, а не некое качество, которое необходимо было произвольно мобилизовать в случае сиюминутной опасности. Тем не менее ситуация, в которой они оказалась летом 480 года, была самой что ни на есть чрезвычайной, с какой спартамцам когда-либо доводилось или, возможно, пришлось бы столкнуться. Она угрожала не просто их жизням или имуществу, но самому образу жизни.

И все же спартанские силы, посланные для защиты Фермопил, насчитывали только две трети тех, что Спарта недавно направила, но потом отозвала из Темпийской долины. Причина отправки сил, объявленных всего лишь авангардом, была общей для всех членов коалиции, хотя в первую очередь она была приложима к спартамцам. Ибо пришло время праздновать Олимпийские игры, которые происходили каждые четыре года, возможно, во второе полнолуние после летнего солнцестояния, где-то в августе. Это был общеэллинский религиозный праздник, основное празднование в честь самого могущественного из греческих богов, Зевса Олимпийского. Каждые четыре года объявлялось «Олимпийское перемирие», чтобы дать возможность всем грекам, желавшим участвовать в играх или наблюдать за ними, добраться до этого места на северо-западе Пелопоннеса, будучи свободными от обычных рисков и опасностей путешествия через территории чужих и слишком часто враждебных греческих городов. Поэтому благочестивым грекам было трудно отвлечься от привычных приготовлений к Олимпийским играм.

Для спартанцев было еще более настоящим также и другое религиозное обязательство — отметить ежегодный Карнейский праздник в честь Аполлона, одно из главных событий их религиозного календаря. Все их основные религиозные праздники были посвящены Аполлону — Гиацинтия, Гимнопедии, а также Карнейя, и спартанцы, как в случае с неаявкой на Марафонское сражение в 490 году, были исключительно, воистину вопиюще скрупулезны в соблюдении таких праздников. Поэтому они тоже полагали, что не могут посвятить всю свою военную мощь защите ушелья в Фермопилах.

Однако «Греция» отчаянно нуждалась в спартанцах, лидерах коалиции, чтобы действовать, и действовать эффективно. Им необходимо было продемонстрировать по крайней мере какой-нибудь позитивный жест сопротивления и, если возможно, нечто большее, нежели жест. Было несколько других факторов, религиозных или квазирелигиозных, которые могли подвигнуть спартанцев на защиту Фермопил. Во-первых, именно на горе Эта, неподалеку к западу от Фермопил, их герой-предок Геракл встретил свою смерть на земле, перед тем как был взят для постоянной посмертной жизни в качестве бога на горе Олимп¹. К югу от горы Эта простиралась территория, известная как *Dôris*. Согласно мифу, эта территория была исконной родиной дорических предков спартанцев, прежде чем они предприняли Великий поход на южный Пелопоннес по крайней мере семью столетиями ранее, как представляли себе этот период спартанцы пятого века.

Другим квазирелигиозным фактором в пользу решимости Спарты защищать Фермопилы были Дельфы. На совете религиозной ассоциации, известной как Союз Амфикитии, спартанцы были представлены не непосредственно, а как представители дорического народа (*ethnos*). Они прилагали огромные усилия, чтобы поддерживать отдельную и прямую связь с дельфийским оракулом через пифий, четырех постоянных представительниц, назначаемых царями². По ходу подготовки к вторжению Ксеркса оракул выда-

¹ Предполагалось, что два царя спартанцев были прямыми потомками двух праправнуков Геракла, которые основали город Спарту и таким образом сделали Геракла предком спартанцев. Почтение к предкам, включавшее поклонение им, было особенностью спартанцев.

² См. главу 4.

вал партнерам по спартанской коалиции в Афинах поток негативных, мрачных предсказаний относительно бесполезности сопротивления. Выражаясь без обиняков, дельфийское жречество перешло на сторону персов. Геродот сообщает о подобном же пессимистическом ответе, якобы данном спартанцам. Либо, говорит он, они должны принести в жертву жизнь царя, либо персы уничтожат их и оккупируют их землю. Многие исследователи усматривали в этом классический случай *vaticinatio post eventum*, пророчества задним числом: спартанцы действительно принесли в жертву царя, и их земля была оккупирована. Они полагали, что дельфийские жрецы выдали это выдуманное пророчество, чтобы задним числом продемонстрировать силу своих профетических способностей, а также чтобы попытаться стереть некоторые из следов мидизма, порожденные их более ранними, пессимистическими излияниями.

Однако если летом 480 г. позиция Спарты, как повсеместно в коалиции, несколько колебалась, по крайней мере по тактическому вопросу, следует ли встречать Ксеркса к северу от Коринфского перешейка или на самом перешейке, то тогда, вполне возможно, она требовала некоего внешнего подтверждения, столь авторитетного, как голос Аполлона Дельфийского, чтобы склонить на свою сторону колеблющихся. Мое подозрение таково, что именно поэтому царь Леонид использовал свои официальные контакты, чтобы подкупить оракула, не даром он был сводным братом Клеомена. Затем он, активно руководя с фронта, как это умел сильный спартанский царь, добился того, чтобы именно он, а не его сопративитель Леотихид, избранный Собранием по рекомендации герусии и эфоров, исполнил царскую жертвенную роль у Горячих ворот. Полагаю, было не просто совпадением явное сходство между этим актом самопожертвования и тем, что совершили Спертий и Булий около 484 года, тоже под наблюдением Леонида.

По совокупности этих причин спартанцы решили доверить оборону Фермопильского ущелья не простолыдину, каким был Эврибиад (адмирал флота коалиции), а одному из их собственных двух царей. Характерно, что они также придали этому решению религиозный поворот.

Что мы знаем о Леониде? Ответ — к сожалению, примечательного мало, не считая того, что он действительно совершил в течение этих лихорадочных напряженных недель августа 480 года. Он вовсе не был предназначен от рождения на роль царя и стал им

только потому, что его брат Клеомен I умер, не оставив наследника мужского пола¹. Тот факт, что он являлся сводным братом Клеомена, а также был женат на его единственной дочери, что делало его зятем последнего и непрямым наследником, предположительно, облегчило наследование. Однако, вероятно, Леонид чувствовал, что ему много предстоит добиться и, кроме того, многое доказать.

С другой стороны, так как совсем не ожидалось, что он станет царем, Леонид прошел нормальный цикл обучения, от которого в каждой царской семье были освобождены только наследные царевичи². Поэтому у него было очень хорошее представление об «истинных интересах» Спарты³. Не менее важно, что Леонид обладал общим спартанским темпераментом воина, цвет и вершину которого представлял собой экспедиционный корпус из трех сотен человек, назначенных служить под его началом под Фермопилами.

Почему были выбраны именно 300 из всей спартанской армии в 7000—8000 человек и почему именно эти 300? Во-первых, этим количеством человек можно управлять как элитной боевой ударной группой, и именно такое количество постоянно встречается на протяжении греческой истории⁴. Во-вторых, в Спарте это чис-

¹ Клеомен умер ужасной смертью, по-видимому, в результате самоубийства. Высказывалась мысль, что к ней, а также к последующему ее сокрытию причастен Леонид. Во всяком случае, именно он выиграл больше всех от преждевременной смерти Клеомена.

² Это верно также относительно царя Агесилая II Эврипontiда, который тоже наследовал своему старшему сводному брату; он правил с 400 по 360 год и некоторое время был самым могущественным среди всех континентальных греков.

³ В своем республиканском памфлете 1778 года *Здравый смысл* Томас Пейн заметил: «Люди, которые считают себя рожденными, чтобы править, а других — чтобы подчиняться, скоро становятся наглыми; избранные из остального человечества, их умы бывают рано отравлены высокомерием, и мир, в котором они действуют, столь существенно отличен от остального мира, что у них очень мало возможности знать его истинные интересы, и когда они добиваются власти, то нередко оказываются самыми невежественными и неспособными во всех владениях».

⁴ Особенно в фиванском Священном отряде, процветавшем с 379 по 338 год и состоявшем из 150 гомосексуальных пар. Как отмечалось в главе 4, спартанцы официально практиковали гомосексуализм, включая отношения взрослого с подростком, но неофициально поощряли, не говоря о том, что в военных целях узаконили, гомосексуальные отношения между мужчинами боеспособного возраста.

ФЕРМОПИЛЫ

ло имело значительный символический и практический оттенок — такова была стандартная численность обычной царской охраны. Телохранителей называли *hippeis* («всадниками»), хотя на самом деле они служили пехотинцами в неподвижном центре фаланги гоплитов, где находился командовавший армией царь. Они также выполняли ряд церемониальных и разведывательных функций вне поля боя. Эти триста *hippeis* специально отбирались в ходе интенсивной конкурентной борьбы среди сильнейших в десяти самых молодых группах взрослых граждан в возрасте между двадцатью и двадцатью девятью годами.

Однако отбор авангарда из 300 человек Леонида в Фермопилах производился с одним дополнительным решающим критерием. Помимо исключительного мужества, мастерства и патриотизма, каждый из немногочисленных избранных должен был иметь живого сына. Поскольку спартанские мужчины редко женились раньше, чем на подходе к тридцати годам, практически это означает, что, по крайней мере некоторые и, вероятно, многие из трехсот, отобранных для операции в Фермопилах, должны были быть в возрасте тридцати и более лет. Что же касается их командира Леонида, которому, по моими подсчетам, в 480 году было около пятидесяти и который женился на Горго на редкость поздно, то он благодаря своему юному сыну Плистарху удовлетворял этому критерию, наложенному на триста избранных.

В наше время по-разному толковали условие, упоминаемое Геродотом без каких-либо дополнительных комментариев, которое предполагает, что у каждого из этих трех сотен должен был иметься живой сын. С точки зрения некоторых исследователей, это был способ гарантировать, что они будут сражаться с исключительной отдачей и мужеством, но они и без этого были так воспитаны. Причина, скорее, носила социальный или, точнее, общественный характер. Сыновья должны были остаться, чтобы сохранить отцовское имя, то есть увековечить имя отца, которому предстояло скоро умереть, и генеалогию по мужской линии. Таким образом, эти сыновья должны были образовать элиту внутри элиты, ядро следующего поколения лучших взрослых бойцов, лопающихся от гордости в стремлении повторить подвиг своих павших отцов. Ибо фермопильским трем сотням, в сущности, предстояло стать смертниками особой спартанской разновидности — в

полном соответствии со своим воспитанием и тем, как Леонид понимал избранную им роль. Это было так же специфически спартански, как и питаться за общим столом.

После событий 11 сентября 2002 года вопрос о самоубийстве/убийстве во имя высшей цели, иногда также называемом добровольным мученичеством (подкрепленным свидетельством, обычно религиозным), долгое время активно занимал как средства массовой информации, так и серьезных западных исследователей. Что движет этими камикадзе? Естественно, внимание было сосредоточено на Израиле/Палестине, Ливане, Ираке, Шри-Ланке, Турции и Чечне, а также на активности, направляемой или вдохновляемой Аль-Каидой (например, в Касабланке и Стамбуле, помимо Нью-Йорка и Вашингтона). Выдвигался ряд возможных общих мотиваций или объяснений: экономические неудачи, желание достичь посмертного статуса героя и мученика, а также религиозная преданность и политическая, особенно националистическая идеология, в индивидуальных случаях вместе с психической патологией. Тем не менее ни один из этих случаев суицида не был официально и открыто расследован от имени законных государственных или правительственных органов. Эта тактика все больше используется в гражданских войнах. При том что в большинстве этих акций не делается различия между теми, против кого они направлены, так как они убивают с равной готовностью как гражданских лиц и детей, так и вооруженных солдат, и, в отличие от вполне взрослых феромопильских трех сотен, совершающих эти акты, обычно являются молодыми людьми в возрасте между подростковым и взрослым.

Таким образом, ближайшая современная аналогия поведению спартанцев при Фермопилах — но ни в коем случае не точная — официально санкционированное самоубийство, подобное тому, что совершали в период Второй мировой войны японские камикадзе («божественный ветер», буквально «ветер духа») — пилоты самолетов, живые бомбы и торпеды. У них общая с героями Фермопил мотивация всепоглощающей преданности и верности добру и абсолютно доминирующему диктату государства — в случае японцев, диктату Божественного Императора, а также вера в то, что противник, в некотором смысле, является абсолютным злом, против которого тактика крайних мер, включая принесение в

ФЕРМОПИЛЫ

жертву собственной жизни, совершенно законна и фактически представляет собой акт героизма. У них также общее преставление о том, что символизируемый ими дух сопротивления может быть столь же жизненно важен, как и физический ущерб, приносимый ими своему врагу, и что неспособность совершить самоубийство влечет за собой величайший позор¹.

Еще более важна их общая глубинная философия, ни в коем случае не являющаяся доминирующей подразумеваемой философией современной войны на Западе. Для большинства западных людей цель войны — победить... и выжить. Западная философия в целом учит, как жить, а не как умирать, в то время как главным элементом спартанского мировоззрения было воспитание мужчин с самого раннего возраста в духе ожидания неестественно ранней смерти; фактически все их общество было сформировано так, чтобы дать им возможность справиться с этой идеей². Это не очень отличается от кодекса чести японского *бусидо* («путь воина»), господствовавшего при прежнем самурайском режиме. Прогрессивные японские интеллектуалы, такие как семидесятилетний кинорежиссер Йодзи Йамада, который специализировался на съемке фильмов о самураях, утверждают, что самурайский кодекс чести сегодня утратил смысл, учитывая его акцент на смерти как на кульминации жизненного пути. Однако я полагаю, что он имел чертовски много смысла для спартанцев и, не в последнюю очередь, для Леонида и его трех сотен. Из всех греков лишь спартанцы сумели представить себе Фермопилы как жертвенное самоубийство и исполнить его с таким шокирующим эффектом.

Помимо спартиатов (полноценных граждан Спарты), спартанцы послали на Фермопилы нестроевой контингент илотов, может быть, около тысячи человек, пару из которых Геродот упоминает поименно.

С другой стороны, он совершенно не придает значения или не упоминает о девятистах или тысяче периеков, «окрестных жителей», сопровождавших спартанцев, хотя их присутствие необходимо, чтобы составить общую цифру в четыре тысячи пелопоннес-

¹ См. случай спартанца Аристодама, глава 8.

² См. главу 4.

цев, сражавшихся при Фермопилах, о которых он сообщает. О них упоминают позднейшие источники; предположительно, они были добровольцами, подобно тем, которые, как мы знаем, выразили готовность столетием позже принять участие в еще одной кампании спартанцев на севере Греции. Несомненно, Леонид подверг их тщательному испытанию как на воинское мастерство, так и, что не менее важно, на боевой дух. Не упоминает Геродот также и о якобы проперсидских настроениях периеков Карики в северной Лаконии на границе с Аркадией. Если это предположение верно, оно добавляет пикантности осторожной мудрости спартанцев, с которой они вводили в бой значительное число спартиатов, проживавших вне Лаконии, не говоря уж за пределами Пелопоннеса¹.

Женщины Спарты считались невоинской частью населения. Однако, как Геродот впервые отмечает в своем историческом труде, они тем не менее были жизненно важным элементом в совокупном воинском поведении и образе жизни спартанцев. Они также пользовались широкой известностью — или дурной славой — повсеместно в Греции за то, что не были по-настоящему женственными.

Согласно *Кратким высказываниям* Плутарха, спартанские жены и матери имели обыкновение рывкать приказным тоном «С ним или на нем!» своим мужьям и сыновьям, отправлявшимся на войну. Под «ним» имелся в виду воинский щит гоплита. Мужчины должны были либо вернуться домой живыми со щитом (бросить свой щит считалось одним из самых тяжелых преступлений гоплита), либо несомыми товарищами на щите, пав славной смертью. Это выражение звучало на протяжении всей античности. Считалось, что оно сконцентрировало в себе боевой дух спартанских женщин и полное усвоение ими воинских — совершенно мужских — ценностей. В таком же анекдотическом стиле Горго

¹ О мидизме карийцев рассказывает римский архитектор и инженер Витрувий в связи с архитектурным элементом в форме колонны с женской фигурой, известной как «кариатида», что буквально означает «женщина из города Карики». Однако я склонен думать, что эта история придумана задним числом, так как в 370 году Кария отделилась от Спарты, и спартанцы вполне могли измыслить рассказ о карийском мидизме 480 года с целью очернить имя карийцев и оправдать жесткие меры по захвату и наказанию города.

(жену Леонида и дочь Клеомена I) однажды якобы спросила некая критически настроенная — или завистливая — женщина неспартанского происхождения: «Почему это только вы, спартанские женщины, управляете своими мужчинами?», и та ловко увернулась от ответа, выпалив: «Потому что мы, спартанские женщины, единственные, кто рождает [настоящих] мужчин!»¹

Одним из самых выдающихся среди этих настоящих мужчин был бывший спартанский царь Демарат, и Геродот рисует две разоблачительные беседы о спартанцах в ходе подготовки к Фермопилам между ним и Ксерксом. В первой из них, состоявшейся предположительно сразу же после смотра в Дориске, Ксеркс спрашивает с иронией, ожидая отрицательного ответа, хватит ли у греков-лоялистов смелости и духа «поднять против меня оружие и сопротивляться?».

Прежде чем ответить своему господину и хозяину, Демарат обыгрывает понятие истины; эта идея была дорога персам благодаря их воспитанию, особенно персидскому Великому царю, который (как уже отмечалось) клятвенно объявил себя врагом «Лжи». Хочет ли Ксеркс истины, отвечал Демарат, или он просто шутит? Здесь Геродот очень точно схватывает особенность таких бесед между придворным и бесконечным величием Великого царя, обладавшего властью прихлопнуть как муху даже самого значительного из своих подчиненных, например, Мардония, поскольку в его глазах все были равно рабами. Однако у Геродота был еще один пункт на повестке дня — драматическая, воистину трагическая ирония. Ибо Демарат говорил Ксерксу правду, всю правду и ничего, кроме правды, и тем не менее ему, как и Кассандре, не поверили.

¹ Свидетельства подобного рода заставило автора бестселлеров Стивена Прессфилда добавить еще один, полностью вымышленный, фактор в уравнение фермопильских трех сотен в своей книге *Огненные врата* (Pressfield 1999). Согласно его истории, Леонид лично отобрал триста человек, обратив особое внимание на вероятное поведение их будущих вдов и на то влияние, которое окажет их преждевременная утрата на боевой дух Спарты в целом. Он основывал свою убедительную интуицию не на каком-либо прямом свидетельстве, а на засвидетельствованной реакции женских родственников спартанцев, либо погибших, либо — что еще хуже — переживших катастрофическое поражение под Левктрами в 371 году (см. главу 4).

Демарат начинает с того, что из всех дорических греков высказывает самое глубокое уважение к спартамцам. Отчасти это отражает тот факт, что большинство греков, поднявшихся на борьбу с Ксерксом, были дорийцами. Но это был также способ сгладить значение формального предательства Демарата по отношению к своему родному городу Спарте. Далее он подробно объясняет, что дальнейшее относится только к спартамцам. Его панегирик покоился на двух основаниях. Во-первых, «они никогда не договорятся с тобой и таким образом навлекут на Грецию рабство». Во-вторых, спартамцы не просто окажут сопротивление, но будут сражаться, как никто другой, независимо от того, как мало их будет и сколь многочисленны их враги. На это Ксеркс отреагировал самодовольной ухмылкой по причине колоссального неравенства между его силами и силами спартамцев. Он согласился, что при благоразумном применении кнута «немногие могут противостоять многим», но даже при условии равенства сил на каждой стороне он сможет заставить персов победить.

Предполагается, что читатель заметит элементарную этноцентрическую ошибку Великого царя. Нет нужды напоминать читателям Геродота, что спартамцы не нуждались в порке, чтобы сражаться на пределе возможного, даже против несравненно превосходящих сил противника. Кнут годится только для рабов, а не свободных граждан. Он уместен со стороны варварского владыки по отношению к своим порабощенным подданным, но о нем не может быть и речи в случае свободных воинов свободного греческого полиса.

Демарат отражает два зубодробительных идеологических выпада. Во-первых, спартамцы «в единоборстве сражаются столь же храбро, как и другие народы, а все вместе в бою они доблестней всех на свете». Во-вторых, причина, почему спартамцы будут сопротивляться, заключается в их сознательно принятом решении не подчиняться никому из людей, особенно абсолютному диктатору (такому, как Ксеркс), а только Закону (*nomos*): совокупности отдельных законов и обычаев, которые они сами выработали, а также общей концепции политической обязательности соблюдения законов. Согласно Демарату, самый значимый закон в данном конкретном случае — это «не покидать поля боя даже при численном превосходстве противника, оставаться в строю и либо

победить, либо умереть». Далее Демарат даже сообщает Великому царю, во что тот не может поверить, что спартанцы боятся Закона, как своего господина (*despotès*), гораздо больше, чем даже подданные боятся самого Ксеркса¹.

Таким образом, Геродот от имени Демарата утверждает, что существует непреодолимый разрыв между типом политической системы и авторитетом, воплощенном в личности Ксеркса, с одной стороны, и типом, представленным Спартой. Поскольку система Спарты отстаивала свободу, отсюда следует, что система Великого царя поддерживала рабство². Геродот утверждает, что Ксеркс тем не менее не пришел в ярость из-за откровенного высказывания Демарата, а постарался обернуть их диалог глухих в нечто вроде шуток. Однако последними и дольше всех смеялись спартанцы.

Их вторая предполагаемая беседа излагается в непосредственной прелюдии к собственно рассказу о самом сражении при Фермопилах. В ожидании, пока его войска подтянутся, Ксеркс у западной оконечности ущелья посылает конного разведчика проследить за действиями греков. Греки, за которыми он следит, оказались спартанцами. Это был эпизод, в котором крайне изумленный и озадаченный перс докладывает не менее изумленному и озадаченному Ксерксу о том, что спартанцы занимаются то ли гимнастическими упражнениями, то ли расчесыванием своих исключительно длинных волос.

Известно, что у древних греков мужчины занимались физическими упражнениями и атлетическими соревнованиями совершенно нагими, отсюда название места, где они занимались и

¹ Забегая вперед, скажем, что наблюдается осязаемое и явно сознательное сходство с языком эпитафии о Фермопилах Симонида. У Симонида спартанцы лежат в ущелье мертвыми, «подчиняясь [настоящее время] *rhêmata* спартанцев». *Rhêmata*, буквально «высказывания», производное от того же корня, что и *rhêmata*, спартанский термин, употребляемый для обозначения как основного конституционного закона (источник которого они приписывали Дельфийскому оракулу через своего законодателя Ликурга), так и ряда прочих меньших законов.

² Мне этот пункт представляется совершенно ясным и бесспорным, хотя Геродот пытался также утверждать, что, по греческим стандартам, спартанское общество было необычайно авторитарным. На самом деле, любая военная дисциплина всегда иерархична и направлена сверху вниз, а Спарта была исключительно военным обществом.

состязались — гимназия¹. Такая обнаженность шокировала восточные негреческие народы. Это был еще один из признаков отличия, благодаря которым греки убедили себя в собственном культурном превосходстве над всеми «варварами».

Что же касается длинных волос спартанцев, это было довольно необычно среди греков, не говоря уже о персах. Большинство греческих мужчин коротко стригли волосы или укорачивали их по достижении половой и полной мужской гражданской зрелости. Напротив, спартанцы избрали этот момент перехода от одного полового и социального статуса к другому для того, чтобы отрастить волосы именно как внешний и видимый знак статуса взрослого воина-мужчины. Предлагались различные рациональные объяснения причин и источника этой практики, наиболее вероятен символический смысл: настоящие мужчины отращивают длинные волосы. Напротив, выходя замуж, спартанские жены обрезали свои волосы и после этого постоянно носили их короткими.

Персы тоже, по крайней мере некоторые, носили длинные волосы. Однако момент перед смертельной схваткой не представлялся персам подходящим для прихорашивания на публике. Ксеркс якобы не мог поверить, что компания безумных фанатиков зарядки могла причинить ему крупные неприятности в бою. Однако Демарат раскрыл Ксерксу символизм прически и причесывания и объяснил ему, что это значило, что спартанцы исполнены решимости сражаться насмерть. Показывая полную неспособность Великого царя постичь спартанский менталитет и смысл основных спартанских социальных обычаев, Геродот предвосхищает его конечное поражение и с самого начала зарождает сомнение в мудрости такого ненадежного мероприятия.

У прочих греков в коалиции были другие конкретные местные факторы, чтобы ограничиться посылкой только авангарда, не считая общей для всех отговорки — приближения Олимпийских игр. Из потенциально имеющихся примерно двадцати пяти тысяч бойцов пелопоннесцы послали только около четырех². Несомненно,

¹ От греческого слова, означающего «совершенно нагой» — *gymnos*. Гимназии были также общественными парками; в этом смысле Лицей (продвинутое учебное заведение) Аристотеля в Афинах представляло собой гимназию.

² Эту цифру, упомянутую в памятном послевоенном документе, сообщает Геродот.

это было частично вызвано нежеланием вводить в бой войска за пределами Коринфского перешейка. Однако при Фермопилах присутствовало также незначительное число греков-лоялистов с территорий к северу от Истма. Афинян в сухопутных войсках не было вовсе (хотя несколько тысяч находились с флотом в Артемисии), не было также жителей Мегары. Что еще более удивительно, было очень мало беотийцев, в их числе всего четыре сотни из Фив, главного города Беотии.

Позже, после Фермопил, все беотийцы, кроме жителей Феспий (врага Фив) и Платей (союзника Афин), перешли на сторону персов, и когда в 479 году персы были окончательно отброшены, репутация фиванцев была запятнана¹. Но было ли это совершенно справедливо по отношению к четырем сотням фиванцев, участвовавших в сражении при Фермопилах? Действительно ли они приняли участие, как утверждает Геродот, только потому, что Леонид заставил их как своего рода заложников в обмен на лояльность их соотечественников у себя дома? Если мы исследуем другие источники, то придем к прямо противоположному выводу.

Как сообщает Фукидид, в 20-х годах V в. у фиванцев, внуков солдат 80-х гг., было совершенно иное объяснение или ходатайство о смягчении приговора за непатриотичное поведение своих предков. Они говорили, что тогда Фивами правила ограниченная олигархия, в чем-то, может быть, подобная династии Алевадов Лариссы в Фессалии, известных активных сторонников Персии, в то время как с 40-х гг. Фивы, как и остальная Фессалия, управлялись более терпимой и политически более умеренной олигархией. Другие источники, включая беотийца Плутарха (из Херонеи), пошли еще дальше в реабилитации. Плутарх пришел в ярость от того, что он счел антибеотийским предубеждением Геродота. Для него именно эти четыре сотни были истинными патриотами. Будучи противниками правящего режима в Фивах, они пошли добровольцами служить к Леониду. Нелегко выбрать между этими двумя диаметрально противоположными версиями участия четырех сотен фиванцев. Кроме них там, разумеется, было еще около ты-

¹ Репутация фиванских предателей оказалась настолько замарана, что 150 лет спустя Александр Великий мог еще надеяться замаскировать или, по крайней мере, смягчить свое зверски прагматичное разрушение Фив в 335 году ссылкой на их предательство в период Греко-персидских войн.

сячи солдат от двух местных греческих народов, которых это затрагивало самым непосредственным образом — из Фокиды и Опунтийской Локриды. Не очень многочисленная армия греческого сопротивления всего насчитывала, вероятно, около семи тысяч человек.

Несомненно, операция при Фермопилах для прочих присутствовавших при этом греков в целом выглядела весьма отличным образом, нежели для спартанцев. Фактически Геродот сообщает, что даже уже тогда, когда они впервые увидели орды Ксеркса, в панике был созван совет, чтобы обсудить, не более ли разумно было отступить. Говорят, что даже Леонид проявил сочувствие к этой идее, пока гнев фокийцев и локрийцев не заставил его вернуться к первоначальной позиции. Как ни маловероятен этот рассказ¹, возможно, многие воины Леонида не из Спарты вначале верили, что за доблестным сопротивлением при Фермопилах последует почетное отступление выживших, с тем чтобы сразиться или умереть в следующий раз.

Еще один фактор вызывал у них всех законную тревогу. Они оставили Темпейскую линию обороны, когда выяснили, что ее довольно легко можно обойти с флангов не по одному, а сразу по двум проходам. Теперь они узнали от местных греков из Малиды, что Фермопилы тоже можно обойти по единственной дороге (или тропе) под названием Анопея, которая вьется через гору Каллидром к югу от них и выходит где-то около Восточных ворот. Однако Анопея представляла собой не дорогу, а тропинку, местами достаточно широкую, чтобы по ней люди могли пройти строем только в один ряд. Одним из первых решений Леонида, принятых на месте, было попытаться запретить этот потенциальный проход. Он выделил весь фокийский отряд численностью в тысячу человек, чтобы охранять Анопею. Это были люди, знакомые с местностью и местными условиями, у которых было что отстаивать и что терять. Если бы Леонид располагал лишними людскими ресурсами, он, скорее всего, послал бы спартанского офицера командовать ими согласно нормальной практике Пелопоннесского союза, однако под Фермопилами мало что было нормальным.

¹ Я считаю, что это результат по преимуществу афинских антиспартанских искажений устных источников Геродота, представлявших спартанцев и прочих пелопоннессцев склонными поддерживать линию обороны на Истме.

При всех оговорках, упреках и обвинениях, греческая коалиция действительно организовала серьезную оборону под Фермопилами и тем самым после по крайней мере четырех лет подготовки греческие защитники наконец вступили в первую серьезную прямую схватку с персидскими захватчиками. Наступил разгар лета, и вскоре «Ворота» должны были стать «Горячими».

7

ФЕРМОПИЛЫ III: БИТВА¹

Любой, кто пересказывает историю, должен прийти к согласию с этим гением [Геродотом] и его повествованием, в литературном наследии древнего мира, уступающем только Гомеру.

Robin Lane Fox, The Classical World (Робин Лейн Фокс, Древний мир)

Фермопилы представляют собой конусообразную равнину, протянувшуюся километров на пять с запада на восток, с горами на юге (включая Каллидром) и морем на севере в виде Малидского залива. Несмотря на то что к настоящему времени топография этой местности значительно изменилась, мы можем представить себе, что в 480 году это был узкий проход между горами и близлежащим морем с вкраплением серии из трех «ворот», ширина которого была едва достаточна, чтобы две колесницы или два фургона могли с удобством разъехаться. Оборонительный отряд греков-лоялистов занял позицию у так называемых Средних ворот, полосы протяженностью от 15 до 20 метров, где со стороны суши вздымаются неприступные скалы². Лето было в разгаре. В это время года равнину нередко покрывает неприятная дымка жары и пыли, и температура поднимается почти до 40°C (100°F). Проблема заключалась не в водоснабжении, а в мухах.

¹ Подробное обсуждение источника вопроса см. в приложении 1.

² В прошлом веке греческие раскопки обнаружили участок стены более 100 метров в длину, первоначально построенной местными фокийцами для отражения нападений врагов с юга; это сооружение было восстановлено и переориентировано спартанцами на север.

Через три или четыре дня задержки после прибытия персидских полчищ Ксеркса к западной оконечности прохода он перешел в наступление. По-видимому, эта задержка была задумана, чтобы оказать дальнейшее психологическое давление на греков; напряжение уже было почти невыносимым. Она также давала возможность Ксерксу установить необходимые коммуникационные линии связи с потрепанным штормами флотом, теперь наконец надежно укрытым в гавани у мыса Сепия. Морская база греков располагалась напротив, в Артемисии¹. Во время этой паузы Ксеркс якобы прислал Леониду безапелляционное послание: «Сдавай оружие!», на что Леонид дал классический лаконичный ответ: «Приди и возьми!»

Геродот изображает Ксеркса кипящим от ярости по поводу того, что там вообще оказались какие-то греки, набравшиеся наглости сопротивляться ему. Это может объяснить, почему Ксеркс сначала просто не проявил равнодушия и позволил своим искусным лучникам попытаться перебить весь небольшой греческий отряд. Однако лучники сами по себе не могли бы причинить значительного ущерба стене из щитов греческих гоплитов или стремительным атакам тяжело вооруженной пехоты. Как бы то ни было, им бы никогда не удалось справиться с этой задачей без дополнительной помощи. Остальная же часть его войска, растянувшаяся в огромную колонну к западу от Фермопил, пребывала в нетерпении. Когда началось наступление, по нашему календарю, вероятно, 17 августа, это стало первым днем эпического трехдневного сражения.

Великий царь сначала послал в бой около двух тысяч своих мидян, это были не самые лучшие из его войск, но среди лучших. Учитывая более низкое качество их доспехов и оружия, у них было мало шансов выбить защитников из их позиций. Их дротики не могли сравниться с более длинными и прочными копьями их противников, они не располагали ни металлическими шлемами, ни наколенниками, и у них были плетеные щиты. Кроме того, в усло-

¹ Геродот не слишком отчетливо объясняет запутанные отношения между сухопутными и морскими силами обеих сторон, но по крайней мере упоминает о важной роли находившегося на корабле офицера связи Леонида, Аброника из Афин, доверенного «лейтенанта» Фемистокла. Ему пришлось не единожды бегать около 7 километров от Малидского залива до Артемисии.

виях ограниченного пространства люди Ксеркса не могли использовать элементарное преимущество большей численности.

Среди всех греческих защитников, которые, по-видимому, поголовно являлись тяжеловооруженными пешими гоплитами, спартанцы были значительно лучше экипированы и обучены. Поверх своих длинных волос они носили бронзовые шлемы, искусно изготовленные оружейниками перизками и илотами из цельного листа металла. Наверху шлема крепился спереди назад гребень из конского волоса, хотя не исключено, что Леонида отличал гребень, расположенный поперек головы от уха до уха¹. Подобный шлем хорошо защищал голову, но серьезно ограничивал зрение и слух, поэтому было жизненно важно находиться буквально в соприкосновении со своими ближайшими товарищами.

Для того чтобы прикрыть грудь, надевали кирасу (*thôrax*). Прочие греки к тому времени заменили бронзовые кирасы более легкими и гибкими, сделанными из стеганого льна, или фетровыми или кожаными кирасами, однако мне кажется, что традиционные спартанцы все еще предпочитали старые бронзовые кирасы, сделанные из двух половинок, передней и задней. Под нагрудной пластиной от плеч до середины бедер носилась шерстяная туника без рукавов, окрашенная красной краской из млечной жидкости, извлекаемой из моллюсков, обитавших в полосе прибрежья Лаконии около острова Кифера. Парадный плащ был из такой же ткани и того же цвета, но во время сражения его снимали. Спартанский гоплит прикрывал ноги парой гибких бронзовых поножей, но презирал любую обувь. С раннего детства он бегал босиком по каменистой колючей местности, так что его подошвы были закалены, как никакая другая часть тела.

На левой руке, в неизменном фиксированном положении, спартанский гоплит носил большой круглый щит (*aspis*) размером около метра в диаметре. Сделанный в основном из дерева с бронзовым ободком, он был покрыт тонким листом бронзы. На нем крепилась буква в виде перевернутого «V». Это была греческая буква лямбда, начальная буква слова *Lakedaimonioi* (спартан-

¹ Поперечный нашлемник изображен на маленькой бронзовой статуэтке спартанского гоплита в плаще, которая сейчас находится в Удуортском Ате-неуме, Хартфорд, Огайо.

цы)¹. Помимо этой официальной первой буквы, спартамцам также разрешалось выбрать личную эмблему. Обычно выбирали маску горгоны, льва или бойцового петуха. (Однако некий спартанец якобы выбрал муху в натуральную величину. Когда его спросили, зачем, он ответил, что будет сражаться достаточно близко от врагов, чтобы они могли ее видеть.)

Щит гоплита был единственным самым важным элементом его вооружения, поскольку справедливо утверждалось, что его носят в той же мере, если не в большей, во благо всего строя, как и во благо индивидуального владельца. Именно этот элемент вооружения в первую очередь делал гоплита гоплитом, сражавшимся в плотно сомкнутой фаланге. Спартанский фалангист имел короткий прямой меч, скорее кортик или кинжал. Его излюбленным оружием было копье длиной от двух до трех метров с древком из кизила или ясеня, тяжелым железным наконечником и бронзовым шипом на торце.

Несомненно, мидяне и следовавшие за ними сомкнутые ряды солдат сделали все, что могли, под оценивающим взглядом своего царя. Но этого было недостаточно, и они несли настолько тяжелые потери, что Ксеркс трижды якобы вскакивал со своего специально сооруженного трона в ужасе от кровавой бойни, в которую попали некоторые из его лучших солдат. Спартамцы привели персов в полное замешательство, продемонстрировав такую тактику, которую могла разработать только самая подготовленная и дисциплинированная армия, не говоря о том, чтобы успешно осуществить ее.

Под защитой восстановленной фокийской стены солдаты Леонида оказали сопротивление, сражаясь посменно. В данных условиях это был ловкий и очевидный прием, поскольку позволял максимально увеличить эффективность и экономию их ограниченных ресурсов и сил. Они также использовали гораздо менее очевидный тактический прием, обычно не применяемый в сраже-

¹ На копии статуи спартамского гоплита, гордо выставленной в Спарте в Висконсине, на щите начертана буква «S», чтобы не смущать обычного местного зрителя; в древности, однако, «S» означало «Сикион». В сражении 390 года спартамские гоплиты из озорства подняли брошенные щиты воинов Сикиона, специально чтобы ввести противника в заблуждение.

нии гоплитов, а потому являвшийся еще одним из проявлений их высшего профессионализма и гибкости: они исхитрились осуществить серию ложных отступлений, за которыми следовал внезапный полный разворот и смертоносная атака на излишне самоуверенных и приведенных в беспорядок преследователей. В конце концов, к закату дня Ксеркс почувствовал, что у него нет иного выбора, кроме как ввести в бой свою элитную царскую гвардию — десять тысяч Бессмертных под предводительством Гидарна, но опять втуне и опять с серьезными потерями.

Тек пот, струилась кровь, вываливались внутренности, грохотались кучи быстро разлагавшихся трупов, и все кишело мухами — ни радующего сердца вида, ни свежего дуновения. По мере того как второй день сражения проходил, подобно первому, а решающий перелом так и не наставал, разочарование Ксеркса и озлобленность на греков становились все более заметными. Тогда, стремясь как-то сократить риск и потери, а также противопоставить превосходству солдат Леонида свои отборные многонациональные силы, он, как говорят, выбрал из каждой национальной группы под своим командованием солдат, которые, как ему казалось, превосходили прочих смелостью и отвагой.

На второй день Ксерксу выпала удача, совершенно независимо от основной схватки. Подвернулся предатель-грек, местный Иуда из Малиды, хорошо знавший обходной путь по Анопейской тропе и готовый рассказать о нем персам. Его имя Эфиальт покрыто позором: в современном греческом языке слово *ephialtis* означает «кошмар». В свое время он потонул в котле кипящего осуждения. Отчасти это помогло отвлечь внимание от перехода на сторону персов многих греческих городов и народов. Но это также отражало тот факт, что предательство Эфиальта привело в конце концов к краху и поражению гордого и мужественного сопротивления Леонида.

Ксеркс начал действовать без промедления по донесению Эфиальта, исключив всякую случайность. Он поручил эту особую операцию членам царской гвардии Бессмертных, и, ведомые Эфиальтом, они на закате молча отправились в путь, озаряемый полной луной. После героического восхождения через Анопею на высоту до 1000 метров они легко обошли тысячу фокийских стражей, выставленных Леонидом. Этот отряд был плохо подготовлен, как

обычно бывали подготовлены непрофессиональные греческие голплиты в подобных обстоятельствах. Все, что они услышали, сводилось к шелесту листьев, оставшихся с прошлой зимы и сорванных недавней бурей, пока персы осторожно ступали по ним. Не выставившие дозоров фокийцы были застигнуты врасплох. С первыми лучами солнца персы спустились к востоку от Средних ворот вблизи Альпены. Теперь Ксеркс окончательно зажал солдат Леонида в железные клещи как с фронта, так и с тыла.

Но допустим, что Ксеркс был бы убит в собственном шатре той же ночью. Для персов Великий царь был всем. Если бы раздавили голову змее, это вполне могло бы вызвать крах всей экспедиции. Однако, хотя, как утверждает позднейший источник¹, Леонид приказал попытаться убить Ксеркса в ответ на весть о предательстве Эфиальта, Геродот об этом не упоминает, и его молчание следует уважать.

Как бы то ни было, Ксеркс не был убит в своей постели, борьба за Фермопилы и Грецию продолжалась, и ночью второго дня и ранним утром третьего персы окружили защитников Фермопил, пройдя по Анопейской тропе. Возможно, Леонид заслуживает осуждения — что на самом деле и имело место — за то, что не укрепил Анопейскую тропу более многочисленным или по крайней мере более боеспособным, решительным и более эффективно руководимым отрядом. Однако фокийцы, возможно, были лучшими из местных войск, они сражались за свою землю и за свою жизнь и, как сообщают, были движимы горькой ненавистью к фессалийцам, перешедшим на сторону персов.

Возможно также, что Леонид утвердил свою власть более недвусмысленным образом, оценив безнадежное положение окруженных. Однако трудно судить, насколько ответственно он поступил, поскольку сохранившиеся свидетельства значительно раз-

¹ Этим источником является Эфор в передаче Диодора, которого поддерживал с небольшими изменениями Плутарх и еще один второстепенный автор. Леонида якобы предупредил о предстоящем окружении греческий перебежчик из лагеря персов, некто Тиррастиад из Кимы в Эолиде, а не (как у Геродота) фокийский страж, поставленный им охранять Анопею. Национальность предполагаемого перебежчика — достаточное основание для подозрений в том, что этот рассказ — патристическое измышление, так как Кима была собственным полисом Эфора.

нятся в вопросе о том, что именно он сделал. Общепринятая ретроспективная версия утверждает, что он распустил большую часть своих оставшихся войск, оставив только спартанцев (не забыв об обслуживавших их илотах), несгибаемых феспийцев, вдохновленных ненавистью к предателям-жителям Фив, оставшимся у себя дома, и четырех сотен других фиванцев (то ли волонтеров-любялистов, то ли подневольных заложников). То же, несомненно, касается и выживших добровольцев-перизков. Однако, согласно более циничному взгляду, эта подправленная версия была не более чем прикрытием: большая часть союзников по коалиции просто сбежали, поняв, что игра закончена и их вот-вот окружают. Другой вариант слегка восстанавливает честь Леонида, предполагая, что, узнав, что его позиция опрокинута, он преднамеренно разделил оставшиеся силы, послав большую часть отрезать путь Бессмертным, когда те спустятся с Анопеи. Однако они предпочли не дожидаться варваров.

Не вызывает только ни малейшего сомнения решимость и мужество, с которым Леонид, его спартанцы и те несколько сотен других греков, которые предпочли остаться с ним, сражались до конца. Независимо от прочих соображений, Леонид был обречен остаться и сражаться, защищая тыл как можно дольше. Это было сделано, чтобы дать возможность отрядам, которые он отпустил (или которые покинули поле боя) благополучно удалиться, и, кроме того, чтобы предоставить шанс флоту в Артемисии добиться того, на что он был способен — что, как ни удивительно, оказалось весьма немало. Но Леониду пришлось принимать во внимание и иные, менее важные соображения.

Прямо в начале третьего дня официальный предсказатель Леонида Мегистий принес предрассветную кровавую животную жертву — это был ритуал, который спартанцы с необычной пунктуальностью совершали в военной обстановке¹. Во внутренностях животного он обнаружил зловещий знак «приближающейся смерти». Это вряд ли было удивительно. Он попросил разрешения остаться и погибнуть в тот же день, отослав своего единственного сына в

¹ Мегистий из Акарнании на северо-западе Греции был профессиональным гадалщиком (*mantis*); было много разных видов гадания без принесения в жертву животного.

безопасное место вместе с другими греками, отпущенными или удалившимися. Просьба Мегистия была удовлетворена, он пал смертью героя и удостоился посмертного хвалебного отзыва в эпитафии своего друга Симонида:

*Здесь покоится Мегистий, павший,
Когда мидянин перешел поток.
Презревший спасение пророк,
Спартанскую могилу разделивший.*

Мегистий приносил жертвы от имени греков, Ксеркс совершал возлияния восходящему солнцу, особо чтимой персами силе. Затем Ксеркс приступил к атаке заключительного дня. Выражаясь по-гречески, это произошло «во время, когда рынок был полон», или между 9 и 10 часами утра. Чтобы гарантировать успех, Ксеркс разместил позади войска бичевателей, *pour encourager les autres* (дабы вдохновить прочих — *фр.*).

Греки установили последнюю линию обороны за Средними воротами, чтобы перекрыть путь наступающему неприятелю. Истинно лаконичное замечание олицетворяет героическую мрачность этого последнего акта сопротивления. Когда кто-то сказал, что персидские лучники столь многочисленны, что их стрелы закроют солнце, один из трех сотен по имени Диенек якобы тотчас заявил: «Тем лучше — мы будем сражаться в тени!» Если бы мы знали больше об этом замечательном воине!

Леонид также показал себя истинным спартанцем, якобы произнеся слова, которыми он приказал своим солдатам приступить к утренней трапезе перед заключительным сражением: «Сегодня мы будем обедать в Аиде».

Читатели и слушатели в Древней Греции, знавшие свою *Одиссею*, должно быть, вспомнили знаменитое описание схождения Одиссея в Аид («Невидимый»), греческую преисподнюю. Там ему пришлось угостить кровью порхающих вокруг духов, чтобы придать им какое-то подобие жизни. Смысл мрачного юмора Леонида состоял в том, что после завтрака они уже не будут обедать нигде, ни на земле, ни под землей. Самое лучшее, на что они могли рассчитывать, это то, что их тени смогут найти в преисподней путь к какому-нибудь уютному привалу на Елисейских Полях, а не будут отправлены в бесконечный мрак Тартара. А самым надежным

способом достижения этого счастливого посмертного существования было умереть красивой смертью.

По сообщениям, потери персов в начале этого третьего дня были даже больше, чем в первые два. Греки сражались с отчаянным самозабвением. Шелли в «Маске анархии» воспел тех, «Кто обнимал опасности войны...»; немногие испытали более близкие ее объятия, чем эти героические воины. Даже арабское понятие асабийи — «взаимного расположения и готовности сражаться и умереть друг за друга»¹ — не передает их духа братского сопереживания. Может быть, отчаянная храбрость валлийских «трех сотен», которые погибли, сражаясь против, как утверждают, ста тысяч англосаксов, воспетых в поэме Гододин (Y Gododdin), приближается к нему:

*Они бросались в атаку в едином порыве, коротка была их жизнь,
долга скорбь.*

Всемеро больше англов они убили... сделали женщин вдовами.

У многих матерей слезы на глазах.

Осведомленный, как я считаю, о пророчестве дельфийского оракула, что только смерть царя Спарты обеспечит в конце концов победу греков над персами, Леонид сражался и пал, как одержимый: одержимый сознанием, что сражается за нечто большее, чем поддержание национального и международного статус-кво. Просто его смерть укрепила боевой дух греков, так как теперь они сражались, подобно героям Гомера, за то, чтобы не допустить захват тела царя врагами-варварами и возможное надругательство над ним. Говорят, что они отвоевали его тело после продолжительной борьбы (*ôthismos*), но в конце концов все их усилия, естественно, были напрасными.

Когда все их оружие было потеряно и сломано, греки буквально дрались зубами и ногтями, используя голые руки и челюсти. Даже в конце сражения персы с безопасного расстояния выпускали стрелы — свое излюбленное оружие для добивания умирающего врага. И зверский акт мести по отношению к телу Леонида,

¹ Определение, данное великим магрибским историком Ибн-Халдуном XIV века.

включая отсечение головы по недвусмысленному приказу Ксеркса, указывал на то, что персы были доведены до крайности. Греки убили около двадцати тысяч персов, включая двух сводных братьев самого Ксеркса.

Расправа с трупом Леонида также символизировала коренное различие культур. После победы греков при Платеях в 479 г. иступленный эгинец по имени Лампон прибежал к главнокомандующему Павсанию и пытался убедить его:

Когда Леонид пал под Фермопилами, Мардоний и Ксеркс приказали обезглавить его и пригвоздить его голову к столбу. Если теперь ты отплатишь им тем же, то стяжаешь одобрение не только спартанцев, но и всей Греции. Пригвозди тело Мардония, и Леонид, брат отца твоего, будет отомщен.

Однако Павсаний отверг эту идею, и у Геродота он встает и произносит речь об основных ценностях не только спартанцев, но и всех греков:

А так поступать приличествует скорее варварам, чем эллинам, и за это-то мы их и порицаем. Такой ценой я вовсе не желаю купить одобрения эгинцев и тех, кому подобные предложения по душе. С меня довольно и похвал лакедемонян за то, что я поступаю и говорю справедливо и честно¹.

Из тех, кто героически сражался при Фермопилах, Диенек был признан храбрейшим из трехсот спартанцев, а Дифирамб — храбрейшим из феспийцев². Особого упоминания заслужили два брата-спартанца Марон и Алфей, и в знак уважения Геродот также упоминает имя их отца Орсифанта. Нам также следует помнить об их матери, к сожалению, безымянной, но, несомненно, бесконечно гордой.

¹ Геродот. 9.78—9. Столь же символичны культурные различия в истории о том, что, когда выжившие из 400 фиванцев захотели сдаться Ксерксу, на них поставили царское клеймо, как на простых рабах.

² Похоже, что феспийцы пожертвовали всеми своими гоплитами, сражаясь за «Греков», и потому представляется вполне справедливым и уместным воздвигнуть им отдельный мемориал в ущелье.

ФЕРМОПИЛЫ

В битве при Фермопилах приняла участие лишь незначительная часть сил, которыми потенциально располагала коалиция. До, во время и после битвы решающим был вклад спартанцев, и прежде всего, Леонида. Итогом сражения, по уместной формулировке Геродота, была рана (*tróma*) спартанцев, но она не оказалась смертельной ни для них, ни для греческого сопротивления. То время, которое Леонид держался и сдерживал наступление персов, позволило погоде и греческому флоту, по преимуществу афинскому, произвести опустошение среди персидского флота поддержки в Артемисии. Гибель Леонида и его спартанских товарищей действительно подняла боевой дух греков. Что касается победы или поражения верных греков при Фермопилах, то имело место и то, и другое¹.

8

ФЕРМОПИЛЫ. ЛЕГЕНДА I: АНТИЧНОСТЬ

Некоторые из нас весьма неравнодушны к роскошному шоколаду бельгийской фирмы Léonidas. Он поставляется с рельефным изображением украшенной шлемом головы древнегреческого воина в профиль — естественно, имеется в виду изображение нашего Леонида. Предположительно, это далекая дань почтения фрагменту мраморной статуи из музея Спарты, которой присвоили это название (к сожалению, ошибочное) и которая послужила моделью для современных мемориалов в Спарте и Фермопилах. В Лондоне, недалеко от станции Улица Ливерпуля, есть магазин кофе и пирожных, где предлагается бесплатный ломтик шоколада Léonidas в качестве приманки или подкупа, чтобы вы купили чашечку кофе. Древние спартанцы были печально известны своей склонностью к взяткам, однако они вряд ли бы соблазнились или купились на такой сибаритский неаскетический пустяк, как изы-

¹ Или, согласно прекрасному высказыванию Питера Грина, «в некотором смысле, окончательные победы при Саламине и Платеях стали возможны только благодаря этому великолепному и вдохновляющему поражению».

сканный шоколад. Правда, поначалу их мог бы больше привлечь шоколад английской марки от Терри из Йорка, который назывался «Спартанец», потому что он был твердым внутри. Однако они были бы шокированы тем, что на упаковке изображен не их собственный храм Артемиды Орфии или Афины Халкиэки в Спарте, а архаический храм Аполлона... в Коринфе. По крайней мере, колонны в нем были уместно дорическими.

Серьезным моментом является то, что торговые марки вроде «Леонида» или «Спартанца» представляют собой характерные современные версии спартанского мифа, легенды или «миража» (этот последний термин был введен в 1903 году французским ученым-классиком Франсуа Олье). Этот миф был и все еще остается важным элементом европейской и, следовательно, западной культурной традиции. Спартанский миф был выкован на наковальне Фермопил. И хотя его первые дошедшие до нас *письменные* проявления были работой греческих поклонников неспартанского происхождения, он был выведен на глобальную траекторию самими спартамцами.

Вероятно, самым ранним создателем мифа, приложившим стило к папирусу, был Критий, глава «хунты» афинских «Тридцати тиранов», как они стали называться к своему позору. Он был инициатором и движущей силой фанатично олигархического и проспартанского режима, пришедшего к власти после поражения афинской демократии в 404 году под эгидой всепобеждающего спартанского адмирала Лисандра. Как таковой, Критий был в конечном счете ответственным за введение режима террора, длившегося около года. Прежде чем прийти к власти подобным образом, он был коллегой или учеником Сократа и, следовательно, человеком явно высоких умственных способностей, как и его младший родственник — также ученик Сократа Платон. Опять же как и Платон, он был человеком значительных литературных амбиций, автором пьес и двух дидактических трудов о спартанской *politeia* (образе жизни), написанных в прозе и стихах.

С Крития начинается «спартанская традиция» в своей самой изощренной литературной форме, объемлющей на своем запутанном и нередко извилистом пути таких гигантов, как Платон, Аристотель, Плутарх, Монтень и Руссо. В последующем изложении мы будем касаться по преимуществу этой литературной разновидности спартанства, фокусируясь внутри него на Леониде и Фер-

мопилах. Однако мы будем забредать и в другие сферы, как изобразительные, так и словесные, а также в некоторые из их более популярных и более элитарных проявлений. Прежде всего, однако, нам следует обратить внимание на первичные источники спартанской мифологической традиции.

Спартанцы сами начали и усердно разрабатывали легенду о Фермопилах, особенно после сражения при Саламине. На вручение наград в Спарту они пригласили как Эврибиада, номинального командующего всеми силами греческой коалиции, так и Фемистокла, афинского гения, стоявшего за победой. Каждому был вручен первый приз — символический оливковый венок, точно такой же, каким награждали победителей Олимпийских игр. Но Фемистокл получил дополнительный материальный приз, колесницу, возможно, колесницу для скачек, подобную тем, на которых спартанцы отличались на Олимпийских и прочих общегреческих играх. Более того, по окончании церемонии и вручения наград Фемистокл удостоился официального государственного эскорта, чтобы доставить его в безопасности до границы и, весьма вероятно, выпроводить за пределы страны. Эскорт состоял из ровно трех сотен солдат, того же числа, что и элитная военная гвардия царя Спарты, а также того же магического числа, из которого состоял отряд в Фермопилах всего месяц или около того назад.

Павшие под Фермопилами спартанцы погибли за Грецию и свободу, равно как и за Спарту. Однако не все три сотни погибли в сиянии славы; сохранились также предания о двух, которым не удалось пасть под Фермопилами, они служили в качестве образца или, скорее, предупреждения для внешнего и внутреннего употребления. Во-первых, Пантит, чья единственная ошибка состояла в том, что во время последнего сражения при Фермопилах он находился в Фессалии с дипломатической миссией, и о котором рассказывали, что вследствие «бесчестия» по возвращении в Спарту он повесился. В греческом оригинале Геродот использовал форму имперфекта, это означало, что Пантит страдал от бесчестия, пока не положил ему конец, совершив иной вид самоубийства, нежели тот, что ему был первоначально указан декретом государства. Спарта представляла собой крайнюю форму культуры «чести и позора», поэтому его подтолкнуло к самоубийству не только свалившееся на него публичное бесчестие, но и внутреннее чувство стыда. Иными словами, я полагаю, что это был тот слу-

чай, который в наши дни популярно называют «чувством вины выжившего».

Еще более поучителен запутанный рассказ об Аристодаме, герое блестящей главы сравнительного исследования «*Тайна Мужества*» У. Ай. Миллера. Аристодам, на тот момент единственный выживший из трех сотен, не совершил самоубийства осенью 480 года. Предположительно, он каким-то образом пережил такой же публичный позор (*oneidos*), который свалился на Пантита, равно как и собственный стыд за то, что остался жив. Фактически случай Аристодама был сложнее, так как его мужество было под вопросом. Ибо так случилось, что еще один из тех трех сотен, Эврит, страдал, как и Аристодам, острым воспалением глаз, настолько сильным, что оба они были практически слепы и вряд ли были в состоянии должным образом исполнить свой воинский долг. Но в то время как Эврит был исполнен решимости буквально исполнить приказы, данные спартамцам, и мужественно пасть под Фермопилами и потому приказал своему денщику-илоту отвести его на схватку, Аристодам якобы поссорился с ним по этому вопросу, решив, что он значительно лучше послужит Греции и Спарте, погибнув в следующий раз. Из двух недоброжелательных рассказов такова наиболее благоприятная для Аристодама версия о том, как он выжил. По другой версии, которую Геродот отыскал в Спарте, Аристодама, как и Пантита, отослали из лагеря с каким-то поручением вместе с другим солдатом, и хотя они оба возвратились в Фермопилы вовремя, чтобы принять участие в сражении и умереть, только второй солдат сделал этот выбор, в то время как Аристодам сознательно медлил, чтобы спасти свою шкуру.

Эта крайняя враждебность в отношении Аристодама может объяснить, почему в его случае Геродот детально разъясняет, какую форму принимало выражение бесчестия (*atimîê*): ни один спартанец не дал бы ему огня, чтобы разжечь костер. Можно предположить, что так было не только в Спарте, но также в еще более острой форме во время тренировок в окрестных горах, а следует помнить, что зимы в Лакедемоне могли быть очень суровыми. Более того, Аристодам не мог принести должную жертву богам. И не только в этом ему было отказано его собратьями-спартамцами. Как говорят англичане, они его «послали в Ковентри» (т.е. бойкотировали). Фактически в систему воспитания спартанских мальчиков включалось обучение старшими искусству «лако-

ничности». Поэтому лишение общения, как бы его ни было мало, было на самом деле лишением очень многого.

Возможно, хуже всего, что в закрытом обществе, разработавшем собственный жаргон и терминологию для всех ситуаций и статусов, Аристодам был публично заклеен «трусом» (*tresas*). Иными словами, было официально признано, что он действовал как трус, какие бы он ни приводил доводы и объяснения своего отсутствия на поле боя в решающий момент и выживания, ему не верили и объяснений не принимали. Поскольку это было первым упоминанием данного технического термина в существующей литературе, высказывалось предположение, что Аристодам был первым трусом, спартанцем, породившим новую категорию не вполне «равных» (*homoioi*) спартанцев. Это объяснение не представляется мне правдоподобным, но тот факт, что он не был пионером в этой области, никоим образом не уменьшает его унижения.

Возможно, он стремился как-то заставить изменить мнение и смягчить позор и бесчестие или пытался это сделать, говоря всем, кто хотел слушать, что искупит свою вину, если представится возможность. Такая возможность представилась ему в Платейском сражении 479 года. Такова была воинская известность Аристодама, вероятно, неохотно признаваемая, что он опять был помещен среди *promachoi*, в переднем строю воинов, чьи мужество и мастерство в рукопашном бою считались испытанными самым суровым образом. Спартанские гоплиты были обучены наступать в унисон, размеренным шагом, под аккомпанемент *авлов* (*auloi*) — двойных тростевых духовых инструментов, которые Джон Мильтон назвал «нежными блок-флейтами». Щит перекрывал соседний щит. Таким образом, с точки зрения противника, строй гоплитов выглядел в точности, как движущаяся стена, аналог деревянных стен афинского флота. Однако незадолго до момента столкновения Аристодам еретически нарушил строй. Он взбесился. Вместо того чтобы оставаться в отведенной ему позиции (*taxis*), он как безумный бросился на противника, чтобы гарантировать свою смерть. Таким образом, он действительно совершил самоубийство, которое должен был совершить под Фермопилами, но сделал это индивидуально, не в соответствии с коллективным планом, и более того, сделал это по собственному произволу.

Геродот приводит статистику потерь обеих сторон при Платеях, а затем возвращается к обычному оценочному греческому стилю изложения. По его оценке, лучшими пехотинцами были тегейцы и афиняне, при том, что в целом в союзе таковыми были спартанцы, поскольку их победа досталась им самой дорогой ценой. Затем Геродот называет «человека дня» — Аристодама¹. Однако сами спартанцы пришли к совершенно иной посмертной оценке. По их мнению, самыми достойными упоминания (*onoma-stotatoi*) были Посейдоний (названный в честь самого важного из спартанских богов), Филокион («Любитель собак» — дань уважения известной породе спартанских охотничьих собак) и Амомфрет («Безукоризненная Добродетель»). Аристодам вообще не упоминался во время церемонии награждения.

Спартанцы были согласны, что Аристодам «совершил великие деяния» — то есть великолепно сражался; предположительно, он уложил несколько персов, прежде чем пасть. Однако он сделал это по ложной причине и ложным мотивам, в недолжное время и недолжным образом. Он сражался с расчетом на эффект и исключительно для того, чтобы погибнуть, смыв с себя пятно позора. Вместо того чтобы проявить железную самодисциплину, Аристодам действовал в припадке бессмысленного безумия; кроме того, он покинул свое место в строю и нарушил воинскую дисциплину — совершил самое ужасное преступление в глазах спартанцев. Иными словами, он совершил самоубийство недолжным образом. Геродот был настолько не согласен с этой оценкой спартанцев, что был склонен отнести ее за счет элементарной зависти. Это разногласие явилось четким указанием на расхождения между спартанскими взглядами на жизнь и смерть и представлениями прочих греков.

Как мы видели в главе 4, только спартанские солдаты, павшие на поле боя, имели право на надгробие с начертанным на нем именем, за которым следует короткая фраза «на войне». Вообще спартанцы были очень скупы на любые публичные письменные документы. Поэтому было знаком высшей чести, достигнутой те-

¹ По-гречески *aristos* означает «лучший»; термин для высшего достижения на поле брани — *aristeia*. Имя Аристодама означало «лучший из людей или для людей».

ФЕРМОПИЛЫ

ми тремя сотнями (в действительности 298-ю) ценой смерти под Фермопилами, что они были занесены в список павших в Спарте, который служил также официальным памятником войны. Геродот видел его и был горд сказать, что запомнил все их имена. Через семь столетий Павсаний Перигет, автор книг о путешествиях, тоже утверждал, что видел его. Спартанцы также несомненно играли ведущую роль в том, что убедили Дельфийскую Амфикионию поручить Симониду воспроизвести в самих Фермопилах одну из самых известных элегий всех времен:

*Поведай, о путник, спартанцам,
Что здесь покоимся мы, их законам покорны.*

Обычно спартанцев, умерших за границей, хоронили там же¹. Одно из так называемых *Кратких высказываний*, сохранных Плутархом, подтверждает эту идею. Некий гражданин Аргоса, злейшего из греческих врагов Спарты, гордо заявил спартанцу: «На территории нашего города множество спартанских могил», на что спартанец ответил: «Да, но в нашем городе нет ни одной вашей» — он имел в виду, что ни одному аргивянину никогда не удалось проникнуть на территорию Спарты².

Было одно исключение из правил захоронения спартанских воинов, павших на чужбине. В некоторых обстоятельствах тело спартанского царя, погибшего за границей, могли привезти на родину и устроить официальные похороны. Так было в случае Леонида. В другом месте Геродот в деталях передает необычную сущность и особенности царских похорон в Спарте, описывая исключительные prerogatives всех царей в мирное и военное время как в жизни, так и в смерти. По смерти царя объявлялось прекращение государственной деятельности на период одиннадцати дней

¹ Сегодня осведомленный приезжий в Афинах все еще может увидеть самый известный пример иностранного кладбища-мемориала. В 403 году или позже афиняне построили самое значительное кладбище в своем городе, Керамикос, впечатляющий мемориал спартанцам, павшим в боях в конце кошмарного правления Тридцати тиранов Крития. Это было одним из строгих условий, на которых спартанцы позволили Афинам вернуться к свободной демократии. Имена покойных были начертаны на могилах по-лаконски.

² Первое удавшееся вторжение имело место зимой 370/69 г.

официального траура. Женщины (предположительно свободные гражданки Спарты) обходили город, стуча в литавры, и по этому сигналу два члена каждого домовладения (*oikos*) должны были надевать траурные одежды под страхом значительного штрафа за уклонение. Известие о смерти и предстоящих похоронах разносилось также всадниками, разосланными по всей огромной территории Спарты, в Мессены так же, как и в Лаконию, чтобы уведомить все население, что все классы и сословия — перизки и илоты, равно как и спартанцы — должны лично присутствовать на похоронах в столице¹.

Но что, если царь погиб «на войне» за границей? Геродот задавал этот вопрос и получил ответ, что в этом случае должно быть изготовлено его подобие (*eidôlon*) и доставлено в Спарту на богато украшенном катафалке. Здесь содержится ясное указание на то, что реальное тело царя не подлежит доставке, а должно быть захоронено на месте, как тела прочих спартанцев. Как мы видели, в случае Леонида имелись все основания последовать этой практике, и, вероятно, его исключительный случай стал источником предполагаемого правила. Ибо, согласно греческим источникам, несмотря на героические усилия спартанцев, им не удалось предотвратить обезглавливание его тела по приказу Ксеркса и Мардония. К тому времени, как греки получили к нему доступ, предположительно после того, как орды персов удалились к югу от Фермопил, оно должно было подвергнуться дальнейшему разложению, вероятно, настолько, что его невозможно было узнать и наверняка невозможно было набальзамировать ни воском, ни медом (если допустить, что эти материалы вообще были под рукой в достаточном количестве)². Таким образом, в 480 году спартанцы просто не могли доставить тело Леонида в Спарту, даже если в идеале они и желали сделать это, чтобы воздать ему почести, «большие, нежели обычно воздаются смертному» — так Ксенофонт описывал погребальные почести Агесилаю, сводному брату Агиса II, умершему в 400 году.

¹ Геродот пишет, что эта особенность была одинакова в «Азии» и в Спарте, имея в виду, по-видимому, Персидскую империю.

² Набальзамированное тело Агесилая II, умершего в 360 году в Северной Африке в возрасте восьмидесяти четырех лет, было доставлено для захоронения в Спарту, хотя он и не погиб «на войне».

Через сорок лет ситуация была исправлена. То было время официального мира между двумя великими державами Греции — Спартой и Афинами, но также и временем значительной и растущей напряженности между ними. Напоминание о роли Спарты в Греко-персидских войнах было вполне уместным. Поэтому спартанский отряд был многозначительно послан к проходу Фермопил и, вероятно, к маленькой горке, отмеченной изваянием каменного льва, где, или около того места, погиб Леонид¹. Эти люди извлекли то, что, по их убеждению, было останками Леонида, и доставили назад в Спарту, где их перезахоронили с должной пышностью.

Фактически спартанские цари автоматически становились героями. После смерти им присваивали почетный статус героев-полубогов и воздавали религиозное поклонение, уместное для героев. Но Леонид был особый случай, и неудивительно, что в последующие века ему посвятили официальный праздник, названный «Леонидия». В Спарте, недалеко от акрополя, все еще можно видеть весьма фундаментальные остатки религиозного сооружения, известного как Леонидеон, служившего главным местом этого культа. Вполне предсказуемым образом этот культ ассоциировался также с посмертным культом другого спартанского вождя в тех войнах, регента Павсания, несмотря на превратности его последующей карьеры².

¹ По-гречески «лев» — *león*, весьма распространенное спартанское имя и первая часть имени Леонида. Позднейшая поэма, сохранившаяся в собрании под названием *Палатинская антология*, претендует на то, что рассказана этим знаменитым львом в Фермопилах.

² Регент Павсаний (регент при сыне Леонида Плистархе) был сделан из другого теста. Похоже, что нет более мягкого способа выразиться, чем сказать, что победа при Платеях вскружила ему голову. Поразительная праздничная поэзия Симонида, в которой упоминалось его имя, не способствовала уменьшению его гипертрофированного эго. Спартамцам пришлось напомнить ему в жестких тонах, что он не был единственным, кто нанес поражение персам, как утверждалось в надписи, добавленной по его указанию на основании мемориала победы греков в Дельфах, «Змеиной Колонне» — чаше, установленной на трех бронзовых спиралях, увенчанных змеиными головами (см. главу 5). В 478 году он каким-то образом добился своего официального назначения на какой-то командный пост в Византий — очевидную точку для продолжения или завершения активной антиперсидской военно-морской кампании. Но находясь на этом посту, он капитально разошелся с афинскими силами, и большинство союзников требовало его отзыва и замены. По всей веро-

Та же идея увековечения панэллинизма имела в виду при сооружении в центре города Спарты двух долговременных монументов, служивших также памятниками греко-персидских войнам: религиозного храма Эллениона («Места греков») и колоннады, известной под названием «Персидский портик», с примечательным архитектурным изображением пленных персов.

Однако Геродот был не согласен со спартанской пропагандой, а, напротив, поддерживал афинян. Вот что он утверждает по поводу спорного вопроса о том, какое из двух греческих государств — Спарта или Афины — внесли больший вклад в отражение персидской агрессии:

Поэтому я вынужден откровенно высказать мое мнение, которое, конечно, большинству придется не по душе. Однако я не хочу скрывать то, что признаю истиной. Если бы афиняне в страхе перед грозной опасностью покинули свой город или, даже не покидая его, сдались Ксерксу, то никто [из эллинов] не посмел бы оказать сопротивления персам на море. ... мне совершенно непонятно, какую пользу могли принести стены на Истме, если флот персов господствовал на море. Потому-то не погрешить против истины, назвав афинян спасителями Эллады. Ибо ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону склонятся афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они

ятности, его доминирующий спартанский стиль командования был не созвучен демократическим представлениям Афин о воинской службе. Однако формальное расхождение с ним было значительно серьезнее, фактически ничего серьезнее не могло и быть, а именно: Павсаний пытался договориться о какой-то частной сделке с Персией — с местным сатрапом либо с самим Ксерксом.

Лично я склонен считать это черной пропагандой, верным способом вынудить спартанцев отозвать Павсания, и этот способ сработал. Однако вскоре Павсаний вернулся в Византий как частное лицо, и теперь, возможно, он действительно начал переговоры с Верховным командованием Персии и, следуя примеру Демарата, даже подумывал, не стать ли ему сговорчивым инструментом Персии, возможно, даже сатрапом «Греции» (к югу от Македонии). Однако все это только спекуляции. Самым важным следствием карьеры Павсания был переход лидерства в руководстве антиперсидской кампании 478/477 г. от Спарты к Афинам и образование Афинского союза, скоро превратившегося в Афинскую империю.

ФЕРМОПИЛЫ

*вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам, поскольку те еще не перешли на сторону мидян, и с помощью богов обратили царя в бегство*¹.

Это было написано со всем должным деликатным вниманием к той чувствительности, которая сопровождала данную тему во время написания работы (в 40-х и 30-х гг. V в.) в неменьшей степени, чем в начале 70-х гг. Этим объясняется его извиняющаяся фраза «мнение, которое, конечно, большинству придется не по душе»: это было закодированной ссылкой на тот факт, что в 40-х и 30-х гг. V в. афиняне использовали свою предположительно решающую роль освободителей в Греко-персидских войнах как аргумент в пользу сохранения антиперсидской морской империи, что большинство греков, которых это касалось, считало разновидностью тирании².

¹ Глава 8. Геродот, 7.139.

² Я же, с другой стороны, вынужден возразить, и притом решительно, на это утверждение Геродота. Действительно, Саламинское сражение закончилось потрясающей победой на море, одной из величайших побед всех времен. Ученые будут вечно спорить, почему Ксеркс решил, что может позволить себе отказаться от численного и тактического преимущества и сражаться в узких проливах, окружавших островок Саламин, чем подверг себя чему-то вроде Фермопил на море, на сей раз добровольно избранному, а не естественному и неизбежному неудобству. Однако бесспорны стратегический гений и прочие командирские качества Фемистокла, а также мужество и вера афинян в то, что они временно покинули свой полис в надежде вернуться в него на другой, более благоприятный день.

Саламин был крайне важен также в культурном и политическом отношении. Трагедия Эсхила «Персы» сосредоточена на событиях в Саламине и на Фемистокле (не названном по имени). Саламин подтвердил статус афинской демократии как наиболее эффективной для себя боевой организации, а также значительно укрепившееся положение в ней массы беднейших афинян, которые служили гребцами на победоносных триремах. Победа при Саламине также была более или менее непосредственной причиной создания Афинами первоначально антиперсидской морской империи, ставшей впоследствии основным поводом к разразившейся в 431—404 гг. великой Пелопоннесской войне между Афинами и Спартой и их союзниками. По иронии судьбы, одним из этих союзников Спарты, сыгравшим в конце концов не последнюю роль в ее победе, была Персия.

И тем не менее непосредственно в военном отношении ценность победы при Саламине была двусмысленной. Если бы победил Ксеркс, персы были бы вольны подвергнуть Пелопоннес нападению флота, и хотя вовсе не факт, что они неизбежно победили бы в целом — на море и на суше, их задача стала бы

Сами афиняне — официальные представители афинской демократии, а не отдельные нетипичные проспартанцы вроде Крития — естественно, всей душой согласились с Геродотом и открыто выражали свои взгляды при малейшей возможности. Во-первых, есть свидетельство ежегодной афинской публичной Похоронной речи (в честь павших в текущем году на войне). Похоже, что традиция выбора известного гражданина для произнесения такой речи появилась в 60-х годах V в. В нашем распоряжении имеется лишь несколько сохранившихся в разной форме речей, и не все они реальные, письменно зафиксированные речи. Но в двух аутентичных текстах, сочиненных составителем речей Лисием и политиком Гиперидом, упоминаются Фермопилы, и притом в интригующе различной форме, отражающей время и обстоятельства их написания и прочтения.

Речь Лисия написана около 400 г., всего через несколько лет после поражения Афин в Пелопоннесской войне, установления тирании (Тридцати) и восстановления демократии в Афинах, все руками и по приказу Спарты:

Поскольку Греция была озабочена вторжением [Ксеркса], афиняне поднялись на корабли и пришли на помощь в Артемисии. Спартанцы и некоторые из союзников [по коалиции] встретили персов у Фермопил. Они полагали, что смогут предотвратить продвижение персов благодаря ограниченности пространства. Оба сражения произошли одновременно. Однако в то время как афи-

значительно более легко достижимой. С другой стороны, победа при Саламине вовсе не означала неизбежной победы греческой коалиции сопротивления в Греко-персидских войнах в целом. С этой точки зрения решающим было не Саламинское сражение, а битва при Платеях. «Именно под Платеями, а не в Саламине была потеряна новая сатрапия», как решительно высказался Джордж Кокуэлл. После Саламина Ксеркс мог удалиться в Азию, но Великому царю не обязательно было лично возглавлять все значительные сражения, и он оставил достаточно сил, чтобы завершить дело как на море, так и на суше, под командованием более чем компетентного Мардония. Однако летом 479 года Мардоний потерпел сокрушительное поражение в сражении при Платеях в южной Беотии (центральная Греция) от самой большой пешей армии, которую до тех пор удавалось собрать грекам (всего около сорока тысяч человек). Геродот — даже Геродот, чьи взгляды на критическое значение Саламинского сражения мы только что изложили — был вынужден признать, что Платеи были, в сущности, победой спартанцев.

няне одержали победу на море, спартанцы были разбиты. Им было не занимать мужества, но они не рассчитали численность потребного охранения и атаковавших. Однако они не протерпели поражения от руки противника, так как погибли там, где были размещены для сражения.

Чувствуется уважение Лисия к спартанцам, хотя ему, возможно, доставило удовольствие написать: «Спартанцы были разбиты»¹.

С другой стороны, Гиперид писал в разгар повстанческой войны и сопротивления не варварскому персидскому владыке, а грекам-македонцам, чья гегемония над Грецией была установлена в 338 году Филиппом II и подтверждена его сыном Александром Великим (правившим с 336 по 323 г.). Спарта, хотя и была врагом Македонии, не принимала участия в общегреческом сопротивлении под руководством Афин в конце 20-х гг. IV в. — отчасти потому, что Афины еще раньше приняли решение не поддерживать спартанцев, когда в 331 г. их царь Агис II поднял катастрофически неудачное восстание против Антипатра, регента Александра. Поэтому Гиперид с пеной у рта восхваляет спартанцев, но, скорее, косвенно критикует их: в то время как варвары (персы) прошли маршем через Фермопильское ущелье, когда его занимали спартанцы, афинский генерал Леосфен (истинный герой дня), заняв Фермопилы, «не пустил Антипатра в Грецию и фактически запер его в фессалийской Ламии недалеко к северу от Фермопил»².

Сам Александр Великий внес немалый вклад в легенду о Фермопилах, хотя этот вклад редко признавался таковым. После первой из трех главных детально спланированных побед над силами Великого царя Персии Дария III, сражения на реке Граник в 334 году, он приказал отправить ровно три сотни комплектов де-

¹ Лисий был не гражданином Афин, а постоянным жителем-иностранцем сиракузского происхождения, так что его речь, если и была зачитана, то не им. Его семья имела личные связи с Периклом, и он был очень обеспеченным человеком благодаря доходам от производства шитов, которые изготавлили рабы.

² Эта война была названа в честь Ламии, но Гиперид обходит тот неудобный факт, что Антипатр вырвался оттуда и в 321 году нанес сокрушительное поражение повстанцам.

коративного трофейного оружия в Афины в качестве трофеев. Как всегда пунктуальный в делах религии, он намеревался посвятить их Афине в Афинском акрополе, сопроводив следующим дипломатичным посвящением: «Александр, сын Филиппа, и греки — кроме лакедемонян — [установили эти трофеи, взятые] у варваров, обитающих в Азии». Александр не называет себя царем, поскольку афиняне никоим образом не были его восторженными подданными, и он подчеркнул, что это было почти, но все же не общеэллинским подношением. Панэллинизм был требованием этикета, поскольку вся экспедиция якобы была мотивирована необходимостью и стремлением отомстить за святотатство, 150 лет тому назад причиненное Ксерксом грекам, и особенно афинянам¹. Но почему же Александр счел нужным подчеркнуть «кроме спартанцев»?

Потому что в 334 году спартанцы были заметны только своим отсутствием во время этой, предположительно общеэллинской, кампании. Фактически для них именно Александр, а вовсе не Дарий, был в то время основным врагом, они даже поддерживали сопротивление персов Александру за его спиной. Насколько иной была ситуация в 480 и 479 годах, когда спартанцы были признанными защитниками «Греков» в борьбе против персидских захватчиков, и как теперь они низко пали. Отсюда выбор Александра пожертвовать Афинскому акрополю ровно три сотни комплектов трофейного оружия. Вот и покончено с некогда великими тремя сотнями в Фермопилах — *sic transit gloria laconica* (так проходит слава спартанцев — *лат.*). Из этих трех сотен комплектов четырнадцать были выставлены как трофеи вдоль восточного (фронтального) фасада Парфенона, самого внушительного строения Акрополя. Сохранившиеся отверстия для гвоздей служат наглядным свидетельством этой демонстрации увядшей славы Спарты.

В этих культурных войнах спартанцы наносили ответные удары. В Эллинистический период (323—330 до Р.Х.) после Александра был выстроен Леонидеон и введен праздник Леонидия, еще одно дополнение к их и без того переполненному религиозному календарю. В 146 г. до Р.Х. Грецию к югу от Македонии покорил

¹ Ксеркс и персы дважды разграбили Афинский акрополь: в 480-м и затем в 479 году.

новый средиземноморский имперский блок, — могущественная Римская держава. И опять, по выражению римского поэта Горация, греки ответили культурным ударом:

*Graecia capta ferum victorem cepit,
et artes intulit agresti Latio...*¹

*Плененная Греция пленила свирепого завоевателя
И привила искусства деревенскому Лациуму...*

В своем большом философском исследовании *Tusculan disputations* Цицерон перевел элегию Симонида более чем сносным латинским элегическим куплетом:

*Dic, hospes, Spartae nos te hic vidisse iacentes,
Dum sanctis patriae legibus obsequimur.*

*Поведай, о путник, спартамцам,
Что здесь покоимся мы, их законам покорны.*

«*Patria*» — «родина» — помещена Цицероном в центральную позицию в строке пентаметра и безошибочно приводит на память в равной степени известную строку Горация «*dulce et decorum est pro patria mori*»² (красна и сладка смерть за отечество), на протяжении последующих поколений вдохновлявшую поэтов и прочих творческих личностей, теперь включая и кинорежиссеров. Например, в рамках немецкой традиции Цицерон вдохновлял Фридриха Шиллера в его «*Spaziergang*» («Прогулке»)»,³ а она, в свою очередь, вдохновила Генриха Белля на написание рассказа о Второй мировой войне «*Wanderer, kommst du nach Spa...?*» «Путник, идешь ли ты в Спа...?») (1950), набранного шрифтом для элитных классических немецких средних школ, называемых *гимназиями*, в которых в качестве регулярных предметов преподавались древние языки и история Спарты.

Древние греки любили воображать, что Рим был первоначально основан греками, так как греческое слово *rhôtê* означало «сила». Были даже разговоры о биологическом родстве между римлянами и спартамцами, хотя на самом деле это было примером хитрого

¹ *Tusculan disputationis*. 1.01.

² Оды. 2.3.13.

³ Строки 97—98, глава 9.

использования предполагаемого родства в своих интересах, что, во-первых, облегчило римлянам путь к имперской власти и, во-вторых, подсластило для их гордых греческих подданных пилюлю господства. По крайней мере, в конце правления Траяна (98—117 от Р.Х.) в Спарте было возобновлено празднование Леонидий, возможно, в качестве кампании, развязанной в то время Траяном против парфян, иранского народа, связанного родством (действительным) с древними персами, против которых сражался Леонид.

Возобновление было финансировано местным благодетелем по имени Г. Юлий Агесилай. Последнее из трех его имен — чисто спартанское греческое, и действительно царское. Но первые два — Гай Юлий — выдают тот факт, что его прямой предок по мужской линии получил римское гражданство от некоего Г. Юлия Октавиана Цезаря, более широко известного под именем Октавиана или Цезаря Августа, основателя Римской империи. Спартанцы предпочли принять сторону Октавиана (как его тогда еще называли), победителя в грандиозной гражданской войне, столкнувшей его, внучатого племянника Юлия Цезаря, назначенного его преемником, с бывшим заместителем Цезаря Марком Антонием. Одной из основных причин их выбора, нетипичного в греческом мире, было то, что соседние жители Мессении, потомки илотов, освобожденных Фивами в 370—369 году до Р.Х., приняли сторону Антония, а «враг моего врага — мой друг». Спарта получила значительный выигрыш от этого решения, коллективный в виде разнообразных материальных пожертвований, а также индивидуальный в виде предоставления римского гражданства выдающимся спартанцам.

В римский период празднование Леонидий сопровождалось торговой ярмаркой. Спартанцы сознательно стремились привлечь странствующих купцов, освобождая их от обычных местных торговых и экспортно-импортных налогов. Имеются даже упоминания о функционировании контролируемого государством биржевого банка, о чем спартанцы времен Леонида даже не могли помыслить, не говоря уж о том, чтобы терпеть или поощрять. Такая открытость по отношению к иностранцам находилась в вопиющем противоречии с ксенофобией их классических предков. Геродот сообщает, что в его время спартанцы не делали различия между греками, не являвшимися спартанцами, и вообще негреками, называя всех подряд *xenoi*, в то время как прочие греки обычно отличали *xenoi*, чужаков, которые могли быть или не быть греками, от *barbaroi*, чужестранцев, не являвшихся греками по определе-

нию, а потому представлявших собой «низших», варваров. В пятом веке существовало широко распространенное убеждение, что спартанцы даже регулярно изгоняли *xenoi* как по культурным, так и по политическим мотивам.

Это, однако, маловероятно. В то время как некоторых *xenoi* могли изгнать по конкретным поводам (например, Аристагора из Милета), визиты прочих греков-«чужаков» даже приветствовались, особенно во время ежегодных Гимнопений. Этими привилегированными *xenoi* были те, у кого имелись наследственные дружеские связи с отдельными спартанцами, и (или) очень симпатизировавшие специфическому спартанскому образу жизни и политическим взглядам. Если эти взгляды вам не нравились, вы могли возразить, что образ жизни спартанцев плохо или вовсе не сочетался с образом жизни прочих греков. Но если, напротив, и то, и другое действительно очень привлекало вас, тогда, подобно Ксенофону Афинскому, вы могли послать своих сыновей в Спарту для обучения под бдительным оком ваших спартанских *xenoi*. В случае Ксенофонта им был царь Агесилай II, который с большой долей вероятности был предком нашего Юлия Агесилая второго века от Р.Х.

В середине II в. от Р.Х. Павсаний Перигет прошел через всю Спарту, собирая материал для своей религиозно окрашенной книги с описаниями путешествий по центральной и южной континентальной Греции. Он был греком из Малой Азии и, по необходимости, также и подданным Рима и страдал хронической ностальгией именно по эпохе Греко-персидских войн. Таким образом, он был счастлив, когда узнал, что в его время спартанцы активно культивировали архитектурное наследие своего города как место поклонения памяти великим свершениям своих сограждан шестисотлетней давности. Памятник Леониду нашел привилегированное место на пути его следования. Как и гробница, считавшаяся принадлежащей Эврибиаду, спартанскому адмиралу в 480 году, и, что еще важнее для нас, мемориалы павшим за Фермопилы и регенту Павсанию, а также так называемый Персидский портик на том месте, что служило в Спарте агорой, т.е. местом встреч.

Павсаний принадлежал к общегреческому движению реставрации, называемому для краткости Второй Софистикой¹. Для по-

¹ Второму после сосредоточенного в Афинах направлению второй половины V и VI вв. до Р.Х., сделавшего Афины, по выражению Платона, «городским советом мудрости».

добного рода интеллектуалов привлекательность Леонида заключалась в том, что он был очевидным блистательным героем великого (к сожалению, далекого) прошлого греков, на которого современные риторы и софисты могли излить свои ностальгические восторги. И действительно, их нередко преувеличенные панегирики были столь регулярны и обильны, что заслужили сатирическую отповедь со стороны блестящего остроумца Лукиана¹.

С другой стороны, Плутарх (около 46—120 гг.) и не думал писать сатиры на Леонида. Помимо чисто риторической продукции своей юности (включавшей панегирики Александру Великому) и множества философских эссе зрелого возраста, основной вклад Плутарха в греческую литературу и культуру представлял собой ряд параллельных биографий великих греков и римлян более или менее отдаленного прошлого. Одна из них — *Жизнь Леонида*, одно из немногих его *Жизнеописаний*, к сожалению, не сохранившихся до наших дней. В нашем распоряжении только приписываемые Леониду апофтегмы из собрания *Изречений царей и полководцев*, а также цитируемые Плутархом в сохранившихся *Жизнеописаниях*.

Например, в своем жизнеописании спартанского царя-реформатора, если не революционера, Клеомена III (годы правления 235—222 до Р.Х.) Плутарх пишет:

Рассказывают, что, когда Леонида в древние времена попросили дать оценку Тиртея как поэта, он отвечал: «Прекрасный поэт, зажигающий сердца молодежи», на том основании, что его стихи наполняли молодых людей таким энтузиазмом, что в бою они переставали беспокоиться о своей жизни.

Это классическое проявление изобретения традиции в действии. Этой цитатой из работы первой половины второго века от Р.Х., представляющей собой изречение, приписываемое знаменитому царю Спарты начала пятого века до Р.Х., читатель в своем воображении по желанию Плутарха переносится назад к жизни, делам и временам «национального» спартанского поэта седьмого века². Плутарх намерен внушить мысль об очень высоком уровне

¹ Другого блестящего украшения Второй Софистики, не грека, а сирийца из Самосаты (современного Самсата в Турции), и потому способного с легкой легкостью сохранять слегка ироничную дистанцию.

² В Спарте стихи Тиртея официально заучивали наизусть и распевали во время военных действий по крайней мере до начала эпохи эллинизма в третьем в веке до Р.Х.

культурной преемственности на протяжении более восьми столетий, в то время как в действительности он и Павсаний Перигет, несомненно, должны были признаваться самим себе в моменты спокойного размышления — мир необратимо изменился, и притом, как оба они считали, ни в коем случае не в лучшую сторону.

В следующем, третьем столетии христианский апологет Ориген (около 185—253 года) без колебаний ссылаясь на языческий прецедент в своей словесной войне с язычником Цельсом. Ориген даже был готов допустить, что центральную мистерию страстей и смерти Христа вполне можно проиллюстрировать сравнением с добровольной и неизбежной смертью Леонида. Столетием позже борьба между язычеством и христианством — не говоря уже о разных версиях христианства — достигла остроты не просто взаимных устных обвинений, а взаимного истребления. Среди этой свары, но в надежде, что он находится над ней, Синесий из Кирены гордо заявлял о своей спартанской генеалогии. (Кирена была основана в Северной Африке, современной Ливии, в конце седьмого века до Р.Х.; ее основатели пришли из Феры, ныне Санторина (венецианское название), одного из островов Киклад, и по некоторым сведениям, первооснователями города Феры были беженцы из Спарты, чьим внучатым потомком была Кирена.)

Более конкретно, Синесий хвастал своим происхождением от Эврисфена, одного из близнецов — основателей царственных семей Агиадов и Эврипontiдов (Леонид был из Агиадов). Синесий отказался от своих языческих корней и стал христианским епископом, и его начитанность вряд ли представляла собой наследственную спартанскую черту. С другой стороны, его страстная преданность охоте, пока он не стал христианином, вряд ли бы шокировала его предполагаемых спартанских предков как странное увлечение. Отсутствие в связи с отъездом на охоту было одной из немногих уважительных причин неявки спартанца времен Леонида на обязательную вечернюю общую трапезу.

В римские времена подобные претензии на родственные связи как целых общин, так и отдельных личностей, были обычным явлением. Однако они засвидетельствованы уже в V в. до Р.Х. в чисто греческом контексте и стали столь обычным явлением в Эллинистическую эпоху, что их могли предъявлять народ или народы, не имеющие ни единой капли греческой крови в своих жилах, — вероятно, с расчетом на достижение признания и принятие. Так

что в начале третьего века до Р.Х. даже тогдашний Первосвященник Иерусалима мог утверждать, что обладает смешанным происхождением от евреев и спартанцев через Авраама и Моисея, и спартанский царь Арей прореагировал на это позитивно — или так утверждает еврейский текст Маккавеев. Так евреи стремились обеспечить себе символическое место в эллинистическом миропорядке и в более практическом смысле обрести возможных иностранных союзников в борьбе с поползновениями агрессивных местных монархов посталександровских Селевкидов.

Что касается Синесия, то он был озабочен непосредственно тем, чтобы обрести силы в чрезмерно оптимистичном и эгоистичном сравнении своей борьбы с разорявшими Киренаику кочевниками с гораздо более значительной защитой Леонидом Греции от персидских захватчиков.

9

ФЕРМОПИЛЫ. ЛЕГЕНДА II: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

С одною сотой прежних сил
Вернем мы славу Фермопил!

Лорд Байрон, Дон Жуан

Старше нас на многие столетия, он не нуждается в защите, подобно воздуху, огню, земле, воде. Даже в наши скудные времена. Заброшенный, он уйдет под землю или в межзвездное пространство. Пока его не позовут с небес. Как грека, который стриг меня на прошлой неделе. Откуда он? «Спар-та», — он ответил. «Так вы спартанец!» — воскликнул я. «Ну что вы, спартанцев больше нет».

Эндрю МакНили «В защиту поэзии»

Литературное приложение Times, 16 августа 2001 г.

Как теперь известно, по преимуществу итальянский Ренессанс четырнадцатого-шестнадцатого веков являл собой движение «назад к будущему» в области культурного восприятия и политического действия. Повторное открытие мудрости, истины и красоты луч-

ших из древних греков и римлян стимулировало прогресс и уход от того, что позже получило порочащее название (темного) Средневековья. Ренессанс был скорее западным, чем восточным явлением, больше римским, нежели эллинистическим по своей идее и сфере приложения. Однако из этого правила было одно примечательное исключение — Чириако ди Пицциколли, купец, лучше известный по городу, в котором родился, как Кириак из Анконы. Вероятно, Кириак сделал больше, чем кто-либо другой, для сближения Запада и Востока, перенеся Восток на Запад. Ему мы обязаны записками путешественника 1447 года, превосходящими даже иеремеииду Павсания Перигета второго века о жалком настоящем и о поисках лучшего, но утраченного времени. В отличие от Павсания, Кириак прибыл в Спарту через Мистру (неподалеку к западу). Мистра, основанная франками в середине тринадцатого века, была главным городом Морейского деспотата (на Пелопоннесе), подчиненным аванпостом Византийского мира, которому вскоре предстояло покориться османским туркам под предводительством султана Мехмеда II Завоевателя. При его приближении Кириак оплакивал отсутствие спартанских воинов доброго старого времени, и среди них, разумеется, Леонида.

Примерно во время визита Кириака в Спарту родился один из величайших художников итальянского Возрождения Пьетро Вануччи, известный под именем Перуджино (ок. 1450—1523), больше прославленный сегодня как учитель Рафаэля. Его композиция *Fortezza e Temperanza* («Сила и Умеренность») в Nobile Collegio del Cambio г. Перуджи включает подборку «*uomini forti*» («смелые люди»), однако это звучит лучше по-латыни — *virī fortes*). Рядом с Горацием Коклом, великим защитником Древнего Рима, стоит другой великий защитник, обозначенный как «*Leonida Lacedemonio*» («Леонид Спартанец»). Горацио (как он лучше известен поколениям английских школьников, воспитанных на книге Макколея «Баллады древнего Рима») смотрит вверх и влево, как и фигуры людей по обеим сторонам от них. Но что удивительно: Леонид нарушает систему и смотрит вниз; точнее, смотрит немного печально на необычно длинный меч, эфес которого он сжимает правой рукой. Помимо его совершенно не спартанской длины, бросается в глаза то, что меч сильно изогнут. Видимо, зритель должен понимать это как намек на героический конец Леонида.

Условно считается, что ранний этап «нового времени» в Евро-

пе занимает период с 1500 по 1800 год. Во второй половине шестнадцатого века наблюдались интересные дискуссии о спартанской античности на другом конце Европы, в Шотландии. В 1579 году историк-гуманист Джордж Бьюканан восхвалял Леонида заодно с Агесилаем II и некоторыми другими за то, что он был истинным царем, в то время как, по его мнению, современные ему монархи слишком погрязли в роскоши. Однако в 1581 году Алджернон Блэквуд занял другую, конституционалистскую позицию в противоположность моралистической. Он считал, что в Спарте цари пользовались просто названием и пустым титулом царя, а не истинной сущностью царской власти. В некотором смысле, он был прав: безусловно, маловероятно, что разделенная власть могла иметь тот же смысл и значение, что и единая монархия. Тем не менее тщательное исследование показывает, что спартанцы, обладавшие в свое время самой значительной властью и авторитетом, были царями: Клеомен I, Леонид, Агесилай II, Клеомен III. Единственным очевидным исключением был Лисандр, но после короткого пароксизма чрезмерной личной власти он тоже был приведен к более спартанскому статусу, сначала царем Павсанием, а затем царем Агесилаем II.

Почти одновременно с этими дискуссиями в Шотландии писал свои «Опыты» во Франции удивительный и плодovitый Монтень (Мишель Эйкем де Монтень). Одно из лучших эссе носит привлекающее внимание название «О каннибалах» (1580), но его содержание выходит далеко за пределы декларированной предметной области. Например, трудно было ожидать найти в нем такое примечательно острое и точное наблюдение:

Бывают поражения, слава которых вызывает зависть у победителей. Четыре победы, эти четыре сестры, прекраснейшие из всех, какие когда-либо видело солнце, — при Саламине, Платеях, при Микале и в Сицилии¹, — не осмелились противопоставить всю свою славу, вместе взятую, славе поражения царя Леонида и его воинов в Фермопильском ущелье².

¹ Ссылка на Битву при Химере, победу сицилийских греков над вторгшимися карфагенянами, согласно преданию случившуюся в тот же самый день, что Саламинское сражение.

² Перевод Т. Гнедич.

Почти через столетие Фенелон, соотечественник и коллегалитератор Монтеня, использовал образ Леонида в одном из своих *Dialogues des Morts* («Диалогах мертвых»); это был единственный спартанец, которого использовали подобным образом. Сама идея и название позаимствованы у Лукиана, инсценировавшего воображаемые диалоги, как исторически возможные и внутренне вероятные, так и такие, которые не отвечали ни тому, ни другому требованию. Но идея диалога между царем Спарты и Великим царем Ксерксом восходит в конечном счете к Геродоту (хотя, строго говоря, Демарат к тому времени уже был бывшим царем). Подобно Бьюканану, Фенелон представил Леонида настоящим царем в отличие от простого деспота Ксеркса и нарисовал его в чисто спартанских тонах:

Я использовал свою власть царя при условии, что жил трудной, трезвой и активной жизнью, точно такой же, которой жил мой народ. Я был царем, только чтобы защищать свою родину и обеспечивать законность. Мое царское достоинство давало мне власть творить добро и не давало мне права творить зло¹.

В глазах Фенелона Ксеркс был просто «слишком могущественным и слишком везучим», иначе он был бы «вполне уважаемым человеком». В следующем столетии Гендель, сочиняя комическую оперу «Ксеркс», был куда менее великодушен, поскольку разделял общие антидеспотические тенденции эпохи Просвещения XVIII века.

В разных европейских странах и в Америке это Просвещение принимало разные формы и оттенки, в нем не было согласия по основным моральным и интеллектуальным проблемам. Например, существовал глубокий раскол в отношении к древним между сторонниками прогресса и традиционалистами. Это привело к выбору — не между Афинами и Иерусалимом, а между Афинами и Спартой. За Спарту выступали швейцарцы и французы Руссо, Шарль Роллен, Гельвеций, аббат Мабли, шотландский социальный теоретик Адам Фергюсон и англичанин Ричард Гловер в своей очень длинной эпической поэме «Леонид» 1737 года. Явно в пику древнему мифу о том, что Горго вдохновила Лео-

¹ Из Диалога XL. Перевод А. Рубакина.

нида на его подсказанную патриотизмом встречу с судьбой, Гловер заставляет Горго критиковать его за то, что он поставил смерть за свою страну выше жизни с ней! У Гловера Леонид пытается поставить критику с ног на голову, утверждая, что умереть за свою страну — это умереть за семью, то есть за свободу всей семьи. Эти панегиристы представляли Спарту как политический и особенно моральный образец для подражания, государство, могущество которого покоилось на его добродетели — дисциплинированной, гармоничной и покорной. Эта проспартанская позиция не была уделом исключительно интеллектуальной элиты. В 1793 году граждане-отступники французского городка Сан-Марселлен, оставив христианскую веру, переименовали свой город в Фермопилы.

Другой аспект общественной добродетели Леонида был представлен в опере Генделя 1738 года «Ксеркс». Это выбранная за ее *mise-en-scene* [сценичность] версия отталкивающего внутреннего заговора Ксеркса, о котором рассказывается в заключение последней книги Геродота. Вкратце, Ксеркс не останавливается ни перед чем, чтобы заполучить возлюбленную своего брата. Странная побочная сюжетная линия рисует Ксеркса безнадежно влюбленным в платан — вероятно, далекая реминисценция насмешки древних греков над искусственным золотым платаном Великого царя, что символизировало для них крайнюю степень извращенной роскоши персидской монархии¹.

Отнюдь не все интеллектуалы XVIII века были согласны с панегириками Спарте. Например, француз Вольтер и шотландцы Дэвид Хьюм и Адам Смит были ее особенно враждебными критиками — неудивительно, что у Вольтера не было времени на город, открыто презиравший как книжную ученость, так и роскошь. Но, вероятно, самым враждебным был протодемократ Корнелиус де По в своей работе *Recherches philosophiques sur les grecs* («Философские исследования греков»), увидевшей свет за год до Французской

¹ Это платановое дерево Ксеркса не следует путать с восточным платаном в Колледже Иисуса в Кембридже, растущим от семечка, привезенного из Фермопил Эдвардом Дэниэлом. В 2002 году это дерево достигло двухсотлетнего возраста, что было должным образом воспето в стихотворении, написанном на греческом и на латыни членом совета Колледжа и официальным оратором Кембриджского университета Энтони Боуэном.

революции. Даже Леонид не смог избежать сурового осуждения По: он, трус, укрывшись за стеной...

Как и Французская, Американская революция отчасти вдохновлялась концепциями классической античности отцов-основателей, хотя, как и Возрождение, в гораздо большей степени римскими, чем эллинистическими (отсюда «Капитолий» в Вашингтоне, а не «акрополь», а также «сенат», а не «ареопаг» и не «герусия»). Однако в Северной Америке находятся буквально сотни Афин и Спарт¹.

В отношении массового распространения идей XVIII век еще был миром сказанного слова и зрительных образов, а не написанного слова — отсюда важность знаменитой работы 1771 года Луи-Жана-Франсуа Лагрене Старшего «Спартак с сыном», находящаяся в настоящее время в Сторхеде в Уилшире. Она была написана в качестве иллюстрации верности спартанской матери государству и предпочтению общины перед семьей. Однако значительно более известно в строгом смысле слова историческое полотно (начатое в 1800-м и завершенное в 1814 году), изображающее Фермопилы и, не в последнюю очередь, доблесть самого Леонида. Вот собственное видение Жаком-Луи Давидом своего шедевра (как значится в примечании к выставке картины в его студии):

Леонид, царь Спарты, восседает на камне в окружении трех сотен своих героев, размышляя несколько взволнованно о близкой и неизбежной гибели своих друзей. У ног Леонида в тени — брат его жены Агис, он снял венок из цветов, который надевал во время жертвоприношения, и собирается надеть свой шлем; он смотрит на царя и ждет приказа. Рядом с ним два молодых человека по сигналу трубы спешат взять свое оружие, висящее на ветвях

¹ Кроме уже упоминавшейся Спарты в Висконсине, можно отметить Спарту в Теннесси, изображенную в американском памятном фильме о расовой ненависти южан *In the Heat of the Night* с Сиднеем Пуатье в главной роли. Однако название *Thermopolis* в Вайоминге не следует толковать иначе, как чисто топографически — подобно греческим Фермопилам, эта местность ода-рена горячими минеральными источниками (самыми крупными в мире), и его основатели вряд ли, подобно генералу Кастеру, рассматривали себя последним оплотом добродетели (в местечке Литтл Бигхорн в Монтане 25 июня 1876 года ген. Кастер погиб со своим отрядом в бою с индейцами).

деревьев. В отдалении один из офицеров приверженец культа Геракла, оружие и экипировку которого он носит, собирает своих солдат в боевой порядок. За ним верховный жрец взывает к Гераклу о даровании им победы. Он указывает рукой на небо. На заднем плане маршируют войска.

Давид не упоминает о войне слева, который, похоже, высекает надпись на скале лезвием своего меча. С другой стороны, он, по слухам, сказал Е. Делеклюзу, своему бывшему ученику и составителю работы *«Давид, его школа и эпоха»*, что этой картиной он хотел «представить глубокое, великое религиозное чувство, вдохновленное любовью к своей стране». К этому неоспоримому мотиву безусловно следует добавить, если и не сознательный мотив, то, по крайней мере, как следствие, сильный гомоэротический (не просто гомосоциальный) заряд, который передает это полотно. У самого Давида были сильные гомосексуальные наклонности, и он, несомненно, не мог не осознавать этого ключевого аспекта социальной жизни древних спартанцев.

Тем не менее основной покровитель Давида, к тому времени император Наполеон Бонапарт, был сначала искренне изумлен, почему его официальному придворному художнику потребовалось столько времени и сил, чтобы изобразить группу неудачников древности. Однако впоследствии он, к счастью, изменил свое мнение и настрой и якобы ответил выразительным *oui* (да. — *фр.*) на риторический вопрос гордого художника: «Полагаю, вы знаете, что никто, кроме Давида, не мог написать Леонида?»

Грекофилами начала XVIII столетия двигала любовь к чужой стране, а именно, к Греции, а не к своей собственной, и они не могли упустить такой дар, как легенда о Фермопилах и Леониде. Среди новых пьес на греческие и римские темы, поставленных в 1820-х годах в Ковент-Гардене, была пьеса *«Леонид, Царь Спарты»*. Скорее всего, это была английская версия трагедии Мишеля Пиша *«Леонид»*, впервые поставленная в парижском Théâtre Français в 1825 году, когда независимость Греции все еще висела на волоске.

Не уступал прочим грекофилам, будь то английским или французским, на бумаге или на поле боя, Джордж Гордон, лорд Байрон. Он был и остается высшим олицетворением того, что поистине можно назвать «Веком Леонида» в начале XIX столетия.

ФЕРМОПИЛЫ

Эдмунд Кили, широко известный своими великолепными переводами Георга Сефериса и Константина Кавафи среди прочих поэтов, прочувствованно писал об «испытанном пути, которым Байрон десятилетиями приводил на страницы Грецию». Затем он цитирует известную строфу из той песни «Дон Жуана», которую иногда называют «Греческие острова», где байроновский благородный лорд, мечтая о свободе Греции, «намёками на их благородную древнюю историю» ставит под сомнение мужество своих поработанных греческих современников:

*Но стыдно слезы проливать,
Где предки проливали кровь!
Земля! Верни, верни опять
Великой Спарты храбрецов!
С одною сотою прежних сил
Вернем мы славу Фермопил!¹*

Еще раньше, в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» (1812), Байрон стремился поощрить раннюю склонность греков к освободительному патриотизму, проявившемуся в Патриотическом гимне 1798 года Константина Ригаса, явственно вдохновленном «Марсельезой». Ригас волнующе обращался к духу Леонида; подобным же образом Байрон призывает его тень:

*Вставайте, Греции сыны!
...
Доблестные тени вождей,
Созерцайте грядущую битву!
Эллины прошлых веков,
Восстаньте к новой жизни!
...
О Спарта, Спарта, почему
Лежишь в дремотном сне?
Проснись, возобнови
Союз с Афинами!
Вспомни Леонида,
Героя древних саг,*

¹ Перевод Т. Гнедич.

*Что спас тебя когда-то,
Ужасного, могучего!*

Не только за границей, но и в Греции опыт Фермопил использовался как стимул в борьбе за свободу. Гораздо ближе к дому, и притом неудобно близко для «рожденных свободными англичан, что никогда не будут рабами», ирландец Томас Дэвис (1814—1845) написал волнующие строки стихотворения «Опять стать нацией». Ему суждено было оставаться одним из неофициальных гимнов ирландской национально-освободительной пропаганды еще довольно продолжительное время в двадцатом веке, и я цитирую только краткий отрывок:

*Когда мальчишеский огонь играл в моей крови,
Я прочитал о трехстах и трех Свободных,
Что стояли насмерть
За Грецию и Рим.
И я молил, чтоб мне узреть
Падение оков
И чтоб Ирландия из провинции
Стала нацией опять.*

Викторианские британцы нанесли ответный удар. У Гловера Леонид 1737 года был патриотом до мозга костей, борцом за свободу, последователем строгого самоотречения и принципиальным противником роскоши персов, изнывавших «под абсолютной властью своего царя», отвратительного и ненавидимого Ксеркса. Этот объемистый труд может считаться положившим начало современному мифу, который развился из литературной парадигмы Гловера во вдохновляющий призыв к моральному перевооружению. В виде традиции средней школы, начатой Томасом Арнольдом из Регби и продолженной в двадцатом веке движением Курта Хана «Гордонстаун» в Шотландии, являвшемся, так сказать, *alma mater* как Герцога Эдинбургского, так и Принца Уэльского, этот миф безусловно вдохнул жизнь в один из самых могущественных векторов британской или английской идентичности.

Так легендарный классический образец XVIII в. приобрел центральное значение для классической традиции в целом. Это безусловно объясняет в культурном отношении блистательную и

звучную гирлянду имен одного британского Леонида Викторианской эпохи: Бенджамин Леонидас Артур Ламли Гриффитс, которую я обнаружил в экземпляре *Древних и современных гимнов*, принесенном в дар церкви Св. Иоанна Крестителя в Финчингфилде, Эссекс, в связи с его крещением. «Бенджамин», я полагаю, — из Ветхого Завета, «Артур» — традиционное британское имя, «Ламли» — фамилия, использованная в качестве имени, и, наконец, но не на последнем месте, имя «Леонидас» уютно устроилось среди них как скромная классическая дань нашему герою. Это прекрасная местная иллюстрация изменчивого усвоения классической античности, которая со времен Возрождения нередко влияла на многие аспекты европейской и американской культуры.

Спарта периода Греко-персидских войн также часто возникала или становилась главной темой романов и рассказов, романтических и прочих начиная с викторианской эпохи. Вот только некоторые из самых выдающихся примеров: «*Спартанец Павсаний*» Эдварда Бульвер-Литтона (1973), «*Спартанец*» Каролин Дейл Снедекер (1911), «*Лемниец*» Джона Бакена (1912), «*Прощай, Великий царь*» Джилла Пэтрона Уолша (1972), «*Щит Талоса*» Валерио Массимо Манфреди (1988), переведенный после успеха его трилогии об Александре Македонском как «*Спартанец*» (2002), и эпическая повесть Стивена Прессфилда «*Огненные врата*» (1998). Отдельные упоминания о Фермопилах содержатся также в таких довольно успешных современных романах на греческие темы, как «*Друзья и герои*» Оливии Мэннинг, в заключительном томе ее «*Балканской Трилогии*», и «*Мидлсекс*» греко-американского автора Джеффри Эугенидеса.

Наверное, самым показательным, по причине известности среди читателей, является отрывок из XIII главы «*Загадки Эдвина Друды*» Чарльза Диккенса. Мисс Твинклтон, содержащая учебное заведение для юных леди, обращается к ним со следующими словами, когда они уезжают на рождественские каникулы:

А когда придет время возобновить те труды, которые (тут на всех лицах изобразилось уныние)... те труды, которые... труды, которые... тогда мы вспомним, что сказал спартанский полководец... в выражениях столь общеизвестных, что незачем их повторять... перед битвой, время и место которой излишне уточнять.

Исследователи согласны в том, что под «битвой» имеются в виду Фермопилы, но их мнения разделились в вопросе о том, что это были за слова, о которых сказано, что они «столь общеизвестны, что незачем их повторять». Лично я совершенно убежден в том, что читатели Диккенса Викторианской эпохи были более или менее достаточно хорошо образованы, чтобы без колебаний процитировать следующую апофтегму, сохраненную Плутархом, предположительно произнесенную Леонидом своей жене Горго в тот момент, когда он уходил на бой: «Берите хороших мужей и рожайте хороших детей».

Однако в следующем, лишенном иллюзий двадцатом столетии один из его самых громких голосов, греческий поэт из Александрии Константин Кавафи вскоре внес предостерегающую поправку. Он утверждал, что, как бы ни была благородна прожитая жизнь, никто не может помешать какому-нибудь Эфиальту, предателю-греку в Фермопилах, помочь «мидянам в конце концов прорваться». И вряд ли звучит большим утешением заключительная строфа поэмы «Оракулы» поэта и ученого-классика А.Е. Хаусмана, опубликованная в его *Последних стихах*:

*Поправший полвостока царь грядет из стран восхода.
Его солдаты выпивают реки, копыя застыт небо,
Тот, кто стоит, падет за грош,
На влажных скалах расчесывают волосы спартанцы.*

Те, кому не импонирует мысль об, образно говоря, прорывающихся мидянах, как, например, в нацистской Германии до и во время Второй мировой войны, для чего был использован извращенный образ Спарты, или о гибели ни за грош (как, по мнению многих, было в случае только что закончившейся мировой войны), возможно, обратятся с облегчением к раскопкам, которые производились Британской школой в Афинах между 1924 и 1928 годами. В 1926 году в районе театра под акрополем землекопы извлекли из-под земли голову и торс обнаженного воина, высеченные из великолепного белого мрамора с острова Парос в Кикладах. Один из греческих рабочих тотчас по вполне понятным причинам нарек статую «Леонидом», и это прозвище укрепились за ней. Однако это название, несмотря на всю его привлекательность, лишь подобие правды, но не сама правда.

ФЕРМОПИЛЫ

В оригинале полная статуя являлась частью комплекса, а не отдельно стоящим объектом, ряд фигур был, вероятно, прикреплен к цоколю храма, где эта статуя представляла героя или мифического бога, а не смертного человека. Даже покойный спартанский царь — «семя полубожественного сына Зевса (т.е. Геракла), как позже дельфийский оракул называл потомков и преемников Леонида, не удостаивался подобного изображения. Кроме того, датируется она, по самым свежим мнениям экспертов (естественно, несколько субъективным и неточным), скорее периодом до, а не после 480 г. Это означает, что если скульптура действительно воспроизводит Леонида, то она должна быть портретом живого царя, однако тогда еще не существовало чего-либо подобного так называемым скульптурным портретам где бы то ни было в Греции, не говоря уж об антииндивидуалистической Спарте с ее обобщенным духом.

Через год после обнаружения «Леонида» в Спарте шотландский поэт (Дж.) Норман Камерон (1905—1953) опубликовал захватывающий ответ на любой упрощенческий панегирик героизму спартанцев при Фермопилах, озаглавленный «Феспийцы в Фермопилах»:

*Все почести людские достаются
Тем опьяненным пользой джентльменам,
Чья тупая храбрость — разновидность страха,
Страха мысли или придурковатых мамочек
(«С ним или на нем») за их спиной.
Спартанцы не могут отступить. Но почему? Тогда
Их доблесть в наступление меньше, чем других.
Но мы, актеры и критики одной и той же пьесы,
Со взвешенным суждением, что видим все пути,
Но выбираем путь спартанцев.
Что будут люди говорить о нас,
Феспийцах в Фермопилах?*

Камерон не мог устоять и не обыграть двойной смысл слова «*thespians*», поскольку так иногда называют актеров в честь некоего Феспия, предполагаемого основателя афинской трагической драматургии второй половины VI в. до Р.Х. Однако вопрос о самопожертвовании феспийцев в Фермопилах был крайне серьезным и имел почти столь же долгую историю. Он начинается с бес-

смертной версии Похоронной речи Фукидида, произнесенной Периклом по поводу афинян, павших в первый год (431—431) Афино-пелопонесской войны. Говорят, что Перикл противопоставил афинское и спартанское проявления мужества. В принципе, его утверждение сводилось к тому, что, в то время как афиняне приняли решение быть храбрыми патриотами сознательно и добровольно, спартанцев просто принудили к этому, в том числе промыванием мозгов.

В недавнем прошлом, начиная с 30-х годов XX в., эта тема много раз поднималась, особенно в риторике идеологических войн, холодных и горячих, между «свободным миром» и разными вариантами «тоталитарных» и авторитарных режимов. Она не лишена оснований, но, как я стремился показать, переоценивает различия между Афинами и Спартой и недооценивает то, в какой мере также и в Спарте был возможен выбор и велись дискуссии об основных принципах и просто о боевых решениях.

Стихотворение Камерона заканчивается риторическим вопросом:

*Что люди будут говорить о нас,
Феспийцах в Фермопилах?*

Что ж, на самом деле, очень многое: сегодня, например, существует официальный мемориал семистам феспийцам наряду с памятником спартанцам в самих Фермопилах. Но мы должны со всей откровенностью добавить то, чего не сказали феспийцы Камерона: пожертвовав семью сотнями, они, похоже, пожертвовали абсолютно каждым феспийцем, который мог позволить себе экипировку гоплита — все сто процентов корпуса гоплитов против всего четырех процентов со стороны спартанцев. Отрезвляющая, но также и облагораживающая мысль.

Но вот разразилась Вторая мировая война, и даже разочарованный У.Х. Оден смог слегка вдохновиться Фермопилами в своем постбрехтовском стихотворении «Сначала харч, потом мораль». «Все, что мы просим, — писал он, — это:

*Хороший обед, чтобы бодро
маршировать левой
и удержать Фермопилы».*

Для реального жизненно важного поведения в первые ужасные годы той войны этот простой призыв бледнеет на фоне смысла легенды о Леониде. Леонид и его «три сотни» оказались столь же важными «Немногими» для истории Древней Греции и Спарты, как для британской истории летчики в битве за Британию, которых приветствовал премьер-министр Уинстон Черчилль в 1940 году, и сравнение между ними было очевидным. Вопреки широко распространенному заблуждению, Англия не была единственной европейской страной, в 1940 году все еще активно противостоявшей нацистской Германии и державам фашистской оси. Была еще Греция, как было известно из первых рук Робину Берну, британскому историку классической древности, заброшенному на парашюте в тыл в качестве офицера связи вместе с другими историками. Позже он трогательно посвятил свою превосходную монографию 1962 года *Персия и греки* «Грекам 1940 года», косвенно напоминая своим читателям, что в то время у Британской империи в Европе был единственный союзник, который еще не был ни под нацистско-фашистским ярмом, ни зависимым от советской империи (тогда еще связанной пактом о ненападении с Германией). Подтекст у Берна заключался в том, что в 1940 году греки, заявив решительное «нет» попытке оккупации страны итальянскими фашистскими союзниками Гитлера, повели себя вполне достойно своих предшественников в Фермопилах 480 года. Тень лорда Байрона безусловно кивнула бы им в знак согласия и одобрения.

Однако не у всех профессиональных историков античности так сияли глаза. К июню 1941 года грекам не удалось предотвратить оккупацию своей страны нацистской Германией, чьи вооруженные силы почти неизбежно вторглись через Фермопилы. Через три года, в критическом 1944 году, когда Греция все еще была оккупирована, вышел примечательный коллективный труд *Слава, что является Грецией*, дань уважения современным грекам. В своем разделе Маркус Нибур Тод из Оксфордского университета, вопреки соблазну крайнего восхваления ключевой роли спартанцев в освобождении Греции от потенциальных иноземных захватчиков, дал выверенную научную оценку, которая не посрамила бы Геродота¹.

¹ Я цитировал ее в эпиграфе к главе 4.

Столь же дефляционным было элегическое стихотворение Константина Трипаниса «Феромопилы 1941», которое заканчивается словами:

*Чужестранец еще придет в Спарту,
Но он известит о смерти австралийского фермера.
Леонид просто был раньше.*

Это раздражающее культурное вторжение из Нового Света и обманчивое сальто назад в 480 г. до Р.Х. — литературные тропы, вполне достойные выдающегося университетского профессора, министра культуры в греческом правительстве, редактора и переводчика великолепной *Penguin Book of Greek Verse* (1971).

Возможно, в тот период мировой истории было невинно воздержаться от чрезмерного восхваления древних спартанцев. Ибо в годы Второй мировой войны не только предположительно хорошие парни воспевали Фермопилы. Нацистский Третий рейх занимался тем же самым. Он воистину породил свою долю «спартоманов», как немецкий историк античности Стефан Ребених сочувственно называл тех, кто «восторгался идеей того, что люди на берегах Рейна и Эвроты были связаны в расовом отношении и имели общее нордическое происхождение». В 1936 году, во время «Гитлеровских игр», пропагандистских Берлинских Олимпийских игр, этот тип расового мистицизма спровоцировал неистовое возбуждение. Раскопки Немецкого института археологии на афинском кладбище Керамикос обнаружили опознаваемые скелеты спартанцев, некоторым из которых были даже присвоены имена в сопровождающей почтительной надписи.

Эти спартанцы были среди тех, кто, как мы знаем из греческой истории Ксенофонта, пали в 403 г., чтобы положить конец кровавому правлению первоначально самими же спартамцами поддержанной хунты Тридцати тиранов, возглавляемой фанатичным афинским «спартофилом» Критием¹. Однажды ведущий немецкий антрополог был направлен в Афины с целью проверить и подтвердить соответствие спартанских скелетов «нордическому» типу. Результаты его проверки оказались недостаточно определенными и никогда не были должным образом опубликованы. Но тот

¹ См. главу 8 и эпиграф к главе 1.

же дух расистского отождествления вдохновлял рейхсмаршала Германа Геринга, когда он обратился к своим терпящим поражение войскам в последние дни осады Сталинграда в 1942 году. Он напомнил им о Леониде и его трех сотнях и предсказал новое прочтение знаменитой эпитафии Симонида: «Если вы будете в Германии, скажите им, что вы видели, как мы сражались в Сталинграде, покорные закону чести и войны». Согласно утверждению Мартина Бормана, в свой пятидесятый день рождения 20 апреля 1945 года сам Гитлер призвал соратников в своем последнем бункере «просто думать о Леониде и его трех сотнях спартанцев».

Другой стороной этой нацистско-расистской монеты был отчаянно неприятный опыт Виктора Эренберга, великолепного немецкого историка античности еврейского происхождения, который в конце 30-х годов XX в. был вынужден оставить должность в Пражском университете и переехать в Лондон. Случилось так, что он был специалистом по Древней Спарте, и, хотя он восторженно отзывался о защите спартанцами концепции свободы при Фермопилах, он также трезво отметил, что истинная свобода невозможна в «авторитарном» государстве, каковым он сам считал Спарту. Используя этот термин, он имел в виду преимущественно ограничения, налагаемые на свободное выражение авторитарными (другие сказали бы «тоталитарными») режимами его времени. Они не обязательно порабощали своих подданных в буквальном или юридическом смысле. Но мы не должны забывать о спартанских илотах Мессен и Лаконии, которые не были свободны формально и юридически (и, как таковые, могли быть немедленно подвергнуты смертной казни как враги государства), несмотря на то что они были не в меньшей степени греками, нежели их спартанские хозяева и в ряде случаев — не в последнюю очередь в Фермопилах — играли незаменимую роль в поддержке их и Греции.

Эти дебаты о спартанской политической системе напоминают о том, что после 1945 года «горячая» война предыдущих шести лет перешла в «холодную» последующих сорока пяти: изматывающее соревнование непрекращающейся пропаганды и непрерывное бряцание оружием, изображаемое на публику как (еще одно) противостояние Востока и Запада, столкновение цивилизаций. Поп-культура с обеих сторон также сыграла свою роль в этом противостоянии, и самым массовым из массовых средств пропаганды для этой цели служил полнометражный художественный фильм.

Классический пример фильмов в жанре (не очень) прикрытой антисоветской пропаганды, потоком лившихся из Голливуда и прочих западных студий, — фильм *«Триста спартанцев»* 1962 года выпуска, известный также под названием *Лев Спарты*. Он прямо-таки источал образы «холодной войны», вплоть до лозунгов во весь экран о защите свободы против рабства. Фильм гордился великолепным подбором актеров, включая Анну Синодину, великую греческую трагедийную актрису, исполнявшую роль Горго, и не менее великого английского актера Ральфа Ричардсона в роли Фемистокла. Почти нет нужды говорить, что роль Леонида исполнял, и очень хорошо исполнял, американец ирландского происхождения Ричард Эган.

Все еще сохраняются явные следы этого военно-парадного отношения. Можно доказать, что оно ощущается за недавней и текущей интервенцией в Ираке. Взять хотя бы страницы вебсайта с подходящим названием Amazon, посвященного реакции зрителей на роман Стивена Прессфилда *«Огненные врата»*. Они содержат поучительные зарисовки жизнеспособности мифа о Фермопилах в его самом свежем западном воплощении. Некоторые статьи получены от американских ветеранов, кое-кто из них даже времен Корейской войны, одобряющих довольно примитивную ментальность «мы против них», «Запад против Востока», «хорошие против плохих» и превозносящих Прессфилда за позитивную передачу того, что они считают универсальной константой опыта войны.

В столь же парадных тонах выдержан блестяще нарисованный комикс, или «графический рассказ», о Фермопилах Франка Миллера под простым названием *300*. Первоначально выпущенные в 1998—1999 годах в пяти частях как серия комиксов, *300* производят еще большее впечатление в виде одной книги. Видимо, до сих пор Миллер был наиболее широко известен своей серией-бестселлером *«Город Греха»*, по которому в 2005 году был поставлен «фильм-чернуха». Но это восприятие может и измениться. Вследствие словесных переключек с «Атакой бригады света» Теннисона (спартанцы бесстрашно направляются в «пасть ада») и визуальными аллюзиями на японских самураев (нередко Япония ассоциируется с Западом) это в формальном отношении довольно изощренная продукция. Однако ее содержание гораздо примитивнее. Леонид и его триста «парней» стоят за разум, справедливость и закон против капризов и плеток самодержавного персидского монарха Ксеркса,

который к тому же впадает в кардинальное заблуждение, считая себя богом. Поэтому неудивительно, что, как по художественным, так и по идеологическим причинам, этот комикс был взят за основу для художественного фильма компании «Уорнер Бразерс» под названием *300*, который сейчас, когда я пишу эти строки, находится в производстве и планируется к выпуску в 2007 году¹.

Однако такие относительно фанатичные и оптимистичные комментарии и прославления больше не являются нормой. Более мрачное отношение к войне, доминирующее в настоящее время в американском общественном мнении и повсеместно в Западном мире, которое прослеживается с 1978 года, проявилось в другом фильме — о войне во Вьетнаме, само название которого отсылает к Симониду: «*Поведай спартамцам*». По словам эксперта-историко-графа кино Мартина Уинклера, его безнадежно унылый, монотонный видеоряд предназначен подчеркнуть «темную сторону войны». Говорят, что даже президент Джордж У. Буш в 2005 году осознал наконец, что поддержка американским народом войны, особенно войны в Ираке, была обусловлена его требованием лишь малого от этого великого народа. Не может быть выразительнее контраста со Спартой 480 года до Р.Х. Тогда и там государство требовало абсолютно всего не только от взрослых мужчин боеспособного возраста, но также — иным образом, но не меньше — от их жен и прочих родственников, и вообще от всего народа (*demos*) Спарты в целом.

Такая целостная позиция, в Греции не уникальная для Спарты, но, получившая в ней свое самое полное и почти что крайнее выражение, обернулась исключительными военными и культурными дивидендами. Марафонское сражение, в котором победили Афины при поддержке маленьких Платей, сыграло важную роль в развитии Греции и Афин как колыбели демократии и культуры. Через десять лет сражение при Фермопилах, в котором главенствующую роль сыграла Спарта, дало колеблющейся Грече-

¹ Одна незначительная, но показательная визуальная ошибка заслуживает комментария. У Миллера спартанцы носят бороду и усы. Однако исторические спартанцы времен Леонида брили верхнюю губу, покорные ежегодному предписанию каждого нового корпуса эфоров «брить усы и подчиняться законам». Знаменитая мраморная статуя, ошибочно названная «Леонидом», демонстрирует именно это явственно спартанское обращение с волосатым покровом лица: полная борода и никаких усов.

ской коалиции волю и передышку, чтобы довести сопротивление до конца и тем самым обеспечить последующий расцвет греческой культуры и цивилизации. Этот расцвет оказался решающим для продолжительного влияния Древней Греции и древней Спарты на современный Западный мир, которое не в последнюю очередь выражается наличием в нашем языке слов «спартанец» и «лакони́ческий».

Эпилог¹

ФЕРМОПИЛЫ: ПОВОРОТНАЯ ТОЧКА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Пусть я ненавижу манеры спартанцев, я не слеп к величию свободного народа...

*Шатобриан. Путешествия по Греции, Палестине, Египту
и варварским странам*

Как говорится, дурной ветер никому не приносит ничего хорошего. Как бы ни были ужасны и отвратительны события 11 сентября, я полагаю, что они оказались также и целительным поводом для размышлений Запада о том, что значит быть «Западным» и что такое Западная цивилизация. Мне представляется, что повторное исследование и переосмысление того, что отличает Западную цивилизацию, ценности и культуру, что достойно восхищения или, во всяком случае, защиты, — всецело позитивное явление, имевшее явно положительные последствия. Платон сообщает, что Сократ Афинский, образец этой цивилизации, говорил, что «неисследованная жизнь недостойна человека». Нечасто

¹ Слегка отличная и полностью аннотированная версия этого эпилога была опубликована под заголовком «Что сделали для нас спартанцы? Вклад Спарты в Западную цивилизацию» в посвященном античности журнале *Greece & Rome*, выпуск 2, 52.2 (2004) 164—179. Я в высшей степени признателен редактору журнала Катрине Кларк за разрешение опубликовать здесь эту измененную и по большей части свободную от комментариев версию.

необходимость такого культурного самоанализа бывала столь настоятельной.

Например, это заставляет нас осознать, мы на Западе вовсе не обязательно обладаем всеми лучшими ценностями. Концепции и практики, которые мы нередко представляем себе исключительно Западными, такие как здравомыслие, свобода и демократия, имели и все еще имеют свои активные аналоги также и в Восточных культурах. На самом деле, традиция Западной цивилизации была в значительной мере сформирована или обогащена Восточным вкладом, включая и мусульманский. Если бы не арабские ученые, как на Востоке (особенно в Багдаде), так и на Западе (в мавританской Испании) в период, который мы условно называем Средними веками, то ряд основных работ Аристотеля был бы потерян для нас, в то время как Аристотель был настолько важен для формирования Западной культурной традиции, насколько это можно себе вообразить.

События 11 сентября заставили некоторых из нас на Западе вслух задать вопрос, может ли оправдать какое-либо определение нашей цивилизации и ее культурных ценностей смерть за них или, возможно, даже убийство ради них, как 11 сентября явно были готовы умереть за свои версии и модели свободы смертники-угонщики или самоубийцы. Те из нас, кто изучает историю Древней Греции, особенно глубоко задумывались над этим вопросом. Ибо мир древней, или классической, Греции является одним из главных источников нашей Западной цивилизации, как я уже указывал в знаменитом цитированном афоризме Сократа, и поведение спартанцев в Фермопилах в 480 году остро ставит спорный вопрос об идеологически мотивированном самоубийстве.

Связь между древними греками и нами впечатляюще выразил Джо Стюарт Милль в обозрении первых томов первопроходческой либерально-демократической истории Древней Греции Джорджа Гроута (опубликованной в двенадцати томах в 1846—1856 годах). По умышленно парадоксальным словам Милля, Марафонское сражение 490 г. до Р.Х., выигранное Афинами при поддержке только маленького соседнего городка Платеи, имело большее значение, чем битва при Гастингсе, *даже как событие английской истории*. Можно доказать или, по крайней мере, я хочу доказать, что такова же была и битва при Фермопилах. Разумеется, в отличие от Марафона, формально Фермопилы были поражением греков, «ра-

ной» (*tróma*), по выражению Геродота¹. Тем не менее это было не менее славное и культурно значимое событие, поскольку оно скоро превратилось в моральную победу, т.е. в победу боевого духа. А как однажды красочно выразился Наполеон, фактор боевого духа втрое важнее, чем все прочие факторы вместе взятые.

Кое-кто скажет даже — и я склонен присоединиться к нему, — что Фермопилы были звездным часом Спарты. Во всяком случае, именно опыт Спарты в Фермопилах дает мне постоянную отправную точку отсчета в попытках ответить на вопрос, поставленный в эпилоге: что сделали для нас спартанцы? Может быть, мы должны начать с вопроса, который якобы задал в 550 г. до Р.Х. Великий царь Кир, основатель персидской империи Ахеменидов: кто такие спартанцы?

Один из ответов таков: спартанцы — это дорические (говорящие по-дорийски) жители греческого, крупнейшего в Древней Греции государства на Пелопоннесе. Другой ответ, полученный, к своему огромному огорчению, одним из преемников Кира Ксерксом, заключается в том, что они были боевым орудием, достаточно могучим и умелым и обладавшим достаточно сильной волей, чтобы сыграть ведущую роль в сопротивлении и, в конечном счете, изгнании даже его огромных орд, таким образом разрушив его планы включить континентальную Грецию в восточную империю, уже простиравшуюся от Эгейского моря на западе до территорий за Гиндукушем. Ксеркс открыл эти данные о Спарте лично под Фермопилами, а назначенный им главнокомандующий Мардоний роковым образом при Платеях еще раз на следующий год, когда спартанцы, руководимые регентом Павсанием, сыграли ключевую роль в знаменитой решающей победе греков.

Это также дает ответ на далеко не незначительный вопрос о том, почему нас сегодня должно интересовать, кем были древние спартанцы, поскольку они обеспечили возможность развития цивилизации, которую мы решительным образом предпочли унаследовать и усвоить. Что, если бы в 480—479 годах победили персы? Либо греческая цивилизация впоследствии значительно изменилась бы, либо мы не унаследовали бы ее в той же мере и подобным же образом. Другой ответ на вопрос, почему сегодня древние

¹ Геродот. 8.27.1.

спартанцы имеют для нас значение, относится к тому влиянию, которое по-разному называлось спартанским мифом, миражом или преданием. Иными словами: разнообразие аспектов, которыми начиная с конца пятого века до Р.Х. Спарта и спартанцы были представлены по преимуществу в неспартанских источниках, как письменных, так и изобразительных, оставили глубокий след в Западной традиции, в понимании того, что значит принадлежность к Западной культуре.

Во-первых, подобно другим местностям Древней Греции, Спарта вторгается в наше повседневное сознание, обогащая наш английский словарь. Например, остров Лесбос дал нам слово «лесбийский», город Коринф — «коринфский», город Афины — «аттический», а Спарта щедро наделила нас такими словами, как, конечно, «спартанский» и «лаконичный».

Почти наудачу выбранная иллюстрация: в газетных публикациях об Айане Данкане Смите, бывшем лидере оппозиции, его военно-морское училище иногда называли «спартанским» — и, в известном смысле, заслуженно Британская система частных школ была создана Томасом Арнольдом в XIX веке сознательно по образцу, или даже утопическому представлению, о военизированной общественной системе образования Древней Спарты.

Спартанская этимология слова «лаконичный» не столь очевидна. Оно происходит от древнего прилагательного, производного от самоназвания, которым чаще всего пользовались спартанцы: лакедемоняне, или лаконцы. Как уже отмечалось, спартанцы были мастерами кратких, сжатых военного образца изречений, которые они использовали как в устных, так и в письменных донесениях с фронта и дома, например, в моментальных остроумных ответах требовательному учителю — настолько, что древние сохранили память о том, что они считали настоящими спартанскими «апофтегмами» (я цитировал одну знаменитую апофтегму Леонида), а мы все еще в их честь называем подобный стиль высказываний «лаконичным».

Еще менее очевидным и значительно менее удачным образом спартанцы завещали нам третье слово: «илот». В наши дни оно употребляется для обозначения члена особо бедных и эксплуатируемых этнических или экономических слоев общества. Таким образом, оно точно отражает темную изнанку более позитивных достижений спартанцев. Возможно, греческое слово *heilôtês*

первоначально означало «пленный», и, несомненно, спартанцы обращались со своими поработенными илотами как с врагами, точнее, как с военнопленными, смертный приговор которым был просто временно отложен с тем, чтобы под постоянной угрозой уничтожения заставить их трудиться с целью обеспечения экономической основы спартанского образа жизни. Разумеется, другие греческие города, и не в последнюю очередь Афины, также радикально зависели от подневольного труда ради создания и поддержания своего характерного политизированного культурного образа общественной жизни. Однако рабы, которыми афиняне владели коллективно или индивидуально, были обычны для греческого мира в целом, потому что являлись в основном «варварами», иностранцами негреческого происхождения, разнородной многоязыкой толпой, и фактически ими владели на индивидуальной, а не коллективной основе. Напротив, спартанские илоты были всецело греческим народом или, возможно (если делать различие между илотами Лаконии и Мессении), двумя отдельными народами, объединенными общим рабским ярмом.

Эти три слова — спартанец, законичный и илот — маленькое лингвистическое проявление того факта, что английская, или британская культура, а на самом деле вся Западная культура в целом, несут на себе глубокие следы того, что французский ученый Франсуа Олье точно охарактеризовал как «*le mirage spartiate*» («спартанский мираж» — *фр.*). Когда в 30-х гг. XX в. он придумал это выражение, Спарта — точнее, представления о том, как якобы Спарта функционировала как общество — обладала, как уже сказано, особым очарованием для тоталитарных и авторитарных правителей, особенно для Адольфа Гитлера и псевдонаучных членов его нацистского окружения, таких как Альфред Розенберг. Этих нацистов и прочих фашистов в самом извращенном смысле больше всего привлекали такие спартанские добродетели, как дисциплина, порядок, солдатская иерархия и подчинение индивидуальных устремлений подавляющему интересу государства. Еще существуют неофашистские организации (одна, что вызывает беспокойство, во Франции), гордящиеся, что следуют этим «блистательным» путем.

Именно это современное тоталитарное или авторитарное восприятие Древней Спарты скомпрометировало, возможно, навсегда репутацию Спарты как политического идеала или образца в

ФЕРМОПИЛЫ

современных либерально-демократических обществах Запада. Однако идеализированный образ Спарты не всегда служил этим зловещим гнусным целям. Например, в XIX веке Жан-Жак Руссо был большим поклонником «мудрости спартанских законов» и, пожалуй, еще большим поклонником ее легендарного законодателя Ликурга. В идеале Спарты Ликурга Руссо усматривал общество, которое было предано осуществлению общей воли коллективным, свободным от эгоизма, законопослушным и, прежде всего, полностью добродетельным образом. Руссо способствовал тому, чтобы обеспечить главенствующую роль Древней Греции (а также Древнего Рима) в формировании современного мира, и Спарты в не меньшей степени, чем Афин.

Руссо ни в коем случае не был первым интеллектуалом, кто создал образ, или представление о Спарте как о необходимом компоненте и движущей силе целостной программы социально-политических реформ. Среди самых первых, о ком имеются письменные свидетельства, был Платон, и при его посредстве Спарта может претендовать на то, что стала источником утопической мысли и литературы (утопизма). В двадцатом веке утопия также приобрела дурную славу, но в принципе, как надежда на то, что жизнь можно сделать лучше и что она будет усовершенствована, она не так уж плоха. Во всяком, случае Спарта остается излюбленным объектом исследования не только благодаря тому, что с ней сделали интеллектуалы и прочие, начиная с классического периода Древней Греции и до наших дней, но также и благодаря реальным достижениям спартанцев, наиболее убедительным и эффективным на поле боя во время Греко-персидских войн 480—479 гг. до Р.Х.

Хотя битва при Фермопилах и закончилась поражением, она скоро переросла в победу боевого духа. Как таковая, она была важной и неотъемлемой частью окончательной тотальной победы греков над персами. Более того, эта победа была бы невозможна без необходимого вклада спартанцев. Замечательная организация их общества в хорошо отлаженную военную машину и развитие зачатков многонационального греческого союза задолго перед вторжением персов в континентальную Грецию обеспечили необходимое ядро военного руководства, вокруг которого могло сформироваться греческое сопротивление. Героическая самоубийственная оборона Фермопил показала, что персам можно и нужно

противостоять, и придала маленькой, неустойчивой и несплоченной армии греческих патриотов мужество представить себе, что они могут однажды нанести поражение захватчикам. Харизматическое лидерство спартанских командиров статуса и калибра Леонида и регента Павсания радикальным образом сплотили и вдохновили сухопутные войска греков.

Но что же вообще принесли спартанцы на праздник древнегреческой культуры, источник Западного наследия, кроме того, что сделали этот праздник вообще возможным? Разные современные интерпретаторы подчеркивают разные аспекты достижений культуры классической Греции. Лично я отдал бы предпочтение трем выдающимся качествам, или чертам: прежде всего верности духу состязательности во всех его видах почти ради него самого; во-вторых, верности концепции и идеалу свободы и, в-третьих, способности к почти неограниченной самокритике, а также к врожденной критичности в отношении других (не в последнюю очередь, прочих греков).

Первые из этих качеств можно с равным успехом обнаружить в обоих образцах древнегреческой цивилизации — Спарте и Афинах. Однако третье — самокритика — было явно особенностью Афин, а никак не Спарты, по крайней мере так любили утверждать их афинские современники, с чем многие впоследствии соглашались. Например, Перикл в изложении Фукидидом его Похоронной речи 431—430 г., издевался над навязанной государством храбростью спартанцев, а спустя столетие Демосфен ошибочно утверждал, что спартанцам запрещалось даже критиковать свои законы, не говоря уж об их изменении.

Не подлежит сомнению, что в Спарте не существовало эквивалентов Афинскому демократическому Собранию и народным судам, кроме того, у спартанцев не было ежегодных фестивалей драмы и трагедии, которые предоставляли финансируемую государством возможность самоисследования и самокритики. Однако спартанцы не были такими уж совершенно покорными автоматами, какими их представляла древняя афинская и современная либеральная пропаганда. Временами ворчливое недовольство властями могло перерасти в открытый вызов, как индивидуальный, так и коллективный. Даже спартанские цари, которые возносились на самую вершину иерархии знатности, богатства и престижа, могли быть подвергнуты унижению судом, или штрафом, или,

что еще хуже, подобно Демарату, изгнанию под страхом смерти. Поэтому было бы правильнее и точнее сказать, что культура Спарты не поощряла интеллектуальные возражения, а тем более открытый протест ни в агоре, ни в иных местах общественных собраний.

Вероятно, все греки были страстными любителями доброй состязательности. От их термина для духа соревнования «*agônia*» происходит наше слово «агония», и эта этимологическая связь предполагает интенсивный, неистовый характер состязательности в Древней Греции. Война у греков достаточно красноречиво называлась *agôn* (состязание), так же как и публичные дебаты, реальные или вымышленные, а также судебное разбирательство, как и религиозные празднества, включавшие соревнования атлетов или иные, подобные, например, Олимпийским играм. В конце концов, именно греки додумались до идеи атлетических видов спорта, подобно тому как они додумались до прототипа современного театра — и то, и другое в контексте вдохновленного религией соревнования или состязания.

Спартанцы не уступали никому из прочих греков по части страстной, почти фанатичной преданности духу соревнования. Они даже превратили сам акт выживания при рождении в предмет публичного соревнования, поручив старшим наблюдение за испытаниями новорожденных в винной ванне. Практика предания младенцев с явными признаками физического уродства или болезненности ранней смерти на дне ближайшего ущелья не была столь странной и жестокой, какой представляется нам сейчас: как Платон, так и Аристотель были сторонниками «отказа» от дефективных новорожденных детей в своих идеальных государствах. Аналогичным же образом, статус взрослого для спартанских мужчин мог быть достигнут только успешным прохождением через ряд по преимуществу физических соревновательных испытаний, составлявших уникальное образование, или групповую социализацию, известную как *agôgê*, т.е. «воспитание». И даже тогда становление полноценным взрослым гражданином Спарты зависело от прохождения еще одного и последнего приемного испытания — соревновательного допуска к общей трапезе в возрасте 20 лет.

Те несчастные, кто не проходил этих учебных испытаний, или испытаний на право называться гражданином, оказывались в со-

стоянии исключения, отлучения, постоянного статуса аутсайдера. Для тех же, кто достигал полного гражданского статуса, внутреннее соревнование за статус далеко не заканчивалось в возрасте двадцати лет. Они ни на мгновение не прекращали соревнование между собой и с другими ни за пределами Спарты — разумеется, на войне и не менее успешно и показательно на Олимпийских играх, ни у себя дома, например, на конных или атлетических состязаниях, соревнованиях, или на выборах на более высокую должность, или за членство в элитной царской гвардии. Рассказывают, что некий спартаец, разочарованный тем, что ему не удалось стать избранным в царскую гвардию, заявил, что в восторге от сознания, что триста спартанцев оказались лучше него, при этом он продолжал добиваться, пока не достиг в дальнейшем высокого общественного признания.

Что касается общей греческой страсти к свободе, Критий, афинский политик, писавший о спартанском образе жизни в стихах и в прозе и тем самым заложивший основы литературной традиции «спартанского миража», сказал, что «в Лакедемонe проживают те, что наиболее порабощены, и те, что наиболее свободны». Под «теми, что наиболее свободны», он разумел собственно спартанцев, точнее, спартанский класс господ, которые были освобождены, не считая войны, от принудительного труда в качестве рабочей силы, от необходимости выполнять какую-либо производительную работу. Под «самыми порабощенными» он имел в виду, разумеется, илотов. Как отмечалось выше, эти люди были греками, которые несмотря на свое врожденное право на свободу были коллективно порабощены и с которыми обращались с необычной жестокостью, как с покоренным, но представлявшим постоянную опасность населением.

Это жестокое обращение сначала изумило, а затем вызвало глубокую озабоченность наиболее чувствительных наблюдателей за жизнью спартанцев. Например, Платон, в целом ни в коем случае не относившийся к Спарте враждебно, заметил: «Спартанская система обращения с илотами — практически самая спорная и противоречивая тема в Греции». Эта противоречивость достигла кульминации в годы взрослой жизни Платона. Ибо вслед за решающим поражением Спарты под Левктрами в 371 г. от беотийцев под предводительством Фив большая часть илотов, жителей Мессении, наконец получила долгожданную свободу и начала

жить жизнью свободных греческих граждан в возрожденном (по их мнению) свободном городе Мессены. Должен отметить, что спартанцы отнюдь не были уникальны в Древней Греции в том, что не усматривали несовместимости своей свободы с несвободным положением рабов, и в том, что их свобода основывалась на несвободе.

Эти два аспекта спартанской культуры и общества — состязательность и спорные представления о свободе — почти сами по себе делают наших спартанских предков заслуживающими постоянного культурного интереса и исторического исследования, однако ими далеко не исчерпывается крайняя занимательность Спарты. Давайте рассмотрим более или менее хорошо засвидетельствованные социальные обычаи и практики спартанцев, на которых мы останавливались в главе 4: узаконенная педерастия между молодыми взрослыми воинами и подростками в рамках обязательной государственной системы образования; атлетика, включая борьбу, практикуемая официально и якобы в обнаженном виде девушками-подростками; публичное оскорбление и унижение неженатых мужчин замужними женщинами на ежегодных религиозных праздниках; полиандрия (многомужество) и обмен женами, не влекущий общественного осуждения и легального обвинения в супружеской неверности ни для одной из сторон.

Для всего этого характерна одна особенность: необычный (фактически, по греческим и даже большинству наших недавних стандартов уникальный) статус и поведение половины спартанского населения — женщин. Сохранившиеся свидетельства достаточно многочисленны для того, чтобы недавно вышла книга о них. Это также одно из новейших исследований, готовых говорить о существовании определенного «феминизма» в Спарте. Однако, я полагаю, нам следует принимать по крайней мере некоторую часть этих, в высшей степени спорных свидетельств с долей (предположительно аттического?) скепсиса, особенно там, где очевидно идеологическое или пропагандистское намерение. Наши письменные источники имеют исключительно мужское происхождение, почти полностью не спартанское и зачастую отчетливо афиноцентристское. Но имеется достаточно надежных свидетельств, чтобы дать нам возможность сделать уверенный вывод, что Спарта серьезно отличалась от традиционных греческих норм

политических и социальных отношений в таких жизненно важных областях, как брак и продолжение рода.

Это безусловно делает Спарту постоянно заслуживающей изучения не только историками, но, среди прочих, антропологами и социологами в области сравнительных культурных исследований. Геродот, отец (сравнительной) антропологии, как и истории, заявил во всеуслышание о своем согласии с фиванским лирическим поэтом Пиндаром, что «обычай был верховным владыкой». Он имел в виду, что, по его мнению, каждый народ убежден, что его собственные обычаи не только относительно совершеннее прочих, но что они лучшие из возможных. Неудивительно, что он проявлял особый интерес к обычаям, практикам и верованиям спартанцев. Вот несколько тому примеров. Все они взяты из седьмой книги его *Историй*, книге о Фермопилах, и все посвящены доказательству того, что спартанцы были не просто готовы, а предрасположены культурой и воспитаны, чтобы умереть за свои идеалы, то есть пожертвовать своей индивидуальной жизнью ради некой большей коллективной цели, будь то местного значения или национальной.

Как мы помним, незадолго до эпической битвы за Фермопилы конный разведчик доложил царю Ксерксу, что спартанцы в ущелье расчесывают и умащают свои длинные волосы. Он просто отказался поверить, что воины, которые перед сражением укладывают, подобно женщинам, волосы, окажутся серьезными противниками на поле боя. Или, скорее, в случае Фермопил, не просто серьезными противниками, а людьми, готовыми расстаться с жизнью, точно зная, что погибнут. То, что именно эта идея лежала в основе решения спартанцев послать в 480 г. в Фермопилы специально отобранный отряд из трехсот воинов под началом царя Леонида, подтверждается не только тем, как они сражались и погибли, но также и тем, что все отобранные солдаты должны были иметь живого сына, чтобы не допустить прерывания рода — иными словами, после их гарантированной гибели.

То, что их миссия была самоубийственным жертвоприношением, подтверждает также еще одна история из Книги 7 Геродота, изложенная, кстати, незадолго до повествования о Фермопилах. В ходе подготовки к нашествию персов в 480 г. спартанцы обдумывали, как им уговорить Ксеркса отказаться от него. Будучи очень богобоязненными людьми, они полагали, что вторжение

было, по крайней мере частично, наказанием небес за содеянное ими несколько лет назад кощунственное убийство посланцев отца Ксеркса Дария — лиц, чей статус давал им право на неприкосновенность. Поэтому они задумали направить к Ксерксу двух спартанцев, чтобы тот мог их убить как искупительную жертву примирения и компенсации. Можете считать спартанцев наивными — именно так якобы расценил этот жест Ксеркс, попросту отпустивший потенциальных патриотов-самоубийц с высокомерным презрением. Однако очевиден дух самопожертвования, в данном случае на благо всей Греции, а не только Спарты.

Ксеркс все же вторгся в Грецию и после упорного сопротивления греков взял Фермопильское ущелье. «Поведай спартанцам» — начало знаменитой эпитафии Симонида, воспевавшей героев-спартанцев, павших в этом сражении, эхом отозвалось в современной популярной культуре. Как указывает дальнейший текст эпиграммы: «...о путник,/ Что здесь покоимся мы, их законам покорны», законы Спарты были необыкновенно суровы. Но в другом значимом пассаже 7-й Книги Геродота — предполагаемой беседе Ксеркса с низложенным бывшим царем Спарты Демаратом поясняется, каков предположительный смысл этой заключительной фразы эпитафии: это иллюстрация специфически греческой гражданской покорности законам, качества, которое спартанцы воплотили и осуществили во всей полноте.

Демарат убеждает Ксеркса, что спартанцы будут противостоять ему, так как они боятся закона даже больше, чем подданные Ксеркса боятся его самого. Еще более существенно то, что в отличие от них спартанцы могут сделать свободный выбор. Они установили для себя собственные законы путем коллективного соглашения и выбрали подчинение им. Их не вынуждал покоряться произвольным и незаконным капризам деспота или самодержца простой страх или сила. Это было, безусловно, предвзятое и этноцентрическое суждение Геродота. Но оно также содержит и безусловную истину как о древних греках в целом, так и о спартанцах, ведущей греческой силы периода войны с Персией.

Спартанцы и их уникальное общество занимают центральное положение в утопической традиции. Но слово «утопия», как было прекрасно известно его изобретателю Томасу Мору, формально

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

двусмысленно. В зависимости от того, какой смысл вкладывается в префикс «у», оно может значить либо «не-место» (*outopia*), либо «благое место» (*eutopia*). По-видимому, вести из спартанского Никоткуда не всегда приятны. В редакционной статье издания *Times Higher Education Supplement*, освещавшего мою предыдущую книгу и телевизионный сериал «Спартанцы», говорится следующее: «Они швыряли младенцев с обрыва и ежегодно отбраковывали свою рабочую силу. Историк Пол Картледж полагает, что мы могли бы кое-чему поучиться у этих спартанцев». Тем не менее мне все же хотелось бы думать и хотелось бы, чтобы и мои читатели думали, что *eutopia*, вдохновленная Фермопилами, не такое уж плохое место на земле, в котором можно оказаться, — за исключением, конечно, незащищенности младенцев и эксплуатации илотов.

Во всяком случае, эхо древнего идеала, заключенного в мифе о Фермопилах, слышно еще и сегодня: концепция того, что существуют идеалы, за которые стоит умереть, а также жить. Однако этот миф может стать обоюдоострым мечом. Например, используемый некоторыми бомбистами-самоубийцами, он представляется мне совершенно отвратительным, как бы ни было справедливо их дело. Однако будучи развит в направлении, взятом спартанцами и их основателем-законодателем Ликургом, он способен породить идеалы общинного сотрудничества и самопожертвования, достойные почетного титула (*e*)*utopia*.

В силу традиции и по справедливости Спарта не считается колыбелью высокой культуры. Но думаю, нет ни парадокса, ни иронии в том, что в 1965 году будущий Нобелевский лауреат по литературе Уильям Голдинг писал после посещения Горячих ворот:

Немного Леонида заключено в том факте, что я могу пойти, куда захочу, и писать, что захочу. Он сделал свой вклад в то, что мы свободны.

Это умозаключение достойно того, чтобы его вспомнить, созерцая памятники Фермопилам, доступные сегодня в Греции и других местах.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИЗОБРЕТЕНИЕ ИСТОРИИ: ГЕРОДОТ
И ДРУГИЕ ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ

До Геродота не было Геродота.

А.Д. Момильяно. Историографические исследования

В первом веке до Р.Х. Цицерон назвал Геродота «Отцом истории». Он был известен также под менее лестным прозвищем «Отца лжи». Он писал, по очаровательному выражению Эдварда Гиббона, иногда для школьников, а иногда для философов. Иными словами, он рассказывал потрясающее вранье, самые немыслимые из немыслимых историй, но также самым серьезным образом глубоко проникал под поверхность событий, поднимая важнейшие исторические вопросы и затрагивая человеческие универсалии философии. Не последнее место среди основных его тем принадлежит отношениям между земным миром простых смертных и непроницаемо неопределенной сферой бессмертных и богов. Один из его излюбленных персонажей, Солон Афинский, заявляет: «Все произвольно» (Геродот 1.30). Другой персонаж, бывший царь Лидии Крез, уподобляет путь человеческой эволюции вращению гигантского колеса (1.207). С любой точки зрения лучшая стратегия для людей — принять позицию обдуманной осторожности. Государственные мужи и политики должны помнить в первую очередь, что великие города, государства и империи некогда были малыми, и действовать исходя из допущения, что ныне великие, они однажды неизбежно станут опять малыми (1.5).

Одну проблему Геродот полностью разделял с другим основным греческим письменным источником о Фермопилах — поэтом Симонидом. Их общей заботой было сохранение славы великих свершений для блага потомков. В этом отношении, как и в прочих, оба были в конечном счете в долгу перед новаторским приме-

ром Гомера. Некий древний литературный критик удачно назвал Геродота «самым гомерическим». В частности, Геродот унаследовал заинтересованность Гомера в воспроизведении ауры аутентичности и приверженности истине, даже — и в особенности — когда предмет изложения был столь откровенно вымышленным, как рассказ в «Одиссее» о нецивилизованных тварях, называемых циклопами («круглоглазыми», поскольку у них был один круглый глаз в середине лба).

Геродот начинает свое изложение результатов исследования (стандартное значение греческого *historia*, или в ионийском диалекте *historiê*) гомерическим заявлением о том, что его целью является сохранение от «забвения великих и удивления достойных деяний, как эллинов, так и негреческих варваров» (имея в виду прежде всего персов). Однако некоторые более поздние греческие авторы, в частности, биограф-моралист и эссеист Плутарх считал, что Геродот слишком преуспел в сохранении славы варварских противников своих предков, и утверждал, что он не был столь же щедр в отношении братьев-греков. Плутарх, как беотиец из Херонеи, был особенно разгневан тем, что он счел злонамеренным изображением его братьев-фиванцев поголовными сторонниками персов. Но, полагаю, Плутарх перестарался с протестами. Тот факт, что он мог унизиться до того, что незаслуженно заклеил Геродота *philobarbaros* (грубо говоря, «варваролюбом»), говорит о том, что Геродот был выше простого изложения официальной прогреческой истории.

Иногда говорят, что ему следовало бы уступить титул «Отца истории» анонимным авторам библейских книг Царств и Паралипоменон. Однако это значит путать простое изложение возможно точных исторических фактов с собственно историей. Ибо, помимо должного сохранения славы, в своем *prooimion*, или предисловии, Геродот заявляет об общей задаче, более оригинальной и «научной»: а именно об *aitiê*, что может означать либо «причину», «объяснение», либо признание ответственности. Геродот сказал, что он особо заинтересован в раскрытии *aitiê* через *historiê* — на основании чего и ради чего эллины и варвары сражались в Греко-персидских войнах. Поскольку он, по существу, не был особо заинтересован в восхвалении или моральном осуждении целых обществ, по-видимому, предпочтительнее допустить, что в своем программном предисловии он имел в виду «причину» и «ответст-

венность». Однако его изначальная читательская аудитория, воспитанная на трагической драме, должна была подразумевать неизбежную связь между причиной, ответственностью, виной и осуждением.

Первоначально слово *historia* означало «исследование», «изыскание» — значение, сохранившееся в выражении «естественная история» (исследование природы). Но для Геродота это был научный термин; демонстративно используя его в своем предисловии, он подчеркивал новый способ видения, чувствования и, прежде всего, мышления. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что Фукидид, самый значительный преемник Геродота, вообще не пользовался словом *historia*. Почему? Потому что, в соответствии со специфически греческим модусом межличностного поведения, Фукидид рассматривал себя соперником Геродота и не желал давать ни малейшего намека на то, что оба они занимаются одним и тем же делом. От был занят соревнованием (*agôn*) за первенство, и ставкой был вожденный титул первооткрывателя (*prôtos eurîtês*).

Некогда — Впрочем, не так уж и давно — историки, подобные мне, интересовавшиеся истоками своего искусства, без колебаний ставили Фукидида выше Геродота. По их мнению, Фукидид был историком для историков, согласно точке зрения, восходящей по крайней мере к эпохе итальянского Возрождения¹. Ближе к нашим временам, начиная со второй половины девятнадцатого века, сравнение между Геродотом и Фукидидом происходило в категориях «науки», являющейся господствующей интеллектуальной парадигмой современности. Так историография Фукидида стала считаться «научной», в то время как таковая Геродота попросту не считалась ею. Допускалось, что Геродот был блестящим рассказчиком, но не более того: слишком часто его рассказы были просто небылицами. Более того, он был в целом слишком доверчив, даже легковверен, что касалось его источников информации, кроме того (и не в последнюю очередь), его объяснения рассказанных историй, которые, как он считал, имели место в прошлом, были слишком теологичны.

¹ На самом деле, ко времени древнегреческого Возрождения, Второй Софистики II в. до Р.Х., когда эллинизированный сирийский автор Лукиан отдал Фукидиду пальму первенства в своем трактате «Как писать историю».

Одно из позитивных следствий так называемого постмодернистского поворота в исторических штудиях заключается в том, что было подвергнуто суровому сомнению, даже опрокинуто с ног на голову полуавтоматическое суждение в пользу Фукидида. На основе самых последних исследований о Геродоте, коих было проделано огромное количество, возник совершенно новый историк, отличный от того, что был известен даже в 70-х гг. XX в. Теперь методы исследований Геродота и изложение их результатов рассматриваются как вполне адекватные тому контексту, в котором ему была передана информация о событиях прошлого, а также избранной им предметной области. Более того, что делает Геродот и избеганием чего известен (может быть, печально известен) Фукидид, — так это тем, что позволяет читателю увидеть, что прошлое — сложное, неопределенное и запутанное дело, что восприятие этого прошлого людьми очень сильно различается, будучи часто смутным и пристрастным, и что поэтому история всегда более или менее выдумана историком и является в большей или меньшей степени современным истолкованием.

Важно правильно понимать природу «исследования» Геродота. Оно в основном не сводилось к погружению в пыльные архивы и чтение и перечитывание официальных документов. Греческий мир его времени и предшествующих поколений не был особенно сосредоточен на документах, не говоря уж об изощренности в архивном деле. Восточный мир, напротив, был именно таков, но Геродот явно не умел ни читать, ни говорить ни на каком другом языке, кроме своего родного греческого. В сборе информации с Востока он зависел либо от восточных информаторов, говоривших по-гречески, либо от греков, знавших один или более основных восточных языков — персидский, арамейский или вавилонский, например. Не вызывает сомнения, что он каким-то образом получил доступ к подлинным восточным документам, но как именно, невозможно сказать. Одна скептическая школа современной научной мысли, называемая ее противниками «Школой лжи Геродота», даже подвергает сомнению, что он действительно посетил те места на Востоке, которые, по его утверждению, он посещал — например, Египет или Вавилон. (Такой же скептицизм проявлялся в отношении Марко Поло — и столь же малообоснованно.) Но большинство ученых невозмутимо верят, что он действительно побывал, скажем, в Мемфисе в Египте или Вавилоне,

хотя его рассказы об увиденном или суть того, о чем ему там рассказали, далеки от совершенной точности и реалистичности.

Что касается греческих информантов, у нас нет достаточных оснований сомневаться, что он много странствовал в поисках таковых, на запад вплоть до Северной Италии, на другом конце греческого мира от своего родного Галикарнаса в Карии (ныне Бодрум в Турции). Не вызывает сомнений также, что он расспрашивал их долго и въедливо. Он использовал сочетание того, что он называл *theoriê* (критический поиск) и *historiê*, а также *gnômê* (суждение) в оценке собранных им устных свидетельств. Однако его информанты иногда были не лучше, чем им следовало быть, а как грек, принадлежавший элите общества, Геродот в других городах общался по преимуществу с равными себе по положению, не все из коих обладали неперенными обязательствами говорить ему правду, всю правду и ничего, кроме правды. Поэтому в смысле историчности результаты его поисков могли различаться весьма основательно.

Более того, у Геродота, подобно любой творческой личности, была собственная программа и убеждения, которым должны были служить его избранные источники. Он ясно утверждал, что «излагал рассказанные ему события, хоть и не был обязан верить всему, что ему говорилось» (7.152). Но то, что записанные им *logoi* (рассказы и речи) — его собственные построения, является реальным фактом. Именно Геродот решал, как и когда, например, его спартанцы или персы должны были говорить и как они должны разговаривать друг с другом. На протяжении всей своей работы он формировал повествование в соответствии со своей весьма изощренной этической моделью.

В преамбуле к описанию сражения при Фермопилах в Книге 7 Геродот ведет себя очень похоже на драматурга. Он приглашает читателей — первоначально, разумеется, слушателей — за кулисы, во внутреннее святилище совещательной палаты самого Великого царя Ксеркса. Согласно Геродоту, одним из самых любимых советников Ксеркса по поводу данной кампании был спартанец. Не просто какой-нибудь старый спартанец, а бывший спартанский царь Демарат, перешедший на сторону персов после того, как был смещен со своего наследственного поста и практически отправлен в ссылку около 490 года. Таким образом, на одном уровне Демарат был откровенным предателем, предателем дела свободы Греции,

которую сам Геродот со всей очевидностью отстаивал. Однако он предпочитает не представлять и не осуждать Демарата в качестве такового. Его рассуждение гораздо богаче и тоньше.

Геродот использует Демарата в качестве «предостерегателя», эдакой Кассандры в мужском теле, которая знает будущее, но которой не верят, когда она предсказывает его Ксерксу. Поэтому он представляет Демарата отнюдь не законченным злодеем, полностью лишенным сочувствия Спарте и ее идеалам. Такое позитивное представление о нем Геродот вполне мог усвоить в беседах с потомками Демарата, которые два поколения спустя все еще проживали в Троаде (местности около Трои к северо-западу от Анатолии). Здесь важно, что, независимо от причин, Геродот предпочел поверить в это и изложить, так что его самый важный рассказ, или *logos*, о Демарате (7.101—4) является частью версии благоприятной традиции, воспевающей добродетели спартанской военной этики.

Но и это еще далеко не все. Хотя он не был пламенным, или некритичным, почитателем афинской демократии, он обогатил свою *Историю* в целом и, особенно, повествование о Демарате специфически афинской традицией демократического высказывания. Эта яростно антиираническая традиция зародилась с возникновением демократии в 508—507 году и нашла, что персидская монархия как нельзя лучше подходила в качестве объекта для критических нападок, в частности, Ксеркс стал (карикатурным) стереотипом абсолютного тирана. Геродот воспроизводит некоторые цвета и ароматы, а также основные ингредиенты этой богатой смеси.

Помимо спартанских и афинских элементов в рассказе о Демарате, Геродот добавил к нему еще и третий аспект, свой собственный — панэллинизм. Эта идеология коренится в общегреческих религиозных практиках и прочих общих культурных обычаях, не в последнюю очередь в общем языке, и насчитывает многие годы, даже века. В значительной мере благодаря Греко-персидским войнам она приобрела этноцентрический, почти «расистский» оттенок. Греческие ценности были противопоставлены негреческим, особенно персидским, всецело в пользу первых. Геродот никоим образом не был просто «панэллинистом», а тем более упрощенческим «панэллинистом»: он был способен проявлять и даже защищать исключительную терпимость в отношении чуж-

дых, не греческих обычаев, практик и верований (см. приложение 3). Но он не сомневался в том, что победа греков (на самом деле, некоторых греков) в Греко-персидских войнах была исключительным благом. Фактически он отклонился от своих правил, подчеркнув, что это была общая греческая победа, прежде всего спартанцев и афинян. Это объясняет использование им спартанца, пусть даже сомнительного патриота, для выражения некоторых собственных наиболее дорогих ему панэллинистических сантиментов и убеждений. Эта крайняя утонченность и богатство речи делает Геродота особенно ценным литератором, но сложным и прямолинейным для толкования историком.

От обладал также исключительным мастерством обращения со временем, и в основном с причинностью¹. Он начинает основное повествование с года, который мы называем 540-м до Р.Х. — отчасти потому, что завоевание Киром Персидским царя Лидии Креза повлекло за собой покорение Персией греческих городов и стало первым эпизодом его глобальной темы греко-персидских отношений. Но это был также самый отдаленный момент времени, куда Геродот, использовавший свой устный метод получения информации, мог надеяться вернуться с помощью надежного свидетельства очевидца. Год 545-й — это приблизительно два поколения до рождения Геродота или три до периода его зрелости. По уверениям антропологов, три поколения — максимальный промежуток времени, через который живая устная традиция может сохраниться в форме, близкой к изначальной, что касается ее основного фактического содержания.

Геродот излагает то же самое иным образом, таким, который мог иметь особый смысл для его слушателей. Он говорит, что Поликрат Самосский (3.122) был «первым из так называемого поколения людей», которые могли стать повелителями моря. Геродот знал о морской империи, которой в давние времена якобы управлял легендарный царь Крита Минос (создатель лабиринта в Кносе). Однако для него Минос принадлежал к мифологическим дои-

¹ Чтобы проиллюстрировать то и другое, я воспользуюсь описанием Поликрата, живописного тирана Самоса 30-х гг. VI в., сделанным Геродотом. Геродот прекрасно лично знал Поликрата и собрал необыкновенно богатые и подробные предания как об острове, так и о нем.

сторическим временам, далеко за пределами правила «трех поколений»¹.

Обращение Геродота с причинностью не всегда было безупречным. Например, его объяснение разрыва между Поликратом и египетским фараоном Амасисом (Яхмосом) в 525 году, похоже, ставит телегу впереди лошади. Не Амасис, как утверждает Геродот, разорвал союз с Поликратом на тех подозрительно греческих морально-теологических основаниях, что Поликрат показался ему слишком состоятельным, а, напротив, Поликрат, увидев, что Египет вот-вот станет следующей мишенью экспансии персидской империи под предводительством сына Кира Камбиза [A1]². Однако в целом его изложение греко-персидских отношений с 545 по 479 год вызывают уважение, и связь между разными ключевыми стадиями или моментами (545, 525, 499, 490, 484) объясняется им приемлемо и правдоподобно.

Тем не менее, с полностью светской точки зрения, господствующей в современной историографии, Геродота можно отвергнуть как слишком погрязшего в теологии. По его собственному признанию, он верит в «руку бога» (или богов, или божественного) как достаточное объяснение феномена человеческой истории. Он утверждал, что в принципе следует доверять предсказаниям оракулов как истинным, если они подлинные, а не «куплены» и не подверглись иного рода манипуляциям со стороны бесчестных людей. При наличии разных способов объяснения исключительных происшествий в человеческой жизни — вроде странного самоубийства царя Спарты Клеомена I — Геродот всегда автоматически склонялся к теологическому, а не к человеческому или светскому объяснению.

¹ Довольно странно отметить, что предположительно «научный» Фукидид принимает реальный факт исторического существования Мinoса как само собой разумеющийся.

² Согласно рассказу Геродота, Поликрат заключил полезные лично-политические дружеские отношения с Амасисом, которые тот разорвал, когда услышал историю о кольце Поликрата. Вкратце Поликрат опасается, что избыток богатства может привести к его падению и швыряет в море особо ценное кольцо. Кольцо проглатывает огромная рыба, которую ловит и гордо преподносит Поликрату преданный рыбак, и оно обнаруживается в рыбине. Поликрат и Амасис приходят к выводу, что его падение неизбежно. На самом деле, это греческая версия широко распространенной интернациональной сказки.

Этот аспект личной психологии был решающим для его весьма неординарной терпимости к глубоко чуждым религиозным верованиям и практикам различных негреческих народов (см. Приложение 3). Он также явно влияет на общую подачу и окраску его повествования. Например, он регулярно изображает спартанцев как в высшей степени религиозный народ, готовый как коллективно, так и индивидуально к действиям, явно противным рациональному здравому смыслу. Например, действительно ли именно их чувство религиозного долга помешало им вовремя выступить из Спарты в 490 году, чтобы сражаться плечом к плечу с афинянами и платейнами в Марафонской битве? Или же он слишком легко поддался на религиозную риторику спартанцев? Если же он действительно был прав относительно религиозности спартанцев — прав лишь частично, поскольку сам был человеком сильной религиозной мотивации, — тогда это может стать важным ключом, объясняющим ряд эпизодов, которые по нормальным греческим меркам были слишком благочестивым толкованием гражданских обязательств.

Тот факт, что в целом Геродот был вполне надежным и блестящим историком греко-персидских отношений, не исключает, к сожалению, возможности того, что он может быть повинен в серьезных изъянах, касающихся подробностей излагаемых событий¹. Отчасти это объясняется внутренне ущербной природой доступных ему источников, но частично также и тем, как он использовал их. Тем не менее Геродот остается тем, что он есть: мы либо пишем историю Фермопил с ним, либо не пишем ее вообще.

Симонид-панегирист из Кеоса, другой современник событий и источник информации о процессах вокруг Фермопил, обладал феноменальной фотографической памятью. Рассказывают, что он первым систематизировал искусство памяти, сформулировав правила для того, чтобы заранее сформировать ее и в совершенстве применить на практике. На одном из его панегирических выступлений в Фессалии в честь ведущего аристократического семейства Краннона землетрясение уничтожило всех празднующих слушателей. Говорят, что его самого спасло божественное вмешательст-

¹ Во всяком случае, таков постоянный взгляд Джорджа Кокуэлла в самом последнем научном изложении греко-персидских отношений, доступном мне при написании этой книги: Cawkwell 2004.

во — своевременный вызов из банкетного зала спартанцами Диоскурами, Кастором и Поллуксом, братьями-близнецами Елены¹. Позже он смог оказать помощь безутешным родственникам в опознании изуродованных тел, вспомнив, где кто сидел.

Работа по найму, которую выполнял Симонид, влекла за собой некоторое бесчестие, не в последнюю очередь, со стороны конкурентов, так как он был якобы первым панегиристом, писавшим за твердый гонорар. Однако младший соперник Симонида Пиндар наверняка «заработал» не меньше него за свою очень долгую карьеру². А племяннику Симонида Бакхилиду, вероятно, вообще было безразлично, называлось ли то, что он получал за свои панегирики «платой» или «подарком», пока и поскольку он получал достаточно приличное вознаграждение. (Геродот якобы тоже получил хорошее вознаграждение от афинян за восхваление их решающей роли в победе в Греко-персидских войнах. Но это было добровольное вознаграждение, а не гонорар, который он стремился получить.)

В этом, как в других случаях, Симонид находился на грани традиционного и современного образа поведения. В частности, его правила памяти предполагают, что он жил в традиционный период греческой культуры между преимущественно устной эпохой, когда память была основным и, как правило, единственным источником сохранения существенных фактов прошлого, и эпохой, когда письменные документы были все более и более востребованы дополнить и заменить память. Однако, с наших позиций, Симонид значительно больше ориентировался на прошлое, на Гомера, воспевавшего «славные дела людей» (*klea andrôn*), чем на будущее, на историографию Геродота и Фукидида, стремившихся объяснить их, а не только, и не столько прославить.

¹ Елене (Троянской) поклонялись в Спарте наряду с ее братьями: см. Hughes, 2005.

² Кажется, Пиндар никогда не выполнял заказов ни спартанского государства, ни отдельных спартанцев, хотя он умудрился протащить льстивые отзывы об уникальном превосходстве охотничьих собак Лаконии (Фрагменты 106, 107ab) и об Аполлоне Карнейском, покровителе самого важного ежегодного спартанского праздника Карней: «Воспеваю прекрасную / славу, из Спарты пришедшую», а также о Киренах в Северной Африке, родине Аркесила, победителя на Пифийских играх 462/1 года, заказавшего эту победную оду. Действительно, похоже, что Пиндар претендовал на происхождение от некоего спартанца, который совершил подвиг, покорив близлежащий город Амиклы и заставив его вступить в союз со Спартой.

Симонид писал стихи в целом ряде жанров, помимо хвалебных од. Говорят, что им написано не менее тридцати шести дифирамбов по поводу побед (вроде гимнов Дионису) для разных греческих празднеств, хотя не сохранилось ни одного образца. Симонид вполне мог также быть автором сохранившегося обращения к бородатому горному божеству Пану (хотя авторство этих строк приписывается то ему, то Пиндару):

*Пан, о владыка Аркадии,
Хранитель священных реликвий...
Благословен, кого Олимпийцы
Называют псом вездесущим
Великой Богини...*

Пан играл особо выдающуюся роль в отношениях между Грецией и Персией в 490 г. Это касалось замечательного бегуна на дальние дистанции Филиппида, который доставил важную весть спартанцам, преодолев 250 километров от Афин менее чем за сорок восемь часов. Филиппид верил, что по дороге то ли в Спарту, то ли обратно (что, я полагаю, более вероятно) с ним общался сам Пан в своих родных горах Аркадии. Пан заверил его, что он будет сражаться против персов на стороне Афин, как и случилось под Марафоном, посеяв названную его именем панику среди своих восточных противников¹.

Ожидалось, что поэты-панегиристы должны были являться морализаторами (Симонид заслужил по этому поводу упоминания в комедии Аристофана «Лягушки»). Одна из самых тонких максим Симонида по-гречески состояла всего из трех слов, но говорила очень многое о политической культуре греков и их гендерных стереотипах. Фраза *polis andra didaskei* буквально значит «полис воспитывает (взрослого) мужчину». Ее богатый смысл можно расшифровать следующим образом: уникальное греческое изобре-

¹ Спартанцы уверяли Филиппида, что они также примут участие в сражении сразу же после смены фазы Луны, что снимет с них более важное религиозное обязательство. Они прибыли в Марафон после примечательной серии форсированных бросков, но, как мы видели, на следующий день после битвы. Это был горький эпизод, не лишенный элемента скандальности, который, я уверен, способствовал решимости Леонида исправить положение под Фермопилами ровно десять лет спустя.

ние *полис*, или город-государство, учит взрослого мужчину, как стать мужчиной в полном смысле слова, то есть гражданином *полиса*. В другом месте Симонид называет Спарту *damasimbrotos*, т.е. «смирителем, или тем, кто приручает смертных». Это выражение цитирует Плутарх в самой первой главе своего *Жизнеописания* царя Спарты Агесилая I, правившего с 400 по 360 г. (*Ages. I*). Это был совершенно точный, уместный и лаконичный эпитет для единственного греческого города с общественной программой обязательного государственного образования как для мальчиков, так и для девочек с семилетнего возраста.

Приручать — значит цивилизовать, делать грубое гладким (как в нашем языке «полировать» и «политес»). Но в греческом было еще одно слово с сильным гендерным подтекстом: по-гречески «жена» — *damar*, «приручаемая». Приручение — в данном случае, мужем — понимается в точности в том же смысле, что и «объездка» дикого животного, особенно лошади. Это был особенно подходящий образ для Спарты, любившей лошадей. Целая психология и идеология, сопровождавшая выведение, селекцию и обучение лошадей, динамически вписалась в спартанские представления о евгенике. Многие спартанцы побеждали в скачках как на национальных (Олимпийских) играх, так и в местных соревнованиях атлетов на лошадях, выведенных в их собственных стойлах. Например, Эвагор выиграл венок победителя в трех Олимпийских играх на одной и той же упряжке лошадей — выдающееся, почти уникальное достижение (Геродот, 6.103). Также спартанка, царевна Киниска, сестра Агесилая I, стала первой женщиной, выигравшей венок победителя Олимпийских игр, разумеется, не в состязании, поскольку женщинам было запрещено состязаться с мужчинами (и даже смотреть на состязания, за исключением единственной жрицы), а как владелица победившей четверки лошадей — впервые в 396-м, а затем еще раз в 393 году.

Самыми известными и важными из всех хвалебных поэм Симонида являются три, написанные им в 480-м и 479 годах для Спарты и о Спарте. Первая, посвященная всем грекам, павшим при Фермопилах, была заказана участниками совета Дельфийской Амфикитии, заведовавшей делами в Дельфах, вторым по важности местом проведения общеэллинских игр, и даже более важным, чем Олимпия, духовным домом религиозного эллинизма. Спартанцы были членами Дельфийской Амфикитии, но только

ФЕРМОПИЛЫ

как представители «дорической» ветви греческого народа, а не в собственном праве граждан Спарты. Поэтому предполагается, что этот панегирик был написан для исполнения в Дельфах, возможно, во время строительства «Змеиной Колонны», знаменитого памятника победы после Платейского сражения 479 года. Ниже он приводится полностью в вольном переводе:

*Велики павшие при Фермопилах,
Благородно почившие
Под алтарем, а не в могиле,
Куда приходят не с жалобой и плачем,
А с благодарностью и подношеньем,
Чьего величия ни ржа,
Ни время не сотрут.
Земля священна, где отважные нашли покой
И Слава Греции воздвигла свой алтарь.
Здесь также тот, чья слава несомненна, —
Царь Спарты Леонид,
Оставивший бесценное наследие
Мужества и Славы,
Чье имя прозвучит в веках.*

Отдельное упоминание Леонида и его «бесценного наследия Мужества и Славы» наводит на мысль о характерном спартанском духе¹. Однако цветистость и длина панегирика всем павшим в Фермопилах грекам отчетливо не в спартанском стиле. Сравните элегический куплет (строка, написанная гекзаметром, за которой следует пентаметр), также заказанный Дельфийской Амфиктионией. Этот куплет, цитируемый Геродотом и, с незначительными вариациями, другими, предназначался только для спартанцев:

*Поведай, о путник, спартанцам,
Что здесь покоимся мы, их законам покорны.*

¹ Это вызывает в памяти одну примечательную эпитафию, сохранившуюся в более позднем собрании — *Дворцовой Антологии*, автором которой, возможно, также следует считать Симонида. Геродот отметил, что греки возвели в Фермопилах каменный монумент в образе льва в память о подвиге Леонида и его воинов. Здесь заключалась своеобразная игра слов: «лев» по-гречески — *león*. Это стихотворение из *Антологии* как будто рассказывается каменным львом.

Цитирую блестящий комментарий Анны Дэйвис: «Этот элегический куплет обязан своей выразительностью сочетанию прозрачности синтаксиса с поэтичностью и метрической виртуозностью. Музыка воплотилась в высеченном в камне языке. Порыв чувства сдерживается и преобразуется в две строки, содержащие весть, которая не является ни хвастовством, ни вымыслом, поскольку это факт». (Davies 1981). В частности, «их законам» является переводом греческого слова *rhêmasi*, дательного падежа от *rhêma*, слова, имеющего тот же корень, что и *rhêtra*, имеющего специфически спартанский аромат. Оно означает все, что было произнесено, так что его значение охватывает диапазон от «закона» до «пророчества». Аудитории Симонида слышались отзвуки великого элегиста Спарты Тиртея (использовавшего выражение *euthaiais rhêtrais* — «прямыми словами») и аллюзия на так называемую Великую Ретру (поскольку были и другие, малые), приписываемую прославленному — или, скорее, легендарному — древнему закондателю Спарты Ликургу. Последнее слово куплета — *pethomenoi*, причастие, означающее «покоряющиеся». Спартанская покорность была, в некотором смысле, главной задачей *agôgê*, «приручающей» системы воспитания.

Не меньший интерес, чем эти два стихотворения, вызывает недавняя находка еще одного произведения Симонида, частично сохранившаяся на папирусе. Это свидетельствует о том, насколько прочно два его стихотворения на тему Фермопил укоренились в Спарте. На этот раз ему заказали, по-видимому, спартанцы или, по крайней мере, *некий* спартанец, большую эпическую поэму о Платейском сражении 479 года, окончательно решившем исход войны с Персией на суше в пользу греков. Основным побуждением поэмы было изобразить победоносных греков, как если бы они были вернувшимися к жизни героями Гомера, и средствами поэмы-панегирика даровать им такую же бессмертную славу, которую Гомер даровал Ахиллу и прочим греческим героям Троянской войны (см., например, фрагмент 11.20—5). Неожиданная находка этого стихотворения помогает нам лучше понять точную силу реакции Фукидида на «мифическое» в истории, даже если оно незаслуженно создало у него предвзятое представление об уникальном непоследовательном Геродотовом сочетании мифического и исторического.

Ни один спартанец не был больше заинтересован в прославлении и увековечении своего имени, чем регент Спарты Павсаний,

главнокомандующий греческими армиями под Платеями, и мы узнаем из поздней работы, приписываемой Платону (Письмо 2.311a), что общение Павсания с Симонидом служило предметом многих обсуждений. Это придает особую остроту совету, который, как уже было известно ко времени находки этого нового стихотворения, Симонид дал Павсанию: «помни, что ты смертен». Однако похоже, что Павсаний не последовал этому совету¹.

Итак, Симонида нанимали, чтобы он в памятных стихах наилучшим образом представлял деяния своих нанимателей и плательщиков. Можно предположить, что, чем больше ему платили, тем более щедрой — но не обязательно поэтичной — становилась его хвала. Однако он не был связан требованиями объективности и взысканности, которые предъявлялись историку.

Еще два древних источника предлагают нечто существенное в связи с Фермопилами². Один из них считается образцом историка: Диодор, сицилийский грек, написавший во второй половине первого века до Р.Х. огромную, странно озаглавленную *Библиотеку истории*. Второй же не считается таковым: Ктесий, врач по про-

¹ Недовольный тем, что хвалебная ода была начертана у входа в Черное море (Геродот 4.81.3; ср. *Nymphis of Heraclea*, FGGrHist. 432F9), Павсаний в 479 г. приказал добавить надпись к основанию Змеиной колонны в Дельфах, «пупе земли». В то время как надпись на кольцах «Змеиной Колонны» просто констатирует: «Они выиграли войну» и затем перечисляет названия тридцати одного греческого государства, само собой, возглавляемого лакедемонянами, Павсаний лично заказал оду (цитируемую Фукидидом 1.132.2), в которой общая победа греков приписывается фактически ему одному. Даже самый невнимательный читатель Геродота мог бы предсказать на основании такого высокомерия, что Павсаний был обречен понести наказание от Немезиды и плохо кончить. Он действительно очень плохо кончил, как мы узнаем из Фукидида, будучи заморен голодом в Спартанском акрополе, святилище Афины, покровительнице спартанцев. В глазах Геродота и многих других консервативных греков, сам по себе такой финал был достаточен, чтобы перечеркнуть выпавшую на его долю славу победителя персов, хотя были и другие основания для того, чтобы воздержаться от его всецело позитивной оценки. Тем не менее исключительно богобоязненные спартанцы были озабочены тем, что могли навлечь на себя какую-либо божественную немилость в результате такой смерти Павсания на освященной земле. Поэтому власти заказали две его бронзовых статуи в качестве акта божественного примирения или компенсации.

² У Фукидида, главного преемника Геродота, есть интересные материалы и суждения о Персидских войнах в целом, но не конкретно о Фермопилах. См. Rood, 1999.

фессии, родом из Книдоса на северо-западе Малой Азии (одного из главных греческих центров медицины; другим был остров Кос Гиппократы недалеко от побережья той же Малой Азии).

Ктесий служил медиком при дворе Великого царя Артаксеркса II (495/4—398/7 до Р.Х.) и сопровождал его в походах и в других мероприятиях. Его мемуары о жизни персидского двора были достаточно яркие и непристойны, чтобы привлечь внимание и заслужить сохранность. Его общий рассказ о греко-персидской истории был настолько поучителен, что цитировался в восьмом веке эрудированным византийским патриархом Фотием. Именно его конспективное изложение предлагает нам сокращенную версию явно раздутого и перегруженного оригинала Ктесия. Но думается, причина полного отсутствия в рассказе о Фермопилах упоминания о предателе Эфиальте — упущение самого Ктесия, а не экономия места тем, кто подверг его повествование сокращению. Такая оплошность делает изложение даже хуже, чем бесполезным, потому что в конспекте есть другие детали, отсутствующие у Геродота, которые могут оказаться точными.

Другое дело — Диодор. Он никогда не был лучше выбранных и высокопарно адаптированных им источников, а в своем описании пятого века он следовал в основном Эфору. Этот последний сочинил амбициозную общую историю Греции в тридцати книгах. Она начинается с возвращения потомков Геракла на Пелопоннес (мифическое событие, датируемое началом двенадцатого века в нашей системе хронологии) и заканчивается его временем, серединой четвертого века до Р.Х. Эфор был уроженцем города Кимы в Ионии, которая какое-то время в течение его жизни была частью Персидской империи, и он вполне мог быть учеником школы риторики ведущего мастера речей и памфлетиста Исократы (436—338) в Афинах. Поэтому вопрос об аутентичности и надежности информации Диодора сводится к следующему: какими источниками пользовался Эфор, если не Геродотом? И основная проблема интерпретации состоит в том, насколько серьезно мы должны относиться к любой значимой детали, приводимой Диодором, но отсутствующей у Геродота.

Так вот, действительно есть одна чрезвычайно важная деталь, которой нет в рассказе о Фермопилах ни у Диодора/Эфора, ни у Геродота. Это касается предполагаемого ночного нападения греков на лагерь Ксеркса в самый разгар кампании в Фермопилах с

целью убить Великого царя и таким образом устранить по крайней мере основную причину похода персов. Что мы должны думать об этом рассказе? Что касается моей, полностью скептической точки зрения, то см. главу 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СМОТР ПЕРСИДСКИХ ВОЙСК ГЕРОДОТА: ПЕРЕВОД

Точность и надежность обоих списков — спорный вопрос. Помимо того, что они выполняют особые функции в повествовании Геродота, они также предоставляют нам красочное описание разношерстной коалиции народов империи Ахеменидов при Великом царе Ксерксе в 480 году до Р.Х. По этой причине эти списки приводятся здесь во всей полноте в моем переводе (задача которого — точная передача технического содержания и колорита оригинала, а не изящество языкового стиля).

НАЗЕМНАЯ АРМИЯ (7.61.—88)

(61) Служили же в армии следующие народности. Прежде всего персы, которые были одеты вот как: на головах у них были тиары, мягкие войлочные шапки, а на теле — пестрые хитоны с рукавами, [а поверх —] доспех из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи, на ногах персы носили штаны [*anaxurides*]. У них были легкие плетеные щиты, под которыми висели колчаны¹, у них были короткие копья, большие луки с камышовыми стрелами, а, кроме того, на правом бедре с пояса свисал кинжал. Предводителем их был Отан, отец супруги Ксеркса Аместриды. В древнее время эллины называли персов кефенами, а сами они называли себя артеями (так их звали и соседи). Когда же Персей, сын Данаи и Зевса, прибыл к Кефею, сыну Бела, и взял себе в жены его дочь Андро-

¹ Когда щиты носились на спине. — *Прим. ред.*

меду, то родившегося сына назвал Персом. Сына своего Персей оставил в стране, так как у Кефея не было мужского потомства. От него-то персы и получили свое имя. (62) Мидяне же носят в походе такое же вооружение. Вооружение это, собственно, мидийское, а не персидское. Предводителем мидян был Тигран из рода Ахеменидов. В древности все называли их ариями. После прибытия к этим ариям Медеи колхидской из Афин и они также изменили свое имя. Таково предание мидян о самих себе. Киссии выступили в поход также в персидском вооружении, только вместо войлочных шапок они носили тюрбан. Во главе киссиев стоял Анаф, сын Отана. Также и гирканы были вооружены по-персидски. Начальником их был Мегапан, впоследствии правитель Вавилона. (63) Ассирийцы в походе носили на голове медные шлемы, своеобразно сплетенные каким-то трудно объяснимым способом, щиты, копья и кинжалы, подобные египетским, а, кроме того, еще деревянные палицы с железными шишками и льняные панцири. Эллины называют их сирийцами, а варвары — ассирийцами. Предводителем их был Отасп, сын Артахея. (64) Бактрийцы носили на головах шапки, очень схожие с мидийскими, тростниковые бактрийские луки и короткие копья. Скифы-саки носили на головах высокие островерхие тюрбаны [*kurbasiai*], плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы — боевые секиры. Это-то племя (оно было, собственно, скифским) называли амиргийскими саками, так как персы всех скифов называют саками. Бактрийцами и саками предводительствовал Гистасп, сын Дария и Атоссы, дочери Кира. (65) Индийцы носили одежды из «древесной шерсти», т.е. хлопковые, камышовые луки и стрелы с железными наконечниками. Вооруженные таким образом индийцы были поставлены под начало Фарназафра, сына Артабата. (66) Арии были вооружены мидийскими луками, а остальное вооружение у них было бактрийское. Во главе ариев стоял Сисамн, сын Гидарна. Парфяне, хорасмии, согдийцы, гандарии и дадики имели такое же вооружение, как и бактрийцы. Начальниками их были: у парфян и хорасмиев — Артабаз, сын Фарнака; у согдийцев — Азан, сын Артея; у гандариев и дадигов — Артифий, сын Артабана. (67) Каспии были одеты в козьи шкуры и вооружены местными луками из камыша и короткими мечами [*akinakes*]. Начальником их был Ариомард, брат Артифия. Саранги же шеголяли пестро

раскрашенными одеждами и сапогами до колен. Луки и копья у них были мидийские. Предводителем их был Ферендат, сын Мегабаза. Пактии носили козьи шкуры, вооружены были местными луками и кинжалами. Во главе пактиев стоял Артаинт, сын Ифамитры. (68) Утии, мики и парикании вооружены были подобно пактиям. Начальниками их были: у утиев — Арсамен, сын Дария; у париканиев же — Сиромитра, сын Эобаза. (69) Арабы были одеты в длинные, перехваченные ремнем бурнусы и носили на правой стороне очень длинные двойные луки. Эфиопы же носили барсовые и львиные шкуры. Луки их из пальмовых стеблей имели в длину не менее 4 локтей. Стрелы у них маленькие, камышовые, на конце вместо железного наконечника — острый камень (они используют его также, чтобы резать камни на перстнях для печатей). Кроме того, у них были копья с заостренными наконечниками из рога антилопы, и палицы, обитые железными шишками. Идя в бой, они окрашивали половину тела мелом, а другую — охрой. Во главе арабов и эфиопов, живущих южнее Египта, стоял Арсам, сын Дария и Артистоны, дочери Кира (ее Дарий любил больше всех своих жен и велел изготовить для себя ее статую из чеканного золота). Итак, предводителем эфиопов, живущих южнее Египта, и арабов был Арсам, но (70) эфиопы, жившие к востоку (в походе участвовали два племени эфиопов) были присоединены к индийцам. По внешности они ничем не отличались, а только языком и волосами. Так, у восточных эфиопов волосы прямые, а у ливийских — самые курчавые волосы на свете. Вооружены были эти азиатские эфиопы в основном по-индийски, только на голове они носили лошадиную шкуру, содранную вместе с ушами и гривой. Грива служила вместо султана, причем лошадиные уши торчали прямо. Вместо щитов они держали перед собой как прикрытие журавлиные кожи. (71) Ливийцы выступали в кожаных одеяниях с дротиками, острия которых были обожжены на огне. Предводителем их был Массагес, сын Оариза. (72) Пафлагонцы шли в поход в плетеных шлемах, с маленькими щитами и небольшими копьями; кроме того, у них были еще дротики и кинжалы. Ноги у них были обуты в местные сапоги, доходившие до середины ноги. Так же были экипированы лигии, матиены, мариандины и сирийцы. Этих последних персы зовут каппадокийцами. Пафлагонцами и матиенами командовал Дот, сын Мегасидра, а мариандинами, лигиями и сирийцами — Гобрий, сын Дария и Артисто-

ны. (73) Вооружение фригийцев было весьма похоже на пафлагонское, с небольшим лишь различием. По словам македонян, пока фригийцы жили вместе с ними в Европе, они назывались бригами, а после переселения в Азию они вместе с переменной местопребывания изменили и свое имя. Армении же, будучи переселенцами из Фригийской земли, имели фригийское вооружение. Начальником тех и других был Артохм, женатый на дочери Дария. (74) Вооружение лидийцев было почти такое же, как у эллинов. Лидийцы в древности назывались меонами, а свое теперешнее имя получили во времена Лида, сына Атиса. Мисийцы носили на голове местные шлемы; вооружение их состояло из маленьких щитов и дротиков с обожженным на огне острием. Мисийцы — переселенцы из Лидии, а по имени горы Олимпа они зовутся олимпиенами. Командиром лидийцев и мисийцев был Артафрен, сын Артафрена, который вместе с Датисом напал на Марафон. (75) У фракийцев в походе на головах были лисьи шапки, на теле они носили хитоны, а поверх — пестрые бурнусы. На ногах и коленях у них была обувь из оленьей шкуры. Вооружены они были дротиками, легкими плетеными щитами и маленькими кинжалами. После переселения в Азию это племя получило имя вифинцев, а прежде, по их собственным словам, они назывались стримонянами, так как жили на реке Стримон. Они утверждают, что их изгнали из мест обитания тевкры и мисии. Начальником азиатских фракийцев был Бассак, сын Артабана. (76) [Писидийцы?] носят маленькие щиты из бычьих шкур. Каждый вооружен охотничьим копьем ликийской работы, а на голове у них медные шлемы; на шлемах приделаны медные бычачьи уши и рога, а сверху — нашлемник. На ногах у них были обмотки из красных тряпок. У этого народа есть прорицалище Ареса. (77) Кабалии — меонийское племя, которых зовут также ласониями, вооружены по-кикийски (об этом я расскажу, когда перейду к киликийским отрядам). У милиев же были короткие копья и плащи, застегивающиеся пряжкой. Некоторые из них носили ликийские луки, а на голове — шлемы из собачьей шкуры. Ими командовал Бадр, сын Гистана. (78) У мосхов на голове были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты и копья с длинными наконечниками. Тибарены, макроны и моссиники были экипированы, как мосхи. Командиром у мосхов и тибаренов был Ариомард, сын Дария и Пармисы, дочери Смердиса, внушки Кира; у макронов и моссини-

ков — Артаякт, сын Херасмия, который был сатрапом на Геллеспонте. (79) Марии носили на головах плетеные туземные шлемы и были вооружены маленькими кожаными щитами и дротиками. У колхов на головах были деревянные шлемы; они носили маленькие щиты из сырой кожи, короткие копья, а также кинжалы. Мариев и колхов возглавлял Фарандат, сын Теаспия. Алародии же и саспиры выступали в поход вооруженными так же, как колхи. Предводителем их был Масистий, сын Сиромитры. (80) Население островов Красного моря, где царь поселил так называемых изгнанников, были одеты и вооружены совершенно по-мидийски. Предводителем этих островитян был Мардонт, сын Багея, генерала, который в следующем году после этого погиб в битве при Микале.

(81) Эти народности сражались на суше и составляли пешее войско. Предводителями их были названные мною люди. Они выстроили свои отряды в боевом порядке и подсчитали число воинов. Затем они назначили начальников тысяч и десятков тысяч, а начальники десятков тысяч в свою очередь поставили сотников и десятников. Кроме того, у отдельных отрядов и народностей были еще и другие предводителями. Итак, военачальниками были эти названные мною люди, (82) во главе же их и всего сухопутного войска стояли Мардоний, сын Гобрия; Тритантехм, сын Артабана, который высказал мнение против похода на Элладу; Смердомен, сын Отана (оба они — сыновья братьев Дария, двоюродные братья Ксеркса); Масист, сын Дария и Атоссы; Гергис, сын Ариазы, и Мегабиз, сын Зомира. (83). Это были командующие всем сухопутным войском, кроме 10 000 персов. Во главе этого отряда 10 000 отборных персидских воинов стоял Гидарн, сын Гидарна. Этот отряд персов называли «бессмертными», и вот почему. Если кого-нибудь постигала смерть или недуг и он выбывал из этого числа, то выбирали другого и их всегда бывало ровно 10 000 воинов — не больше и не меньше. Из всех народностей [империи] лучше всего держали боевой порядок персы, и они были самыми доблестными. Снаряжение их было такое, как я уже сказал, а кроме того, они блистали множеством роскошных золотых украшений. Их сопровождали крытые повозки, наложницы и множество прислуги в богатых одеждах. Продовольствие для них везли отдельно от прочих воинов на верблюдах и выючных животных.

(84) В коннице служили все народности, но для экспедиции только следующие предоставили кавалерию. Во-первых, персы, носившие то же вооружение, как и пешие, но только у некоторых на голове были чеканной работы медные и железные шлемы. (85) Среди них есть некие кочевники по имени «сагартии». По происхождению и языку — это персы, но одежда их частично персидская, частично пактийская. Они выставляли 8000 всадников; по обычаю, бронзового или железного оружия у них, нет, кроме кинжалов. Вместо этого у них только плетенные из ремней арканы, и на них они полагаются, когда идут в бой. Сражаются они так: сойдясь с врагом, они забрасывают арканы с петлей и затем тащат к себе, кого поймают — коня или человека. Люди, пойманные в аркан, погибают. Таков их способ боя, и стояли сагартии возле персов. (86) Мидийские всадники были снаряжены подобно своим пехотинцам, так же и киссии. Индийские всадники имели снаряжение с пешими воинами одинаковое, но ехали не только верхом на конях, но и на колесницах, запряженных конями и ослами. Вооружение бактрийских всадников и каспиев было то же, что и у пеших воинов. То же и у ливийцев, и все они также ехали на колесницах [?] и парикании были вооружены так же, как и пешие воины. У арабов тоже было одинаковое вооружение с пешими воинами, но все они ехали на верблюдах, по быстроте не уступающих коням. (87) Только одни эти народности служили в коннице, всего их численность составляла 80 000 всадников, не считая верблюдов и колесниц. Остальные всадники были построены эскадронами, арабы же стояли последними позади всех, чтобы кони не пугались, так как кони не могли выносить верблюдов. (88) Начальниками конницы были Гармамифрас и Тифей, сыновья Датиса. Третий же начальник — Фарнух — занемог и остался в Сардах. При выступлении из Сард с ним приключилось неприятное происшествие. Когда Фарнух ехал верхом, под ногами коня пробежала собака, и конь, не заметив ее, в испуге стал на дыбы и сбросил Фарнуха, который стал харкать кровью, и недуг перешел в чахотку. С конем же слуги тотчас поступили по его приказу: отведя коня на то место, где он сбросил своего хозяина, они отсекали ему ноги по колени. Так Фарнух лишился должности командира.

ФЛОТ (89—99)

(89) Всего триер было 1207, и распределены они были следующим образом. Финикияне вместе с сирийцами из Палестины выставили 300 триер, а вооружение и экипировка этих воинов была такая: на головах были кожаные шлемы, очень похожие на те, что у эллинов, они носили льняные панцири, щиты без ободьев и дротики. Финикияне, по их же словам, в древности обитали на Красном море, а впоследствии переселились оттуда и ныне живут на сирийском побережье. Эта часть Сирии и вся область вплоть до Египта называется Палестиной. Египтяне выставили 200 кораблей. Они носили плетеные шлемы, выпуклые щиты с широкими ободьями, морские [абордажные] копья и большие секиры. У большинства были панцири и длинные ножи. Так они были вооружены. **(90)** Киприоты выставили 150 кораблей. Снаряжение у них было следующее: цари их носили головные повязки, а все прочие — туники; в остальном они были одеты по-эллински. Они происходят из разных мест: из Саламина, Афин, Аркадии, Кифна, Финикии и Эфиопии, как говорят сами киприоты. Киликийцы снарядили 100 кораблей. **(91)** Они носили на голове шлемы особого местного производства, маленькие круглые щиты из бычьей кожи вместо больших и шерстяные туники. У каждого было по два дротика и меч, весьма схожий с египетскими ножами. В древности киликийцы назывались гипахеями, а свое теперешнее имя получили от Килика, сына Агенора финикийца. Памфилы предоставили 30 кораблей и были вооружены по-эллински. Эти памфилы ведут свое происхождение от отрядов Амфилоха и Калханта, рассеявшихся из-под Трои. **(92)** Ликийцы предоставили 50 кораблей. Они носили панцири и поножи, кизилловые луки, неоперенные камышовые стрелы и дротики. На плечах у них были накинuty козьи шкуры, а на головах — войлочные шапки, увенчанные перьями, вооружены они были кинжалами и серпами. Ликийцы родом с Крита и назывались прежде термилами, а свое теперешнее имя они получили от Лика, сына Пандиона, афинянина. **(93)** Азиатские дорийцы, родом из Пелопоннеса, выставили 30 кораблей. Они вооружены по-эллински. Карийцы выставили 70 кораблей. Вооружение у них было также эллинское, но, кроме того, еще серпы и кинжалы. Как они назывались раньше, я уже рассказал в

первой книге моего труда [*Leleges*, 1.171]. (94) Ионийцы снарядили 100 кораблей и были вооружены по-эллински. Пока ионийцы жили в Пелопоннесе в теперешней Ахее, т.е. до прихода Даная и Ксуфа в Пелопоннес, они назывались, по эллинскому преданию, береговыми пеласгами и эгиалеями. Затем от Иона, сына Ксуфа, они получили имя ионийцев. (95) Жители островов выставили 17 кораблей; вооружены они были по-эллински. Они также принадлежали к племени пеласгов и впоследствии были названы ионийцами по той же причине, что и переселенцы из Афин — жители двенадцати ионийских городов. Эолийцы снабдили 60 кораблей; вооружены они были так же, как эллины, и назывались в древности, как утверждают эллины, пеласгами. Геллеспонтийцы — все другие жители Понта, кроме абидосцев (абидосцам было приказано царем оставаться на месте и охранять мосты) — снарядили 100 кораблей и были вооружены, как эллины. Эти города — частью ионийские, частью дорийские колонии. (96) На всех кораблях находились персидские, мидийские и сакские воины. Из этих кораблей лучше всех на плаву были финикийские, а из финикийских — сидонские. У всех этих народностей (и у тех, которые составляли пешее войско) были еще и свои военачальники, чьих имен я не привожу, так как это вовсе не нужно для моего повествования, ибо не все предводители достойны упоминания, и командиров было меньше, чем городов. Более того, они были скорее не генералами, а рабами, как простые воины, поскольку, как я уже говорил, только персы обладали властью командовать другими племенами. (97) Предводителями же флота были: Ариабигн, сын Дария; Прексасп, сын Аспафина; Мегабаз, сын Мегабата, и Ахемен, сын Дария. А именно, во главе ионийского и карийского флота стоял Ариабигн, сын Дария и дочери Гобрия; египетским флотом командовал Ахемен, родной брат Ксеркса; предводителем остальных кораблей были два других начальника. Число 30-весельных, 50-весельных кораблей, легких судов и длинных грузовых судов для перевозки лошадей доходило до 3000. (98) Наиболее выдающимися после военачальников во флоте были сидонянин Тетрамнест, сын Аниса; тириец Маттен, сын Сиромы; Мербал, сын Агбала из Арада; киликиец Сиеннесий, сын Оромедонта; ликиец Киберниск, сын Сика; Горг из Кипра, сын Херсия, и Тимонакт, сын Тимагора; карийцы Гистией, сын Тимна, Пигрет, сын

Гисселдома, и Дамасифим, сын Кандавла. (99) Говорить об остальных начальниках нет необходимости, кроме Артемисии — женщине, которой я весьма удивляюсь за то, что она выступила в поход на Элладу. После кончины своего супруга она взяла верховную власть в свои руки и с мужественной отвагой [*andreia*] собралась в поход, влекомая только духом приключений, хотя при малолетнем сыне в этом не было необходимости. По отцу она происходила из Галикарнаса (она была дочерью Лигдамида), а по матери — с Крита. Она предводительствовала кораблями из Галикарнаса, Коса, Нисира и Калидны и снарядила 5 кораблей. Эти корабли после сидонских были самыми лучшими во всем флоте, и советы, которые Артемисия давала царю, из всех советов участников похода были наиболее полезными. Я хочу еще упомянуть, что население перечисленных мною городов, подвластных Артемисии, было чисто дорийским: галикарнасцы ведь вышли из Трезена, а прочие — из Эпидавра.

Приложение 3

ГЕРОДОТ КАК ПРОТИВОЯДИЕ ОТ ФУНДАМЕНТАЛИЗМА¹

Современный Иран ассоциируется с двумя проблемами, которые очень тревожат и беспокоят мир воистину в глобальном масштабе: обогащение урана с перспективой создания ядерного оружия массового поражения и, во-вторых, международный терроризм, мотивированный и вдохновляемый революционной религиозной идеологией. Поистине, мы прошли долгий путь с 1971 года, когда шахиншах («царь царей») Мухаммед Реза Пехлеви почти с непристойной напыщенностью отпраздновал предполагаемую 2500-лет-

¹ Первоначальная версия данного Приложения была прочитана в качестве лекции в Музее Афинского университета в мае 2005 года в рамках коллективного тома о Геродоте, опубликованного группой «В круге» Афинского университета под руководством д-ра Мэри Йосси (факультет классики). Я признателен д-ру Йосси и ее коллегам за ее радушное приглашение и непревзойденную *philoxenia*.

нюю годовщину кончины Кира Великого («предполагаемую», потому что он умер в 529 году до Р.Х., и годовщина приходилась на 1972 год). Всего через восемь лет, в 1979 году, трон пал, и его место занял весьма специфический исламский режим, пришедший на смену древности. Однако это отнюдь не было концом Древней Персии, во всяком случае, не в категориях нынешней традиции литературной фантазии и функциональной интерпретации на Западе.

Во-первых, в 1996 году родился новый Ксеркс, предположительно, второстепенный персонаж превосходного романа Робинтона Мистри «*Совершенное равновесие*» (*Fine Balance*) о режиме «чрезвычайного положения» Индиры Ганди середины 70-х годов XX в. Более точно этот Ксеркс родился в семье парсов племянником одного из четырех главных действующих лиц романа в городе, под которым явно подразумевался Бомбей (ныне Мумбай). Сам Мистри по происхождению парс из Бомбея/Мумбая, переехавший в Канаду до того, как написал свой роман. Чтобы добиться столь великолепных результатов реконструкции и ретроспективного анализа, от автора с очевидностью требовалось именно подобное дистанцирование в пространстве и времени. В отличие от своей сестры, отец Ксеркса все еще полностью отдается практике религии парсов, прежде всего с ее уникальным подходом к захоронению, или скорее незахоронению, в «башнях молчания». Мы мгновенно переносимся на три тысячи лет назад в мир Зороастра и магов, первоначальных зороастрийцев, чьими живыми преемниками и продолжателями являются современные парсы, о чем свидетельствует само их название, хотя они разбросаны по всему свету.

Затем, в 2004 году, рождается новый Леонид, но не в Греции, а в современном Фетхийе в Турции, древнегреческом Телмиссе (на родине, в частности, Аристандра, любимого гадателя и гуру Александра Великого). Этого нового Леонида называли Леонидом Даскалом, «Учителем» Леонидом, или «Леонидом Эфенди», который — отдавал ли себе в этом отчет его создатель Луи де Берньер или нет — имел более чем мимолетное сходство со своим древним тезкой Леонидом Эпирским, родственником грозной матери Александра Олимпии, являвшимся одним из двух главных учителей Александра в детстве. *Бескрылые птицы* де Берньера — превосходный роман о грандиозном политическо-этническом перевороте, греко-турецком конфликте начала 20-х годов XX в. с сопрово-

ждавшими его массовыми бойнями и последовавшими за ними обменами населением и этническими чистками. Леонид изображен без всякого сочувствия, мы видим его глазами двух турецких жителей Фетхией (что означает «Завоевание») — Искандера (Александра, по-турецки) Горшечника и Каратювюка Писца, ученика Мехметчика, который, в свою очередь, учился греческой грамоте у Учителя Леонида. Леонид был тем, кого древние греки называли бы *grammatistes*, учителем грамматики, чьей основной обязанностью было учить письму, используя замечательное греческое изобретение, простой алфавит из двадцати пяти букв модифицированной в восьмом веке до Р.Х. финикийской (северо-западной семитской) основы. Этот Леонид, который здесь имеет не только мимолетное сходство с Леонидом Эпирским, но и со стереотипным спартанским учителем интересующего нас периода, с целью внедрить свою педагогику отдает предпочтение тому, что мы можем деликатно назвать прямым методом обучения, временами не отличимым от открытого физического насилия.

Мистри — канадский парс бомбейского происхождения. Де Берньер — англичанин гугенотского происхождения, очарованный экзотическими и закрученными политическими сценариями (помимо своей первой работы *Мандолина Капитана Корелли*, он также является автором ряда псевдомагическо-реалистических романов, место действия которых — неназванные латиноамериканские страны, изнывающие под гнетом правых диктатур). Третий из основных авторов современности недавно внес свой вклад в нашу историю об активном греческом и персидском наследии: бразилец Паоло Коэльо, лучше известный, пожалуй, своим романом *«Алхимик»*. Свое авторское примечание к роману *«Дьявол и мисс Прим»* (2000 г., английский перевод 2001 г.), басне с моралью, действие которой происходит где-то в горах современной Испании, Коэльо начинает с ремарки: «Первая история о разделении происходит из древней Персии». Он имеет в виду разделение — в обоих смыслах, как размежевание, так и антагонизм — между Ормуздом, олицетворяющим Свет и Истину, и Ариманом, олицетворением Тьмы и Зла. Де Берньер также фокусирует свой роман на двуполярной оппозиции между христианином-греком и мусульманином-турком. У Мистри полярность была скорее равновесием — воистину «совершенным» — между надеждой и отчаянием. Разделение и равновесие были также в центре замысла Геродота,

но его основным тропом, или метафорой, если можно так выразиться, был предел.

Он завершил свое предисловие отрезвляющим замечанием, что энтропия (если использовать метафору современной науки) является неотъемлемой характеристикой жизненного цикла государств: большинство городов его времени некогда были большими и наоборот, великие города и государства его времени безусловно со временем утратят свое величие. Ибо, как он нравоучительно утверждает, «преуспевание человека никогда не пребывает долгое время в одном месте». Используя технику кольцевой структуры, он ожидает и предвкушает свое давно отложенное заключение в конце того, что мы полагаем Книгой 9¹. Мы видим, как Кир — Кир II Великий, основатель Персидской империи, запустивший весь механизм обмана, потерь и выигрышей, оскорблений и возмездий, так замечательно запечатленных Геродотом, наставляет свой народ. Эти наставления, которые Геродот явно считал мудрыми, сводятся к следующему, совершенно греческому уроку: знайте свои ограничения и следуйте им. Применительно к персам Кира, это означало принятие решения оставаться на своей суровой земле, матери прекрасных солдат, которые станут править многими народами вместо того, чтобы быть их рабами.

Так им и следовало поступить, но на самом деле они отклонились с прискорбными последствиями, начиная со времени правления самого основателя империи Кира. Кир умер не в собственной постели в Пасаргадах, своей первоначальной столице, а далеко в Средней Азии, сражаясь с племенами массагетов Каспия. Его сын Камбиз завоевал для империи Египет, но сошел с ума и в результате то ли был убит, то ли покончил самоубийством. Даже Дарий, осторожный и хитрый «местный розничный торговец», перестроивший империю на примечательно прочной основе, потерпел военную неудачу сначала в Скифии, затем Греции, где его армия проиграла Марафонское сражение, и умер, не добившись возмездия, о необходимости которого ему якобы ежедневно напоминали. Что же касается его сына и преемника Ксеркса, то он

¹ Это, собственно, позднейшее деление его труда, сделанное учеными мужами в библиотеке при Музее (Святынище муз) в постклассический период в Александрии Египетской, которые развлекались тем, что приписывали каждую «книгу» одной из девяти муз.

кончил очень скверно, жертвой домашнего убийства в гареме в 465 году. Геродот будет знать об этом, но в своем отчете о событиях, последовавших за Греко-персидскими войнами, он предпочел не упоминать этого. Ему было достаточно дать детальный отчет о тотальной неудаче сверхамбициозной, высокомерной и фатально кощунственной попытки Ксеркса присоединить европейскую Грецию к владениям своей империи. Самое парадоксальное, однако, заключалось в том, что Греция, которую Ксеркс хотел завоевать, вовсе не была богатой, щедрой землей роскоши. Это была земля, где нищета стала повседневностью, земля, оптимальная для противоположности и рока персов — аскетичных спартанцев, истинных героев нашего повествования, но не вполне, надо признать, рассказа Геродота.

Итак, мы возвращаемся в своем круге (*kuklos*) к исходной точке, к историографии Фермопил и, прежде всего, историографии Геродота. Я уже затрагивал в основном технические вопросы, касающиеся надежности и достоверности Геродота. Здесь же я попытаюсь дать более широкую и, возможно, более неосторожную оценку его актуальности. Тяжела ответственность за попытку должным образом оценить мыслителя и писателя, который был одним из великих гениев-новаторов пятого века до Р.Х. Эта ответственность тем тяжелее, что Геродот был основателем истории — целой интеллектуальной дисциплины и практики, или искусства, к которому я тоже удостоен чести приложить руку.

Итак, я начну с парадокса в стиле Геродота. С одной стороны, сам Геродот был традиционно благочестив в нормальном и обычном древнегреческом смысле своего времени. Он верил в существование богов (или того, что он иногда называл «божественным» (*to theion*)) и в их способность активно и решительно воздействовать на мир людей, как и когда они считали нужным. Кроме того, он, видимо, верил в силу и истинность божественно вдохновенного и засвидетельствованного пророчества. Сегодня такого рода религиозные взгляды вполне могут считаться полностью совместимыми и совпадающими с тем, что обычно называют религиозным фундаментализмом — за исключением того, что, в отличие от богобоязненных евреев, мусульман и христиан, благочестивые древние греки не имели авторитетных священных текстов, на которые они могли бы ссылаться, не говоря уж о всеобъемлющих священных текстах (Библия, Коран), которыми могли бы руководство-

ваться. И, разумеется, они верили не в Единого Всемогущего Бога, а в многочисленных богов, потому что, по их мнению, «мир полон богов», как якобы утверждал первый в мире интеллектуал Фалес из Милета (около 600 г. до Р.Х.).

С другой стороны, хотя Геродот был благочестивым верующим в традиционном древнегреческом смысле — фактически, я склонен утверждать, что именно по этой причине он был как интеллектуально способен, так и морально готов видеть, что Другие (не греки) в сфере религии проявляли себя иначе: они верили в совершенно иные, на самом деле несовместимо и несоизмеримо отличные вещи, и не менее усердно исполняли другие религиозные отправления. И он не прилагал свои представления только к религиозным верованиям и практикам. Он видел — в буквальном и метафорическом смысле — что Другие не менее, чем греки, в целом преданы своей несомненной истине и своим обычаям (*nomoi*), и не только религиозным. Геродот был не только первым на Западе историком, он был также первым антропологом и культурологом-компаративистом. Именно этим Геродотом — релятивистом в методе и плюралистом в убеждениях — я хочу завершить свою презентацию, надеюсь, в качестве противоядия от того, что я считаю ядом современных форм фундаментализма, главной особенностью которого является полная нетерпимость.

Позвольте мне для начала раскрыть свои карты. Я не против каких-либо религиозных убеждений и практик, хотя и не придерживаюсь таковых. Для меня как для интеллектуала, есть место любой религиозной деятельности и любым верованиям в рамках философского мировоззрения. Я полностью солидарен с Протагором, древнегреческим интеллектуалом-плюралистом пятого века до Р.Х. (из Абдеры на севере Греции), который, как считают, писал, что вопрос о богах темен и что человеческая жизнь слишком коротка, чтобы освоиться с ним; я также полностью согласен с Сократом (во всяком случае, в данном вопросе...), согласно которому, как сообщает его самый блестящий ученик Платон, «неисследованная жизнь недостойна человека». На мой взгляд, интеллектуальное исследование или изыскание, будь то в духе Сократа или Протагора, фундаментально несовместимо с каким бы то ни было видом религиозного фундаментализма — прошу извинения за каламбур.

Теперь, когда мы, так сказать, разобрались с интеллектуальными основами, давайте внимательно рассмотрим четыре отрывка из *Истории* Геродота.

Первый отрывок (8.3.1.) звучит следующим образом: «Распри в своем народе [всего два слова по-гречески: *stasis* (буквально «стояние отдельно») *emphulos*] настолько же губительнее единодушной войны [*polemos*] [против *внешнего* врага], насколько война губительнее мира». Я полагаю, хотя не могу доказать этого, что Геродот был в сущности мирным человеком. Во всяком случае, он почти наверняка не командовал ни наземными войсками, ни флотом. Это не значит, что он не сражался, когда считал нужным, и важно, что имеются свидетельства того, что он принимал участие именно в таком конфликте [*stasis*] в своем родном Галикарнасе. Я имею в виду, что он был не из тех, кто получает удовольствие от самого участия в войне. Как он красочно выразился, в случае мира сыновья хоронят своих отцов, а в случае войны отцы хоронят своих сыновей, то есть имеет место нарушение нормального порядка вещей. Возможно, эта позиция сделала его нетипичным греком. Безусловно нетипичным было его убеждение, столь ярко выраженное в этом отрывке, что для греков неправильно сражаться против греков. По крайней мере, я полагаю, именно это он имел в виду под *stasis emphulos*, а не *stasis*, или не только *stasis*, который происходит в отдельном городе, т.е. то, что мы называем гражданской войной. Для этого было бы достаточно сказать *stasis*. Эта его враждебная позиция по отношению к меж- или внутригреческим военным действиям усиливалась благодаря его необычайно широкому и страстному варианту панэллинизма.

Для большинства греков родиной (*patris*) был его родной полис. Поэтому в типичном случае патриотизм в Древней Греции носил местный, а не, так сказать, «национальный» характер. Фактически, как мы убедились, древние греки не были «нацией» в строгом смысле слова. Я бы сказал, что Геродот горько сожалел об этом упущении. Доказательством тому служит второй выбранный мною отрывок, также из Книги 8 (144.2)

Зима 480/479 года. Немногочисленные и не достигшие прочного единства греки, оказывавшие сопротивление массированному вторжению персов под личным руководством Великого царя Ксеркса, потерпели поражение при Фермопилах, но добились огромной победы в морском сражении под Саламином. Однако эта

победа не была окончательной. Хотя Ксеркс и удалился в Персию с поджатым хвостом, для завершения начатого им завоевания он оставил в Греции Мардония, сына Гобрия, закадычного друга Дария, с огромной армией и все еще дееспособным флотом. Возможно, в отличие от своего господина, Мардоний не был лишен некоторой хитрости немного в стиле Одиссея. Чтобы обеспечить себе окончательную победу в решающем сражении на земле, он пытается подкупом заставить афинян выйти из коалиции верных греков. (Интересно, что он явно не помышлял о том, чтобы подкупить спартанцев, которые, по крайней мере позже, прославились именно тем, что их можно было легко подкупить...) В качестве посредника в переговорах с афинянами Мардоний использовал македонского царя Александра I, вассала Персии. Спартанцы, прослышав о закулисных махинациях Мардония, видимо, также подозревая, что афинян действительно можно подкупить, немедленно послали в Афины делегацию, чтобы убедить афинян оставаться верными делу «Греков».

Был ли Александр греком? В техническом смысле, да. Но не более чем в техническом. Во всяком случае, в глазах Геродота он не всегда вел себя как грек, или как настоящий грек, то есть в полном противоречии с поведением спартанцев и, особенно, афинян в 481—479 годах. Я говорю так, поскольку Геродот использует этот эпизод, чтобы показать то, что он считает самым важным аспектом, самым значительным из того, что значит быть греком. Поэтому Геродот вкладывает в уста «афинян» знаменитую декларацию того, что стали называть «эллинизмом», или «греческостью». Вот полное изложение цитаты из ответа «афинян» спартанцам, записанной, или скорее выдуманной — Геродотом:

Много причин, и притом весьма важных, не позволяет нам так поступить [перейти на сторону персов и предать Элладу в рабство]. Во-первых, самое важное препятствие к примирению — это сожженные и разрушенные [мидянами] святилища богов. За это нам нужно кровью отомстить, прежде чем примириться с человеком, содеявшим это. Затем — наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни. Предать все это — позор для афинян.

Мы еще раз отмечаем то решающее значение, которое он придает религии — вполне можно было бы решить, что это еще одна причина, по которой в традиционном смысле благочестивый Геродот должен был бы быть нетерпим и враждебен к религиозным практикам и убеждениям негреческих народов, или «варваров». Тем не менее он не был ни нетерпим, ни враждебен. Двумя различными, но взаимно дополняющими и усиливающими друг друга путями он признает, что греки не обладают уникальным и исключительным правом претендовать на религиозную добродетель или мудрость. С одной стороны, он был первым, кто признал и фактически заявил, что, несмотря на все множество вещей, которые они делали иначе или в точности наоборот, варвары — особенно египтяне — создали и передали грекам некоторые основные аспекты греческой религии. С другой стороны, даже в тех случаях, когда религиозные обычаи варваров были так далеки, или чужды, фактически противоположны греческим, как только можно вообразить, даже и особенно тогда Геродот был готов к грандиозному акту великодушия в толковании, почти демонстративного понимания.

Это приводит меня к третьему выбранному отрывку (3.38). Вероятно, не бывает более показательной характеристики привычных религиозных взглядов и практик человеческих обществ, чем их отношение к смерти и похоронам. Это одновременно и интимный индикатор, и составляющая как групповой, так и личной идентичности. Скажите мне, как вы умираете — то есть как вы обставляете процесс смерти и похорон, и я скажу вам, кто вы. Отсюда великая сила иллюстративного рассказа Геродота, его притчи. Здесь мы сразу видим особенность его манеры изложения, которая вновь проявится в моем четвертом отрывке, а фактически во всех ключевых моментах его работы (особенно в так называемых Персидских дискуссиях о теории политического устройства, также из Книги 3), а именно то, что его выбор негреческого и, что особенно специфично, персидского фона должен обеспечить фокус моральной, или этической дискуссии, касающейся и предназначенной исключительно для греческой аудитории.

Вот притча. Однажды — не уточняется, когда именно — Великий царь Дарий, отец Ксеркса, вызвал к себе в Сузы, одну из многочисленных главных столиц своей империи, представителей двух неперсидских этнических групп — всего двух из многочисленных,

которые, как мы знаем, были наняты в составе многонациональной армии этого величайшего из строителей Персии. Первыми он вызвал греков, а затем индийцев, которых называли каллатами. Первым он адресовал такой вопрос: за какую плату они согласились бы отказаться от своего погребального обычая и съесть своих покойных родичей, вместо того чтобы кремировать их? Греки ответили, что никогда и ни за какие деньги не пойдут на это. Тогда Дарий спросил индийцев, за какую плату они согласились бы отказаться от своего погребального обычая и кремировать своих покойных родичей, вместо того чтобы есть их. Они были якобы еще больше возмущены этим предложением, чем греки, и просили Дария не произносить этого вслух даже шепотом. Геродот завершает рассказ комментарием, что он согласен с Пиндаром, что «обычай — [*nomos*] царь [*basileus*] всего».

Геродот пересказал эту историю именно для того, чтобы проиллюстрировать и донести до своей аудитории общее правило всех человеческих социальных групп, что каждый народ считает свои обычаи абсолютно лучшими, лучшими вне всякого сравнения. Это сама по себе весьма отрезвляющая идея: вы можете любовно считать свои обычаи безусловно лучшими, но позвольте мне сказать, что это только ваше мнение, другие народы поступают весьма отличным от вашего образом и думают точно то же самое о своем поведении, что и вы о своем... Так говорит Геродот-релятивист. Но то же говорит и Геродот-плюралист, поскольку в отличие от истинного этического релятивиста он не считает обычаи всех народов равными. В частности, каннибализм, то есть поедание людей, специально убитых для этой цели, что обычно практикуется антропофагами (людоедами) скифами (в регионах к северу и востоку от Черного моря), для Геродота — абсолютное зло. Таким образом, весьма примечательно, что, рассказывая и комментируя эту историю, он не выносит негативного суждения о людоедской похоронной практике индийцев. Это, безусловно, демонстрирует предельную терпимость, а также указывает путь к подлинному уважению к искренним верованиям и обычаям Других, независимо от того, насколько «другими» представляются (Нам) эти верования и обычаи.

Я завершаю еще одним пользующимся заслуженной известностью отрывком из нашего автора (1.207). Подобно паре уже цитированных примеров, он помещен в персидский контекст — на

этот раз не в Сузах, а далеко на северо-западе, на территории варваров-массагетов в Средней Азии, к востоку от того, что сегодня осталось от Аральского моря. В 529 году Великий царь Кир II осуществляет очередную карательную завоевательную экспедицию против народа, которым правила свирепая царица. Он созывает конклав (если мне позволительно позаимствовать этот термин у Римско-католической церкви) своих особых ведущих советников-персов и неперсов, включая некоего Креза. Это некогда сказочно богатый бывший царь Лидии Крез, которого Кир якобы пощадил вопреки классическому случаю дерзкого нарушения установленных границ (*hubris*) за фатальную ошибку в толковании двусмысленного дельфийского пророчества в 545 году. Воодушевленный пророчеством о том, что если он перейдет реку Галис, то разрушит великую империю, он перешел реку, твердо ожидая, что уничтожит империю Кира, что закончилось уничтожением его собственной.

Геродот также был рад оставить Креза в живых, но по иной причине — с тем, чтобы он мог служить мудрым советчиком и предупредить Великого царя Персии, своего завоевателя, великодушно его пощадившего, что он и делает в сцене из Книги I, которой я сейчас особенно интересуюсь. Он начинает свое смиренное славословие Киру, заявив, что его и его жизнь предал в руки Кира Зевс. (Разумеется, другое дело, как в противоположность Геродоту и его аудитории воспримет это заявление Кир.) Затем Крез говорит о собственных горьких страданиях — не для того, чтобы просто оплакать их, а чтобы привлечь к ним внимание. Он утверждает, что лично он выучил горький урок, но тот же урок может усвоить также и Кир, если только не совершит ошибку, приравняв себя к бессмертным богам. То есть Кир должен помнить, что он смертный, как в следующем поколении был вынужден напомнить регенту Спарты Павсанию Симонид. Усвоенный Крезом урок таков: человеческие дела напоминают вращение колеса (откуда наше слово «цикл»). Крез имеет в виду, что одним и тем же людям не всегда позволено сохранять удачу.

Мы можем проигнорировать остальную часть речи Креза; он дает явно неудачный совет Киру, который гибнет именно в этой безрассудной кампании против массагетов. Меня интересует скорее само понятие круга, ибо эта метафора очень хорошо отражает основное различие между древнегреческой моделью мышления и

нашей собственной. Древние греки были, безусловно, знакомы с понятием Прогресса — технического, культурного, даже, возможно, этического. Однако это вряд ли было преобладающей идеей, не говоря уж о том, чтобы быть движущей силой их культуры. Им благословенный Золотой век мыслился как имевший место в далеком прошлом. Так что это благодатное желанное состояние представлялось идеалом, который в лучшем случае можно вернуть или, может быть, подражать ему, но не обязательно превзойти. Одна из версий этого радикально статичного мировоззрения приняла форму вечного возвращения, в точности *kuklos* 'а Креза: колеса Фортуны, которое возвращает людей назад, откуда они начинали, или опускает их после того, как они вознеслись.

Так Геродот заканчивает свою *Историю* — намеком на то, что излишество всегда предвещает катастрофическое падение и что умеренность относительной бедности — предпочтительное состояние. Если мы так же отнесемся с должным вниманием к необходимости геродотовской уравниловки и объективности, то последнее отрезвляющее слово должно быть, по-видимому, предоставлено великому поэту нового времени Константину Кавафи:

*Честь тем, кто в жизни
Чтит Фермопилы...
И даже больше чести им,
Когда они предвидят (как многие),
Что Эфиальт придет
И что мидяне в конце концов прорвутся.*

Победу в персидских войнах одержали греки, вернее те из них, кто в критический момент объединились под водительством Спарты, чтобы оказать сопротивление персидским агрессорам. Но предатель Эфиальт у Кавафи был тоже греком и человеком, и даже слишком человеком. На страданиях учатся. Этот урок постоянно преподносит греческая трагедия, как в театре, так и вне его стен, в буквальном смысле как на сцене, так и вне нее.

Фукидидов Перикл в своей последней речи, вложенной в его уста историком, нравоучительно утверждает, что все позитивное должно прийти к концу и великое смениться упадком. Это не единственная Геродотова нотка, которую можно обнаружить в работах его последователя, это только один пример из множества,

ФЕРМОПИЛЫ

подтвердивших правильность *пронойи*, или предвидения, Перикла. Ибо внимательному исследователю спартанской истории известно, что немногим более столетия после Фермопил неумолимый *kuklos* человеческой фортуны унизил, очень унизил спартанцев. Они опять немного поднимутся, но никогда не достигнут высот величия своего Золотого века между 550 и 450 годами. Но память о них сохранится с античности, через Средневековье и ранний период нового времени до нынешних дней. И, может быть, нам позволительно пропустить самые темные периоды — некоторые воистину очень темные, и увидеть светлую сторону, окинув восхищенным взглядом героических спартанцев и спартанок 480 года — года Фермопил.

ГЛОССАРИЙ

agôgê — Специфически спартанская государственная система воспитания, обязательная для мальчиков в возрасте от 7 до 17 лет включительно; существовал ее менее формализованный аналог для девочек того же возраста, завершавшийся замужеством в 18 лет.

agôn — Древне-греческое слово для состязания или соревнования, как мирного (напр., Олимпийские игры), так и немирного (война называлась *agôn*). Это понятие было ключевым для греческой культуры, которая поэтому характеризовалась как «агонистическая». «Агония» восходит к греческому слову, означавшему состязательность.

andreia — Буквально «мужественность», с расширением значения до «мужества» как мужской добродетели, а также «отваги» как основного качества, требуемого в греческих военных действиях.

dêmos — Народ, совокупность граждан, общественность, массы, большинство, простой народ.

hêgemôn — Буквально «лидер», особенно межгосударственного военного союза, такого как Спарта в Пелопоннесском союзе.

historiê — Буквально «исследование», расширительно применяемое к результатам исследования человеческого прошлого и, таким образом, к истории в нашем смысле (форма с окончанием на -ê принадлежит ионийскому диалекту Геродота; в аттическом, афинском, греческом использовалась форма *historia*).

homoioi — Буквально «подобные», схожие или равные в каких-то, но не во всех отношениях; технический термин, означающий полноправных граждан Спарты, отличных от разных категорий «низших» (*sub-homoioi*), включая деградировавших бывших спартанцев, пониженных в статусе по экономическим и прочим причинам.

hubris — Специальный греческий термин, означавший нарушение фиксированной границы, отделявшей людей от богов, или уголовно наказуемое нарушение статуса другого человека, особенно сопровождаемое насилием; английское слово «*hubris*» имеет более широкое значение любого поведения или отношения, которое представляется чрезмерно амбициозным или высокомерным.

nemesis — Божественное возмездие, праведный гнев.

nomos — Производное от глагольного корня со значением «распределять», использовалось в смысле «обычай» или «закон»; *nomoi* (мн. ч.) разделялись всеми греками и делали их таковыми (см. **Греческость, Иония/ионийцы**).

oikos — Домашнее хозяйство включая собственность и скот, а также членов семьи, как свободных, так и несвободных.

politeia — Гражданство, государственное устройство (напр., **демократия**).

proskunêsis — Коленопреклонение, низкий поклон — жест, который греки считали уместным лишь по отношению к богам, но который персы были обязаны совершать в присутствии Великого царя (которого при этом персы не считали живым богом).

stasis — Процесс или состояние «стояния отдельно», таким образом — раскол, общественные беспорядки, гражданская война.

xenia/xenos — *Xenia* являлась формой ритуализированной дружбы между, как правило, аристократами или социально влиятельными людьми из различных городов и/или культур, налагавшей жесткие наследуемые обязательства, такие как взаимное гостеприимство, на партнеров.

Агиады и Эврипontiды — Два спартанских наследственных царских дома, происходивших якобы от Агиса и Эврипонта (X в. до Р.Х.?), каждый из которых давал одного из двух правящих царей. Линейная преемственность от отца к сыну нередко прерывалась, как в случае царя Леотихида из рода Эврипontiдов (правил в 490—478 гг.), являвшегося дальним родственником своего предшественника Демарата, и в таких случаях для компенсации несовершеннолетия приходилось прибегать к регентству, как в случае регента Павсания из дома Агиадов, который в 479 году привел греков к победе под Платеями.

Агора — Первоначально место собраний; с появлением **полисов** превратилось в специализированный центр общественной, политической и коммерческой жизни.

Акрополь — Укрепленный город или цитадель, обычный для греческих городов включая Спарту (скромный образец по сравнению с Афинским акрополем).

Алфавит, греческий — Система письменных знаков, заимствованная, вероятно, в VIII в. до Р.Х. из финикийского (северо-западного семитского) языка, с добавлением знаков для гласных; местные разновидности насчитывали от 24 до 28 знаков; в греческом *альфа* (из финикийского *алеф*) и *бета* (*бейт*) стали названиями первых двух букв, отсюда слово «алфавит».

Амфиктиония — Представители общин Центральной Греции образовали совет, или союз, для надзора за Дельфийским святилищем и проведения Пифийских игр каждые четыре года (начиная с 582 г.).

Аристократия — Власть (*kratos*) «лучших» (*aristoi*), т.е. богатейших и обладающих самой внушительной родословной, обычно включающей претензии на происхождение от героя или бога.

Аттика — Афинский регион, около 2400 кв. км.

Афино-пелопоннесская война (Пелопоннесская война) — вызвавшая колоссальные разрушения война между Афинами и Спартой и их соответствующими союзниками, имевшая место с перерывами с 431 по 404 годы.

Ахемениды — Династия, основанная в 550 году Киром II Великим, названная в честь легендарного царя Ахемена. Династия просуществовала до 330 г. до Р.Х.

Ахурамазда — Единый верховный бог **зороастрийцев**, сотворивший все и защищавший правду и свет, символизируемый огнем.

Бессмертные — Отряд персидских пехотинцев численностью 10 000 человек, служивших стражей Великого царя, а также в качестве ударного отряда, как при Фермопилах; греки ошибочно называли их «Бессмертными», так как считали, что Великий царь, чтобы поддерживать постоянную численность отряда, всегда располагал резервом для пополнения, когда погибал один из 10 000.

Геродот — «Отец истории» (согласно Цицерону), родился около 484 года в Галикарнассе, около 425 года опубликовал свою *Историю*, или «исследование» (*historiê*, откуда наше слово «история») об отношениях греков с варварами в 550—479 годах как в устном, так и в письменном виде; позже его труд был разделен на 9 книг, каждая из которых получила название в честь одной из муз.

Герусия — Буквально «Сенат», Совет старейшин, Верховный совет в Спарте, состоявший из тридцати членов включая двух правящих царей в силу их положения; выборы осуществлялись народным голосованием, доступным только членам определенных аристократических семей в возрасте шестидесяти лет и выше, с пожизненным членством.

Гоплит — тяжеловооруженный греческий пехотинец; вероятно, получил свое название от тяжелого, преимущественно деревянного щита (*hoplon*); гоплиты сражались плотно сомкнутым строем, обычно глубиной 8 и более рядов.

Греческость (*to hellênikon*) — Греки были знамениты (или печально известны) тем, что их редко удавалось убедить забыть о своих этнических и национальных различиях и предпочтением сохранять верность в первую очередь своему отдельному *полису*, однако они, как правило, были единодушны в том, кто грек, а кто нет («варвар»), основываясь на общих понятиях о законе (*nomos*) и *Элладе*.

Дарик — Золотая монета Персидской империи, названная так в честь Дария I (годы правления 522—486), который изображен в качестве лучника, — первого известного истории правителя, персонально изображенного на монете.

Делийский союз — Антиперсидской альянс, основанный в 478—404 гг. под руководством Афин. Клятва верности вечному союзу, символизируемая бросанием кусочков железа в море (союз будет длиться, пока кусочки не всплывут на поверхность), была принесена на посвященном Аполлону острове Делос зимой 478/9 года; мир с Персией был заключен, по-видимому, около 449 года, но империя представляла собой постоянную угрозу независимости Греции. Союз был в конце концов расторгнут Спартой в 404 году, к тому времени союзницей Персии.

Демократия — Буквально власть народа (*dêmos*), впервые учрежденная в Афинах в 508/7 г. до Р.Х. благодаря реформам, приписываемым Клисфену, и получившая дальнейшее развитие в 462/1 г. благодаря реформам Эфиальта и Перикла. Слово *dêmokratia* впервые засвидетельствовано в 420-х годах, хотя оно безусловно существовало значительно раньше.

Дорийцы — Этническое подразделение греков, основанное, как и ионийское, на диалекте разговорного и письменного греческого языка (дорическом) и на некоторых специфических обычаях; напр., ежегодный религиозный праздник Карнейя в честь Аполлона был общим для всех дорийцев.

Зороастризм — Религия, верящая в Ахурамазду как верховного бога, основанная на учении пророка Зороастра (греческая форма Заратуштра), возможно, жившего за тысячу лет до Р.Х. и происходившего из Бактрии (Балха).

Илоты — Закабаленное рабское население Лаконии и Мессении общей численностью, вероятно, от 30 до 100 тысяч человек; поработанные коренные греки, в отличие от большинства греческих ра-

бов, например, в Афинах (где имелось, возможно, до 100 000 рабов-крепостных).

Иония/ионийцы — Географически Иония располагалась в центральной части запада Малой Азии и включала такие города, как Милет и Эфес; в более широком смысле ионийцы представляли собой этническое подразделение греков, имевших общий с **дорийцами** диалект разговорного и письменного греческого языка и некоторые специфические обычаи (*nomoi*), например, ежегодный религиозный праздник в Алатурии.

Лакедемон — (1) официальное название *полиса* Спарта; (2) территория спартанского *полиса*, включая Мессению, а также Лаконию (Лакония — римское и современное название территории юго-восточного Пелопоннеса к югу от горы Тайгет) площадью 8000 кв. км, бесспорно, самая большая в греческом мире. От Лакедемона спартанцы и периэки получили название лакедемонян. Неспартанские почитатели Спарты и всего спартанского назывались лаконизаторами.

Маги — Иранские, первоначально мидийские жрецы, откуда происходит слово «магия».

Малая Азия — Часть Азиатского континента, образуемого западной половиной современной Турции (иногда также называемой Анатолией); среди многого прочего включала **Ионию**.

Мидизм — Политический переход на сторону персов и, таким образом, предательство понятия **Эллады**; среди печально известных лиц, перешедших на сторону персов, был бывший царь Спарты Демарат.

Мидяне — Индоевропейский народ в Северном Иране, родственные персам и регулярно смешиваемый (греками) с персами (отсюда «мидизм») со столицей в Экбатане (Хамадане).

Олигархия — Власть (*archê*) богатого меньшинства (*oligoi*), разновидность **аристократии**.

Олимпиада — Способ счисления времени по четырехлетним периодам от одной Олимпийской игры до следующей, первая же условно датируется тем, что мы считаем 776 годом до Р.Х.; таким образом, олимпийский год 480 был первым годом 75-й Олимпиады.

Олимпия — Святилище на северо-западе Пелопоннеса, посвященное Зевсу-Олимпийцу (на горе Олимп на юге Македонии, самой высокой горе в Греции, на вершине которой, как полагали, обитают боги) и место проведения каждые четыре года Олимпийских игр — и то, и другое находилось под юрисдикцией города Элиды.

Остракизм — Принудительное изгнание из Афин на десятилетний период, применявшееся к ведущим политическим деятелям (напри-

ФЕРМОПИЛЫ

мер, к Фемистоклу в 471 г.), решение о каковом принималось подсчетом голосов «кандидатов», написанных или вырезанных на черепках (*ostraka*), поданных как минимум 6000 голосовавшими гражданами в то время, когда Афинское Собрание принимало решение о проведении этой процедуры (что регулярно имело место в 480-х годах).

Пелопоннес — «Остров Пелопов», массив суши, соединенный с Центральной Грецией Коринфским перешейком; центральная и ключевая позиция последнего объясняет, почему в 481 году он оказался местом встречи, на которой верные греки во главе со Спартой принесли клятву противостоять Ксерксу.

Пелопоннесская война — см. **Афино-Пелопоннесская война**.

Пелопоннесский союз — полиэтническая группировка пелопоннесских и центрально-греческих государств, объединенных и возглавляемых их гегемоном (военным лидером) Спартой, каждый союзник которой поклялся иметь тех же друзей и врагов и следовать за Спартой, куда бы она их ни повела.

Периэки — «живущие вовне» или «живущие вокруг», формальное название жителей около 80 городков и деревень в окрестностях Спарты в Лаконии и Мессении, не бывшие (в отличие от **илотов**) несвободными, но не являвшиеся также и полноправными гражданами спартанского государства; они были обязаны или могли пойти служить добровольно во время войны, тогда их обозначали родовым термином «**лакедемоняне**».

Персы — Индоевропейский народ в Центральном и Южном Иране, родственник **мидянам** и регулярно смешиваемый (греками) с ними, со столицами в Пасаргадах, Сузах и Персеполе.

Пифия — Жрица-прорицательница, пожилая женщина в тот период, при пророческом святилище в Дельфах в Центральной Греции.

Платей — Городок на границе Беотии и **Аттики**, союзник Афин с 519 года, место решающего сражения в Греко-персидской войне в 479 году.

Полис (*polis*, мн. ч. *poleis*) — Город (как политическая государственная единица и как городской центр государства, иногда также акрополь — «укрепленный город»); оптимальный перевод — «город-государство»; всего имелось свыше 1000 полисов от Испании до Грузии.

Сатрап — Наместник персидского царя, губернатор **сатрапии**, нередко член царской семьи Ахеменидов, назначаемый непосредственно Великим царем и ответственный перед ним.

Сатрапия — Одна из 20 или более административных единиц в Персидской империи, например, **Фригия** в Геллеспонте (столица сат-

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

рапии — Даскилей) и Лидия (столица — Сарды) на западе Малой Азии.

Священный Отряд — Элитный фиванский отряд пехотинцев, состоявший из 150 гомосексуальных пар, основан в 378 году.

Собрание (*Ecclesia*) — Все греческие города состояли из граждан, имевших право присутствовать на регулярных встречах своего Собрания; Собрания Спарты и Афин собирались по крайней мере раз в месяц — Собрания Спарты по праздникам Аполлона, поэтому они назывались *Apellai* (от *Apellon*, дорической формы Аполлона). См. также *dêmos*.

Спарта — см. **Лакедемон**.

Тиран — Нелегитимный абсолютный монарх, захвативший власть узурпацией или силой; Персия стремилась поддерживать греческих тиранов как способ косвенного управления греческими городами в **сатрапиях** Фригия и Лидия.

Тридцать тиранов — Самозваная хунта крайних олигархов, правившая Афинами при поддержке Спарты после поражения Афин в **Афино-Пелопоннесской войне**.

Трирема — Весельное военное судно высшего класса, заимствованное греками у финикийцев, но использованное ими с сокрушительным эффектом в Саламинском сражении; также называлась по-гречески *triêrês*, так как она имела три скамьи одна над другой, на которых размещалось 170 гребцов.

Фивы — Главный город Беотии и центр Беотийского федерального государства (447—386, 387—338), печально известный мидизмом.

Эврипонтиды — см. **Агиады**.

Эллада — Общее название всех греков, расселившихся вокруг Средиземного и Черного морей с центром на юге Балканского полуострова и в Эгейском море; Эллада так и не стала единым государством «Греция», и грекам весьма сложно было поддерживать какие-либо постоянные связи, кроме местных религиозных, таких как **союз Амфиктионии**.

Эллинистическая эпоха — Начало обычно датируется смертью Александра Македонского в 323 г. до Р.Х., а окончание — смертью Клеопатры Египетской, последним правителем династии Птолемеев, в 30 г. до Р.Х.

Эфор — Буквально «надзиратель», «надсмотрщик» — титул всенародно избираемых официальных лиц в Спарте; любой спартанец мог подать заявление на избрание, но этот пост, хотя и обладал немалой властью, был годичным, и его можно было занимать только раз за всю жизнь.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нижеследующая библиография носит выборочный характер и отражает по преимуществу работы на английском языке, которые я непосредственно привлекал и иногда цитировал в тексте или примечаниях. Темы, к которым я обращался — Спарта, Греко-персидские войны, Геродот, — принадлежат к разряду тех, что наиболее пристально исследованы специалистами-историками по Древней Греции и Ближнему и Среднему Востоку, при том что империи Ахеменидов принадлежит в них прочное место по ряду различных взаимно обусловленных причин, особое место среди которых занимает растущая доступность первичных письменных и археологических данных и крайняя актуальность предмета. Я старался сделать подборку полезной для тех, кто намерен продолжить исследования более глубоко и более научным образом. Разумеется, некоторые работы относятся к нескольким главам, но обычно я помещал их там, где считал их более полезными и уместными.

ГЛ. 1. ДРЕВНИЙ МИР В 500 ГОДУ ДО Р.Х. ОТ ИНДИИ ДО ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

Несколько полезных работ общего характера по истории Древней Греции охватывают период Греко-персидских войн: см. особенно Bengston et al. 1969 (написанную в основном самим Бенгстоном с добавлением глав, написанных специалистами по конкретным проблемам и регионам); Cartledge 2001 (биографическая) и Cartledge (ed.) 1998 (обильно иллюстрированная история, написанная различными авторами, в основном редактором); Fornara 1983 (переводные «документы») Freeman 1999; Grote 1846—56: гл. 5 (переводные «документы»); Freeman 1999; Grote 1846—56:

гл. 39—40 (разумеется, устаревшие, но пионерские и все еще могущие быть полезными); Kεbric 1997: гл. 5 («Проблема Персии», просопографическо-биографический подход к жизни Полигнота, Эфиальта, Артемисии и Тимареты; Osborne 1996 (современный экспертный проблемный синтез) и 2002 (особая ссылка на Геродота). Об отношениях между греками и негреками с особым акцентом на археологических данных см. 1999; подборку археологических артефактов с иллюстрациями см. Boardman 1988.

Конкретно о войнах см. Walser 1989 и 1995; Burn 1984 (впервые опубликованная в 1962 г. великолепно написанная работа с современными добавлениями Д. Льюиса); Sawkwell 2004 (мастерски написанная, но спорная и противоречивая); Green 1970/1991 (лучшая работа по данной проблеме, достойная того, чтобы многократно перечитывать); Hignett 1962 (излишне педантичная, но необходимая для исследователей). Конкретно об истории Спарты см. Cartledge 1979/2001, а также общие работы, цитированные в разделе «Глава 4».

Отношения и противостояние между греками и «варварами» негреками исследуются в огромном количестве публикаций начиная с фундаментальных лекций Momigliano 1975. Общий обзор см. в Coleman & Walz Georges 1994; Hall, J. M. 1997, 2002; Harrison 2000b; Harrison (ред.) 2000; Khan (ред.) 1993; Malkin (ред.) 2001; Walser 1984. По конкретным вопросам см., напр., Cartledge 2002 (попытка воссоздания мировоззрения греков через негативное самовосприятие; Drews 1973 (греческая историография); Ehrenberg 1974a (Восток — Запад), 1974b (свобода); Hall, E. 1989 и Hall, E. (ред.) 1996 (трагедии, особенно пьеса Эсхила *Персы* 472 года); Hornblower 2001 (войны) Konstan 1987 (империя); Malkin 2004 (религия — напр., стр. 350 «[Геродот] имеет в виду, что в Египте Амон то, что вы называете Зевсом»; Miller 1997 (акцент на культурных заимствованиях афинян у персов); Pelling 1997 (преумножение дихотомии Восток—Запад); Strong 1990—1 (Спарта против Персии); West 1997 (культурные заимствования греков).

ГЛ. 2. ДИНАМИКА ИМПЕРИИ: ПЕРСИЯ ПРИ АХЕМЕНИДАХ, 485

Все, написанное выдающимся профессором Пьером Брианом из Collège de France можно рекомендовать уверенно и с огромным энтузиазмом: Briant 2002 — чудовище в английском переводе;

Briant 1999 — более живой вариант, тоже на английском; ср. 1989/2002, 1997/2001.

Существует много хороших **общих историй** Древней Персии и Персидской империи, напр., Cook 1983; Curtis 2000 (куратор-эксперт Британского музея); Frye 1963 и 1984; Gershevitch (ред.) 1985; Ghirshman 1971 (прекрасные картины из официального юбилейного тома празднования тогдашним шахом 2500-летия древней персидской монархии); Herzfeld 1968 (работа написана человеком, раскопавшим Персеполь); Laroche 1971/1974: стр. 84—116 (лучшие, чем к Гиршмана, иллюстрации); Lockhart & Boyle 1978; Olmstead 1948 (напр., гл. XX «Новогодний день в Персеполе»); Wheeler 1968; Wieschufel 1994/2001. Самая свежая публикация Allen 2005 заслуживает особой похвалы: она написана умно, лишена предрассудков, от начала до конца красиво иллюстрирована и включает образцовую библиографию. Кстати, она проливает странный свет на заголовок работы (*Забытая империя*) под редакцией Curtis & Tallis, ценного каталога весьма любопытной маленькой выставки артефактов, никогда ранее не встречавшихся вне Ирана, также опубликованного Британским музеем.

Об **археологии и иконографии** см. Boardman 1999 и 2000; Loukonine & Ivanov 1996/2003; Moorey 1988; Nylander 1970 (Ионийцы в Пасаргадах); Pore 1975/1999: гл. 4 (дешифровка персидской клинописи); Root 1979; Root 1985; Schmandt-Bassarat (ред.) 1980; Stronach 1978 (Пасаргады, изначальная столица Кира).

Об **администрации** см. Abraham 2004 (Оптовая фирма Эгиби); Briant & Herrenschildt (ред.) 1989 (статья); Brosius (ред. и перевод) 2000 (документы) и 2003 (архивы Персеполя); Cameron 1948 (Тексты Казначейства Персеполя); Cardascia 1951 (банкирский дом Мурашу); French 1998 (Царская дорога) Graf 1994 (дороги); Hallock 1969, 1972 (Архивы Персеполя); Herrenschildt 1996/2000 (древнеперсидский язык) Kent 1953 (древнеперсидский язык); Lewis 1994 и 1997: стр. 325—31 (Фортификационные тексты Персеполя); Petit 1990 (сатрапы); Stolper 1985 (банкирский дом Мурашу); Tuplin 1987 (общее) и 1998 (сезонные передвижения царей).

О **военных делах** см. Sekunda & Chew 1992.

Об **историографии** см. Burkert 2004; Drews 1973; Robinson 1995; Sancisi-Weerdenburg 1983, 1989/2002, 1999; Sancisi-Weerdenburg &

Kuhrt (ред.) 1987—91 (6 томов); и Sancisi-Weerdenburg, Kuhrt & Root (ред.) 1991.

О **мидянах** см. Cuyler Young 1988; Flusin 1999; Lewis 1980 и 1997 (Dartis).

О **зороастрийской религии** см. Boyce 1975/1982/1991; Godrej & Punthakey Mistree (ред.) 2002.

О **женщинах и обществе** см. Brosius 1996.

О **прочих конкретных аспектах** см. Badian 1998 (индийцы на царской службе); Balcer 1993 (просопография); Cook 1985 (приход к власти Ахеменидов); Curtis (ред.) 1997 (Месопотамия и Иран) Dandamaev 1994 (Мидия и Иран); Dusiberre 2003 (Сарды); Frye 1964 (родственные отношения); Harmatta (ред.) 1994 (Средняя Азия); Kuhrt 1995 (в контексте общей истории Ближнего Востока); Kuhrt 1988 и Sealey 1976 («земля и вода»); Lewis 1977 (Спарта); Llewellyn-Jones 2002 (евнухи); Pore 1975/1999 и Robinson 1995 (дешифровка персидской клинописи); Potts 1999 (Элам со столицей в Сузах); Romey & Rose 2001 (археологическая «подделка», выданная за гробницу и тело ахеменидской царевны); Root 1985 (родственные отношения); Sancisi-Weerdenburg 1999 (цари и историография); Sekunda & Warry 1998 (кампания Александра Великого против Дария III); Sherwin-White 1978 (дипломатия).

Гл. 3. ЭЛЛАДА: ЭЛЛИНСКИЙ МИР В 485 ГОДУ

См. рекомендации к Гл. 1. Также Austin 1990 (тираны); Badian 1994 (македонцы); Brunt 1953/1993 («Эллинский союз»); Ellinger 2002 (Пан); Evans 1976, George 2000, Murrey 1988 (Ионийское восстание).

Гл. 4. СПАРТА В 485-м: УНИКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Среди **общих работ**, см. Cartledge 1979/2001 (первоначально основана на докторской диссертации по археологии и истории, обновлена в новом издании); Cartledge 1987 (в основном о периоде 445—360 гг., но имеющую значение и для более раннего времени); Cartledge 2001b (избранные очерки, как в обновленном, так и в первоначальном вид); Cartledge 2003 (ориентированная на общую читательскую аудиторию, особое внимание в которой уделено последним семи векам до Р.Х.); Cartledge 2004 (основа Эпилога, стр.

119—213); Christ 1986/1996 (великолепный вводный очерк к Christ (ред.) 1986, прекрасная подборка перепечатанных очерков на немецком или переведенных на немецкий язык с отличной библиографией); Clauss 1983 (полезная в основном для библиографии); Ducat 1999b (спартанское общество и войны, одна из серии статей ведущего французского специалиста по Древней Спарте); Ehrenberg 1946: гл. 4 (противоречивый очерк-обсуждение: была ли Спарта «тоталитарной» или только авторитарной; тем не менее актуальный, несмотря на чрезвычайную сложность оригинального текста публикации и ничтожный личный опыт); Fitzhardinge 1980 (полезный и прекрасно иллюстрированный обзор спартанской археологии «архаического» периода 700—500 гг.); Forrest 1968/1980 («Это описание истории Спарты не отличается особой симпатией к оной; симпатия убита ее узколобой ревностью ко всем, чье могущество представляется превышающим ее собственное, и ее крайней бесчеловечностью, когда превосходство в силе на ее стороне [согласно 404], стр. 152, написано в 1967/1968 г.; Hooker 1980 (очень хорошая тематически организованная публикация о религии); Lazenby 1985 (армия, гл. 4 о Фермопилах, необходимое введение к Lazenby 1993); Lendon 2005: стр. 352 п. 20 (спартанская муштра); Lewis 1977 (особ. отношения с Персией); Ollier 1933—43, Powell & Hodkinson (ред.) 1994, Rawson 1969/1991 и Tigerstedt 1965, 1974 (все различным образом трактуют спартанский миф); Powell (ред.) 1989 и Powell & Hodkinson 2002 (две превосходные подборки очерков под редакцией двух ведущих британских исследователей Спарты); Welwei 2004 (новейший общий обзор истории Спарты, выполненный весьма уважаемым исследователем); Whitby (ред.), 2001 (творчески отредактированная подборка опубликованных очерков, иногда сокращенных и/или переведенных на английский).

Три из основных **спартанских деятелей** — сводные братья царь Клеомен I и его преемник Леонид, а также регент Павсаний — все трое из царской династии Агиадов: о **Клеомене** см. Ste Croix 2004 (стр. 438—440 — послесловие редакции с библиографией); о **Леониде**: Baltrusch 1999; Connor 1979 (перезахоронение останков через десятилетия после 480 г.); Grant 1961: стр. 20—24; и Harvey 1979 (был ли Леонид причастен к смерти Клеомена?); о **Павсании** имеется огромная и продолжающая расти литература; самая последняя публикация — Ellinger 2005 («другой» Павсаний — религиоз-

ный странствующий писатель II в. н.э.); см. также выше Приложение 1 (Симонид). Возможные визуальные презентации см. в Krumeich 1997: стр. 151—178.

Невозможно написать истинную историю Спарты, не уделив должного внимания **илотам** — болезненно навязчивой экономической основе спартанского общества: см. особенно Ducat 1990 (первое современное общее исследование); Hunt 1997 (часть совершенно своеобразной и убедительной критики неспособности историков Греции уделить должное внимание роли несвободных в войне) и 1998 (более спорная попытка найти главенствующую роль илотов в сражении при Платеях); и Luraghi & Alcock (ред.) 2003 (опубликованная версия первой значительной международной конференции, посвященной конкретно проблеме илотов).

Невозможно также написать истинную историю Спарты, не уделив должного внимания религии Спарты: Parker 1989 является образцовым описанием.

В следующих работах квалифицированно трактуются различные аспекты **спартанского общества и нравов**: David 1992 (культура содержания волос) и 2004 (самоубийство, два очерка ведущего израильского специалиста по Спарте); Figueira (ред.) 2004 (великолепная подборка под редакцией ведущего американского исследователя Спарты); Hammond, M. 1980 (объяснение выражения «Со щитом или на щите!»); Hodkinson 2000 (важное исследование права собственности); Hornblower 2000 (насилие) и Rankin 1993: стр. 187 (Спарта — «общество, посвященное развязыванию террора и насилия»); Kennell 1995 (повествование о времени введения развитой системы образования, на мой взгляд, датированной слишком ранним периодом); Logaux 1995: особенно стр. 70—73 и Ricci-rilli, 1995 (отношение к смерти); Miller, W.I. 2000: гл. 2 (поведение и судьба Аристодама, одного из 300, кто не погиб в Фермопилах); Richer 1994 и Toher 1999 (похороны царей).

Одной из основных особенностей Спарты был высокий статус и положение спартанских женщин, различно объясняемые или разработанные у Blundell 1995: стр. 150—158; Cartledge 1981/2001; Ducat 1998 и 1999a; Hodkinson 2000; Millender 2002 (блестящее исследование роли афинской идеологии); Powell 1999 (политическая роль) и 2004.

ФЕРМОПИЛЫ

ГЛ. 5. ФЕРМОПИЛЫ I: МОБИЛИЗАЦИЯ

ГЛ. 6. ФЕРМОПИЛЫ II: ПОДГОТОВКА К БИТВЕ

ГЛ. 7. ФЕРМОПИЛЫ III: БИТВА

Здесь я объединил рекомендации, относящиеся ко всем стадиям эволюции событий в Фермопилах. (О Греко-персидских войнах вообще см. также Гл. 1, стр. 15—28.)

О военных аспектах **Греко-персидских** войн в целом см. De Souza 2003: стр. 54—58; Grundy 1901; Hammond, N. 1988; Hanson 1998 (возможно, наш лучший военный историк греческой древности, претендующий на то, чтобы дать определение специфически «западному» способу ведения войны, блестящий пример которого представлен греками в 480—479 г.), 1999 и 2001 (первое из его девяти «образцовых» сражений — Саламинское); Hignett 1963; Holland 2005 (творчески задуманное и блестяще изложенное описание гениального историка-любителя); Lazenby 1993 (вместе с Green 1970/1996 — необходимое базовое описание); Ober 1990 и Starr 1962/1979 (почему Персия проиграла?); Pritchett 1971—1991 (высокоэрудированные и масштабные очерки); Sekunda & Hook 1998 (логичные повествовательные и красочные реконструкции событий); Strouss 2004a (Саламин).

Конкретно о **кампании в Фермопилах** см. Burn 1968: стр. 88—92, с рис. на стр. 89 (восточные наконечники для стрел); Cawkwell 2004; Clarke 2003 (неубедительно утверждает, что Спарта продвинула воинские ценности за пределы здравого смысла); Dascalakis 1956; Dillery 1996, Flower 1998 Hammond, N. 1996 и Van Wees 2004: стр. 180—3 (историография — см. также Приложение I); Evans и 1964 1969; Grant 1961; Hodgkinson 2000: стр. 157, 158 (Диенек); Hope Simpson 1972; Strauss 2004b; Thompson 1921; Tuplin 2003 (поход Ксеркса от Дориска до Термы); Whatley 1964 (публикация сосредотачивается на Марафоне, однако имеет гораздо более широкое историографическое значение, подчеркивая, как много или, скорее, как мало мы можем надеяться когда-либо узнать о *любом* древнем сражении).

Один из главных вопросов научных дебатов касательно **топографии**: Burn 1977: стр. 98—103; Grundy 1929; Kraft и др. 1987 и Szemler, Cherf & Kraft 1996 (достаточно убедительно опровергнуто

Cawkwell 2004: Appendix 5; ср. Lazenby *Classical Review* n.s. 48 (1998), 522: «потребуется гораздо более убедительные аргументы, нежели эти, чтобы убедить меня, что Леонид пал, сражаясь в несуществовавшем ущелье»); Marinatos 1951 (стр. 61—69, результаты раскопок 1939 г.); Pritchett 1958, 1965 (о сражении 191 г. до Р.Х.; «Совершенно очевидно, что большинство пишущих о сражениях никогда не покидали проезжих дорог», стр. 71) и 1982 (итоги); Wallace 1980 (Анопейское ущелье). Еще один немаловажный вопрос: распустил ли Леонид союзников перед сражением или они распустили себя сами (т.е. бежали или рассеялись): см., например, Dascalakis 1957; Grant 1961 (один из немногих, кто принял во внимание личное и семейное положение Леонида, но не вполне убедительно).

Побочный вопрос, затрагивающий предполагаемый «мидизм» **Кари**, города периеков на северной границе Лаконии: Huxley 1969. Самые известные «Кариатиды» — поддерживающие колонны, имеющие женские формы, находятся в храме Эрехтейоне Афинского Акрополя; эти колонны названы в честь карийских женщин.

ГЛ. 8. ФЕРМОПИЛЫ. ЛЕГЕНДА I: АНТИЧНОСТЬ

О спартанской легенде (и т.д.) в древности в целом см. Ollier 1933—43, ранние главы Rawson 1969 и Tigerstedt 1965, 1974, 1978; вкратце Christ 1986/1996. Также Ehrenberg 1974a (Запад — Восток) и 1974b (свобода). Hülkeskamp 2001 — сравнительное исследование легенды о Марафоне.

ГЛ. 9. ФЕРМОПИЛЫ. ЛЕГЕНДА II: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Постантичное восприятие Спарты и, особенно, легенды о Фермопилах варьируется в широких пределах. Benzano и др. (ред.) представляет собой собрание очерков, рассматривающих передачу героических моделей от древности к нашим дням; Clough 2004 — полезный обзор этой легенды с западной точки зрения; Rebenich 2004 — проницательный анализ специфически немецкого восприятия, особенно историографического. Заключительные главы Rawson 1969 — лучшая на сегодня попытка осветить все постан-

тичное восприятие Спарты в европейской и, следовательно, американской культурной традиции.

Ниже следуют иллюстрации, которые я смог использовать в этой книге: de Botton 2004: стр. 187—188 (краткое обсуждение Спарты в главе «Идеальные человеческие типы»; Buchan 1912 (короткая вымышленная история о человеке с острова Лемнос, оказавшемся вовлеченным в конфликт в Фермопилах — Артемисии); Byron 1981 (1937) (не лорд Байрон, а Роберт Байрон двадцатого века, разоблачитель благочестия в классическом стиле и поборник иранского и исламского искусства и культуры: «О Персеполе еще много чего можно рассказать», стр. 165); Golding 1965 (случайная заметка, подсказанная посещением «Горячих ворот»); Hall & Macintosh (ред.) 2005 (персы и греки на британской сцене); Hughes (ред.) 1944 (смелая дань мужеству греков во Второй мировой войне, напечатанная еще во время оккупации Греции); Keeley 1999 (реминисценции о литературной жизни Греции 30—40-х гг. XX в., многочисленные обсуждения К.П. Кавафи); Losemann 1977 (нацистские незаконные присвоения); Macgregor Morris 2000a, 2000b, 2004 (трактровка восемнадцатого века традиции Фермопил, особенно Ричарда Гловера); Manfredi 2002 (историческая новелла профессионального археолога и историка древности с местом действия в Спарте начала V в. до Р.Х.; неудачно начинается с посылки, явно противоречащей истории, согласно которой родившийся в аристократическом спартанском семействе младенец с отчетливыми физическими дефектами был брошен с явным расчетом на спасение, что и было сделано семьей ярых националистов-илотов, воспитавшей из него ярого илота-националиста, чтобы он в конечном счете сражался с собственным братом — подобно Полинику и Этеоклу из древнегреческого мифа или, в более недавнее время, братьям в фильме-трагедии Тео Ангелопулоса *Плачущий луг*); Miller, Frank 1998, 1999 («графические новеллы», которые станут основой фильма *300*); ср. Winkler 2000 по поводу обсуждения голливудских фильмов военной тематики в сравнении с вдохновившими их классическими образцами); Montaigne 1991 (его эссе второй половины XVI в. включают «О каннибалах», в котором встречается, возможно, на удивление острое суждение о Фермопилах, стр. 238—239 издания Streech's Penguin Classic: «Настоящая победа заключается в вашей роли в конфликте, а не в безопасном выходе из него»); Pinelli 2004 (*Леонид* Давида); и, по-

следнее, но ни в коем случае по значимости: Pressfield 1999 («эпический» роман хорош; автор проделал огромную домашнюю работу, он пишет уверенно и пробуждает чувства, а его творческие добавления обычно основаны на здравом смысле).

ЭПИЛОГ. ФЕРМОПИЛЫ: ПОВОРОТНАЯ ТОЧКА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Cartledge 2004 дает полную аннотацию. Разумеется, большая часть ссылок в любом случае приводится в других местах этой книги.

Желающие продолжить аналогию, которую я попытался развить между спартанским опытом смерти и японскими патриотическими самоубийствами в конце Второй мировой войны, могут ознакомиться с примечательной подборкой свидетельств курсантов различных Специальных наступательных подразделений, которым присвоено прозвище «камикадзе» («божественный ветер»): *Listen to the Voices from the Sea: Writings of the Fallen Japanese Students* («Внимайте голосам с моря: Записки павших японских курсантов») (*Kike Wadatsumi no Koe*), составленных Nihon Senbatsu Gakusei Kinen-Kai; перевод Midori Yamanouchi и Joseph L. Quinn SJ (Scranton: University of Scranton Press, 2000). Например, Хатиросасаки пишет 11 июля 1943 года: «Я хочу умереть красиво, как человек в предельном усилии» (ср. Logaux 1995 о «красивой смерти» спартанцев); «Однако в то время как 300 спартанцев были элитными воинами, — продолжает Сасаки, — мое мнение как неизвестного члена общества — жить и умереть, оставаясь верным своему долгу и обязательствам» (обе цитаты со стр. 122). Он погиб в бою 14 апреля 1945 года над морем у островов Окинавы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 И ПРИЛОЖЕНИЕ 3 — ГЕРОДОТ

Самый доступный и полезный для неспециалистов английский перевод — это, наверное, Herodotus 1996, исправленный и дополненный Джоном Маринколой (John). См. также Herodotus 2004, полностью исправленный Дональдом Латеинером (Donald Lateiner). Romm (ред.) 2003 — хорошая подборка переводов со сплошным комментарием редактора. Свой недавний научный комментарий к Книге 9 Геродота Flower и Marincola (ред.) 2002 полностью посвятили рассказу о сражении при Платеях, закрепившего победу греков над персидскими агрессорами. См. также их Введе-

ние, стр. 20 и след., а также Приложения А и D. Аналогичный по качеству комментариев к Книге 7 о Фермопилах будет принят с благодарностью.

Хороший показатель «популярности» Геродота среди современных исследователей — то, что он стал объектом не менее пяти **коллективных томов** только за последние пять лет: Bakker и др. (ред.) 2002; Derow & Parker (ред.) 2003; Karageorghis & Taifacos (ред.) 2004; Luraghi (ред.) 2001; и Greenwood & Irwin (ред.) в печати. Весьма рекомендуемые основные **общие работы** включают: Gould 1989; Hartog 1988; Lateiner 1989; Munson 2001; и Thomas 2000. Прочие более мелкие общие работы включают: Marincola 2001; Osborne 2002; Romm 1998. Fehling 1989 следует читать только из любопытства.

Следующие работы анализируют, среди прочего, с историко-ведческой точки зрения, повествование Геродота о **Фермопилах**: Dillery 1996; Flower 1998; Flower & Marincola (ред.) 2002; Van Wees 2004: стр. 180—183

Следующая подборка также дает некоторый намек на огромный диапазон интересов Геродота и на темы, по поводу которых ему есть что сказать в высшей степени заслуживающее внимания: Boedeker 1987a (изобретение истории) и 1987b (Демарат); Cartledge 1995 (самоотождествление греков); Dewald 1981 (женщины); Forrest 1979 (Ионийское восстание); Forsdyke 2001: стр. 341—354, и 2002 (спартанский деспотизм); George 1986 (оракулы и доверие); Harrison 2000a (религия); Lévy 1999 (Спарта); Lewis 1997: стр. 345—361 (персы); Mikalson 2003 (религия); Millender 2002a и 2002b (спартанский деспотизм); Moles 2002 (Геродот и Афины) Moyer 2002 (защита доверия Г. к Египту); Munson 1988 (Артемисия) и 1993 (спартанская система родства); Murray (устная историография); Raaflaub 1987 (историография) и 2002 (Г. как интеллектуал); Redfield 1985 (Г. как этнограф); Stahl, Н.-Р. 1975 (Беседы Креза); Waters 1971 (тираны и деспоты).

Симонид, тексты легко доступны в библиотеке Loeb Classical Library в прекрасном издании и переводе Д.А. Кемпбелла. Главное событие в исследовании Симонида — недавняя частичная находка папируса с его постэпической поэмой о Платейском сражении, по-видимому, заказанной спартанцами для исполнения в Спарте: Boedeker 1995, 1998a, 1998b: стр. 190, 2001a, 2001b; Boedeker & Sider (ред.) 2001. Прекрасный отчет о предыстории открытия см. в

ПОЛ КАРТЛЕДЖ

Davies, A. 1981 (в главе «Лирика и другие стихотворения»); ср. Davies, M. 2004: стр. 278 (рассказ о том, как Симонид вспомнил, где сидел каждый из гостей на банкете в Фессалии после того, как банкетный зал обвалился из-за землетрясения и все гости погибли, в то время как сам Симонид избежал гибели благодаря божественному вмешательству). Конкретно о спартанских стихах по поводу 480 г. см. Molyneux 1992: стр. 186—187, а также Podlecki 1968.

О **Ктесии** см. Auberger 1991; Lenfant 2004 (тексты, переводы); Bigwood 1978.

О **Диодоре** (Книга XI) см. Green 2006 переводы и комментарии).

Другие источники: Bowen (ред.) 1992 (Плутарх о злобности Геродота); Rood 19999 (Фукидид о Греко-персидских войнах; ср. Sawkwell 2004); Talbert (ред. и пер.) 2005 (Плутарх и Ксенофонт о жизни, высказываниях и обществе спартанцев).

КНИГИ, СТАТЬИ, КОММЕНТАРИИ, ИЗДАНИЯ

- Abraham, K* 2004 Business and Politics under the Persian Empire: The Financial Dealings of Marduk-nasir-apli of the House of Egibi (521—487 BCE) (*Bethesda, Md.: Occasional Publications of the Department of Near Eastern Studies and the Program of Jewish Studies, Cornell University*)
- Allen, L.* 2005 The Persian Empire. *A History* (London: British Museum Press)
- Auberger, J.* 1991 Ctésias. Histoires de l'Orient (*Paris: Les Belles Lettres*)
- Austin, M. M* 1990 «Greek tyrants and the Persians, 546—479 BCE» *Classical Quarterly* n.s 40: 289—306
- Badian, E.* 1994 'Herodotus on Alexander I of Macedon: a study in some subtle silences' in *S. Hornblower (ed.)* *Creek Historiography* (Oxford: Oxford University Press) 107—30)
- Badian, E.* 1998 'The King's Indians' in *W. Will (ed.)* *Alexander der Grosse. Eine Welteroberung und ihr Hintergrund* (Bonn: Habelt) 205—24
- Bakker, E. J., de Jong, I. J. F. & van Wees, H.* 2002 (eds) *Brill's Companion*
- Baker, J. M.* 1989 'The Persian Wars against Greece: a reassessment' *Historia* 38: 127—43
- Baker, J. M.* 1993 A Prosopographical Study of the Ancient Persians Royal and Noble c 550—450 BC (*Lewiston, New York*)
- Baker, J. M.* 1995 The Persian Conquest of the Greeks 545—450 BC (*Konstanz: Universitäts-Verlag*)
- Baltrusch, E.* 1999 'Leonidas und Pausanias' in *K. Brodersen (ed.)* *Grosse Gestalten der griechischen Antike* (Munich: Beck) 310—18
- Barzano, A. et al.* 2003 (eds) *Modelli eroici del' antichità alia cultura europea* (Rome: L'Erma di Bretschneider)
- Bengtson, H. et al.* 1969 The Greeks and the Persians. From the Sixth to the Fourth Centuries (London: Weidenfeld & Nicolson) (German original 1965)

- Bigwood, J. M. 1978 'Ctesias as historian of the Persian Wars' *Phoenix* 32: 19—41
- Blundell, S. 1995 *Women in Ancient Greece* (London: British Museum Press)
- Boardman, J. 1988 'The Greek World' *Cambridge Ancient History plates to vol. IV*: 95—178 (Cambridge: Cambridge U.P.)
- Boardman, J. 1999 *The Greeks Overseas, 4th edn* (London: Thames & Hudson)
- Boardman, J. 2000. *Persia and the West. An Archaeological Investigation of the Genesis of Achaemenid Art* (London: Thames & Hudson)
- Boedeker, D. 1987a 'Herodotus and the invention of history' *Arethusa* 20: 5—8
- 1987b 'The two faces of Demaratus' *Arethusa* 20: 185—201
- 1995 'Simonides on Plataea: narrative elegy, mythotic history' *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 107: 217—29
- Boedeker, D. 1998a 'The New Simonides and heroization at Plataea' in N. Fisher & H. Van Wees (eds) *Archaic Greece: New Approaches and New Evidence* (London: Duckworth) 231—49
- Boedeker, D. 1998b 'Presenting the past in fifth-century Athens' in D. Boedeker & K A Raaflaub (eds) *Democracy, Empire, and the Arts in Fifth-Century Athens* (Cambridge, Mass., & London: Harvard U.P.) 185—202
- Boedeker, D. 2001a 'Heolic historiography: Simonides and Herodotus on Plataea' in Boedeker & Sider (eds) 2001: 120—34
- Boedeker, D. 2001b 'Paths to heroization at Plataea' in Boedeker & Sider (eds) 2001:
- Boedeker, D. & Sider, D. 2001 (eds) *The New Simonides: Contexts of Praise and Desire* (Oxford: Oxford U.P.)
- de Botton, A. 2004 *Status Anxiety* (London: Hamish Hamilton)
- Bowen, A. J. 1992 (ed.) *Plutarch: The Malice of Herodotus* (Warminster: Aris & Phillips)
- Boyce, M. 1975/1982/1991 *A History of Zoroastrianism, 3 vols* (Leiden: Brill)
- Briant, P. 1989/2002 'History and ideology: the Greeks and Persian «decadences»' in Harrison (ed.) 2002: 193—210
- Briant, P. 1997—2001 *Bulletin d'histoire achemenide (I—II)* (TOPOI suppl 1, 2)
- Briant, P. 1999 'The Achaemenid Empire' in K. Raaflaub & N. Rosenstein (eds) *War and Society in the Ancient and Medieval Worlds. Asia, the Mediterranean, Europe, and Mesoamerica* (Washington, DC: Center for Hellenic Studies) 105—28
- Briant, P. 2002 *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire* (Eisenbrauns: Winona Lake) (French original 1996)
- Briant, P. & Herrenschildt, C. 1989 (eds) *Le Tribut dans l'empire perse* (Paris & Louvain: Peeters)

- Brosius, M. 1996. Women in Ancient Persia (559—331 BCE) (Oxford: Oxford U.P.)*
- Brosius, M. 2000 (ed. and trans.) The Persian Empire from Cyrus II to Artaxerxes I (LACTOR 16) (London: London Association of Classical Teachers)*
- Brosius, M. 2003 'Reconstructing an archive: account and journal texts from Persepolis' in Brosius (ed.) Ancient Archives and Archival Traditions. Concepts of Record-Keeping in the Ancient World (Oxford: Oxford U.P.) 264—83*
- Brunt, P. A. 1953/1993 'The Hellenic League against Persia', в Studies in Greek History and Thought (Oxford: Oxford U.P.) 47—74 с дополнением 75—83*
- Buchan, John 1912 'The Lemnian' в The Moon Endureth (London: Hodd & Stoughton) ch. III*
- Burkert, W. 2004 Babylon, Memphis, Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture (Cambridge, Mass.: Harvard U.P.)*
- Burn, A. R. 1968 The Warring States of Greece (London: Thames & Hudson) 88—92*
- Burn, A. R. 1977 'Thermopylai revisited and some topographical notes on Marathon and Plataiai' в K. H. Kinzl (ed.) Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory. Studies Presented to Fritz Schachermeyr on his Eightieth Birthday (Berlin & New York: W. de Gruyter) 89—105, на стр. 98—103*
- Burn, A. R. 1984 Persia and the Greeks. The Defence of the West 546—478 BC, rev. edn (London: Duckworth) (original edn 1962)*
- Byron, R. 1981 The Road to Oxiana (repr. London: Picador) (original edn 1937)*
- Cambridge Ancient History [CAH 1988 vol. IV, 2nd edn Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525—479 BC (Cambridge: Cambridge U.P.) особенно ч. I 'The Persian Empire']*
- Cameron, G. G. 1948 Persepolis Treasury Tablets (Chicago: Oriental Institute)*
- Cardascia, G. 1951 Les archives de Murashu (Paris: ??)*
- Cartledge, P. A. 1979/2001 Sparta and Lakonia. A Regional History 1300—362 BC, 2nd edn (Routledge: London & New York)*
- Cartledge, P. A. 1981/2001 'Spartan wives: liberation or licence?' Classical Quarterly 31: 84—105, updated repr. in Cartledge 2001b: ch. 9*
- Cartledge, P. A. 1987 Agesilaos and the Crisis of Sparta (London: Duckworth, & Baltimore: Johns Hopkins University Press) (pb repr. 2000)*
- Cartledge, P. A. 1995 «We are all Greeks»? Ancient (especially Herodotean) and modern contestations of Hellenism' Bulletin of the Institute of Classical Studies 40: 75—82*

- Cartledge, P. A. 1998 (ed.) *The Cambridge Illustrated History of Ancient Greece* (Cambridge: Cambridge U.P.) (corrected pb repr. 2002)
- Cartledge, P. A. 2001a *The Greeks. Crucible of Civilization* (London: BBC Books)
- Cartledge, P. A. 2001b *Spartan Reflections* (London: Duckworth, & Berkeley & Los Angeles: University of California Press)
- Cartledge, P. A. 2002 *The Greeks. A Portrait of Self and Others*, 2nd edn (Oxford: Oxford U.P.)
- Cartledge, P. A. 2003 *The Spartans. An Epic History*, 2nd edn London: Pan Macmillan, & New York: Overlook Press)
- Cartledge, P. A. 2004 'Brosius (ed.) *Ancient Archives and Archival Traditions. Concepts of Record-Keeping 'What have the Spartans done for us? Sparta's contribution to Western civilization'* Greece & Rome 2nd ser, 52.2: 164—79
- Cawkwell, G. L. 2004 *The Greek Wars. The Failure of Persia* (Oxford: Oxford U.P.)
- Christ, K. 1986/1996 'Sparta Forschung und Spartabild. Eine Einleitung' in Christ (ed.) 1986: 1—72, repr. in Christ 1996: 9—57, with addenda 219—21
- Christ, K. 1996 *Griechische Geschichte und deutsche Geschichtswissenschaft* (Munich: Beck)
- Christ, K. 1986 (ed.) *Sparta* (Darmstadt: Wissenschaftliches Buchgesellschaft)
- Clarke, M. '2003 'Spartan Ate at Thermopylae? Semantics and Ideology at Herodotus, Histories 7.223.4' & Powell & Hodkinson (eds) 2002: 63—84
- Clauss, M. 1983 *Sparta. Eine Einföhrung in seine Geschichte und Zivilisation* (Munich: Beck)
- Clough, E. 2004 'Loyalty and liberty: Thermopylae in the Western imagination' & Figueira (ed.) 2004: 363—81
- Coleman, J. E. & Walz, C. A. 1997 (ed.) *Greeks and Barbarians. Essays on the Interactions between Greeks and Non-Greeks in Antiquity and the Consequences for Eurocentrism* (Bethesda, Md.: Occasional Publications of the Department of Near Eastern Studies and the Program of Jewish Studies, Cornell University)
- Connor, W. R. 1979 'Pausanias 3.14.1: a sidelight on Spartan history' Transactions and Proceedings of the American Philological Association 109:21—8
- Cook, J. M. 1983 *The Persian Empire* (London: Dent)
- Cook, J. M. 1985 'The rise of the Achaemenids and establishment of their empire' & Cambridge History of Iran vol. 2 (Cambridge: Cambridge U.P.) 200—91
- Curtis, J. 2000 *Ancient Persia*, 2nd edn (London: British Museum Press)

- Curtis, J. 1997 (ed.) *Mesopotamia and Iran in the Persian Period: Conquest and Imperialism* (London: British Museum Press)
- Curtis, J. and N. Tallis 2005 (eds) *Forgotten Empire: The World of Ancient Persia* (London: British Museum Press)
- Cuyler Young, T., Jr 1980 '480/79 BC — a Persian perspective' *Iranica Antiqua* 15: 213—39
- Cuyler Young, T., Jr 1988 'The early history of the Medes and the Persians and the Achaemenid Empire to the death of Cambyses' u 'The consolidation of the Empire and its limits of growth under Darius and Xerxes' в *Cambridge Ancient History vol. IV, 2nd edn* (Cambridge: Cambridge U.P.) 1—52, 53—111
- Dandamaev, M. A. 1989 *A Political History of the Achaemenid Empire* (Leiden: Brill)
- Dandamaev, M. A. 1994 'Media and Achaemenid Iran' в *Harmatta* (ed.) 1994: ch. 2
- Dascalakis, A. V. 1956 'Ho agôn tôn Thermopolôn: Hai Dunameis ton Hellenôn kai hê eifthunê iês Spartês' *Athena* 60: 17—68
- Dascalakis, A. V. 1957 'Peri ton agôna ton Thermopylôn. Hê apokhorêsis ton summakhôn kai hê thusia tou Leonida' *Platon* 9: 7—46
- David, E. 1992 'Sparta's social hair' *Eranos* 90: 11—21
- David, E. 2004 'Suicide in Spartan society' в *Figueira* (ed.) 2004: 25—46
- Davies, Anna 1981 'Lyric and Other Poetry' in M. I. Finley (ed.) *The Legacy of Greece. A New Appraisal* (Oxford: Oxford U.P.) 93—119
- Davies, M. 2004 'Simonides and the «Grateful Dead»' *Prometheus* 30.3: 275—81
- De Souza, P. 2003 *The Greek and Persian Wars 499—386 BC* (Wellingborough: Osprey)
- Derow, P. & Parker, R. 2003 (ped.) *Herodotus and his World* (Oxford: Oxford U.P.)
- Dewald, C 1981 'Women and culture in Herodotus' *Histories*' в H. Foley (ped.) *Reflections of Women in Antiquity* (New York: Gordon & Breach)
- Dilkry, J. 1996 'Reconfiguring the past: Thyrea, Thermopylae and narrative patterns in Herodotus' *American journal of Philology* 117: 17—54
- Drews, R. 1973 *The Greek Accounts of Eastern History* (Washington, DC: Center for Hellenic Studies)
- Ducat, J. 1990 *Les hilotes* (Bulletin de Correspondance Hellenique suppl. XX) (Paris: Les Belles Lettres)
- Ducat, J. 1998 'La femme de Sparte et la cité' *Ktema* 23: 385—406
- Ducat, J. 1999a 'La femme de Sparte et la guerre' *Pallas* 51: 159—71
- Ducat, J. 1999b 'La société spartiate et la guerre' в F. Prost (ed.) *Armies et sociétés de la Grèce antique. Aspects sociaux et politiques de la guerre aux Ve et IVe siècles avant J.-C.*, 35—50 (Paris: Errance)

- Dusinberre, E. R. M. 2003 *Aspects of Empire in Achaemenid Sardis* (Cambridge & New York: Cambridge U.P.)
- Ehrenberg, V. 1946 *Aspects of Antiquity* (Oxford: Oxford U.P.)
- Ehrenberg, V. 1974a 'East and West in Antiquity' в Ehrenberg Man, State and Deity. Essays in Ancient History (London: Methuen) 1—18
- Ehrenberg, V. 1974b 'Freedom — ideal and reality' в Ehrenberg Man, State and Deity. Essays in Ancient History (London: Methuen) 19—34
- Ellinger, P. 2002 'Artemis, Pan et Marathon. Mythe, polytheisme et evenement historique' в S. des Bouvrie (ed.) Myth and Symbol I. Symbolic Phenomena in Ancient Greek Culture (Bergen: Norwegian Institute at Athens) 313—32
- Ellinger, P. 2005 La Fin des Maux d'un Pausanias a l'Autre. Essai de mythologie e d'histoire (Paris: Les Belles Lettres)
- Evans, J. A. S. 1964 'The «final problem» at Thermopylae' *Greek, Roman and Byzantine Studies* 5: 231—7
- Evans, J. A. S. 1969 'Notes on Thermopylae and Artemision' *Historia* 18: 389—406
- Evans, J. A. S. 1976 'Herodotus and the Ionian Revolt' *Historia* 25: 31—7
- Fehling, D. 1989 Herodotus and His 'Sources'. Citation, Invention and Narrative Art. *ред. и пер. J. G. Howie* (Leeds: Leeds Latin Seminar (немецкий оригинал 1971))
- Figueira, T. J. 2004 (ред.) *Spartan Society* (Swansea: Classical Press of Wales)
- Fisher, N. R. E. 1992 *Hybris. A study in the Values of Honour and Shame* (Warminster: Aris & C Phillips)
- Fitzhardinge, L. F. 1980 *The Spartans* (London: Thames & Hudson)
- Flower, M. A. 1998 'Simonides, Ephorus and Herodotus on the Battle of Thermopylae' *Classical Quarterly* 48: 365—79
- Flower, M. A. & Marincola, J. (eds) 2002 *Herodotus Histories: Book IX* (Cambridge: Cambridge U.P.)
- Flusin, M. 1999 'Comment les Mèdes ont raconté leur histoire: l'épopée d'Arbacès et le Medikos Logos d'Herodote' *Ktema* 24: 135—46
- Fornara, C. W. 1983 *Archaic Times to the End of the Peloponnesian War*, 2nd edn (Cambridge: Cambridge U.P.)
- Forrest, W. G. 1968 *A History of Sparta 950—192 BC* (London: Hutchinson) (repr. Duckworth, 1980, с новым предисловием)
- Forrest, W. G. 1979 'Motivation in Herodotus: the case of the Ionian Revolt' *International History Review* 1: 311—22
- Forsdyke, S. 2001 'Athenian democratic ideology and Herodotus' *Histories' American Journal of Philology* 122: 333—62
- Forsdyke, S. 2002 'Herodotus on Greek history, c. 525—480' in Brill's Companion to Herodotus, ed. E. J. Bakker et al. (Leiden) 521—49

- Frankfort, H. 1970 'The art of Ancient Persia' in *The Art and Architecture of the Ancient Orient*, 4th impr. (Harmondsworth: Penguin) ch. 12
- Freeman, C. 1999 *The Greek Achievement* (Oxford: Oxford U.P.)
- French, D. H. 1998 'Pre- and early-Roman roads of Asia Minor' *Iran* 36: 15—43
- Frye, R. N. 1963 *The Heritage of Persia* (New York: World Publishing Co.)
- Frye, R. N. 1964 'The charisma of kingship in ancient Iran' *Iranica Antiqua* 4: 36—54
- Frye, R. N. 1984 *History of Ancient Iran* (Munich: Beck)
- Georges, P. 1986 'Saving Herodotus's phenomena. The oracles and events of 480' *Classical Antiquity* 5: 14—59
- Georges, P. 1994 *Barbarian Asia and the Greek Experience. From the Archaic Period to the Age of Xenophon* (Baltimore & London: Johns Hopkins U.P.)
- Georges, P. 2000 'Persian Ionia under Darius: the Revolt reconsidered' *Historia* 49: 1—39
- Gershevitch, I. 1985 (ред.) *The Cambridge History of Iran: The Median and Achaemenian Periods* (Cambridge: Cambridge U.P.)
- Ghirshman, R. 1971 'The classical age' in Ghirshman, R., Minorsky, V. & Sanghvi, W. *Persia. The Immortal Kingdom* (London: Orient Commerce Establishment) 20—97
- Godrej, P. J. & Punthakey Mistree, F. 2002 (ред.) *A Zoroastrian Tapestry* (Ahmedabad: Mapin)
- Golding, William 1965 'The Hot Gates' в *The Hot Gates and Other Occasional Pieces* (New York: Harcourt Brace Jovanovich) 13—20
- Gould, J. 1989 *Herodotus* (London: Weidenfeld & Nicolson)
- Graf, D. F. 1994 'The Persian Royal Road system' *Achaemenid History* 8: 167—89
- Grant, J. R. 1961 'Leonidas' last stand' *Phoenix* 15: 14—27
- Green, P. 1970/1996 *The Greco-Persian Wars*, новое изд. (California & London: University of California Press)
- Green, P. 1970/1996 *The Year of Salamis 480—479 BC* (London: Weidenfeld & Nicolson) = *The Greco-Persian Wars* (Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press)
- Green, P. 2006 *Diodorus Siculus, Book 11—1237.1 Greek History, 480—431 BC — the Alternative Version* (Austin, Tex.: University of Texas P.)
- Greenwood, E. & Irwin, E. готовится к изданию (ред.) *Reading Herodotus: The Logoi of Book V* (Cambridge: Cambridge U.P.)
- Grote, G. 1846—56 *History of Greece*, 12 vols (London: John Murray)
- Grundy, G. B. 1901 *The Great Persian War and Its Preliminaries: A Study of the Evidence, Literary and Topographical* (London: John Murray)

- Grundy, G. B. 1929 'Thermopylae' (лекция, 12 апр. 1912) в H. Lunn (ed.) *Aegean Civilizations* (London: Epworth Press) 201—17
- Hall, E. 1989 *Inventing the Barbarian. Greek Self-definition Through Tragedy* (Oxford: Oxford U.R)
- Hall, E. 1996 (ред.) *Aeschylus: Persians* (Warminster: Aris & Phillips)
- Hall, E. & Macintosh, F. 2005 *Greek Tragedy and the British Theatre 1660—1914* (Oxford: Oxford U.P)
- Hall, J. M. 1997 *Ethnic Identity in Greek Antiquity* (Cambridge: Cambridge U.P)
- Hall, J. M. 2002 *Hellenicity: Between Ethnicity and Culture* (Chicago: University of Chicago Press)
- Hallock, R. T. 1969 *Persepolis Fortification Tablets* (Chicago: University of Chicago Press)
- Hallock, R. T. 1972 *The Evidence of the Persepolis Tablets* (Cambridge: Cambridge U.P)
- Hammond, M. 1980 'A famous exemplum of Spartan toughness' *Classical Journal* 75: 97—109
- Hammond, N. 1988 'The Expedition of Xerxes' *Cambridge Ancient History [CAH] vol. IV, 2nd edn, Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525—479 BC* (Cambridge: Cambridge U.P) ch. 10, cmp. 546—63, с картой на стр. 556, рис. 46
- Hammond, N. 1996 'Sparta at Thermopylae' *Historia* 45: 1—20
- Hanson, V. D. 1998 *The Western Way of War. Infantry Battle in Classical Greece, новое изд.* (California & London: University of California Press)
- Hanson, V. D. 1999 *The Wars of the Ancient Greeks and Their Invention of Western Military Culture* (London: Cassell)
- Hanson, V. D. 2001 *Carnage and Culture. Landmark Battles in the Rise of Western Power* (New York: Doubleday)
- Harmatta, J. (ed.) 1994 *History of Civilizations of Central Asia II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 BC to AD 250* (Paris: UNESCO)
- Harrison, T. 2000a *Divinity and History: The Religion of Herodotus* (Oxford: Oxford U.P)
- Harrison, T. 2000b *The Emptiness of Asia. Aeschylus' Persians and the History of the Fifth Century* (London: Duckworth)
- Harrison, T. 'The Persian Invasions' in *Brill's Companion to Herodotus*, ed. E. J. Bakker at al. (ред.) (Leiden) 551—78
- Harrison, T. 2002 (ред.) *Creeks and Barbarians* (Edinburgh: Edinburgh U.P.)
- Hartog, F. 1988 *The Mirror of Herodotus. An Essay on the Interpretation of the Other* (Berkeley: University of California Press) (оригинальное фр. издание 1980, испр. 1991)
- Harvey, F. D. 1979 'Leonidas the regicide? Speculations on the death of

- Kleomenes I' в Arktouros. Fest. B.M.W. Knox (Berlin & New York: W de Gruyter) 253—60*
- Herodotus 1996 The Histories, trans. A. de Selincourt, rev. edn J. Marincola (London: Penguin)*
- Herodotus 2004 The Histories, trans. G. C Macaulay, rev. edn by D. Lateiner (New York: Barnes & Noble)*
- Herrenschmidt, C. 1996/2000 'Old Persian cuneiform: writing as cosmological ritual and text' в J. Bottero, C Herrenschmidt, & J.-P. Vernant Ancestor of the West: Writing, Reasoning and Religion in Mesopotamia, Elam and Greece (Chicago & London: University of Chicago Press) 108—25*
- Herzfeld, E. 1968 The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East (Wiesbaden: Franz Steiner)*
- Hignett, C. 1963 Xerxes' Invasion of Greece (Oxford: Oxford U.P.)*
- Hodkinson, S. 2000 Property and Wealth in Classical Sparta (London: Duckworth & Classical Press of Wales)*
- Hülkeskamp, K.-J. 2001 'Marathon — vom Monument zum Mythos' in D. Papenfuss and V. M. Strocka (ped.) Gab es das Griechischer Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. (Mainz: Philipp von Zabern) 329—53*
- Holland, Tom 2005 Persian Fire. The First World Empire and the Battle for the West (London: Little, Brown)*
- Hooker, J. T. 1980 The Ancient Spartans (London: Dent)*
- Hope Simpson, R. 1972 'Leonidas' decision' Phoenix 26: 1—11*
- Hornblower S. 2000 'Sticks, stones and Spartans: the sociology of Spartan violence in H. van Wees (ped.) War and Violence in Ancient Greece (London: Duckworth & Classical Press of Wales) 57—82*
- Hornblower S. 2001 'Greeks and Persians. West against East' в A. V. Hartmann & B. Heuser (ped.) War, Peace and World Orders in European History (London & New York: Routledge) 48—61*
- Hughes B. 2005 Helen of Troy: Goddess, Princess, Whore (London: Cape)*
- Hughes, H. 1944 (ed.) The Glory That Is Greece (London: Hutchinson)*
- Hunt, P. 1997 'Helots at the battle of Plataea' Historia 46: 129—44*
- Hunt, P. 1998 Slaves, Warfare and Ideology in the Greek Historians (Cambridge: Cambridge U.R)*
- Huxley, G. L. 1967 'The medism of Caryae' Greek, Roman and Byzantine Studies 8: 29—32*
- Karageorghis, V. & Taifacos, I. 2004 (eds) The World of Herodotus (Nicosia: A. G. Leventis Foundation)*
- Kebirc, R. B. 1997 Greek People, 2nd edn (Mountainview, Calif.: Mayfield)*
- Keeley, E. 1999 Inventing Paradise. The Greek Journey 1937—1947 (Farrar, Straus, Giroux: New York)*
- Kennell, N. M. 1995 The Gymnasium of Virtue. Education and Culture in*

- Ancient Sparta (*Chapel Hill & London: University of North Carolina Press*)
- Kent, R. G. 1953 *Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon, 2nd edn* (New Haven: Yale U.P.).
- Khan, H. A. 1993 (ed.) *The Birth of the European Identity* (Nottingham: Nottingham Classical Literature Studies 2)
- Konstan, D. 1987 'Persians, Greeks and empire' *Arethusa* 20: 59—73
- Kraft, J. C, Rapp, G. R., Szemler, G. J., Tziavos, C, and Kase, E. W. 1987 'The pass at Thermopylae' *Journal of Field Archaeology* 14: 181—98
- Krumeich, R. 1997 *Bildnisse Griechischer Herrscher und Staatsmänner im 5. Jahrhundert v. Chr.* (Munich: Biering & Brinkmann)
- Kuhrt, A. 1988 'Earth and Water' *Achaemenid History* 3: 87—99
- Kuhrt, A. 1995 *The Ancient Near East, c. 3000—330 BC, 2 vols* (London & New York: Routledge)
- Laroche L. 1971/1974 *Monuments of Civilization. The Middle East* (London: Cassell)
- Lateiner, D. 1989 *The Historical Method of Herodotus* (Toronto: University of Toronto Press)
- Lazenby, J. F. 1985 *The Spartan Army* (Warminster: Aris & Phillips)
- Lazenby, J. F. 1993 *The Defence of Greece, 490—479 BC* (Warminster: Aris & Phillips) 130—48
- London, J. E. 2005 *Soldiers and Ghosts. A History of Battle in Classical Antiquity* (New Haven & London: Yale U.P.)
- Lenfant, D. 2004 *Ctesias de Cnide, La Perse, L'Inde, Autres Fragments* (Paris: Les Belles Lettres)
- Levy, E. 1999 'La Sparte d'Herodote' *Ktema* 24: 125—34
- Lewis, D. M. 1977 *Sparta and Persia* (Leiden: Brill)
- Lewis, D. M. 1980 'Datis the Mede' *Journal of Hellenic Studies* 100: 194—5 (ø Lewis 1997: 342—4)
- Lewis, D. M. 1994 'The Persepolis tablets: speech, seal and script' ø A. K. Bowman & G. Woolf (eds) *Literacy and Power in the Ancient World* (Cambridge: Cambridge U.P.) 17—32
- Lewis, D. M. 1997 'Selected Papers in Greek and Near Eastern History', ed. P.J. Rhodes (Cambridge: Cambridge U.P.) chs 31 'The Persepolis Fortification Texts' (325—31) and 34 'Persians in Herodotus' (345—61)
- Llewellyn-Jones, L. 2002 'Eunuchs and the royal harem in Achaemenid Persia' ø S. Tougher (ed.) *Eunuchs in Antiquity and Beyond* (London: Duckworth) 19—49
- Lockhart, L. & Boyle, J. A. 1978 'The beginnings: the Achaemenids' ø Boyle (ed.) *Persia: History and Heritage* (London: Henry Melland) 17—23
- Loraux, N. 1995 'The Spartans' «beautiful death»' (1977) ø *The Experiences of Tiresias. The Feminine and the Greek Man* (Princeton & Chichester: Princeton University Press) 63—74

- Losemann, V. 1977 *Nationalsozialismus und Antike Studien zur Entwicklung des Faches Alte Geschichte 1933—1945* (Hamburg: Hoffmann & Campe)
- Loukonine, V. and Ivanov, A. 1996/2003 *Persian Art* (Sirocco: London)
- Luraghi, N. 2001 (ed.) *The Historian's Craft in the Age of Herodotus* (Oxford: Oxford U.P.)
- Luraghi, N. & Alcock, S.E. 2003 (eds) *Helots and Their Masters in Laconia and Messenia* (Cambridge, Mass.: Harvard U.P.)
- Macgregor Morris, I. 2000a 'The Age of Leonidas' (неопубликованная докторская диссертация, University of Manchester)
- Macgregor Morris, I. 2000b «To make a new Thermopylae»: *Hellenism, Greek liberation and the Battle of Thermopylae* *Greece & Rome* 47.2: 211—30
- Macgregor Morris, I. 2004 'The paradigm of democracy: Sparta in Enlightenment thought' in Figueira (ed.) 2004: 339—62
- Malkin, I. 2004 'Postcolonial concepts and ancient Greek colonization' *Modern Language Quarterly* 65.3: 341—64
- Malkin, I. 2001 (ed.) *Ancient Perceptions of Greek Ethnicity* (Cambridge, Mass.: Harvard U.P.)
- Manfredi, V. M. 2002 *Spartan* (London: Macmillan) (итальянский оригинал 1988)
- Marinatos, Sp. 1951 *Thermopylae. An Historical and Archaeological Guide* (Athens: Greek Archaeological Service)
- Marincola, J. 2001 'Herodotus' in *Greek Historians* (Greece & Rome New Surveys in the Classics 31: Oxford) 19—60
- Mikalsen, J. D. 2003 *Herodotus and Religion in the Persian Wars* (Durham, NC: University of North Carolina Press)
- Millender, E. G. 2002 'Athenian ideology and the empowered Spartan woman' в S. Hodkinson & A. Powell (eds) *Sparta. New Perspectives* (London: Duckworth & Classical Press of Wales) 355—91
- Millender, E. G. 2002a 'Herodotus and Spartan despotism' в A. Powell and S. Hodkinson (eds) *Sparta beyond the Mirage* (London: Duckworth & Classical Press of Wales) 1—62
- Millender, E. G. 2002b 'Nomos Despotes: Spartan obedience and Athenian lawfulness in fifth-century Greek thought', в E. Robinson and V. Gorman (eds) *Oikistes: Studies in Constitutions, Colonies, and Military Power in the Ancient World Offered in Honor of A. J. Graham* (Leiden: Brill) 33—59
- Miller, Frank u Lynn Varley 1998, 1999 300 (Milwaukie, Ore.: Dark Horse Books)
- Miller, M. C. 1997 *Athens and Persia in the Fifth Century BC. A Study in Receptivity* (Cambridge: Cambridge U.P.)

- Miller, W. I. 2000 *The Mystery of Courage* (Cambridge, Mass.: Harvard U.P.)
- Moles, J. L. 2002 'Herodotus and Athens' в Brill's Companion to Herodotus, ed. E. J. Bakker et al. (Leiden: Brill) 33—52
- Molyneux, J. H. 1992 Simonides. A Historical Study (Wauconda, Ill.: Bolchazy-Carducci)
- Momigliano, A. D. 1966 'The place of Herodotus in the history of historiography' (1958) в *ezo Studies in Historiography* (London: Weidenfeld & Nicolson) 127—42
- Momigliano, A. D. 1975. *Alien Wisdom. The Limits of Hellenization* (Cambridge: Cambridge U.P.)
- Montaigne, M. de 1991 *The Complete Essays*, ed. M. A. Screech (Harmondsworth: Penguin)
- Moorey, P. R. S. 1988 'The Persian Empire' Cambridge Ancient History plates to vol. IV: 1—94 (Cambridge: Cambridge U.P.)
- Moyer, I, S. 2002 'Herodotus and an Egyptian mirage: the genealogies of the Theban priests' *Journal of Hellenic Studies* 122: 70—90
- Munson, R. V. 1988 *Artemisia in Herodotus* *Classical Antiquity* 7: 91—106
- Munson, R. V. 1993 'Three aspects of Spartan kingship in Herodotus' в R. Rosen & J. Farrell (eds) *NOMODEIKTES*. Fest. M. Ostwald (Ann Arbor: University of Michigan Press) 39—54
- Munson, R. V. 2001 *Telling Wonders. Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus* (Ann Arbor: University of Michigan Press)
- Murray, O. 1987 'Herodotus and oral history' в Sancisi-Weerdenburg & Kuhrt (eds) vol. 2: 93—115 (в Luraghi ed. 2001: 314—25)
- Murray, O. 1988 'The Ionian Revolt' в Cambridge Ancient History vol. IV, 2nd edn: 461—90
- Nylander, C. 1970 *Ionians in Pasargadae*. Studies in Old Persian Architecture (Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis)
- Ober, J. 1990 'Xerxes of Persia and the Greek Wars: why the big battalions lost' в B. S. Strauss & J. Ober *The Anatomy of Error. Ancient Military Disasters and Their Lessons for Modern Strategists* (New York: St Martin's) 17—44
- Ollier, E. 1933—43 *Le mirage spartiate. Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque*, 2 vols (Paris: de Boccard) (в 1 vol. Chicago Ares Press, 1973)
- Olmstead, A. T. 1948 *History of the Persian Empire* (Chicago: University of Chicago Press)
- Osborne, R. G. 1996 *Greece in the Making 1200—479 BCE* (London: Methuen)

- Osborne, R. G. 2002 'Archaic Greek history' в Brill's Companion to Herodotus, E. I Bakker et al. (eds) (Leiden: Brill) 497—509
- Parker, R. 1989 'Spartan religion' в A. Powell (ed.) Classical Sparta: Techniques behind Her Success (London: Routledge) 142—72
- Pelling, C. B. R. 1997 'East is east and west is west — or are they? National stereotypes в Herodotus' *Histos* 1 (March) <http://www.dur.ac.uk/Classics/histos/1997/pelling.html>
- Petit, T. 1990 Satrapes et satrapies dans l'empire Achemenide de Cyrus le Grand a Xerxes Ier (Paris: Les Belles Lettres)
- Piccirilli, L. 1995 'L'ideale Spartano della morte eroica: crisi e trasformazione' *Annali della Scuola Normale di Pisa* 115: 525—41
- Pinelli, A. 2005 David (Milan: 5 Continents Editions)
- Podlecki, A. J. 1968 'Simonides: 480' *Historia* 17: 257—75
- Pope, M. 1975/1999 The Story of Decipherment. From Egyptian Hieroglyphic to Linear B, rev. edn (London: Thames & Hudson)
- Potts, D. T. 1999 The Archaeology of Elam. Formation and Transformation of an Ancient Iranian State (Cambridge: Cambridge U.P.)
- Powell, A. 1999 'Spartan women assertive in politics? Plutarch's *Lives of Agis and Kleomenes*' в S. Hodkinson & A. Powell (eds) Sparta. New Perspectives (London: Duckworth & Classical Press of Wales) 393—419
- Powell, A. 2004 The women of Sparta — and of other Greek cities — at war' в Figueira (ed.) 2004: 137—50
- Powell, A. 1989 (ed.) Classical Sparta: Techniques behind Her Success (London: Routledge)
- Powell, A. & Hodkinson, S. 1994 (eds) The Shadow of Sparta (Swansea: Classical Press of Wales)
- Powell, A. & Hodkinson, S. 2002 (eds) Sparta: Beyond the Mirage (Swansea: Classical Press of Wales)
- Pressfield, Steven 1999 Gates of Fire. An Epic Novel on the Battle of Thermopylae (London: Doubleday) (original US edn 1998)
- Pritchett, W. K. 1958 'New light on Thermopylae' *American Journal of Archaeology* 62: 203—13
- Pritchett, W. K. 1965 'The Battle of Thermopylae in 191' *Studies in Ancient Greek Topography* vol. 1 (Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press) 71—82
- Pritchett, W. K. 1971—91 The Greek State at War, 5 vols (California & London: University of California Press)
- Pritchett, W. K. 1982 'Herodotos and his critics on Thermopylae' *Studies in Ancient Greek Topography* vol. 4 (Berkeley, Los Angeles & London: University of California Press) 176—210

- Raaflaub, K. A. 1987 'Herodotus, political thought, and the meaning of history' *Arethusa* 20: 221—48
- Raaflaub, K. A. 2002 'Philosophy, science, politics: Herodotus and the intellectual trends of his time' в Bakker et al. (eds) 2002: 149—86
- Rankin, H. D. 1993 'Achilles and the Terrorist' *Multarum Artium Scientia*. Fest. R. Godfrey Tanner (*Prudentia suppl. vol.*) 182—9
- Rawson, E. 1969 *The Spartan Tradition in European Thought* (Oxford: Oxford U.P.) (с предисловием K. Thomas 1991)
- Ray, J. D. 2001 *Reflections of Osiris* (London: Profile)
- Rebenich, S. 2004 'From Thermopylae to Stalingrad: the myth of Leonidas in German historiography' в Figueira (ed.) 2004: 323—49
- Redfield, J. M. 1985 'Herodotus the tourist' *Classical Philology* 80: 97—118
- Richer, N. 1994 'Aspects des funérailles à Sparte' *Cahiers du Centre Glotz* 5: 51—96
- Robinson, A. 1995 *The Story of Writing* (London: Thames & c Hudson)
- Romey, K. M. & Rose, M. 2001 'Saga of the Persian Princess' *Archaeology* (Jan.-Feb.): 24—5
- Romm, J. S. 1998 *Herodotus* (New Haven: Yale U.P.)
- Romm, J. S. 2003 (ed.) *Herodotus on the War for Greek Freedom. Selections from the Histories*, пер. S. Shirley (Indianapolis, Ind.: Hackett)
- Rood, T. 1999 'Thucydides' *Persian Wars*' в C. S. Kraus (ed.) *The Limits of Historiography. Genre and Narrative in Ancient Historical Texts* (Leiden: Brill); 141—68
- Root, M. C. 1979 *The King and Kingship в Achaemenid Art Essays on the Creation of an Iconography of Empire* (Leiden: Brill)
- Root, M. C. 1985 'The Parthenon frieze and the Apadana reliefs at Persepolis: reassessing a programmatic relationship' *American Journal of Archaeology* 89: 103—20
- Ste Croix, G. E. M. de 2004 'Herodotus and King Cleomenes I of Sparta' в *езо Athenian Democratic Origins and Other Essays*, ed. D. Harvey & R. Parker (Oxford: Oxford U.P.) 421—40
- Sancisi-Weerdenburg, H. 1983 'Exit Atossa: images of women in Greek historiography on Persia' в A. Cameron & A. Kuhrt (eds) *Images of Women in Antiquity* (Routledge: London & New York) 20—33 (новое изд. 1993)
- Sancisi-Weerdenburg, H. 1989/2002 'The personality of Xerxes, King of Kings' 1989 в E. J. Bakker et al. (eds) *Brill's Companion to Herodotus* (Brill: Leiden) 579—90
- Sancisi-Weerdenburg, H. 1999 'The Persian kings and history' в (C. S. Kraus (ed.) *The Limits of Historiography. Genre and Narrative in Ancient Historical Texts* (Leiden: Brill) 91—112

- Sancisi-Weerdenburg, H. & Kuhrt, A. 1987—91 (eds) Achaemenid History, 6 vols (Brill: Leiden)*
- Sancisi-Weerdenburg, H. Kuhrt, A. & Root, M. C 1991 (eds) Achaemenid History, vol. 8 (Leiden: Schmandt-Bewarat, D, 1980 (ed.) Ancient Persia. The Art of an Empire (Malibu, Calif.: Getty Center)*
- Sealey, R. 1976 'The pit and the well: the Persian heralds of 491 BC' Classical Journal 72: 13—20*
- Sekunda, N. & Chew, S. 1992 The Persian Army 560—330 BC (Wellingborough: Osprey)*
- Sekunda, N. & Hook, R. 1998 The Spartan Army (Wellingborough: Osprey)*
- Sekunda, N. & Warry, J. 1998 Alexander the Great. His Armies and Campaigns 334—323 BC (Wellingborough: Osprey)*
- Sherwin-White, S. M. 1978 'Hand-tokens and Achaemenid practice' Iran 16—183*
- Stahl, H.-P. 1975 'Learning through suffering? Croesus' conversations in the History of Herodotus' Yale Classical Studies 24: 1—36*
- Starr, C G. 1962/1979 'Why did the Greeks defeat the Persians?' & Essays on Ancient History, ed. A. Ferrill and T. Kelly (Leiden: Brill) 193—204*
- Stolper, M. W. 1985 Entrepreneurs and Empire: the Murashu Archive, the Murashu Firm and Persian Rule in Babylonia (Istanbul: Netherlands Historical-Archaeological Institute)*
- Strauss, B. S. 2004a Salamis. The Greatest Naval Battle of the Ancient World, 480 BC (New York: Simon & Schuster)*
- Strauss, B. S. 2004b 'Thermopylae. Death of a king, birth of a legend' Military History Quarterly (autumn): 17—25*
- Stronach, D. 1978 Pasargadae (Oxford: Oxford U.P.)*
- Stronk, J. 1990—1 'Sparta and Persia' Talanta 22—3: 117—36*
- Szemler, G., Cherf, W. & Kraft, J. 1996 Thermopylai. Myth and Reality in 480 BC (Chicago: Ares)*
- Talbert, R. 2005 (ed. and trans.) Plutarch on Sparta, 2nd edn (London: Penguin)*
- Thomas, R. 2000 Herodotus in Context. Ethnography, Science and the Art of Persuasion (Cambridge: Cambridge U.P.)*
- Thomson, J. A. K, 1921 'Keeping the pass' & Greeks and Barbarians (London: Allen & Unwin) 32—44*
- Tigerstedt, E. N. 1965, 1974, 1978 The Legend of Sparta in Classical Antiquity, 2 vols + index vol. (Stockholm etc: Almqvist & Wiksell)*
- Tod, M. N. 1944 'Retrospect' в H. Hughes (ed.) The Glory That Is Greece (London: Hutchinson) 146—50*
- Toher, M. 1999 'On the Eidolon of a Spartan king' Rheinisches Museum für Philologie 142: 113—27*
- Tuplin, C. J. 1987 'The administration of the Achaemenid Empire'. B I.*

- Carradice (ed.) Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires (Oxford: British Archaeological Reports 334) 109—66*
- Tuplin, C. J. 1998 'The seasonal migration of Achaemenid kings: a report on old and new evidence' в M. Brosius and A. Kuhrt (eds) Achaemenid History XI Studies in Persian History. Essays in Memory of David M. Lewis (Leiden: Brill) 63—114*
- Tuplin, C. J. 2003 'Xerxes' march from Doriscus to Therme' Historia 52: 385—409*
- Van Wees H. 2004 Greek Warfare. Myths and Realities (London: Duckworth)*
- Wallace, P. W. 1980 'The Anopaia path at Thermopylae' American Journal of Archaeology 84: 115—23*
- Walser, G. 1984 Hellas und Iran: Studien zu den griechisch-persischen Beziehungen vor Alexander (Darmstadt: Wissenschaftliches Buchgesellschaft)*
- Waters, K. H. 1971 Herodotus on Tyrants and Despots: A Study in Objectivity (Wiesbaden: Steiner)*
- Welwei, K.-W. 2004 Sparta. Aufstieg und Niedergang einer antiken Grossmacht (Stuttgart: Klett-Cotta)*
- West, M. L. 1997 The East Face of Helicon (Oxford: Oxford U.P.)*
- Whatley, N. 1964 'On the possibility of reconstructing Marathon and other ancient battles' Journal of Hellenic Studies 84: 119—39*
- Wheeler, Mortimer 1968 Flames over Persepolis. Turning-point in History (New York: Reynal & Co.)*
- Whitby, M. 2001 (ed.) Sparta (Edinburgh: Edinburgh U.P.)*
- Wiesehüfer, J. 1994/2001 Das antike Persien. Von 550 v. Chr. bis 650 n. Chr. (Munich & Zurich: Artemis), англ. пер. Ancient Persia from 550 BC to AD 650 (London & New York: I. B. Tauris)*
- Winkler, M. 2000 'Dulce et decorum est pro patria mori? Classical literature in the war film' International Journal of the Classical Tradition 7.2: 177—214*

VIDEOS AND WEBSITES

The Greek and Persian Wars, *Cromwell Productions Ltd*, www.cromwelledu.com

'Decisive Battles' — Thermopylae, *Paradine Productions*

<http://uts.cc.utexas.edu/sparta/topics/300.htm>

<http://www.aint-it-cool.com/display.cgi?id=4969>

<http://www.night-flight.com/fmiller300.html> (комикс)

<http://www.encyclopedia.eom/html/T/Thermopy.asp>

<http://www.rhul.ac.uk/Classics/NJL/novels.html> (перечень д-ра N. J. Lowe 'Ancient Greece in Fiction') стр. 6—7: рассказы и повести о Греко-персидских войнах

<http://www.csun.edu/hcfl1004/sparta.html> (Prof. J. P. Adams)

<http://playlab.uconn.edu/pylae22k.htm> (Prof. A. Yiannakis's expedition to determine Anopaea route)

СОДЕРЖАНИЕ

СПАРТАНЦЫ

Предисловие и благодарности	9
Хронология (все даты указаны до н.э.; все даты до 525 г. и некоторые более поздние указаны приблизительно)	12
Вступление.	16

Часть I

«ПОВЕДАЙ, О ПУТНИК, СПАРТАНЦАМ!»

1. ПОД ЗНАКОМ ЛИКУРГА	38
ЕЛЕНА	39
ЛИКУРГ	49
2. СПАРТА в 500 г. до н.э.	62
КЛЕОМЕН I (520—490 гг.)	75
ЦАРЬ ДЕМАРАТ (515—491 гг.)	83
3. ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ 490—479 г. до н.э.	92
ГОРГО	101
ДЕИНЕК	108
РЕГЕНТ ПАВСАНИЙ	111

Часть II

СПАРТАНСКИЙ МИФ

4. «50-ЛЕТНИЙ ПЕРИОД» 478—432 гг. до н.э.	119
ТИСАМЕН	122
ЦАРЬ АРХИДАМ II (469—427 гг.)	133

5. ЖЕНЩИНЫ И РЕЛИГИЯ	139
6. АФИНСКАЯ ВОЙНА 432—404 гг. до н.э.	152
БРАСИД	155
ЛИСАНДР	166

Часть III

ХРОМОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ

7. СПАРТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ 404—371 до н.э.	175
КИНИСКА	178
АНТАЛКИД	184
8. УПАДОК И ЗАКАТ 371—331 г. до н.э.	192
АРХИДАМ III	195
ИСАД	199
9. ВОЗРОЖДЕНИЕ И ВОССОЗДАНИЕ	202
АРЕЙ I	203
НАБИС	212
10. НАСЛЕДИЕ: ЛЕОНИД ЖИВ!	219
Приложение. ОХОТА В СПАРТАНСКОМ СТИЛЕ	232
Избранная библиография	241
Предоставленные карты и иллюстрации	248
Карты	248

ФЕРМОПИЛЫ

Битва, изменившая ход истории

Предисловие	251
Благодарности	257
Хронология (все даты до н.э., если не оговорено иначе; многие приблизительные, особенно до 500 г.)	260
Генеалогическое древо царской династии Ахеменидов	265
Пролог. ПОДГОТОВКА ТРАГЕДИИ	276
1. ДРЕВНИЙ МИР В 500 ГОДУ ДО Р.Х. ОТ ИНДИИ ДО ЭГЕЙСКОГО МОРЯ	287

2. ДИНАМИКА ИМПЕРИИ: ПЕРСИЯ ПРИ АХЕМЕНИДАХ ..	298
3. ЭЛЛАДА: ЭЛЛИНСКИЙ МИР В 485 ГОДУ ..	312
4. СПАРТА В 485-м: УНИКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО ..	323
5. ФЕРМОПИЛЫ I: МОБИЛИЗАЦИЯ ..	343
6. ФЕРМОПИЛЫ II: ПОДГОТОВКА К БИТВЕ ..	374
7. ФЕРМОПИЛЫ III: БИТВА ..	389
8. ФЕРМОПИЛЫ. ЛЕГЕНДА I: АНТИЧНОСТЬ ..	399
9. ФЕРМОПИЛЫ. ЛЕГЕНДА II: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ ..	418
Эпилог. ФЕРМОПИЛЫ: ПОВОРОТНАЯ ТОЧКА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ.	436
Приложения	
Приложение 1. ИЗОБРЕТЕНИЕ ИСТОРИИ: ГЕРОДОТ И ДРУГИЕ ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ ..	449
Приложение 2. СМОТР ПЕРСИДСКИХ ВОЙСК ГЕРОДОТА: ПЕРЕВОД ..	465
НАЗЕМНАЯ АРМИЯ (7.61.—88) ..	465
ФЛОТ (89—99).	471
Приложение 3. ГЕРОДОТ КАК ПРОТИВОЯДИЕ ОТ ФУНДАМЕНТАЛИЗМА ..	473
Глоссарий ..	486
Библиография ..	493
Книги, статьи, комментарии, издания ..	505
Videos and Websites ..	521

Научно-популярное издание

Пол Картледж

СПАРТАНЦЫ

Герои, изменившие ход истории

ФЕРМОПИЛЫ

Битва, изменившая ход истории

Ответственный редактор *А. Ефремов*

Научный редактор *А. Ефремов*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *А. Щербакова*

Корректор *Е. Чеплакова*

В оформлении использованы фото John Hios / AKG / FOTOLINK

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 01.10.2009.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Бумага офс. Усл. печ. л. 33,0.

Тираж 4000 экз. Заказ № 10949.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов

в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kancs@eksmo-sale.ru, сайт: www.kancs-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Спартанцы были уникальным в истории военизированным обществом граждан-воинов и прославились своим чувством долга, готовностью к самопожертвованию и исключительной стойкостью в бою. Их отвага и немногословность сделали их героями бес смертных преданий.

В книге, написанной одним из ведущих специалистов по истории Спарты, британским историком Полом Картледжем, показаны становление, расцвет и упадок спартанского общества и то огромное влияние, которое спартанцы оказали не только на античные времена, но и на наше время. На страницах книги оживают такие исторические фигуры, как Ликург и герой Фермопил царь Леонид.

Автор сумел доказать, что спартанские женщины играли очень важную и яркую роль и имели большое влияние в этом, казалось бы, чисто мужском сообществе.

Мы включили в наше издание также и книгу Пола Картледжа, посвященную легендарному сражению при Фермопилах. На этом поле знаменитой битвы героические усилия горстки греческих воинов на века изменили представления сотен поколений о долге гражданина и солдата.

Битва при Фермопилах стала столкновением цивилизаций и поворотным пунктом мировой истории, навсегда определившим самобытность западного мира.

ISBN 978-5-699-37971-2

9 785699 379712 >